А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ.

ЭМПИРИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

РУССКАГО СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ

(СЪ АТЛАСОМЪ).

«Начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времене, а не по замышленію Бояню».
Слово о полку Игоревѣ.

Изданіе журнала „Русская Мысль".

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1896

А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ.

ЭМПИРИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

РУССКАГО СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ

(СЪ АТЛАСОМЪ).

«Начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времене, а не по замышленію Бояню».

Слово о полку Игоревѣ.

Изданіе журнала „Русская Мысль“.

МОСКВА

ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1896

(1263)

„Начати же ся той пѣсни
по былинамъ сего времене,
а не по замышленію Бояню“.

Слово о полку Игоревѣ.

Чрезвычайная серіозность переживаемаго нами періода русской юридической жизни вполнѣ характеризуется выраженіемъ: за русскій судъ страшно, именно – за судъ вообще, а не только за судъ присяжныхъ. Дореформенная келейная расправа стала превращаться въ дѣйствительный судъ только съ момента учрежденія присяжныхъ и притомъ въ зависимости отъ введенія этого освѣжающаго элемента. Нельзя забыть этого факта нашей судебной исторіи.

Итакъ въ настоящее время на каждомъ русскомъ судебномъ дѣятелѣ лежитъ великая нравственная обязанность не только внести свой посильный трудъ на пользу общую, но и дать то, что представляется ему настоящей правдой о русскомъ судѣ присяжныхъ.

Рѣчь идетъ о здоровьи, о жизни кореннаго по своему значенію института; нужнà, слѣдовательно, правда рѣзкая, неприкрытая, будь она добрая или злая; надо писать объ этомъ судѣ «по былинамъ сего времене, а не по замышленію Бояню».

Всякая тенденція, принижающая дѣйствующій судъ присяжныхъ или идеализирующая его—вреднà и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи: густыя испаренія болотъ и ароматныя облакà курильницъ одинаково застилаютъ зрѣніе и мѣшаютъ свободно дышать.

Отыскиванiе правды требуетъ долгаго и упорнаго труда; легко набросать «взглядъ и нѣчто» и очень трудно собрать и научно обработать сырой матерiалъ сколько-нибудь достаточнаго объема.

Удачно или неудачно исполнена моя многолѣтняя работа судить не мнѣ; извиненiемъ весьма вѣроятныхъ промаховъ и прямыхъ ошибокъ какъ въ содержанiи книги, такъ и въ прiемахъ изслѣдованiя должны служить мнѣ новизна методовъ, въ большинствѣ случаевъ впервые примѣненныхъ въ юридическомъ изслѣдованiи, а также громоздкость и сложность собраннаго мною матерiала

Мною прослушано по предварительномъ изученiи письменнаго производства и записано 716 процессовъ и анализировано 1508 постановленныхъ по нимъ вердиктовъ; изъ общаго числа 84 таблицъ и дiаграммъ, новыхъ по компановкѣ и содержанiю—одна Сводная таблица (XIII), въ которой отведено по строкѣ на приговоръ, включаетъ свыше 230 тысячъ клѣтокъ: надъ каждой изъ этихъ послѣднихъ приходилось задумываться; на выработку рубрикъ Сводной таблицы (заголовка) ушло около двухъ мѣсяцевъ, а на составленiе самой таблицы затрачено около двухъ лѣтъ. Необходимость торопиться съ выпускомъ книги заставила спѣшно и усиленно работать, почему окончательный текстъ книги написанъ въ короткiй десятимѣсячный срокъ

Вотъ смягчающiя мои очень вѣроятныя вины обстоятельства.

Мужество, необходимое для выполненiя давно задуманнаго дѣла, поддерживала во мнѣ святая ненависть къ тому набору нарядныхъ общихъ мѣстъ и крикливыхъ тирадъ, которымъ дарятъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ необходимый намъ, какъ свѣтъ и воздухъ, институтъ вмѣсто нужной ему самому, какъ свѣтъ и воздухъ, правды.

1 iюня 1896 года.

Авторъ.

Введеніе

> Есть основаніе признать за судомъ присяжныхъ каждой отдѣльной страны свойственный ей особый характеръ, а потому и нельзя говорить вообще о судѣ присяжныхъ, а нужно говорить о судѣ англійскомъ, французскомъ, бельгійскомъ и т. д.
>
> *К. Миттермайеръ.*

Въ первые же годы дѣятельности нашего новаго суда появилось выпусками въ русскомъ переводѣ замѣчательное сочиненіе профессора Миттермайера: „Европейскіе и американскіе суды присяжныхъ“. Поражающее богатство наблюденій, умная осторожность выводовъ и научная объективность заключеній сдѣлали то, что сочиненіе это и до настоящаго времени не утратило своего значенія. Дѣйствительно, если внимательно прислушаться и присмотрѣться ко всему, что съ тѣхъ поръ говорилось и печаталось въ Россіи, повторяется нынѣ и издается по вопросу о судѣ присяжныхъ, то нельзя не замѣтить, что всякій принципіальный доводъ pro или contra, иногда кажущійся новымъ, уже былъ въ виду великаго поборника этой формы суда.

Такое на первый взглядъ странное явленіе становится понятнымъ, если вспомнить, что у насъ, какъ въ общей печати, такъ въ монографіяхъ и въ курсахъ уголовной процедуры, при крайней скудости наблюденій надъ русскимъ судомъ и даже главнымъ образомъ вслѣдствіе этой скудости, судъ при-

сяжныхъ постоянно затрогивается преимущественно съ принципіальной точки зрѣнія, слѣдовательно, по необходимости варьируются все тѣже мотивы Миттермайера. Вся разница въ томъ, что полныя содержанія и жизни заключенія послѣдняго въ устахъ эпигоновъ все болѣе вывѣтриваются и, превращаясь въ безсодержательныя формулы, производятъ леденящее впечатлѣніе общихъ мѣстъ. Это явленіе въ значительной степени слѣдуетъ приписать также воинствующему отношенію къ вопросу о судѣ присяжныхъ русскихъ людей—какъ науки и публицистики, такъ и юристовъ-практиковъ, служащихъ и неслужащихъ. Такое направленіе привилось къ большинству этихъ дѣятелей безразлично, являются ли они противниками или защитниками этой формы суда; поэтому я намѣренно устраняю полемическіе элементы изъ моего изслѣдованія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ горячкѣ спора или даже при расчитанно-спокойномъ проведеніи въ жизнь излюбленныхъ принципіальныхъ взглядовъ—одинаково невыгодно, непрактично останавливаться на копотливой работѣ изученія дѣйствительности; гораздо легче выхватывать для защиты или нападенія первое попавшее подъ руку оружіе изъ богатаго стараго арсенала, не заботясь о томъ, по рукѣ ли оно и для той ли цѣли изготовлено; пусть при этомъ затемняется истинное значеніе поддерживаемой или опрокидываемой формы суда, — что до этого! Важно торжество, хотя бы временное, даннаго лозунга.

Да и гдѣ у насъ запросы на научную правду?

У насъ радикализмъ характеризуетъ большинство и въ реакціонномъ, и въ ultra-либеральномъ лагерѣ, а давно установлено, что радикализмъ и поспѣшность сужденій прямо пропорціональны легковѣсности и скудости знаній. Миттермайеръ очень бы удивился, увидѣвъ въ иномъ русскомъ курсѣ уголовнаго судопроизводства свои общіе выводы о „сущности, зна-

ченіи и достоинствѣ суда присяжныхъ" [1]) изложенными безъ многочисленныхъ оговорокъ которыми эти выводы, будучи все таки въ пользу этой формы суда, въ такомъ изобиліи снабжены въ его книгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и учащемуся юношеству—не говоря уже о томъ, что общество и печать судятъ въ значительной степени по даннымъ тѣхъ же учебниковъ—важно знать рядъ „условій (sine qua non) успѣшной дѣятельности суда присяжныхъ" [2]); только тогда настоящая оцѣнка русскаго суда присяжныхъ, какъ особаго института, была бы такъ полна и основательна въ русскомъ общественномъ мнѣніи, какъ оцѣнка суда присяжныхъ вообще законченно изложена въ § XVII названной книги [3]) Миттермайеромъ, этимъ крестнымъ отцомъ изслѣдуемой формы суда. Мы же осуждены пока присутствовать при надоѣвшемъ всѣмъ по своей безсодержательности перебрасываніи изъ одного враждующаго лагеря въ другой устарѣвшихъ и притупившихся доводовъ принципіальнаго характера. Главное зло, какъ слѣдствіе этого явленія, заключается въ томъ, что въ органахъ нашей періодической печати нѣтъ удобной почвы для объективнаго изслѣдованія *русскаго* суда присяжныхъ, а отдѣльныя попытки, дѣлаемыя въ этомъ направленіи въ монографіяхъ, встрѣчаются гамомъ и свистомъ тѣхъ, кому не по душѣ приходятся новые жизненно-правдивые выводы.

Получается странное положеніе дѣла: можно подумать, что неповинный въ существующей враждѣ лагерей добросовѣстный изслѣдователь, выступившій печатно съ болѣе или менѣе обработаннымъ и обдуманнымъ и во всякомъ случаѣ bona fide высказываемымъ мнѣніемъ—является нарушителемъ общественнаго спокойствія и тишины; какъ

---

1) Евр. и ам. суд. прис , 503—523. Москва 1871. В. II.

2) l. c. 563—581.

3) l. c. 523—563.

въ мольеровской комедіи, его посредничество встрѣчаютъ непріязненно оба враждующіе супруга.

Да и само по себѣ всякое посредничество, при отсутствіи въ печати достаточнаго числа обработанныхъ наблюденій, не можетъ быть пока плодотворно.

Вотъ почему въ настоящей работѣ я совершенно обойду безплодный по существу вопросъ о нападкахъ на судъ присяжныхъ, и о защитѣ его въ нашей печати, а только напомню характеристику этого явленія сдѣланную однимъ изъ нашихъ уважаемыхъ юристовъ.

Въ рефератѣ, прочитанномъ 25 октября 1880 года въ СПБ. юридическомъ обществѣ. А. Ф. Кони такъ характеризовалъ эту „партизанскую войну“: люди, болѣе всего вредящіе ходу судебной реформы, представляютъ по мнѣнію, почтеннаго референта два типа: а) людей, готовыхъ съ легкимъ сердцемъ перекраивать Уставы вдоль и поперегъ, и б) ортодоксовъ, защищающихъ съ буквоѣдствомъ каждую черточку и запятую въ Уставѣ съ упорнымъ невниманіемъ къ его духу; нападки, которымъ вездѣ подвергался институтъ присяжныхъ двоякаго рода: возникающіе спорадически по отдѣльнымъ случаямъ и хроническіе, такъ сказать, по цѣлымъ разрядамъ однородныхъ дѣлъ, дающихъ оправдательные приговоры при доказанности преступленія.

Останавливаясь на изученіи послѣднихъ, А. Ф. Кони совершенно правильно не придавалъ значенія первымъ, которые „сводятся къ толкамъ лицъ, не изучавшихъ дѣла съ присяжными, а судящихъ по отрывочнымъ слухамъ и напередъ составившимся представленіямъ, основаннымъ на неполныхъ данныхъ“. Оцѣнка эта до такой степени вѣрна, что черезъ шесть лѣтъ, въ періодъ самыхъ горячихъ нападокъ на судъ присяжныхъ, мы видимъ и у противниковъ, и у защитниковъ этого суда одинаково безсодержательные и расчитанные на эффекты доводы и соображенія. Таково было

газетное въ особенности отношеніе напр. къ вердикту по Керченскому дѣлу, еще до появленія въ печати судебнаго отчета.

Печатаніе полныхъ судебныхъ отчетовъ и внимательный ихъ анализъ уже давно признаются излишними; газетные отчеты о процессахъ представлялись сколько нибудь полными только въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ (напр. въ Суд. вѣстникѣ), а затѣмъ мало по малу переродились въ крайне сокращенныя, хотя и стенографическаго вида и происхожденія, замѣтки и даже въ простыя корреспонденціи съ присущимъ послѣднимъ тенденціознымъ оттѣнкомъ.

Отмѣченное выше явленіе наблюдается и до сихъ поръ въ области періодической печати. Новыя брошюры и статьи, авторы которыхъ, содѣйствуя предпринятымъ въ Министерствѣ Юстиціи преобразовательнымъ работамъ, излагали свои наблюденія и выводы, тотчасъ подвергались слишкомъ горячей и, слѣдовательно, несправедливой оцѣнкѣ со стороны представителей того или другаго лагеря [1]). За границей судъ присяжныхъ также служитъ яблокомъ раздора, вызывая ожесточенныя нападки—въ смыслѣ упрековъ въ слабости—со стороны не только отдѣльныхъ лицъ, но и юридическихъ школъ, напр. Италіанской—антропологической. Но тамъ въ основѣ этой критики лежатъ не только богатыя наблюденія, но и создавшая новыя направленія научная мысль.

Чрезвычайно интересны пренія, происходившія на XVIII съѣздѣ юристовъ въ Висбаденѣ въ сентябрѣ 1886 года по вопросу о желательности участія народа при разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ; на этотъ съѣздъ указываютъ обыкновенно,

---

[1]) О судѣ присяжныхъ В. Ф. Дейтрихъ. Судъ присяжныхъ Гогеля и др. Русск. Вѣд. №№ 194, 198 и сл. за 1895 г. Моск. Вѣд. 1895 г. №№ 211, 269, 276. Эпизодъ о напечатанной г. ф. Резономъ статьѣ о присяжныхъ въ мартовской книгѣ Русск. Вѣстн. за 1886 г. и оцѣнка его въ хроникѣ (Іюль 1886 г. стр. 171). Журн. Гр. и Уг. права, коего онъ былъ и оставался сотрудникомъ.

какъ на доказательство, что судъ присяжныхъ давно забракованъ въ Германіи. Ближайшее знакомство съ преніями и резолюціями опровергаетъ такое заключеніе, но нельзя не замѣтить, что о судѣ шеффеновъ высказывались на этомъ съѣздѣ мнѣнія болѣе благопріятныя, чѣмъ о судѣ присяжныхъ. Тѣмъ не менѣе проф. Гнейстъ, Рубо и другіе, возражавшіе Гиллеру, поддерживавшему заключеніе отдѣленія о выраженіи недовѣрія суду присяжныхъ—доказывали, что для этого нѣтъ положительныхъ данныхъ, что противъ присяжныхъ имѣются только общія впечатлѣнія и разсужденія, а за нихъ—искреннее народное убѣжденіе.

Принимая во вниманіе, что для отрицательнаго заключенія о судѣ присяжныхъ слишкомъ мало наблюденій, общее собраніе съѣзда высказалось однако за необходимость реформъ въ этомъ судѣ [1]).

Во время преній проф. Гнейстъ, напомнивъ о проэктѣ, выработанномъ еще въ 70-хъ годахъ Леонгардтомъ, признавалъ желательнымъ, чтобы рѣшенія постановлялись присяжными сообща съ судьями и только въ случаѣ разномыслія вопросъ о виновности рѣшался бы присяжными отдѣльно, а затѣмъ судьи опредѣляли бы также отдѣльно наказаніе [2]). Проэктъ этотъ очень близокъ къ предложенію В. Ф. Дейтриха [3]), который тутъ-же предугадалъ, какъ возможное возраженіе, что такой порядокъ можетъ привести къ упраздненію суда присяжныхъ (стр. 20). Не касаясь по существу этого вопроса, я считаю не лишнимъ указать, что Гнейстъ, высказавшійся за такую форму суда въ 1886 году дѣйствительно уже въ 1893 году въ Аугсбургѣ на XXII Съѣздѣ окон-

---

[1]) Юрид. Вѣстн. Окт. 1886 г, стр. 407 и Журн. Уг. и Гр. Права. Апрѣль 1887 г. 178.

[2]) Ibid., 174.

[3]) О Судѣ Прис. 1895, стр. 19 и 21.

чательно перешелъ въ лагерь противниковъ суда присяжныхъ [1]).

Если бы оцѣнка института присяжныхъ засѣдателей, независимо отъ времени и мѣста дѣйствія этого суда, могла имѣть какое либо практическое значеніе, то, разумѣется, было бы „отъ чего въ отчаянье прійти“ фанатикамъ Уставовъ; дѣйствительно, упорная борьба института шеффеновъ съ институтомъ присяжныхъ въ континентальной Европѣ, начавшаяся еще въ пятидесятыхъ годахъ [2]), и понынѣ продолжается, причемъ движеніе въ пользу шеффеновъ, разъ начавшееся, все растетъ, захватывая не только Германію, но и Францію [3]); не только на континентѣ замѣчается стремленіе къ постепенному (постоянному или временному) сокращенію объема юрисдикціи присяжныхъ [4]), но даже въ Англіи [5]).

Принципіальныя нападки на институтъ встрѣчаются повсемѣстно въ періодической общей и спеціальной литературѣ, на съѣздахъ криминалистовъ и тюрьмовѣдовъ [6]). Въ статьѣ „La répression en matière penale“, помѣщенной въ Nouvelle revue (1 и 15 апр. 1892 года), опытный судебный дѣятель Alexandre Bérard жалуется на то, что судьи и присяжные проявляютъ чрезмѣрную слабость: „давно, говоритъ онъ, всѣ, кто занимались уголовными вопросами, признали, насколько плачевна слабость присяжныхъ по отношенію къ репрессіи (р. 501). Изслѣдуя причины этого, онъ называетъ присяжныхъ „людьми, неизбѣжно неопытными и подверженными всѣмъ увлеченіямъ толпы“; „присяжныхъ,

---

1) Ж. М. Ю. Янв. 1895 г., стр. 118.
2) Миттерм. l. c. 586. Глазеръ, Руководство. Кн. I. 213.
3) Жур. Гр. и Уг. права, Ноябрь 1882 г. Суд. Реф. во Франціи 145.
4) Ibid. 1886 г. Май. Статья Резона. 81.
5) Ibid. 1887 г. Май. Иностр. Юрид. Хроника. 207.
6) Суд. прис. Гогеля. 3. Журн. М. Ю. 1895 г. Янв. 117 и слѣд.

говоритъ онъ, несмотря на ихъ вниманіе, усердіе и добросовѣстность, легко обмануть хитросплетенною ложью или болѣе или менѣе правдоподобной аргументаціей (502 и 503).

Строя свои выводы на рядѣ статистическихъ изслѣдованій съ 1826 года, Bérard приходитъ, впрочемъ, къ заключенію, что слабость репрессіи — знаменіе времени во всякихъ судахъ и у всякихъ судей.

Обыкновенно цитируемый Tarde въ Philosophie penale (Paris 1890 г.) не знаетъ такихъ смягченій и прямо заявляетъ, что „звѣрская глупость пытки замѣнилась суевѣріемъ, оптимистической вѣрой въ непогрѣшимость присяжныхъ“ (427).

Путемъ пессимистическихъ сопоставленій онъ приходитъ къ заключенію, что присяжные, явившіеся первоначально на родинѣ своей въ Англіи, какъ одинъ изъ видовъ судебныхъ доказательствъ, замѣнили собой судебный поединокъ, ордаліи; къ послѣднимъ онъ поэтому и приравниваетъ судъ присяжныхъ. (L'équivalence des ordalies et du jury est attestée par là [1]).

Общій очеркъ и образцы отношенія къ суду присяжныхъ въ Западной Европѣ приведены мною только, какъ аргументъ въ пользу необходимости приступить наконецъ къ изученію русскаго суда присяжныхъ — изученію научному, основанному на наблюденіяхъ, производимыхъ при научныхъ условіяхъ—записью, мѣрою, взвѣшиваніемъ;—только такое изученіе избавитъ насъ отъ повторенія общихъ мѣстъ, отъ заглядыванія въ устарѣвшіе или слишкомъ отвлеченные учебники, позволитъ намъ составить свое собственное мнѣніе о нашемъ присяжномъ судѣ, дѣйствующемъ по нашему Уставу: вѣдь уставъ этотъ составленъ по соображеніи условій дѣя-

---

[1]) Ср. Очеркъ Происх. и истор. разв. Суда прис. Кенигсона. Витебскъ. 1871, стр. 74. Угол. Право Англіи. Стифенъ, 22 и 30. (перев. г. Спасовича).

тельности существовавшихъ уже въ Европѣ судовъ присяжныхъ и примѣненъ къ совершенно своеобразнымъ (по сравненію съ Европою) жизненнымъ условіямъ.

Такія оговорки не новость: вѣдь нельзя забыть существующаго въ литературѣ (Іерингъ) мнѣнія, что судъ присяжныхъ годенъ только въ извѣстные историческіе моменты. Ввиду тѣсной связи всякаго суда съ извѣстнымъ уровнемъ общественнаго развитія всѣ высказанныя соображенія позволяютъ намъ относиться спокойно къ несовершенствамъ, встрѣчающимся въ дѣятельности суда присяжныхъ внѣ Россіи, такъ какъ у насъ, повторяю, другія условія быта и значительно разнящійся уставъ уголовнаго судопроизводства.

Вѣдь еще Миттермайеръ установилъ, какъ я упоминалъ выше, рядъ невыгодныхъ условій напр. во французской системѣ, при которой судъ присяжныхъ не можетъ функціонировать правильно; между тѣмъ у насъ не только законъ, но и практика во многомъ и притомъ въ существенномъ отличается отъ французскаго образца.

Итакъ займемся русскимъ судомъ присяжныхъ, оставивъ въ сторонѣ старый принципіальный споръ.

Прежде чѣмъ покончить со „спорадическими“ нападками на присяжныхъ въ Россіи, я долженъ отмѣтить, однако, что въ послѣднее время довольно часто возникаютъ сомнѣнія уже не въ слабости присяжныхъ по тому или другому дѣлу, а, наоборотъ, въ легкомысленности обвинительныхъ вердиктовъ.

Не разъ доводилось мнѣ слышать, что обвинительный приговоръ по дѣлу объ убійствѣ Болдыревой—повидимому, судебная ошибка; особенно рѣшительно выступилъ съ подобнымъ же предположеніемъ В. Короленко въ Русскихъ Вѣдомостяхъ (№ 288 за 1895 г.) по поводу дѣла о чело-

вѣческомъ жертвоприношеніи [1]), по которому обвиненные вотяки приговорены къ каторжнымъ работамъ.

Нельзя не отдать справедливости крайней осторожности и трудолюбію, съ которыми онъ, во избѣжаніе упрека въ голословности, составилъ подробный отчетъ по дѣлу и не только разрабатываетъ личныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ суда, но и выдвигаетъ цѣлый рядъ предполагаемыхъ промаховъ административныхъ и судебныхъ дѣятелей; эти то промахи и неправильности, по его мнѣнію, могли ввести присяжныхъ засѣдателей въ заблужденіе.

Очевидно, что въ данномъ случаѣ, хотя приговоръ присяжныхъ встрѣчается весьма скептически, это отношеніе вовсе не имѣетъ характера нападокъ, а есть призывъ къ новому разслѣдованію дѣла, при болѣе выгодныхъ для дѣятельности присяжныхъ условіяхъ. Такое отношеніе къ вердиктамъ только полезно, только подобная разработка судебныхъ процессовъ можетъ намъ помочь узнать свой судъ присяжныхъ и взвѣсить условія, при которыхъ онъ дѣйствуетъ.

Въ теченіе второго десятилѣтія существованія уставовъ, какъ бы въ отвѣтъ на хроническіе нападки всякаго рода, шла незамѣтная, но систематическая и серьезная юридическая работа въ С.-Пбургскомъ юридическомъ Обществѣ [2]), направленная къ постепенному совершенствованію нашего суда присяжныхъ. Правда, еще въ въ 80-мъ году по поводу доклада, сдѣланнаго А. Ф. Кони 25-го октября, возгорались жаркіе споры принципіальнаго характера, но уже, какъ въ этомъ докладѣ, такъ и въ преніяхъ по нему весьма опредѣленно ставился вопросъ о необходимыхъ улучшеніяхъ какъ въ организаціи, такъ и въ условіяхъ дѣятельности

---

1) Рѣшено 29 сент. 1895 въ г. Елабугѣ.

2) Дѣятельность другихъ юридическихъ обществъ мнѣ мало извѣстна.

суда присяжныхъ. Эти работы, захватившія потомъ, въ 1882-мъ году и теорію доказательствъ (рефератъ В. К. Случевскаго), привлекли къ себѣ лучшія силы; тутъ дѣйствовали В. Д. Спасовичъ, Н. А. Неклюдовъ, Н. С. Таганцевъ, Н. В. Муравьевъ, И. Я. Фойницкій и др.

Девизомъ всѣхъ этихъ занятій можно поставить выраженіе проф. Фойницкаго въ засѣданіи 15 дек. 1884 г.: что „между ломкой и обереженіемъ судебныхъ уставовъ есть нѣчто среднее — развитіе".

Выдвигавшіяся въ этой долгой, копотливой работѣ требованія постепенно проникали и въ законодательство; сюда относятся: измѣненіе паспортныхъ законовъ, введеніе судебнаго элемента въ комиссіи, составляющія списки присяжныхъ, изъятіе кражъ со взломомъ изъ подсудности послѣднихъ, сокращеніе права отвода и излишней обрядности по отношенію къ присягѣ засѣдателей и т. д. Наконецъ — полный сводъ назрѣвшихъ и неполучившихъ еще разрѣшенія вопросовъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ текстѣ уставовъ былъ сдѣланъ А. Ф. Кони во вступительномъ и заключительномъ сообщеніяхъ при руководствѣ совѣщаніемъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ 29—31 дек. 1894 г. Такъ создалась постепенно давно желанная почва, на которой возможна серіозная и безпристрастная работа. Въ основу послѣдней, разумѣется, будетъ положенъ богатый матеріалъ, продуктъ личнаго опыта русскихъ судебныхъ дѣятелей.

Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какъ обработать этотъ матеріалъ, какъ устранить изъ него элементъ случайности, поспѣшности обобщеній; другое затрудненіе заключается въ томъ, чтобы счастливо сочетать теоретическія построенія общеевропейскаго судебнаго права съ болѣе или менѣе научными заключеніями о русскомъ судѣ присяжныхъ.

Крайне опасно было бы допустить ту смѣсь теоретич-

ности съ узко-практическимъ направленіемъ, которая такъ ощутительно повредила нашему проэкту уголовнаго Уложенія, еще до рожденія окрещенному: „драконовскимъ и казуистичнымъ“.

Голословныя и общія ссылки на свой и чужой опытъ чрезвычайно опасны; не нужно изучать книги пятой Системы Логики Милля „о заблужденіяхъ“, а достаточно вспомнить о массѣ предосторожностей, вообще необходимыхъ при научномъ мышленіи, чтобы ясно представить себѣ всю шаткость, сбивчивость, противорѣчивость и случайность громаднаго большинства выводовъ изъ такъ называемыхъ данныхъ личнаго опыта.

Стоитъ на удачу предложить одинъ и тотъ же вопросъ ряду судебныхъ дѣятелей, чтобы получить самые разнообразные отвѣты. Вѣроятность ихъ противорѣчивости будетъ тѣмъ больше, чѣмъ вопросъ опредѣленнѣе.

Съ чрезвычайной увѣренностью одинъ судебный дѣятель будетъ утверждать, что участіе интеллигентныхъ присяжныхъ понижаетъ силу репрессіи, и въ тоже время другой не задумается объяснять постоянный отводъ этого элемента защитниками—его строгостью. Еще разнообразнѣе будутъ отзывы относительно сравнительной строгости короннаго и присяжнаго суда.

Если направить разспросы въ область отдѣльныхъ процессовъ, то не только встрѣтятся разнообразныя мнѣнія о правильности вердикта, но не трудно будетъ указать и такіе случаи, когда самъ обвинитель недоумѣваетъ передъ обвинительнымъ, а защитникъ—передъ оправдательнымъ приговоромъ. Разгадка этихъ странныхъ на первый взглядъ явленій заключается въ томъ, что русскій судъ присяжныхъ до сихъ поръ для громаднаго большинства русскихъ людей тотъ же сфинксъ, какимъ онъ явился еще въ день рожденія его въ Уставахъ 20 нояб. 1864 г.

Миттермайеръ, посвятившій всего нѣсколько словъ введенію русскаго Суда присяжныхъ [1]), говоритъ, что въ проэктѣ нашего Устава, обращавшемъ на себя вниманіе по высокому качеству, „были статьи, возбуждавшія немаловажныя сомнѣнія"; затѣмъ, хотя нѣкоторыя хорошія опредѣленія проэкта оказались выпущенными въ Уставѣ, въ него были внесены, какъ оказалось, многія „новыя, ненаходящіяся даже въ другихъ законодательствахъ, опредѣленія".

Итакъ: этотъ воздвигшійся надъ всѣми предшествовавшими Уставъ не былъ наблюдаемъ въ своемъ дѣйствіи великимъ иностранцемъ; русскіе же дѣятели, какъ я указалъ выше, по характеру своего отношенія, едва ли могли бы заполнить, да въ дѣйствительности и не заполнили этотъ пробѣлъ.

В. Д. Спасовичъ, заканчивая свою статью о вызовѣ свидѣтелей къ судебному слѣдствію [2]), говоритъ: „оказывается, что общественная наша жизнь похожа на почву болотистую и тряскую. Какое бы великолѣпное зданіе ни было возведено, оно уходитъ въ эту почву понемногу и незамѣтнымъ образомъ; оно засасывается почвою, пока въ своемъ процессѣ пониженія оно своимъ фундаментомъ не дойдетъ до совершенно твердаго грунта".

„Сравнивая судебные уставы, какими они были въ моментъ ихъ обнародованія 20 нояб. 1864 г., съ теперешнимъ ихъ видомъ и состояніемъ, нельзя не признать, что они въ многомъ измѣнились къ лучшему, но что и жизнь взяла свое и не осуществила многихъ идеаловъ. Процессъ засасыванія ихъ условіями нашей жизни еще продолжается. Будемъ надѣяться, что онъ однако кончится и что, если не

¹) l. c. 474.
²) Сочиненія 90 г. III т. 356.

во всѣхъ подробностяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ основахъ обнаружится ихъ незыблемая прочность".

Когда въ обычномъ правѣ стали искать обновляющаго юриспруденцію матеріала, то истинный путь къ этому былъ сразу найденъ: появились собиратели обычаевъ; они проникали въ самые отдаленные углы, тщательно записывали и сортировали матеріалъ; въ результатѣ мы получили такія работы, какъ „Обычное гражданское право", Пахмана, рядъ монографій Оршанскаго, Ефименко и др.

Гдѣ у насъ сколько нибудь обработанные сборники процессовъ?—Имѣются ли сколько нибудь серьезные труды по психологіи присяжныхъ засѣдателей?—То, что есть — построено a priori или на шаткомъ основаніи незаписаннаго, несистематизированнаго, неанализированнаго личнаго опыта; въ лучшемъ случаѣ въ основу полагались случайныя справки изъ дѣлъ, отрывочныя статистическія соображенія, недостаточную цѣнность которыхъ я подробно разсмотрю ниже; но и эти изслѣдованія не затрогиваютъ самаго важнаго почти момента, а именно момента постановленія приговора.

Однимъ изъ серіозныхъ препятствій для этого является неправильное пониманіе 677 ст. Уст. Угол. Суд., толкуемой распространительно; эта статья категорически запрещаетъ, и это подтверждается мотивами Государственной Канцеляріи [1]), только разглашеніе того, какіе голоса были поданы за или противъ подсудимаго. Между тѣмъ, у насъ принято думать, что какое бы то ни было ознакомленіе съ мотивами даннаго вердикта изъ первыхъ рукъ представляется зазорнымъ. Такое странное отношеніе къ научнымъ изслѣдованіямъ помимо своей неправильности, (о которой неоднократно и такъ сильно сожалѣетъ Миттермайеръ) [2]), лишаетъ насъ до сихъ поръ драгоцѣннаго матеріала.

---

1) Об. записка 1863 г. стр. 335 и 336.
2) l. c. 309, 337, 516, 528.

Сколько свѣту на дѣятельность присяжныхъ пролили бы, напримѣръ, сообщенія изъ первыхъ рукъ о томъ, что только въ глухой провинціи рѣшаетъ большинство, а въ столицахъ обыкновенно приговоръ выносится меньшинствомъ, привлекающимъ доводами на свою сторону большинство, которому такъ справедливо не довѣряетъ Джонъ Стюартъ Милль [3]), —что обыкновенно мнѣнія отдѣльныхъ присяжныхъ въ совѣщательной комнатѣ очень рѣдко мотивируются вслухъ: русскій человѣкъ въ незнакомой и притомъ разнородной средѣ обыкновенно говоритъ a parte съ товарищемъ и т. д.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу разсказъ одного извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго, попавшаго въ г. Лугѣ, въ качествѣ единственнаго землевладѣльца, въ безсмѣнные старшины, такъ называемаго „сѣраго" состава. Рядъ сдѣланныхъ имъ наблюденій интересенъ не только по содержанію, но и по новизнѣ ихъ для лица, которое казалось бы въ качествѣ судебнаго дѣятеля не могло уже разсчитывать на открытіе Америкъ въ своемъ отечествѣ; но ужъ такова судьба русскихъ людей.

Вполнѣ сохраняя тайну совѣщанія по отдѣльнымъ дѣламъ, до своего личнаго мнѣнія включительно, этотъ старшина - юристъ сообщилъ мнѣ слѣдующія наблюденія: крестьяне обыкновенно молчатъ во время перерывовъ дѣла или говорятъ о своихъ дѣлахъ, относясь повидимому безучастно къ тому, что происходитъ на судѣ; но это обманчиво: на самомъ дѣлѣ, если процессъ вообще имъ по плечу, они сразу составляютъ себѣ мнѣніе о подсудимомъ и степени его виновности, затѣмъ темные уголки слѣдствія ихъ не особенно безпокоятъ, если общая картина ихъ удовлетворяетъ; они, входя въ совѣщательную комнату, обыкновенно рѣшительно и замѣчательно единодушно высказываютъ

[3]) Сист. Лог. т. II 66 и 67.

свое мнѣніе, большею частью обвинительное; попытки добиться отъ нихъ мотивировки мнѣнія оставались безуспѣшны; но они внимательно и съ интересомъ выслушивали все, что объяснялъ имъ старшина, въ результатѣ оставались обыкновенно при своемъ мнѣніи и выражали его такъ: „ладно, баринъ, тамъ, что хочешь пиши, а только хоть немного да завини его".

Выяснить вліяніе на этихъ присяжныхъ различныхъ стадій процесса, такимъ образомъ, оказалось невозможнымъ, но за то сообщенія того же старшины о своихъ ощущеніяхъ крайне интересны: „я самъ не понималъ, разсказывалъ онъ, что со мной сдѣлалось: я, защитникъ по профессіи, въ силу только перемѣны мѣста въ той же судебной залѣ сразу сталъ на совершенно новую точку зрѣнія; при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ дѣлъ мнѣ казалось страннымъ, о чемъ хлопочутъ и защитникъ и прокуроръ: вѣдь дѣло ясно, виновность несомнѣнна, какъ же можно отпустить подсудимаго? Съ этого положенія меня не сбивали самые хитрые доводы защиты, напротивъ, ихъ искусственность казалась мнѣ очевидной до неловкости и я съ ужасомъ спрашивалъ себя: неужели я бы тоже самое говорилъ въ роли защитника"?

На мой вопросъ о впечатлѣніи, производимомъ судебнымъ слѣдствіемъ, онъ мнѣ отвѣтилъ: „больше вопросовъ, больше вопросовъ; стороны и предсѣдатель слишкомъ мало спрашиваютъ, а присяжные, не зная обстоятельствъ дѣла, именъ и чиселъ, стѣсняются ставить вопросы".

Мнѣ казалось, что если ходячее мнѣніе о безполезности преній основательно, то этотъ старшина—юристъ рѣшительно выскажется въ этомъ смыслѣ; каково же было мое удивленіе, когда онъ категорически заявилъ, что рѣчи крайне важны, что онъ чувствовалъ себя, несмотря на привычку къ судебному слѣдствію, потеряннымъ въ обстоятельствахъ дѣла, съ которымъ ознакомился только во время чтенія обвини-

тельнаго акта и жадно прислушивался къ преніямъ, когда рѣчь заходила о темныхъ мѣстахъ дѣла; эти же мѣста интересовали и крестьянъ, которые къ тѣмъ же вопросамъ во время судебнаго слѣдствія оставались равнодушны, видимо не будучи въ состояніи ясно поставить ихъ передъ собою безъ помощи сторонъ; эту помощь они находили въ преніяхъ.

По мнѣнію того же старшины чрезвычайно важно изложеніе въ преніяхъ, хотя бы сжато, обстоятельствъ дѣла, въ виду указанной трудности справиться съ массой новаго матеріала.

Въ нашей періодической печати въ самое горячее время, въ январѣ 1886 года, былъ поставленъ вопросъ о самомъ простомъ способѣ уяснять приговоры присяжныхъ, смущающіе общество, и заявлено, что лучшимъ способомъ представляется распрашиваніе присяжныхъ; но вопросъ этотъ былъ поставленъ очень неловко: предполагалось „вызвать и распросить", и, разумѣется, такое изслѣдованіе, чуть не оффиціальное, было немедленно забраковано, какъ подвергающее опасности принципъ безотвѣтственности суда присяжныхъ [1]).

Обыкновенныя бесѣды съ присяжными о мотивахъ рѣшеній давно получили въ Европѣ право гражданства; я уже упоминалъ о Миттермайерѣ, который главный матеріалъ черпалъ „изъ разспросовъ присяжныхъ, англійскихъ, французскихъ и германскихъ" [2]).

Въ новѣйшее время можно указать на то, что по дѣлу Равашоля въ парижскихъ газетахъ появились обстоятельные отчеты, перепечатанные и у насъ [3]), о мотивахъ, вызвавшихъ

---

1) № 3550. Нов. Вр. 1886 г.

2) l. c. 516.

3) Нов. Вр. 1892 г. № 5798.

признаніе парижскими присяжными смягчающихъ обстоятельствъ за виновникомъ взрыва въ ресторанѣ Вери, при этомъ сообщалось также много интересныхъ подробностей о порядкѣ совѣщанія присяжныхъ по этому дѣлу. Данныя для этихъ сообщеній были прямо добыты отъ присяжныхъ; было бы даже несправедливо не выслушать ихъ, въ виду той рѣзкой критики, которою встрѣтила этотъ приговоръ парижская публика въ судебной залѣ тотчасъ по оглашеніи вердикта. У насъ много подобныхъ случаевъ проходитъ безслѣдно: присяжные уходятъ изъ суда, страдая отъ того, что обычай и невѣрное пониманіе тайны совѣщанія не позволяютъ имъ печатно защитить свою заподозрѣнную судейскую добросовѣстность. А это большая невыгода и для общества, и для института присяжныхъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я вернусь къ этому вопросу, и мы увидимъ, что все таки, если не по отдѣльнымъ дѣламъ, то вообще о дѣятельности присяжныхъ, мы уже имѣемъ въ печати довольно богатый матерьялъ изъ первыхъ рукъ, т. е. отъ самихъ присяжныхъ.

Такимъ счастливымъ результатомъ мы обязаны въ значительной мѣрѣ тому, что, стѣсняясь выступать печатно, наши присяжные въ судебной залѣ тотчасъ по оглашеніи вердикта охотно дѣлятся съ участвующими въ дѣлѣ лицами своими впечатлѣніями, причемъ передаютъ, не нарушая тайны совѣщанія, т. е. анонимно, содержаніе тѣхъ или другихъ мнѣній, за или противъ вердикта; благодаря этому является все таки возможность знакомиться съ мотивами рѣшенія непосредственно отъ присяжныхъ.

Въ статьѣ С. Хрулева „Судъ присяжныхъ“ [1]) приведены интересные случаи, при которыхъ съ особою рельефностью выступили соображенія присяжныхъ, какъ по вопросу о

[1]) Ж. Гражд. и Уг. Пр. за 86 г. Окт., Нояб. и Дек. стр. 67, 92, 98 и 99

наказуемости („поучить маленько озорника“), такъ и по вопросу о томъ, *что такое на дѣлѣ* въ иныхъ случаяхъ пресловутое „сомнѣніе, толкуемое въ пользу подсудимаго“.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести дословно мнѣніе того же автора объ условіяхъ, при которыхъ только и возможна правильная оцѣнка вердикта присяжныхъ по существу.

„Чтобы оцѣнить правильно значеніе извѣстнаго рѣшенія, мало прочитать отчеты, или выслушать вскользь дѣло, смотря на судебное слѣдствіе, какъ на драматическое представленіе. Надо самому испытать на судѣ много разныхъ впечатлѣній, перечувствовать многое, принимая активное участіе въ производствѣ дѣла, и тогда только, провѣривъ себя, проанализировавъ свое душевное состояніе, дѣлаешься способнымъ понять душевное состояніе людей, рѣшающихъ безповоротно участь другихъ, ломающихъ всю жизнь ихъ“[1]).

Это мнѣніе чрезвычайно распространено между судебными дѣятелями и въ высшей степени основательно. На немъ зиждется невозможность не только пересматривать процессы съ присяжными по существу, напр.: въ ревизіонномъ порядкѣ, или, что тоже, въ извращенномъ кассаціонномъ, но даже—правильно заключать о мотивахъ рѣшенія по выслушаніи процесса, въ качествѣ присутствующаго въ числѣ публики. Въ самомъ дѣлѣ: только ознакомившись предварительно съ письменнымъ производствомъ, можно правильно оцѣнивать допросъ, производимый сторонами и предсѣдателемъ; только будучи связанъ съ дѣломъ, т. е. участвуя въ немъ, можно проявить, выдержать ту напряженность вниманія и чувства, безъ которыхъ нельзя проникнуть въ душу и мысль присяжныхъ.

Сухой стенографическій отчетъ и самые точные пере-

---

[1]) l. c. стр. 99.

сказы очевидцевъ процесса одинаково безсильны возсоздать психологическую атмосферу той судебной залы, гдѣ родился вердиктъ.

У меня передъ глазами уже упомянутый выше отчетъ г. Короленко по дѣлу о вотяцкомъ жертвоприношеніи богамъ, снабженный въ самомъ текстѣ примѣчаніями, касающимися тона вопросовъ, отвѣтовъ жестовъ и т. п., а также сопоставленіями съ оглашенными письменными показаніями и вообще разъясненіями темныхъ пунктовъ; онъ, тѣмъ не менѣе, не позволяетъ даже отдаленно представить себѣ характеръ процесса, а тѣмъ болѣе мотивы вердикта. Осталась, въ лучшемъ случаѣ, возможность съ чисто-юридической точки зрѣнія оцѣнивать пріемы участвующихъ лицъ, годность или негодность допущенныхъ доказательствъ, вѣроятные же мотивы рѣшенія, тѣмъ болѣе дѣйствительныя основанія его, совершенно ускользаютъ: составъ присяжныхъ, осудившій вотяковъ—язычниковъ, остается для публики тѣмъ же сфинксомъ, какимъ судъ присяжныхъ вообще продолжаетъ быть для всѣхъ тѣхъ, кто не далъ себѣ труда внимательно наблюдать его на дѣлѣ и затѣмъ анализировать эти лично воспринятыя впечатлѣнія.

Вотъ въ общихъ чертахъ причины, по которымъ я въ предлагаемомъ изслѣдованіи ограничилъ свое изученіе дѣятельности суда присяжныхъ исключительно тѣми процессами, въ которыхъ принималъ личное участіе; въ числѣ мною записанныхъ и анализированныхъ приговоровъ (болѣе полутора тысячъ), найдется не болѣе десяти или пятнадцати, при нарожденіи и произнесеніи которыхъ я былъ только слушателемъ; но и въ этихъ случаяхъ я предварительно знакомился со всѣмъ письменнымъ матеріаломъ и выслушивалъ процессъ съ начала до конца; это давало мнѣ возможность наблюдать судебное разбирательство, хотя и со стороны, но тѣмъ не менѣе вполнѣ основательно, а не

диллетантски, какъ это дѣлаютъ обыкновенные слушатели.

Здѣсь не мѣсто подробно излагать способъ записыванія и разработки собраннаго матеріала, тѣмъ болѣе, что основные пріемы видны изъ приложенныхъ къ книгѣ таблицъ, а также будутъ разъяснены ниже. Точно также я только вскользь коснусь въ этомъ введеніи научныхъ методовъ, которыхъ я держался въ своемъ изслѣдованіи. Подробное изложеніе соображеній, руководившихъ мною въ этомъ отношеніи, люди, интересующіеся методологіей и степенью доказанности выводовъ этой книги, найдутъ во II главѣ.

Стремясь найти и обосновать эмпирическіе законы, дѣйствующіе на судѣ присяжныхъ, я не могъ не считаться съ тѣмъ, что даже приведенный выше терминъ, эмпирическіе законы, собственно говоря, чуждъ такъ называемой наукѣ права.

Въ своей талантливой рѣчи „О современномъ движеніи въ наукѣ права", произнесенной въ годовомъ собраніи С.ПБургскаго Юридическаго Общества, 14 февраля 1882 г. [1]), проф. С. В. Пахманъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Должно сознаться, что при словахъ „законы явленій"— юристы, дѣйствительно, приходятъ въ нѣкоторое смущеніе. Я не говорю о тѣхъ юристахъ, которые съ наукой не знакомы; такой юристъ выразитъ лишь удивленіе: вѣдь онъ только и вѣдается что съ законами, да еще съ какою необъятною ихъ массою, а тутъ ему указываютъ на иные какіе то „законы". Не касаюсь и начинающихъ знакомиться съ наукой; припоминаю только, какой въ старые годы страхъ наводилъ одинъ профессоръ на своихъ слушателей, восклицая, что юристъ долженъ изучать не только законы, но и „законы законовъ". И серіозные юристы нерѣдко недоумѣ-

---

[1]) Ж. Гр. и Уг. Пр. Кн. III, 82 г.

ваютъ насчетъ своей науки: если она и въ самомъ дѣлѣ не изучаетъ законовъ явленій, то можно ли юридическія изслѣдованія назвать научными, да и стоитъ-ли, послѣ этого заниматься юриспруденціей, если это не наука".

Отвѣтомъ на эти самоубійственныя сомнѣнія является, такъ называемое, реалистическое направленіе въ правовѣдѣніи, „изслѣдованіе тѣхъ силъ, которыя лежатъ въ основѣ происхожденія и развитія права и вообще раскрытіе законовъ юридическихъ явленій" [1]).

Изслѣдуя это направленіе, одною изъ вѣтвей котораго и притомъ вѣтвію, ушедшей далеко въ сторону, является возникшая въ Италіи антропологo-криминалистическая школа,— проф. Пахманъ сопоставляетъ мнѣнія Кирхмана, Лоренца-Штейна, Іеринга и приходитъ къ заключенію, что, вопреки мнѣнію пр. Муромцева, нѣтъ никакой необходимости противопоставлять новое направленіе старому. Стараясь опереться на Іеринга [2]), котораго признаетъ однимъ изъ главныхъ представителей новаго направленія, онъ заключаетъ, что новая наука права или, какъ онъ ее называетъ, бытовая теорія права, можетъ продолжать существовать параллельно съ классической юридической теоріей права. Содержаніе обѣихъ различно и не нужно ихъ смѣшивать, говоритъ онъ; первая даетъ общій законъ развитія явленій, а вторая даетъ „теоретическія обобщенія связи" между юридическими началами, такъ сказать, принципы дѣйствующаго права (regula juris); эти правила чисто логическаго свойства и служатъ обобщеніемъ началъ права, какъ мѣры, какъ математическія величины [3]). Такія положенія, какъ наприм.: nemo plus juris ad alium transferre potest, quam ipse habet; dominium plurium in solidum

---

[1]) l. c. 5.
[2]) l. c. 62.
[3]) l. c. 38 и 39.

esse non potest и т. д. ничто иное, какъ законы юридическаго мышленія, ничѣмъ не отличающіеся отъ законовъ природы въ смыслѣ научномъ [1]).

Отстаивая самостоятельность юридической теоріи, въ смыслѣ общей теоріи права, проф. Пахманъ не колеблется заключить, что, „по широтѣ и важности задачъ, новая наука несравненно важнѣе въ дѣлѣ разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ права, чѣмъ юриспруденція“ [2]).

Нельзя не отмѣтить, что рѣзкое разграниченіе двухъ отраслей науки права, на параллельномъ существованіи которыхъ настаиваетъ почтенный юристъ, заключающій, что между ними по существу дѣла *нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго* (стр. 48), не такъ легко провести на дѣлѣ: не далѣе, какъ черезъ двѣ страницы (51) мы читаемъ: „Возражая противъ смѣшенія юридической науки съ тою наукою, которая посвящаетъ себя историко-философской разработкѣ права (бытовая теорія) и настаивая на признаніи самостоятельнаго существованія первой, мы далеки, однако же, отъ отрицанія всякой связи между этими двумя отраслями правовѣдѣнія. Напротивъ: между ними есть нѣкоторыя точки соприкосновенія и даже представляются основанія для совмѣстнаго изложенія началъ той и другой“.

Я, разумѣется, не беру на себя смѣлости принимать тѣ или другія рѣшенія по столь сложнымъ вопросамъ, а только указываю, что проф. Пахманъ ограничиваетъ содержаніе юридической науки изслѣдованіемъ внутренней природы права, „логической конструкціей юридическихъ понятій“ [3]), т. е. останавливается на томъ же опредѣленіи, которое принимаетъ и проф. Коркуновъ, который однако считаетъ юриди-

---

1) l. c. 36, 41 — 43. Сравн. у Стронина стр. 470. Исторія, какъ наука Спб. 1885 г.

2) l. c. 66.

3) л 49.

ческую конструкцію такой же наукой, какъ астрономія и минералогія [1]). Такое же содержаніе, если не качество за юридической догматикой признаетъ и Іерингъ, говоря „о логическомъ организмѣ права и о логическихъ моментахъ системы“ [2]).

Проф. Муромцевъ въ статьѣ „Что такое догма права?“ [3]) поддерживаетъ мнѣніе, что юридическая теорія, въ смыслѣ конструкціи, только „подготовляетъ явленія юридическаго міра для индукціи и дедукціи, которыми займется правовѣдѣніе, какъ часть соціальной науки“.

Вотъ собственно предѣлы, опредѣляющіе положеніе вопроса о новѣйшихъ направленіяхъ въ наукѣ права, разумѣется, не въ исчерпывающемъ обзорѣ; приведенныя выше мнѣнія позволяютъ мнѣ однако высказать, какъ предположеніе, что несомнѣнная рознь во взглядахъ на задачу и методы науки права могутъ зависѣть и отъ того, что собственно новой позитивной науки права, которую такъ привѣтствуютъ одни, и отъ нашествія которой такъ защищаются другіе, еще, собственно говоря, нѣтъ; есть попытки изученія права по другому методу,— есть стремленія преобразовать догматику, внеся въ нее новые, добытые изъ жизни элементы—но отсюда еще далеко до возможности предугадывать, сольется ли новая наука со старою въ одну систему, или этого не случится, какъ доказываетъ пр. Пахманъ (стр. 56).

Когда проф. Муромцевъ, отождествлявшій право съ закономъ [4]), а нынѣ поставившій задачей науки права уже не изученіе только „организованной защиты второго рода“, а изслѣдованіе законовъ явленій юридическаго міра, возводитъ

---

1) Лекц. по общ. теор. Пр. 352, 353 и 354. Изд. 1894 г.
2) Geist des römishen R. 1852. I Th. 36 и 28.
3) Юр. Вѣстн. 84. Май и Іюнь. Сравни его же Опред. и основ. разд. права.
4) Опред. и осн. разд. права.

эту науку въ отрасль соціальной и заключаетъ, что современная юридическая теорія даетъ только необходимыя для новой науки предварительныя обобщенія, то, можетъ быть, онъ и окажется правымъ въ будущемъ, а можетъ быть случится и то, что тѣ же самыя обобщенія старой юриспруденціи, наново провѣренныя, позитивно добытымъ и обработаннымъ матеріаломъ, окажутся истинными, и стройное зданіе классической конструкціи вновь и уже навсегда укрѣпится на фундаментѣ научныхъ изслѣдованій позитивнаго характера.

Такое обновленіе несомнѣнно предчувствуется и цитированными выше авторами [1]).

Не вдаваясь поэтому въ дальнѣйшее изслѣдованіе вопроса, выходящаго изъ предѣловъ моей задачи, такъ какъ попытки рѣшенія его, даже при полной компетентности, на которую я не имѣю никакихъ правъ претендовать—во всякомъ случаѣ преждевременны, я остановлюсь на томъ положеніи, что выборъ того или другого метода при научныхъ занятіяхъ въ значительной степени обусловливается не только предметомъ изслѣдованія, но и личными особенностями изслѣдователя, его убѣжденіемъ въ годности выбираемаго метода и умѣніемъ пользоваться послѣднимъ въ большей или меньшей степени.

Эти соображенія заставили меня, въ большинствѣ случаевъ, предпочесть столь доступному и столь опасному по ненадежности выводовъ, дедуктивному методу, которымъ, можно сказать, исключительно пользуется классическая школа—медленное и трудное наведеніе, идущее ощупью и дающее въ лучшемъ случаѣ въ области соціальныхъ наукъ законы явленій, именуемые—эмпирическими.

Если, когда нибудь въ будущемъ, усиліями ряда изслѣдователей совокупность такихъ законовъ составитъ твердое

---

[1]) Іерингъ l. c. т. I, стр. 50. Пахманъ l. c. 52—54 и 56. Коркуновъ l. c. 348.

основанiе для дальнѣйшихъ построенiй, то, можетъ быть, „конструируя“ на этой почвѣ та же классическая юриспруденцiя выведетъ настоящiе, „коренные“ законы; тогда создастся рядомъ съ этимъ дѣйствительно научнымъ зданiемъ та могучая „юридическая техника“, которая, по справедливому замѣчанiю Iеринга, будетъ имѣть дѣло не съ матерiальнымъ, а съ чисто формальнымъ правомъ.[1]).

Право, понимаемое, какъ явленiе социальное, представляетъ собою такую сложную совокупность явленiй, что познавать его возможно, разумѣется, только, начиная съ „законовъ дѣйствiй“ [2]). Вотъ почему мы можемъ надѣяться только во второй стадiи на обнаруженiе эмпирическаго закона причинъ; въ дальнѣйшемъ движенiи изслѣдованiя уже станетъ совершенно необходимымъ контроль дедуктивной науки и особая специальная повѣрка, характеръ которой и способы приложенiя указаны Миллемъ въ главѣ X послѣдней книги Системы Логики. Подробное изложенiе того, какъ я пользовался этими безсмертными указанiями, желающiй найдетъ ниже во II главѣ.

Тамъ же посильно разсмотрѣны мною возраженiя, настойчиво проводимыя до сихъ поръ [3]) противъ возможности научныхъ законовъ—въ смыслѣ законовъ природы—въ наукѣ права.

Разумѣется, всѣхъ подобныхъ вопросовъ я касаюсь только въ предѣлахъ необходимости, т. к. совсѣмъ избѣгнуть ихъ не представилось возможности. Надѣясь, основательно или нѣтъ—покажетъ будущее, добыть, если не новые, то обоснованные научно выводы въ области русскаго процессуальнаго и отчасти уголовнаго права, я не могъ не задумываться надъ

[1]) Geist des Röm. R. Zw. T. Leipzig 1875. 322.

[2]) Милль, Сист. лог. II 486.

[3]) Общ. теор. права Коркунова стр. 68 и 353.

тѣмъ, какое мѣсто займутъ они въ общей системѣ права. Въ самомъ дѣлѣ юридическое изслѣдованіе, хотя бы оно производилось и необычными методами, все-таки представляется наиболѣе удобнымъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, распланировывать согласно уже существующимъ въ юридической конструкціи рубрикамъ; напримѣръ, совершенно естественно и удобно, изслѣдуя правосознаніе присяжныхъ, располагать добытые результаты, какъ соотвѣтствующіе содержанію науки уголовнаго права, въ двухъ большихъ отдѣлахъ послѣдняго,—общей и особенной части; при изложеніи данныхъ доказательственнаго права я долженъ былъ считаться—и это въ значительной степени облегчало мою работу—съ уже существующими теоріями доказательствъ, т. е. съ литературой предмета; возможность этого литературнаго общенія, разумѣется, указываетъ, если не на общность теоретическихъ взглядовъ, то во всякомъ случаѣ на существованіе точекъ взаимнаго соприкосновенія между результатами моей работы и данными классической теоріи права. Это въ свою очередь позволяетъ мнѣ настаивать на томъ, что моя работа представляетъ юридическое, а не соціологическое изслѣдованіе.

Общій планъ моей работы сводится къ слѣдующему: прежде всего я встрѣчаюсь съ необходимостью путемъ обработки имѣющихся въ нашемъ распоряженіи [1]), статистическихъ данныхъ возсоздать по возможности полную картину дѣйствующаго у насъ суда присяжныхъ съ 1873 г. по 1890 г.

Въ этой (первой) главѣ мнѣ приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ несовершенствъ въ статистическомъ матеріалѣ, которыя неизбѣжны въ виду того, что при собираніи его имѣлись свои особыя цѣли, отличныя отъ моихъ. Независимо отъ этого Сводъ статистическихъ свѣдѣній уже

---

[1]) Сводъ стат. свѣд. Изд. М. Ю.

давно подвергается критикѣ, какъ по отношенію къ общему плану, такъ и — къ содержанію отдѣльныхъ таблицъ. Здѣсь я пока укажу хотя бы на замѣтку „Наша уголовная статитика“ въ мартовской книжкѣ Ж. уг. и гр. пр. за 1885 г.

Существуетъ однако цѣлый рядъ общихъ причинъ, по которымъ одно комбинированіе статистическихъ данныхъ, хотя составляющее приложеніе индуктивнаго метода, представляется тѣмъ не менѣе недостаточнымъ для цѣлей моего изслѣдованія. Не входя здѣсь въ частности, разсмотрѣнію которыхъ посвященъ конецъ второй главы, я укажу только на то, что попытки позитивныхъ изслѣдованій явленій моральнаго міра обыкновенно разбиваются о неодолимую для общепринятыхъ статистическихъ пріемовъ преграду—множественность причинъ. Для примѣра укажу на мнѣнія г. Дриля, который въ своемъ изслѣдованіи „Малолѣтніе преступники“ замѣчаетъ, „что этіологія преступленія едва-ли можетъ быть обстоятельно разработана при помощи статистическихъ пріемовъ изслѣдованія явленій преступности, что эти пріемы, которыми такъ много увлекались, далеко не могутъ имѣть того значенія, какое имъ приписываетъ, напр. проф. Puglia, считающій ихъ, на ряду съ исторіей, единственнымъ средствомъ для приложенія положительнаго метода къ изслѣдованію явленій общественныхъ и явленій сознанія“. (стр. 169).

Ссылаясь тутъ же на д-ра Möbius'а и Рибо, нашъ авторъ цитируетъ мнѣніе перваго о томъ, что „сравнительно съ результатами, даваемыми методомъ большихъ чиселъ, гораздо болѣе поучительны результаты, доставляемые методомъ обстоятельнаго и всесторонняго изученія отдѣльныхъ случаевъ“ и слѣдующее мнѣніе французскаго ученаго: „цифра—инструментъ слишкомъ грубый, чтобы имъ разбирать тонкую основу общественныхъ и нравственныхъ явленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ недостаточный, чтобы проникать далеко

въ глубь ихъ многообразной и сложной природы. При своей кажущейся точности онъ всегда остается на поверхности".

Вотъ главная причина, заставившая меня въ третьей главѣ заняться особенностями употребленныхъ мною статистическихъ пріемовъ, возможность приложенія которыхъ обусловливалась, разумѣется, особымъ способомъ собиранія и регистраціи своихъ особыхъ статистическихъ данныхъ.

Эта послѣдняя, такъ сказать, моя статистика, представляющая собою результатъ собиранія данныхъ съ 1882 года по 1895 г. не только обнимаетъ собою періодъ позднѣйшій, чѣмъ статистика оффиціальная, но и даетъ возможность путемъ различныхъ комбинацій, составляющихъ содержаніе ряда таблицъ и діаграммъ, глубже вглядѣться въ „законы дѣйствія" и даже дойти во многихъ случаяхъ до „законовъ причинъ", создающихъ вердикты присяжныхъ. Объясненію этихъ таблицъ посвящена вся третья и четвертая главы, заключающія въ себѣ и рядъ эмпирическихъ законовъ, добытыхъ упомянутымъ способомъ.

Перехожу къ передачѣ содержанія послѣднихъ главъ книги, которое можетъ быть означено однимъ общимъ заглавіемъ: „правосознаніе присяжныхъ засѣдателей". Такого рода заглавіе, разумѣется, приходится понимать въ широкомъ смыслѣ слова, т. е., собственно говоря, какъ эмпирическія наблюденія и разработку по нимъ законовъ, относящихся къ области уголовнаго права и сгруппированныхъ примѣнительно къ старому дѣленію на общую и особенную часть уголовнаго права.—Рядомъ съ послѣднимъ конструируются по мѣрѣ возможности данныя правосознанія присяжныхъ по отношенію къ судебному праву вообще и въ частности къ доказательственному праву; эти послѣднія данныя представляютъ собой цѣлую систему, такъ сказать, теорію доказательствъ, дѣйствующую на судѣ присяжныхъ, и въ дальнѣйшемъ изложеніи сопоставляются иногда для контраста или наглядности

съ доказательствами, наблюдаемыми въ исторіи и въ нынѣшнемъ судебномъ правѣ, т. е.—выведенными изъ законодательныхъ опредѣлепій. Въ этихъ главахъ, производится, такимъ образомъ, сложная аналитическая и синтетическая работа, получаются выводы, основанные на изученіи отдѣльныхъ случаевъ и потому проникающіе, разумѣется, въ предѣлахъ возможнаго, до той глубины, гдѣ игра мотивовъ диктуетъ присяжнымъ рѣшенія; здѣсь же наблюдается соотвѣтствующее особымъ эмпирическимъ законамъ дѣйствіе разнаго рода доказательствъ, обусловливающее собою основательность вердикта.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ составлялись эти главы, и дать соотвѣтствующіе примѣры, болѣе или менѣе наглядные.

Уже выше я пояснилъ, почему обыкновенныя статистическія таблицы не могутъ дать при обработкѣ ихъ ничего, кромѣ самыхъ общихъ очертаній явленій разнаго порядка. Статистическія таблицы, особаго рода, составленныя мною съ отмѣткою, въ соотвѣтствующихъ графахъ, обстоятельствъ, вліяющихъ, какъ на образованіе убѣжденія присяжныхъ, о виновности, такъ и обстоятельствъ, приводящихъ къ тому или другому рѣшенію дѣла, даютъ возможность отыскивать въ отдѣльныхъ приговорахъ *причины* измѣненій упомянутыхъ выше общихъ контуровъ; достигается это благодаря тому, что въ этихъ таблицахъ обстоятельства дѣла занесены со знакомъ, выражающимъ, повліяли ли они на присяжныхъ въ пользу (плюсъ) или во вредъ (минусъ) обвиненія. Но и эти выводы, хотя уже приводящіе къ ближайшей причинѣ, могутъ быть только весьма общаго характера, почему необходима детальная разработка ихъ путемъ составленія особыхъ карточекъ, на которыхъ формулируется тотъ или другой эмпирическій законъ, дѣйствіе котораго наблюдалось при анализѣ каждаго даннаго дѣла.

Группировка этихъ карточекъ по различнымъ юридическимъ категоріямъ, расположеннымъ въ опредѣленномъ порядкѣ, позволяетъ дѣлать отвлеченія отъ цѣлыхъ группъ эмпирическихъ законовъ, какъ одной и той же, такъ и различныхъ категорій. Для примѣра возьмемъ группы, относящіяся къ вопросамъ о томъ, какъ присяжные понимаютъ задачи суда, цѣли наказанія, какъ осуществляютъ свои права въ этомъ направленіи, словомъ, рядъ вопросовъ, разъясненіе которыхъ прольетъ свѣтъ на широко-очерченный статистическими выводами вопросъ о силѣ судебной репрессіи и покажетъ внутренность механизма, вырабатывающаго этотъ результатъ. Важно замѣтить здѣсь же, что такого рода выводы, путемъ группировки карточекъ, на какую бы степень отвлеченія они не поднялись, будутъ оставаться въ неразрывной связи съ фактической почвой, такъ какъ каждая карточка занумерована и отмѣчена въ особой сводной таблицѣ въ связи съ записаннымъ—плюсами и минусами—анализомъ дѣла, къ которому относится данный эмпирическій законъ.

Итакъ, привожу обѣщанные примѣры. Наблюдается извѣстный формализмъ при оцѣнкѣ присяжными доказательствъ: они очень неохотно дробятъ признаніе, которое обыкновенно принимается или не принимается въ разсчетъ—цѣликомъ. Съ другой стороны, оговоръ, однимъ изъ сообвиняемыхъ другого, будучи снятъ на судѣ, оставляетъ у присяжныхъ впечатлѣніе большого пробѣла, хотя бы общая картина преступленія нисколько отъ этого не теряла. Въ подобномъ случаѣ присяжные обыкновенно оправдываютъ, если не остается другихъ уликъ, кромѣ уликъ поведенія. Вообще однѣ улики поведенія для неинтеллигентнаго состава присяжныхъ имѣютъ мало значенія.

То обстоятельство, напримѣръ, что, имѣя физическую возможность совершить кражу, подсудимый, былъ замѣченъ

подозрительно уходившимъ съ какою то вещью, не представляетъ для присяжныхъ никакого значенія, если не доказано особо тождество этой вещи съ пропавшей: заявленіе свидѣтеля о томъ, что онъ эту вещь узналъ, при условіи, что эта вещь не отобрана или не на-лицо, не считается достаточнымъ для обвиненія; такимъ образомъ видѣнное только, но не отобранное поличное — не считается поличнымъ.

Съ другой стороны, громадное вліяніе на убѣжденіе присяжныхъ въ виновности подсудимаго имѣетъ опроверженіе на судѣ сдѣланныхъ подсудимымъ in foro грязныхъ инсинуацій. Итакъ, улики поведенія *на судѣ* даже чисто формальнаго характера, (несвязанныя съ существомъ дѣла), могутъ имѣть большее значеніе, чѣмъ улики поведенія *до суда,* такъ какъ послѣднія. разумѣется, не такъ ярки и не производятъ такого сильнаго впечатлѣнія какъ первыя (in foro). (653, 663, 1425, 1469)[1]).

Иногда присяжные, при сознаніи въ меньшемъ преступленіи и несознаніи въ большемъ (177 ст. Уст. и 1681 ст. Ул.), въ виду фактическихъ сомнѣній въ послѣднемъ, кладутъ въ основу приговора сознаніе, которое получаетъ, какъ бы характеръ формальнаго доказательства; но за то такое скептическое отношеніе къ фактической сторонѣ дѣла ведетъ за собой иногда крайне странный, съ юридической точки зрѣнія, приговоръ, хотя такому приговору нельзя однако отказать въ добросовѣстности и жизненности: признавъ, на примѣръ, *легкомысліе* при растратѣ, присяжные отказываются, несмотря на понятое ими разъясненіе предсѣдательствующимъ значенія параллельнаго признанія обоихъ обстоятельствъ — установить наличность *обязательства возвратить похищенное* и кромѣ того не даютъ снисхожденія; далѣе, точно также признаютъ *крайность*, при совокупномъ обвиненіи въ

---

1) Номера карточекъ.

нѣсколькихъ послѣдовательныхъ кражахъ, совершенныхъ рецидивистомъ — только по отношенію къ *первой* кражѣ. Ясно, что коронные судьи не могли бы постановить столь точно отвѣчающихъ фактамъ приговоровъ, по безцѣльности этой точности, съ точки зрѣнія наказанія; такъ напримѣръ, и въ другомъ случаѣ, часто встрѣчающемся, изъ ряда нѣсколькихъ мелкихъ кражъ, присяжные иногда исключаютъ одну, что для наказанія является также безразличнымъ. Нельзя не замѣтить въ виду этого, что коронный судъ, сознавая безразличіе такихъ ограниченій для судьбы и репутаціи подсудимаго, склоненъ менѣе скептически отнестись къ уликамъ по такой кражѣ, которую однако присяжные выдѣляютъ.

Было бы слишкомъ поспѣшно заподозрить присяжныхъ въ рабскомъ подчиненіи фактическимъ даннымъ вопроса; такъ напримѣръ, при обвиненіи по опредѣленію Судебной Палаты явнаго зачинщика кражи въ укрывательствѣ они, не желая оправдать его, признаютъ его виновнымъ въ этомъ послѣднемъ, хотя факты, изложенные въ вопросѣ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. (776, 1078, 1153, 1175, 1302, 1792).

Вообще говоря, формальная виновность, т. е. наличность нарушенія какого-либо закона сама-по-себѣ въ глазахъ присяжныхъ недостаточна для осужденія; сюда относится рядъ преступленій, такъ называемыхъ „противъ системы“, но и эти преступленія наказываются присяжными, когда за этимъ нарушеніемъ кроется дѣйствительный вредъ общества; таково напримѣръ, необозначеніе оскопленія въ паспортѣ скопца, при условіи, что онъ скопецъ дѣятельный, т. е. совратитель, хотя такого обвиненія особо поставлено не было и поставлено быть не могло по отсутствію фактовъ; въ виду того же закона, въ дѣятельности присяжныхъ наблюдаемаго, совершеніе подлога въ актахъ состоянія для превращенія

себя въ законнаго сына съ согласія отца признается ненаказуемымъ. При обвиненіи рецидивистовъ въ кражѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ рѣшается утвердительно вопросъ о виновности и въ самовольномъ возвращеніи въ столицу, при признаніи же кражи недоказанной обыкновенно выносится и по вопросу о самовольномъ возвращеніи оправдательный приговоръ. Почти безъ исключеній отвергается виновность въ формально поставленныхъ обвиненіяхъ, такъ напримѣръ, въ похищеніи паспорта для проживанія по немъ; въ подобномъ случаѣ первое разсматривается, какъ приготовленіе ко второму и наказуемымъ признается только послѣднее. Очень интересно рѣшеніе, по которому былъ оправданъ уже завѣдомый лжесвидѣтель, удостовѣрявшій въ Мировомъ Съѣздѣ взаимность обидъ (138 ст. Уст.) ради погашенія отвѣтственности подсудимаго, осужденнаго Мировымъ Судьей. Присяжные признали, что взаимность обидъ, дѣйствительно, имѣла мѣсто, но что свидѣтель, не бывшій на мѣстѣ происшествія, не долженъ былъ бы выдавать себя на судѣ за очевидца; однако въ виду того, что онъ утверждалъ правду о фактѣ, т. е. что взаимная обида имѣла мѣсто въ дѣйствительности, его виновность, сводившаяся къ тому, что онъ неправильно выдавалъ себя за очевидца, была признана ими чисто формальною виною, безвредною и потому ненаказуемою. (523, 547, 1089, 1096, 1199, 1299, 1307, 1405).

Задача суда въ міросозерцаніи присяжныхъ представляется чрезвычайно сложной; обвинительный приговоръ, по ихъ мнѣнію, умѣстенъ, когда онъ имѣетъ практическое значеніе; напримѣръ, когда онъ можетъ имѣть воспитательное значеніе для несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ; этихъ послѣднихъ они чаще обвиняютъ, даже признавая иногда въ то-же время, что обвиняемый дѣйствовалъ безъ полнаго разумѣнія, такъ какъ это завѣдомо для нихъ обусловливало возмож-

ность отдачи въ исправительный пріютъ (послѣднее, разумѣется, узнавалось отъ сторонъ и предсѣдателя); пьяное состояніе лица, потерпѣвшаго отъ грабежа или кражи, почти всегда ведетъ къ оправданію подсудимаго, изъ чего слѣдуетъ, что опьяненіе лишаетъ потерпѣвшаго, по мнѣнію присяжныхъ, охраны противъ вора и грабителя, но не столько изъ quasi педагогическихъ соображеній, сколько изъ сознанія безплодности попытокъ путемъ наказанія хищниковъ охранить пьяныхъ людей; въ случаѣ слишкомъ безнравственныхъ отношеній между двумя лицами (альфонсизмъ) присяжные отказываются защищать потерпѣвшее лицо, пострадавшее имущественно при такихъ отношеніяхъ черезъ шантажное принужденіе; съ другой стороны, охраняя идеальные интересы кредита, они сурово обвиняютъ растратчика — мѣнялу, прощенаго потерпѣвшимъ, или главу товарищества, обладателя большей части акцій, разорившаго въ сущности самого себя. Обыкновенная растрата денегъ, собранныхъ старшимъ дворникомъ съ квартирантовъ большаго дома, карается ими въ качествѣ общественнаго зла; стремясь исправить существующее въ жизни зло, судъ присяжныхъ иногда съ точки зрѣнія абсолютной справедливости прощаетъ (на счетъ потерпѣвшаго) виновнаго въ изорваніи росписки, несовсѣмъ чистыми путями полученной потерпѣвшимъ. (227, 1255, 1345, 1403, 1514, 1619, 1738, 1821).

Несомнѣнно, что судейская обязанность требуетъ мужества и твердости характера и встрѣчаются случаи, что этихъ качествъ, чисто профессіональныхъ, у присяжныхъ недостаетъ, такъ напримѣръ, они иногда оправдываютъ убійцу, совершившаго преступленіе, при особенно несчастно сложившихся для него обстоятельствахъ, точно также прощается виновный въ поджогѣ собственнаго имущества, если это больная женщина, дѣйствовавшая подъ чужимъ вліяніемъ или безвредный въ будущемъ, почти ослѣпшій ста-

рикъ. Съ другой стороны взглядъ на судью, какъ на хирурга, обязаннаго охранять общество, несмущаясь иногда тяжелой судьбой подсудимаго, по нѣкотораго рода преступленіямъ, напримѣръ кражамъ, совершеннымъ рецидивистами, вполнѣ раздѣляется присяжными. Въ виду такихъ спеціалистовъ, воровъ-ремесленниковъ, и судъ можетъ быть только машиной, говорятъ они, допуская и смягченіе, напримѣръ, ограниченіе взлома, но обыкновенно только на основаніи фактическихъ данныхъ. Въ послѣдніе дни сессіи проходитъ съ обвинительнымъ приговоромъ, имѣющимъ вполнѣ, въ смыслѣ твердости духа, характеръ приговора короннаго суда, даже обвиненіе въ подлогѣ подписи на счетѣ, замѣненномъ уже ко времени суда векселемъ (1069, 1102, 1244, 1312, 1314 и 1711).

Размѣры ожидаемаго наказанія весьма озабочиваютъ присяжныхъ, о чемъ рѣчь будетъ впереди, въ главѣ V и послѣдующихъ, гдѣ вообще будутъ разработаны подробно эмпирическіе законы, приводимые здѣсь только для примѣра. Такъ, по отношенію къ рецидивистамъ, обвиняемымъ въ кражѣ и значительное время пробывшимъ въ предварительномъ заключеніи, присяжные нерѣдко примѣняютъ систему зачета, т. е. признаютъ, что предварительное тюремное заключеніе явилось уже достаточнымъ для нихъ наказаніемъ. Бываетъ и такъ, что присяжные въ подобныхъ же случаяхъ, довѣряя тому, что судъ пожелаетъ и будетъ въ правѣ достаточно смягчить наказаніе въ смыслѣ зачета, признаютъ виновность и всю фактическую сторону даже безъ оговорокъ (1439 и много другихъ).

Соображенія относительной справедливости, т. е. забота объ одинаковой судьбѣ равновиновныхъ, такъ сильны въ присяжныхъ, что одинъ зачетъ влечетъ за собой почти неминуемо другой; однажды, послѣ зачета предварительнаго заключенія рецидивисту, сознавшемуся и оправданному въ

совершенной имъ третьей кражѣ, я, для провѣрки этого положенія, поставилъ на разсмотрѣніе присяжныхъ сряду другое дѣло о рецидивистѣ—арестантѣ, судившемся уже четыре раза: присяжные послѣ долгаго совѣщанія вынесли вопросный листъ, на которомъ было написано и затѣмъ зачеркнуто „виновенъ“ , а ниже приписано „невиновенъ“. (1664).

Особенно рѣзко проявляется забота объ относительной справедливости въ томъ, какъ присяжные оттѣняютъ виновность соучастниковъ; такъ напримѣръ, однажды, обвинивъ рецидивиста безъ снисхожденія, они его соучастнику, тоже признанному виновнымъ, дали, несмотря на несознаніе, снисхожденіе, въ виду того, что онъ не защищался ножемъ при задержаніи, какъ его товарищъ. (1689).

Всѣ эти примѣры должны, надѣюсь, убѣдить читателя, въ томъ, что богатый запасъ фактовъ и выводовъ совершенно ускользаетъ не только отъ наблюденій статистическаго характера, но и отъ личной опытности, когда изслѣдователь, полагаясь на свою память, дѣлаетъ выводы безъ достаточной заботы объ широтѣ наблюденій и точности матерьяла.

Даже бѣглый обзоръ приведенныхъ выше примѣровъ показываетъ, что, изучая правосознаніе присяжныхъ, мы входимъ въ какую то своеобразную область, повидимому, самозванныхъ законодателей. Невольно возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: представляетъ ли какой нибудь интересъ изученіе особыхъ взглядовъ на то или другое преступленіе лицъ, вовсе повидимому не призванныхъ опредѣлять, что именно должно быть наказуемо,—что нѣтъ? Не представляется ли узурпаціей, хотя бы и изъ этическихъ соображеній исходящей—отказъ въ защитѣ женщинѣ, пострадавшей матеріально отъ альфонса, или примѣненіе относительной справедливости при оправданіи рецидивиста, составляющее повидимому ничто иное какъ помилованіе; если присяжные засѣдатели, какъ

мы видѣли выше, караютъ формальныя преступленія только въ тѣхъ случаяхъ, когда усматриваютъ особенности, придающія имъ характеръ общественнаго зла, то не значитъ ли это, что они выходятъ изъ скромной роли судей, примѣнителей закона? Принявъ послѣднее толкованіе, мы стали бы лицомъ къ лицу съ кореннымъ измѣненіемъ цѣли изслѣдованія.

Стараясь познать, какъ судятъ присяжные, и обнаруживъ рядъ извращеній въ ихъ дѣятельности истинныхъ задачъ правосудія, мы могли бы продолжать начатую работу только для того, чтобы во всеоружіи пониманія этихъ аномалій отыскивать соотвѣтствующее лѣкарство.

Я категорически высказываюсь противъ такого взгляда.

Прежде всего надо замѣтить, что взглядъ на судью, какъ на слѣпого исполнителя закона, давно отжилъ свой вѣкъ; еще преторское право, практикуя стародавній принципъ aequitatis, допускало чрезвычайно распространительное толкованіе закона, въ видахъ достиженія общаго блага.

„Приведеніе нормъ права въ согласіе съ требованіями aequitatis является поэтому важнѣйшей задачей органовъ, занимающихся выработкой и примѣненіемъ права“, говоритъ В. М. Хвостовъ [1]), приводя, мнѣнія Павла: in omnibus quidem maxime tamen in jure aequitas spectanda est.

„Нерѣдко право, прибавляетъ онъ тутъ же, не желая стать въ коллизію съ aequitas, не устанавливаетъ никакихъ абстрактныхъ нормъ по поводу извѣстныхъ вопросовъ и предоставляетъ разрѣшеніе ихъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ тому, что подскажетъ aequitas лицу, примѣняющему право къ жизни“.

Стало общимъ мѣстомъ мнѣніе, что содержаніе слова *виновенъ* въ вердиктѣ присяжныхъ засѣдателей обнимаетъ

---

[1]) Опытъ характер. понятій aequitas и aequum jus. Москва 1895 г., стр. 269.

такое неисчислимое количество признаковъ дѣянія, особенностей въ личности подсудимаго, оттѣнковъ проявленія его воли, утилитарныхъ и этическихъ соображеній, какое не можетъ быть охвачено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, ни закономъ, „приличнымъ дѣлу", ни самымъ полнымъ юридическимъ поученіемъ презуса. Совершенно ясно поэтому, что роль закона, который несомнѣнно обязателенъ для присяжнаго, какъ и для всякаго гражданина, по необходимости ограничивается очень скромной долей при обсужденіи столь широкихъ по содержанію терминовъ, каковы слова: виновенъ и невиновенъ.

Въ связи съ тѣмъ, что законъ не предустановляетъ никакихъ доказательствъ, обязательныхъ для судьи, безразлично коронного или присяжнаго, по отношенію къ последнему должны приводиться въ резюме только „законы", относящіеся къ опредѣленію свойства, разсматриваемаго преступленія" (801 ст. п. I Уст. Уг. Суд.); присяжный засѣдатель слѣдовательно, вѣдаетъ, такъ сказать, въ сферѣ закона только законный составъ даннаго преступленія, существенные элементы котораго могутъ быть однако въ силу 812 ст. имъ отвергнуты, въ видахъ точнаго выраженія его *мнѣнія;* въ силу 813 ст. вердиктъ является, такимъ образомъ, *мнѣніемъ* большинства о составѣ даннаго преступленія.

Если вспомнить, что дѣленіе подлежащихъ рѣшенію на судѣ вопросовъ на вопросы факта и права давно отвергнуто въ теоріи (Миттермайеръ), а на практикѣ никогда и не могло соблюдаться, по невозможности провести его безъ ущерба для дѣла, то станетъ ясно, что мнѣніе присяжныхъ о виновности можетъ въ силу самаго закона оказаться—безъ всякой узурпаціи—мнѣніемъ о правовомъ вопросѣ.

Итакъ, изучая правосознаніе присяжныхъ, мы должны bona fide принимать его результаты, какъ соціальные факты

положительнаго свойства, съ которыми приходится считаться и законодателю; дѣйствительно, въ отечествѣ присяжныхъ отдѣльные вердикты составляютъ прецеденты для послѣдующихъ рѣшенiй, организуясь въ своеобразный, неписанный кодексъ, благополучно дѣйствующiй однако въ этой странѣ строгой законности. Не представляетъ никакихъ затрудненiй указать на рядъ примѣровъ и у насъ въ Россiи, гдѣ, прислушиваясь къ вердиктамъ, законодатель измѣнялъ карательный законъ. Такова была, напр. судьба статей о паспортныхъ преступленiяхъ.

Достаточно открыть любой учебникъ на страницахъ, трактующихъ о возникновенiи и ростѣ права, чтобы открыть причину такого явленiя, только на первый взглядъ представляющагося страннымъ.

„Возникновенiе права, читаемъ мы у проф. Коркунова, обусловлено сознательнымъ соблюденiемъ извѣстныхъ правилъ поведенiя, какъ обязательныхъ, но содержанiе этихъ первоначальныхъ юридическихъ нормъ не творится сознательно. Оно дается безсознательно сложившимися обыкновенiями“ [1])

„Мирному, естественному росту (права), говоритъ онъ далѣе (117), нѣтъ мѣста въ дѣйствительности; право рождается, какъ плодъ борьбы, иногда долгой и упорной.... Поэтому (ради опредѣленности) въ интересѣ порядка (118) всегда желательно сохраненiе старыхъ исконныхъ обычаевъ.... Но они вмѣстѣ съ тѣмъ крайне формальны, и какъ старые никогда не будутъ соотвѣтствовать новымъ условiямъ и новымъ потребностямъ общественной жизни.... Въ противоположность суровому, стѣснительному старому праву, эти новыя (сознательно вырабатываемыя) нормы представляются болѣе справедливыми. И вотъ все развитiе права

[1]) Общ. теор. права. Стр. 115.

представляетъ борьбу стараго, безсознательнаго, установившагося права съ новымъ, сознательно вырабатываемымъ. Уже римскіе юристы замѣтили эту двойственность въ правѣ. Ихъ противоположеніе jus strictum и aequitas имѣетъ именно такое значеніе".

Судейскій консерватизмъ присяжнаго, войдя въ коллизію съ закономъ, можетъ въ этой борьбѣ оказаться позади забѣжавшаго впередъ, увлекшагося законодателя, отца мертворожденнаго закона, и дать судъ правый потерпѣвшему и подсудимому, которые неповинны въ этихъ увлеченіяхъ; тотъ же консерватизмъ, основная черта истиннаго судьи, можетъ оставить втуне отжившій законъ, отстаивая на судѣ уже завоеванныя, новыя формы жизни, и это будетъ также судъ правый, такъ какъ и потерпѣвшій и подсудимый живутъ въ настоящемъ, а не въ прошедшемъ.

Отсюда вытекаетъ великій интересъ, связанный съ изученіемъ правосознанія присяжныхъ.

Если мы станемъ на точку зрѣнія, которую я подробнѣе развиваю во второй главѣ, что право, какъ соціальное явленіе, есть продуктъ взаимодѣйствія соціальныхъ и психоэтологическихъ факторовъ, то на почвѣ, признанной нынѣ юристами всѣхъ школъ, законосообразности всѣхъ проявленій общественной жизни, а въ томъ числѣ и права, нельзя будетъ не признать, что судебная—наиболѣе устраняющая „треніе"—защита укрѣпившихся юридическихъ формъ общественности (правъ), независимо отъ того, насколько онѣ сознаны или несознаны законодательствомъ, составляетъ не только неустранимую, но и главную задачу суда присяжныхъ; отсюда неудержимое стремленіе этого суда карать то, что дѣйствительно вредно обществу, взвѣшивать не только нарушеніе закона, но и тяжесть возмездія и давать справедливое удовлетвореніе общественному правосознанію.

Это послѣднее, будучи въ проявленіяхъ своихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, инстинктивно и при этомъ чутко, является лучшей повѣркой того, что присяжные оказались на высотѣ своей задачи—того, что установляемое вердиктомъ живое право дѣйствительно таково, а не случайный результатъ нервной самонадѣянности или апатичнаго недоумѣнія.

Мѣриломъ, вѣрнѣе регуляторомъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ должна быть для законодателя та степень довѣрія, которою пользуется судъ присяжныхъ у людей, непосредственно наблюдающихъ его дѣятельность, того довѣрія, которое не можетъ не совпадать съ тѣмъ, что слышится всякому, имѣющему уши, чтобы слышать—въ такъ называемомъ, „гласѣ народа".

Оцѣнка новаго суда еще не вылилась въ форму пословицъ и поговорокъ, но всякому русскому человѣку достаточно извѣстны многочисленныя изрѣченія народной мудрости, строго осудившей старыхъ судей и дореформенныхъ судебныхъ дѣятелей.

Къ сожалѣнію, менѣе извѣстны взгляды русскаго человѣка, представляющіе высокій современный интересъ и выраженные въ той же формѣ поговорокъ, а именно взгляды на задачи суда и на отношеніе къ неправдѣ: „безъ разсужденія не твори осужденія"; судъ народнаго здраваго смысла не колеблется, признавая правду необходимымъ элементомъ общежитія, какъ бы она тяжела ни пришлась: „что ни говори, а правда надобна"; „правда гнѣвна, да Богу люба". Замѣчательно мирится эта строгость, съ составляющей характерную черту русскаго мягкостью души: „больно, да дѣло то невольно", „виноватаго кровь—вода, а невиннаго—бѣда" и т. д.

Достаточно этихъ немногихъ образчиковъ, чтобы видѣть воочію ту почву, на которой создалась судейская твердость

приговоровъ нашего суда присяжныхъ, всегда однако отмѣченная сердечностью.

Вотъ почему дѣятельностью этого суда, нынѣ уже почти тридцатилѣтней, были посрамлены пессимистическіе взгляды осторожныхъ „консерваторовъ“ нашей предразсвѣтной эпохи; „легкомысленные“ либералы судебной реформы, справедливо замѣчаетъ г. Джаншіевъ „не были такими плохими патріотами, чтобы русскій народъ приравнивать къ „дикарямъ“ [1]). На этомъ останавливается мое изслѣдованіе.

Задачей его было дать вѣрную картину дѣятельности суда присяжныхъ. Законы этой дѣятельности имѣютъ, какъ я въ дальнѣйшемъ изложеніи стараюсь доказать, научный характеръ, слѣдовательно, наблюдаемый нами судъ и въ будущемъ, при тѣхъ же условіяхъ, долженъ, если эти законы научны, сохранить тѣ же черты, опредѣляющія его судопроизводственныя особенности и правовые принципы.

Мнѣ можетъ быть поставленъ вопросъ о томъ, почему я не коснулся животрепещущихъ современныхъ вопросовъ о предварительномъ и судебномъ слѣдствіи, о дѣятельности сторонъ и предсѣдательствующаго, о порядкѣ совѣщанія и т. п.

Несомнѣнно, разсмотрѣніе этихъ вопросовъ по тому же методу, такъ сказать, напрашивается; оно еще шире освѣтило бы дѣятельность суда присяжныхъ, но оно неизбѣжно внесло бы также элементъ, чуждый моему изслѣдованію и крайне опасный. Многочисленныя данныя, собранныя мною, относительно всѣхъ этихъ обстановочныхъ, такъ сказать, условій дѣятельности суда присяжныхъ, не только затемнили бы результаты настоящаго изслѣдованія, но и внесли бы въ него чуждый элементъ законодательныхъ пожеланій. Дѣйствительно, практическая точка зрѣнія такъ

---

1) Изъ эпохи велик. реформы 94 г. 408.

присуща праву, что избѣжать, при такомъ изложеніи, соображеній de lege ferenda было бы совершенно немыслимо. Съ научной точки зрѣнія также представляется совершенно раціональнымъ разсматривать судъ присяжныхъ, слѣдуя терминологіи Іеринга, какъ бы организмъ, сперва со стороны его анатоміи и его физіологіи, что мною посильно и сдѣлано въ настоящей книгѣ—о гигіенѣ же или діэтетикѣ вести рѣчь особо.

Изученіе болѣе или менѣе измѣнчивыхъ условій этой дѣятельности, имѣющихъ, продолжая начатое сравненіе, характеръ гигіеническихъ, внѣ организма стоящихъ, должно поэтому составить предметъ особой, уже давно подготовляемой мною работы; въ основу ея, разумѣется, ляжетъ такая же позитивная обработка эмпирическихъ наблюденій и посильная оцѣнка вліяній всѣхъ вышеупомянутыхъ фактовъ; но задача этой оцѣнки будетъ уже чисто телеологическая; результаты наблюденій будутъ служить матеріаломъ для установленія пользы или вреда для правосудія извѣстныхъ условій постановки и разсмотрѣнія дѣла, т. е. будутъ разсматриваться, какъ явленія, благопріятствующія, полезныя или какъ—вредящія, опасныя для правильнаго развитія института.

Не надо забывать, что всякое учрежденіе, а слѣдовательно и судъ присяжныхъ, растетъ и измѣняется, что содѣйствовать его здоровому росту можно двояко: установленіемъ наиболѣе выгодныхъ для правосудія нормъ положительнаго права и выработкою общихъ принциповъ веденія дѣлъ на судѣ, „искусства правосудія“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Въ ближайшемъ будущемъ я надѣюсь напечатать такую работу, содержаніе которой будетъ уже опредѣляться выраженіемъ: jus est *ars* boni et aequi. Я считаю однако необходимымъ сдѣлать теперь же слѣдующую оговорку: опасности,

о которыхъ была рѣчь выше, могутъ съ одной стороны касаться лицъ, повинныхъ въ неправильной подготовкѣ или дурномъ веденіи процесса, а съ другой стороны--грозить дѣятельности самихъ присяжныхъ, въ видѣ нѣкоторыхъ невыгодныхъ условій, при которыхъ въ силу закона протекаетъ ихъ совѣщаніе и баллотируется вердиктъ.

Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, если и могутъ быть дѣлаемы въ связи съ разными проэктами о порядкѣ совѣщанія (и дѣлаются) болѣе или менѣе пессимистическія предсказанія, то, несомнѣнно, какъ доказываютъ это результаты изслѣдованія, предлагаемаго мною теперь читателямъ, можно быть совершенно спокойнымъ и вполнѣ надѣяться, что въ будущемъ, даже при нѣкоторомъ искаженіи существующихъ нынѣ условій дѣятельности, судъ присяжныхъ останется, какъ и въ минувшія тридцать лѣтъ на высотѣ своего призванія, хотя такія quasi--усовершенствованія—вѣроятно явятся *началомъ конца его.*

Предположимъ наихудшую, какую можно выдумать, картину условій дѣятельности даннаго состава присяжныхъ; возьмемъ въ устраненіе всякихъ сближеній сферу, недоступную нынѣ присяжнымъ, служебное должностное преступленіе.

Пусть провѣряемое на судѣ предварительное слѣдствіе по содержанію и характеру своему соотвѣтствуетъ изрѣченію „для того дѣло тянется, что виновный правится", отчего судебному слѣдствію приходится вѣдаться съ такимъ „кривымъ дѣломъ", котораго по пословицѣ:—„судъ прямой не исправитъ", пусть обвинитель, окажется по злой поговоркѣ: „не книженъ, да хорошо остриженъ", такъ аккуратно остриженъ, что даже подсудимый въ качествѣ представителя вѣдомства en question поощрительно—иронически улыбается; не труднѣе по нынѣшнимъ временамъ представить себѣ и защитника, о которомъ присяжные скажутъ себѣ картиннымъ народнымъ языкомъ:—„рысь пестра сверху, а человѣкъ

лукавъ изнутри"; можетъ быть иное резюме приведетъ ихъ къ печальному заключенію: „въ мысляхъ неправыхъ не жди совѣтовъ здравыхъ", тѣмъ не менѣе — я убѣжденъ въ этомъ—прослѣдившій со вниманіемъ аргументацію и выводы моего изслѣдованія ни на минуту не усумнится въ слѣдующемъ: даже при такомъ сочетаніи наиболѣе невыгодныхъ условій предположеннаго мною каррикатурнаго процесса, даже по роду дѣлъ,—по старости послѣднихъ или по молодости нашихъ присяжныхъ,—изъятыхъ отъ ихъ суда, присяжнымъ не помѣшаютъ ни упущенное время, ни политиканство обвинителя, ни хитросплетенія и безпринципность защитника, ни пристрастіе предсѣдательствующаго — составить себѣ и высказать въ вердиктѣ здравое и вполнѣ самостоятельное мнѣніе о дѣйствительной винѣ или невинности подсудимаго.

Порукой въ этомъ можетъ служить тотъ присущій русскому человѣку здравый смыслъ, изстари поднявшійся до необоримой ироніи, однимъ изъ безчисленныхъ образчиковъ которой явились приведенныя выше правила житейской мудрости.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что ты былъ и что сталъ
И что есть у тебя.

Кольцовъ.

Всякое благоустроенное хозяйство начинается повѣркой инвентаря. Важно знать: что наработано уже, чѣмъ, какъ и гдѣ работать.

Въ теченіи почти тридцати лѣтъ безчисленные составы присяжныхъ засѣдателей выносили свои приговоры и по окончаніи сессій расходились, причемъ разрывалась всякая связь между ними. Много судейскихъ и прокурорскихъ силъ уходило на „треніе": старая крышка Уложенія о наказаніяхъ неуклюже накладывалась общими усиліями участвующихъ въ дѣлѣ лицъ на возведенное въ новомъ стилѣ надъ инквизиціоннымъ предварительнымъ слѣдствіемъ зданіе судебнаго слѣдствія и преній—и все замирало.

Рѣдко и робко раздавался одинокій голосъ изъ среды судебныхъ дѣятелей или бывшихъ присяжныхъ, указывавшій на щели фундамента или прорѣхи крыши, и все громче слышался нестройный крикъ недруговъ новаго порядка на тему о негодности самаго зданія новаго суда. Тѣ, кому вѣдать надлежитъ, торопливо чинили, указывали и предписывали, частію упраздняли, задумываясь и надъ ремонтомъ всей постройки, а хоръ услужливыхъ друзей изо всѣхъ силъ старался трескучими тирадами и громогласнымъ распѣваніемъ общихъ мѣстъ заглушить какъ пристрастную, такъ и справедливую и полезную критику.

Такъ прошло почти тридцать лѣтъ. Гдѣ у насъ судъ присяжиыхъ? Чѣмъ онъ сталъ? Какія его средства и какіе принесъ онъ плоды?

I.

Начиная съ отрытія новаго суда въ С.-Петербургѣ 17-го апрѣля 1866 года, постепенно распространяясь черезъ Москву на Харьковъ, Одессу, Казань, Саратовъ, Кіевъ и наконецъ къ исходу 1883 года на Вильно, новый уголовный судъ съ присяжными засѣдателями постепенно расширялъ свою юрисдикцію на счетъ короннаго суда. Затѣмъ теченіе остановилось. Чрезвычайныя трудности, чисто матеріальнаго свойства, еще въ свѣтлый періодъ шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ замедляли это движеніе и привели къ тому, что сколько нибудь полную картину дѣятельности суда присяжныхъ въ предѣлахъ одной и той же территоріи мы можемъ имѣть только съ 1873 года [1]) т. е. за двадцать два года, такъ какъ Кіевская Судебная Палата напримѣръ открывается только къ 1880-му году. Кромѣ того нѣкоторые суды причислялись то къ одной, то къ другой палатѣ, иные закрывались совсѣмъ [2]).

---

[1]) Съ этого же года впервые появляются оффиціальныя статист. данныя въ Сводѣ, издаваемомъ Министерствомъ Юстиціи.

[2]) Вотъ перечень судовъ, гдѣ дѣйствовали Уставы съ указаніемъ года открытія каждаго. 12 судовъ открыты въ 1866 году: С.-Петер., Псковскій, Великолуцкій, Новгородскій, Московскій, Калужскій, Владимірскій, Рязанскій, Тверской, Коломенскій, Тульскій, Ярославскій. 8 суд. въ 1867 году: Елецкій, Харьковскій, Изюмскій, Сумскій, Курскій, Орловскій, Воронежскій, Острогожскій. 7 суд. въ 1869 году: Нижегородскій, Полтавскій, Таганрогскій, Херсонскій, Одесскій, Симферопольскій, Кишиневскій. 4 суда въ 1870 г.: Смоленскій, Казанскій, Симбирскій, Самарскій. 5 суд. въ 1871 г.: Череповецкій, Костромской, Саратовскій, Пензенскій, Тамбовскій. 2 суда въ 1873 г.: Новочеркасскій, Усть-медвѣдицкій. 9 суд. въ 1873 г.: Елисаветградскій, Екатеринославскій, Вятскій, Сарапульскій, Пермскій, Екатеринбургскій, Черниговскій, Стародубскій, Нѣжинскій. 1—въ 1876 г.: Лубенскій. 5—въ 1880 г.: Каменецъ-Подольскій, Кіевскій, Уманскій, Житомірскій и Луцкій. 6—въ 1883 году. Витебскій, Могилевскій Виленскій, Ковенскій, Гродненскій и Минскій. Итого 59 судовъ съ 1866 по 1883 г. за 18 лѣтъ.

Словомъ, пестрота картины дѣлаетъ почти невозможнымъ ясное изображеніе постепеннаго распространенія новаго суда. Чтобы сравнить всетаки, насколько это возможно, судъ присяжныхъ 1866 года съ его нынѣшнимъ положеніемъ въ отношеніи объема юрисдикціи, прослѣдимъ постепенныя измѣненія его компетенціи.

Судебникъ, примѣненіе котораго почти исключительно выпало на далю судовъ, дѣйствующихъ при участіи присяжныхъ засѣдателей, есть Уложеніе о Нак. уголов. и испр. Въ немъ 1711 статей; изъ которыхъ 175 въ общей части; изъ числа остальныхъ 1536 статей около 20 ст. о государственныхъ преступленіяхъ, были уже изъяты 20 ноября 1864 года изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей (1032 ст. У. У. С. изд. Г. К.). Затѣмъ около 128 статей были отнесены къ непосредственному вѣдѣнію административныхъ управленій и около 775 статей остались въ вѣдѣніи короннаго суда, т. е. окружнаго суда и судебныхъ палатъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, а также начальства обвиняемыхъ въ порядкѣ дисциплипарномъ.

Такимъ образомъ на долю присяжныхъ приходилось изслѣдованіе преступленій, предусмотрѣнныхъ приблизительно 410 статьями, такъ какъ около 203 статей Улож. о Нак. отошло тогда же къ мировымъ судьямъ [1]), на долю которыхъ пришлось еще 181 стат. по Уставу о Наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Слѣдовательно, изъ общаго итога карательныхъ статей Устава и Уложенія удѣлялась присяжнымъ почти пятая доля, а именно: немного болѣе, чѣмъ мировымъ судьямъ, втрое болѣе чѣмъ административнымъ управленіямъ и въ два раза менѣе, чѣмъ коронному суду вмѣстѣ съ начальствомъ обвиняемыхъ. Законъ 9 мая 1878 года изъялъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей и вве-

[1]) Соображенія Госуд. Канц. 1862 г. стр. 2—8 подъ 1000 ст. У. У. С. Изд. Г. К.

рилъ судебнымъ Палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей рядъ статей изъ четвертаго раздѣла Уложенія, а также дѣла о насиліяхъ надъ должностными лицами, причемъ по такого рода дѣламъ исключилъ присяжныхъ изъ Сената. Эти же дѣла, временно перенесенныя въ военные суды закономъ 9 августа 1878 года, 11 мая 1882 года вернулись опять въ Палату съ обращеніемъ части нерѣшенныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе присяжныхъ засѣдателей.

Законъ 7 іюля 1889 года отнялъ у присяжныхъ преступленія, соединенныя съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и около 60 статей (въ томъ числѣ и ранѣе отошедшія по закону 11 мая 1882 года) разныхъ отдѣловъ Уложенія и всѣ преступленія по должности. Такимъ образомъ удаленные изъ Палатъ и Сената присяжные засѣдатели остались только въ окружномъ судѣ, причемъ и въ стѣнахъ окружнаго суда компетенція ихъ уменьшилась.

Это уменьшеніе было слѣдствіемъ ряда законовъ, измѣнившихъ текстъ статей о кражѣ со взломомъ и по паспортнымъ преступленіямъ (18 мая 1882 года и 18 декабря 1885 года и пр.). Кромѣ того по закону 7 іюля 1889 года нѣкоторыя преступленія по дѣламъ печати тоже были переданы отъ присяжныхъ въ судебную палату съ сословными представителями.

Въ результатѣ по роду преступленій изъ компетенціи присяжныхъ были изъяты, кромѣ государственныхъ преступленій, почти всѣ преступленія противъ порядка управленія, по должности, по паспортнымъ дѣламъ, значительное число кражъ со взломомъ, преступленія по дѣламъ печати, банковскія дѣла, нѣкоторыя нарушенія уставовъ мореплаванія и путей сообщенія и о двоебрачіи. Остались въ вѣдѣніи присяжныхъ почти исключительно общія преступленія, предусмотрѣнныя приблизительно тремя стами статей Уложенія т. е. число статей, подвѣдомыхъ присяжнымъ, прежде пре-

вышавшее нѣсколько число статей, примѣняемыхъ мировыми судьями, теперь низведено до трехъ четвертей этого числа и стало уже не въ два, а почти въ три раза менѣе числа статей Уложенія, примѣняемыхъ коронныимъ судомъ и начальствомъ въ порядкѣ дисциплинарномъ.

Данныя эти, доведенныя до возможной степени наглядности, не могутъ однако служить для какихъ либо опредѣленныхъ, а тѣмъ болѣе точныхъ выводовъ. Дѣло въ томъ, что статьи Уложенія весьма часто имѣютъ исключительно опредѣлительный характеръ и слѣдовательно вовсе не должны идти въ счетъ, а еще чаще, благодаря сложной санкціи, имѣютъ двойную или очень условную подсудность, что неизбѣжно влечетъ за собой рядъ ошибокъ при счетѣ. Точную картину дѣятельности суда присяжныхъ можетъ поэтому дать только рядъ цифровыхъ данныхъ о числѣ лицъ, судившихся въ разныхъ судахъ и подвергшихся тѣмъ или другимъ приговорамъ. Для наглядности весьма полезно составленіе таблицъ и діаграммъ, къ которымъ я и прибѣгну въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Было бы весьма интересно дать въ этихъ же таблицахъ и діаграммахъ изображеніе того, что составляетъ неотъемлемую принадлежность суда присяжныхъ, а именно: публичности (гласности его отправленія). Къ сожалѣнію и въ этомъ случаѣ препятствіемъ является казуистичность статей закона, опредѣляющихъ порядокъ закрытія дверей засѣданія, и крайняя ихъ условность въ большинствѣ случаевъ.

Вотъ почему мнѣ придется ограничиться краткимъ историческимъ обзоромъ законоположеній, относящихся къ этому вопросу. Законоположенія эти вліяютъ на гласность въ трояскомъ направленіи: 1) Опредѣляются моменты судебнаго слѣдствія, въ предѣлахъ которыхъ допускается или требуется закрытіе дверей; такъ, напримѣръ, по тексту 624 статьи редакціи 1864 года всѣ судебныя дѣйствія, начиная съ

объясненія предсѣдателя по дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, всегда происходятъ публично. Законъ 12 февраля 1887 года измѣнилъ эту редакцію въ томъ смыслѣ, что только объявленіе приговора всегда происходитъ публично. 2) Первоначально правилами 20 ноября 1864 года о печатаніи рѣшеній судебныхъ установленій дозволялось печатать о всемъ, происходившемъ въ публичномъ засѣданіи судебнаго установленія; законъ 12 декабря 1866 года въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 6 апрѣля 1865 года мнѣнія Государственнаго Совѣта въ пунктѣ 11-мъ установилъ, а затѣмъ и закономъ 4 февраля 1875 года было введено въ текстъ 1213[15] У. У. С., что по дѣламъ объ оскорбленіяхъ (1039 ст.) не могутъ быть печатаемы пренія, происходившія въ судѣ, а печатается, при томъ съ особаго разрѣшенія, только приговоръ. Наконецъ, закономъ 4 февраля 1875 года также постановлено, что по дѣламъ, производящимся при закрытыхъ дверяхъ присутствія, могутъ быть печатаемы въ повременныхъ изданіяхъ только постановленныя судомъ резолюціи, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ приведенномъ выше пунктѣ 11-мъ закона 12 декабря 1866 года. Тѣмъ же закономъ 1875 года установлена отвѣтственность по статьѣ 1038[1] Ул. за нарушеніе правилъ о печатаніи рѣшеній и отчетовъ по судебнымъ дѣламъ.

3) По роду дѣлъ существуетъ рядъ ограниченій; особнякомъ стоятъ государственныя преступленія. Изъ числа ихъ преступленія, предусмотрѣнныя 246 по 248, разбираются всегда при закрытыхъ дверяхъ, остальныя же разсматриваются въ публичномъ или закрытомъ судебномъ засѣданіи по усмотрѣнію суда, (статья 27-я закона 7 іюня 1872 года и ст. 1056 У. У. С. по дополненію 12 февраля 1887 года). Если исключить эти преступленія, какъ не относящіяся къ присяжнымъ засѣдателямъ, то окажется, что

въ мою задачу входитъ изслѣдованіе видоизмѣненій исключительно 620-й ст., предписывавшей еще въ 1864 году закрытіе дверей засѣданія въ четырехъ случаяхъ, а именно:

По старому тексту 620 ст. судебныя засѣданія по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ происходятъ публично. Изъ сего правила изъемлются только дѣла:

1) О богохуленіи, оскорбленіи святыни и порицаніи вѣры (улож. о наказ. ст. 192—199 и 235).

2) О преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ (улож. о наказ. ст. 2118—2169).

3) О преступленіяхъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ (улож. о наказ. ст. 2076—2085).

4) О развратномъ поведеніи, противоестественныхъ порокахъ и сводничествѣ (улож. о наказ. ст. 1336 — 1344 и 1348—1355).

Прежде всего необходимо упомянуть о Положеніи 14-го августа 1881 года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Пунктомъ 17 б. этого положенія предоставлялось генералъ-губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ „требовать разсмотрѣнія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ тѣхъ судебныхъ дѣлъ, публичное разсмотрѣніе коихъ можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и къ нарушенію порядка. Высочайше утвержденнымъ 14 ноября 1881 года положеніемъ комитета министровъ упомянутый пунктъ б 17-й статьи былъ дополненъ расширеніемъ права предсѣдателя суда, которому предоставлялось разрѣшать согласно 622 и 623 статьи У. У. С. нѣкоторымъ разрядамъ лицъ присутствовать на разбирательствѣ, происходящемъ при закрытыхъ дверяхъ, но въ то же время по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ въ зависимости отъ требованій генералъ-губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ примѣненіе 622 и 623-й статьи даже въ первоначальной болѣе узкой редакціи устранялось

совершенно. Упомянутое Положеніе 1881 года дѣйствовало и дѣйствуетъ однако далеко не на всемъ пространствѣ, гдѣ судятъ присяжные засѣдатели, и потому не могло бы войти въ діаграмму даже независимо отъ его условности.

620 статья, дѣйствующая вездѣ, гдѣ есть присяжные весьма значительно измѣнилась по содержанію сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ 1864 года, а именно: законъ 12 февраля 1887 года раздѣливъ ее на четыре статьи повторилъ всѣ прежнія требованія о закрытіи дверей въ засѣданіи въ новой статьѣ 620^2, требуя кромѣ того закрытія дверей по нѣкоторымъ скопческимъ и раскольничьимъ дѣламъ; затѣмъ въ статьяхъ 620^1 и 620^3, а также въ дополненіи къ 621 ст. (621^1) онъ существенно ограничилъ публичность судебнаго разбирательства устранивъ 1) совершенно-малолѣтнихъ и учащихся и 2) — условно, въ зависимости отъ разрѣшенія предсѣдателя, несовершеннолѣтнихъ и лицъ женскаго пола и воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній и 3) публику вообще на все время судебнаго разбирательства или на время отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій въ зависимости отъ признанія судомъ, что публичное изслѣдованіе того или другого преступленія оскорбляетъ религіозныя чувства или нарушаетъ требованія нравственности или же не можетъ быть допущено въ видахъ ограждепія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка или обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій. Это право суда въ полномъ объемѣ перенесено статьею 621^1 на Министра Юстиціи.

Изложенное приводитъ къ общему выводу, что публичность разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ въ настоящее время поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія Суда или Министра Юстиціи по всякаго рода дѣламъ и во всякой мѣстности, почему современное положеніе этого вопроса представ-

ляется достаточно нагляднымъ безъ всякихъ таблицъ или діаграммъ.

Прежде чѣмъ попытаться дать обѣщанную мною точную сравнительную картину дѣятельности суда присяжныхъ на основаніи цифровыхъ данныхъ о числѣ лицъ, судившихся въ разныхъ судахъ съ присяжными и безъ нихъ и подвергшихся тѣмъ или другимъ приговорамъ, необходимо указать источникъ, изъ котораго я буду черпать цифры, а также причины предпочтенія числа лицъ или, что то же, состоявшихся приговоровъ числу дѣлъ или преступленій. Единственнымъ источникомъ статистическихъ цифръ по судебнымъ дѣламъ является у насъ оффиціальное изданіе: „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ“, издаваемый департаментомъ министерства юстиціи; цифровыя данныя, содержащіяся въ немъ, относятся къ періоду съ 1873 по 1890 годъ включительно, т. е. за 18 лѣтъ. Сводъ этотъ состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая и вторая относятся къ Общимъ судебнымъ установленіямъ, а третья—къ Мировымъ судебнымъ установленіямъ.

Независимо отъ того, что въ моемъ распоряженіи за послѣдующіе года имѣются только разрозненныя оффиціальныя, впрочемъ, свѣдѣнія, — почему они не могутъ служить для дополненія общей судебной картины,—принятое мною ограниченіе изслѣдованій семнадцатилѣтнимъ періодомъ съ 1873 по 1889 г. включительно представляетъ само по себѣ существенныя удобства. Дѣло въ томъ, что законъ 7-го іюля 1889 года былъ послѣднимъ, изъявшимъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ всѣ сколько-нибудь сложныя, въ юридическомъ смыслѣ, дѣла, слѣдовательно для оцѣнки суда присяжныхъ представляетъ интересъ только періодъ до 1890 года; процентъ обвинительныхъ приговоровъ—и прежде постепенно повышавшійся—поднялся почти на 4 процента въ 1890 году; съ другой стороны, какъ будетъ показано ниже, уже съ 1885

года сила репрессіи судовъ съ присяжными болѣе или менѣе однообразно установилась въ повышательномъ направленіи; объемъ же юрисдикціи этихъ судовъ, уже съ конца 1882 года, постепенно уменьшается.

Такимъ образомъ картина именно этого семнадцатилѣтняго періода вѣрнѣе передастъ общій характеръ всѣхъ измѣненій суда присяжныхъ; кромѣ этого уже положительнымъ удобствомъ является возможность дать за всѣ семнадцать лѣтъ картину параллельныхъ суду присяжныхъ явленій въ области юрисдикціи и репрессіи мировыхъ судебныхъ установленій, которыя, какъ извѣстно, закономъ 12 іюля 1889 года были раскассированы.

Обращаясь къ общему разсмотрѣнію трехъ частей свода, я долженъ прежде всего выяснить, почему я совсѣмъ не буду пользоваться первой частью: часть эта составляется въ Статистическомъ отдѣленіи министерства юстиціи на основаніи извѣстной въ судебномъ мірѣ вѣдомости лит. Б. и въ эту часть входятъ, какъ оконченныя, такъ и не оконченныя дѣла; между тѣмъ какъ во вторую часть включаются только дѣла рѣшенныя; эта вторая часть составляется на основаніи совершенно другихъ и при томъ болѣе точныхъ данныхъ, а именно вносимыхъ судебными мѣстами и лицами въ Статистическій листокъ; каждый такой листокъ представляетъ собой опредѣленное, съ полнымъ именемъ, судившееся лицо, которое включается особой единицей во II части свода только по вступленіи приговоровъ въ законную силу; въ противоположность этому въ вѣдомость лит. Б. занесены цифры, привлеченныхъ по дѣлу со свѣдѣніями о прекращеніи или продолженіи преслѣдованія, что вредитъ точности вывода о числѣ осужденныхъ; это число вообще представляется преувеличеннымъ въ I-й части свода, ибо въ эту часть вносятся и такіе осужденные, приговоры которыхъ еще подлежатъ обжалованію.

Между тѣмъ эта первая часть, итоги которой, не соотвѣт-

ствуя итогамъ второй, не могутъ служить матеріаломъ для параллельныхъ выводовъ изъ данныхъ обѣихъ частей, заключаетъ въ себѣ по вопросу о дѣятельности суда присяжныхъ слѣдующія интересныя данныя: для опредѣленія силы репрессіи, помимо сравненія числа обвинительныхъ приговоровъ съ числомъ оправдательныхъ (эти свѣдѣнія есть во II-й части), представлялось бы очень интереснымъ установить, насколько строга цензура обвинительной камеры. Если взять на выдержку цифры за 1879 и 1888 годъ, то мы получимъ, что изъ числа дѣлъ, поступившихъ въ Палату въ 1879 году, преслѣдованіе было прекращено, пріостановлено или измѣнена подсудность по всякаго рода преступленіямъ при разсмотрѣніи 16580 дѣлъ, что соотвѣтствуетъ 24844 обвиняемымъ, а состоялось опредѣленій о преданіи суду съ присяжными по 19442 дѣламъ, что соотвѣтствуетъ 31049 подсудимымъ. Итакъ по отношенію къ общему числу 55893 лицъ, привлеченныхъ къ дѣламъ, процентъ преданныхъ суду составляетъ $55,_{58}$, а по отношенію къ 44, 42% уголовное преслѣдованіе было прекращено.

Надо помнить, что въ числѣ прекращенныхъ дѣлъ есть цѣлый рядъ прекращенныхъ по разнымъ законнымъ причинамъ, въ томъ числѣ по неподсудности, а не только по недостатку уликъ т. е. вслѣдствіе строгости цензуры Палаты. Такимъ образомъ цифра $55,_{58}$% для приближенія къ истинному показателю этой строгости должна быть повышена по приблизительному разсчету на 10%, что составитъ около 65%. Получивъ такимъ же способомъ за 1888 годъ цифру преданныхъ суду въ $78,_{66}$%, а прекращенныхъ $21,_{34}$%, и также увеличивъ цифру преданныхъ суду на 10%, мы придемъ къ тому, что къ концу десятилѣтія Судебная Палата предала суду 88% изъ числа всѣхъ привлеченныхъ къ дѣламъ (45895 человѣкъ); изъ этого можно съ нѣкоторымъ правомъ сдѣлать только три вывода: въ виду уменьшенія вообще

числа привлеченныхъ на пятую долю или цензура палаты, пропускающей 88 % обвиненій, стала слабѣе, или прокурорскій надзоръ и слѣдователи стали осторожнѣе относиться къ привлеченію обвиняемыхъ, или имѣло мѣсто и то и другое явленіе, такъ что по тѣмъ или другимъ причинамъ число предаваемыхъ суду присяжныхъ за десятилѣтіе съ 1879—1888 годъ возросло на 23 %. Но сопоставить эти данныя съ цифрами II-й части и такимъ образомъ показать связь этого увеличенія числа судимыхъ съ увеличивающимся числомъ приговоровъ въ смыслѣ усиленія или ослабленія репрессіи по причинамъ изложеннымъ выше не представляется къ сожалѣнію возможнымъ. Вотъ все что можетъ быть извлечено изъ I части Свода для нашей цѣли.

Итакъ далѣе я буду брать только данныя о судившихся изъ II и III части свода въ томъ предположеніи (болѣе или менѣе обоснованномъ вышеизложеннымъ), что Палата устраняетъ слишкомъ неосновательныя обвиненія и что слѣдовательно % обвинительныхъ приговоровъ можетъ съ нѣкоторой вѣроятностью указывать на силу репрессіи; не слѣдуетъ однако забывать, что если обрядъ преданія суду выродился въ пустую формальность, то повышеніе % оправдательныхъ приговоровъ можетъ также означать добросовѣстное и внимательное отношеніе присяжныхъ къ своимъ обязанностямъ, а пониженіе этого процента—прямо обратное, т. е. легкомысленныя обвиненія. Какъ-бы то ни было, при всѣхъ этихъ оговоркахъ я все таки мѣриломъ силы репрессіи въ данномъ случаѣ принимаю % обвинительныхъ приговоровъ, такъ какъ на почвѣ оффиціальной статистики, мною теперь изслѣдуемой, другаго критеріума указать нельзя.

Обращаясь къ разсмотрѣнію цифръ, полученныхъ путемъ разныхъ комбинацій, изъ данныхъ Свода, я долженъ указать, что распредѣляя ихъ по пяти таблицамъ, я имѣлъ въ виду въ I-й таблицѣ соединить данныя, служащія къ опредѣленію

размѣровъ юрисдикціи присяжныхъ, короннаго и мировыхъ судовъ и ея измѣненія; во II-й таблицѣ сопоставить данныя, необходимыя для изображенія на основаніи, приведенныхъ въ ней процентныхъ отношеній обвинительныхъ къ оправдательнымъ приговорамъ — картины сравнительной силы репрессіи двухъ группъ судовъ: общихъ и мировыхъ и также распредѣленія внутри каждой группы числа обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ. Въ III-й таблицѣ приведены и сопоставлены результаты процентныхъ вычисленій отношенія обвинительныхъ приговоровъ къ оправдательнымъ въ каждомъ изъ изслѣдуемыхъ судовъ въ частности; другими словами III таблица даетъ матеріалъ для заключенія о сравнительной силѣ репрессіи разныхъ судовъ и каждаго въ отдѣльности взятаго; наконецъ въ IV-ю таблицу включены цифры и вычисленныя по нимъ процентныя отношенія, показывающія отдѣльно по каждому роду преступленія, какъ объемъ юрисдикціи, такъ и силу репрессіи суда присяжныхъ.

Каждой изъ этихъ таблицъ соотвѣтствуетъ діаграмма, позволяющая наглядно обозрѣть содержаніе таблицы; благодаря этой наглядности окажется возможнымъ сопоставить содержаніе таблицъ между собою въ особой діаграммѣ. О таблицѣ V-й о рецидивистахъ будетъ рѣчь особо далѣе.

II.

При разсмотрѣніи первой таблицы надлежитъ обратить вниманіе на то, что цифры послѣдней рубрики ($2,_{71}$ за 1873 годъ и т. д.) представляютъ отношеніе числа судившихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ по отношенію къ вообще судившимся въ общихъ мѣстахъ, а не къ цифрѣ населенія. Сдѣлано это на слѣдующемъ основаніи: общее число судившихся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, дѣйствительно, поставлено въ связь съ общей цифрой насе-

ленія (судившагося и несудившагося) (одинъ на 2330 за 1873 годъ и т. д.), такъ какъ эта цифра населенія относится къ территоріи, на которой дѣйствовали присяжные, граница же дѣйствія мировыхъ судебныхъ установленій, ихъ территорія, а слѣдовательно и цифра населенія были совершенно другія, причемъ ни эти границы, ни это послѣднее число интереса для моей работы не представляютъ. Мнѣ было только важно поставить такъ или иначе въ связь число судившихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ съ числомъ лицъ, о которыхъ состоялись приговоры присяжныхъ; такимъ образомъ, я получаю что въ 1873 году число судившихся у мировыхъ судей превышало число судившихся съ присяжными въ $2,_{71}$ раза; это даетъ возможность составить діаграмму слѣдующимъ способомъ: выражая общее число судившихся съ присяжными однимъ четыреугольникомъ, состоящимъ изъ 17-ти горизонтальныхъ полосъ, соотвѣтственно каждому году, и принимая, такимъ образомъ, за единицу объемъ ежегодной юрисдикціи присяжныхъ я получаю возможность, откладывая противъ каждаго года полосы, вычисленныя на основаніи данныхъ послѣдней рубрики таблицы, наглядно показать измѣненіе объема юрисдикціи мировыхъ судей относительно объема юрисдикціи присяжныхъ, предполагая пока послѣдній неизмѣннымъ (діаграм. I **а**). Изъ чертежа сразу видно, что мировымъ судьямъ приходилось судить ежегодно гораздо большее число лицъ, чѣмъ присяжнымъ засѣдателямъ, что объемъ юрисдикціи мировыхъ судей сравнительно съ таковымъ же присяжныхъ представлялся наиболѣе значительнымъ въ 1873 году и въ 1883 и 1884 годахъ. Затѣмъ общій характеръ этихъ измѣненій таковъ, что уменьшаясь и увеличиваясь волнообразно, причемъ на пространствѣ семнадцатилѣтняго періода какой либо особой правильности подмѣтить не удается—объемъ этотъ имѣетъ склонность, начиная съ 1875 года, постепенно рости, независимо отъ

увеличенія народонаселенія. Единственнымъ случаемъ, въ которомъ возможно установить, что ростъ этотъ происходитъ на счетъ объема юрисдикціи присяжныхъ, представляется рѣзкое увеличеніе числа судившихся у мировыхъ судей въ 1883 году, какъ очевидное слѣдствіе закона 18-го мая 1882 года, передавшаго мировымъ судьямъ весьма большое число дѣлъ о кражѣ со взломомъ.

Въ діаграммѣ I б наглядно выражено на основаніи рубрикъ процентныхъ отношеній таблицы I-й, какимъ образомъ объемъ юрисдикціи коронпаго суда постепенно увеличивался на счетъ объема юрисдикціи присяжныхъ засѣдателей; коронный судъ, подъ которымъ я разумѣю окружный судъ и судебную палату нераздѣльно—долженъ былъ въ свою очередь съ 1878 года уступать часть своей юрисдикціи суду съ участіемъ сословныхъ представителей. При составленіи этой діаграммы точно также, какъ и въ первой діаграммѣ общее число судившихся принято за неизмѣнную единицу, почему, выраженныя въ обѣихъ графически величины выражаютъ только условно измѣненіе объемовъ юрисдикціи разныхъ судовъ по отношеніи другъ къ другу, а не представляютъ собой картины дѣйствительнаго движенія объема юрисдикціи въ ряду лѣтъ, что будетъ показано особой діаграммой (III е).

Разсматривая таблицу I-ю, мы можемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ по отношенію къ измѣненію юрисдикціи отдѣльныхъ судовъ сравнительно съ приростомъ народонаселенія; съ 1873 года по 1889 годъ включительно населеніе территоріи, гдѣ дѣйствовали суды присяжныхъ увеличилось приблизительно въ полтора раза $(1,_6)$; между тѣмъ (число судившихся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ увеличилось въ $2,_{46}$ раза; въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ въ $1,_{76}$ раза; такимъ образомъ число судимыхъ растетъ быстрѣе соотвѣтствующаго числа населенія.

Сравнивая цифры судившихся 1873 года и 1889 года,

ввиду того, что числа судившихся почти правильно возрастаютъ годъ за годомъ, мы получимъ, что къ 1889 году число судившихся короннымъ судомъ возросло въ $4,_{57}$ раза (число судившихся съ сословными представителями 94 челов. (78 г.) 741 (81 г.) и 512 (89 г.) по крайней неправильности не можетъ быть принято въ разсчетъ); число же судившихся съ присяжными возросло только въ $1,_{30}$ раза, т. е. менѣе роста населенія. Здѣсь мы уже на цифрахъ видимъ, что компетенція короннаго суда растетъ на счетъ компетенціи присяжныхъ засѣдателей; такъ какъ въ 1873 году одинъ судившійся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ приходился на 2330 человѣкъ населенія, а въ 1889 году одинъ— на 1523 человѣка населенія, то число судившихся возросло за 17 лѣтъ въ $0,_{65}$ раза болѣе, чѣмъ слѣдовало бы соотвѣтственно приросту населенія. Въ виду этого можно и важно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: такъ какъ число судившихся съ присяжными къ 1889 году увеличилось въ $1,_{30}$ раза, т. е. менѣе, чѣмъ слѣдовало бы соотвѣтственно приросту населенія, то этотъ приростъ судившихся ни какъ не можетъ быть поставленъ на счетъ ихъ судебной дѣятельности, т е напримѣръ, слабости репрессіи суда присяжныхъ; съ другой стороны несомнѣнно, какъ будетъ видно изъ таблицы III, что процентъ обвинительныхъ приговоровъ короннаго суда вообще выше таковаго же присяжныхъ; вотъ почему важно теперь же отмѣтить что несомнѣнное увеличеніе преступности въ $0,_{65}$ раза за 17 лѣтъ не можетъ зависѣть отъ силы репрессіи, безразлично,—какъ присяжнаго, такъ и короннаго суда.

Причины этого, такъ сказать, паденія нравовъ будутъ мною, разумѣется предположительно, указаны далѣе, при анализѣ данныхъ по таблицѣ IV-й и діаграммы къ ней, содержащихъ данныя о силѣ репрессіи суда присяжныхъ по отдѣльнымъ преступленіямъ. Такъ какъ IV-я таблица будетъ

обнимать собой одиннадцатилѣтній періодъ съ 1879 по 1889 годъ включительно, то важно теперь же, кончая обзоръ I-й таблицы, установить фактъ, что населеніе за этотъ періодъ времени увеличилось въ $1,_{5}$ раза; этотъ множитель я и буду принимать въ разсчетъ при анализѣ IV-й таблицы.

Прежде чѣмъ заняться вопросомъ о силѣ репрессіи каждаго изъ судовъ (присяжнаго, короннаго, мироваго) въ отдѣльности, что составитъ содержаніе III-й таблицы, мнѣ кажется, не безъинтереснымъ будетъ сопоставить между собой двѣ большія группы: общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій въ отношеніи репрессіи; изъ таблицы II-й видно, что изъ общаго числа судившихся процентъ приговоренныхъ общими судебными мѣстами колебался въ предѣлахъ отъ $58,_{45}$ % (83 годъ) до $68,_{57}$ % (74 г.); предѣлы же колебаній количества обвинительныхъ приговоровъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ выражаются minimum'омъ $57,_{77}$ (75 г.) и maximum'омъ $74,_{48}$ (73 г.) общаго числа судившихся въ М. С. У.

Не смотря на эти колебанія, этотъ процентъ (количества обвинительныхъ приговоровъ) и въ той и въ другой группѣ начавшись, почти maximum'омъ въ группѣ общихъ мѣстъ и самимъ maximum'омъ ($74,_{48}$) въ группѣ мировыхъ установленій, постепенно падаетъ: въ первой группѣ до 1883 года ($58,_{45}$), а во второй группѣ до 1877 года ($60,_{16}$); начиная съ этихъ двухъ годовъ въ каждой группѣ съ соотвѣтствующаго года замѣчается постепенное повышеніе обвинительнаго процента, доходящее для первой группы до $66,_{11}$ (1889 годъ) и для второй группы до $70,_{43}$ (89 годъ).

Для болѣе удобнаго разсмотрѣнія того, какъ распредѣляется количество обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ внутри каждой группы составлены три діаграммы; площадь каждой изъ нихъ выражаетъ принятое за единицу общее число судившихся (слѣдовательно діаграммы составлены независимо отъ объема юрисдикціи) въ каждой изъ

группъ. Первая діаграмма показываетъ распредѣленіе всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ, постановленныхъ: 1) присяжными, 2) короннымъ судомъ (окруж. суд. и палата) и 3) палатой съ участіемъ сословныхъ представителей. Вторая діаграмма даетъ тоже относительно оправдательныхъ приговоровъ. Наконецъ третья обнимаетъ какъ обвинительные, такъ и оправдательные приговоры мировыхъ судей въ одной рамкѣ, т. е. даетъ кривую въ сущности показывающую силу репрессіи. Такъ какъ судящіеся у мировыхъ судей составляютъ группу совершенно отличную (и по территоріи и по числу) отъ судимыхъ общими судами, то непосредственное сопоставленіе количества обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ (внѣ связи съ юрисдикціей) невозможно. Остается довольствоваться тѣмъ, что эта діаграмма даетъ наглядно тотъ ростъ количества обвинительныхъ приговоровъ съ 1877 года, о которомъ шла рѣчь выше. Что касается первой діаграммы (**а**), то изъ нея видно, что общее количество обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ въ 1889 году упало почти до трехъ четвертей числа ихъ въ 1873 году, то же самое, впрочемъ, видно и по отношеніи къ оправдательнымъ приговорамъ (діаграмма **б**), изъ чего ясно видно, что это паденіе зависитъ отъ уменьшенія юрисдикціи присяжныхъ; наблюдая того же рода явленія въ сферѣ дѣятельности короннаго суда, т. е. параллельное увеличеніе числа приговоровъ того и другого рода (діаграммы **а** и **б**) мы видимъ, такъ сказать, своими глазами, какъ съ измѣненіемъ юрисдикціи оправдательные и обвинительные приговоры присяжныхъ замѣнялись оправдательными и обвинительными приговорами короннаго суда и сословныхъ представителей. При разсмотрѣніи этихъ трехъ діаграммъ (**а**, **б**, **в**) необходимо помнить, что площади ихъ только условно приняты за равныя, что, если бы ввести данныя объема юрисдикціи, то **а** и **б** стали бы менѣе **в** въ полтора, а въ иные года и

въ три раза. Діаграмма же **а**, если бы вычислить ее по дѣйствительному количеству обвинительныхъ приговоровъ сравнительно съ общимъ объемомъ оправдательныхъ (діаграм. **б**)—заняла бы пространство въ три раза больше діаграммы **б**.

III.

Сравнительную силу репрессіи наиболѣе удобно представить въ видѣ парныхъ рядовъ процентныхъ величинъ, выражающихъ послѣдовательныя въ теченіи ряда лѣтъ измѣненія количества обвинительныхъ приговоровъ по отношенію къ оправдательнымъ каждой формы даннаго суда; - это и составляетъ содержаніе третьей таблицы. Далѣе построеніе соотвѣтствующихъ кривыхъ въ четырехъ діаграммахъ **а**, **б**, **в** и **г** представляетъ съ наглядною точностью, какъ силу репрессіи и рѣзкія измѣненія въ ней, такъ и общее направленіе, принимаемое ею въ послѣдніе года. Прежде всего бросается въ глаза крайне капризный характеръ кривой, раздѣляющей діаграмму **в** (судъ сословныхъ представителей), какъ и кривыя другихъ діаграммъ на лѣвую и правую половины, изображающія величиной отдѣльныхъ площадей, количества обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ. Эта кривая указываетъ на широкіе предѣлы, въ которыхъ двигается процентъ обвинительныхъ приговоровъ, выносимыхъ сословными представителями, а именно между $78,_2$ (83 г.) и $47,_1$ (81 г.); эти колебанія по отношенію къ 1878, 1883 и 1885 году легко могутъ быть объяснены малымъ числомъ дѣлъ (94, 55 и 254); [1]) отчасти сюда же относится и 84 (со 186 дѣлами); эти года представляютъ наибольшую строгость (около 77%) и въ то же время наи-

[1]) См. табл. II.

меньшее число дѣлъ. Въ остальные года число дѣлъ колеблется между 345 и 741; какъ разъ послѣдняя цифра дѣлъ. наибольшая, соотвѣтствуетъ наименьшей силѣ репрессіи; изъ этого съ нѣкоторымъ правомъ можно заключить, что этотъ судъ, спустившійся въ этотъ критическій (событіе 1-го марта) годъ ниже всѣхъ остальныхъ по силѣ репрессіи, никакъ не можетъ быть названъ преимущественно строгимъ, а скорѣе за нимъ должна быть признана тенденція къ слабости; дѣйствительно изъ діаграммы **в** ясно видно, что съ 1885 года обнаруживается въ судѣ сословныхъ представителей совершенно ясное паденіе силы репрессіи.

Общій обзоръ діаграммъ **а**, **б**, **г**, представляетъ въ общемъ установившіяся кривыя, причемъ нѣкоторыя колебанія сказываются въ процентѣ обвинительныхъ приговоровъ коронпаго суда до 1883 года включительно; это разумѣется, прежде всего объясняется тѣмъ, что количество лицъ, подвѣдомыхъ этому суду, только къ 1884 году установилось прочно на minimum'ѣ въ 10000. Съ другой стороны, какъ мировой судъ, такъ и судъ присяжныхъ еще въ 1873 г. начали свой счетъ (см. табл. I) десятками тысячъ. Обращаясь вслѣдствіе этого къ сравненію движенія кривой названныхъ трехъ судовъ за послѣдніе годы, я въ правѣ поставить, какъ твердое положеніе, что приговоры коронпаго суда по отношеніи къ силѣ репрессіи, болѣе или менѣе установились, хотя на высокомъ уровнѣ, но съ нѣкоторой, впрочемъ, наклонностью къ паденію, тогда какъ приговоры мировыхъ судей и присяжныхъ прочно установились въ повышательномъ направленіи силы репрессіи. Изъ имѣющихся у меня подъ рукой свѣдѣній (неизданное дополненіе къ Сбор. ст. св.) [1]) видно, что далѣе однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій уничтоженія судебно мирового института въ

---

[1]) Въ Сводѣ за 1890 г. Мир. Уст. не выдѣлены.

большей части Россіи закономъ 7 іюля 1889 года было большое пониженіе силы репрессіи, а именно приговоры уцѣлѣвшихъ мировыхъ судей дали въ среднемъ по 1891 г. $56,_6$ процента обвинительныхъ приговоровъ [1]). Уѣздные члены за тотъ же періодъ показали обвинительный процентъ отъ 49 до 53, а городскіе судьи еще ниже отъ 51 до 50.

Не входя въ разсмотрѣніе дѣятельности послѣднихъ, вновь учрежденныхъ органовъ, я не могу не отмѣтить того деморализующаго вліянія, которое оказало, повидимому, на мировыхъ судей гласно выраженное имъ упомянутымъ закономъ недовѣріе, такъ какъ, повидимому, тотъ же законъ и въ томъ же смыслѣ повліялъ на присяжныхъ засѣдателей послѣ изданія закона 9 мая 1878 года, ограничившаго ихъ компетентность и послѣ изданія законовъ 18 мая 1882 г. и 12 декабря 1885 года, которые посредствомъ измѣненія санкціи также ограничили юрисдикцію присяжныхъ; хотя дѣйствительно непосредственно слѣдовавшіе за изданіемъ этихъ законовъ годы дали пониженіе процента обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ, нельзя не замѣтить, что пониженіе это въ 1886 году было очень незначительно и ограничившись только этимъ годомъ вслѣдъ за тѣмъ уступило мѣсто уже отмѣченному выше постепенному повышенію. Изъ тѣхъ же упомянутыхъ мною свѣдѣній видно, что обвинительный процентъ приговоровъ присяжныхъ для *внутреннихъ* губерній поднялся въ 1890 году до $66,_2$ и въ 1891 году до $66,_0$. Хотя присяжные засѣдатели внутреннихъ губерній строже (обратное мировымъ судьямъ) присяжныхъ губерній разноплеменныхъ т. е. окраинъ; а слѣдовательно процентъ этотъ нѣсколько выше выведеннаго мною для присяжныхъ всей Россіи, однако выводъ о твердо установившемся по-

---

[1]) Исключеніе составили мировые судьи окраинъ: Новгородской губ. $72,_{44}$ Вологодской губ. $67,_6$, Пермской губ. $73,_6$, Вятской губ. $63,_0$, Казанской губ. $68,_8$.

вышательномъ движеніи силы репрессіи присяжныхъ остается въ своей силѣ [1]).

Такимъ образомъ хотя точныхъ данныхъ не имѣется, но приведенныя цифры и соображенія, устанавливая повышеніе силы репрессіи даже по изданіи закона 7 іюля 1889 года, сильно ограничившаго юрисдикцію присяжныхъ [2]), въ то же время какъ бы свидѣтельствуютъ противъ предположеннаго мною выше закона о деморализующемъ вліяніи судопроизводственныхъ новеллъ, выражающихъ недовѣріе суду присяжныхъ. На это можно возразить слѣдующее: напрашивающееся предположеніе, что присяжные такъ сказать обтерпѣлись и достаточно окрѣпли въ самоуваженіи является излишнимъ, такъ какъ закономъ 7 іюля съ одной стороны изъяты были почти всѣ сложныя (со спеціальнымъ характеромъ) преступленія, а съ другой стороны возвращены, слѣдовательно вновь довѣрены имъ послѣ одиннадцати-лѣтняго промежутка нѣкоторыя дѣла о преступленіяхъ противъ порядка управленія.

Всѣ приведенные выше выводы могутъ быть представлены наглядно еще и другимъ способомъ; для этой цѣли я расположилъ параллельно въ рядахъ разные года судебной дѣятельности всѣхъ четырехъ родовъ суда въ убывающемъ порядкѣ, начиная съ годовъ высшаго процента обвинительныхъ приговоровъ для каждаго рода. Изъ этой таблицы (III д.) видно, что занимающій первое мѣсто по высотѣ maximum'а судъ сословныхъ представителей занимаетъ чет-

---

1) % обвин. приг.	1884.	1885.	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.	1891
для всей Россіи	57,6;	59,99;	59,6;	59,7;	60,7;	61,5;	65,3	
для внутрен. губ.	59,8;	60,02;	61,5;	61,9;	62,8;	63,0;	66,2;	66,0;

2) Изъяты дѣла съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, должностныя преступленія, нѣкоторыя преступленія противъ уставовъ, въ томъ числѣ мореплаванія и путей сообщенія, противъ брака и банкирскія.

вертое, т. е. послѣднее мѣсто въ ряду minimum'а и слѣдовательно въ его дѣятельности, какъ уже было отмѣчено выше проявляются наибольшія колебанія. Мировой судъ, какъ по maximum'у, такъ и по minimum'у занимаетъ второе мѣсто. Коронный судъ—третій по maximum'у, выше всѣхъ по minimum'у. Присяжные, занимая послѣднее мѣсто по maximum'у и представляя наименьшія колебанія, стоятъ по minimum'у хотя ниже короннаго суда и мироваго, но на 10 процентовъ выше суда съ участіемъ сословныхъ представителей.

Послѣ детальнаго разсмотрѣнія сравнительной силы репрессіи весьма интересно дать полную картину силы репрессіи всѣхъ четырехъ судовъ рядомъ по годамъ и при томъ въ неразрывной уже связи съ движеніемъ объема юрисдикціи каждаго суда.

Для этой цѣли служитъ діаграмма (III. е.), на которой объемъ юрисдикціи за каждый годъ изображенъ въ видѣ полосъ, раздѣленныхъ вертикальными чертами сперва на три до 1877 года включительно, а затѣмъ на четыре части по числу судовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: первая часть изображаетъ объемъ юрисдикціи мироваго суда, вторая часть — присяжныхъ засѣдателей, третья часть — короннаго суда (окруж. суд. и палата) и четвертая—сословныхъ представителей. Судъ сословныхъ представителей, существовавшій и ранѣе, показанъ однако только съ 1878 года, такъ какъ съ этого года онъ началъ, такъ сказать, увеличивать свою юрисдикцію насчетъ юрисдикціи присяжныхъ. Для удобства сравненія измѣненій юрисдикціи въ рядѣ годовъ годовыя полосы обѣихъ большихъ группъ соединены такъ, что линія, отдѣляющая мировыхъ судей отъ присяжныхъ засѣдателей составляетъ одну прямую, какъ-бы ось, по обѣимъ сторонамъ которой отложены подъ прямымъ угломъ годовыя полосы въ видѣ координатъ. Это расположеніе діаграммы

даетъ возможность непосредственно сравнивать измѣняющуюся кривую юрисдикціи мировыхъ и присяжныхъ. Что касается вычисленія на основаніи котораго на чертежѣ изображенъ объемъ юрисдикціи коронпаго суда и сословныхъ представителей, то основаніемъ для этого служили цифровыя данныя I-й таблицы объ общемъ количествѣ судившихся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и процентное отношеніе, выведенное въ той же таблицѣ и показывающее, какая часть общаго числа судимыхъ приходилась на долю присяжныхъ, короннаго суда и сословныхъ представителей. За маштабную единицу принята полоса 1873 года, выражающая собой число всѣхъ судившихся въ этомъ году (21,449) въ общихъ мѣстахъ; затѣмъ на ней отложено для короннаго суда площадь равная $20,_{31}$ процента, а на долю присяжныхъ оставлено $79,_{69}$. По тому же маштабу, соотвѣтственно увеличенію общаго числа судившихся въ общихъ мѣстахъ удлиннялись и раздѣлялись на части, какъ показано выше, сообразно процентному отношенію, полосы по правую сторону оси; затѣмъ для разсчета длины полосъ по лѣвую сторону оси (юрисдикція мировыхъ судей), за единицу принималось полоса, изображающая подсудность суду присяжныхъ и удлиннялась согласно даннымъ послѣдней рубрики первой таблицы.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что каждый четыреугольникъ, изображающій объемъ юрисдикціи какого либо суда, можетъ быть наглядно сравниваемъ по величинѣ площади безъ всякихъ оговорокъ со всякимъ другимъ четыреугольникомъ діаграммы.

Для изображенія силы репрессіи употребленъ слѣдующій пріемъ: каждая полоса по ширинѣ представляетъ собой маштабъ въ 100 градусовъ, по которому и отлагается по вертикальной линіи отъ верхняго края внизъ количество обвинительныхъ приговоровъ каждаго суда въ каждый данный годъ на основаніи процентныхъ величинъ имѣющихся въ таблицѣ III; получаемые такимъ образомъ въ верхней части

каждой годовой полосы отдѣлы, соотвѣтствующіе количеству обвинительныхъ приговоровъ для наглядности закрашены у мировыхъ судей, а у сословныхъ представителей зачерчены того же цвѣта вертикальными штрихами, для обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ и коронпаго суда эти же отдѣлы (количество обвинительныхъ приговоровъ) зачерчены того же цвѣта штрихами: для присяжныхъ—наклонными, а для короннаго суда—горизонтальными линіями.

Для болѣе нагляднаго обозрѣнія того, на сколько увеличивается или уменьшается сила репрессіи каждаго рода судовъ по сравненію съ другими, выступающіе углы бо́льшихъ отдѣловъ (число обвинительныхъ приговоровъ) соединены косыми линіями равной длины съ нижней границей каждаго меньшаго отдѣла или съ ея пунктирнымъ продолженіемъ; послѣдній пріемъ употребленъ только для нагляднаго сравненія силы репрессіи суда сословныхъ представителей съ таковой же суда присяжныхъ и короннаго, такъ какъ сравненіе силы репрессіи сословныхъ представителей и мировыхъ судей между собой въ мою задачу не входитъ; тѣмъ не менѣе это сравненіе можетъ быть желающимъ произведено, какъ уже было объяснено выше, простымъ сопоставленіемъ соотвѣтствующихъ *обвинительныхъ* (заштрихованныхъ) отдѣловъ по величинѣ ихъ площадей.

При бѣгломъ обзорѣ діаграммы III. e. по каждому изъ разрядовъ судовъ отдѣльно замѣчается прежде всего, что увеличеніе объема или уменьшеніе объема юрисдикціи ни въ какой постоянной связи съ увеличеніемъ силы репрессіи не стоитъ, хотя болѣе часты случаи совпаденія увеличенія того и другой. У мировыхъ судей можно наблюдать какъ будто даже такое явленіе, что постепенное усиленіе репрессіи временами задерживаетъ неуклонно, однако, усиливающійся ростъ числа судимыхъ; особнякомъ стоитъ рѣзкое увеличеніе юрисдикціи въ 1883 году зависящее, какъ надо думать.

отъ дѣйствія закона 18 мая 1882 года. Затѣмъ относительно значенія силы репрессіи надо замѣтить что хотя одновременно съ ея постояннымъ повышеніемъ увеличивается число судимыхъ мировыми судьями, эта репрессія, повидимому, недостаточна, такъ какъ юрисдикція въ общемъ восросла противъ 1883 года въ $1,_{77}$ разъ, т. е. выше роста населенія.

Относительно измѣненія объема юрисдикціи присяжныхъ въ связи съ силой репрессіи никакихъ выводовъ сдѣлать нельзя, такъ какъ постепенный ростъ объема юрисдикціи до 1881 года включительно идетъ рядомъ съ постепенно понижающейся силой репрессіи, но не выходитъ изъ предѣловъ прироста населенія: далѣе въ 1882 и 1883 году паденіе юрисдикціи присяжныхъ стоитъ въ очевидной связи съ закономъ 18 мая 1882 года, а слѣдующій затѣмъ ростъ объема юрисдикціи по 1887 годъ включительно, не выходя опять изъ предѣловъ прироста населенія, сопровождается однако постепеннымъ повышеніемъ силы репрессіи; слѣдующее же затѣмъ паденіе юрисдикціи съ 1887 по 1889 годъ замѣчается не только у присяжныхъ, но и въ сферѣ дѣйствія коронпаго суда, такъ что не представляется возможнымъ выдѣлить это явленіе (паденіе юрисдикціи) на столько, чтобы съ достаточнымъ основаніемъ признать его послѣдствіемъ усилившейся репрессіи присяжныхъ засѣдателей.

Объемъ юрисдикціи коронпаго суда растетъ съ нѣкоторой правильностью періодически пятилѣтними періодами съ 1873 по 1877 годъ, съ 1878 по 1882 годъ и съ 1883 по 1887 годъ; въ виду паденія на каждый шестой годъ объема юрисдикціи по числу лицъ, при условіи болѣе или менѣе постоянной подсудности для коронпаго суда, а также незначительныхъ колебаній въ силѣ репрессіи и высокаго процента обвинительныхъ приговоровъ можно до извѣстной степени основательно предположить, что сила судебной репрессіи

въ данномъ случаѣ, (въ коронномъ судѣ) дѣйствительно, сдерживала ростъ числа лицъ подсудныхъ коронному суду.

Нѣчто подобное замѣчается и по отношеніи къ юрисдикціи сословныхъ представителей, хотя здѣсь періоды повидимому четырехлѣтніе, раздѣленные промежуточнымъ годомъ.

Совокупное обозрѣніе діаграммъ III-й таблицы позволяетъ отмѣтить, что и сдѣлано на діаграммахъ **а**, **б**, **в**, періодъ одинаково сказавшійся во всѣхъ трехъ формахъ общихъ судебныхъ установленій пониженіемъ силы репрессіи; разница только въ томъ, что періодъ этотъ, который я назвалъ кризисомъ, начался въ судѣ сословныхъ представителей съ 1879 года, въ коронномъ судѣ онъ начался въ 1880 году, а у присяжныхъ въ 1882 г., причемъ въ каждомъ изъ судовъ продолжался по три года; по окончаніи его—у сословныхъ представителей въ 1882 году, въ коронномъ судѣ въ 1883, а у присяжныхъ въ 1885 году означилось всеобщее повышеніе силы репрессіи, послѣ чего судъ сословныхъ представителей уже черезъ два года сталъ давать все меньше обвинительныхъ приговоровъ, въ коронномъ судѣ хотя установилась болѣе или менѣе равномѣрно сила репрессіи, но съ наклонностью къ пониженію, а въ судѣ присяжныхъ прочно установилось повышательное направленіе. Если принять во вниманіе предѣлы этого кризиса въ наиболѣе чувствительной по своему составу къ политическимъ движеніямъ высшей инстанціи, а именно то, что въ Палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей кризисъ начался въ году, слѣдовавшемъ за дѣломъ Засуличъ, а окончился въ году, слѣдовавшемъ за событіемъ 1-го марта, то можно смѣло сказать, что этотъ кризисъ, прошедшій черезъ всѣ три рода судовъ послѣдовательно при пониженной силѣ репрессіи, заключался въ томъ, что въ судахъ пошатнулось довѣріе къ поддержанію порядка и законности судебными приговорами; наступило, такъ сказать, психическое состо-

яніе, характеризуемое выраженіемъ: „махнуть рукой“. Соображеніе это тѣмъ болѣе вѣрно, что и въ обществѣ, повидимому, имѣло мѣсто нѣчто подобное, такъ какъ въ коронномъ судѣ и въ Палатѣ съ сословными представителями въ тѣже годы повысилось число судившихся; припомнимъ, что у присяжныхъ въ то время уже не было дѣлъ по преступленіямъ противъ порядка управленія.

Описанное выше и наглядно изображенное въ діаграммахъ: **а**, **б**, **в**, движеніе этого кризиса, а также и послѣдствія его позволяютъ намъ заключить: 1) что по отношенію къ періодамъ шатанія общественной мысли Палата съ сословными представителями чувствительнѣе прочихъ судовъ, т. е. первая ихъ замѣчаетъ, что впрочемъ объясняется также и характеромъ подсудныхъ имъ дѣлъ; 2) что ослабленіе репрессіи Палаты съ сословными представителями, отражаясь въ слѣдующій же годъ на коронномъ судѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, еще только черезъ два года сообщается суду присяжныхъ въ сферѣ общихъ преступленій; 3) что вслѣдъ за окончаніемъ кризиса сила репрессіи у сословныхъ представителей также, какъ и въ коронномъ судѣ, поправилась только временно, причемъ послѣ кризиса у сословныхъ представителей безнадежно упала; у присяжныхъ же засѣдателей послѣ кризиса—не только поднялась такъ же быстро, какъ и въ другихъ судахъ, но и приняла твердое повышательное направленіе въ рядѣ слѣдующихъ годовъ. Такимъ образомъ будетъ правильно заключить изъ разсмотрѣнія этого крупнаго періода съ конца 1878 по начало 1885 года, что судъ присяжныхъ не только медленнѣе другихъ судовъ, только въ третьемъ ряду, такъ сказать, подвергается вліянію политическо-гражданскихъ кризисовъ, но оправляясь отъ нихъ чрезъ одинаковый съ другими судами промежутокъ времени, оправляется надежно, выигрывая въ силѣ репрессіи.

Справедливость требуетъ особенно подчеркнуть этотъ вы-

водъ въ виду крайне распространеннаго въ отношеніи суда присяжныхъ предразсудка чисто книжнаго происхожденія; этотъ предразсудокъ, отчасти основанный на фактѣ введенія суда присяжныхъ въ Западной Европѣ въ періоды политическихъ волненій и вызывающій на подозрительное отношеніе къ этому суду съ политической точки зрѣнія, очевидно лишенъ въ Россіи всякой почвы, такъ какъ у насъ присяжные засѣдатели не только никогда не вѣдали политическихъ дѣлъ, но даже основными положеніями 29 сентября 1862 года (ст. 22 п. 2) имъ и не предполагалось передать разбирательство этихъ дѣлъ.

Въ заключеніе важно припомнить результаты, добытые нашимъ изслѣдованіемъ III таблицы и ея діаграммъ; ихъ можно свести къ слѣдующему положенію.

Присяжные засѣдатели весьма чувствительны къ тому, на сколько имъ довѣряетъ законъ; случаи недовѣрія, проявленнаго въ формѣ ограниченія подсудности, вызываютъ пониженіе силы репрессіи; это пониженіе однако непродолжительно и съ 1887 года сила репрессіи непрерывно ростетъ.

По сравненію съ судомъ сословныхъ представителей судъ присяжныхъ въ отношеніи силы репрессіи не только послѣдовательнѣе, но и въ общемъ оказывается строже.

Постепенно и равномѣрно повышающаяся сила репрессіи суда присяжныхъ, идя параллельно силѣ репрессіи мирового суда, представляетъ явленіе обратное тому, которое замѣчается въ сферѣ коронпаго суда, сила репрессіи котораго не только больше колеблется, но повидимому проявляетъ даже наклонность къ пониженію.

Общимъ выводомъ можетъ служить, что выборные судьи присяжные и мировые представляются болѣе устойчивыми и строгими къ концу изслѣдуемаго нами періода въ смыслѣ направленія дѣятельности, чѣмъ судьи, назначаемые или командируемые (коронные и сосл. представители).

IV.

Предыдущія таблицы заключали въ себѣ матеріалъ, анализъ котораго далъ мнѣ возможность построить нѣсколько общихъ выводовъ о дѣятельности присяжныхъ засѣдателей по сравненію съ другими судами; до извѣстной степени изслѣдованіе о силѣ репрессіи уже освѣщаетъ дѣятельность суда присяжныхъ, но построить болѣе конкретные выводы представляется невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если даже возможно заключить, что репрессія суда присяжныхъ вообще сильнѣе репрессіи другихъ судовъ, то выводъ этотъ, все-таки, представляется слишкомъ общимъ, исключительно сравнительнымъ. Процентное отношеніе числа обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ ко всему числу судимыхъ, а также и между собой даетъ слишкомъ отвлеченное представленіе о томъ, какъ судятъ присяжные сами по себѣ взятые,—строго или не строго, справедливо или не справедливо, по закону или не по закону; какъ отражается эта сила репрессіи, которая, какъ мы видимъ, существуетъ,—на увеличеніи или уменьшеніи разнаго рода преступленій. Эти соображенія приводятъ меня къ необходимости разсмотрѣть подробно весь матеріалъ Свода статистическихъ свѣдѣній съ этихъ точекъ зрѣнія.

Прежде всего надо отмѣтить характерную особенность Свода, именно второй его части: здѣсь весьма подробно разработаны всѣ данныя объ осужденныхъ, о преступникахъ,—объ оправданныхъ же подсудимыхъ имѣются свѣдѣнія только самаго общаго характера, а именно, сколько оправдано присяжными вообще и по отдѣльнымъ родамъ преступленія въ особенности. Составленіе общей таблицы съ показаніемъ погодно числа осужденныхъ и оправданныхъ по каждаго рода преступленію представляетъ собой по этому послѣдній воз-

можный шагъ пользованія офиціальнымъ статистическимъ матеріаломъ для моей цѣли. Въ этой таблицѣ IV уничтожено различіе, соблюденное въ Сводѣ между мужчинами и женщинами, а составлена и принята общая цифра судившихся,—приговоренныхъ и оправданныхъ. Сдѣлано это въ виду того, что выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ такой таблицы не могутъ даже при отдѣленіи мужчинъ отъ женщинъ дать заключенія, которыя сколько-нибудь приближали бы насъ къ выясненію вопроса о разницѣ отношенія присяжныхъ къ подсудимымъ разнаго пола; такимъ образомъ пользованіе сырымъ матеріаломъ Свода, не принося никакой пользы для моей задачи, увеличило бы трудъ составленія таблицы значительнымъ числомъ (около 1700) вычисленій процентнаго отношенія между приговорами. Въ таблицу мою вошли всѣ рубрики преступленій Свода, за исключеніемъ семи обнимающихъ государственныя преступленія, и преступленій путемъ печати совершаемыхъ, такъ какъ и тѣ и другія еще съ 1866 года (законъ 12 декабря) присяжнымъ не подсудны. Затѣмъ въ виду крайней казуистичности статей Уложенія, что отразилось и на рубрикахъ Свода, мною было признано удобнымъ составить по значительному числу преступленій (противъ разныхъ уставовъ и т. п.) рубрики болѣе общаго характера; всѣхъ рубрикъ получилось 73.

Затѣмъ періодъ времени, который охватываютъ данныя таблицы съ 1879 по 1889 годъ (11 лѣтъ) принятъ въ таблицѣ IV потому, что первая половина изданныхъ статистическихъ свѣдѣній съ 1873 по 1878 годъ относится къ періоду, когда раіонъ дѣйствія присяжныхъ былъ гораздо ўже нынѣшняго; нынѣшній же раіонъ установился въ 1879 и 1880 годахъ, какъ это было указано выше. Таблица заканчивается итогами по каждому преступленію за всѣ 11 лѣтъ съ показаніемъ процентнаго отношенія числа обвини-

тельныхъ и оправдательныхъ приговоровъ къ общему числу судившихся; это даетъ возможность составить (чѣмъ я воспользуюсь позже) убывающіе ряды числа приговоровъ по отдѣльнымъ родамъ преступленій, какъ въ связи съ силой репрессіи, такъ и по общему количеству судившихся безъ этой связи. Для удобства обозрѣнія содержанія этой таблицы въ виду ея обширности предлагается діаграмма (а къ IV таб.), изображающая движеніе силы репрессіи по каждому отдѣльному роду преступленій въ видѣ кривой; каждая кривая имѣетъ вертикальное направленіе и пересѣкаетъ рядъ горизонтальныхъ полосъ; изъ этихъ послѣднихъ—каждая представляетъ собою отдѣльный годъ и сѣткой своею образуетъ въ то же время маштабъ, на которомъ означены четыре дѣленія для отмѣтки обвинительнаго процента, а именно: 25, 50, 75, и 100; на нижней границѣ каждой полосы точкой отмѣченъ отъ лѣвой руки къ правой процентъ обвинительныхъ приговоровъ, соединеніе этихъ точекъ и даетъ кривую; пространство по правую сторону послѣдней выражаетъ собою такимъ образомъ количество оправдательныхъ приговоровъ, лѣвая площадь – количество обвинительныхъ приговоровъ, а изломы кривой—колебаніе силы репрессіи.

Вверху каждаго столбца подъ номеромъ и заголовкомъ каждаго рода преступленія означено число приговоровъ по данному роду преступленій за весь одинадцатилѣтній періодъ, а внизу столбца показаны такія же цифры за крайніе (первый и послѣдній) года періода. Такимъ образомъ получается возможность видѣть ростъ или уменьшеніе числа преступленій даннаго рода за весь періодъ и тутъ же сопоставить его съ движеніемъ репрессіи по кривой. По отношенію ко всѣмъ преступленіямъ, число которыхъ увеличилось къ 1889 г. возрастаніе числа приговоровъ идетъ постепенно безъ скачковъ, за исключеніемъ рубрикъ: 7, 54, 60 и 71; по двумъ первымъ рубрикамъ (7 и 54) замѣчается ростъ преступ-

ности, по послѣднимъ двумъ (60—71), въ окончательномъ выводѣ, уменьшеніе преступности. Рубрика 7 представляетъ ту особенность, что число судившихся за возстаніе и сопротивленіе властямъ въ 1882 году равнялось 307, затѣмъ слѣдуетъ скачекъ, а именно, въ 1883 году число судившихся 852. Рубрика 55 о поджогѣ собственнаго имущества при вообще постепенномъ ростѣ даетъ въ 1882 году—50, въ 1883 году сразу — 99, въ 1885 году — 87 и въ 1886 году—142. Рубрики 60 и 71, обнимающія кражи и покупку завѣдомо краденаго, представляютъ ту особенность, что на обѣихъ отразился законъ 18 мая 1882 года о кражахъ со взломомъ, благодаря чему къ 1883 году много обвиняемыхъ въ кражахъ, а также прикосновенныхъ къ преступленію (пріемщики краденаго), судимыхъ обыкновенно вмѣстѣ, отошли отъ присяжныхъ засѣдателей къ мировымъ судьямъ; слѣдствіемъ этого явилось то, что въ 1883 году наступило временно рѣзкое уменьшеніе числа судившихся и въ той и въ другой рубрикѣ, а именно: 12768 обвинявшихся въ кражѣ въ 1879 году замѣнились въ 1882 году 11684-мя хотя, такимъ образомъ преступность понижалась, но цифра 1883 года 4430 является все-таки слишкомъ большимъ скачкомъ, объяснимымъ только дѣйствіемъ упомянутаго закона; что касается перевода и покупки краденаго (рубрика 71), то преступность съ 1879 года (543) къ 1882 году нѣсколько повысилась (548), а къ 1883 году рѣзко упала (215), очевидно въ силу дѣйствія того же закона. Такъ какъ съ 1883 года и въ той и въ другой рубрикѣ (60 и 71) затѣмъ идетъ постепенное увеличеніе преступности, то игнорируя дѣйствіе этого закона, какъ случайность, я буду въ дальнѣйшемъ изложеніи считать, что преступность по кражѣ и пріему краденаго постепенно ростетъ.

Не смотря на сокращеніе, или вѣрнѣе сжатіе, рубрикъ Свода до числа 73, принятыхъ въ таблицѣ IV и въ діа-

граммѣ **а**, обозрѣніе ихъ можетъ дать наглядное представленіе только о томъ, какъ измѣнялась сила репрессіи по каждому отдѣльному преступленію, въ какіе года она была сильнѣе или слабѣе, а также много или мало было судившихся по каждому роду преступленій за весь періодъ и за крайніе года.

Въ связи съ этимъ сразу бросится въ глаза, что особенно капризное движеніе кривой встрѣчается въ преступленіяхъ съ малымъ числомъ судившихся, что и вполнѣ естественно. Съ другой стороны болѣе или менѣе спокойное движеніе кривой, какъ при большихъ числахъ судившихся, такъ въ особенности при небольшихъ числахъ, указываетъ на установившуюся силу репрессіи.

Часто это спокойное движеніе весьма опредѣленно идетъ въ повышательномъ направленіи и можно было бы даже сказать—въ большинствѣ случаевъ, если бы не то, что именно къ 1889 году почти половина кривыхъ проявляетъ наклонность къ пониженію. Затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать наиболѣе рѣзкія уклоненія къ пониженію оказываются въ предѣлахъ критическаго періода, о которомъ уже была рѣчь при обозрѣніи діаграммъ III **а**, **б**, **в**, (о силѣ репрессіи вообще): наиболѣе рѣзкія пониженія однако распространяются въ этомъ періодѣ не на всѣ рубрики, и преимущественно встрѣчаются по отношенію къ преступленіямъ, въ которыхъ проявляется неуваженіе къ власти, — къ нарушеніямъ всякихъ уставовъ, - къ преступленіямъ противъ правъ состоянія, а также — къ преступленіямъ противъ чести и здоровья; изъ разряда имущественныхъ преступленій сюда подойдутъ преступленія по договорамъ, въ томъ числѣ принужденіе къ дачѣ обязательствъ, а также истребленіе имущества,—что жъ касается основныхъ преступленій подсудныхъ присяжнымъ, какъ то: убійство и разбой, грабежи, кражи, мошенничество, поджоги, шайки, святотатство и ра-

страта, то на нихъ, можно сказать, кризисъ совсѣмъ не отразился; изъ шести критическихъ годовъ самыми слабыми по силѣ репрессіи оказались четыре года въ слѣдующей постепенности: слабѣе всѣхъ 1883 годъ, затѣмъ 1881, 1880 и 1882. Такимъ образомъ по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ родамъ преступленія сила репрессіи ослабѣла еще въ тотъ періодъ, когда въ 1881 году присяжные проявили (III **а**) повышеніе въ силѣ репрессіи вообще и это паденіе ея по отдѣльнымъ родамъ преступленій увлекло за собой всю кривую общей репрессіи къ пониженію; результатомъ этого было то, что хотя слабѣйшій годъ по названнымъ преступленіямъ и былъ 1883, но общее пониженіе репрессіи продолжалось, какъ слѣдствіе даннаго толчка и 1884 г. сильнѣе всѣхъ предыдущихъ отразилъ въ себѣ общій кризисъ.

Для того, чтобы продолжать по даннымъ таблицы IV-й изслѣдованіе судьбы отдѣльныхъ преступленій, не теряя изъ виду общей картины, представляется необходимымъ перейти къ обозрѣнію убывающихъ рядовъ, составленныхъ для отдѣльныхъ преступленій; изъ нихъ одинъ рядъ (**б**), въ которомъ преступленія расположены въ порядкѣ убывающаго обвинительнаго процента и другой рядъ (**в**), въ которомъ тѣ же преступленія слѣдуютъ одно за другимъ въ зависимости отъ постепеннаго пониженія числа судившихся по каждому роду преступленія за тѣ же 11 лѣтъ (съ 1879—по 1889 годъ).

Разсмотримъ первый рядъ (IV **б**). Естественными группами, на которыя могутъ быть разбиты преступленія этого ряда, являются преступленія, караемыя наиболѣе строго, затѣмъ со средней строгостью и наконецъ—вызывающія слабую реакцію. Разграничительной цифрой процента отдѣляющей строгіе приговоры отъ среднихъ должна быть принята цифра средняго процента за весь этотъ періодъ — это будетъ — $59,_{95}\ ^0/_0$, почему въ нашемъ ряду демаркаціонная ли-

нія между строгими и средними приговорами ляжетъ между убійствомъ ($60,_{64}$%) и мошенничествомъ ($57,_{49}$%).

Если высшей точкой среднихъ приговоровъ является такимъ образомъ 60% обвинительныхъ, — то болѣе или менѣе правильнымъ будетъ, раздѣливъ рядъ убывающихъ процентовъ отъ 60—до 0 на 3 части, считать, что въ остальной нераздѣленной части ряда къ разряду слабыхъ приговоровъ должно быть отнесено двѣ трети ряда; такого рода дѣленіе ряда на предѣлѣ 40% проложитъ демаркаціонную линію между лжесвидѣтельствомъ ($40,_{40}$%) и паспортными преступленіями ($39,_{10}$%); дѣйствительно приговоры ниже 40% обвинительныхъ должны быть почитаемы слабыми.

Обращаясь къ обработкѣ всего ряда нельзя не обратить вниманія на странность, заключающуюся въ томъ, что на крайнихъ концахъ его стоятъ невозможныя практически цифры: 100% и 0%; ближайшее разсмотрѣніе показываетъ, что 100% относятся къ рубрикѣ № 24 о нищенствѣ и бродяжничествѣ, за которыя судилось за весь періодъ 4 человѣка, а 0% — къ рубрикѣ № 45 и 67, изъ которыхъ по первой судился одинъ поединщикъ въ 1886 году, а по второй было въ 1879 году оправдано двое нарушителей авторскихъ правъ. Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы выяснить необходимость, исключить изъ ряда всѣ преступленія, по отношенію къ которымъ число судившихся, представляется слишкомъ недостаточнымъ для какихъ нибудь статистическихъ выводовъ.

Въ виду этого я исключилъ всѣ такія рубрики, принявъ за мѣрило, чтобы въ началѣ или въ концѣ изслѣдуемаго періода времени было не менѣе 50 чел. судившихся. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ діаграммы, кривыя, соотвѣтствующія этому minimum'у числа судившихся имѣютъ уже болѣе опредѣленное, болѣе выдержанное движеніе, чуждое особенно рѣзкихъ уклоненій, а слѣдовательно и случайностей.

За производствомъ этого сокращенія получится рядъ уже не изъ 73-хъ, а изъ 43 рубрикъ; но и это число подлежитъ сокращенію и вотъ почему: стремясь оцѣнить на основаніи статистическаго матеріала, насколько это окажется возможнымъ, репрессивное дѣйствіе, оказываемое приговорами присяжныхъ въ смыслѣ ослабленія или усиленія преступности, я долженъ необходимо выдѣлить изъ общаго числа преступленій, тѣ роды ихъ, по которымъ число судившихся къ 1890 году уменьшилось (г. къ табл. IV). Къ такимъ прежде всего относятся: скопчество (№ 3), шайки (№ 22) и конокрадство (№ 62). Такъ какъ эти преступленія стоятъ въ ряду очень высоко въ отдѣлѣ строгихъ приговоровъ, то я въ правѣ заключить, что уменьшеніе преступности въ этомъ направленіи должно быть приписано строгости присяжныхъ. Преступленія противъ уставовъ (№ 20) и грабежъ (№ 59), прошедшія при средней репрессіи, можетъ быть уменьшились по такой же причинѣ, хотя съ увѣренностью этого сказать нельзя, тѣмъ болѣе, что по преступленіямъ противъ уставовъ процентъ рецидива увеличился. Уменьшились также преступленія по службѣ вообще (№ 15, 16, 18), но эти послѣднія вызывали только частію среднюю, а вообще слабую репрессію. Такимъ образомъ уменьшеніе числа судившихся по этимъ преступленіямъ могло зависѣть въ значительной части отъ другихъ причинъ, установить которыя не представляется возможнымъ; наконецъ уменьшилось число судившихся по паспортнымъ дѣламъ, вызывавшимъ слабую репрессію ($39,_{10}\%$). Это уменьшеніе съ большой вѣроятностью объясняется измѣненіемъ санкціи, (1885 годъ) слѣдствіемъ котораго было устраненіе изъ вѣдѣнія присяжныхъ большаго числа нарушителей паспортнаго устава. Цѣль исключенія преступленій, такъ сказать, убывающихъ къ 1890 году, заключается въ томъ, чтобы, отдѣливъ въ особомъ ряду всѣ преступленія, числомъ 34, по

которымъ послѣдовало вообще увеличеніе преступности, сократить затѣмъ и этотъ рядъ, оставивъ только 17 преступленій, по которымъ число судившихся увеличилось болѣе чѣмъ въ 1, 5 раза, т. е. свыше роста населенія за данный періодъ времени. Данныя для производства этой работы сосредоточены въ таблицахъ IV **д** и **е**. Только подробное разсмотрѣніе 17-ти преступленій оставшихся у насъ въ 4-мъ ряду таблицы IV б. и въ соотвѣтствующемъ (седьмомъ) ряду таблицы IV в (послѣдняя подверглась тѣмъ же сокращеніямъ, о которыхъ говорено выше), можетъ дать матеріалъ для заключенія о томъ, можетъ ли быть поставлено несомнѣнное упроченіе этихъ 17 преступленій на счетъ дѣятельности присяжныхъ и если можетъ, то въ какомъ отношеніи.

Для этого намъ послужатъ ряды (IV е), въ которыхъ эти 17 преступленій разбиты по отдѣламъ сообразно строгимъ, среднимъ и слабымъ приговорамъ, причемъ каждое преступленіе занимаетъ высшее мѣсто въ столбцѣ, сообразно тому, во сколько разъ чаще оно стало проявляться.

Прежде чѣмъ заняться этимъ детальнымъ разсмотрѣніемъ обратимся къ итогамъ, подведеннымъ по каждому изъ этихъ отдѣловъ въ таблицѣ IV **в**. Этихъ итоговъ шесть. Изъ числа 17 родовъ преступленій, (укрѣпившихся въ обществѣ) 5 вызывали слабую репрессію, 7—среднюю и 5—сильную. Изъ числа вообще, увеличивавшихся сообразно росту населенія 34 преступленій при слабой репрессіи протекали 8, при средней—14 и при сильной—12.

Сопоставивъ эти два ряда получимъ:

Сильная репр.	$12 : 5 = 2,_4$
Средняя репр.	$14 : 7 = 2$
Слабая репр.	$8 : 5 = 1,_6$.

Такимъ образомъ, съ нѣкоторымъ правомъ можно сказать, что сильная репрессія содѣйствовала уменьшенію числа преступленій, къ которымъ прилагалось, въ $2,_{4}$ раза, средняя— въ 2 раза и слабая—въ $1,_{6}$ раза. Я называю это уменьшеніемъ даже для слабой репрессіи, такъ какъ меньшій множитель $1,_{6}$ всетаки выше коэфиціэнта прироста.

Логичность этаго цифрового вывода сама по себѣ создаетъ почву, для детальнаго разсмотрѣнія, на сколько могли влiять приговоры присяжныхъ на увеличеніе числа въ 17 родахъ преступленій, сведенныхъ въ ряды въ таблицѣ IV e; къ этой таблицѣ мы и обратимся.

Прежде всего нельзя не остановиться на томъ, что пять родовъ преступленій во всѣхъ трехъ отдѣлахъ по силѣ репрессіи вызывали (отмѣчены звѣздочкой) значительное колебаніе въ движеніи кривой одиннадцатилѣтняго періода; такъ какъ элементъ случайности по возможности устраненъ совершеннымъ удаленіемъ малочисленныхъ рубрикъ, то приходится искать болѣе общую причину этихъ колебаній: весьма вѣроятно, что трудность доказыванія такихъ дѣяній, каковы ереси и расколы (№ 2), лжесвидѣтельство (№ 21), угрозы и обиды (№ 49), преступленія противъ правъ состоянія (№ 38) и истребленіе имущества (№ 56)—стоитъ въ прямой связи со сложностью ихъ юридической конструкціи, процессуальными трудностями ихъ сопровождающими; сюда же должны быть отнесены, по тому же характеру, влiявшему повидимому на пониженіе силы репрессіи, поддѣлка векселей (№ 35), принужденіе къ дачѣ обязательствъ (№ 68) и поджогъ собственнаго имущества (№ 55). Относительно послѣдняго нельзя не указать на строгость наказанія; по отношенію, напримѣръ, къ фактической трудности доказыванія несомнѣнно, что поджогъ собственнаго имущества, поддѣлка векселей и ереси и расколы устанавливаются на судѣ, главнымъ образомъ экспертизой; предста-

вители этой послѣдней у насъ для всѣхъ трехъ родовъ дѣлъ, за рѣдчайшими исключеніями крайне слабы. Если бы допустить, что слабость репрессіи по поджогу собственнаго имущества, хотя бы и вполнѣ ввиду слабости экспертизы правомѣрная, создаетъ разсчетъ на безнаказанность и потому должна быть отнесена къ числу причинъ, усиливающихъ преступность въ этомъ направленіи, то нельзя никакъ сказать того же относительно принужденія къ дачѣ обязательствъ и всѣхъ остальныхъ перечисленныхъ преступленій, такъ какъ сила репрессіи по отношенію къ нимъ выше 40%, а по ересямъ и расколамъ даже представляется строгой.

Далѣе въ отдѣлѣ слабой репрессіи мы находимъ похищеніе правительственныхъ актовъ (№ 14), неисполненіе требованій и сопротивленіе власти (№ 7), т. е. тотъ же разрядъ дѣяній, который встрѣчается и въ отдѣлѣ средней репрессіи (оскорбленіе власти) и слѣдовательно знаменуетъ собой скорѣе огрубѣніе нравовъ самого общества, всегда сопровождаемое паденіемъ авторитета власти и чувства гражданской и личной чести; дѣйствительно, такому объясненію вполнѣ соотвѣтствуетъ рядъ уже разсмотрѣнныхъ нами, усиливающихся въ числѣ преступленій, лжесвидѣтельства, обидъ, преступленій противъ правъ состоянія и въ особенности оставленія въ опасности, по которому репрессія представляется строгой. Сюда же нельзя не отнести и побѣгъ (№ 11) какъ признакъ грубаго разсчета на общество, въ которомъ, повидимому, представляется вѣроятность укрыться; справедливость требуетъ однако отмѣтить, что присяжные къ побѣгу относятся очень строго.

Наконецъ совершенно въ однихъ условіяхъ съ побѣгомъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи стоитъ подделка монеты (№ 19). Разумѣется, одною изъ причинъ, также вліяющей на усиленіе послѣдняго преступленія, является экономическій кризисъ, который связываетъ его съ поддѣлкой

векселей. Усиленіе послѣдней не можетъ не зависить отъ той вакханаліи вексельнаго оборота, которая вовлекла въ бѣшеный хороводъ вексельныхъ бланокъ, бронзовыхъ векселей и подложныхъ по обоюдному согласію вексельныхъ сдѣлокъ не только купечество, но и лицъ неторговаго званія. Очевидно не только средняя, въ зависимости отъ трудностей доказыванія репрессія, но даже и строгая — оказалась бы тутъ безсильною. Дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ, полезно оглянуться на постоянно усиливающуюся, несмотря на значительную силу репрессіи ($52,_{76}$ %) покупку краденаго, ставшую ремесломъ.

Въ отдѣлѣ средней репрессіи въ ряду усиливающихся преступленій имѣются преступленія противъ союза брачнаго. Что это симптомъ понижающагося уваженія къ обрядамъ православія и вообще паденія нравственности въ самомъ обществѣ лучше всего доказывается усиленіемъ богохульства (№ 2), не смотря на сильную репрессію ($72,_{92}$ %).

Все сказанное позволяетъ заключить, что было бы странно приписывать вердиктамъ присяжныхъ явленія, составляющія прямой результатъ невѣжества, какъ самой массы, такъ и ближайшихъ къ ней органовъ власти, а также отсутствія нравственнаго воспитанія и экономическаго благосостоянія въ промышленномъ классѣ и въ средѣ, неуспѣвшихъ приспособиться къ измѣнившимся общественнымъ условіямъ и потому выбитыхъ изъ колеи, всякихъ разночинцевъ съ широкими аппетитами.

V.

Выше уже было упомянуто, что проходящее черезъ весь „Сводъ“ раздѣленіе судимыхъ на мущинъ и женщинъ не представляетъ собой матеріала, которымъ я могъ бы воспользоваться для своей задачи. Вотъ почему въ этой главѣ, давая, такъ сказать, для начала внѣшнюю картину дѣятельности

суда присяжныхъ разсматриваемаго издали, (а моя задача собственно разсмотрѣть его поближе), я считаю достаточнымъ взаключенiе сдѣланныхъ выводовъ сослаться на совершенно правильные выводы по этому вопросу (о значенiи пола), помѣщенные въ официальныхъ общихъ обзорахъ Свода за 1873 и 1879 годъ.

„Относительное количество оправдательныхъ приговоровъ не одинаково для различныхъ половъ: у насъ, какъ и въ другихъ государствахъ Европы, оно гораздо крупнѣе для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ. Число оправданныхъ женщинъ по отношенiю къ общему числу подсудимыхъ составляетъ $45,_{43}$%, соотвѣтствующiй процентъ для мужчинъ равенъ $31,_{62}$% (обзоръ 1873 года)“.

Тоже самое повторяется и въ обзорѣ 1879 года, съ тѣмъ добавленiемъ, что по преступленiямъ противъ жизни процентъ оправданныхъ женщинъ почти равенъ проценту оправданныхъ мужчинъ ($32,_{69}$% и $31,_{53}$%); по преступленiямъ же корыстнымъ % оправданныхъ женщинъ превосходитъ почти вдвое процентъ оправданныхъ мужчинъ ($51,_{41}$% и $31,_{41}$%).

По отношенiю къ силѣ репрессiи, проявляемой разными судами, я ограничусь такой же справкой; располагая разные округа судебныхъ палатъ въ постепенности убывающей силы репрессiи „Общiй обзоръ“ даетъ двѣ слѣдующихъ таблицы.

За 1873 годъ.		За 1879 годъ.	
Саратовскiй оправд.	$31,_{31}$%	Харьковскiй. . .	$34,_{72}$%
Харьковскiй . . .	$31,_{41}$%	Московскiй . . .	$36,_{70}$%
Московскiй . . .	$32,_{01}$%	Казанскiй . . .	$37,_{80}$%
Петербургскiй . .	$32,_{05}$%	Саратовскiй. . .	$40,_{03}$%
Казанскiй. . . .	$35,_{52}$%	Петербургскiй . .	$40,_{48}$%
Одесскiй	$38,_{77}$%	Одесскiй. . . .	$47,_{15}$%

Изъ цифръ 1873 года дѣлается выводъ, что, присяжные тѣхъ мѣстностей, гдѣ преобладаетъ одноплеменное земледѣльческое населеніе, относятся всего ревнивѣе къ дѣлу уголовнаго правосудія, присяжные же мѣстностей съ разноплеменнымъ населеніемъ, какъ въ Казанскомъ и Одесскомъ судебныхъ округахъ „прибѣгаютъ охотнѣе къ оправдательнымъ приговорамъ“.

Достаточно обратить вниманіе, что Казанскій округъ занялъ въ 1879 году третье мѣсто по строгости, а Саратовскій съ перваго по строгости спустился въ 1879 году на четвертое и станетъ ясно, что приведенное выше заключеніе неточно связываетъ перевѣсъ оправдательныхъ приговоровъ съ разноплеменностью, которая въ Казанскомъ округѣ весьма значительна, между тѣмъ, какъ онъ поднялся выше Саратовскаго со сплошнымъ земледѣльческимъ населеніемъ.

Во всякомъ случаѣ эти свѣдѣнія слишкомъ отрывочны и могутъ развѣ навести на мысль, что суды окраинъ вообще проявляютъ менѣе сильную репрессію. Это находитъ себѣ подтвержденіе въ сопоставленныхъ мною выше (въ подстраничной выпискѣ [1]) двухъ рядахъ процентныхъ приговоровъ за время съ 1884—по 1889 годъ: рядъ процентовъ обвинительныхъ приговоровъ судовъ внутреннихъ губерній неизмѣнно оказывается выше соотвѣтствующаго процента для всей Россіи.

Не въ этомъ ли и коренится причина того, что наши окраины, не исключая и Сибири, повидимому, осуждены видѣть у себя дѣйствіе судебныхъ уставовъ неполнаго объема?

Пробуя далѣе обрабатывать матеріалъ Свода и останавливаясь на свѣдѣніяхъ о количествѣ смягчающихъ обстоятельствъ, признанныхъ судами, я долженъ прежде всего упомянуть, что въ Сводѣ не раздѣлены результаты дѣятельности въ этомъ отношеніи судовъ присяжныхъ отъ судовъ

---

[1]) См. стр. 68.

другихъ, что лишаетъ возможности дѣлать выводы, нужные для моей задачи; я долженъ, впрочемъ, оговориться, что даже предполагаемое раздѣленіе могло бы только дать лишній штрихъ для общей картины, составляющей предметъ этой главы, но не внесло бы никакого матеріала для рѣшенія вопроса о томъ, почему и въ какихъ случаяхъ присяжные признаютъ наличность смягчающихъ обстоятельствъ.

Для рѣшенія этихъ вопросовъ, какъ я покажу далѣе, недостаточенъ обыкновенный статистическій матеріалъ; онъ можетъ только приводить къ слишкомъ отдаленнымъ и часто невѣрнымъ выводамъ, такъ напримѣръ, обзоръ за 1873 годъ говоритъ: „изъ общаго числа 14,579 осужденныхъ обоего пола, 4,793, или $32,_{88}$ % воспользовались смягченіемъ наказанія на 1, 2 или 3 степени вслѣдствіе признанія судами въ дѣлѣ ихъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину. Процентъ лицъ, которымъ наказаніе смягчено, нѣсколько больше среди осужденныхъ мужскаго пола, чѣмъ среди осужденныхъ женскаго пола: для первыхъ онъ составляетъ $32,_{90}$ %, для вторыхъ $32,_{75}$ %; слѣдовательно общія судебныя мѣста охотнѣе оправдываютъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ, но съ другой стороны за мужчинами охотнѣе признаютъ смягчающія вину обстоятельства, чѣмъ за женщинами“.

Стоитъ сопоставить съ этимъ выводомъ тотъ фактъ, что % оправданныхъ женщинъ выше вообще % мужчинъ, чтобы смыслъ слова „охотнѣе“ потерялъ всякую опредѣленность. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что присяжные предпочитаютъ „прибѣгать“ къ оправдательнымъ приговорамъ относительно женщинъ, (что весьма близко къ истинѣ), для которыхъ имѣются въ дѣлѣ смягчающія обстоятельства, то выраженіе „охотнѣе смягчаютъ участь мужчинъ“ будетъ звучать, какъ privilegium odiosum.

Признаніе смягчающихъ обстоятельствъ иногда является средствомъ смягченія участи совершенно независимо отъ

рода преступленія или личности подсудимаго; иныя оправданія являются напримѣръ результатомъ зачета подсудимому времени, проведеннаго въ предварительномъ заключеніи,—что чаще всего происходитъ по кражамъ,—но это никакъ не можетъ указывать на то, что присяжные будто бы снисходительно относятся, къ корыстнымъ преступленіямъ. Дѣйствительно, разбой и кража вызываютъ большую силу репрессіи, чѣмъ убійство и отравленіе.

Если такимъ образомъ разработка таблицъ второй части Свода (I-й и II-й), составившая содержаніе I-й главы, дала намъ общую картину дѣятельности присяжныхъ, то даже этого результата не можетъ дать наиподробнѣйшее разсмотрѣніе, остальныхъ таблицъ Свода, (среднимъ числомъ около 30 таблицъ за каждый годъ);—единственной, но важной причиной этого является то, что всѣ эти таблицы говорятъ только объ осужденныхъ, распредѣляя ихъ по возрасту, семейному быту, занятіямъ, образованію, религіи, отношенію къ потерпѣвшимъ, мѣрамъ пресѣченія, повторенію преступленія и даже по сознанію на судѣ, а соотвѣтствующаго распредѣленія оправданныхъ въ себѣ не заключаютъ.

Какое значеніе могутъ имѣть свѣденія о мѣрѣ пресѣченія, напримѣръ о предварительномъ заключеніи осужденнаго, если нѣтъ соотвѣтствующихъ цифръ для оправданныхъ изъ этой же категоріи? Это умолчаніе совершенно лишаетъ матеріала для рѣшенія давно назрѣвшаго вопроса о зачетѣ присяжными этого заключенія въ наказаніе; этотъ недостатокъ, такимъ образомъ, отражается даже на нарисованной выше общей картинѣ тѣмъ, что несомнѣнно понижаетъ общую силу репрессіи присяжныхъ, такъ какъ въ основаніи ея лежитъ предположеніе, что всякій оправданный признанъ невиновнымъ. Въ многочисленныхъ случаяхъ зачета это, однако,—не такъ; ввиду того, кстати сказать, что оправданіе ввидѣ зачета заключенія вполнѣ понятно въ каждомъ

отдѣльномъ случаѣ всѣмъ присутствующимъ на судѣ,—дѣйствительная сила репрессіи только очень мало страдаетъ отъ такого явленія; но строгое отношеніе присяжныхъ къ точности отвѣтовъ несомнѣнно понижается.

Отношеніе осужденныхъ къ потерпѣвшимъ, семейное положеніе осужденныхъ, возрастъ, образованіе и занятія— подробно разработанные въ Сводѣ, безъ показанія соотвѣтствующихъ рубрикъ объ оправданныхъ, могутъ, разумѣется, дать богатый матеріалъ для выводовъ соціологическаго и этическаго характера, для задачъ, же судебныхъ, въ родѣ моей, эти свѣдѣнія безполезны.

Въ самъ дѣлѣ и соціологія и этика, пользуясь этимъ матеріаломъ, могутъ положить въ основу приблизительно вѣрное предположеніе, что всѣ осужденные виновны и что всѣ оправданные невиновны; моя же задача, какъ и задача суда, внимательно вглядѣться въ массу подсудимыхъ, именно для того, что бы рѣшить, дѣйствительно ли въ категорію осужденныхъ не попали и невинные и обратно, — нѣтъ ли въ числѣ оправданныхъ—виновныхъ.

Вотъ тѣ основные вопросы, для рѣшенія которыхъ разработка матеріала объ оправданныхъ, для меня, едвали, не важнѣе обозрѣнія свѣдѣній объ осужденныхъ.

Мнѣ крайне было бы жаль, въ виду приведенныхъ соображеній, оставить безъ разсмотрѣнія таблицы Свода о рецидивистахъ. Рецидивисты —больное мѣсто суда вообще, а слѣдовательно и суда присяжныхъ. Нерѣдко приходится слышать ироническія сожалѣнія по адресу суда съ указаніемъ на печальную необходимость „возиться“, почти исключительно, все съ тѣмъ-же сравнительно небольшимъ числомъ порочныхъ людей, которое, помножаясь само на себя, даетъ затѣмъ въ статистическихъ рубрикахъ внушительное, но не соотвѣтствующее дѣйствительности, число преступниковъ.

Если бы, дѣйствительно, судъ принужденъ былъ вращаться въ этомъ, такъ сказать, бѣличьемъ колесѣ, то пришлось бы признать его значеніе въ общей экономіи государственнаго хозяйства весьма слабымъ, а въ смыслѣ фактора нравственнаго совершенствованія и совсѣмъ ничтожнымъ: дѣйствительно отъ мечтаній на тему объ исправимости рецидивистовъ по нѣкоторымъ родамъ преступленій давно отказались тюрьмовѣды, а за ними и магистратура, хотя нерѣдко въ судахъ еще обнаруживаются въ защитительныхъ рѣчахъ, и даже въ вердиктахъ, хотя въ послѣднихъ гораздо рѣже, маниловскія вождѣленія на эту тему. Вотъ почему я не могу разстаться и притомъ навсегда со Сводомъ статистическихъ свѣдѣній, не попытавшись, насколько возможно, освѣтить эту сторону дѣятельности присяжныхъ.

Для этого неизбѣжно завѣдомо допустить нѣкоторую ошибку, принявъ, что число зарегистрованныхъ осужденныхъ рецидивистовъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному ихъ числу и что процентное отношеніе этого числа къ общему числу осужденныхъ дѣйствительно можетъ дать понятіе о возрастаніи или уменьшеніи рецидива и объ отношеніи общей его массы къ общему числу судившихся; составленная мною таблица V-ая о движеніи рецидива, показываетъ взаимное отношеніе данныхъ о рецидивистахъ на двухъ крайнихъ пунктахъ десятилѣтняго періода за 1879 и 1888 годъ.

Такъ какъ въ Сводѣ рецидивисты, осужденные всякими судами, не разграничены, то выводы, разумѣется, представятся менѣе опредѣленными (за невозможностію исправить этотъ недостатокъ), чѣмъ было бы желательно. Для того, однако, чтобы можно было поставить эти выводы въ связь съ заключеніями, къ которымъ я пришелъ выше о движеніи преступности подвѣдомой присяжнымъ, я и здѣсь устранилъ тѣ рубрики, которыя были сокращены въ таблицахъ IV б, в, въ виду недостаточности числа судившихся; при

этомъ преступленія по договорамъ, противъ свободы и нравственности оказались вычеркнутыми совсѣмъ; въ нѣкоторыхъ же другихъ сложныхъ рубрикахъ особымъ шрифтомъ обозначены нумера родовъ преступленія, которые должны были быть исключены, но цифры которыхъ за невозможностью отчетливаго ихъ выдѣленія оставлены въ таблицѣ V-й. Содержаніе рубрикъ таблицы видно изъ заголовка; послѣднія графы каждаго года, включающія процентныя числа (отношеніе числа осужденныхъ рецидивистовъ къ общему числу осужденныхъ), при сравненіи между собой даютъ возможность видѣть, насколько за 10-лѣтній періодъ возросъ или уменьшился рецидивъ по данному роду преступленій.

Затѣмъ въ особой таблицѣ (Va) эти же процентныя величины для болѣе нагляднаго сравненія сопоставлены въ двухъ рядахъ, изъ которыхъ рядъ за 79 годъ расположенъ въ убывающемъ порядкѣ, а цифры 1888 года принаровлены къ нему по роду преступленія, а въ третьей рубрикѣ указаны множители, опредѣляющіе, во сколько разъ за данный періодъ увеличился или уменьшился процентъ рецидивистовъ. Четвертая рубрика (V б) стоитъ особнякомъ и данныя ея представляютъ въ убывающемъ порядкѣ ряды преступленій по которымъ % рецидивистовъ возросъ, а также и тѣ, по которымъ онъ уменьшился къ 1889 году; такимъ образомъ поставленныя во главѣ ея семь родовъ преступленія дали наибольшій процентъ, тогда какъ остальные роды преступленій этого ряда показываютъ, что степень рецидива по нимъ хотя и возросла, но не превзошла ни роста населенія, ни увеличенія числа осужденныхъ за данное преступленіе въ теченіи 10 лѣтняго періода.

Если изъ этихъ семи родовъ преступленій исключить № 20 (нарушеніе уставовъ казеннаго управленія), по которому преступность вообще убываетъ (см. таблицу IV г,), то остальные шесть род. пр. распредѣлятся по числу ко-

личества судившихся (см. т. IV в) въ слѣдующемъ порядкѣ: кражи (60, 61, 62 [1]), покупка краденаго (71), частные подлоги (69), растрата и мошенничество (66 и 63), поддѣлка монеты (19) и угрозы и обиды (49); мы увидимъ при сопоставленіи съ таблицей IV е, что только послѣдніе два рода преступленія и № 71 упоминаются въ этой таблицѣ въ числѣ преступленій, давшихъ увеличеніе въ числѣ судившихся выше прироста населенія, и что они протекали при сильной и средней репрессіи. О значеніи того, что эти преступленія вмѣстѣ съ другими, занесенными въ той же таблицѣ продолжаютъ расти, я уже упомянулъ выше, а также указалъ, почему ростъ ихъ не можетъ быть отнесенъ на счетъ степени репрессивной силы суда присяжныхъ.

Подтвержденіемъ этой же мысли должно служить и то, что рецидивъ наблюдается хотя и не въ такой степени увеличенія во всѣхъ остальныхъ преступленіяхъ этой таблицы, т. е. въ родахъ—перегоняющихъ въ своемъ ростѣ ростъ населенія.

Переходя къ вопросу о томъ, насколько разсмотрѣніе дѣлъ о рецидивистахъ занимаетъ суды и по какимъ именно преступленіямъ, нельзя не обратить вниманіе на то, что въ составленномъ нами ряду шести группъ преступленій, только одна и притомъ нисшая по числу судившихся представляетъ собою посягательство на личность, а именно, угрозы и обиды, всѣ остальныя составляютъ посягательство на собственность и даютъ значительное число судившихся, имѣя во главѣ кражи; между тѣмъ кражи квалифицированныя, а за ними и простыя занимаютъ 1 и 2 мѣсто по числу судившихся въ таблицѣ IV в. Итакъ рецидивъ растетъ въ имущественныхъ преступленіяхъ не смотря на то, что къ этимъ преступленіямъ присяжные относятся съ большой и средней

---

[1]) Убываетъ при сильной репрессіи.

строгостью; только ихъ отношеніе къ подлогамъ частныхъ документовъ представляетъ собою малую силу репрессіи, но важно отмѣтить, что однако это преступленіе не переходитъ въ таблицу IV е, т. е. не находится въ общемъ потокѣ возростающей преступности; кромѣ того и къ нему въ полной мѣрѣ относится соображеніе, высказанное по поводу поддѣлки векселей, такъ какъ и здѣсь архаическая форма экспертизы черезъ знатоковъ каллиграфіи несомнѣнно оказываетъ громадное вліяніе на увеличеніе оправдательнаго процента.

Для того, чтобы освѣтить интересующій насъ вопросъ, сколько изъ общаго числа осужденныхъ судъ вообще видитъ возвращающимися, представляется очень полезнымъ сопоставить итоги таблицы V.

Я долженъ напомнить, что въ данномъ случаѣ мы, опять таки, не имѣемъ къ сожалѣнію, числа оправданныхъ рецидивистовъ и потому не можемъ брать въ разсчетъ, какъ то было бы желательно, общаго числа судившихся рецидивистовъ; впрочемъ, сопоставленіе общаго числа осужденныхъ съ общимъ числомъ осужденныхъ рецидивистовъ тоже дастъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ часто судамъ вообще [1]) приходится видѣть передъ собой однихъ и тѣхъ же лицъ. Всего осужденныхъ въ 1879 году по интересующимъ насъ преступленіямъ было 27191 человѣкъ, а въ 1888 году— 37,234 человѣка; въ числѣ этихъ лицъ въ 1879 году 5379, а въ 1888 году 8838 человѣкъ рецидивистовъ, слѣдовательно въ 1879 году рецидивисты составляли $19,_{80}\%$ всего числа осужденныхъ, а въ 1888 году $23,_{73}\%$.

Возрастаніе числа рецидивистовъ нагляднѣе выражается

---

[1]) Выше уже было указано, что въ „Сводѣ“ не выдѣлены рецидивисты собственно подвѣдомые присяжнымъ, почему я и беру общее число осужденныхъ общими судебными мѣстами

такъ, что въ 1879 году на 100 осужденныхъ возвращалось 20 человѣкъ, а въ 1888 году—на 100 возвращалось 24 человѣка, т. е. въ первомъ случаѣ одна пятая, а во второмъ уже почти четверть.

Такое значительное увеличеніе числа рецидивистовъ, какъ видно изъ таблицы V, должно быть отнесено, главнымъ образомъ, къ четыремъ родамъ преступленій, а именно: % рецидивистовъ осужденныхъ составлялъ въ:

	1879.	1888.	Ergo увелич. въ
За святотатство (№№ 4 и 5) . .	$29,_{825}$%	$36,_{331}$%	$1,_{22}$ р.
„ подлоги и похищеніе-актовъ правительст. (№№ 13 и 14).	$26,_{201}$%	$35,_{011}$%	$1,_{34}$ „
„ разбой, грабежи и захваты (№№ 58, 59 и 68) . . .	$19,_{931}$%	$26,_{616}$%	$1,_{34}$ „
„ кражи (№№ 60, 61 и 62) .	$32,_{047}$%	$52,_{456}$%	$1,_{63}$ „

Если сопоставить эти цифры, то окажется, что сравнительно съ ростомъ населенія съ 1879—по 1888 годъ (увеличеніе въ $1,_5$ раза) рецидивъ въ этихъ преступленіяхъ даже уменьшился противъ нормы 1879 года за исключеніемъ кражи, которая съ своей стороны, какъ видно изъ убывающаго ряда **V б**, занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду отдѣленныхъ мною родовъ преступленій съ наиболѣе увеличившимся рецидивомъ. Хотя такимъ образомъ по сравненію съ 1879 годомъ рецидивъ по кражѣ увеличился, сравнительно, не болѣе другихъ, но нельзя не обратить вниманіе на то, что сами по себѣ (абсолютныя) взятыя процентныя числа рецидива—выдѣленныхъ въ только что приведенной таблицѣ родовъ преступленій,—представляются громадными (до 52%). Между тѣмъ за исключеніемъ частныхъ подлоговъ и похищенія актовъ правительственныхъ, остальныя три категоріи

преступленій облагаются присяжными самой сильной репрессіей и, повторяю, рецидивъ увеличился по кражѣ ничтожно ($1,_{63}$ %), сравнительно, съ ростомъ населенія, а въ трехъ родахъ даже уменьшился. Итакъ зло рецидива, которое, какъ оказывается, не имѣетъ связи съ дѣятельностью присяжныхъ, дѣйствительно, въ общей массѣ, сильно растетъ: въ 1888 году уже на четверыхъ осужденныхъ приходится одинъ рецидивистъ.

Хотя въ мою задачу не входитъ изслѣдованіе общихъ причинъ этого зла, внѣ суда присяжныхъ лежащихъ, но нельзя, заканчивая общій обзоръ дѣятельности присяжныхъ не указать на это явленіе, крайне обременяющее ихъ дѣятельность и въ значительной степени приносящее вредъ этому институту.

Къ этому вопросу я вернусь, можетъ быть, впослѣдствіи при разсмотрѣніи опасностей, грозящихъ суду присяжныхъ въ будущемъ; я разумѣю опасности не внѣшнія, а назрѣвающія постепенно въ самой совѣщательной комнатѣ, въ виду невыгодныхъ условій дѣятельности. Однимъ изъ самыхъ вредныхъ обстоятельствъ явится, какъ мы увидимъ, постоянно возникающее у присяжныхъ именно по дѣламъ о рецидивистахъ соображеніе о томъ, насколько имъ принадлежитъ право практиковать невмѣненіе преступленій по обстоятельствамъ соціально-экономическаго и пенитенціарнаго характера.

И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ подобныхъ на протяженіи этой главы, мы опять наталкиваемся на тотъ фактъ, что обыкновенныя статистическія изслѣдованія и весь наличный статистическій матеріалъ, намѣчая только общіе контуры дѣятельности суда присяжныхъ, не въ состояніи дать ничего для выясненія: *почему* присяжные судятъ такъ, а не иначе, *какіе мотивы* ими руководствуютъ, *каковы за-*

коны, управляющіе ихъ собственной судейской дѣятельностью? Для рѣшенія этихъ вопросовъ нуженъ иной матеріалъ, въ томъ числѣ особыя статистическія данныя, а обработка этого матеріала должна производиться особымъ методомъ, о чемъ и будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Найти эмпирическіе законы дѣятельности суда присяжныхъ засѣдателей и изложить ихъ болѣе или менѣе систематически нельзя безъ того, чтобы не встрѣтиться съ самыми серьозными вопросами общей теоріи права; между тѣмъ затронуть эти вопросы, по большей части еще спорные [1]) въ такъ называемой наукѣ права, въ особенности неудобно юристу практику; въ тоже время именно послѣднему наиболѣе доступны собираніе и обработка судебныхъ процессовъ въ качествѣ главнаго необходимаго матерьяла. Теоретическая подготовка, необходимая не только для рѣшенія подобныхъ вопросовъ, но даже для правильной постановки ихъ предполагаетъ однако спеціальное изученіе теоріи права и обширное знакомство съ соотвѣтствующими отдѣлами юридической литературы; отсутствіе такихъ данныхъ у меня лично заставляетъ меня крайне осторожно относиться къ этой сторонѣ моей работы. Тѣмъ не менѣе совершенно уклониться отъ теоретическихъ вопросовъ представляется невозможнымъ, какъ я уже сказалъ, по свойству самой задачи.

Какъ въ самомъ дѣлѣ отыскивать эмпирическіе законы, не выяснивъ что такое эти законы, представляющіеся для большинства юристовъ новшествомъ въ правѣ; какое ихъ мѣсто въ общей системѣ юридическихъ понятій, да и есть ли имъ тамъ мѣсто; — не представляется ли вся предпри-

[1]) Коркуновъ: Лекціи общ. теоріи права. 1894 стр. 68 и кн. IV. Ж. гр. и уг. пр. 1882 годъ О научн. изуч. права. Его-же.

нятая мною работа не юридическимъ, а соціологическимъ изслѣдованіемъ? Вопросъ о методѣ научной работы конечно коренной вопросъ и только удовлетворительное выясненіе и рѣшеніе его можетъ установить научную цѣнность выводовъ. Это первая встрѣчающаяся на моемъ пути трудность: вѣдь мы находимся въ періодѣ наиболѣе жаркихъ споровъ именно по поводу методовъ юридическихъ изслѣдованій.

Въ настоящее время метафизическія построенія потеряли всякій кредитъ въ правовѣдѣніи и юристы уже не спорятъ о томъ, что „теорія права зависитъ отъ реальныхъ отношеній, а не наоборотъ“ [1]), что логичность и стройность системы не имѣютъ цѣны безъ повѣрки ея дѣйствительностью [2]) и даже старикъ Пухта, находившій особую обаятельность въ томъ, чтобы предаться при разсмотрѣніи юридическихъ отношеній теченію смѣняющихся волнъ вмѣсто отыскиванія твердой почвы,—находилъ однако гораздо болѣе сообразнымъ съ живымъ существомъ вещей строить систему права на разсмотрѣніи этихъ (юридическихъ) отношеній, а не на рѣзкомъ понятіи правъ [3]).

Но вѣдь эмпирическіе законы, будучи найдены при разсмотрѣніи этихъ отношеній, должны лечь въ основу дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій; ихъ придется постепенно разлагать на простѣйшіе, ибо вѣдь это „законы производные“ [4]), окажется даже, можетъ быть, возможнымъ идти далѣе къ открытію „коренныхъ законовъ“ т. е.—уже неразложимыхъ на простѣйшіе—законовъ природы.

Приходится, слѣдовательно, говорить не только о методѣ, но и о системѣ науки.

---

[1]) Лекціи по общ. теор. пр. Коркуновъ. 1894. стр. 29.

[2]) Іерингъ. G. d. r. R. 1852 г. 39 и 41.

[3]) Пухта. Энцикл. права. 1872 г. 49.

[4]) Милль: Сист. Логики. 67 г. 38 и 39 стр. т. II.

I.

Теорія права стоитъ въ настоящее время на порогѣ коренныхъ измѣненій въ системѣ и въ методѣ изслѣдованія. Повторяю, что я не могу совсѣмъ обойти эти вопросы и вынужденъ поэтому коснуться ихъ въ возможно тѣсныхъ предѣлахъ. Однимъ изъ способовъ для этого представляется пользованіе наиболѣе подходящими работами по общей теоріи права, гдѣ имѣются обозрѣнія взглядовъ разныхъ школъ правовѣдѣнія. Лекціи общей теоріи права пр. Коркунова, на которыя я уже ссылался, обнимая въ чрезвычайно живомъ изложеніи все современное вавилонское смѣшеніе мнѣній юристовъ по вопросамъ теоріи,—представляются, ввиду полноты содержанія, наиболѣе удобной книгой для цитатъ общаго характера; вотъ почему, затрогивая вопросъ о различіи между законами въ научномъ смыслѣ и юридическими нормами, я буду считаться для начала съ возраженіями противъ этого взгляда, изложенными въ § 8 этихъ лекцій подъ заглавіемъ: „Право и законъ въ научномъ смыслѣ".

Пр. Коркуновъ [1]), формулируетъ слѣдующимъ образомъ мнѣніе юристовъ, отвергающихъ принципіальное различіе между нормами должнаго (т. е правомъ) и законами природы: „то, что мы называемъ нормами должнаго, нравственностью, правомъ, есть не болѣе, какъ наша догадка о тѣхъ законахъ, которыми съ необходимостью опредѣляется наша дѣятельность. По несовершенству нашему, мы не можемъ достигнуть полнаго абсолютнаго знанія, но безконечно къ нему приближаемся, замѣняя однѣ догадки объ управляющихъ нами законахъ другими, все болѣе и болѣе приближающимися къ истинѣ". Опровергая это воззрѣніе, пр. Кор-

---

1) L. c. 51.

куновъ указываетъ, что *право* [1]) въ двухъ отношеніяхъ принципіально отличается отъ законовъ природы.

„Во первыхъ, *право* не есть, помимо воли и сознанія людей, существующій порядокъ, людьми только подмѣченный, какъ это имѣется въ отношеніи къ законамъ... Другое рѣзкое отличіе законовъ отъ права—это ихъ неуклонное, недопускающее нарушеній, дѣйствіе. Законъ есть необходимый порядокъ. Право, напротивъ, непрестанно нарушается даже тѣмъ, кто знаетъ и признаетъ его... Такимъ образомъ... право не представляетъ главныхъ отличительныхъ свойствъ закона въ научномъ смыслѣ“.

„Взглядываясь ближе въ характеръ *юридическихъ законовъ* не трудно замѣтить, что общность ихъ весьма относительна и далеко не можетъ быть отождествляема съ тою общностью, какую мы приписываемъ законамъ въ научномъ смыслѣ“. „Законъ въ научномъ смыслѣ есть общее однообразіе данной группы явленій, не допускающее исключеній. Всегда и вездѣ и для всѣхъ однородныхъ случаевъ безъ исключеній онъ имѣетъ безусловную силу. Кромѣ того закономъ въ наукѣ принято называть не всякое сколько нибудь общее положеніе, а только то, которое при данныхъ условіяхъ есть крайній предѣлъ возможнаго обобщенія и не можетъ уже быть сведено къ другой болѣе общей, болѣе простой формулѣ. Общность юридическихъ *законовъ,* говоритъ далѣе пр. Коркуновъ, крайне условна, такъ какъ „въ различныхъ мѣстностяхъ и даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ разное время дѣйствуетъ нѣсколько разныхъ *законовъ*. При этомъ *юридическія нормы* не представляютъ вовсе крайняго предѣла возможнаго обобщенія“, такъ какъ каждая изъ нихъ „всегда можетъ быть сведена къ болѣе общему и простому принципу“. „*Юридическая норма*, говорится въ заключеніе,

---

[1]) Курсивъ во всей выпискѣ мой.

не есть поэтому выраженіе общаго и постояннаго въ юридическихъ отношеніяхъ, а представляетъ собою частный и измѣнчивый элементъ юридическаго порядка". „Такимъ образомъ онѣ (юридическія нормы) соотвѣтствуютъ не законамъ въ обыкновенномъ научномъ значеніи, а частнымъ явленіямъ, законъ которыхъ путемъ обобщенія требуется еще установить [1]).

Казалось бы такимъ образомъ, что, по мнѣнію пр. Коркунова право есть порядокъ, существующій, какъ частный результатъ воли и сознанія отдѣльныхъ группъ людей и потому случайный, измѣнчивый и нарушимый. Но на дѣлѣ профессоръ не только не отвергаетъ законосообразности, въ научномъ смыслѣ слова, общественныхъ явлений [2]), къ каковымъ, несомнѣнно, относится и право, но, излагая свое мнѣніе о происхожденіи *права,* говоритъ: „такимъ образомъ возникновеніе права обусловлено сознательнымъ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ поведенія, какъ обязательныхъ, но содержаніе этихъ первоначальныхъ юридическихъ нормъ не творится сознательно. Оно дается безсознательно сложившимися обыкновеніями" [3]). Съ другой стороны обсуждая вопросъ объ опредѣленіи права по источнику, онъ пишетъ, что вопросъ о томъ, возникаетъ ли право, какъ продуктъ личнаго духа или создается общественными условіями—вопросъ до сихъ поръ спорный въ наукѣ [4]). Затѣмъ на стр. 304. пр. Коркуновъ категорически заявляетъ, что *юридическая норма* установляется *закономъ*, чѣмъ законъ и отличается отъ другихъ источниковъ права—обычая и судебной практики, не установляющихъ, а только примѣняющихъ норму.

---

1) L. c. 51 и 52.
2) L. c. 50.
3) L. c. 115.
4) L. c. 68.

Если сопоставить эти послѣднія цитаты между собою, то мы прежде всего должны должны заключить, что законъ юридическій въ качествѣ источника, установляющаго норму, не долженъ быть смѣшиваемъ съ послѣднею, что представляется и совершенно правильнымъ.

Разсматривая же содержаніе приведенной выше длинной выписки [1]) въ которой авторъ полемизируетъ въ пользу принципіальнаго различія между правомъ и закономъ въ научномъ смыслѣ, нельзя не отмѣтить, что во всей своей аргументаціи проф. употребляетъ безразлично термины: право, юридическая норма и законъ (юридическій); тѣ или другія свойства юридическаго закона напр.: нарушимость, будучи безспорны сами по себѣ и потому легко доказаны, затѣмъ распространяются и на норму и право вообще уже безъ всякихъ доказательствъ. Также поступаетъ авторъ, доказывая условность юридическихъ законовъ и недостаточную сравнительно съ законами природы общность ихъ, а въ выводѣ подстановляется терминъ—юридическая норма: „юридическая норма не есть поэтому выраженіе общаго и постояннаго въ юридическихъ отношеніяхъ, а представляетъ собою частный измѣнчивый элементъ юридическаго порядка“ [2]).

Вполнѣ примыкая къ тому, что законы юридическіе, какъ правила должнаго, нарушимы, измѣнчивы и слѣдовательно—принципіально отличны отъ законовъ природы, я полагаю однако, что нельзя съ такою же рѣшительностью высказаться въ томъ же смыслѣ о юридическихъ нормахъ. Не касаясь пока вопроса о томъ, представляются ли нормы эти идентичными съ законами природы, о чемъ рѣчь будетъ ниже, я настаиваю пока на принципіальномъ различіи между юридическими нормами и юридическимъ закономъ. Нѣкото-

---

[1]) L. c. 51 и 52.

[2]) L. c. 52.

рое подтвержденіе моего мнѣнія я усматриваю въ подробномъ изслѣдованіи и разграниченіи понятій юридической нормы и юридическаго правила—закона, произведенномъ Рудольфомъ Іерингомъ во Введеніи къ „Духу римскаго права“.— Однимъ изъ основныхъ положеній знаменитаго юриста является то, что рядомъ съ „формулированнымъ правиломъ“, т. е. положительнымъ—всегда существуютъ нераскрытыя правовыя положенія (latente Rechtssätze), дѣйствующія тѣмъ не менѣе подобно всякимъ органическимъ законамъ, напр. языка[1]); это до извѣстной степени, въ противорѣчіе себѣ же, признается и пр. Коркуновымъ (стр 276 l. c.). Тѣ же изъ нормъ, которыя приняли уже форму юридическаго закона, представляютъ собою „крайне неискусныя попытки воспроизводить въ осязательной формѣ еще до того не формулированное право“[2]). т. е. превратились въ писаный законъ. Хотя Іерингъ въ данномъ мѣстѣ текста употребляетъ выраженія: Rechtssätze и Rechtsregeln почти безразлично, но рѣзкое различеніе формулированныхъ и не формулированныхъ нормъ[3]) не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Іерингъ имѣетъ ввиду двѣ принципіально различныя группы правовыхъ положеній: das wirkliche Recht (jus, quod est), das objective, wie es thatsächlich lebt und leibt и формулированныя правовыя положенія: regula juris, quae rem, quae est breviter enarrat, къ которымъ онъ приравниваетъ das Gesetz т. е. юридическій законъ[4]).

Ввиду этихъ данныхъ я вправѣ заключить, что, слѣдовательно, Іерингъ не допускаетъ, какъ это дѣлаетъ пр. Корkуновъ „установленія юридическихъ нормъ изданіемъ за-

---

1) Geist d. R. R. Leigz. 1852. 16 и 18.
2) L. c. 15.
3) L. c. 14, 18 и 20.
4) 19 и 20.

кона“ [1]), а признаетъ ихъ нормами, возникающими и управляющими общественной жизнью въ смыслѣ законовъ природы, независимо отъ ихъ обнаруженія или нераскрытія и дѣйствующими притомъ неуклонно [2]). Особенно ясно выступаетъ такое воззрѣніе при разсмотрѣніи Іерингомъ правоваго организма съ физіологической точки зрѣнія и при опредѣленіи того, что онъ понимаетъ подъ формальной реализаціей права; здѣсь онъ прямо устанавливаетъ, что облеченіе права въ форму ради цѣлей практики покоится на идеѣ совершенно чуждой принципу, лежащему въ основѣ логической системы правовыхъ понятіи [3]); послѣдняя, какъ извѣстно, въ представленіи Іеринга соотвѣтствуетъ дѣйствительно существующему праву, обнимая собой все содержаніе правовыхъ нормъ, независимо отъ того, — формулированы послѣднія или не формулированы. Въ самомъ дѣлѣ ввиду общепринятаго представленія о наукѣ, какъ о системѣ постоянныхъ законовъ, управляющихъ явленіями данной группы [4]) споръ о сравнительномъ значеніи законовъ природы и юридическихъ нормъ (не законовъ писанныхъ) можетъ быть сведенъ къ слѣдующему: если юридическія нормы установляются произвольно, если онѣ нарушимы и вообще не отличаются принципіально отъ писаныхъ законовъ, изданныхъ властью, то содержаніемъ науки права явится не система законовъ природы, управляющихъ правовыми явленіями, а классификація общихъ понятій, созданныхъ путемъ отвлеченія, и группировка общихъ признаковъ этихъ самыхъ

---

[1]) Лекціи стр 304. Сравн. Ihering. L. c. Примѣч. на стр. 19 въ особ. выраженіе: „durch Gesetze ausgesprohene Rechtssätze“.

[2]) Geist. 13. der Drang des Lebens hat das Recht mit seinen Anstalten hervorgetrieben und unterhält dasselbe in unausgesetzter ausserer Wirklichkeit и т. д.

[3]) L. c. 45 и 46.

[4]) 415 т. II. Милль, Сист. Логики. 1867 г.; 77 стр. Изучен. Соціолог. Спенсеръ. 1874.

нормъ, насколько онѣ раскрыты въ писаномъ законѣ и обычаѣ, т. е. рядъ систематизированныхъ наблюденій надъ явленіями разнообразными и измѣнчивыми, часто случайными и притомъ наблюденій, произведенныхъ не научно, а въ цѣляхъ практическаго разъясненія или толкованія этихъ эфемерныхъ явленій.

Проф. Коркуновъ, сознавая эту опасность, т. е. отрицаніе научнаго характера за теоріей права, содержащей только изслѣдованіе юридическихъ нормъ для раскрытія или толкованія ихъ въ цѣляхъ практическихъ[1]), вмѣстѣ съ Іерингомъ называетъ такое изученіе нормъ—толкованіемъ, низшей юриспруденціей, противополагая ей высшую,—анализъ, конструкцію и систематизацію юридическихъ отношеній. Въ мастерскомъ изложеніи нашъ авторъ передаетъ главные элементы этой научной работы и горячо ратуетъ за то, что бы юридическій методъ былъ признанъ въ существѣ тождественнымъ съ методомъ всякихъ другихъ наукъ. Несмотря на эти, вполнѣ правильныя методологическія соображенія, авторъ, въ качествѣ адепта конструкціи классической школы и отрицателя юридическихъ нормъ, въ смыслѣ законовъ природы,—неизбѣжно ограничиваетъ содержаніе науки права конструированіемъ общихъ понятій, институтовъ права и классификаціей ихъ.

Не замѣчая, что такимъ образомъ онъ вынужденъ признать наукой систему названій, а не законовъ, пр. Коркуновъ рѣшается даже приравнять по научному достоинству къ классической юридической конструкціи, конструкцію кристаллографическихъ системъ[2]), покоющуюся, однако на строго изслѣдованныхъ законахъ природы. Это тѣмъ болѣе странно, что выше на стр. 52 проф. Коркуновъ, признавая юридическія нормы „явленіемъ", правильно заключалъ, что тре-

---

[1]) L. c. 348.

[2]) L. c. 353.

буется еще установить законъ этихъ явленій путемъ обобщенія — слѣдовательно, какъ бы, чувствовалъ потребность выработки научныхъ законовъ въ правовѣдѣніи. Гдѣ, спрашивается мѣсто такому изслѣдованію въ упомянутой выше схемѣ юридической работы, называемой поборниками классической юридической конструкціи—наукою права?!

„Есть классъ индуктивныхъ истинъ", говоритъ Милль [1]), „завѣдомо не всеобщихъ; онѣ не притязаютъ на то, чтобы ихъ сказуемое было всегда истинно о подлежащемъ, тѣмъ не менѣе онѣ, какъ обобщенія, чрезвычайно цѣнны".

Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о приблизительныхъ обобщеніяхъ и доказательствѣ путемъ вѣроятности. Ввиду „множественности причинъ и смѣшенія дѣйствія различныхъ законовъ природы" —науки, имѣющія предметомъ общество и явленія общественности, въ томъ числѣ право, кажется осуждены на то, чтобы довольствоваться приблизительными обобщеніями, тѣмъ не менѣе и здѣсь приблизительныя, хотя бы, обобщенія должны быть прежде всего предложеніями, т. е. заключать въ себѣ *подлежащее и сказуемое*.

Въ примѣненіи къ юридической конструкціи подлежащимъ могутъ быть признаны тѣ абстрактныя построенія, въ которыхъ юристы-теоретики изслѣдуютъ элементы юридическихъ отношеній и о которыхъ проф. Коркуновъ говоритъ: „такія воображаемыя, чисто юридическія отношенія, называются юридическими институтами" [2]). „Юридическія отношенія", говоритъ онъ тутъ же, „не остаются неподвижными: съ измѣненіемъ интересовъ они возникаютъ, измѣняются, прекращаются. Поэтому кромѣ ихъ структуры необходимо разсмотрѣть также формы и условія ихъ движенія". Эта часть юридическихъ изслѣдованій, по справедливости, можетъ быть

---

[1]) L. c. 120. T. II.
[2]) 142 и 143. L. c.

названа, съ логической точки зрѣнія, отыскиваніемъ сказуемаго.

Отсюда ясно, что нельзя пренебречь разсмотрѣніемъ „условій движенія юридическихъ отношеній“: здѣсь то на мой взглядъ и мѣсто изслѣдованію тѣхъ „особыхъ законовъ общественности“, которые и по мнѣнію проф. Коркунова, обусловливаютъ собою „измѣненія законовъ (lex), обычаевъ, судебной практики, какъ явленій общественной жизни“ [1]). Эти вновь найденные законы, разумѣется, должны быть признаны законами въ научномъ смыслѣ слова, т. е. законами природы.

Если пренебречь изслѣдованіемъ этихъ законовъ, а ограничиться структурой юридическихъ понятій или хотя бы даже юридическихъ нормъ въ смыслѣ „правилъ должнаго“ [2]), т. е. ограничиться конструкціей юридическихъ отношеній, отдѣльныхъ институтовъ права и классификаціей ихъ, какъ это дѣлаетъ громадное большинство юристовъ, такъ называемой классической школы, въ особенности цивилисты, то, разумѣется, мы будемъ имѣть въ результатѣ не рядъ общихъ предложеній а, такъ сказать, рядъ однихъ *подлежащихъ* юридической науки безъ соотвѣтствующихъ *сказуемыхъ;* вотъ чѣмъ окажется эта юридическая конструкція, за которою многіе юристы новаторы, дѣйствительно, не признаютъ научнаго значенія [3]).

Такая конструкція, являясь, дѣйствительно, только номенклатурой юридическихъ понятій, хотя и не можетъ быть признана, какъ мы видѣли, наукою, тѣмъ не менѣе имѣетъ серіозное научное значеніе.

„Классифицировать—значитъ распредѣлять и называть, а назначеніе, дѣлаемыхъ такимъ образомъ распредѣленій и да-

---

[1]) L. c 276.
[2]) L. c. 120.
[3]) Ж. гр и уг. пр. Кн. IV 1882 г. стр. 3.

ваемыхъ названій, состоитъ въ томъ, чтобы они давали намъ возможность доходить до точнаго знанія и общихъ положеній" [1]).

Первоначальный періодъ развитія наукъ характеризуется классификаціями, смѣняющими другъ друга. Классификаціи эти, подробно изслѣдуемыя Миллемъ [2]), являются процессами вспомогательными наведенію и бываютъ техническими или искусственными (таковы громадное большинство юридическихъ системъ) или представляются, дѣйствительно, научными, называемыми обыкновенно *естественными*. На этой ступени классификація установляетъ классы, раздѣляемые межами, проводимыми чрезъ всю область разсматриваемыхъ явленій, на основаніи какихъ либо, хотя бы временно, предположенныхъ законовъ природы [3]).

Такъ, напримѣръ, послѣ длиннаго ряда попытокъ классификацій въ ботаникѣ была выработана естественная классификація на основаніи физіологическихъ различій между явнобрачными и тайнобрачными [4]).

„Начала разумной классификаціи при составленіи какъ группъ, такъ и рядовъ, говоритъ Милль [1]), представляютъ намъ научныя распредѣленія органической природы. Они одинаково полезны, продолжаетъ онъ далѣе, предстоитъ ли классификація предметовъ для цѣлей искусства, практической жизни или для цѣлей науки... для этого важнаго дѣла нѣтъ лучше подготовки, чѣмъ изученіе началъ естественнаго распредѣленія, не только въ отвлеченіи, но въ ихъ дѣйствительномъ приложеніи къ классу явленій, для которыхъ

---

[1]) Ист. инд. наукъ Уэвеля, изд. 1869 г. стр. 308 т. III.

[2]) 257 т. II l. c.

260 и 269 т. II. l. c.

[4]) Уэвель. 447. l. c.

[5]) 282 II т l. c.

эти начала были выработаны... Это хорошо сознавалъ великій авторитетъ въ дѣлѣ кодификацій —Бентамъ".

Изложенное показываетъ, что и классификація юридическихъ институтовъ въ смыслѣ естественнаго ряда юридическихъ понятій должна имѣть въ основѣ „устойчивые элементы, не мѣняющіеся съ каждой перемѣной законодательныхъ опредѣленій" [1]), а болѣе или менѣе постоянныя единообразія, полученныя путемъ изученія юридическаго быта. Въ этомъ смыслѣ работы Ефименко, Пахмана, Оршанскаго по изслѣдованію обычнаго права, разумѣется, должны быть признаны крупнымъ шагомъ впередъ по отношенію къ содержанію юридическихъ конструкцій, въ особенности по сравненію съ метафизическими и вообще апріорными построеніями многихъ юристовъ классической школы. Эти изслѣдователи несомнѣнно обогатили юридическую науку рядомъ эмпирическихъ законовъ; напримѣръ, всѣ названные авторы сходятся на томъ, что въ крестьянской средѣ право собственности, какъ элементъ крестьянскаго правосознанія, возникаетъ, живетъ и видоизмѣняется въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ прилагаемаго къ вещамъ труда, т. е. что только личный трудъ создаетъ право собственности. Разумѣется, такія новшества не должны представляться особенно удобными для адептовъ юридической конструкціи: „слѣдуетъ помнить, говоритъ Дарвинъ, что систематики не ощущаютъ особеннаго удовольствія, убѣждаясь въ измѣнчивости важныхъ признаковъ" [2]).

Общая теорія права давно уже констатируетъ двойственность права, которое съ одной стороны является продуктомъ исторической жизни, а съ другой создается правитель-

---

[1]) 348. Общ. теор. пр.

[2]) Происх. вид. изд. 73 г. стр. 36.

ственною властью [1]). Опредѣляя юридическія нормы, какъ правила должнаго, проф. Коркуновъ оговаривается [2]), что насколько нормы слагаются въ формѣ юридическихъ обычаевъ, онѣ не представляются актами повелѣвающей воли и даже допускаетъ, что подобно техническимъ правиламъ юридическія нормы представляютъ собой „необходимые логическіе выводы изъ законовъ соотвѣтствующихъ явленій". Тутъ же онъ цитируетъ Цительмана, къ сожалѣнію неизвѣстнаго мнѣ автора, который, по мнѣнію проф. Коркунова, идетъ уже слишкомъ далеко, утверждая, что „юридическія нормы и по содержанію своему не суть велѣнія, а только сужденія о причинной связи юридическихъ фактовъ".

Изложенное позволяетъ заключить, что переворотъ, совершающійся въ наукѣ права идетъ въ направленіи общемъ всякому научному движенію, а именно—отъ составленія болѣе или менѣе научныхъ классификацій къ созданію системы юридическихъ нормъ въ смыслѣ законовъ природы; будутъ ли это „логическіе выводы изъ законовъ соотвѣтствующихъ явленій" [3]), т. е. законы производные изъ законовъ соціальныхъ и психическихъ или болѣе общіе „коренные" законы юридическихъ явленій.

Авторъ мало читаемой, къ сожалѣнію, книги „Исторія какъ наука", покойный Стронинъ, говоритъ по этому поводу слѣдующее [4]):

„Это первыя попытки подражать тому, что въ точныхъ наукахъ называется законами. Такими юридическими законами претендуютъ быть слѣдующія, напримѣръ, римскія

---

[1]) Коркуновъ l. c. 47 и 115; такое же раздвоеніе наблюдается въ противоположеніи *положительнаго права* и субъективнаго правосознанія. 276.

[2]) Стр. 120.

[3]) Общ. теор. права 120.

[4]) L. c. 470.

обобщенія: jus posterior derogat priori; qui tacet, consentit; nemo plus juris ad alium transferre potest, quam ipse haberet; prior tempore potior jure; quod ab initio vitiosum est, tractu temporis convalescere non potest и проч. т. п.; также какъ и многочисленныя средневѣковыя подражанія этому пріему. Какъ ни слаба, однакожъ, вся эта система, какъ ни банальны всѣ ея обобщенія, которыхъ можно натворить тысячи (какъ, напримѣръ: право предполагаетъ соотвѣтственную обязанность; никто не можетъ купить, если не продаютъ; объектъ права не бываетъ субъектомъ его, и т. п.); и какъ ни подвержены всѣ они, несмотря на всю банальность, исключеніямъ, (что замѣчено уже и самымъ творцомъ ихъ, который признался въ томъ новою своею сентенціею, уничтожившею всѣ прежнія: omnis difinitio in jure periculosa est); но тѣмъ не менѣе и эта система, и эти сентенціи суть и до сихъ поръ все, что составляетъ науку права, все, что образуетъ единственно дѣйствительную обработку его, а не сырой матеріалъ".

Если принять согласно съ Миллемъ [1]), что изысканіе причинъ, какія могутъ быть открыты человѣческими способностями, именно причинъ, которыя сами суть явленія—есть путь къ открытію другихъ и болѣе общихъ законовъ явленій, а именно такова позитивная точка зрѣнія, установленная еще Контомъ,—то, разумѣется, духъ, напримѣръ римскаго права, какъ его понималъ Іерингъ, такъ сказать—идеи—матери, породившія это право, должны быть признаны право—производящими причинами; эти причины, поэтому, должны быть въ свою очередъ признаны явленіемъ, результатомъ взаимодѣйствія психическихъ законовъ. Въ этомъ смыслѣ Іерингъ и признаетъ ихъ входящими въ психиче-

---

[1]) Сист. лог. стр. 394. т. I.

скую организацію римскаго права [1]); отыскиваніе такихъ причинъ, какимъ бы то ни было методомъ, въ данномъ случаѣ (у Іеринга) дедуктивнымъ, есть поэтому несомнѣнно, отыскиваніе законовъ природы, взаимодѣйствіе которыхъ обусловило возникновеніе римскаго права. Что Іерингъ именно такъ смотрѣлъ на вопросъ о происхожденіи права, легко доказать тѣмъ, что онъ неоднократно высказывается за образованіе права, „могущественными историческими силами“ въ постоянной зависимости отъ характера, уровня образованія, матеріальной и политической судьбы народа; при этомъ теорія права является источникомъ права только въ смыслѣ замѣны темнаго правоваго чувства—юридическимъ сознаніемъ; если теорія почему либо отойдетъ отъ жизни, то значеніе ея тотчасъ падаетъ до нуля и немедленно вступаетъ въ свои права естественная цѣлительная сила правоваго организма; такъ какъ всякая система есть естественный порядокъ изслѣдуемыхъ вещей, то и система права ввидѣ логическаго организма правовыхъ институтовъ и понятій является только способомъ изображенія истинной природы права. „Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ оцѣнивать право, подобно философской системѣ, со стороны его построенія, логической цѣльности и расчлененія“ [2]).

Какъ представитель *органической* школы. къ слову сказать, уступающей нынѣ, по мнѣнію пр. Коркунова, мѣсто—*психической* [3]), Іерингъ формулируетъ эмпирическіе законы права совершенно въ духѣ соціальныхъ законовъ, установляемыхъ Спенсеромъ въ „Началахъ Соціологіи“, такъ, напримѣръ, онъ доказываетъ, что въ правовомъ организмѣ дѣйствуетъ законъ consensus'а тѣмъ, что въ каждый данный

---

1) L. c. 34.
2) Іерингъ l. c. 13, 21, 31, 39, 53 стр.
3) Общ. Теор. Пр. 206.

періодъ разнообразные институты права носятъ на себѣ общія черты, какъ результатъ дѣйствія однородныхъ силъ организма [1]).

Особенно характерно на стр. 45 изображеніе того, какъ формулируется законъ изъ юридической идеи. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о необходимомъ ввиду несовершеннолѣтія ограниченіи правъ, причемъ Іерингъ указываетъ, какъ изъ практическихъ соображеній дѣйствительный ratio legis замѣняется какимъ нибудь внѣшнимъ признакомъ, болѣе рельефнымъ для неюристовъ, чѣмъ настоящіе мотивы законодателя; если же вглядѣться въ эту идею (rationem), то не трудно различить въ ней сложный выводъ изъ ряда эмпирическихъ наблюденій надъ физической и умственной несостоятельностью несовершеннолѣтняго; другими словами этотъ выводъ есть формулировка эмпирическихъ законовъ, обусловливающихъ для несовершеннолѣтняго, предоставленнаго самому себѣ, рядъ опасностей и неудачъ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно энергическое заявленіе знаменитаго юриста, что исторія догмы, т. е. законодательства и доктрины, не даетъ изображенія права, а именно его органической жизни (wie es leibte und lebte) [2]).

Но можетъ быть это, ясно обозначившееся въ юридической наукѣ, стремленіе изслѣдовать научные законы образованія и жизни права, есть стремленіе ложное? Можетъ быть и не существуетъ такихъ законовъ въ смыслѣ законовъ природы, можетъ быть юридическія нормы на самомъ дѣлѣ только подобны, но невполнѣ соотвѣтствуютъ по своему содержанію и характеру дѣйствія законамъ природы? Для рѣшенія этихъ вопросовъ я долженъ буду, исполняя обѣщанное выше, привести доказательства своего взгляда.

---

1) L. c. 33.
2) L. c. 47.

Установивъ понятіе о законосообразности всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, я долженъ буду довольно подробно остановиться на томъ, что я смѣло называю—идентичностью всѣхъ законовъ природы, безотносительно къ тому, составляютъ ли эти законы предметъ наукъ физическихъ или, общѣе говоря, точныхъ и наукъ общественныхъ (humana). Тутъ же я долженъ буду остановиться на главныхъ доводахъ, обыкновенно приводимыхъ противъ этого взгляда [1]), и касающихся измѣнчивости общественныхъ явленій (въ данномъ случаѣ права) и нарушимости законовъ, управляющихъ ими.

II.

Законосообразность общественныхъ явленій представляется въ настоящее время настолько твердо установленнымъ фактомъ, что писатели всякихъ направленій и школъ одинаково признаютъ ее. Кетле, Бокль, Спенсеръ, исходя изъ единообразій, установленныхъ статистикой, положили основаніе соціологіи; съ другой стороны юристы, какъ органической школы [2]), такъ и психической [3]) одинаково признаютъ, что понятіе закона, какъ подмѣчаемаго однообразія явленій, примѣнимо одинаково и къ человѣческой дѣятельности. „Несомнѣнно, говоритъ проф. Коркуновъ, что общіе законы, которые управляютъ явленіями органическаго и неорганическаго міра, одинаково примѣняются и къ явленіямъ общественной жизни“ и прибавляетъ, что самая примѣнимость къ дѣйствіямъ человѣка закона среднихъ чиселъ, наблюдаемаго при статистическихъ изслѣдованіяхъ уже доказываетъ закономѣр-

---

[1]) Общ. Теор. Пр. 48—53.
[2]) Іерингъ l. c. 33.
[3]) Коркуновъ l. c. 50 и 203.

ность этихъ дѣйствій“ [1]). Нѣкоторыя особенности встрѣчаются при изслѣдованіи этого вопроса, по отношенію къ тому, какъ, признавая законосообразность общественныхъ явленій, понимать роль, такъ называемой, свободной воли; но и въ этомъ отношеніи установилось послѣ Милля почти единогласное мнѣніе, которое сводится къ тому, что, признавая волю несвободною, слѣдуетъ отличать необходимость человѣческихъ дѣйствій, въ смыслѣ неизбѣжности послѣдствій данныхъ причинъ, отъ фаталистическаго взгляда, т. е. мнѣнія о предустановленности человѣческихъ поступковъ; впрочемъ, отказавшись отъ абсолютной свободы воли, цитированные выше, авторы продолжаютъ задаваться вопросомъ о роли въ общественной жизни великихъ людей.

Я уже не разъ ссылался на мнѣніе Іеринга [2]), который вообще отвергаетъ всякое значеніе въ процессѣ развитія права отдѣльныхъ личностей въ смыслѣ творчества. Кетле прямо утверждаетъ, что соціальныя явленія, совершающіяся подъ вліяніемъ свободной воли человѣка, происходятъ изъ года въ годъ съ бо̀льшей правильностью, чѣмъ явленія, совершающіяся исключительно подъ вліяніемъ причинъ матеріальныхъ и непредвидѣнныхъ“ [3]). Даже проф. Коркуновъ, столь упорно ратующій противъ гипотезы естественнаго права, что безъ достаточнаго основанія предполагаетъ ее непремѣнно въ умахъ людей, отождествляющихъ юридическія нормы съ научными законами [4]), замѣчая въ тоже время, что въ правѣ совершенно неизбѣжно раздвоеніе, такъ какъ „нормамъ положительнаго права противополагается свободно развивающееся субъективное правосознаніе“, признаетъ

---

1) L. c. 203 и 220.

2) L. c. 13.

3) Соц. сист. и зак. ею управ. Спб. 1866 г. стр. 99.

4) L. c. 51.

однако, что это развитіе подчинено особымъ законамъ [1]). Наконецъ Милль, допуская, что вліяніе замѣчательныхъ недѣлимыхъ проявляется въ ускореніи прогрессивнаго движенія и часто обусловливаетъ даже наличность прогресса, все-таки говоритъ, что „порядокъ человѣческаго прогресса можетъ до извѣстной степени подчиняться опредѣленнымъ законамъ“ [2]). Съ другой стороны тотъ же авторъ, не колеблясь, признаетъ заблужденіемъ, что „умозрѣнія относительно общества и правленія, основываясь на доказательствахъ лишь вѣроятныхъ, должны уступать въ достовѣрности и научной точности, заключеніямъ наукъ, называемыхъ точными“ [2]). Такимъ образомъ, по его мнѣнію, напр. наука о человѣческой природѣ отличается отъ наукъ точныхъ только тѣмъ, что ея обобщенія имѣютъ характеръ приблизительныхъ истинъ, однако истинъ, за которыми надо признать научное достоинство, если при провѣркѣ онѣ могутъ быть выведены изъ общихъ законовъ человѣческой природы, такъ какъ это покажетъ настоящія границы упомянутыхъ приблизительныхъ истинъ [3]).

И такъ законосообразность явленій неорганическаго и органическаго міра, въ томъ числѣ и человѣческихъ дѣйствій— внѣ спора, но съ другой стороны существуетъ предразсудокъ, что только въ точныхъ наукахъ, подъ общимъ именемъ естествознанія, предметъ изученія осязателенъ, явленія, не подвержены измѣнчивости, законы дѣйствуютъ неуклонно, словомъ матеріалъ вполнѣ доступенъ и обработка его сравнительно легка; въ противоположность естествознанію изученіе права, по этому взгляду, имѣетъ дѣло съ измѣнчивымъ

---

[1]) L. c. 276.
[2]) L. c. 521 и 134. т. II.
[3]) L. c. 415—420.

матеріаломъ, не знаетъ неуклоннодѣйствующихъ законовъ и вообще не можетъ идти далѣе классификацій [1]).

Такъ какъ по моему глубокому убѣжденію нѣтъ принципіальнаго различія въ трудностяхъ, которыя приходится преодолѣвать научной мысли при изученіи явленій, подлежащихъ какъ точнымъ, такъ и неточнымъ наукамъ, что однако далеко не общепризнано, то я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ примѣрахъ изъ области естественныхъ наукъ. Съ одной стороны необходимость въ этомъ обусловливается недостаточнымъ знакомствомъ юристовъ вообще съ предметомъ и методами естественныхъ наукъ, съ другой стороны потребность въ сопоставленіи послѣднихъ съ юридической наукой настолько жива въ юридической литературѣ, что напр. ссылки на языкъ и его законы стали общимъ мѣстомъ юридическихъ сочиненій; въ особенности повинны въ этомъ представители исторической, а затѣмъ и органической школы. Психическая школа, въ лицѣ проф. Коркунова, повторяя тѣ же ссылки на языкъ, идетъ еще далѣе и, разсматривая природу общества, проникаетъ до извѣстной степени въ области механики, физики и химіи, а въ отдѣлѣ о научной обработкѣ права довольно подробно останавливается на астрономіи и кристаллографіи; находя, совершенно справедливо, полную общность въ характерѣ научныхъ обобщеній всякихъ отраслей знанія, проф. Коркуновъ рѣшается даже закончить такъ: „конструкція юридическихъ отношеній выполняетъ совершенно туже функцію, какъ и конструкція кристаллографическихъ системъ“ [2]).

Итакъ посмотримъ ближе, насколько, такъ называемыя, точныя науки, такъ далеко опередившія въ своемъ развитіи

---

[1]) Общ. теор. пр. 48—53, 353 и 354.

[2]) Общ. теор. пр. 202, 352 и 353.

всѣ другія, дѣйствительно, располагаютъ матеріаломъ, поддающимся особенно легко точнымъ наблюденіямъ и опытамъ.

На самомъ дѣлѣ совершенно простыхъ явленій въ мірѣ физическомъ вовсе не встрѣчается; подлежащіе наблюденію факты приходится выдѣлять изъ множества другихъ; нѣкоторыя явленія совершенно ускользаютъ отъ непосредственнаго наблюденія, независимо даже отъ степени совершенства инструментовъ. Возьмемъ слѣдующій примѣръ изъ минералогіи: минераллъ бериллъ кристаллизуется всегда въ видѣ шестигранной призмы въ комбинаціи съ шестигранной же пирамидой (двойной), т. е. въ видѣ призмы, надъ концами которой возвышаются шестигранныя пирамиды; высота каждой изъ этихъ пирамидъ можетъ измѣняться отъ нуля до безконечности, разумѣется, теоретически, такъ какъ нулевая высота, т. е. отсутствіе комбинаціонной пирамиды не встрѣчается въ природѣ; также не можетъ существовать и безконечно высокая пирамида, ребра и плоскости которой шли бы параллельно одной оси; такъ какъ и въ этомъ случаѣ пирамиды не будетъ вовсе, т. е. кристаллъ имѣлъ бы видъ чистой призмы, форму, такъ называемую, открытую, тоже въ природѣ не встрѣчающуюся.

Въ нѣкоторыхъ кристаллахъ берилла высота комбинаціонной пирамиды такъ мала, что нѣтъ возможности измѣрить ея двугранные углы; самый точный изъ существующихъ углоизмѣрительныхъ приборовъ, о которомъ Уэвель говоритъ, что Волластонъ изобрѣтеніемъ отражательнаго гоніометра далъ возможность кристаллографамъ достигнуть высокой степени точности въ кристаллографическихъ измѣреніяхъ [1]), —показываетъ на мѣстѣ такихъ малыхъ пирамидъ уголъ 180° т. е. плоскость; существованіе же пирамиды несомнѣнно, такъ какъ ребра ея, ввидѣ, сходящихся въ одной

---

[1]) Ист. индук. наукъ. т. III. 279.

точкѣ (вершинѣ), чертъ явственно видны въ лупу, а часто и простымъ глазомъ; то, что эти черты,—дѣйствительно, ребра двугранныхъ угловъ очень тупой пирамиды, доказывается преломленіемъ на нихъ пламени свѣчи. Въ формахъ, весьма приближающихся ко второму предѣлу (высота пирамиды $= \infty$, а всѣ ребра параллельны одной оси) т. е. открытой призмѣ, инструменты показываютъ, что ребра данной формы параллельны между собой, но мы не можемъ утверждать это, убѣдившись уже разъ въ неточности показаній инструмента и потому кажущаяся призма эта можетъ быть просто очень острой пирамидой съ недоразвитой или механически отдѣленной вершиной.

Совершенно недоступнымъ непосредственному наблюденію является, напримѣръ, измѣненіе частицъ и поверхностей тѣлъ при треніи. Сюда же относится, напримѣръ, измѣненіе строенія желѣза отъ сотрясенія (выступаніе микроскопическихъ кристалловъ на граняхъ, какъ признакъ), сопровождаемое значительнымъ увеличеніемъ хрупкости.

Недоступность самыхъ явленій для наблюденія и отсутствіе неусложненныхъ случаевъ въ природѣ затрудняетъ не только наблюденіе, но и производство опытовъ; людямъ, производившимъ химическіе опыты, особенно понятно это неудобство; стоитъ вспомнить почти неодолимое препятствіе при изслѣдованіяхъ внутренностей на мышьякъ въ видѣ мышьяка, постоянно незвано—непрошено являющагося изъ цинка и мѣди, употребляемыхъ при этомъ опытѣ; трудность получить послѣдніе въ чистомъ (химически) видѣ такъ велика, что въ судебномедицинскихъ случаяхъ характерный налетъ, получаемый въ аппаратѣ Марша, не можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ, что мышьякъ, дѣйствительно, имѣлся въ изслѣдуемомъ препаратѣ.

Особенныя затрудненія создаются какъ при наблюденіи, такъ и производствѣ опытовъ, присоединеніемъ къ дѣйствію

изслѣдуемаго закона другихъ, неизвѣстныхъ еще законовъ. Въ механикѣ, напримѣръ, при вычисленіи силы тренія обозначаются дельтой (Δ) неподдающіяся вычисленію сумма или произведеніе элементовъ, входящихъ въ составъ этой силы.

О такомъ смѣшеніи дѣйствій и столкновеній причинъ Милль говоритъ слѣдующее: „заключивъ этимъ наши замѣтки о множественности причинъ, мы переходимъ къ еще болѣе частному и сложному случаю: смѣшенію дѣйствій и столкновенію причинъ. Имъ наиболѣе усложняется и затрудняется изученіе природы, и четыре единственно-возможные метода прямаго индуктивнаго изслѣдованія наблюденіемъ и опытомъ, бо̀льшею частью, какъ сейчасъ увидимъ, совершенно не въ состояніи бороться съ этимъ случаемъ [1]).

Такимъ образомъ элементарные пріемы всякой научной работы: записать наблюденіе, сдѣлать опытъ, взвѣсить и смѣрить—представляются исполнимыми только приблизительно также и по отношенію къ явленіямъ, составляющимъ предметъ естественныхъ наукъ; формулировка же и открытіе законовъ, управляющихъ этими явленіями, встрѣчаетъ тѣ же общія всѣмъ наукамъ затрудненія въ множественности причинъ и смѣшеніи дѣйствій разныхъ законовъ.

Далѣе я буду имѣть случай подробнѣе остановиться на измѣняемости права, какъ свойствѣ, весьма затрудняющемъ его изученіе, а также на кажущейся нарушимости юридическихъ нормъ, понимаемыхъ въ смыслѣ законовъ природы; я говорю *кажущейся* потому, что на самомъ дѣлѣ эта нарушимость представляетъ только случаи смѣшаннаго дѣйствія нѣсколькихъ законовъ или нормъ.

Слѣдуя своему плану, я приведу въ краткомъ очеркѣ кристаллографіи случаи, вполнѣ соотвѣтствующіе вышеупомянутымъ свойствамъ права, какъ матеріала изученія. Основ-

---

[1]) Сист. лог. 499. Т. I.

иой законъ кристаллизаціи гласитъ, что кристаллы всякаго минералла принимаютъ лишь тѣ формы, которыя могутъ быть составлены изъ равныхъ и опредѣленнаго вида частичекъ этого минералла [1]). Форма этихъ частицъ называется основною формою и состоитъ въ постоянномъ отношеніи къ химическому составу минералла.

Въ природѣ, кромѣ свободно образованныхъ, правильныхъ кристалловъ, встрѣчаются: 1) окристаллизованные минераллы, т. е. такіе, въ которыхъ отъ случайныхъ причинъ, причинъ внѣшнихъ, не выразилась вполнѣ свойственная имъ кристаллическая форма, 2) псевдоморфозы, кристаллы, внутреннее строеніе которыхъ не соотвѣтствуетъ внѣшней формѣ, т. е. послѣдняя не соотвѣтствуетъ химическому составу минералловъ; напр. иглы сѣры, которыя при дотрогиваніи разсыпаются въ настоящіе кристаллы сѣры (другой формы).

Всѣ эти формы могутъ происходить путемъ чисто физическаго процесса или процессъ осложняется химическими ...ніями, напримѣръ, образованіе кристалловъ гипса происходитъ при соединеніи ненасыщенныхъ растворовъ горькой соли и хлористаго кальція. Параллельно измѣнчивости права и въ кристаллахъ при ростѣ ихъ можетъ происходить параллельное перемѣщеніе плоскостей, число ихъ можетъ уменьшиться или увеличиться, даже допустить недоразвитіе тѣхъ или другихъ, но въ результатѣ положеніе старыхъ и новыхъ плоскостей всегда будетъ представлять строго выдержанную симметрію, т. е. новыя плоскости могутъ появиться только надъ однородными,—соотвѣтствующими элементами ограниченія—плоскостями. То же самое примѣнимо въ случаяхъ исчезновенія, т. е. уменьшенія числа плоскостей [2]).

---

1) Д—ръ Чермакъ, проф. Вѣнск. Ун. Учебн. Минерал. 1884 г. стр. 3.
2) L. c. 29.

Какъ не вспомнить при этомъ законъ consensus'a, устанавляемый Iерингомъ и уже упомянутый мною выше, и великій законъ Конта о трехъ ступеняхъ: теологической, метафизической и положительной или трехъ послѣдовательныхъ періодахъ, чрезъ которые проходитъ человѣческое умозрѣніе: какъ рѣзко выдѣляются эти ступени какъ въ исторіи науки права, такъ и въ развитіи самого права; недалеко то время, когда этотъ законъ, будучи введенъ юристами въ учебники, дастъ праву, несмотря на его измѣняемость, строгую законосообразность развитія.

Большая часть кристаллографическихъ системъ, учитъ насъ кристаллографія, распадается на два или болѣе отдѣла, такъ какъ одни изъ принадлежащихъ сюда кристалловъ вполнѣ отвѣчаютъ законамъ симметріи, другіе же при общемъ строеніи, сходномъ съ первыми, обнаруживаютъ правильныя уклоненія отъ этихъ законовъ (вмѣшательство другихъ законовъ); такъ: часто являются формы, которыя ограничены лишь половиннымъ числомъ плоскостей, наблюдаемыхъ въ другихъ формахъ;—это явленіе называется геміэдріей и формы—геміэдрическими, въ противоположность гомоэдрическимъ формамъ, которыя образованы вполнѣ симметрично. Законность, которой подчинена геміэдрія, выражается въ томъ, что у такихъ кристалловъ пространства между главными сѣченіями оказываются одинаковыми только въ попеременномъ порядкѣ, т. е. при перерѣзываніи фигуры горизонтальной плоскостью черезъ центръ фигуры, обѣ половины ея могутъ совпадать при наложеніи одна на другую только путемъ передвиженія черезъ одну грань; при этомъ и физическія свойства, напр. преломляемость, будутъ одинаковы только черезъ одну грань, но не подрядъ, какъ въ простомъ напр. кубѣ, въ отличіе отъ его же геміэдрической формы (также кубъ). При совмѣстномъ дѣйствіи нѣсколькихъ причинъ (смѣшеніе законовъ) бываютъ комбинаціи однородныхъ и комбинаціи разнород-

ныхъ по своему химическому составу кристалловъ; въ обоихъ случаяхъ, однако, комбинація происходитъ по опредѣленнымъ законамъ, безъ знанія которыхъ, нельзя обнаружить наблюденіемъ, изъ какихъ формъ состоитъ данная комбинація. Законосообразность всѣхъ этихъ явленій доказывается тѣмъ, что продолженіемъ симметричныхъ плоскостей или измѣреніемъ двугранныхъ угловъ мы всегда можемъ опредѣлить всѣ простыя формы, составляющія данныя сложныя. Такова измѣнчивость въ мірѣ неорганическомъ.

Послушаемъ, что говоритъ о томъ же явленіи въ органическомъ мірѣ Чарльзъ Дарвинъ: „послѣдствія многочисленныхъ, совершенно неизвѣстныхъ или неопредѣленно рисующихся передъ нами, законовъ, управляющихъ уклоненіями, безконечно разнообразны и сложны [1]). Измѣнчивость подлежитъ множеству неизвѣстныхъ намъ законовъ, изъ которыхъ особенно важенъ законъ соотношенія развитія. Окончательный результатъ такимъ образомъ становится безконечно-сложнымъ“ [2]). Говоря далѣе о видахъ и разновидностяхъ и связи между ними, нашъ авторъ прибавляетъ: „поэтому я считаю индивидуальныя особенности, хотя мало интересныя для систематиковъ, чрезвычайно важными для насъ въ качествѣ первыхъ шаговъ къ тѣмъ легкимъ разновидностямъ, которыя едва удостоиваются упоминанія въ естественно-историческихъ сочиненіяхъ. Разновидности же нѣсколько болѣе опредѣленныя и постоянныя, я считаю шагами къ разновидностямъ еще болѣе рѣзкимъ и постояннымъ; эти же послѣднія—зачатками подвидовъ, а наконецъ и видовъ“ [3]).

Вся глава V „Происхожденія видовъ“ посвящена изложенію законовъ измѣнчивости, при малѣйшемъ обобщеніи

---

1) Происх. вид. 73 г., стр. 10.
2) L. c. 33.
3) L. c. 41.

которыхъ могутъ быть получены формулы, вполнѣ обнимающія такіе сложные факты, какъ расхожденіе права въ двухъ направленіяхъ; то расхожденіе, которое по мнѣнію проф. Коркунова, является „неизбѣжнымъ раздвоеніемъ права: съ одной стороны положительное право, съ другой свободно развивающееся субъективное правосознаніе“ [1]). Естественно вспомнить при этомъ о постепенномъ расхожденіи двухъ видовъ правды судебной:—правды короннаго суда и правды суда присяжныхъ.

Это расхожденіе, какъ уже не разъ было говорено, несомнѣнно, происходитъ законосообразно и единственный путь къ познанію этой законосообразности есть изученіе эмпирическихъ законовъ дѣятельности суда присяжныхъ.

„Сложные и мало извѣстные законы, управляющіе измѣнчивостью, насколько мы можемъ судить, тѣ же самые, которые управляли возникновеніемъ, такъ называемыхъ, видовъ формъ“ говоритъ Дарвинъ [2]). Что же видимъ мы у отца статистики Адольфа Кетле? „Въ мірѣ существуетъ общій законъ, говоритъ онъ, предназначенный, какъ бы, для того, чтобы разливать жизнь во вселенной; въ силу этого закона, все живущее подлежитъ безконечному разнообразію, причемъ консервативныя начала отнюдь не нарушаются. Этотъ-то законъ, столь долго не признаваемый наукою и бывшій столь безплоднымъ въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ, я назову закономъ случайныхъ причинъ. Чтобы составить себѣ объ этомъ законѣ сколько-нибудь точное понятіе, нужно убѣдиться, что каждый предметъ подверженъ флюктуаціямъ (fluctuations) колебаніямъ, измѣненіямъ, непостоянству. То, что мы называемъ аномаліей, только потому есть

---

[1]) Л. по общ. теор. пр. стр. 276.
[2]) L. c. 356.

уклоненіе въ нашихъ глазахъ отъ общаго закона, что мы не способны сразу обнять достаточное количество предметовъ“ [1]). „Итакъ, продолжаетъ онъ далѣе, относительно нравственныхъ качествъ, а равно и физическихъ, человѣкъ подчиненъ большимъ или меньшимъ уклоненіямъ отъ средняго состоянія и колебанія его около этой средней величины совершаются по общему закону, управляющему всѣми колебаніями, которымъ подлежитъ рядъ явленій, находящихся подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ“ [2]).

Измѣняемость права поэтому, какъ можно предполагать, есть результатъ комбинацій различныхъ законовъ природы; въ общихъ чертахъ такія комбинаціи должны представлять собою случаи смѣшенія дѣйствія соціальныхъ и психологическихъ законовъ. Здѣсь кстати вспомнить слова Милля, что законы національнаго (или коллективнаго) характера составляютъ самый важный классъ соціологическихъ законовъ, что характеръ, т. е. мнѣнія, чувства и привычки народа, будучи большею частью результатомъ общественнаго состоянія имъ предшествовавшаго, являются также причинами послѣдующаго общественнаго состоянія, образуя всѣ искусственныя обстоятельства, напр. законы и обычаи; самая несовершенная часть изъ тѣхъ вѣтвей соціальнаго изслѣдованія, которыя были обрабатываемы ввидѣ отдѣльныхъ наукъ, есть теорія того, какое вліяніе имѣютъ на ихъ выводы этологическія соображенія [3]).

Къ числу этихъ вѣтвей несомнѣнно принадлежитъ и правовѣдѣніе, почему этологія, т. е. наука о характерѣ, изслѣдующая не только характеръ народа, но и образованіе характера недѣлимыхъ сообразно законамъ общей психологіи [4])

---

[1]) Соц. сист. гл. III стр. 16—17.
[2]) L. c. 94.
[3]) L. c. 483 и 484 т. II.
[4]) L. c. 442 и 443.

тоже вноситъ свою лепту въ гордіевъ узелъ, именуемый правомъ, представляющій поэтому сложный результатъ дѣйствія троякихъ законовъ: соціологическихъ, психологическихъ и этологическихъ.

Возьмемъ напр. одну изъ многихъ, намѣченныхъ уже дедуктивно, юридическихъ нормъ, имѣющихъ значеніе закона природы, ту норму, неизмѣнность дѣйствія которой лежитъ въ основаніи суда присяжныхъ. Это судебный законъ (юридическая норма въ смыслѣ закона природы), въ силу котораго лучше судитъ судья независимый, какъ извнѣ, такъ—и отъ предвзятыхъ мнѣній.

Эта норма, представляющая эмпирическій законъ громадной широты примѣненія, выяснилась для человѣчества изъ длиннаго ряда наблюденій и несомнѣнно является законамъ производнымъ въ томъ смыслѣ, что представляетъ собою „смѣшеніе дѣйствія“ трехъ родовъ законовъ: психологическихъ, соціологическихъ и этологическихъ.

Втеченіе длиннаго періода времени попытки все точнѣе формулировать этотъ, не открытый еще вполнѣ, законъ (юридическую норму) въ кодексахъ должны были приводить къ тому, что соотвѣтствующія вышеупомянутымъ законамъ правопроизводящія причины, т. е. соціальные и психоэтологическіе факторы, комбинируясь въ разныхъ сочетаніяхъ, давали въ результатѣ, въ качествѣ продукта, измѣнчивыя, чисто внѣшнія и весьма несовершенныя правовыя формы и формулы, но какъ далеко отстоятъ эти несовершенныя отвлеченія отъ дѣйствительной жизни, которая тѣмъ не менѣе продолжаетъ управляться настоящимъ живымъ правомъ. Это не естественное право, предустановленное или измышленное, а результатъ, сложное явленіе, законосообразно рожденное и также живущее, хотя еще не названное. Какъ грубы и несовершенны тѣ изображенія, которыя создаетъ, стараясь угадать эти эмпирическіе законы,

формулирующій ихъ законодатель. „Эти попытки, говоритъ Іерингъ, подобны первымъ пластическимъ опытамъ народа“ [1]).

Въ зависимости отъ того, что законъ случайныхъ причинъ даетъ перевѣсъ дѣйствію соціальнаго закона, напр. того, что на низкой степени общественнаго развитія органы даннаго государства представляются недостаточно дифференцированными, можетъ получиться недостаточное выдѣленіе судьи изъ группы подначальныхъ администраторовъ, причемъ требованіе независимости будетъ понято въ смыслѣ свободы отъ общественныхъ вліяній на поприщѣ государственной службы. Это неудачное формулированіе, недостаточно раскрытой наблюденіемъ, нормы, не преминетъ оказать свое дѣйствіе въ томъ смыслѣ, что приговоры такого судьи будутъ правосудны только въ силу причинъ, случайно соединившихся въ его личности. Юридическая норма, плодомъ дѣйствія которой явится, въ такомъ случаѣ, право или правосудный приговоръ, предстанетъ наблюденію слишкомъ усложненной ввиду того, что вторая и третья правопроизводящія причины, а именно психологическіе и этологическіе факторы слишкомъ оттянутъ нашъ гордіевъ узелъ въ свою сторону. Если бы этого не случилось и личный уровень зависимаго судьи пришелся бы вполнѣ по плечу низкой степени развитія даннаго государства, то неправосудность судебныхъ приговоровъ не только не нарушила бы нашей нормы, а, напротивъ, только подтвердила бы ея дѣйствительность. Такимъ образомъ измѣняемость права находится въ строгой причинной связи, съ существующимъ въ данномъ обществѣ, отношеніемъ между соціальнымъ и психическимъ развитіемъ данной группы людей, взятыхъ въ цѣломъ и въ отдѣльности.

Еще Бокль, говоря о кажущемся нарушеніи законовъ природы, указывалъ на параллелограммъ силъ, какъ на хоро-

---

1) L. c. 15.

шій примѣръ того, что замѣчаемое отклоненіе въ дѣйствіи законовъ заключается въ дѣйствіи меньшихъ законовъ, которые при столкновеніи съ болѣе общимъ—измѣняютъ его правильное дѣйствіе [1]).

„Такъ какъ законы причинъ исполняются на дѣлѣ одинаково и тогда, когда мы говоримъ, что причины встрѣчаютъ противодѣйствіе другихъ причинъ и тогда, когда дѣятельность ихъ не нарушается, то мы должны стараться не выражать законовъ въ такихъ словахъ, которыя бы противорѣчили утвержденію, что законы въ этихъ случаяхъ исполнены [2]). Исходя изъ этого, Милль формулируетъ законъ тяготѣнія такимъ образомъ, что всѣ тяжелыя тѣла *стремятся* упасть и заключаетъ, что соціологія, разсматриваемая, какъ система дедукцій а priori построенныхъ, не можетъ быть наукою положительныхъ предсказаній, а только наукою стремленій; даже познаніе однихъ стремленій безъ возможности предсказывать ихъ совокупный результатъ даетъ намъ силу, удаляя вредныя обстоятельства, окружить данное общество возможно-бóльшимъ числомъ обстоятельствъ, стремленія которыхъ вообще благопріятны [3]).

Разсмотрѣніе измѣнчивости права параллельно измѣнчивости вообще всѣхъ явленій природы, а также установленіе того, что кажущаяся нарушимость юридическихъ нормъ есть только видимый результатъ смѣшенія законовъ природы, привело насъ къ послѣднему оплоту, обыкновенно воздвигаемому противниками идентичности законовъ природы и юридическихъ нормъ. Такимъ оплотомъ является невозможность точныхъ предсказаній въ случаѣ смѣшенія законовъ, а таковы всѣ случаи соціальныхъ явленій, въ томъ числѣ и

---

1) Ист. цив. Анг. т. I 22.
2) Сист. лог. I т. 507.
3) L. c. т. I 510 и т. II 474.

права; относительно послѣдняго кстати вспомнить ложное мнѣніе, что возможность предсказывать результатъ судебнаго дѣла, является критеріемъ цѣлесообразности данной формы суда, напр. суда присяжныхъ. Короткимъ отвѣтомъ на это да послужитъ мнѣ слѣдующая выписка изъ Спенсера: „Принимая механику типомъ высоко развитой науки, посмотримъ, что позволяетъ она намъ предсказать относительно какого-нибудь конкретнаго явленія. Пусть требуется напр. взорвать мину и опредѣлить, что произойдетъ съ обломками вещества, взорваннаго на воздухъ. Посмотримъ, что именно можемъ мы отвѣтить, основываясь на извѣстныхъ намъ законахъ динамики? Изъ обыкновеннаго опыта, который предшествуетъ болѣе точнымъ наблюденіямъ науки, мы знаемъ, что всѣ обломки, поднявшись на воздухъ, болѣе или менѣе высоко, упадутъ на землю; что они достигнутъ земли въ различныхъ мѣстахъ ограниченнаго пространства, въ нѣсколько различныя времена. Наука позволяетъ намъ сказать еще больше. Изъ тѣхъ же законовъ, которыми опредѣляется путь планеты или брошеннаго тѣла, она выводитъ ту истину, что каждый обломокъ опишетъ кривую, что всѣ кривыя, отличаясь индивидуально, специфически будутъ сходны одна съ другою, что всѣ онѣ (если оставить въ сторонѣ отклоненія, происходящія отъ сопротивленія воздуха) будутъ части элипсисовъ съ такимъ большимъ эксцентрицитетомъ, что мало будутъ отличаться отъ парабол,—по крайнѣй мѣрѣ тѣ ихъ части, которыя описываются въ то время, когда напоръ газовъ уже не ускоряетъ движенія обломковъ. Но хотя законы механики и позволяютъ намъ сдѣлать совершенно вѣрныя заключенія, тѣмъ не менѣе мы не въ состояніи почерпнуть изъ нихъ ничего болѣе опредѣленнаго относительно пути, который примутъ отдѣльные обломки. Какъ именно взлетитъ на воздухъ лѣвая часть массы, покрывающей порохъ, который хотятъ

воспламенить,—однимъ кускомъ или нѣсколькими?—Какіе именно куски брошенной массы будутъ остановлены—если это случится—въ своемъ движеніи окружающими предметами, въ которые они ударятся?—Все это вопросы на которые нельзя отвѣтить. *Нельзя отвѣтить не потому, чтобы результаты были въ чемъ-нибудь несогласны съ закономъ,* но потому, что нельзя добыть данныхъ, на которыхъ должны основываться наши предсказанія. Итакъ мы замѣчаемъ, что относительно конкретнаго явленія, нѣсколько сложнаго, самая точная наука позволяетъ дѣлать большею частью одни только общія предсказанія и только отчасти спеціальныя. Если же это имѣетъ мѣсто даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отношенія между причинами и явленіями не особенно запутаны, и гдѣ наука, изучающая ихъ, значительно подвинулась впередъ, намъ тѣмъ болѣе нужно ожидать этого, когда причины и дѣйствія въ высшей степени запутаны и наука только что начинаетъ жить [1]).

Слѣдовательно падаетъ и возраженіе, гласящее, что юридическая наука имѣетъ дѣло не съ законами природы, подъ именемъ юридическихъ нормъ, такъ какъ эти послѣднія недопускаютъ возможности точныхъ предсказаній для каждаго отдѣльнаго случая.

Судебныя рѣшенія, установляющія право (судебная практика есть источникъ права), создаютъ его, какъ продуктъ дѣйствія нѣсколькихъ законовъ; изъ нихъ законъ соціальный, — *стремящійся* сохранить совмѣстную жизнь на данномъ уровнѣ, путемъ исключенія вредныхъ членовъ, соединяется въ своемъ дѣйствіи съ соціальнымъ же закономъ сохраненія особей; послѣдній законъ представляется сложнымъ, такъ какъ сохраненіе или исключеніе особей обусловлено вредностью особи, т. е. опасностью или неисправимостью даннаго лица,—слѣдовательно къ общему результату примѣшивается,

---

1) Изуч. Соц. Спб. 1874. 80—81.

какъ мы впрочемъ уже знаемъ, дѣйствіе психическихъ и этологическихъ законовъ; отсюда рождается приговоръ т. е. право въ смыслѣ юридической нормы, наблюдаемой сначала, какъ эмпирическій законъ, напримѣръ въ такомъ видѣ: если возможно исправленіе, то и виноватый при данныхъ обстоятельствахъ дѣла можетъ быть оправданъ; слѣдовательно констатируется *такое то стремленіе* присяжнаго засѣдателя; точно же исчислить случайную причину, (личный элементъ) мы впередъ не можемъ, почему и возможность предсказанія судебнаго рѣшенія, не существуя сама по себѣ, никогда не можетъ служить критеріумомъ правильности отправленія правосудія.

Общія положенія, установленныя выше, справедливо подвергнуть провѣркѣ на конкретныхъ примѣрахъ.

Изъ трехъ, болѣе или менѣе обработанныхъ, областей права въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ удобнѣе всего выбрать для этого моментъ образованія права. Посмотримъ, что говоритъ о происхожденіи права собственности (право добычи) Іерингъ: Сила факта (die Thatkraft) рождаетъ право... На ея созданіи, на томъ, что было ею добыто и завоевано— правовое чувство (жившее въ груди сильнаго) поставило свой штемпель, сдѣлало его частью собственной личности и удвоило тѣмъ силу, которою право утверждалось... Это чувство собственнаго права, естественно заключаетъ въ себѣ признаніе правовàго чувства и въ другихъ, но на практикѣ уваженіе чужихъ правъ развивается только очень медленно и постепенно. Первоначально это признаніе ограничивается тѣснымъ кругомъ товарищей; всякій, внѣ круга стоящій, безправенъ, противъ него дается свободный ходъ силѣ и побѣда опять основываетъ право. Таже сила уже правомѣрно направляется и противъ товарищей въ охрану личности или собственности другихъ; самопомощь возвращаетъ потерян-

ное, а если это невозможно, то утоляется по крайней мѣрѣ жажда мести [1]).

Примѣнимъ къ уголовному праву эту теорію, относящуюся во всякомъ случаѣ къ первому этажу исторической постройки, именуемой правомъ. Новѣйшіе юристы вводятъ ограниченіе этой теоріи, признавая необходимымъ первоначально установленіе обычаевъ, получающихъ со временемъ юридическій характеръ [2]). Я называю періодъ установленія обычаевъ вторымъ этажомъ, такъ какъ долженъ же существовать до момента дѣйствія обычая моментъ его установленія.

Какъ возникаетъ юридическій запретъ убійства? Помня, что писаный законъ по изложеннымъ выше основаніямъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ нормой, мы не удивимся, что этотъ запретъ всегда можетъ быть нарушенъ, ибо онъ противорѣчитъ естественному закону, въ силу котораго сильнѣйшій можетъ убить слабѣйшаго. Посмотримъ же, съ какой юридической нормы представляетъ слѣпокъ правило: Не убій.

Норма эта, какъ всякій законъ природы, не можетъ быть велѣніемъ, а установляетъ неизбѣжность тѣхъ или другихъ послѣдствій факта убійства. Въ общихъ чертахъ такая норма можетъ быть выражена въ слѣдующей формѣ: при такихъ то условіяхъ общественности лишеніе человѣка жизни другимъ вызываетъ такія то послѣдствія для послѣдняго.

Прослѣдимъ тотъ процессъ, которымъ создавалась правовая охрана жизни отдѣльной личности и какъ, слѣдовательно, первоначально простыя, нормы, постепенно усложняясь, дошли до высшихъ степеней сложности.

Первоначально всякій имѣющій власть и возможность убить—

---

[1]) Geist d. R. R. I 105.

[2]) Общ. т. пр. 117

убиваетъ, когда пожелаетъ этого. — Это въ дикомъ быту. Реакціей противъ этого является месть родственниковъ, связанная по Іерингу съ чувствомъ права кровной мести; когда на высшей ступени власть вождя подчиняетъ себѣ окружающихъ на правѣ жизни и смерти, то пользованіе правомъ кровной мести, идущее въ ущербъ вождю, переходя къ нему, становясь его правомъ наказывать, замѣняется выкупомъ (вира). Возникаетъ новый стимулъ поведенія, сообразный съ волей вождя и выгодами общенія. Этотъ запретъ вождя есть первый юридическій законъ, формулирующій первую часть нормы—не убій; вся же норма гласитъ: кто убьетъ - будетъ самъ убитъ родственниками убитаго или вождемъ или кѣмъ-либо по его приказу или заплатитъ выкупъ. Такая норма, какъ наблюденное единообразіе, разумѣется, ненарушима, между тѣмъ это уже норма юридическая. На слѣдующей ступени общественности между властью и преступникомъ въ силу соціальнаго прогресса (дифференцированіе) становится *судъ* и норма дополняется правиломъ: *если судъ признаетъ это убійствомъ.*

По мѣрѣ развитія уголовнаго и судебнаго законодательства вырабатываются причины невмѣненія, которыя только отчасти и крайне постепенно проникаютъ въ писаный законъ; въ каждомъ же частномъ данномъ случаѣ дѣйствуетъ, какъ мы уже знаемъ, не только этотъ послѣдній, но сознательно или безсознательно вызывается то или другое рѣшеніе нераскрытою еще вполнѣ юридической нормою.

При такомъ положеніи понятно, что судебная практика, являясь источникомъ права, позволяетъ пополнять норму еще новыми чертами.

На приведенномъ выше примѣрѣ я постарался показать, какъ естественный законъ, законъ природы (сильный можетъ убить слабаго) постепенно переходитъ въ юридическую норму.

Если эта провѣрка произведена правильно, то идентичность закона природы и юридической нормы и принци-

ціальное различіе между ними съ одной стороны и правиломъ должнаго (писаный законъ) съ другой—должны считаться доказанными.

Стремясь обнаружить юридическія нормы, дѣйствующія на судѣ присяжныхъ, законодатель прежде всего долженъ установить эмпирическіе законы ихъ дѣятельности, т. е. нормы, обусловливающія признаніе присяжными извѣстныхъ фактовъ доказанными и извѣстныхъ поступковъ при тѣхъ или другихъ условіяхъ наказуемыми.

Отсюда путемъ расширенія дѣйствія эмпирическихъ законовъ, по возможности, до предѣловъ дѣйствія нормы, т. е. до вѣроятнаго объема послѣдней, законодатель стремится угадать эту норму для того, чтобы его писаный уголовный или судебный законъ не оказался мертворожденнымъ.

Дѣйствительно, принужденіе юридическое не есть фактъ, произвольно установляемый; проф. Коркуновъ правильно замѣчаетъ, что принудительность не есть основное свойство права [1]).

Принудительное исполненіе юридическаго правила, составляющаго первую строчку, вѣрно угаданной, юридической нормы, есть только предусмотрительный выводъ власти изъ ненарушимости нормы въ качествѣ закона природы.

Юридическая норма, какъ и всякій законъ природы, дѣйствуетъ принудительно только въ томъ смыслѣ, что неуклонно приводитъ къ извѣстнымъ послѣдствіямъ того, кто пренебрегъ, поставленнымъ мудрымъ законодателемъ предостерегательнымъ значкомъ ввидѣ писанаго правила: не дѣлай того то.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какимъ способомъ правильнѣе всего, въ смыслѣ вѣроятности удачнаго результата, слѣдуетъ искать эмпирическіе законы дѣятельности суда вообще и присяжныхъ засѣдателей въ частности—

---

[1]) L. c. 72.

ввидахъ обнаруженія, неуклонно дѣйствующихъ при судебномъ разбирательствѣ, юридическихъ нормъ.

Только познаніе послѣднихъ, хотя бы и приблизительное, можетъ служить достаточно твердымъ основаніемъ для законодательнаго творчества.

III.

Значительное большинство выводовъ, къ которымъ можетъ въ настоящее время привести юридическое изслѣдованіе позитивнаго характера, разумѣется, не можетъ претендовать на новизну, такъ какъ, примѣнявшійся почти исключительно дедуктивный методъ мышленія въ такой старой наукѣ, какъ юриспруденція, успѣлъ уже дать по каждому вопросу необозримое количество разныхъ юридическихъ положеній и системъ.

Легко указать цѣлыя страницы у Миттермайера, у профессоровъ: Фойницкаго, Владимірова, Глазера, у Гогеля, Хрулева и др., содержащія въ себѣ рядъ общихъ заключеній о дѣятельности суда присяжныхъ; если эти заключенія по большей части составляютъ апологію этого суда, то съ другой стороны нѣтъ недостатка въ выводахъ противоположнаго характера, каковы въ особенности мнѣнія, въ значительной степени умножившихся, сторонниковъ суда шеффеновъ въ Германіи. Есть наконецъ рядъ выводовъ представителей средняго, такъ сказать, направленія, смотрящихъ на дѣло не съ принципіальной точки зрѣнія, а съ чисто практической.

Это обиліе выводовъ, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ назрѣвшей уже въ правовѣдѣніи потребности доказывать утверждаемыя положенія т. е. обосновывать ихъ болѣе или менѣе научно въ смыслѣ приложенія строгихъ научныхъ методовъ.

Полученные путемъ вывода изъ общихъ положенiй о свойствахъ человѣческой природы или путемъ суммированiя практическихъ наблюденiй безъ достаточной отчетливости, выводы эти въ лучшемъ случаѣ, предполагая ихъ даже истинными, (что и вѣрно для громаднаго большинства) являются недоказанными.

„Мы считаемъ фактъ или положенiе доказаннымъ, когда признаемъ его истиннымъ на основанiи какого-либо другого факта или положенiя, изъ котораго доказываемое, какъ говорятъ, *слѣдуетъ*", говоритъ Милль [1]). Пойдемъ ли мы отъ частнаго къ общему, т. е. путемъ индуктивнымъ или отъ общаго къ частному, т. е.—дедуктивнымъ, въ обоихъ случаяхъ заключенiе наше можетъ быть доказано только отчетливымъ установленiемъ связи между заключенiемъ съ одной стороны и фактомъ или положенiемъ, послужившимъ исходной точкой, съ другой; — иначе говоря, строгiй отчетъ въ пути, пройденномъ мыслью при составленiи заключенiя и установленiе правильности этого пути на основанiи теоремъ логики, понимаемой какъ теорiя познанiя, суть единственныя доказательства, придающiя выводу научную цѣнность. Вотъ почему, не обольщая себя надеждою дополнить уже извѣстное о судѣ присяжныхъ обильными и новыми выводами, я только постараюсь показать, почему тѣ выводы, къ которымъ я прихожу, безразлично, являются ли они новыми или нѣтъ, могутъ считаться доказанными съ моей точки зрѣнiя.

На предстоящемъ мнѣ длинномъ пути изслѣдованiя, я, естественно, буду постоянно встрѣчаться съ небходимостью давать тѣ или другiе методологическiя объясненiя относительно болѣе или менѣе частныхъ вопросовъ. Указанiя же общаго

---

[1]) Сист. Лог. 192 т. I.

характера, характеризующія методъ, примѣненный мною вообще, наиболѣе удобно сдѣлать, разумѣется, теперь же.

„Приходится обновлять науку права въ самыхъ ея корняхъ. Не только всѣ самыя основныя ея положенія подвергаются критикѣ и пересмотру, но даже и вопросъ о томъ, что собственно должно служить предметомъ научнаго изученія права представляется вопросомъ спорнымъ. О задачѣ и методѣ—нечего и говорить" [1]). Вотъ что писалъ пр. Коркуновъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Этотъ критическій отзывъ обнималъ собою въ числѣ другихъ и ближайшихъ къ намъ корифеевъ исторической и органической школъ, Пухту и Іеринга; справедливость требуетъ сказать, что Пухта, хотя, дѣйствительно, полагалъ, что задача науки права состоитъ въ познаніи юридическихъ положеній въ ихъ систематической связи и такимъ образомъ дѣлалъ предметомъ изслѣдованія непосредственно норму, т. е. стоялъ на метафизической почвѣ, тѣмъ не менѣе и онъ уже признавалъ, какъ я упоминалъ выше, что сообразнѣе съ живымъ существомъ вещей строить систему права на отношеніяхъ (юридическихъ), чѣмъ на рѣзкомъ понятіи правъ" [2]).

Историческій методъ, рекомендуемый Іерингомъ, несмотря на позитивный характеръ пріемовъ, въ окончательномъ выводѣ преслѣдовалъ метафизическую задачу, стремясь установить общія свойства правовыхъ институтовъ, въ смыслѣ всеобщихъ принциповъ, какъ исходныхъ точекъ творчества народнаго духа; обращеніе же къ жизни, къ юридическимъ отношеніямъ, хотя настойчиво рекомендуется Іерингомъ, но— только въ смыслѣ повѣрки, что составляетъ все-таки громадный шагъ впередъ [3]).

---

1) Ж. гр. и уг. пр. кн. IV 1882 г. О научномъ изученіи права.

2) Энц. пр. Ярославль. 72. стр. 34, 41 и 49.

3) Geist 34, 36, 37 и 41. Такія особенности, впрочемъ, до извѣстной степени объясняются тѣмъ, что онъ имѣлъ дѣло съ правомъ уже изчезнувшаго народа и методъ его поэтому въ сущности методъ историка.

Проф. Коркуновъ, разсматривая методъ Іеринга, его логическую концентрацію понятій, расширяетъ юридическую систему Іеринга за предѣлы рода и вида общихъ понятій т. е. за предѣлы отношеній соподчиненія, почему юридическая конструкція, по его мысли, уже становится въ разрядъ научныхъ классификацій, такъ какъ отправляется отъ аналитическаго разложенія правовыхъ понятій на болѣе общіе элементы, болѣе удобные для обработки реально существующихъ юридическихъ отношеній; однако рекомендуемый имъ методъ, представляетъ собой ничто иное, какъ болѣе или менѣе строгое образованіе общихъ понятій изъ элементовъ юридическихъ отношеній общимъ всѣмъ наукамъ пріемомъ обобщенія и затѣмъ классифицированіе ихъ; этимъ указываются и предѣлы, въ которыхъ дѣйствуетъ, рекомендуемый проф. Коркуновымъ, методъ.

Дѣйствительно, проф. Коркуновъ и останавливается на ступени общей классификаціи конструированныхъ отдѣльныхъ институтовъ права [1]).

Объ указаніи же съ его стороны метода изслѣдованія юридическихъ отношеній, могущаго привести въ конечномъ результатѣ къ установленію нормъ въ смыслѣ законовъ природы, управляющихъ правовыми явленіями, не можетъ быть и рѣчи по той простой причинѣ, что проф. Коркуновъ, признавая нормы велѣніями, принципіально отличаетъ ихъ отъ законовъ природы [2]) о чемъ уже было достаточно говорено выше.

Итакъ можно признать, что первыя ступени индуктивнаго метода, а именно: наблюденіе юридическихъ отношеній и составленіе путемъ аналитическаго разложенія ихъ, на основные элементы — отвлеченныхъ понятій—уже пріобрѣли

---

[1]) Общ. теор. пр. 347—354.
[2]) L. c. 124 и 48—52.

право гражданства въ юридической наукѣ и споръ сводится собственно къ разномыслію о задачахъ послѣдней.

Несомнѣнно однако, что вліяніе этого разномыслія на способъ изслѣдованія весьма ограничено. Дѣйствительно, если изслѣдователи уже согласны въ томъ, что первой ступенью является наблюденіе и записываніе данныхъ явленій подъ тѣми или другими общими названіями, то выборъ далѣе метода, наиболѣе удобнаго для объясненія явленій, т. е. для указанія ближайшихъ причинъ того, что явленіе происходитъ такъ или иначе, есть дѣло личной наклонности къ индуктивному или дедуктивному способу мышленія; самое же „изысканіе причины" или объясненіе явленія не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ изысканія болѣе общаго закона", дѣйствіе котораго въ данномъ случаѣ проявилось [1]). То обстоятельство что это раскрытіе общаго закона, зависящее только отчасти, какъ это было уже доказано, отъ свойства изслѣдуемаго матеріала, совершается наведеніемъ или же совершается выводомъ, вліяетъ только на степень успѣха въ достиженіе намѣченной цѣли, а также на степень доказанности утверждаемыхъ положеній.

Другими словами, истины, какъ физическаго, такъ и нравственнаго міра, разумѣется легче и чаще познаются дедуктивнымъ путемъ, но не имъ однимъ, а также и наведеніемъ и поэтому требованіе введенія положительнаго метода въ юриспруденцію, въ глазахъ людей, основательно знакомыхъ съ теоріей познанія, вовсе не равнозначуще съ требованіемъ непремѣннаго господства исключительно индукціи въ юридическихъ изслѣдованіяхъ.

Какъ будетъ показано дальше, а отчасти уже было изъяснено, строгая индукція, будучи исключительно примѣняема, почти безсильна при изслѣдованіи даже сравнительно неслож-

---

[1]) Сист. лог. 394 т. I.

ныхъ явленій физической природы, а въ смыслѣ доказательства и совершенно недостаточна безъ дедуктивной повѣрки. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, я далѣе постепенно постараюсь выяснить ту сложную комбинацію методовъ, которая, слѣдуя Миллю, была положена мною, подъ общимъ названіемъ обратно—дедуктивнаго метода, въ основаніе моей работы.

Въ первой главѣ я уже предложилъ тѣ выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ существующихъ статистическихъ данныхъ, слѣдовательно уже на практикѣ показалъ примѣненіе обыкновеннаго статистическаго метода, представляющаго собой, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Өедоровичъ примѣненіе, хотя и не въ чистомъ видѣ, четырехъ методовъ опытнаго изслѣдованія, установленныхъ Миллемъ въ его Системѣ Логики; подробное мастерское изложеніе профессоромъ этихъ методовъ въ примѣненіи ихъ къ изученію общественныхъ явленій, а въ частности къ статистикѣ, позволяетъ мнѣ ограничиться ссылкой на это сочиненіе [1]).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи могутъ встрѣтиться случаи, гдѣ отдѣльныя правила разработки общихъ статистическихъ данныхъ выступятъ болѣе рельефно и потому найдутъ себѣ особое соотвѣтствующее объясненіе.

Въ настоящее время я считаю умѣстнымъ указать только на то, что и пр. Өедоровичъ признаетъ выводы, получаемые по методу совпаденія, ввиду множественности причинъ слишкомъ неопредѣленными. Въ томъ же смыслѣ высказывается и Милль [2]) установляющій, что методъ совпаденія или согласія обнаруживаетъ такую совокупность обстоятельствъ, которая заключаетъ въ себѣ, не только причину явленія, но и рядъ побочныхъ обстоятельствъ, такъ что получаются за-

---

1) Исторія и теорія статистики 94 г.

2) Сист. Лог. 43. II т.

коны эмпирическіе нисшаго разряда, которые надлежитъ еще сортировать по степени ихъ разложимости, т. е. эмпирическіе законы, связь которыхъ съ причиной не только не установлена, но еще представляется проблематической.

Другими словами въ числѣ добываемыхъ статистикой эмпирическихъ законовъ могутъ оказаться случайныя сосуществованія и случайная послѣдовательность. Только подтвержденіе этихъ выводовъ методомъ различія или дедуктивное объясненіе ихъ можетъ придать имъ характеръ законовъ природы.

Ввиду этихъ соображеній рекомендуется увеличеніе числа наблюдаемыхъ случаевъ до предѣла, за которымъ случайныя совпаденія отпадаютъ въ силу закона большихъ чиселъ [1]).

Еще Кетле, говоря о статистическихъ выводахъ замѣчаетъ: „однако я долженъ предупредить, что это не прямой выводъ изъ наблюденій, я даже увѣренъ, что въ этомъ отношеніи нельзя ничего сдѣлать, какъ только путемъ индукціи“ [2]).

Второй методъ опытнаго изслѣдованія—методъ разницы—иначе называемый Миллемъ, химическимъ или опытнымъ методомъ, требуетъ возможности искусственнаго изолированія обстоятельства, въ которомъ предполагается причина; по невозможности это сдѣлать, какъ и вообще за невозможностью опытовъ при изученіи общественныхъ явленій этотъ методъ представляется неприложимымъ [3]).

Въ этомъ отношеніи онъ же отдаетъ преимущество методу, который называетъ совокупнымъ методомъ совпаденія и различія или косвеннымъ методомъ разницы.

Правило послѣдняго слѣдующіе: если два или болѣе случая наступленія явленія представляютъ лишь одно общее

---

[1]) L. c. 75. II.
[2]) L. c. 96.
[3]) L. c. 463 т. I. 455—457.

обстоятельство, между тѣмъ, какъ два или болѣе случая ненаступленія явленія не представляютъ ничего общаго кромѣ отсутствія этого обстоятельства,—то обстоятельство это, въ которомъ только и разнятся два ряда случаевъ, есть дѣйствіе или причина явленія, или необходимая часть его причины [1]).

Я остановился подробнѣе на этомъ правилѣ ввиду того, что до извѣстной степени оно примѣнялось мною при изслѣдованіи мотивовъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей; преимущество этого метода заключается въ томъ, что сравниваются не два случая, различающіеся между собою наличностью или отсутствіемъ какого либо обстоятельства, а совокупность случаевъ, въ которыхъ это обстоятельство наблюдается, съ совокупностью случаевъ, его не заключающихъ. Это даетъ возможность пользоваться услугой, которую оказываетъ въ статистикѣ законъ большихъ чиселъ, устраняя случайности.

Примѣнимость этого метода и метода сопутствующихъ измѣненій, къ изслѣдованію общественныхъ явленій утверждаетъ и проф. Ѳедоровичъ, но я долженъ замѣтить, что Милль весьма осторожно высказывается по вопросу о примѣнимости вообще индуктивныхъ методовъ къ случаямъ смѣшенія дѣйствій и столкновенія причинъ:

„Четыре единственно возможные метода прямаго индуктивнаго изслѣдованія наблюденіемъ и опытомъ большею частью совершенно не въ состояніи бороться съ этими случаями“ [2]).

Такая осторожность вполнѣ понятна съ точки зрѣнія теоретической. Дѣло въ томъ, что, конструируя свои методы, Милль имѣетъ ввиду, такъ сказать случаи идеально правильнаго примѣненія ихъ. Мы уже видѣли, что въ природѣ со-

---

[1]) L. c. 453 и 498 т. I.

[2]) Сист. Лог. 499 т. I.

всѣмъ простыхъ случаевъ не встрѣчается и даже, если бы удалось при химическомъ, положимъ, изслѣдованіи совершенно отдѣлить одно вещество отъ другого, то было бы все-таки совершенно невозможно устранить на дѣлѣ (не вычисленіемъ) присоединяющееся дѣйствіе другихъ законовъ природы, кромѣ наблюдаемаго; въ наиболѣе простомъ случаѣ наблюдателю пришлось бы считаться съ неустранимымъ дѣйствіемъ закона тяготѣнія, ибо устранить его можно только, введя другіе факторы и, слѣдовательно, допустивъ дѣйствіе еще болѣе сложныхъ законовъ, напр. сопротивленія вещества.

Вотъ причина осторожнаго выраженія, приведеннаго выше: „большею частью не въ состояніи бороться и т. д.“

Съ другой стороны индуктивный пріемъ изслѣдованія до такой степени неизбѣженъ въ человѣческомъ мышленіи, что, какъ извѣстно, наше самосознаніе, всѣ наши первыя свѣдѣнія отъ младенчества и первыя отвлеченныя понятія образуются безсознательнымъ приложеніемъ индуктивнаго метода [1]); избѣгнуть примѣненія его поэтому и при изслѣдованіи общественныхъ явленій не представляется ни возможнымъ, ни желательнымъ.

Этимъ прежде всего объясняется и то, что Милль, изслѣдуя природу выводнаго или дедуктивнаго метода, признаетъ его состоящимъ изъ трехъ процессовъ: 1) процесса прямаго наведенія, 2) умозаключенія, 3) провѣрки.

„Первый шагъ метода я называю процессомъ индуктивнымъ, говоритъ онъ, потому что основаніемъ всего метода должно быть прямое наведеніе“ [2]).

Изъ дальнѣйшаго изложенія явствуетъ однако и по Миллю,

---

[1]) Вунтъ. Душа челов. и живот. Изд. Гайдебурова. Т. I стр. 60 и слѣд. 376 и слѣд.

[2]) L. c. 517 и 518 т. I.

что, при соблюденіи извѣстныхъ условій, четвертый изъ опытныхъ методовъ—методъ сопутствующихъ измѣненій,—доставляетъ необходимые наведенія [1]).

Наконецъ оказывается возможнымъ провѣрять добытыя теоріи дедукціей, „если прямое наблюденіе и сравненіе случаевъ (по методу согласія) снабдили изслѣдователя эмпирическими законами дѣйствія". При этихъ условіяхъ дедуктивно выведенное положеніе постепенно исправляется сообразно эмпирическимъ законамъ дѣйствія, полученнымъ дедуктивнымъ путемъ [2]). Всѣ эти пріемы примѣнимы и къ сложнымъ явленіямъ, хотя все таки по Миллю въ приложеніи къ нимъ этотъ первоначальный индуктивный шагъ дедуктивнаго метода представляетъ рядъ невыгодъ [3]).

Не менѣе, если не болѣе невыгодъ, однако, представляетъ и выводной методъ—самъ по себѣ—т. е. отдѣльно взятый, такъ какъ апріорическое предположеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствуетъ нѣсколько разныхъ причинъ, а именно угадываніе, такъ сказать, результата этого дѣйствія, часто представляетъ „задачу, успѣшное рѣшеніе которой превосходитъ мѣру человѣческихъ способностей" [4]).

Итакъ единственнымъ оплотомъ противъ того, чтобы результаты, достижимые этимъ послѣднимъ, т. е. дедуктивнымъ методомъ, имѣли бóльшую цѣну, чѣмъ простыя догадки, является провѣрка [5]).

Характеризуя тотъ же методъ подъ именемъ физическаго, конкретнаго или дедуктивнаго метода, Милль останавливается на томъ, что результатъ апріорическаго предположенія имѣетъ научную цѣнность, только въ томъ случаѣ, если

---

1) L. c. 519 и 520 т. I.
2) L. c. 525, 526.
3) L. c. 522.
4) L. c. 472. II.
5) L. c. 525 т. I.

оказывается въ согласіи съ результатами наблюденія a posteriori [1]). Въ этомъ и заключается повѣрка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможенъ спеціальный опытъ, — а это имѣетъ мѣсто при изслѣдованіи соціальныхъ явленій, представляется необходимость измѣнить порядокъ процесса, а именно: повѣряется уже не обобщеніе, подсказанное дедукціей изъ законовъ причинъ (психологическихъ и этологическихъ факторовъ), а провѣряются, выведенные статистически или другими индуктивными пріемами, эмпирическіе законы даннаго явленія; провѣряются они тѣмъ, что дѣлается попытка вторично построить эти же, найденные a posteriori, эмпирическіе законы путемъ вывода изъ упомянутыхъ выше общихъ законовъ психологіи и этологіи.

Вопреки Конту Милль полагаетъ, что такой методъ, получившій названіе обратнаго дедуктивнаго метода, не долженъ быть признаваемъ единственнымъ методомъ соціологическихъ изслѣдованій: „въ соціологическомъ изслѣдованіи есть мѣсто какъ для прямаго, такъ и для обратнаго дедуктивнаго метода“ [2]).

По мнѣнію Милля существуетъ рядъ изслѣдованій соціальныхъ явленій, изученіе которыхъ можетъ составить предметъ особыхъ самостоятельныхъ отраслей соціальной науки; это именно тѣ явленія, въ которыя разница въ характерѣ между различными народами или различными вѣками входитъ только какъ второстепенная дѣйствующая причина; въ этихъ отрасляхъ соціальной науки, по мнѣнію Милля, возможно примѣненіе прямаго дедуктивнаго метода. Провѣрка вывода въ этомъ случаѣ не можетъ быть прямая, но замѣняется съ одинаковымъ успѣхомъ — повѣркою предположенныхъ заключеній съ другими заключеніями, выведенными въ другихъ

---

1) 473 т. II.
2) Ibid. 473 II.

индивидуальныхъ случаяхъ изъ тѣхъ же самыхъ законовъ[1]). Если согласиться съ Миллемъ, то изученіе права—явленія, стоящаго въ такой тѣсной связи съ характеромъ народа и времени, также какъ изученіе науки о правительствѣ, о которой Милль прямо это утверждаетъ, оказывается невозможнымъ въ качествѣ отдѣльной вѣтви знанія, а должно составить часть общей науки объ обществѣ (общая соціологія); „каждая (изъ такихъ частей общей соціологіи) дѣлаетъ свои выводы только условно, подвергая ихъ верховному контролю законовъ общей науки“.

Въ этой послѣдней также, какъ и въ частяхъ ея можетъ быть примѣнимъ и по мнѣнію Милля, согласному съ Контомъ въ этомъ случаѣ, только обратно дедуктивный методъ[2]).

Не входя въ разсмотрѣніе слишкомъ сложнаго и выходящаго изъ предѣловъ моей задачи, вопроса о томъ, можетъ ли право быть изучаемо независимо ввидѣ отдѣльной науки, я долженъ сказать, что необходимость, на мой взглядъ, въ обоихъ случаяхъ верховнаго контроля законовъ общей соціологіи при изученіи права, очевидна уже изъ того, что при образованіи права наряду съ дѣйствіемъ психологическихъ и этологическихъ факторовъ проявляютъ свое дѣйствіе, какъ мы видѣли выше, и соціологическіе факторы.

Съ другой стороны, такъ какъ обратно дедуктивный методъ, иначе называемый Миллемъ историческимъ, первой ступенью, по Миллю же, имѣетъ индуктивно—выведенные эмпирическіе законы, что въ особенности легко достижимо именно въ правовѣдѣніи, которое отправляется отъ изученія юридическихъ отношеній, то примѣненіе обратно дедуктивнаго метода должно представляться при изученіи права

---

1) 485—488 т. II.
2) 485 т. II.

методомъ наиболѣе удобнымъ, дающимъ наиболѣе цѣнные результаты.

„Задача общей соціологіи дознать эти законы (эмпирическіе) и связать ихъ съ законами человѣческой природы посредствомъ дедукцій, показывающихъ, что такихъ то производныхъ законовъ естественно ожидать, какъ слѣдствій законовъ первоначальныхъ... Единственная проба или поправка есть постоянная повѣрка психологическими и этологическими законами“ [1]).

Если такова задача общей соціологіи, то въ силу вышеизложеннаго при изслѣдованіи права рецептъ этотъ долженъ быть дополненъ еще такой же свѣркой и съ соціальными законами.

Представимъ себѣ теперь на общемъ примѣрѣ способъ исполненія этихъ правилъ. Путемъ наблюденій, положимъ, статистическихъ, мы вывели эмпирическій законъ, обусловившій оправдательное рѣшеніе въ отдѣльномъ случаѣ.

Требуется установить качество этого эмпирическаго закона, т. е., — представляется ли онъ обусловленнымъ въ своей дѣятельности постоянной причиной или замѣченная причина только случайно сосуществуетъ съ даннымъ оправданіемъ. Для установленія этого служитъ провѣрка: мы должны постараться путемъ вывода a priori, послѣдовательно, изъ соціальныхъ, психологическихъ и этологическихъ законовъ, дѣйствующихъ въ данномъ обществѣ, воспроизвести найденный уже эмпирическій законъ, т. е. изъ законовъ дѣйствующихъ причинъ вторично получить подмѣченный нами при индуктивномъ изслѣдованіи, законъ дѣйствія. Если это удастся, то мы вправѣ будемъ заключить, что выведенный нами и повѣряемый эмпирическій законъ есть дѣйствительно про-

---

1) L. c. 496, 497. II т.

изводный законъ природы, такъ какъ его оказалось возможнымъ разложить на болѣе общіе законы природы.

Произвести такую работу при данномъ состояніи (почти эмбріональномъ) соціологіи, психологіи и въ особенности этологіи, разумѣется невозможно. Дѣйствительно, законы этихъ наукъ сами находятся еще только на ступени эмпирическихъ законовъ, несмотря на героическую попытку Спенсера въ „Основаніяхъ соціологіи“ и „Основаніяхъ психологіи“ обработать эти науки обратно-дедуктивнымъ методомъ.

Такое утвержденіе равносильно признанію того, что наука права въ настоящее время ни въ качествѣ самостоятельной вѣтви соціологіи, ни ввидѣ зависимой ея части, не можетъ претендовать на установленіе юридическихъ нормъ, цѣнность которыхъ была бы выше эмпирическихъ законовъ, управляющихъ юридическими отношеніями даже при условіи провѣрки этихъ законовъ, насколько это возможно для настоящаго времени. Итакъ, ближайшей задачей моей является выработка индуктивными пріемами при соблюденіи ряда предосторожностей, о которыхъ упоминалось выше, эмпирическихъ законовъ и затѣмъ провѣрка ихъ въ предѣлахъ возможнаго.

Съ этою цѣлью я постепенно собиралъ матеріалъ ввидѣ записей, веденныхъ по одной общей системѣ, о каждомъ отдѣльномъ судебномъ случаѣ на особомъ листѣ [1]. При составленіи этой записи въ верхней части листа я старался дать въ краткихъ чертахъ всѣ, такъ сказать, внѣшнія свѣдѣнія о процессѣ, располагая ихъ по особымъ рубрикамъ, а также и содержаніе дѣла. Нижняя часть листа также въ особыхъ рубрикахъ заключала въ себѣ запись главныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ значеніе въ дѣлѣ въ смыслѣ мотивовъ рѣшенія, т. е. анализъ вердикта.

[1]) См. образцы первоначальныхъ таблицъ № XII.

При составленіи изъ этихъ отдѣльныхъ листовъ (первоначальныхъ таблицъ) *Сводной таблицы* анализъ шелъ еще дальше (подробное объясненіе этой таблицы изложено въ слѣдующей главѣ); въ тоже время составлялись ввидѣ предположеній, кратко записанныхъ въ концѣ первоначальныхъ таблицъ, апріорически выведенныя заключенія о причинахъ обвиненія или оправданія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; эти заключенія являлись результатомъ угадыванія на основаніи соображенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, т. е. ввидѣ дедуктивныхъ выводовъ изъ сложившихся въ моемъ умѣ постепенно, въ силу долгаго знакомства съ присяжными, общихъ представленій о психологическихъ, соціальныхъ и этологическихъ факторахъ, вліяющихъ на присяжныхъ.

Я долженъ пояснить, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти общія выводныя предложенія составлялись мною подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ самаго процесса при записи его въ первоначальныя таблицы.

Легко доказать, что путь, которымъ составлялись эти общія предложенія, которыя я буду называть апріорическими, есть путь чисто дедуктивный: провозглашается вердиктъ: да, виновенъ, или: нѣтъ, не виновенъ. Знаніе психологіи, такъ сказать, присяжныхъ, накопившееся путемъ безсознательной индукціи, ввидѣ общихъ предложеній, позволяетъ мнѣ предположить и даже наталкиваетъ на тотъ или другой мотивъ вердикта; затѣмъ это предположеніе повѣряется въ большинствѣ случаевъ объясненіями съ самими присяжными и тогда записывается.

Вотъ эти то дедуктивно полученныя апріорическія заключенія и замѣняли мнѣ въ моей работѣ недостижимые пока, какъ я упоминалъ выше, прямые выводы изъ научныхъ законовъ, еще не достаточно разработанныхъ наукъ (соціологіи, психологіи и этологіи). Эти то, въ сущности гипотети-

ческіе эмпирическіе законы, я и сопоставлялъ съ полученными мною, посредствомъ цифровыхъ и другихъ пріемовъ, уже индуктивно выведенными, эмпирическими законами для провѣрки этихъ послѣднихъ. Совпаденіе тѣхъ и другихъ служило мнѣ порукою въ томъ, что за невозможностью получить въ результатѣ провѣрки то, что Милль назвалъ бы закономъ природы, т. е. подлинную юридическую норму, я все-таки нашелъ истинный эмпирическій законъ, т. е. такой, въ которомъ причинная связь вердикта съ даннымъ мотивомъ представлялась установленной настолько прочно, насколько это при данномъ состояніи науки возможно.

Нельзя не обратить вниманіе на то, что при примѣненіи обратно дедуктивнаго метода по Миллю—надо совершать повѣрку найденныхъ индуктивно (статистически или иначе) эмпирическихъ законовъ дедукціями, заключающими въ себѣ формулу эмпирическаго закона причинъ, выведенную изъ эмпирическаго закона дѣйствій [1]).

Такъ именно я и поступалъ въ индуктивной части своей работы: подмѣтивъ единообразіе въ дѣйствіяхъ, я старался получить связь этого единообразія съ мотивами рѣшенія, т. е. обнаружить законъ причинъ. Повѣрка же заключалась въ сопоставленіи этого послѣдняго съ апріорическими обобщеніями, о которыхъ говорено было выше. Наука права до такой степени уже богата апріорическими обобщеніями, что въ большинствѣ случаевъ мои дедуктивные выводы являются повтореніемъ уже извѣстныхъ положеній—т. е. какъ бы готовыми; но повторяю, они должны были считаться недоказанными до свѣрки ихъ съ полученными индуктивно эмпирическими законами дѣйствій, а затѣмъ и причинъ.

Легко видѣть такимъ образомъ, что суть моего доказатель-

---

[1]) L. c. 486 и 487 II.

ства въ нахожденіи одного и того же заключенія или вывода двумя противоположными путями; вѣдь и вообще всякое логическое доказательство сводится къ тому, что индукція повѣряетъ дедукцію и обратно, причемъ провѣрка, за невозможностью прямой, можетъ быть и непрямая. Вопросъ только въ степени отчетливости и сознательности этой работы.

Напр. по мнѣнію Милля, при невозможности прямой провѣрки (въ конкретномъ дедуктивномъ методѣ), надо пользоваться непрямою, а именно повѣрять выводы заключеніями, выведенными въ другихъ индивидуальныхъ случаяхъ. Это правило подходитъ къ моему случаю: эмпирическій законъ, выведенный изъ всей совокупности случаевъ, я повѣряю заключеніями, выведенными a priori изъ каждаго отдѣльнаго,—независимо отъ другихъ. Здѣсь есть качественная разница, слѣдовательно, не повтореніе. „Опытъ, который приходитъ слишкомъ поздно, говоритъ Милль, для повѣрки частнаго предложенія, къ которому относится, окажетъ не позднюю помощь въ повѣркѣ общей удовлетворительности теоріи" [1]).

Мнѣ, при моемъ изслѣдованіи, не разъ приходилось ограничивать апріорическій выводъ ввиду полученнаго индуктивно эмпирическаго закона, и обратно. Отчетливость работы обусловливалась тѣмъ, что каждое положеніе записывалось на отдѣльной карточкѣ, которая исправлялась или совсѣмъ выбрасывалась, если положеніе не выдерживало провѣрки; подыскиваніе мотивовъ—вообще выясненіе себѣ душевнаго процесса, происходившаго въ присяжныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, облегчалась тѣмъ, что каждая карточка сохраняла, благодаря системѣ отмѣтокъ въ сводной таблицѣ, связь съ первоначальной таблицей, содержащей изложеніе и анализъ каждаго отдѣльнаго процесса.

---

1) 488 II l. c. Милль.

Не вводя читателя за собою въ эту утомительную,—доведенную мною до возможной степени механичности (ради избѣжанія ошибокъ мысли)—область изслѣдованія,—я въ главѣ пятой и послѣдующихъ буду давать только результатъ работы, т. е. систематическое изложеніе уже провѣренныхъ эмпирическихъ законовъ дѣйствій и причинъ.

Но въ гл. III, трактующей спеціально объ индуктивныхъ выводахъ, имѣющихъ статистическій характеръ,—я коснусь съ нѣкоторой подробностью тѣхъ пріемовъ, которые, насколько мнѣ извѣстно, впервые примѣняются къ юридическимъ даннымъ и потому нуждаются въ особомъ контролѣ со стороны компетентныхъ лицъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать слѣдующее: можетъ быть строгая оцѣнка компетентнымъ критикомъ методовъ, приложенныхъ мною къ матерьялу, приведетъ его къ выводу, что, видоизмѣненный мною, подъ давленіемъ особенностей матерьяла, обратно дедуктивный методъ потерялъ свой истинный характеръ и свое значеніе, что онъ ближе къ обыкновенному дедуктивному со строгой, впрочемъ, индуктивной повѣркой.

На это у меня одинъ отвѣтъ—но не: feci, quod potui, ибо это и безъ того всегда предполагается, а—impossibilia nemini obtruduntur: методъ не можетъ быть навязанъ матерьялу, а диктуется послѣднимъ также, какъ и система работы вообще.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Человѣческая способность наблюденія дѣйствуетъ въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ; разсматривая издалека, напримѣръ, съ колокольни, общіе контуры города, мы легко подмѣчаемъ общій его планъ, такъ какъ мелкія отступленія остаются незамѣченными; если-бы мы захотѣли познакомиться ближе съ подробностями, то намъ было бы необходимо спуститься къ нимъ, а это въ свою очередь сопровождалось бы утратой общаго вида города.

Параллельно этому при изученіи, напримѣръ, анатоміи существуютъ два способа наблюденія: макро—или мегаскопическій и микроскопическій.

Въ такъ называемыхъ гуманныхъ (соціальныхъ и др.) наукахъ эта двойственность точекъ зрѣнія, хотя, несомнѣнно, существуетъ, но рѣдко достаточно принимается въ разсчетъ. Обыкновенно изслѣдователи, увлекаясь возможностью схватить въ широкихъ контурахъ, проявляющуюся въ явленіяхъ законосообразность, ограничиваются этимъ; тогда наступаетъ успокоеніе на такъ называемыхъ среднихъ законахъ, на теоріи средняго человѣка. (Кетле). Я уже упоминалъ о томъ, что, конечно, статистическіе выводы сами-по-себѣ могутъ иногда соотвѣтствовать эмпирическимъ за-

конамъ; „но, говоритъ Милль[1]), когда мы употребляемъ даже наилучше установленныя статистическія обобщенія съ цѣлью вывести (хотя бы только гадательно), что тѣ же самые эмпирическіе законы будутъ имѣть силу въ какомъ нибудь новомъ случаѣ, намъ необходимо хорошо знать отдаленныя причины, чтобы избѣгнуть приложенія эмпирическаго закона къ случаямъ, отличающимся какимъ-нибудь изъ обстоятельствъ, отъ которыхъ въ своемъ источникѣ зависитъ вѣрность закона". Кетле различаетъ два рода силъ, говоря о случаяхъ смѣшенія дѣйствій разныхъ законовъ; онъ называетъ ихъ естественными и пертурбарціонными силами[2]). При большомъ числѣ наблюденій и слѣдовательно на разстояніи (замѣчу отъ себя), т. е. при мегаскопическомъ наблюденіи, дѣйствіе этихъ случайныхъ силъ устраняется само собой, что и составляетъ принципъ статистическихъ наблюденій. Но, прибавляетъ Кетле, „Потсдамскій пасторъ Леманъ сдѣлалъ по этому поводу весьма основательное замѣчаніе; онъ выразилъ опасеніе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обобщая слишкомъ предметъ, можно упустить изъ виду частности, которыя хотя и имѣютъ характеръ индивидуальный, но тѣмъ не менѣе могутъ также подлежать общему закону"[3]).

При мегаскопическомъ наблюденіи статистическихъ данныхъ собственно значительность числа послѣднихъ не имѣетъ исключительно рѣшающаго значенія, ибо случайныя причины могутъ быть исключены и другими способами, а съ другой стороны частое наступленіе явленія въ связи съ другимъ еще не доказываетъ того, что совпаденіе это—не случайность.

---

1) Систем. Лог. 487 II.
2) Соц. Сист. Спб. 1866 г. стр. 22.
3) L. c. 23.

Милль указываетъ по этому поводу на примѣръ, неподвижныхъ звѣздъ, сосуществовавшихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ со всѣми явленіями, подпадавшими человѣческому наблюденію [1]).

Исходя отсюда, Милль излагаетъ теорію исчисленія случайностей и теорію вѣроятности, въ подробное изложеніе которыхъ мнѣ входить не приходится. Нѣкоторая сложность этихъ теорій и мастерское изложеніе ихъ въ Системѣ Логики (кн. III. Главы XVII, XVIII и XXIII) требуютъ непосредственнаго ознакомленія съ ними по этому перво—источнику. Для меня важно слѣдующее мнѣніе Милля, которое я выписываю цѣликомъ: „Очевидно также, что даже при полученіи вѣроятностей изъ наблюденія и опыта весьма слабое улучшеніе данныхъ, точнѣйшими ли наблюденіями, или полнѣйшимъ соображеніемъ специальныхъ обстоятельствъ разсматриваемаго случая,—полезнѣе самаго разработаннаго приложенія вычисленія къ вѣроятностямъ, основаннымъ на данныхъ въ ихъ прежнемъ, менѣе совершенномъ состояніи. Пренебреженіе этимъ породило такія приложенія вычисленія вѣроятностей, что оно стало настоящимъ позоромъ математики. Достаточно указать на приложенія вычисленія къ достовѣрности свидѣтелей и къ правильности приговора присяжныхъ“ [2]).

Нельзя не видѣть въ выраженіи „соображеніе специальныхъ обстоятельствъ“ указанія на полезность того, что я назвалъ выше микроскопическимъ изслѣдованіемъ; такое изслѣдованіе, какъ направленное преимущественно на изысканіе причинъ въ смыслѣ силъ *случайныхъ*, вполнѣ возможно при маломъ числѣ случаевъ и даже необходимо предполагаетъ небольшое, сравнительно, число случаевъ. Но зато

---

1) L. c. 52 II.
2) L. c. т. II. стр. 65.

матерьялъ долженъ подвергнуться особой предварительной переработкѣ

Говоря о приблизительныхъ обобщеніяхъ и объ условіяхъ пользованіи ими, Милль [1]) также приходитъ къ заключенію, что „мы всегда можемъ замѣнить неопредѣленное указаніе опредѣленнымъ во всякомъ случаѣ, когда мы на дѣлѣ можемъ признать существованіе причины или признака". Итакъ рядомъ съ такими случаями, въ которыхъ найдена причина явленія, вычисленіе вѣроятности теряетъ почти всякое значеніе.

Далѣе [2]) онъ же указываетъ на два способа придавать приблизительному обобщенію характеръ всеобщій; для насъ важенъ у Милля *первый случай:* если извѣстны условія ненаступленія явленія, тогда оговорка, сопровождающая приблизительное обобщеніе, указываетъ это ввидѣ исключенія и обобщеніе получаетъ уже характеръ правила всеобщаго, такъ какъ случаи ненаступленія явленія указаны.

Соблюдая вышеописанное, а также принимая нѣкоторыя другія предосторожности, возможно и при небольшомъ сравнительно числѣ наблюденій (разумѣется производимыхъ непосредственно на отдѣльныхъ случаяхъ, какъ я и дѣлалъ это, а не на цифрахъ только) обработать ихъ такъ, чтобы записываемыя формулы эмпирическихъ законовъ болѣе или менѣе очищались отъ случайностей и по возможности связывались съ причиной. При сопоставленіи такихъ формулъ съ цифровыми выводами, хотя бы изъ небольшаго числа случаевъ, наблюдатель будетъ имѣть право изъ замѣченнаго сопутствія измѣненій (статистическія наблюденія) заключать о дѣйствительной, а не предполагаемой только, связи причины

---

1) L. c. 126. II.
2) L. c. 132. II.

со слѣдствіемъ, и слѣдовательно сопутствіе окажется эмпирическимъ закономъ, доказаннымъ методомъ различія, насколько это возможно безъ опыта; напомню для точности, что, какъ это ужъ было объяснено выше, къ соціальнымъ явленіямъ примѣнимъ не чистый видъ метода различія, а косвенный методъ разницы, иначе называемый соединеннымъ методомъ совпаденія и разницы.

Объяснимъ это примѣромъ: наблюдая судоговореніе и вердиктъ присяжныхъ въ періодъ его образованія, наблюдатель по произнесеніи обвинительнаго вердикта знаетъ, что данный свидѣтель, говорившій противъ подсудимаго, какъ очевидно ложный, не былъ принятъ въ разсчетъ присяжными; записывая процессъ, такой наблюдатель не отнесетъ такого свидѣтеля къ числу доказательствъ, повліявшихъ на рѣшеніе; слѣдовательно при выводѣ эмпирическаго закона, эта *случайность* уже будетъ исключена, уже не будетъ играть роли, несмотря на ограниченное число наблюдаемыхъ случаевъ и слѣдовательно станетъ возможною плодотворная статистическая обработка небольшаго, сравнительно, числа случаевъ. Разумѣется, особые пріемы, которыми приходилось пользоваться при обработкѣ записанныхъ мною данныхъ процессовъ могутъ быть удобнѣе разсмотрѣны, каждый въ своемъ мѣстѣ, при его примѣненіи, что и будетъ сдѣлано ниже; здѣсь я считаю нужнымъ сдѣлать еще слѣдующую оговорку.

Обыкновенно всякій статистическій матерьялъ имѣетъ характеръ, такъ сказать, осязательныхъ фактовъ. Мнѣ же при анализѣ рѣшеній и записываніи вѣроятныхъ мотивовъ приходилось, разумѣется, заносить въ таблицы факты, такъ сказать, предположительные; такъ, напримѣръ, приведенный выше случай съ ложнымъ свидѣтелемъ, говорившимъ противъ подсудимаго, отмѣчается мною въ Сводной таблицѣ со знакомъ минусъ (—), что означаетъ, что онъ не содѣйствовалъ образованію обвинительнаго убѣжденія присяжныхъ, а

скорѣе могъ его ослабить. Это замѣчаніе относится къ записыванію доказательствъ и едва ли вызоветъ возраженія такъ какъ несомнѣнно „микроскопическій" способъ наблюденія, естественно, приводитъ къ возможности различать матерьялъ не только количественно, но и качественно. Но записыванье предположенныхъ мотивовъ вердикта, даже при вышесказанной оговоркѣ, можетъ показаться чѣмъ-то крайне произвольнымъ. Постараюсь показать что это только такъ кажется. Въ дѣйствительности предложеніе записывать въ статистическихъ таблицахъ предположительные мотивы дѣйствія, какъ это видно изъ работъ послѣдняго тюремнаго конгресса, далеко не ново и было сдѣлано еще на рядѣ предшествовавшихъ ему съ 1855 года статистическихъ конгрессовъ; при этомъ, какъ видно изъ доклада Ивернеса (1889) и Stark'а (1890) [1]) для цѣлей уголовной статистики предполагается необходимымъ по отношенію къ прекращаемому уголовному преслѣдованію отмѣчать мотивы прекращенія, а по отношенію къ преступленіямъ классифицировать ихъ по тѣмъ порочнымъ мотивамъ, которыми преступленіе вызвано; сюда относятся, напр.: суевѣріе и предразсудки, политическія и религіозныя страсти, экономически-соціальные мотивы, скупость, гнѣвъ, пьянство, ненависть, любовь и т. п.

Stark прибавляетъ [2]), что 14-мъ параграфомъ проэкта, принятаго постоянной комиссіей статистическаго конгреса 1872 г. въ Петербургѣ, было признано необходимымъ записывать въ особой рубрикѣ *предполагаемые* мотивы простушковъ. Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ основанія, по которымъ я счелъ себя вправѣ вводить въ свои таблицы съ отмѣткой плюсъ или

---

[1]) IV Congrès Pénitentiaire Intern. de S. P. Trav. prép. II section Fasticule 19 a p. 12—15. et 19 в. p. 4.

[2]) Ibib. 11.

минусъ тѣ мотивы, которые, по моимъ наблюденіямъ, приводили въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мною лично наблюдаемомъ, къ обвиненію или говорили за оправданіе, несмотря на обвинительный вердиктъ и обратно.

Я уже упоминалъ, что записываніе и анализъ процесса въ первоначальныхъ таблицахъ (см. атласъ таблицы XII) стояло въ тѣсной связи съ тѣми объясненіями, которыя давали мнѣ присяжные по поводу своихъ рѣшеній. Такъ какъ кромѣ того я, ради осторожности, записывалъ всѣ мотивы и pro и contra, — которые только могли быть предположены, то, разумѣется, этимъ устранялась всякая произвольность съ моей стороны; съ другой стороны цифра (1508), анализированныхъ микроскопически приговоровъ представляется сама по себѣ достаточно значительною и со статистической (макроскопической) точки зрѣнія, что будетъ доказано ниже; вотъ почему я думаю, что погрѣшности, которыя могли вкрасться, все-таки до извѣстной степени будутъ исправлены, независимо отъ всѣхъ принятыхъ предосторожностей, еще дѣйствіемъ закона большихъ чиселъ.

Насколько я поступалъ правильно и избѣгнулъ по крайней мѣрѣ крупныхъ ошибокъ, покажетъ, разумѣется, дальнѣйшее изложеніе содержанія моихъ таблицъ, а также выводовъ изъ нихъ.

Прежде чѣмъ заняться этимъ, мнѣ необходимо довольно подробно остановиться на томъ, какимъ образомъ составлена моя Сводная таблица, сосредоточившая въ себѣ экстрактъ всего матеріала и потому лежащая въ основѣ всего изслѣдованія, (табл. XIII).

Необходимость заносить въ первоначальныя, а затѣмъ и въ Сводную таблицы—оцѣнку присяжными доказательствъ и мотивы рѣшеній ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ крайне сложнымъ и спорнымъ вопросомъ о независимости убѣжденія судьи, о его правѣ рѣшать дѣло, не давая въ томъ

отчета кому бы то ни было, о возможности или невозможности, поэтому, требовать отъ судей вообще мотивировки приговора, а отъ присяжныхъ въ частности—подчиненія юридическимъ указаніямъ предсѣдательствующаго. Здѣсь прежде всего выдвигается вопросъ о способѣ оцѣнки доказательствъ фактической виновности и затѣмъ о разныхъ причинахъ невмѣненія доказанной вины, о помилованіи и т. п.

Относя всѣ эти вопросы къ концу книги (гл. V и слѣд.) я здѣсь, только для связи, упомяну о нихъ мимоходомъ.

II.

„Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою", споръ о томъ, кто лучше можетъ рѣшить уголовное дѣло, коронный судья или присяжный засѣдатель, давно уже разрѣшался въ пользу послѣднихъ по отношенію къ той стадіи процесса, гдѣ оцѣниваются доказательства вины. 130 лѣтъ тому назадъ Беккарія [1]) писалъ: „Гораздо легче чувствовать нравственную достовѣрность доказательствъ, чѣмъ опредѣлить ее съ точностью. Вотъ почему я думаю, что лучше всего назначать къ главному судьѣ помощниковъ, которые избирались бы по жребію, а не по назначенію, потому что въ этомъ случаѣ невѣжество, судящее по своему чувству, надежнѣе учености, судящей по своему мнѣнію".

Нашъ У. У. С. въ статьяхъ 766 и 804 уравнялъ въ этомъ отношеніи правà коронныхъ судей и присяжныхъ засѣдателей: и тѣ и другіе опредѣляютъ вину или невинность подсудимаго по внутреннему убѣжденію, основанному на совокупномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла. Разница

[1]) „О прест. и наказ. перев. Заруднаго. стр. 34.

только въ томъ, что судьи мотивируютъ свои рѣшенія, а присяжные не вынуждаются къ такому выясненію на бумагѣ душевнаго процесса, въ сущности недопускающаго полной отчетливости при записываніи даже post factum (797 п 2 и 811 и 827 У. У. С.). Отжившій свой вѣкъ, но еще нерѣдко поддерживаемый на практикѣ взглядъ на судью, какъ на механизмъ, предназначенный къ слѣпому исполненію закона, долженъ былъ роковымъ образомъ вести къ предпочтенію мотивированныхъ приговоровъ—немотивированнымъ. Самъ Беккарія, который какъ мы видѣли выше въ главѣ объ уликахъ [1]), стоитъ за рѣшеніе вопросовъ о доказанности факта на основаніи темнаго чувства,—въ § IV говоритъ слѣдующее относительно приговора: „судья долженъ построить правильное умозаключеніе, въ коемъ большая посылка должна быть общій законъ; малая—дѣйствіе, согласное или несогласное съ закономъ; слѣдствіе—освобожденіе или наказаніе. Если судья принужденъ или захочетъ сдѣлать сверхъ того еще хотя одно умозаключеніе, то этимъ откроетъ дверь неопредѣленности". Тоже повторяетъ за Беккарія Наказъ Императрицы Екатерины въ ст. 152.

У. У. С. въ ст. 826 и 797-й предписываетъ при опредѣленіи наказанія по рѣшеніямъ, какъ присяжныхъ, такъ и коронныхъ судей подробно излагать въ приговорѣ, согласно съ разумомъ и словами закона, сущность приговора.

Въ связи съ этимъ стоитъ давно опровергнутое теоріей (Миттермайеръ), оставленное положительнымъ закономъ (ст. 7. Учр. С. Уст. 804, 812—814 Уст.), но весьма распространенное на практикѣ мнѣніе, провозглашенное еще сравнительно недавно въ извѣстномъ рѣшеніи Уг. Кас. Деп. Сената по дѣлу Мельницкихъ, что присяжные рѣшаютъ только вопросъ факта.

---

1) L. c. § VII.

Такимъ образомъ, казалось бы, долженъ торжествовать приведенный выше давній запретъ судьѣ строить хотя бы одно умозаключеніе сверхъ единственнаго и „открывать дверь неопредѣленности". Однако судъ присяжныхъ вездѣ, гдѣ онъ существуетъ, несмотря на то, что ему не принадлежитъ право налагать наказанія или прощать, давно и навсегда открылъ эту дверь, чѣмъ и вызвалъ противъ себя безчисленныя нареканія; во главѣ этихъ нападокъ стоятъ обвиненія именно въ неопредѣленности, лоттерейности рѣшеній; съ другой стороны, какъ въ литературѣ, такъ и въ средѣ юристовъ-практиковъ многочисленные поклонники суда присяжныхъ, отстаивая эту форму суда, къ сожалѣнію, противопоставляютъ обвиненіямъ въ неопредѣленности рѣшенія присяжныхъ также лишенные всякой опредѣленности, расплывчатые, безформенные доводы и общія мѣста; я впрочемъ подробно остановился на этомъ во введеніи и здѣсь только замѣчу, что полемика никогда и нигдѣ не могла замѣнить собою научную кропотливую работу, между тѣмъ, только научное изслѣдованіе можетъ дать надлежащій отвѣтъ.

Слѣдуя намѣченному выше плану моей работы, я въ настоящей главѣ постараюсь передать способъ, къ которому я прибѣгнулъ, чтобы изъ отдѣльныхъ по каждому дѣлу таблицъ, представляющихъ только предварительную обработку сыраго матерьяла, составить одну Сводную таблицу, для выработки эмпирическихъ законовъ дѣятельности присяжныхъ.

Сводная таблица (XIII) состоитъ изъ 3-хъ частей;—въ первой—по отдѣльнымъ рубрикамъ вслѣдъ за № процесса (въ порядкѣ нумеровъ предварительныхъ таблицъ) распредѣлялись справочныя, историческія, такъ сказать, данныя, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность при производствѣ анализа рѣшеній. Эта первая часть таблицы такимъ образомъ ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждается—рубрики

ея передъ читателемъ и сама таблица, слѣдовательно, имѣетъ значеніе только справочное.

Вторая часть таблицы заключаетъ въ своихъ рубрикахъ всѣ, имѣвшіяся по дѣлу, доказательства наличности преступленія и совершенія его обвиняемымъ, съ нѣкоторой уже группировкой и съ подсчитываніемъ этихъ данныхъ; въ третьей части таблицы та же работа произведена надъ повліявшими на рѣшеніе о виновности или невиновности обстоятельствами, а также надъ оказавшими свое дѣйствіе соображеніями присяжныхъ, насколько эти соображенія и дѣйствіе ихъ сдѣлались извѣстными или представляются вѣроятными.

Въ этой же третьей части таблицы, которая вообще составлялась постепенно и вслѣдъ за первой и второй, такъ что каждый процессъ проводился сразу черезъ всѣ три части таблицъ—имѣются рубрики въ особомъ справочномъ прибавленіи, въ которыя заносились подъ особыми нумерами, замѣченныя при записываніи и разсмотрѣніи каждаго процесса, эмпирическія обобщенія; эти послѣднія сряду же раздѣлялись на двѣ группы: обобщенія, относящіяся къ доказательствамъ т. е. приведшія присяжныхъ къ убѣжденію въ наличности преступленія и въ совершеніи его обвиняемымъ и на обобщенія, которыя, въ качествѣ эмпирическихъ законовъ дѣятельности присяжныхъ, обусловили въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшеніе о виновности или невиновности, т. е. содержаніе вердикта. Дальнѣйшая работа, состоявщая въ группировкѣ эмпирическихъ законовъ того и другого разряда и въ формулировкѣ наиболѣе общихъ законовъ дѣятельности присяжныхъ—не подлежитъ разсмотрѣнію въ настоящей главѣ.

Итакъ обратимся къ подробному разсмотрѣнію 2-й части таблицы.

Составленіе рубрикъ ея и въ особенности группировка

ихъ—представляли большія трудности, такъ какъ ни у насъ, ни въ заграничной литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, не имѣется достаточно полной классификаціи доказательствъ, предъявляемыхъ сторонами и представляющихся уму присяжныхъ и другихъ судей при разсмотрѣніи уголовныхъ процессовъ;—пришлось руководствоваться при составленіи рубрикъ и группировкѣ ихъ отрывочными и не вполнѣ подходящими къ моей задачѣ схемами Уильза [1]), сочиненіемъ Стифена: Угол. право Англіи; изъ русскихъ авторовъ я имѣлъ ввиду запасъ матеріала, къ сожалѣнію, лишеннаго всякой системы, содержащійся въ книгѣ профессора Владимірова: „Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ", затѣмъ лекціи Спасовича, читанныя въ Спб. Университетѣ въ 60-хъ годахъ [2]) и др...

Но наибольшее число рубрикъ возникало постепенно при пересматриваніи и анализѣ первоначальныхъ таблицъ; расположеніе же рубрикъ въ извѣстной послѣдовательности и вообще группировка ихъ опредѣлились, какъ общетеоретическими соображеніями, такъ и удобствомъ пользованія рубриками для цѣлей изслѣдованія.

Такъ, напримѣръ, наиболѣе удобнымъ для распредѣленія отдѣльныхъ рубрикъ представилось подведеніе ихъ подъ тѣ виды доказательствъ, которые знаетъ нашъ У. У. С. т. е. показанія потерпѣвшихъ, свидѣтелей, экспертовъ, осмотры, вещественныя и письменныя доказательства.

Всѣ эти отдѣлы, естественно, распались на двѣ группы: на доказательства менѣе сложныя, непосредственно вызывающія у судей убѣжденіе въ наличности преступленія и въ совершеніи его именно подсудимымъ, и на болѣе сложныя, предъявленіе, а также усвоеніе которыхъ требуетъ непре-

---

[1]) Опытъ теоріи косв. уликъ.

[2]) Сочин. В. Д. Спас. т. III.

мѣнно ряда умозаключеній, такъ какъ содержаніемъ этого рода доказательствъ является не болѣе или менѣе полный разсказъ о событіи, а отрывочные факты (обстоятельственныя улики). Такимъ образомъ первая группа менѣе сложныхъ доказательствъ въ противоположность второй заключаетъ въ себѣ, излагаемые на судѣ въ той или другой формѣ, болѣе или менѣе полные разсказы о событіи преступленія или о совершеніи его виновнымъ.

Разсмотрѣніе доказательствъ первой группы даетъ возможность возстановить на судѣ всю или почти всю картину событія непосредственно;—слѣдовательно, улики этой группы до извѣстной степени представляются такъ называемыми *прямыми,* а улики II-й группы—*косвенными*. Въ каждой изъ описанныхъ группъ необходимо было провести одно крупное раздѣленіе на доказательства, добываемыя судьями отъ другихъ или чрезъ другихъ лицъ и на добываемыя личнымъ осмотромъ. Ко второй группѣ доказательствъ, убѣждающихъ посредствомъ ряда умозаключеній, примыкаетъ III группа, имѣющая такой же характеръ и озаглавленная: „выводы присяжныхъ".

Въ этой группѣ сосредоточены рубрики для записыванія доказательствъ, названныхъ мною вторичными; здѣсь я воспользовался, между прочимъ, нѣкоторыми данными классификаціи Уильяма Уильза [1]), дополнивъ затѣмъ его рубрики.

Если мы теперь обратимся къ разсмотрѣнію въ подробности рубрикъ I-й и II группы, то увидимъ прежде всего почти полный параллелизмъ расположенія ихъ въ каждой группѣ, непосредственно и посредственно убѣждающихъ уликъ: въ той и въ другой встрѣчаются показанія обвиняемыхъ, потерпѣвшихъ, свидѣтелей и данныхъ личнаго осмотра присяжныхъ.

---

1) Опытъ теоріи косв. ул., изд. Унковскаго, 1864 г.

Итакъ общее различіе соотвѣтственныхъ рубрикъ сводится, какъ уже ясно изъ предыдущаго разграниченія группъ, къ тому, что при наличности доказательствъ первой группы (непосредственныя, прямыя улики) содержаніе судейскаго умозаключенія обнимаетъ собой, болѣе или менѣе, сразу всю картину преступнаго событія (facta probanda), тогда какъ въ рубрикахъ второй группы (посредственныя, косвенныя улики)—рѣчь идетъ объ изолированныхъ доказательствахъ, рисующихъ отдѣльныя подробности событія преступленія или вины. Но кромѣ соотвѣтственныхъ рубрикъ во второй группѣ имѣются еще два особыхъ отдѣла—пятый и шестой: показанія экспертовъ и читаемые на судѣ разнообразные протоколы; эти отдѣлы отнесены ко II-й группѣ ввиду слѣдующихъ соображеній.

Экспертиза, правильно поставленная, даетъ свѣдѣнія изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и принимается или отвергается поэтому при условіи весьма сложной критики и, слѣдовательно, если и можетъ иногда вліять на присяжныхъ возсозданіемъ цѣлой картины, то не иначе, какъ путемъ сложнаго ряда умозаключеній, возсоздающихъ эту картину по частямъ—итакъ мѣсто экспертизы во II-й группѣ и притомъ не въ отдѣлѣ „Личнаго осмотра“ [1]). Что касается всякихъ осмотровъ, записанныхъ и доходящихъ до присяжныхъ изъ 2-хъ рукъ, то осмотры эти, какъ неимѣющіе характера предустановленныхъ доказательствъ, вызываютъ присяжныхъ на изслѣдованіе достовѣрности записаннаго въ актъ и только затѣмъ цѣною большаго вниманія и усилій воображенія присяжные, соединивъ факты, разбросанные по разнымъ протоколамъ, возсоздаютъ, если это окажется возможнымъ, corpus delicti.

---

[1]) Contra: Спасовичъ, Собр. Соч. III. 195. Владиміровъ Уч. объ Уг. Д. Общ. ч. 152.

Въ результатѣ заголовокъ второй части Сводной таблицы представляетъ собою рядъ рубрикъ, въ которыхъ найдутъ себѣ мѣсто всѣ роды и виды доказательствъ, встрѣчающіеся при разсмотрѣніи процессовъ на русскомъ судѣ присяжныхъ; по крайнему моему разумѣнію, сложная и долгая работа, затраченная мною на составленіе этого заголовка, должна, если она сколько нибудь удалась, помочь будущему изслѣдователю процессовъ въ томъ отношеніи, что онъ будетъ имѣть готовую таблицу для записыванія нужныхъ ему данныхъ изъ проведенныхъ или прослушанныхъ процессовъ; когда же наступитъ моментъ анализа и группировки доказательствъ разнаго рода, то и эта часть изслѣдованія будетъ значительно облегчена тѣмъ, что всѣ свѣдѣнія ео ipso уже окажутся расположенными въ строгой системѣ, если опять таки принятая мною группировка доказательствъ, заслуживая названія строго систематической, является достаточно научной и въ тоже время удобной практически. Чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ этомъ, а также имѣть возможность слѣдить внимательно за способами разработки въ дальнѣйшемъ изложеніи этого *моего* статистическаго матерьяла, необходимо вникнуть теперь же въ детальныя соображенія, по которымъ я размѣщалъ свой матерьялъ по тѣмъ или другимъ группамъ, отдѣламъ и рубрикамъ.

Къ этому я и перейду.

Группы I и II.

Каждая изъ этихъ группъ начинается **отдѣломъ первымъ — о личномъ осмотрѣ**.

Предметами личнаго осмотра въ рѣдкихъ случаяхъ являются мѣсто преступленія и самъ преступникъ, чаще — вещественныя и письменныя доказательства. Что касается мѣста

преступленія, напр. пожарища, или лица, напр. оскопленнаго, то по большей части такой личный осмотръ непосредственно убѣждаетъ присяжныхъ, если не въ виновности даннаго лица, то въ существованіи преступнаго событія, почему первая рубрика I-го отдѣла I-й группы и включила эти случаи; гораздо чаще присяжнымъ приходится дѣлать при личномъ осмотрѣ выводы только изъ частичныхъ, отдѣльныхъ фактовъ; такія данныя личнаго осмотра найдутъ себѣ мѣсто въ 1-й рубрикѣ 1-го отдѣла II группы и тамъ же во 2-й и 3-й рубрикахъ, озаглавленныхъ: *Вещественныя доказательства* (въ тѣсномъ смыслѣ слова). Нѣсколько сложнѣе оказывается вопросъ о письменныхъ доказательствахъ (вещ. док. въ широкомъ смыслѣ слова). Этихъ доказательствъ У. У. С. касается только вскользь (367, 368—371 и 629 и У. У. С.) но сенатскія рѣшенія, распространяя 687 ст., дали имъ широкое примѣненіе, согласно требованіямъ практики.

При классифицированіи уликъ, почерпаемыхъ въ письменныхъ доказательствахъ, прежде всего необходимо считаться съ категорическимъ замѣчаніемъ проф. Спасовича въ его лекціяхъ (Сочиненія Т. III. 196). „По содержанію своему документъ подходитъ всегда подъ одинъ изъ остальныхъ разрядовъ доказательствъ. Онъ можетъ быть разсматриваемъ или какъ доказательство вещественное (напр. поддѣльный актъ, подд. ассигнація), или какъ признанія подсудимаго, (напр. переписка), или какъ свидѣтельское показаніе. По большей же части документъ есть только улика, изъ которой посредствомъ умозаключенія можно прійти къ догадкѣ о виновности подсудимаго“. Уважаемый юристъ нашъ въ приведенномъ отрывкѣ говоритъ о письменномъ процессѣ—но это справедливо и для новаго устнаго производства, лежащаго въ основаніи судебнаго слѣдствія. Дѣйствительно, на судѣ почти все, за исключеніемъ поличнаго, взятаго къ дѣлу—облечено въ форму протоколовъ. Такъ какъ и при устномъ

процессѣ протоколы, слѣдователемъ составленные, могутъ быть, за исключеніемъ показанія подсудимаго (если нѣтъ его просьбы о томъ), прочитаны на судѣ, то замѣчаніе объ обиліи и содержаніи протоколовъ представляется вѣрнымъ и для процесса устнаго съ присяжными.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что, за исключеніемъ поддѣльныхъ актовъ, нашедшихъ себѣ мѣсто во 2-й рубрикѣ 1-го отд. I группы, весь остальной письменный матерьялъ, представляя собою или показаніе подсудимаго, или свидѣтелей, или протоколъ осмотра, не можетъ занимать самостоятельнаго мѣста въ системѣ доказательствъ? Отнюдь не слѣдуетъ и вотъ почему: прежде всего надо принять во вниманіе, что не всякій документъ, какъ и не всякій протоколъ, можетъ быть читанъ на судѣ.

Такъ, напримѣръ, помѣщеніе переписки подсудимаго, заключающей въ себѣ признанія, въ отдѣлѣ о показаніяхъ подсудимаго представлялось бы неправильнымъ; такія показанія, даже облеченныя въ наизаконнѣйшую форму, не могутъ быть оглашаемы иначе, какъ въ случаѣ, когда сливаются съ устнымъ показаніемъ подсудимаго (ergo читаются по его просьбѣ) т. е. не могутъ являться самостоятельной уликой, переписка же, заключающая въ себѣ такое сознаніе, можетъ быть читана, независимо отъ желанія подсудимаго и, какъ самостоятельная улика, на ряду напр. съ дневникомъ,—должна имѣть свое особое мѣсто; поэтому она и отнесена мною, смотря потому, захватываетъ ли она все событіе, или только отдѣльныя черты его, къ I-й (4 рубр.) или II группѣ (рубр. 5).

Такъ какъ осмотры и вообще подобные протоколы, не будучи протоколами допросовъ, не должны по нашему закону содержать въ себѣ свидѣтельскихъ показаній [1]) то я и от-

---

[1]) Если въ нихъ встрѣчаются показанія, то таковыя не подлежатъ оглашенію иначе, какъ въ порядкѣ 626 и 627 У. У. С.

велъ имъ особое мѣсто въ отдѣлѣ 6-мъ II-й группы, а протоколы собственно допросовъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей въ тѣхъ случаяхъ, когда они читались согласно 626. У. У. С. (какъ самостоятельное доказательство) отмѣчаются въ тѣхъ же соотвѣтствующихъ имъ рубрикахъ, буквой ч. При этомъ кстати указать на то, что необходимость выдѣлять въ самостоятельныя рубрики письменныя доказательства или по крайней мѣрѣ отмѣчать читанное (а не устное) показаніе вытекаетъ еще изъ того, что доказательства устныя обыкновенно имѣютъ совершенно особое значеніе, какъ въ отношеніи полноты, способности къ развитію, такъ и въ смыслѣ убѣдительности и возможности выставлять ихъ какъ доказательства „лучшія“. Напр. проф. Владиміровъ прямо относитъ копіи документовъ къ доказательствамъ „второстепеннымъ“ [1]), и вотъ почему я счелъ справедливымъ отвести для копій особую рубрику; въ заключеніе нельзя не указать на то, что въ ряду письменныхъ доказательствъ могутъ являться оффиціальные акты, такъ напр.: судебный приговоръ по тому же дѣлу (отмѣненный съѣздомъ или сенатомъ)— его значеніе таково, что мѣсто ему въ I-й группѣ (рубр. 3); затѣмъ часто суду приходится имѣть дѣло съ оффиціальными документами, удостовѣряющими отдѣльныя части событія напр. справки присутственныхъ мѣстъ, почему такія письменныя доказательства отмѣчаются мною во II группѣ (рубр. 4 перваго отдѣла).

Чтобы покончить съ письменными доказательствами замѣчу, что и показанія экспертовъ, въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ, но читаются безъ вызова ихъ для провѣрки; не отводя особой рубрики для этого ввиду того, что такое прочтенное заключеніе обыкновенно никакого убѣждающаго значенія не имѣетъ, ибо вліяетъ экспертъ главнымъ образомъ проявлен-

---

1) L. c. 215.

ною на судѣ компентентностью и безпристрастіемъ,—я все таки въ подлежащихъ случаяхъ, какъ и при читанныхъ показаніяхъ свидѣтелей и потерпѣвшихъ, ставлю при знакѣ плюсъ или минусъ отмѣтку „ч", если заключеніе было не устное, а читалось.

Второй отдѣлъ обѣихъ группъ озаглавленъ: **показанія подсудимыхъ.** Противъ подсудимаго могутъ быть представляемы на судѣ доказательства, какъ отъ него самого, такъ и отъ сообвиняемыхъ, а именно: сознаніе и несознаніе и разные виды оговора его сотоварищей по скамьѣ подсудимыхъ.

Внѣсудебное сознаніе и внѣсудебный оговоръ не входятъ въ эти рубрики въ силу того, что могутъ быть допущены на судѣ только въ формѣ свидѣтельскихъ показаній и имъ подобныхъ производныхъ (переписка, частные документы и т. п.). Сознаніе на судѣ также, какъ и несознаніе, бываетъ простое—полное или неполное—и усложненное;—напримѣръ: признаніе всѣхъ утверждаемыхъ обвиненіемъ фактовъ при условіи однако, другого освѣщенія ихъ, какъ то: заявленіе, что имущество было тайно похищено, но изъ мести, грабежъ совершенъ „въ пьяномъ видѣ, не помню какъ" или въ шутку; смерть послѣдовала отъ руки подсудимаго, но удары наносились безъ намѣренія—словомъ при такомъ сознаніи отрицается внутренняя сторона преступленія.

Несознаніе, въ особенности усложненное или очевиднымъ запирательствомъ, или фактическими утвержденіями, лживость которыхъ устанавливается in foro, получаетъ значеніе уликъ поведенія на судѣ; сюда же относится и заявленіе объ alibi; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ эти обстоятельства являются уликами и потому отмѣчаются знакомъ плюса (+), но пока несознаніе или напр. полный фактическій разсказъ подсудимаго, несоотвѣтствующій даннымъ обвиненія, не опровергнутъ,—въ соотвѣтствующихъ рубрикахъ ставится

минусъ (—) т. е. несознанiе до поры до времени или окончательно отмѣчается въ пользу подсудимаго.

Въ зависимости отъ содержанiя объясненiй подсудимаго, обнимающихъ все событiе преступленiя или отдѣльные факты, отмѣтки эти дѣлаются въ рубрикахъ первой или второй группы.

Обращаясь къ оговору, необходимо раздѣлить его на двѣ рубрики: оговоръ сознавшагося и оговоръ несознавшагося; дѣйствительно, сдѣланный сознавшимся подсудимымъ, оговоръ имѣетъ совершенно другое значенiе въ глазахъ судей, чѣмъ оговоръ несознавшагося, который, можетъ быть, защищается справедливымъ оговоромъ, а можетъ быть покупаетъ этимъ способомъ собственное оправданiе.

Отдѣлы 3-й и 4-й. Показанiя потерпѣвшихъ и свидѣтелей.

Эти отдѣлы, естественно, разсматривать одновременно въ виду полной параллельности ихъ; между тѣмъ ихъ значенiе далеко неодинаково на судѣ и если бы слить ихъ въ одинъ отдѣлъ, то не было бы, напримѣръ, возможности при анализѣ рѣшенiй отличить случай грабежа, свидѣтелемъ котораго являлся бы одинъ потерпѣвшiй, отъ ограбленiя, наличность котораго удостовѣряетъ, кромѣ потерпѣвшаго, еще посторонній свидѣтель или даже одинъ послѣднiй.

Основанiемъ дѣленiя на рубрики каждаго изъ этихъ отдѣловъ принята степень достовѣрности показанiя, зависящая отъ большей или меньшей близости къ судьямъ источника достовѣрности: показанiя изъ первыхъ и вторыхъ рукъ необходимо должны быть отмѣчены особо, также какъ и тѣ случаи, когда на осн. 626 ст. У. У. С. устное показанiе замѣнено письменнымъ т.-е. является подъ видомъ второстепеннаго доказательства (faute de mieux.).

Само собою разумѣется, что всѣ разсматриваемыя мною рубрики не имѣютъ исчерпывающаго значенія, почему и въ этихъ отдѣлахъ я останавливаюсь только на главныхъ видахъ уликъ, ввиду того, что значеніе уликъ, не вошедшихъ въ мою таблицу, (если допустить, что я не сдѣлалъ пропусковъ) почти неуловимо, да и кромѣ того полное перечисленіе всѣхъ уликъ, даже въ видѣ категорій, на дѣлѣ невозможно.

Отдѣлъ 5-й. Показанія экспертовъ.

Экспертиза по моему мнѣнію, вопреки пр. Владимірову и многимъ другимъ, не можетъ фигурировать въ 1-й группѣ, имѣющей такъ много общаго съ „прямыми уликами", потому что, когда экспертъ даетъ свое заключеніе, онъ невправѣ дѣлать какіе либо уличающіе судебные выводы, т.-е. производить экспертизою впечатлѣніе непосредственно убѣждающей улики, а только даетъ матеріалъ, подлежащій обсужденію присяжнаго; говорить, что экспертъ представляетъ очки, чрезъ которые самъ судья смотритъ на матеріалъ, обработанный экспертизой, значитъ играть словами.

Очки, подставляемые экспертомъ судьѣ, послѣдній долженъ, выучившись, благодаря помощи эксперта, съ ними обращаться—самъ направить куда ему, какъ судьѣ, нужно это, даже въ такихъ вопросахъ, какъ невмѣняемость подсудимаго.

Достаточно вспомнить постоянныя недоразумѣнія и увлеченія при дачѣ психіатрическихъ заключеній, когда экспертовъ приходится направлять на обсужденіе вопросовъ съ точки зрѣнія, закономъ установленной.

Опасность допущенія эксперта занять роль судьи, т.-е. дѣйствительно превратиться въ глазахъ присяжныхъ въ „прямое" доказательство, непосредственно убѣждающее—была очень наглядно доказана въ процессѣ Мироновича—такъ сказать опытомъ in anima vili.

Вотъ почему показанія экспертовъ, какъ о событіи, такъ и о личности подсудимаго, фигурируютъ въ моей таблицѣ въ отдѣлѣ 5-мъ во II-й группѣ.

Отдѣлъ 6-й. Осмотры и освидѣтельствованія.

О чтеніи протоколовъ, имѣющихся въ слѣдственномъ производствѣ, уже была рѣчь выше. Здѣсь достаточно указать на то, что за невозможностью оглашать попадающія въ эти протоколы показанія—представилось удобнымъ распредѣлить ихъ по содержанію на протоколы, относящіеся къ установленію признаковъ лицъ, мѣста, вещей и документовъ; значеніе слѣдственныхъ протоколовъ обусловливается только въ самой незначительной долѣ тѣмъ, кто именно является авторомъ этихъ протоколовъ, почему это обстоятельство не отмѣчается особо въ таблицѣ. Рубрики 6-го отдѣла, какъ и всѣ предыдущія не могутъ заключать перечисленія числа протоколовъ, а въ нихъ отмѣчается только, что такой то видъ доказательства имѣлъ мѣсто, при этомъ напр. вполнѣ возможно, что заключеніе присяжныхъ о тождествѣ лица (см. группу III. рубр. 1.) основано не на протоколѣ осмотра лица (гр. II. отд. 6. р. 1.)—причемъ въ этой рубрикѣ можетъ оказаться или не оказаться отмѣтка плюсъ или минусъ,—а основано на данныхъ свидѣтельскихъ показаній.

Помимо безцѣльности попытокъ улавливать при записи дѣлъ такія тонкія различія, нельзя не задуматься надъ тѣмъ, что во всякой работѣ необходимы извѣстные предѣлы, что надо ограничивать, какъ задачу, такъ и исполненіе ея въ тѣхъ случаяхъ, когда это возможно безъ ущерба для дѣла и приходится встрѣчаться съ громадными затрудненіями и даже съ невозможностью.

Г. Спасовичъ въ упомянутыхъ мною лекціяхъ говоритъ: „Начался рядъ попытокъ, клонящихся къ тому, чтобы убѣ-

ектививировать всевозможныя улики, описать ихъ..... Законодательства и стали перечислять (что должно считаться уликою)... Вскорѣ оказалось, что подобный методъ тоже, что работа Данаидъ,—потому что безконечно разнообразны и неисчислимы тѣ обстоятельства, изъ коихъ умъ можетъ догадываться объ извѣстномъ явленіи“ [1]).

Двѣ рубрики числа независимо стоящихъ доказательствъ по видамъ заключаютъ собой вторую группу. Для анализа и притомъ плодотворнаго рѣшенія присяжныхъ необходимо найти способъ не только записывать въ извѣстной системѣ, но и подсчитывать какимъ либо образомъ элементы рѣшенія т.-е. доказательства, убѣждающія присяжныхъ и обстоятельства, наличность которыхъ склоняетъ присяжныхъ къ тому или другому рѣшенію; невозможность прослѣдить каждое дѣло до его мельчайшихъ подробностей, при записываніи этихъ доказательствъ и обстоятельствъ, естественно влечетъ за собою невозможность подводить послѣднимъ итоги; гораздо возможнѣе и цѣлесообразнѣе подсчитать категоріи доказательствъ, независимо одно отъ другого стоящихъ, равно какъ и обстоятельства, вліяющія на рѣшеніе.

Вотъ что говоритъ Беккарія (§ VII. l. c.): „когда доказательства не зависятъ одно отъ другого т.-е. когда каждая улика доказывается обстоятельствами, независящими отъ другой (улики), то, чѣмъ болѣе стекается доказательствъ, тѣмъ болѣе развивается вѣроятность событія...“

О счетѣ подобныхъ независимыхъ доказательствъ (не категорій ихъ) говоритъ и проф. Владиміровъ [2]) въ „опредѣленіи двѣнадцатомъ“, гласящемъ: „при счетѣ доказательствъ единицею принимается отдѣльный источникъ достовѣрности“.

Въ сущности давно общеизвѣстная истина, что для по-

---

[1]) L. c. 249 и 250.
[2]) L. c. стр. 233.

ученія какихъ либо точныхъ обобщеній, выводовъ—необходимо найти способъ *взвѣсить, смѣрить, счесть.*

По отношенію къ счету уликъ, кромѣ общихъ возраженій о неприложимости методовъ точныхъ наукъ къ наукамъ, изучающимъ общество и его жизнь, въ томъ числѣ и къ правовѣдѣнію [1]), обыкновенно выставляютъ опасность увлечься теоріею предустановленныхъ и считаемыхъ доказательствъ,—которая, будто бы, неизбѣжно водворится при такомъ изученіи.

Дѣйствительно, если бы мы могли создать совершенную, свободную отъ всякихъ ошибокъ, вполнѣ приспособляемую къ обстоятельствамъ каждаго дѣла таблицу для опредѣленія виновности или невинности подсудимаго, то мы стали бы обладателями, такъ сказать, философскаго камня.

Разумѣется, никто не сомнѣвается теперь, что въ настоящее время ничего подобнаго не только создать, но даже приблизительно намѣтить нельзя.

Составители Судебныхъ уставовъ, критикуя „легальную теорію доказательствъ", говорятъ, „что въ XVIII столѣтіи особенно въ Германіи защитники ея видѣли въ ней важное для подсудимаго ручательство противъ произвола судьи". „Но опытъ и время, пишутъ они далѣе, постоянно доказывали, что опредѣленіе силы доказательствъ по сей теоріи, доходившее до математическихъ исчисленій, не предотвращало несправедливыхъ осужденій и между тѣмъ большею частью вело къ безнаказанности явныхъ преступниковъ" [2]).

Далѣе, мотивируя правило изложенное въ 766 и 801 ст. У. У. С., они говорятъ, что правила о доказательствахъ могутъ принести пользу отнюдь не въ качествѣ непреложн-

---

[1]) Эти возраженія уже разсмотрѣны выше въ гл. II.

[2]) Стр. 279. Суд. Уставы изд. Гос. Канц. Ч. II.

ныхъ положеній, а только въ видѣ объясненій и предостереженій, даваемыхъ присяжнымъ опытными судьями [1]).

Хотя наказъ Екатерины II,—повторяя тезисъ Беккаріи, говоритъ [2]), что вещь очень важная во всѣхъ законахъ—точно опредѣлить начальныя правила, отъ которыхъ зависитъ невѣрность свидѣтелей и сила доказательствъ всякаго преступленія, но утопія осталась недостижимой; даже 2 ч. XV тома Св. Зак. за которой давно, благодаря неправильностямъ старой практики, утвердилась репутація кодекса, установившаго формальную теорію доказательствъ, постоянно указываетъ на необходимыя поправки къ математическимъ выкладкамъ въ дѣлѣ суда: статьи 2 ч. XV т. 340, 343, 346 и др. говорятъ о возможности и о невозможности недоумѣвать о виновности или о невиновности, какъ о критеріи правильнаго рѣшенія, совершенно независимо отъ того, насколько удалось судьѣ составить соотвѣтствующую формулу осужденія или оправданія. Но съ другой стороны весьма часто удается наблюдать въ судѣ, какъ постепенно день за днемъ, на протяженіи одной сессіи, у присяжныхъ вырабатывается болѣе или менѣе подвижная теорія доказательствъ и это только способствуетъ тому, что ихъ рѣшенія проникаются единообразіемъ, которое можетъ быть названо относительною справедливостью: люди, одинаково уличенные и стоящіе въ приблизительно одинаковыхъ условіяхъ жизни, получаютъ на свою долю приблизительно одинаковыя рѣшенія. Способность этихъ теорій доказательствъ устанавливаться и притомъ прогрессировать, несмотря на то, что жизнь ихъ продолжается двѣ или четыре недѣли (время сессіи), представляетъ самый дорогой элементъ суда присяжныхъ, а наличность этихъ теорій отличаетъ судъ при-

---

1) L. c. стр. 282.
2) Наказъ. ст. 184.

сяжныхъ отъ суда улицы, отъ суда общественнаго мнѣнія, суда случайнаго, по внѣшнимъ несистематизированнымъ, непровѣреннымъ впечатлѣніямъ рѣшающаго. Вотъ почему, нисколько не боясь обвиненій въ попыткахъ создать формальную теорію доказательствъ, я старался путемъ анализа длиннаго ряда процессовъ вывести формулы доказательствъ, вліяющихъ на убѣжденія присяжныхъ, и обстоятельствъ, приводящихъ присяжныхъ къ тому или другому рѣшенію, такъ какъ успѣхъ такой попытки ознаменовалъ бы собою шагъ впередъ и въ практикѣ, и въ наукѣ: въ первой, ввидѣ сознанной схемы руководящихъ началъ, дѣйствующихъ у присяжныхъ и подлежащихъ совершенствованію, во второй—ввидѣ первой попытки уловить, собрать и классифицировать эмпирическіе законы дѣятельности присяжныхъ въ сферѣ доказательствъ, т. е. попытки научной, успѣшность которой позволила бы, дѣйствительно, увѣренно говорить о значеніи этого суда и о средствахъ его совершенствованія.

Для достиженія этихъ цѣлей необходимо было найти способъ, записавъ процессы и разложивъ ихъ на элементы, взвѣсить, смѣрить, счесть эти послѣдніе. Я принялъ за основаніе счета указанную мною выше, существующую уже болѣе ста лѣтъ единицу—независимо стоящее доказательство, или источникъ достовѣрности. Отсюда въ таблицѣ моей получается во II ея части два итога: 1) итогъ данныхъ I и II группъ, именно—независимо стоящихъ первичныхъ доказательствъ—nota bene—категорій ихъ (а не отдѣльныхъ фактовъ) и 2) итогъ доказательственныхъ выводовъ присяжныхъ, т. е. вторичныхъ доказательствъ тоже по видамъ.

Необходимо сдѣлать слѣдующую оговорку: въ рубрику „число независимыхъ доказательствъ“, вошли безразлично, какъ доказательства вины, такъ и доказательства событія преступленія, ибо отдѣлить эти виды доказательствъ одинъ отъ другого часто невозможно; даже и, будучи возможно,

такое раздѣленіе повлекло бы за собою рядъ существенныхъ неудобствъ; такъ, напримѣръ, показаніе потерпѣвшаго часто заключаетъ въ себѣ одновременно оба эти вида (о событіи и о винѣ) и пришлось бы записывать такое показаніе вдвойнѣ, а подсчитывать только послѣднюю запись (о винѣ). Вотъ ради чего я устранилъ упомянутое дѣленіе, принявъ на видъ еще слѣдующія соображенія.

Во всякомъ обвиненіи въ основаніи лежатъ доказательства событія преступленія и, слѣдовательно, во всѣхъ случаяхъ, когда послѣдовалъ обвинительный вердиктъ, наличность доказательствъ событія преступленія будетъ естественно предполагаться; для сравненія оправдательныхъ рѣшеній создастся такой же общій базисъ для особыхъ группъ, благодаря отмѣткѣ + или — въ рубрикѣ 1_1 [1]) третьей части таблицы.

Само собой разумѣется, что при составленіи разсматриваемыхъ мною итоговъ я принималъ въ расчетъ не только наличность тѣхъ или другихъ, занесенныхъ въ рубрики, самостоятельныхъ доказательствъ, но и достовѣрную оцѣнку этихъ доказательствъ присяжными. Такимъ образомъ + или — въ таблицахъ означаютъ всякое, какъ самостоятельно, такъ и несамостоятельно стоящее доказательство, обращавшее на себя вниманіе при слушаніи дѣла съ рѣзко выраженнымъ содержаніемъ въ пользу (+) или не въ пользу (—) обвиненія; слѣдовательно надо имѣть ввиду, что + или — вовсе не означаетъ предположительную оцѣнку даннаго доказательства присяжными, такая оцѣнка вносила бы произвольный элементъ въ первыя двѣ группы II части Сводной таблицы „о доказательствахъ“; что касается однако третьей группы „о вторичныхъ доказательствахъ“, и всей III части таблицы „объ обстоятельствахъ, вліяющихъ на рѣшеніе“, то,

---

[1]) Первый отдѣлъ первая рубрика.

разумѣется, здѣсь совершенно неизбѣжно было плюсомъ и минусомъ отмѣчать выводы и обстоятельства, по всей вѣроятности, принятые присяжными въ пользу или во вредъ обвиненія; вотъ почему, какъ я уже указывалъ во введеніи, мною было поставлено въ качествѣ необходимаго условія анализа дѣлъ— личное участіе въ производствѣ ихъ и по меньшей мѣрѣ выслушиваніе дѣла отъ начала до конца на почвѣ предварительнаго ознакомленія съ подлиннымъ слѣдственнымъ производствомъ.

Эти наблюденія, т. е. внесенныя въ III группу II части таблицы и провѣряемыя по возможности разговорами съ присяжными—представляютъ собою,—если сравнивать мою таблицу съ докторской картиной болѣзни, — субъективные симптомы, которые въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ правдивости, словоохотливости и развитія изслѣдуемаго; данныя же, заключающіяся въ I и II группахъ, имѣютъ напротивъ характеръ результатовъ объективнаго изслѣдованія. Можетъ быть угадывая значеніе того или другого обстоятельства въ дѣлѣ, я и погрѣшалъ, но стараясь подойти возможно ближе къ міросозерцанію даннаго состава присяжныхъ, спрашивая ихъ въ случаѣ недоумѣнія, вызваннаго рѣшеніемъ, я сдѣлалъ все возможное для полученія наиболѣе доброкачественнаго матерьяла.

Обратимся однако къ занимающей насъ рубрикѣ „число независимыхъ доказательствъ по видамъ ихъ“.

Мнѣ думается, что было бы полезно привести для яснаго ея уразумѣнія нѣсколько примѣровъ.

Выраженіе „по видамъ ихъ“ означаетъ, что сосчитано и записано напр., не число очевидцевъ или вещественныхъ доказательствъ, а фактъ, что на судѣ подсудимый уличался очевидцами (=+1), что на судѣ было поличное (=+другая единица), что было представлено вещественное доказательство, *особо найденное*, не въ пользу обвиненія (—единица) и т. д.

Напр. „доказательство со словъ“, хотя бы и отмѣченное, не входитъ въ счетъ независимыхъ доказательствъ, если оно не нашло себѣ подтвержденія въ какомъ либо самостоятельномъ доказательствѣ напр., если лицо на которое была свидѣтелемъ или потерпѣвшимъ сдѣлана ссылка, осталось недопрошеннымъ—при возможности къ тому. Удостовѣреніе, напримѣръ, свидѣтелемъ внѣсудебнаго сознанія—ввиду того, что подсудимый на лицо, является независимо стоящимъ доказательствомъ, съ которымъ подсудимому приходится считаться.

Всѣ виды сознанія и несознанія, разумѣется, входятъ въ счетъ только по числу подсудимыхъ, представившихъ эти объясненія, ибо каждое отдѣльно стоящее—независимо отъ другихъ свидѣтельствующее—лицо есть недробимый самостоятельный источникъ достовѣрности.

Если я не подводилъ свидѣтелямъ, хотя независимо другъ отъ друга стоящимъ, численнаго итога, то дѣлалъ, это кромѣ приведенныхъ выше основаній, еще по слѣдующимъ соображеніямъ: десять, независимо другъ отъ друга наблюдавшихъ, очевидцевъ, разумѣется, представляютъ собою десять самостоятельныхъ источниковъ достовѣрности; но подведеніе при записываніи дѣлъ такихъ итоговъ крайне усложнило бы работу, и притомъ безъ всякой пользы для моего изслѣдованія; дѣло въ томъ, что присяжные не придаютъ большого значенія числу очевидцевъ; обыкновенно появленіе ряда очевидцевъ важно только въ смыслѣ провѣрки показанія перваго или вообще наиболѣе полно свидѣтельствующаго очевидца; въ умѣ присяжныхъ составляется, такъ сказать, одинъ коллективный очевидецъ, но показаніе такого, какъ бы, „юридическаго лица“ нисколько не сильнѣе показанія одного человѣка—очевидца, вызвавшаго полное довѣріе къ своимъ словамъ.

Изъ предыдущаго видно, что занимающая насъ рубрика итоговъ составляется не только изъ рубрикъ таблицы, но

и при тщательномъ соображенiи данныхъ первоначальныхъ таблицъ, т. е., при вторичномъ изученiи и анализѣ, даннаго судебнаго случая. Изъ этого слѣдуетъ, что рубрика эта имѣетъ самостоятельное значенiе, а не представляетъ собой только итогъ плюсовъ и минусовъ, означенныхъ въ Сводной таблицѣ.

Съ другой стороны, не вошедшiя въ итоги этой рубрики, отмѣтки о доказательствахъ [1]) имѣютъ, въ связи съ остальными знаками, свое особенное значенiе; значенiе это заключается въ возможности воспроизведенiя передъ читателемъ наглядной и полной схемы доказательствъ—въ пользу и не въ пользу обвиненiя, — представляемыхъ по каждому данному дѣлу; этимъ значенiемъ я воспользуюсь ниже при составленiи формулъ, а пока поясню свою мысль слѣдующими параллельными примѣрами: потерпѣвшiй, представшiй на судъ въ одиночествѣ при несознанiи подсудимаго на судѣ, говоритъ, что его ограбилъ NN, что былъ очевидецъ X, что у подсудимаго найдено похищенное и что послѣднiй сознался свидѣтелю M.; въ другомъ случаѣ онъ говоритъ тоже, но на судъ является еще очевидецъ X.; въ третьемъ случаѣ кромѣ очевидца X—на лицо отобранное поличное; въ четвертомъ случаѣ нѣтъ свидѣтеля X., но есть поличное и есть свидѣтель M.

Предположимъ, что въ первомъ и во 2-мъ случаѣ послѣдовалъ — оправдательный, а въ двухъ послѣднихъ—обвинительный приговоръ.

Возможность изобразить эти случаи схематически дастъ намъ способъ наглядно сравнивать ихъ и придти къ соображенiямъ, руководившимъ присяжными, — какъ съ точки зрѣнiя наличности независимыхъ доказательствъ, такъ и по

---

[1]) Эти отмѣтки сдѣланы синей краской въ отличiе отъ самостоятельныхъ источниковъ достовѣрности, представляющихъ красные плюсы и минусы, почему и итоги сдѣланы красными цифрами.

отношенію къ другимъ, не имѣющимъ этого характера, доказательствамъ.

Формула перваго случая, если ее изложить на особой карточкѣ будетъ слѣдующая: [1])

Изъ данныхъ I части таблицы.	— (т. е. оправданіе)
изъ II части таблицы.	$-2_3 + 3_1 + 3_4 + 3_6$ II $+3_2$
счетъ самост. источн. достов.	$- \quad +$ $= +1 - 1$

2-й случай.

—

I $-2_3 + 3_1 + 3_4 + 3_6 + 4_1$ II $+3_2$

$- \quad + \quad + = +2 - 1$

3-й случай.

+ (т. е. обвиненіе)

I $-2_3 + 3_1 + 3_4 + 3_6 + 4_1$ II $+1_2 + 3_2$

$- \quad + \quad + \quad + = +3 - 1$

4-й случай.

+

I $-2_3 + 3_1 + 3_4 + 3_6 + 4_6$ II $+1_2 + 3_2$

$- \quad + \quad + \quad + = +3 - 1$

---

[1]) Римскія цифры означаютъ группы, крупная арабская цифра — отдѣлъ; малая арабская цифра — рубрику. Самыя цифры взяты изъ заголовка Сводной таблицы.

Предположимъ еще 5-й случай, съ обвинительнымъ (+) исходомъ, хотя однородный со вторымъ, но включающій $I + 4_6$ и 6-й случай съ оправдательнымъ (—) исходомъ, хотя однородный съ третьимъ случаемъ.

Сравнивая эти формулы, мы можемъ предположить 1), что бо́льшее или меньшее число независимыхъ доказательствъ особо вліяетъ на присяжныхъ, 2) что при большомъ числѣ приговоровъ, можетъ быть, представится возможность установить съ нѣкоторою вѣроятностью число необходимыхъ для обвинительнаго приговора независимыхъ доказательствъ или такое же значеніе извѣстнаго отношенія положительнаго итога къ отрицательному 3) что рядомъ съ самостоятельными источниками достовѣрности имѣютъ свое опредѣленное значеніе извѣстное число разнаго рода доказательствъ, идущихъ изъ одного источника: что при однихъ и тѣхъ же, повидимому, условіяхъ, совершенное, напримѣръ, ограбленіе въ зависимости отъ характера доказательствъ, имѣетъ различныя послѣдствія на судѣ; это совершенно ускользаетъ отъ печати и публики при обычномъ поверхностномъ разсмотрѣніи процессовъ вообще и удивляющихъ оправданій въ особенности.

4) что показаніе потерпѣвшаго, какъ и показаніе очевидца и даже соединеніе обоихъ—могутъ оказаться недостаточными для обвиненія подсудимаго,

5) что этихъ двухъ данныхъ достаточно для обвиненія при доставленіи напр. поличнаго на судъ,

6) что показаніе очевидца не больше (а по случ. 6-му меньше) по своему значенію, чѣмъ показаніе свидѣтеля о внѣсудебномъ сознаніи подсудимаго.

7) что при прочихъ равныхъ условіяхъ по формуламъ можно дѣлать выводы о значеніи не только доказательствъ самостоятельныхъ, но и о значеніи доказательствъ неидущихъ въ счетъ рубрики „число незав. доказ.“.

8) что заявленіе о нахожденіи поличнаго не тоже, что доставленіе поличнаго въ судъ.

9) что заявленіе потерпѣвшаго о внѣсудебномъ сознаніи подсудимаго значенія не имѣетъ, когда оно встрѣчается въ одномъ и томъ же лицѣ потерпѣвшаго, хотя и имѣетъ значеніе независимаго источника достовѣрности, какъ ссылка на лицо, присутствующее на судѣ. Сравненія этихъ примѣровъ показываетъ, что выводы гораздо богаче и нагляднѣе въ связи съ пользованіемъ для формулъ всѣми отмѣтками въ рубрикахъ, а не только входящими въ число самостоятельныхъ источниковъ достовѣрности.

Третья группа II-й части Св. таблицы требуетъ особаго вниманія. Въ этой группѣ отмѣчаются выводы присяжныхъ, изъ, признанныхъ ими за достовѣрные, фактовъ и мнѣній экспертовъ и сторонъ въ пользу обвиненія (+) и не въ пользу обвиненія (—). Выводы такого рода могутъ имѣть объективный характеръ т. е. содержать въ себѣ доказательства совершенія или несовершенія преступленія даннымъ лицомъ, совершенно независимо отъ психологической стороны изслѣдованія. Такія доказательства, какъ это показалъ Уильзъ [1]), могутъ быть сведены къ рѣшенію вопроса о тождественности или не тождественности лица, мѣста, предметовъ, документовъ, почерковъ, времени. Такія доказательства отмѣчаются въ 1-мъ отдѣлѣ группы III-й; здѣсь могутъ встрѣчаться разнообразные случаи: удостовѣряется, напримѣръ, тождество, отобранной у похитителя, вещи съ вещью, похищенною у потерпѣвшаго: но очевидно, что присяжные могутъ и отрицательно рѣшить такой вопросъ, хотя бы тождество вещи утверждалъ потерпѣвшій. Въ этомъ случаѣ— показаніе потерпѣвшаго о тождественности найденнаго съ похищеннымъ будетъ отмѣчено плюсомъ во II-й группѣ

[1]) Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ. Гл. IV.

(рубрика 3_2) въ качествѣ обстоятельства уличающаго, но съ минусомъ (въ качествѣ противовѣса) въ III-й группѣ II части таблицы, (рубрика 1_3) ибо присяжные это тождество не признали, т. е. рѣшили вопросъ не въ пользу обвиненія, находя, что потерпѣвшій ошибся.

Возьмемъ болѣе сложный случай: послѣдовательно совершены двѣ кражи въ томъ же мѣстѣ; въ первый разъ были похищены двѣ печныя заслонки; черезъ недѣлю опять похищаются печныя заслонки и похититель съ послѣдними задержанъ. Сходство похищеннаго предмета и мѣста совершенія преступленія въ обоихъ случаяхъ кражъ въ смыслѣ улики противъ того же лица обвиняемаго во 2-й кражѣ, въ совершеніи и первой кражи—есть выводъ, а не обстоятельство дѣла, могущее быть пріуроченнымъ къ какимъ либо показаніямъ или протоколамъ по первому дѣлу (тамъ никто не попался и не было поличнаго); слѣдовательно, такое соображеніе—выводъ есть самостоятельная улика и при анализѣ данныхъ по первой кражѣ можетъ быть отмѣчено только въ III-й группѣ въ первомъ отдѣлѣ въ 1 и 3 рубрикѣ плюсомъ или минусомъ, смотря потому, признано это за улику или отвергнуто.

Другой родъ вторичныхъ доказательствъ, имѣющій субъективный характеръ, заключаетъ въ себѣ оцѣнку данныхъ, относящихся къ личности подсудимаго и къ поведенію его до суда и на судѣ, а также оцѣнку личности и поведенія свидѣтелей на судѣ. Эти доказательства войдутъ въ обширный 2-й отдѣлъ III группы. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе первыя три рубрики, гдѣ отмѣчаются выводы присяжныхъ о томъ, что поведеніе подсудимаго въ періодъ, предшествовавшій обнаруженію преступленія, приводитъ или не приводитъ къ заключенію о приготовленіи къ преступленію или о наличности укрывательства или пользованія плодами преступленія. Сюда же примыкаетъ рубрика о наличности или от-

сутствіи мотива преступленія, а затѣмъ слѣдуютъ данныя, относящіяся къ столь разработанной въ англійскомъ судопроизводствѣ, имѣющей и у насъ большое значеніе, области изслѣдованія характера и репутаціи подсудимаго; здѣсь отмѣчаются вѣроятность совершенія или несовершенія преступленія въ зависимости отъ силы и направленія душевныхъ движеній подсудимаго и отъ власти его надъ этими движеніями (характеръ) и отъ того, изъ какого рода поступковъ преимущественно сложилась его предыдущая жизнь (репутація).

Оцѣнка достовѣрности показаній свидѣтелей, какъ результатъ провѣрки ихъ показаній перекрестнымъ допросомъ и очными ставками, для удобства изслѣдованія отмѣчается въ двухъ рубрикахъ, включающихъ оцѣнку правдивости показаній свидѣтелей обвиненія и свидѣтелей защиты; такая оцѣнка имѣетъ свое самостоятельное значеніе въ пользу или во вредъ обвиненія, увеличивая или ослабляя вѣроятность виновности.

Я уже говорилъ выше о томъ значеніи, которое имѣетъ для подсудимаго его несознаніе и тѣ или другіе расказы о событіи преступленія, цѣль которыхъ — самооправданіе; въ то время, какъ до провѣрки этихъ данныхъ, а именно въ рубрикахъ I и II группы, фактъ этого несознанія фигурируетъ въ видѣ минусовъ, т. е. не въ пользу обвиненія, по учиненіи такой провѣрки, т. е. въ группѣ вторичныхъ доказательствъ можетъ быть уже констатирована ложь (+) или правдивость (—) этихъ объясненій (въ рубрикѣ 2_9), но этимъ дѣло не ограничивается; такого рода выводъ присяжныхъ не только уничтожаетъ эти данныя, служившія до того въ пользу подсудимаго, но онъ становится въ свою очередь уликою, если, по мнѣнію присяжныхъ, подсудимый сказалъ неправду или умолчалъ, потому, что, будучи виноватымъ, не могъ сказать правды

(отмѣчается въ рубрикѣ 2_{10}); не слѣдуетъ забывать, что могутъ быть случаи, въ которыхъ мотивы лжи подсудимаго на судѣ совсѣмъ не связаны съ его виновностью или невиновностью, по нежеланію напр. открыть настоящее alibi; поэтому иногда и ложь подсудимаго не является особой уликой въ пользу обвиненія; вотъ почему я призналъ необходимою рубрику (2_{10}), озаглавленную: причины поведенія подсудимаго на судѣ (мотивы), и вотъ почему въ этой рубрикѣ можетъ при случаѣ оказаться + въ смыслѣ особой вторичной улики или —, если мотивы лжи подсудимаго истолкованы присяжными въ его пользу,

Двѣ рубрики итоговъ подъ заглавіемъ „*число выводовъ въ пользу и не въ пользу обвиненія*“ вызываютъ на слѣдующее замѣчаніе. Здѣсь, дѣйствительно, итоги этихъ выводовъ, но опять таки не всѣхъ даже главныхъ выводовъ, а сдѣланъ подсчетъ ихъ — только по видамъ, ибо, напримѣръ, о тождествѣ лица можетъ быть много отдѣльныхъ выводовъ за и противъ, также какъ о правдивости или лжи въ показаніяхъ свидѣтелей и подсудимыхъ; подсчитать ихъ всѣ было-бы и невозможно и безцѣльно, такъ какъ всѣ выводы данной рубрики суммируются и вліяютъ на заключеніе присяжныхъ, какъ одно коллективное впечатлѣніе, по тому или другому вопросу („по внутреннему убѣжденію основанному на совокупности обстоятельствъ“). Эти итоги могутъ быть повѣряемы по III группѣ Сводной таблицы, ибо представляютъ, дѣйствительно, итоги разныхъ видовъ выводовъ за и противъ обвиненія, занесенныхъ въ рубрики.

Вопреки проф. Владимірову [1]), эти выводы являются настоящими доказательствами. Пр. Владиміровъ называетъ такіе выводы не доказательствами, а объясненіями сторонъ; что это не такъ и что „вторичныя доказательства, дѣйстви-

---

[1]) L. c. 235.

тельно, имѣютъ значеніе доказательствъ", ясно уже изъ того, что далѣе (стр. 236) проф. Влад. самъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „группировка доказательствъ связываетъ ихъ (источники достовѣрности) въ одно и превращаетъ въ плотную массу, составляющую основу судебнаго приговора"; но онъ же признаетъ (235 стр.), что такія группировки могутъ дѣлать и стороны, а разумѣется, добавлю я, и присяжные; тогда выводъ стороны о доказанности виновности, если его раздѣлятъ или сами сдѣлаютъ присяжные—станетъ доказательствомъ, хотя проф. Владиміровъ и называетъ его „объясненіемъ". Дѣйствительно, такое „объясненіе" стороны, если оно принято присяжными, а тѣмъ болѣе самостоятельно создалось въ умѣ присяжныхъ, какъ выводъ, очевидно становится одной изъ „основъ судебнаго приговора" и поэтому—уже не объясненіемъ только, но самостоятельнымъ доказательствомъ, именно вторичнымъ по происхожденію доказательствомъ, какъ и озаглавлена мною вся третья группа.

III.

Давно подмѣчено, что присяжные иногда при полной доказанности событія преступленія и даже достовѣрности виновности подсудимаго выносятъ оправдательные приговоры и обратно—обвиняютъ, повидимому, безъ достаточныхъ доказательствъ, причемъ за отсутствіемъ обязательной мотивировки легко ускользаютъ очень существенные мотивы, руководившіе присяжными. Вердикты послѣднихъ въ подобныхъ случаяхъ многимъ представляются странными, неправосудными; я надѣюсь представить доказательства тому, что эти приговоры, какъ это ни странно на первый взглядъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, въ глазахъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, являются послѣднимъ словомъ справедливости по каждому данному дѣлу.

Причина этого противорѣчія во взглядахъ кроется въ томъ, что близкія къ дѣлу лица подмѣчаютъ остающіяся неизвѣстными постороннимъ обстоятельства, могущественно вліяющія не только въ пользу подсудимаго даже при сильныхъ доказательствахъ виновности, напр. сознаніи, но часто и обратно, громко говорящія и при слабыхъ доказательствахъ въ пользу обвиненія. Такія обстоятельства, независимо отъ достовѣрности и недостовѣрности событія и вины, могутъ лежать какъ въ *характерѣ* дѣянія, такъ и въ *личности* подсудимаго, а также въ особенностяхъ *постановки* дѣла на судѣ и *личнаго состава* присяжныхъ. Изъ этого перечня ясно, что въ III части Сводной таблицы, обнимающей собой упомянутые мотивы, не представляется возможнымъ отдѣлить факты объективные отъ субъективныхъ, т. е. обстоятельства дѣла отъ соображеній присяжныхъ.

Эта часть таблицы такимъ образомъ совершенно самостоятельно анализируетъ все то, что на судѣ, независимо отъ уликъ, вліяетъ на рѣшеніе дѣла; вотъ почему здѣсь встрѣчаются, напримѣръ, какъ бы повторяющіяся (уже бывшія въ I и во II частяхъ таблицы) рубрики о возрастѣ, о репутаціи, о характерѣ, о вторичномъ разсмотрѣніи дѣла и т. п.

Займемся же отдѣлами и рубриками этой части таблицы.

Въ отдѣлѣ первомъ отмѣчается достовѣрность или недостовѣрность: событія преступленія, признаковъ преступленія и фактической виновности, т. е. выводы присяжныхъ изъ доказательствъ по дѣлу по этимъ тремъ вопросамъ. Эти три рубрики на первый взглядъ какъ бы повторяютъ вкратцѣ подъ другими названіями данныя I-й части таблицы, но на самомъ дѣлѣ, онѣ имѣютъ здѣсь свое особое значеніе. Признаки преступленія несомнѣнно обсуждаются (хотя это, такъ сказать, юридическая работа) не только сторонами и предсѣдательствующимъ въ напутствіи, но и присяжными (случай оправданія въ грабежѣ, признанномъ самоуправствомъ).

Въ случаѣ оправданія за отсутствіемъ признаковъ преступленія въ рубрикѣ (1_2 третьей части) ставится минусъ, означающій, что присяжные составъ преступленія признали недоказаннымъ или вообще истолковали его въ пользу подсудимаго. Необходимо замѣтить, что здѣсь я не отмѣчалъ ограниченія усиливающихъ вину обстоятельствъ, хотя бы устраненіе ихъ измѣняло составъ преступленія съ точки зрѣнія Уложенія о наказаніяхъ (напр. ограниченіе насилія при грабежѣ) такъ какъ юридическій характеръ дѣянія оставался тотъ же. Во всякомъ случаѣ всѣ отмѣтки въ таблицѣ и, слѣдовательно, въ рубрикахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, относятся къ преступленію, въ которомъ обвинялся подсудимый, а не къ тому, въ которомъ онъ обвиненъ ввидѣ смягченія, напр. анализируется грабежъ и заносятся улики въ грабежѣ, а не анализируется кража, о которой былъ поставленъ и рѣшенъ утвердительно условный вопросъ. Въ подобномъ случаѣ мы будемъ имѣть плюсъ въ первой рубрикѣ и въ 3-й—о достовѣрности событія и фактической виновности; но въ рубрикѣ 2-й будетъ минусъ; это значитъ, что событіе преступленія и фактическая виновность, независимо отъ состава преступленія, доказаны, но это былъ не грабежъ, а кража. Вотъ, какъ, слѣдовательно, надо понимать такое сочетаніе знаковъ + — +; при всякомъ другомъ пониманіи получился бы nonsens, напр. былъ грабежъ, нѣкто совершилъ грабежъ, но это не былъ грабежъ.

Рубрика о достовѣрности или недостовѣрности фактической виновности показываетъ всѣ случаи „основательнаго сомнѣнія", недоказанной виновности или доказанной невиновности, при отмѣткѣ минусъ, причемъ представляется возможнымъ мотивировать болѣе или менѣе вѣроятно это сомнѣніе изъ данныхъ предъидущей II-й части таблицы. Хотя казалось бы, что, вслѣдъ за минусомъ въ этой рубрикѣ—не должно уже быть отмѣтокъ въ послѣдующихъ рубрикахъ, но это не

такъ; дѣло въ томъ, что давно подмѣчена наклонность человѣка легче убѣждаться въ томъ, что больше по душѣ, и въ этомъ смыслѣ легко можетъ случаться и случается, что въ дѣлахъ, гдѣ рядъ обстоятельствъ настраиваетъ присяжныхъ въ пользу оправданія, они скорѣе склонны недовѣрять доказательствамъ обвиненія.

„Такимъ образомъ вопросъ о томъ“ говоритъ Стифенъ [1]), „увѣренъ ли извѣстный человѣкъ или нѣтъ въ данный моментъ въ извѣстномъ заключеніи или онъ имѣетъ насчетъ его сомнѣніе, которое считаетъ основательнымъ,—это вопросъ фактическій. Вопросъ же о томъ, долженъ ли этотъ человѣкъ настроить такимъ образомъ свое сознаніе—есть задача практическая первѣйшей важности, которой рѣшеніе зависитъ не отъ одного какого либо соображенія, но отъ многихъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ *причины, побуждающія* лицо составить мнѣніе, *послѣдствія мнѣнія*, когда оно выработается, *вѣсъ и полнота* свидѣтельствъ, наконецъ *вѣроятность* [2]) удостовѣряемаго событія. Сила одного изъ этихъ мотивовъ убѣжденія можетъ быть столь велика, что лицо не обращаетъ уже вниманія на одновременное присутствіе всѣхъ другихъ мотивовъ. Такимъ образомъ мы не сознаемъ элементовъ воли въ убѣжденіи, когда мы убѣждаемся въ достовѣрности таблицы умноженія; наоборотъ мы руководствуемся элементомъ только воли личной за исключеніемъ всякаго другого, когда избираемъ впопыхахъ одинъ изъ двухъ поѣздовъ желѣзной дороги, о которомъ мы смутно догадываемся, что онъ идетъ туда, куда намъ слѣдуетъ попасть“.

Изложенное объясняетъ, какимъ образомъ могутъ возникнуть послѣ минуса въ 3-й рубрикѣ 1-го отдѣла дальнѣйшія

---

[1]) Уголовное право Англіи стр. 337.

[2]) Курсивъ мой.

въ III ч. таблицы отмѣтки объ обстоятельствахъ, приведшихъ къ оправданію или обвиненію и почему въ подобныхъ случаяхъ центръ тяжести обвинительнаго или оправдательнаго рѣшенія (при недостаточной достовѣрности вины) будетъ перенесенъ на эти послѣднія данныя; другими словами: недостаточная мотивированность „сомнѣнія въ виновности“ изъ предыдущихъ данныхъ (II-я ч. таблицы) можетъ быть иногда восполнена данными 2-го и послѣдующихъ отдѣловъ III части таблицы.

Во второмъ отдѣлѣ „характеръ дѣянія“ обращаетъ на себя вниманіе рубрика 4-я „о необходимости наказуемости“; въ этой рубрикѣ отмѣчаются тѣ случаи, въ которыхъ выразилась несолидарность присяжныхъ съ уголовнымъ закономъ, что возможно въ пользу или во вредъ обвиненія; напр.: наказуемость шантажа (+) и ненаказуемость паспортныхъ преступленій (—) въ старой практикѣ. Относительно рубрикъ этого отдѣла надо сдѣлать замѣчаніе, относящееся и ко всѣмъ вообще послѣдующимъ рубрикамъ: заглавія всѣхъ этихъ рубрикъ приспособлены къ тому, чтобы отмѣтка + выражала наличность обстоятельства, вліяющаго въ пользу обвиненія, и чтобы отмѣтка — выражала, что данное обстоятельство, имѣвшее свое значеніе въ дѣлѣ, отличалось противоположнымъ характеромъ, а не просто отсутствовало, т. напр.: минусъ во второй рубрикѣ 2-го отдѣла могъ бы означать, что обычная нравственность нарушена не была, т. е. что отмѣченное обстоятельство представлялось не имѣвшимъ вовсе значенія въ дѣлѣ; но такъ какъ отмѣтка сдѣлана именно, чтобы подчеркнуть значеніе даннаго наличнаго обстоятельства, то минусъ, въ этой рубрикѣ (т. е. отмѣтку не въ пользу обвиненія) слѣдуетъ понимать такъ, что въ дѣяніи подсудимаго проявилась особо замѣтно нравственная цѣль дѣйствія; такимъ образомъ при анализѣ рѣшеній вообще принято мною за правило отмѣчать только существенно

повліявшія въ пользу обвиненія или въ пользу защиты обстоятельства; поэтому знакъ минусъ (—), принятый мною какъ противоположность плюса (+), отнюдь не слѣдуетъ понимать въ его математическомъ смыслѣ, а—въ значеніи плюса въ пользу защиты.

Чтобы покончить со смысломъ этихъ двухъ знаковъ, замѣчу, что въ рубрикахъ всей Сводной таблицы могутъ встрѣтиться одновременно и + и —, что и будетъ, слѣдовательно, означать напримѣръ, что были два очевидца, давшіе два противоположныхъ (въ пользу и во вредъ обвиненія) показанія или, что часть свидѣтелей защиты была изобличена во лжи, а другая часть оказалась правдивой и т. п.

Третій отдѣлъ изслѣдуетъ обстоятельства, относящіяся къ личности подсудимаго.

Обращаясь къ разсмотрѣнію рубрикъ этого отдѣла, я долженъ указать на важное значеніе первыхъ двухъ: вмѣняемость и вмѣненіе. Минусъ въ той или другой ставитъ, такъ сказать, точку въ анализѣ, представляя совершенно точное объясненіе, оправдательному вердикту, съ нимъ связанному; при этомъ важно замѣтить, что въ рубрикѣ 3_2 — минусъ отнюдь не означаетъ оправданія вообще, что было бы повтореніемъ данныхъ первой части таблицы, а означаетъ невмѣненіе по причинѣ, внѣ однако вопроса о психическомъ здоровьи (3_1) стоящей; такъ напримѣръ: признаніе необходимой обороны или крайней необходимости, хотя бы объ этихъ обстоятельствахъ также, какъ и о вмѣняемости, и не было поставлено присяжнымъ особаго вопроса; но значеніе сильнаго (не безсознательнаго) опьяненія отмѣчается въ рубрикѣ 16-й (наклонность къ эксцессамъ).

Третья и четвертая рубрика даютъ возможность отмѣтить, выяснились ли въ пользу или не въ пользу обвиненія

т. е. въ смыслѣ усиливающихъ или уменьшающихъ вину обстоятельствъ—отношенія подсудимаго къ соучастникамъ и къ потерпѣвшимъ.

Значеніе остальныхъ рубрикъ видно изъ ихъ заглавій, причемъ рубрика 15-я, 16-я и 17-я имѣютъ, при отмѣткѣ + значеніе, такъ сказать, нравственнаго осужденія подсудимаго: 15-я и 16-я за прошлое его, а 17-я—за его настоящее; содержаніе этой послѣдней, выраженное въ заглавіи 17-ой рубрики словами: „впечатлѣніе, производимое подсудимымъ въ пользу или во вредъ обвиненія“, на разговорномъ языкѣ, обыкновенно, замѣняется словомъ симпатичность или несимпатичность подсудимаго;—но здѣсь это выраженіе должно быть понимаемо въ судейскомъ смыслѣ слова и потому—быть свободнымъ отъ обыденнаго упрека въ порожденіи произвольныхъ рѣшеній, такъ какъ представляетъ собою обязательную для судьи оцѣнку нравственной личности подсудимаго на основаніи житейскаго опыта, который позволяетъ опредѣлять людей часто по едва уловимымъ и не опредѣлимымъ для ума особенностямъ.

Четвертый отдѣлъ въ 12 рубрикахъ заключаетъ данныя о постановкѣ дѣла на судѣ; каждая изъ этихъ рубрикъ представляетъ собою тѣ подводные камни, которые наиболѣе часто вызываютъ, такъ называемые, возмутительные оправдательные приговоры.

Первыя три рубрики обнимаютъ между прочимъ случаи „зачета“ (въ обширномъ смыслѣ этого слова), причинами котораго являются: продолжительность срока, протекшаго со дня совершенія преступленія, продолжительность срока предварительнаго заключенія, и, близко примыкающія къ этимъ послѣднимъ, соображенія объ отягченіи участи подсудимаго вторичнымъ разсмотрѣніемъ того же дѣла или вторичнымъ наказаніемъ за тоже дѣяніе; административное

взысканіе указано такимъ образомъ въ первой рубрикѣ только, какъ примѣръ.

Вторая рубрика, изъ числа перечисленныхъ, имѣетъ близкое родство съ понятіемъ уголовной давности, третья—съ зачетомъ (въ тѣсномъ смыслѣ слова), допускаемымъ въ извѣстныхъ случаяхъ и закономъ (зачетъ въ тѣсномъ смыслѣ—ст. 968 У. У. С.); четвертая—представляетъ собой соображенія о послѣдствіяхъ приговора; эти послѣдствія, изъятыя изъ вѣдѣнія присяжныхъ все болѣе и болѣе вліяютъ на вердиктъ послѣднихъ, въ силу хроническаго отставанія карательной системы отъ судопроизводственной—и отъ жизни вообще; пятая рубрика—привлеченіе или непривлеченіе соучастниковъ укажетъ случаи, въ которыхъ такъ или иначе отразилось вліяніе того, что можно было бы назвать *относительной справедливостью;* нельзя не замѣтить, что у присяжныхъ очень рѣзко проявляется стремленіе къ тому, чтобы всѣ виновники по одному и тому же дѣлу понесли отвѣтственность по мѣрѣ содѣяннаго безъ льготныхъ исключеній для кого либо изъ равно-виновныхъ.

Шестая, седьмая и восьмая рубрики отмѣчаютъ степень обработанности и доступности матеріала, предлагаемаго присяжнымъ, что всегда имѣетъ свое вліяніе въ пользу или не въ пользу обвиненія. Наконецъ — значеніе характера дѣятельности сторонъ и предсѣдательствующаго во многихъ дѣлахъ выдѣляется столь рельефно, что заслуживаетъ тоже быть отмѣченнымъ.

Для облегченія сравнительнаго обзора всѣхъ анализированныхъ въ таблицѣ процессовъ мною принято, какъ было уже объяснено выше, подсчитываніе однородныхъ данныхъ; по тѣмъ же соображеніямъ и въ третьей части таблицы отведены двѣ рубрики для счета обстоятельствъ, вліяющихъ въ пользу и не въ пользу обвиненія, т. е. положительныхъ и отрицательныхъ мотивовъ рѣшеній. Въ эти рубрики ито-

говъ заносятся однако только данныя 2, 3 и 4 отдѣловъ III части Св. таблицы, какъ содержащихъ въ себѣ мотивы. Внѣ собственно таблицы, но въ непосредственной связи съ записанными процессами, ввидѣ справочныхъ отмѣтокъ, занесены случаи, въ которыхъ наиболѣе рельефно выразилось значенiе для рѣшенiя дѣлъ того или другого личнаго состава присяжныхъ; эти данныя, будучи подъ рукой, могутъ иногда помочь объяснить особенности рѣшенiя, ключъ котораго не удается отыскать во всѣхъ предыдущихъ рубрикахъ; нельзя не сказать, что въ очень многихъ случаяхъ удается подмѣтить, насколько важно въ интересахъ обвиненiя или защиты присутствiе того или другого элемента въ составѣ присяжныхъ. Регистрированiе этого значенiя плюсомъ или минусомъ наугадъ являлось бы совершенно неосновательнымъ, потому что значенiе этихъ факторовъ представляется искомымъ неизвѣстнымъ; вотъ почему наличность въ составѣ иновѣрцевъ, профессоровъ, педагоговъ и т. д. отмѣчается мною какъ и вообще всѣ справочныя данныя I-й части таблицы, дiагональнымъ крестомъ (╳), но нѣтъ сомнѣнiя, что по выработкѣ эмпирическихъ законовъ и ихъ конструкцiи, данныя этихъ послѣднихъ рубрикъ займутъ видное мѣсто и въ свою очередь могутъ дать основанiе для очень интересныхъ и полезныхъ ad legem ferendam обобщенiй. По занесенiи элементовъ каждаго приговора, какъ я уже объяснялъ, послѣдовательно во всѣ три части таблицы въ особую занумерованную строку,—въ той же строкѣ отмѣчаются подъ особыми №№, сдѣланныя частью въ залѣ засѣданiя или на ходу работы т. е. при составленiи таблицъ, выводы, раздѣленные на двѣ группы: о доказательствахъ, повлiявшихъ на убѣжденiе о виновности и о мотивахъ рѣшенiя. Эти предположительныя заключенiя должны въ будущемъ изложенiи явиться матерьяломъ постройки, болѣе или менѣе близкой къ дѣйствительности, системы эмпирическихъ

законовъ, управляющихъ судебной дѣятельностью присяжныхъ.

Для этого заключенія эти заносились на особыя карточки, о которыхъ я уже упоминалъ во введеніи, что давало возможность комбинировать разные эмпирическіе законы, получать обобщенія ихъ и провѣрять въ любой моментъ, благодаря особому алфавиту, всякія гипотезы, какъ новыя, такъ и старыя, о дѣятельности присяжныхъ.

Настоящую главу, посвященную изученію статистическихъ пріемовъ, я закончу описаніемъ другого рода карточекъ, которыя въ отличіе отъ только что упомянутыхъ, заключающихъ въ себѣ текстъ и потому названныхъ мною текстуальными, я называю—схематическими.

Я уже выше началъ объясненіе этихъ схематическихъ карточекъ, указавъ на возможность записывать въ нихъ знаками Сводной таблицы данныя этой таблицы по каждому приговору.

Мы видѣли, какъ записываются на такой карточкѣ доказательства *первичныя*, теперь остается прибавить *вторичныя*—(III группа II части таблицы), а также все содержаніе III части Сводной таблицы).

Для практическаго удобства я поступалъ слѣдующимъ образомъ:

Каждая карточка дѣлится на шесть отдѣленій, причемъ каждое отдѣленіе соотвѣтствуетъ по содержанію извѣстнымъ частямъ Сводной таблицы, что позволяетъ записывать только нумера отдѣловъ и рубрикъ и, значущіяся въ послѣднихъ, отмѣтки (+ и —);—при этомъ верхняя половина карточки заключаетъ данныя І-й и II части Сводной таблицы; на средней линіи отмѣчаются итоги самостоятельныхъ доказательствъ красными цифрами и итоги *выводовъ* (III группа) синими цифрами. Въ нижней половинѣ сосредоточены данныя III части таблицы и подъ ними ихъ итоги. Слѣдовательно, если записывать для примѣра на особой карточкѣ—приго-

воръ подъ № 12, имѣющійся въ образцѣ Сводной таблицы (табл. XIII), то надо сперва приготовить карточку о шести отдѣленіяхъ:

I ч. табл.	вердиктъ		
II ч. табл.	I группа	II группа	III группа
III ч. табл.	2 отдѣл.	3 отдѣл.	4 отдѣл.
	1 отдѣлъ.		

а по вписаніи данныхъ о приговорѣ № 12 получимъ.

3 -2_3 -2_5	-2_3 $4_{1,3,5}$ $5_{1,2}$ 6_2 5 —1	$1_{1,5}$ $2_{3,4}$ -2_5 $2_{6,9,10}$ 7 —1
2_4 +++	3_5 -3_8 3_{12} $-3_{13,15}$ $3_{16,17}$ 6 —	4_6 3

Необходимо обратить вниманіе на то, что для сокращенія записей отмѣчается только минусъ; когда этого знака при цифрѣ нѣтъ, то подразумѣвается плюсъ; цвѣта сохранены тѣже, что и въ Сводной таблицѣ, также, какъ и порядокъ отдѣловъ.

Отдѣлъ первый III части таблицы помѣщенъ особо въ лѣвомъ нижнемъ углу карточки для удобства при группировкахъ карточекъ, такъ какъ онъ даетъ, такъ сказать, юридическій скелетъ всего приговора и на основаніи этихъ трехъ знаковъ въ разныхъ комбинаціяхъ я дамъ особыя группировки приговоровъ при анализѣ доказательствъ и мотивовъ; эти три знака, (въ данномъ случаѣ три плюса), говорятъ на-

глядно, что по приговору № 12 были вполнѣ достовѣрны и событіе преступленія, и составъ его, и фактическая виновность подсудимаго; поэтому получается извѣстный *типъ* приговора, ибо напр. три минуса характеризовали бы особый типъ, совершенно противоположный первому: недостовѣрность всѣхъ этихъ трехъ основныхъ элементовъ вердикта. Но объ этотъ подробнѣе будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ при анализѣ таблицъ, составленныхъ при помощи разныхъ комбинацій этихъ карточекъ, которыхъ 1508—по числу приговоровъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Если составить таблицу (см. таблицу VI) всѣхъ обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ въ числѣ 1508, къ анализу которыхъ я теперь перехожу, распредѣливъ ихъ по годамъ, по мѣсту суда, а также по полу подсудимыхъ, то бѣглый взглядъ на такую таблицу уже покажетъ, что въ виду сравнительно небольшихъ цифръ въ отдѣльныхъ рубрикахъ необходимо уменьшить число послѣднихъ и этимъ сгустить, такъ сказать, ихъ содержаніе, чтобы стали возможны болѣе или менѣе общіе статистическіе выводы.

Первымъ способомъ для этого является, по общепринятому статистическому пріему, сопоставленіе разныхъ итоговъ таблицы между собой.

Это намъ дастъ немного, но все-таки я буду вправѣ сдѣлать слѣдующіе выводы: изъ общаго числа 918 обвинительныхъ приговоровъ 416 послѣдовало при полномъ сознаніи, 502 при неполномъ сознаніи или несознаніи; изъ общаго числа 590 оправдательныхъ приговоровъ при полномъ сознаніи послѣдовало 96 оправданій, а 494—при неполномъ сознаніи и несознаніи.

Такимъ образомъ послѣдняя рубрика дастъ почти равное число обвиненій и оправданій за весь 14-лѣтній періодъ, число же обвиненій при полномъ сознаніи (416) болѣе чѣмъ

въ четыре раза превышаетъ число оправданій при полномъ сознаніи; слѣдовательно, а это очень важно для дальнѣйшихъ выводовъ,—полное сознаніе имѣетъ громадное значеніе на судѣ присяжныхъ; поэтому при оцѣнкѣ доказательствъ и мотивовъ необходимо постоянно выдѣлять эту рубрику; наличность такого фактора представляетъ громадное удобство, такъ какъ это полное сознаніе, въ качествѣ primus agens, является основной категоріей при разныхъ комбинаціяхъ въ области доказательствъ и мотивовъ.

Возьмемъ для примѣра (см. табл. VII) группировку данныхъ шестой таблицы съ точки зрѣнія территоріи, съ которою приговоръ связанъ.

Оцѣнивая сравнительную силу репрессіи вообще, надо принимать во вниманіе, что всѣ случаи оправданія по первому изъ альтернативныхъ вопросовъ отнесены къ оправданіямъ вообще и что такихъ случаевъ, въ которыхъ могутъ скрываться обвинительные, но только смягченные вердикты, отъ 10 до 20% общаго числа оправдательныхъ приговоровъ; если принять въ разсчетъ хотя бы 10% въ смыслѣ обвинительныхъ по существу вердиктовъ при переходѣ ко второму альтернативному вопросу, то получится обвинительный процентъ для провинцій не 52, 87%, а около 62%, для СПбурга не 63, 52%, а около 73% и для Москвы не 56, 54%, а около 66%, что и близко къ истинѣ.

Во всякомъ случаѣ, сдѣлавъ эту оговорку, я далѣе уже буду держаться принятаго дѣленія, по которому всѣ случаи оправданія по первому вопросу, независимо отъ отвѣта на второй, относятся мною къ оправдательнымъ приговорамъ.

Итакъ, сравнивая силу репрессіи по территоріи на основаніи таблицы VII А, мы получаемъ слѣдующій убывающій рядъ: строже всего оказывается СПбургскій судъ присяжныхъ, затѣмъ Московскій и наконецъ провинціальный.

Группировка въ зависимости отъ полнаго сознанія (VII.

Б.) и по числу случаевъ полнаго сознанія (VII. В.) позволяетъ построить ряды, дающіе богатые выводы.

Оказывается, что въ провинціи рѣже всего встрѣчается полное сознаніе на судѣ, но за то, когда оно есть, то присяжные относятся къ нему, какъ къ доказательству рѣшающему (92, 30% обвиненій); здѣсь слѣдовательно въ полной силѣ старый рецептъ: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю" и „сознаніе—лучшее свидѣтельство всего свѣта". Совсѣмъ обратное видимъ въ Москвѣ, гдѣ полное сознаніе чаще всего фигурируетъ на судѣ, какъ доказательство, но имѣетъ не такое обвинительное значеніе, какъ въ провинціи (68, 97%). Петербургъ занимаетъ въ обоихъ отношеніяхъ среднее мѣсто.

Если наблюдать въ тѣхъ же условіяхъ мѣста силу репрессіи въ связи съ неполнымъ сознаніемъ или несознаніемъ (одна общая группа), то послѣдовательность ряда нѣсколько измѣнится; случаевъ неполнаго на судѣ сознанія или несознанія больше всего, какъ и слѣдовало ожидать, въ провинціи, а сила репрессіи по такимъ дѣламъ тамъ всего слабѣе; затѣмъ слѣдуетъ Петербургъ по числу такихъ дѣлъ, но въ Петербургѣ отсутствіе полнаго сознанія присяжныхъ не смущаетъ (надо думать здѣсь обстоятельнѣе и быстрѣе производятся слѣдствія, чѣмъ въ уѣздахъ и Москвѣ) и потому процентъ обвиненій по такимъ дѣламъ выше другихъ. (52, 61%).

Московскіе присяжные стоятъ въ смыслѣ строгости въ срединѣ ряда, но за то здѣсь меньше всего дѣлъ безъ полнаго сознанія. Итакъ въ провинціи боятся сознаться, а въ Москвѣ не боятся; въ Петербургѣ полное сознаніе не имѣетъ особаго значенія ни въ глазахъ подсудимыхъ, ни во мнѣніи присяжныхъ.

Что касается до умѣнья присяжныхъ оріентироваться въ дѣлѣ и вообще рѣшить дѣло при несознаніи или неполномъ

сознаніи, то эта умѣлость особенно замѣтна, какъ можно судить по приведеннымъ цифрамъ, въ Петербургѣ, слабѣе всего въ провинціи.

Наибольшій процентъ оправданій при полномъ сознаніи въ Москвѣ объясняется вполнѣ практикой зачета предварительнаго заключенія; это явленіе стоитъ въ тѣсной связи съ медленностью производства слѣдствій въ Москвѣ и задержкою дѣлъ въ судебной палатѣ, а также недостаточностью личнаго состава и помѣщенія въ судѣ; эти причины приводятъ къ очень позднему слушанію дѣлъ, вслѣдствіе чего присяжные, дѣлая зачетъ, оправдываютъ виновныхъ, а эти послѣдніе, зная, что зачета легче достигнуть при полномъ сознаніи, чаще и чаще сознаются тѣмъ болѣе, что это позволяетъ имъ настаивать на крайности и неимѣніи средствъ къ пропитанію и работѣ.

Итакъ въ общемъ выводѣ на судѣ присяжныхъ отражается высшая культурность въ смыслѣ умѣнья обходиться безъ полнаго сознанія въ столицахъ; съ другой стороны патріархальность нравовъ въ провинціи служитъ тамъ охраной въ томъ смыслѣ, что полное сознаніе влечетъ почти неминуемое обвиненіе, такъ что здѣсь въ сущности еще царитъ старый судебный формализмъ; этотъ формализмъ сопровождается, въ виду сравнительной неудовлетворительности слѣдствій, менѣе сильной, чѣмъ можно было бы ожидать, репрессіей, въ провинціи. Въ общемъ сила репрессіи, насколько она выражается въ цифрахъ, слабѣе въ Москвѣ въ виду медленнаго теченія дѣлъ. Если поэтому мысленно устранить эти, въ значительной степени внѣшнія (устранимыя) причины: плохія слѣдствія и медленность дѣлопроизводства, — то мы получимъ въ качествѣ типа нормальной дѣятельности суда присяжныхъ—судъ Петербурга и силу репрессіи свыше 60%—т. е. именно тотъ процентъ обвиненій, кото-

рый наблюдается на всѣхъ 1508 случаяхъ за всѣ 14 лѣтъ (см. табл. VIII=60, 88% обвиненій).

Сдѣланные мною выше сопоставленія и выводы имѣютъ общій статистическій характеръ т. е. представляютъ собой, какъ я упоминалъ выше макроскопическое изслѣдованіе, вотъ почему, не смотря на только что сдѣланную провѣрку ихъ дедуктивнымъ путемъ, я считаю не лишнимъ остановиться и на обязательномъ при макроскопическомъ изслѣдованіи соображеніи числа случаевъ; мнѣ важно устранить возраженія, что число наблюденныхъ мною случаевъ недостаточно для статистической обработки общепринятыми пріемами.

Отвѣтъ на это возможенъ двоякій: можно сказать, что Москва по числу случаевъ занимаетъ среднее мѣсто и потому по отношенію къ ней вѣроятность ошибки менѣе, чѣмъ по отношенію къ провинціи; съ другой стороны, сдѣланныя, выше характеристики провинціи и Петербурга такъ безспорны, что составляютъ общее мѣсто, почему слабость числа случаевъ для провинціи (174) не можетъ смутить наблюдателя; но я предпочту механическій пріемъ, какъ наиболѣе надежный оплотъ противъ произвольности выводовъ.

Табл. VIII даетъ намъ процентъ, какъ обвинительныхъ, такъ и оправдательныхъ приговоровъ по годамъ, причемъ 1-ыя четыре строки, съ 82-го по 85 годъ включительно, заключаютъ данныя для провинціи, слѣдующія десять строкъ, съ 1884-го (secundo) года по 1893-й включительно, даютъ цифры для Петербурга и послѣднія двѣ строки—для Москвы.

На первый взглядъ можно было бы потребовать сопоставленія—посредствомъ начертанія кривой линіи въ діаграммѣ (къ VIII табл.) силы репрессіи, выразившейся въ таблицѣ VIII съ данными діаграммы **a** (къ таблицѣ III), составленной путемъ обработки матеріала „Свода ст. св.“— но это было бы неправильно.

Эти послѣднія данныя, обнимающія собой всю Россію, благодаря громадному числу случаевъ, не выражаютъ той особенности, которую я изслѣдую; здѣсь (въ діагр. **а** къ III табл.) случилось то, чего справедливо, по замѣчанію Кэтле, опасался пасторъ Лемманъ [1]), а именно, при чрезмѣрномъ обобщеніи предмета исчезли изъ виду частности. Дѣйствительно кривыя діаграммы **а** почти не представляютъ уклоненій.

Вотъ почему представляется на мой взглядъ правильнымъ для сравненія силы репрессіи въ наблюденныхъ мною случаяхъ, съ силой репрессіи, проявившейся въ случаяхъ записанныхъ въ Сводѣ, извлечь изъ Свода для сравненія съ діаграммой къ табл. VIII цифры, соотвѣтствующія сравниваемымъ тремъ территоріямъ за соотвѣтствующіе годы.

Эта работа исполнена въ табл. IX и въ, соотвѣтствующихъ ей, діаграммахъ **а** и **б**., причемъ, естественно, пришлось остановиться на 89 годѣ по изложеннымъ уже ранѣе соображеніямъ [2]).

Разсматривая эти діаграммы, мы видимъ въ нихъ очень большое сходство, какъ въ силѣ репрессіи, такъ и въ общемъ направленіи кривой, несмотря на большую разницу числа случаевъ: 9144 приговора по Своду и 786 приговоровъ мною записанныхъ.

Вотъ то доказательство, которое, по правилу общепринятому въ статистикѣ (Федоровичъ), должно быть признано достаточнымъ для заключенія, что даже при моемъ числѣ случаевъ (786) я вправѣ дѣлать общіе статистическіе выводы.

Но все число записанныхъ мною приговоровъ рав-

---

1) См. выше стр. 157.
2) См. выше стр. 55.

няется 1508 и потому, будучи почти вдвое больше предъидущаго, позволяетъ, несомнѣнно, не только дѣлать общіе выводы, но и надѣяться, что, благодаря умѣренности этого числа, при наблюденіи могутъ обозначиться явленія, обнаруживающія дѣйствіе не только общаго закона, но и законовъ случайныхъ причинъ, каковъ напр., выведенный мною выше, для провинціальныхъ и столичныхъ присяжныхъ.

Къ сожалѣнію нельзя того-же сказать по отношенію къ отдѣльнымъ преступленіямъ; имѣющіяся въ моемъ распоряженіи цифры недостаточны для того, что-бы дѣлать общія цифровыя заключенія о силѣ репрессіи присяжныхъ по отношенію къ отдѣльнымъ родамъ преступленія при размѣщеніи ихъ по годамъ; дѣйствительно эта невозможность вполнѣ наглядно вытекаетъ изъ, составленной для примѣра по табл. X, діаграммы о силѣ репрессіи по грабежу, кражѣ и „другимъ случаямъ кражъ“, что соотвѣтствуетъ по нумераціи Свода №№ 59, 60, 61.

Отчасти недостаточность числа (56 и 119 по №№ 61 и 59), отчасти неравномѣрное распредѣленіе случаевъ по годамъ дѣлаютъ то, что кривыя діаграммы (къ табл. X) не позволяютъ подмѣтить какой либо законосообразности; исключеніе составляетъ діаграмма о кражѣ (№ 60), которая при 596 случаяхъ имѣетъ въ общемъ направленіи кривой и въ силѣ репрессіи сходство съ діаграммой **a** къ табл. IV, гдѣ подъ тѣмъ же 60-мъ нумеромъ дана кривая силы репрессіи по 88034 случаямъ кражи, занесеннымъ въ Свод. ст. свѣд. Отказываясь поэтому отъ цифровыхъ выводовъ для отдѣльныхъ родовъ преступленія по годамъ, я составилъ табл. XI, представляющую общіе итоги за весь періодъ наблюденія, отмѣтивъ въ ней, какъ все число случаевъ по каждому роду преступленій, такъ и процентное отношеніе обвинительныхъ къ оправдательнымъ приговорамъ т. е. общую силу репрессій за всѣ годы.

На основанiи этихъ данныхъ мною была сдѣлана попытка составить убывающіе ряды по силѣ репрессіи по отдѣльнымъ преступленіямъ и по числу отдѣльныхъ родовъ преступленія; далѣе я сопоставилъ какъ тотъ, такъ и другой рядъ съ соотвѣтствующими имъ, по даннымъ общей статистики (къ табл. IV. б и в), рядами и сопоставленіе это показало, что для перваго ряда (по силѣ репрессіи) изъ 24 соотвѣтствующихъ случаевъ только 12 родовъ преступленія слѣдуютъ въ томъ-же убывающемъ порядкѣ т. е., что вѣроятность для отдѣльнаго дѣятеля получить въ его практикѣ, при числѣ случаевъ 1508, такой же убывающій рядъ, какъ и существующій для всей Россіи, по силѣ репрессіи относительно отдѣльныхъ родовъ преступленій—равна половинѣ, по второму-же ряду та-же вѣроятность по отношенію къ частотѣ случаевъ—равна для отдѣльнаго дѣятеля шести седьмымъ. Если, по правилу Лапласа [1]), перемножить эти двѣ вѣроятности, то мы получимъ $^3/_7$, какъ вѣроятность для отдѣльнаго дѣятеля, что въ его практикѣ при 1508 случ. каждый родъ преступленія повторится столько-же разъ и вызоветъ такую-же репрессію, какъ и въ судебной практикѣ Россіи. Дальше такого вывода для отдѣльныхъ преступленій мнѣ, слѣдовательно, идти не приходится и значитъ всѣ дальнѣйшія индукціи могутъ касаться только преступленій и приговоровъ вообще, а не отдѣльныхъ родовъ преступленій за исключеніемъ, впрочемъ, кражи (№ 60); послѣднимъ обстоятельствомъ я воспользуюсь, говоря о рецидивистахъ.—Вотъ почему я не печатаю упомянутые выше ряды, какъ безполезные при изслѣдованіи отношенія присяжныхъ къ отдѣльнымъ преступленіямъ и вообще, не прибѣгая уже къ статистическимъ пріемамъ изслѣдованія отдѣльныхъ преступленій, ограничусь дедуктив-

---

[1]) Систем. Логики. Милль. 72. томъ II.

ными заключеніями по поводу судебныхъ случаевъ, о которыхъ была рѣчь выше и дедуктивной-же провѣркой ихъ, изъ данныхъ общей психологіи присяжныхъ.

II.

Подъ № XII я даю на выдержку въ видѣ образцовъ 10 отдѣльныхъ листовъ, заключающихъ въ себѣ 10 первоначальныхъ таблицъ по нѣкоторымъ выдающимся процессамъ, причемъ въ слѣдующій далѣе подъ № XIII образецъ Сводной таблицы и включены соотвѣтствующіе этимъ процессамъ приговоры (по строкѣ на каждый); это дастъ возможность желающему наглядно представить себѣ, какъ составлялась Сводная таблица на дѣлѣ.

Подробное объясненіе рубрикъ этой таблицы и принятыя для этого въ основаніе теоретическія соображенія были уже изложены выше; здѣсь я только упомяну, что изъ Сводной таблицы я печатаю, кромѣ образцовъ приговоровъ, только заголовокъ и итоги, цифры которыхъ необходимы мнѣ для выводовъ, а не всю таблицу (1508 строк.), т. к. иначе поступить не позволяетъ размѣръ этой таблицы; дѣйствительно, для напечатанія ея въ полномъ размѣрѣ и при ней всѣхъ первоначальныхъ таблицъ потребовалось бы изданіе нѣсколькихъ толстыхъ книгъ очень большого формата, что въ тоже время было бы почти безполезно безъ напечатанія еще нѣсколькихъ тысячъ карточекъ, схематическихъ и текстуальныхъ, неразрывно съ нею связанныхъ.

Принимаясь за разсмотрѣніе итоговъ Сводной таблицы, я перехожу въ область, гдѣ мои цифровые выводы имѣютъ уже не общестатистическій характеръ, а составляются по особымъ пріемамъ, возможнымъ благодаря особымъ болѣе детальнымъ и своеобразнымъ наблюденіямъ (микроскопія);

эти пріемы диктуются еще числовой ограниченностью матеріала, и стоятъ въ связи со спеціальной его обработкой, о чемъ была рѣчь выше. Изслѣдованіе подмѣчаемыхъ единообразій постоянно направляется на изысканіе ихъ причинъ, т. е. на открытіе дѣйствительныхъ эмпирическихъ законовъ. Это изысканіе единообразій и причинъ, хотя совершалось по индуктивному методу, но все время однако, по правилу Милля, имѣлся въ виду запасъ дедуктивныхъ соображеній, подъ эгидой которыхъ индукціи шли какъ-бы при освѣщеніи, но, разумѣется, не на огонекъ, какъ при безотчетномъ мышленіи, а туда, куда влекла ихъ механическая сила фактовъ. „Такимъ образомъ и тогда, когда заключенія, выводимыя изъ спеціальнаго (статистическаго) наблюденія, годны для практическихъ выводовъ въ новыхъ случаяхъ, необходимо, говоритъ Милль, чтобы дедуктивная наука была на стражѣ надъ всѣмъ процессомъ; нужно постоянно обращаться къ ней и получать ея согласіе на всякій выводъ“ [1]).

Первая часть Сводной таблицы заключаетъ въ себѣ обыкновенныя рубрики уголовной статистики; здѣсь я старался избѣжать подраздѣленій, которыя-бы вводили болѣе или менѣе шаткіе признаки, какъ напр. семейный бытъ, образованіе, занятіе, или не имѣющіе особаго значенія, какъ-то: религія, мѣсто и законность рожденія и особыя примѣты, а тѣмъ болѣе не вводилъ родовъ и степеней наказанія; но зато введены рубрики, включающія данныя о характерѣ и числѣ поставленныхъ вопросовъ и о связи между приговорами, вынесенными въ одну и ту-же сессію и т. п. При всякаго рода цифровыхъ соображеніяхъ, благодаря этимъ рубрикамъ, можно будетъ группировать матеріалъ не только въ смыслѣ среднихъ величинъ, но и индивидуализируя его

---

1) L. c. 487. T. II.

т. е. сводя общія группы къ ихъ первоисточнику—живымъ лицамъ, отмѣченнымъ инициалами; также будетъ возможно строить типы приговоровъ, соединяя въ одну напр. группу всѣ дѣла о женщинахъ, несовершеннолѣтнихъ, привилегированныхъ, рецидивистахъ и т. д.

Дѣйствительно, прежде чѣмъ перейти къ крупнымъ обобщеніямъ о доказательствахъ и мотивахъ рѣшеній, не только вполнѣ возможно, но и полезно, предварительно познакомиться съ тѣми оттѣнками, которые замѣчаются въ рѣшеніяхъ присяжныхъ относительно упомянутыхъ выше категорій лицъ; эти оттѣнки представляютъ собой то, что Кетле назвалъ-бы дѣйствіемъ пертурбаціонныхъ силъ: рядомъ съ цифрой, выражающей среднюю силу репрессіи напр. весьма важно поставить слѣва и справа въ ряду—цифры, выражающія повышеніе или ослабленіе строгости суда присяжныхъ по отношенію къ тому или другому преступному типу.

Было-бы ошибочно думать, что несовершеннолѣтній и женщина вызываютъ на судѣ присяжныхъ всегда напр. смягченный приговоръ, рецидивистъ напр.—всегда болѣе суровый; весьма интересно показать, что эти шаблонные взгляды не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью: судъ присяжныхъ, являя собой строгую законосообразность, какъ и сама жизнь, въ то-же время и разнообразенъ, какъ она. При извѣстныхъ условіяхъ преступникъ каждаго типа встрѣчается то съ суровымъ, то съ мягкимъ къ нему отношеніемъ, причемъ и смягченіе выражается то оправданіемъ, то дачею снисхожденія; извѣстное положеніе въ обществѣ, будь это привилегированность состоянія или званіе рецидивиста, то вызываетъ особенно-строгій приговоръ, то, наоборотъ, въ вердиктѣ слышно смягченіе. Эти оттѣнки имѣютъ особое значеніе потому, что они не только не случайны, но проявляются при рельефно-выраженной законосообразности; необходимыя для выясненія и доказательства моей мысли дан-

ныя скомбинированы мною въ пяти слѣдующихъ по порядку таблицахъ.

Въ таблицахъ XIV и XV, представляющихъ выборку изъ Сводной таблицы, исчерпывающимъ образомъ собраны въ наиболѣе удобномъ порядкѣ т. е. съ указаніемъ нумера каждаго приговора, всѣ рѣшенія о женщинахъ, о несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ; такимъ образомъ таблицы эти, взамѣнъ ненапечатанной подлинной Сводной таблицы, могутъ служить самостоятельнымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій объ этихъ трехъ типахъ.

Пользуясь этими таблицами въ связи съ другими данными Сводной таблицы, я имѣлъ возможность въ таблицахъ XVI, XVII скомбинировать въ видѣ убывающихъ рядовъ процентныя числа, выражающія степень строгости присяжныхъ къ разнымъ типамъ преступниковъ. Излагать эти общіе выводы значило бы повторять содержаніе этихъ таблицъ, вотъ почему я укажу только на особенности, обращающія на себя вниманіе по новизнѣ ихъ.

Въ ряду рецидивистовъ женщины встрѣчаются чаще, чѣмъ несовершеннолѣтніе, тогда какъ вообще попадаютъ на скамью подсудимыхъ рѣже послѣднихъ; хотя присяжные обвиняютъ женщинъ рѣже (36, 88%) чѣмъ несовершеннолѣтнихъ (60, 15%, что вѣрно и для рецидива), однако снисхожденіе дается несовершеннолѣтнимъ вдвое чаще, чѣмъ женщинамъ.

Относительно рецидивистовъ—воровъ замѣчается характерное явленіе, что обвиняемый въ третьей кражѣ въ два съ половиною раза чаще получаетъ снисхожденіе, чѣмъ обвиняемый въ четвертой кражѣ; это легко объяснимо, если принять въ разсчетъ, что обвиняемый въ третьей кражѣ въ глазахъ присяжныхъ является лицомъ, еще не оторвавшимся отъ общества; такое колеблющееся положеніе его, связанное обыкновенно съ попытками поправиться матеріально въ

той же мѣстности, гдѣ уже репутація его подорвана, не можетъ не вызывать особаго сочувствія въ присяжныхъ засѣдателяхъ; наоборотъ, обвиняемый въ четвертой кражѣ, въ большинствѣ случаевъ самовольно возвращающійся въ прежнее мѣсто жительства, гдѣ для него ужъ закрытъ путь честнаго труда, представляется чаще всего закоснѣлымъ, безнадежнымъ преступникомъ.

Вѣроятно такія же соображенія заставляютъ присяжныхъ мягко относиться къ рецидивистамъ несовершеннолѣтнимъ, тогда какъ въ отношеніи къ несовершеннолѣтнимъ нерецидивистамъ, они, будучи строги въ признаніи виновности (60,15 %), рѣже даютъ имъ и снисхожденіе (39,11 %), чѣмъ несовершеннолѣтнимъ же рецидивистамъ (41,67 %).

Вообще у присяжныхъ весьма сильно звучитъ педагогическая нотка по дѣламъ несовершеннолѣтнихъ; они понимаютъ, какъ важно для несовершеннолѣтняго на первыхъ порахъ встрѣтить въ судѣ строгую репрессію. Очень интересно отношеніе присяжныхъ къ признанію разныхъ ограничивающихъ обстоятельствъ; вопреки ходячему мнѣнію, присяжные проявляютъ въ этомъ отношеніи большую скупость, такъ напр. крайность признается ими очень рѣдко (7,49 %); вообще при ограниченіяхъ наблюдается характерное явленіе, заключающееся въ томъ, что процентъ ограниченій при неполномъ сознаніи или несознаніи (25,24 %) гораздо выше ограниченій при полномъ сознаніи (13,94 %); изъ этого можно съ нѣкоторымъ правомъ вывести, что и крайность и ограниченіе признаются присяжными на основаніи фактическихъ данныхъ, а не какъ форма смягченія и что, слѣдовательно, дѣлаемые имъ упреки въ тенденціозности въ направленіи смягченій и ограниченій—представляются неосновательными.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе это пріобрѣтетъ большую вѣроятность, если обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ

общемъ убывающемъ ряду (Табл. XVII Б. рядъ 3-й) ограниченія при неполномъ сознаніи (и несознаніи), а также при полномъ сознаніи, расположены симметрично, такъ что каждый изъ этихъ видовъ ограниченій стоитъ по отношенію къ ряду снисхожденій ниже, соотвѣтствующаго ему по характеру показаній подсудимаго, члена этого послѣдняго ряда. Дѣйствительно изъ этого прямо слѣдуетъ, что снисхожденіе вообще дается легче, чѣмъ ограниченіе.

То обстоятельство, что снисхожденіе дается чаще при неполномъ сознаніи и несознаніи, чѣмъ при полномъ сознаніи (32,96% и 18,72%)—тоже приводитъ къ тому выводу, что снисхожденіе не столько зависитъ отъ раскаянія подсудимаго (полное сознаніе), сколько отъ обстоятельствъ дѣла.

Итакъ эмпирическій законъ, дѣйствующій при дачѣ снисхожденія и признаніи ограниченій—одинъ и тотъ же, а именно: эти добавленія къ отвѣтамъ диктуетъ присяжнымъ не поведеніе подсудимаго на судѣ, не симпатія или антипатія къ нему, а обстановка преступленія и данныя личности подсудимаго, насколько эти обстоятельства установлены на судебномъ слѣдствіи и преніяхъ. Относительно привилегированныхъ подсудимыхъ наблюдается, что они занимаютъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ судящихся по незначительности числа (3,91%), слѣдовательно, судятся почти втрое рѣже, чѣмъ даже женщины (10,61%), но обвинительныхъ приговоровъ на ихъ долю приходится 45, 76% общаго числа ихъ; слѣдовательно присяжные относятся къ нимъ строже, чѣмъ къ женщинамъ, (36,88%), но мягче, чѣмъ къ несовершеннолѣтнимъ (60,15%); здѣсь мы опять наталкиваемся на рѣзко-педагогическій оттѣнокъ, характеризующій отношенія присяжныхъ къ несовершеннолѣтнимъ; эта строгость, однако, не увлекаетъ присяжныхъ засѣдателей за предѣлы, такъ какъ общій обвинительный процентъ для взрослыхъ мужчинъ все-таки выше (63,72%).

Въ окончательномъ выводѣ мы видимъ, что мягче всего присяжные относятся къ людямъ, общественное положеніе которыхъ создаетъ для нихъ бо́льшее затрудненіе въ борьбѣ за существованіе, а именно: къ привилегированнымъ, женщинамъ, рецидивистамъ перваго рода (1 ч. 1655) и несовершеннолѣтнимъ рецидивистамъ; затѣмъ слѣдуютъ несовершеннолѣтніе вообще, мужчины и наконецъ рецидивисты второго рода. Дѣлая этотъ выводъ, я, по необходимости, принималъ въ разсчетъ для женщинъ также положеніе ихъ въ общемъ ряду по проценту обвинительныхъ приговоровъ, выпадающихъ на ихъ долю; дѣйствительно, хотя въ ряду, составленномъ по проценту снисхожденій, женщины стоятъ очень низко, а именно рядомъ съ рецидивистами втораго рода, т. е. гораздо ниже несовершеннолѣтнихъ вообще, но я уже имѣлъ выше случай замѣтить по такому же поводу и теперь повторяю, мотивируя болѣе подробно, что обстоятельства дѣла, говорящія въ пользу подсудимыхъ, заставляютъ присяжныхъ вмѣсто простого снисхожденія, даваемаго несовершеннолѣтнимъ (такъ какъ ихъ оправдывать непедагогично),—выносить для женщинъ въ значительномъ числѣ случаевъ оправдательные вердикты; эти обстоятельства дѣла почти всегда сводятся къ даннымъ о зависимости воли или безвыходности экономическаго положенія женщинъ; при этомъ у присяжныхъ относительно послѣднихъ уже нѣтъ, разумѣется, педагогическаго стимула къ обвиненію.

Существуетъ мнѣніе, что переходъ присяжныхъ при альтернативныхъ вопросахъ ко второму вопросу, къ признанію, слѣдовательно, менѣе тяжкаго дѣянія или вины, является почти всегда формой смягченія; есть даже практики, которые полагаютъ, что при постановкѣ второго условнаго вопроса дѣло обвиненія по первому уже проиграно; съ своей стороны защитники подсудимыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, рискуя интересами кліентовъ своихъ,

уклоняются отъ ходатайствъ о постановкѣ условныхъ вопросовъ и находятъ, что судъ, ставя ихъ, какъ бы уловляетъ присяжныхъ и подсудимыхъ; послѣднія два мнѣнія представляются совершенно невѣрными, а первое положеніе можно допустить только съ значительными ограниченіями; на самомъ дѣлѣ, если переходъ ко второму вопросу и представляетъ собой въ рѣдкихъ случаяхъ смягченіе, то съ другой стороны, наблюдаются, какъ случаи (8 на 108) обвиненія по первому и оставленія безъ отвѣта втораго, такъ и случаи совершеннаго оправданія по обоимъ альтернативнымъ вопросамъ (14 на 108). Для детальнаго разсмотрѣнія, занимающаго насъ явленія, я составилъ табл. XVIII, при этомъ я долженъ напомнить, что по Сводной таблицѣ въ случаѣ оправданія по 1-му вопросу, даже при обвиненіи по второму вопросу, приговоръ все таки зачислялся въ разрядъ оправдательныхъ и что далѣе, въ слѣдующихъ частяхъ той же таблицы производился анализъ доказательствъ и мотивовъ, относящихся только къ первому вопросу; такъ напр. въ первомъ отдѣлѣ третьей части плюсами или минусами выражается вѣроятность наличности событія и признаковъ преступленія, а также фактической виновности въ преступленіи, описанномъ въ главномъ или первомъ (изъ альтернативныхъ) вопросѣ. Въ таблицѣ XVIII намъ придется, сохраняя отмѣтки этого отдѣла, помѣстить для наглядности случаи обвиненія по второму вопросу въ особой рубрикѣ обвинительныхъ приговоровъ, чтобы они не смѣшались со случаями оправданія по вторымъ вопросамъ.

Всѣхъ случаевъ постановки альтернативныхъ вопросовъ было, какъ видно изъ Сводной таблицы—108; о первыхъ восьми случаяхъ, въ которыхъ послѣдовало обвиненіе по первому, несмотря на существованіе втораго вопроса, я уже вспоминалъ выше ради успокоенія мнительныхъ обвинителей, затѣмъ слѣдующіе 14 случаевъ могутъ быть указаны для

укрѣпленія защитниковъ въ добросовѣстныхъ усиліяхъ содѣйствовать судебной правдѣ, вмѣсто азартной игры на оправданіе, равносильной укрывательству преступленія. Оставляя въ сторонѣ эти первые 8 (обвинительныхъ) случаевъ, будемъ анализировать 14 случаевъ оправданія по 1-му и 2-му вопросу (полнаго оправданія) и 86 случаевъ оправданія по первому и обвиненія по второму (неполное оправданіе).

Сличеніе двоякаго рода выводовъ,—составленныхъ въ связи съ характеромъ показаній подсудимаго, и безъ этой связи, выводовъ, въ которыхъ отдѣлены случаи, когда оправданіе по первому вопросу представлялось смягченіемъ, а также отмѣчено процентное отношеніе послѣднихъ къ общему числу оправданій,—покажетъ намъ, что число случаевъ, когда переходъ ко второму вопросу вызывается только снисходительнымъ отношеніемъ къ подсудимому, независимо отъ доказательствъ виновности, колеблется между предѣлами отъ 7,14% до 11,94%. Особнякомъ стоитъ рубрика полнаго сознанія, изъ которой видно, что при полномъ сознаніи въ двухъ случаяхъ изъ семи (28,57%) переходъ ко второму вопросу съ обвиненіемъ по нему имѣлъ характеръ смягченія.

Я ставлю эти случаи особнякомъ потому, что постановка альтернативныхъ вопросовъ при полномъ сознаніи составляетъ неправильность со стороны суда и, слѣдовательно, представляется для присяжныхъ такимъ соблазномъ, (если это соблазнъ), котораго легко и слѣдуетъ избѣгать.

Тѣмъ не менѣе и эта цифра 28,57%, если ее поставить въ ряду обстоятельствъ, влекущихъ снисхожденіе, окажется ниже снисхожденія, оказываемаго рецидивистамъ перваго рода и несовершеннолѣтнимъ вообще; съ другой стороны остальные процентные выводы о смягченіи, установленные въ зависимости отъ характера показаній подсудимаго, какъ неподнимающіеся выше 11,94%, оказываются далеко ниже въ ряду снисхожденій, даже послѣдняго члена этого

ряда рецидивистовъ втораго рода (см. табл. XVII Б. рядъ 1-й).

Если къ этому прибавить, что на всѣ 100 случаевъ оправданія по первому вопросу приходится здѣсь только 10 случаевъ смягченія въ общей суммѣ ихъ т. е. 10 %, то, разумѣется, такой выводъ можетъ успокоить самыхъ нервныхъ обвинителей. особенно, если принять въ разсчетъ, что изъ этихъ 10-ти случаевъ смягченія въ 9-ти случаяхъ послѣдовало обвиненіе по второму вопросу и только въ одномъ (въ цифрѣ 14) полное оправданіе; другими словами только въ одномъ случаѣ на сто, при стеченіи особо—благопріятныхъ для подсудимаго условій, присяжные склоняются на сторону подсудимаго въ ущербъ правосудію. Заканчивая обозрѣніе этой таблицы, я не могу не указать, что смягченія, о которыхъ идетъ рѣчь, ни разу не встрѣчаются при неполномъ сознаніи, а полнаго освобожденія по первому и второму вопросу при полномъ сознаніи не встрѣчалось вовсе; это говоритъ въ пользу того, что при сколько нибудь достовѣрной винѣ не было ни одного случая полнаго освобожденія подсудимаго. Разумѣется я утверждаю это только въ предѣлахъ разсматриваемыхъ мною 108-ми случаевъ постановки альтернативныхъ вопросовъ.

III.

Уже на первый взглядъ видно, что вторая и третья часть Сводной таблицы имѣютъ между собой гораздо болѣе общаго, чѣмъ съ первою частью; эта послѣдняя, какъ я уже не разъ замѣчалъ, чисто справочнаго характера, тогда какъ въ послѣднихъ двухъ, при самомъ занесеніи въ данную, рубрику свѣдѣній, послѣднія получаютъ свою особую оцѣнку.

Сообразно этому, кромѣ обыкновеннаго ариѳметическаго итога, мы видимъ здѣсь, что общій итогъ каждой отдѣльной

рубрики распадается на четыре отдѣльныхъ итога; эти четыре итога дѣлятся на двѣ группы по два въ каждой; группа, ближайшая къ чертѣ общаго итога, заключаетъ въ себѣ всѣ обстоятельства или мотивы, говорившіе въ пользу подсудимаго или во вредъ ему въ дѣлахъ, окончившихся оправдательнымъ приговоромъ; вторая группа заключаетъ въ своихъ двухъ строкахъ, такія же данныя, фигурировавшія въ дѣлахъ съ обвинительнымъ приговоромъ; итакъ, въ верхнемъ ряду каждой группы сосредоточены обстоятельства, говорившія въ пользу подсудимаго,—слѣдовательно, въ оправдательной группѣ обстоятельства, приведшія къ рѣшенію, записаны въ верхней строкѣ, а въ обвинительной группѣ—обратно, въ нижней строкѣ, т. е. обстоятельства перевѣсившія, такъ сказать—въ крайнихъ строкахъ; дополнительныя строки каждой группы (среднія) сосредоточиваютъ въ себѣ факты и мнѣнія, говорившія противъ послѣдовавшаго рѣшенія, но устраненные присяжными; такъ напр. возьмемъ рубрику прямое обвиненіе потерпѣвшимъ (II часть I группа 3 отд. 1 рубрика) [1]: обвинительныхъ приговоровъ, построенныхъ при существованіи такого доказальства было 192+ +4=196, но основано было на этомъ доказательствѣ только 192 приговора, въ четырехъ же случаяхъ обвинительный приговоръ основанъ былъ на другихъ данныхъ, такъ какъ присяжные не повѣрили потерпѣвшему.

Въ той-же рубрикѣ въ верхней группѣ значится 140+3, а всего 143 оправдательныхъ приговора, причемъ видно, что хотя въ 140 случаяхъ присяжные отнеслись съ довѣріемъ къ обвиненію потерпѣвшаго, но не основали на немъ приговора, а въ 3-хъ случаяхъ прямое обвиненіе потерпѣвшаго было ими истолковано въ пользу подсудимаго т. е.

---

[1]) Для краткости будетъ означаться II ч. I 3_1.

вызвало недовѣріе и, разумѣется, тоже оправдательный приговоръ.

Общій итогъ этой рубрики составляютъ, слѣдовательно, 339 случаевъ; но если-бы мы пожелали выразить вѣроятность того, что данное доказательство, т. е. прямое обвиненіе потерпѣвшаго, ляжетъ въ основаніе обвинительнаго приговора, то намъ пришлось-бы цифру 339 написать въ знаменателѣ дроби, числителемъ которой была-бы цифра 192, выражающая число случаевъ, когда обвиненіе потерпѣвшаго было не только принято присяжными, но и вызвало обвинительный вердиктъ. Вѣроятность оправдательнаго приговора, при данныхъ условіяхъ, выразилась-бы цифрой 140 въ числителѣ и 339 въ знаменателѣ; есть, разумѣется, полная возможность, выразивъ эти два рода вѣроятности, что мною сдѣлано въ видѣ десятичныхъ дробей для обвинительной вѣроятности, и затѣмъ, перемноживъ послѣднюю съ дробью, выражающей вѣроятность, что данныя доказательства встрѣтятся въ процессѣ (въ нашемъ примѣрѣ $^{339}/_{1508}$),—получить, по правилу Лапласа [1]), для каждаго отдѣльнаго приговора изъ общаго числа 1508-ми вѣроятность наступленія этого доказательства и построенія на немъ обвинительнаго приговора. Въ этомъ смыслѣ могутъ быть даже составлены ряды, въ которыхъ каждая вѣроятность заняла-бы свое мѣсто выше или ниже, но я, прилагая для наглядности такіе ряды [2]), готовые для перемноженія, нахожу излишнимъ идти далѣе этимъ путемъ; Милль очень рѣзко осуждаетъ приложеніе вычисленій вѣроятности къ достовѣрности свидѣтелей и правильности приговора присяжныхъ [3]) и, приводимыя имъ соображенія, дѣйствительно, приводятъ къ мысли о томъ,

---

[1]) 72. т. II. Система Логики. Милль.
[2]) Таб. XIX Аа и Бб и XX В. в.
[3]) L. c. т. II. 66.

что такая работа имѣла-бы весьма сомнительное научное значеніе.

Вообще нельзя не сказать, что пользованіе цифрами, столь опасное въ работѣ, подобной настоящей, представляется, однако, въ высшей степени увлекающимъ.

Есть даже случаи, когда нѣтъ никакой возможности уклониться отъ цифровыхъ комбинацій, напр. при изслѣдованіяхъ, производимыхъ—horribile dictu—въ области доказательствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представлялось-бы серьезнымъ пробѣломъ не сдѣлать попытки выяснить цифровой законъ, въ силу котораго дѣйствуетъ такой важный факторъ, какъ число источниковъ достовѣрности. Предвидя эту необходимость, я, при составленіи Сводной таблицы, отмѣчалъ въ видѣ итоговъ число источниковъ достовѣрности, раздѣляя ихъ на двѣ рубрики со знакомъ + или —, смотря потому, признанъ-ли былъ источникъ, дѣйствительно, дающимъ улику, или-же онъ по недостовѣрности своей, или-же ввиду оправдательнаго характера оказывалъ вліяніе въ пользу подсудимаго; точно также поступалъ я и относительно итоговъ, заканчивающихъ въ Сводной таблицѣ третью группу второй части т. е. улики вторичныя, заключающіяся въ выводахъ присяжныхъ.

Нельзя не отмѣтить теперь-же, что, если приводить положительные и отрицательные итоги источниковъ достовѣрности, ради возможности пользоваться ими къ одной цифрѣ, какъ это принято въ статистикѣ для составленія рядовъ, то нерѣдки случаи, что даже при обвинительныхъ приговорахъ получаются отрицательныя числа; на первый взглядъ такой результатъ представляется абсурдомъ, на самомъ-же дѣлѣ это означаетъ только, что самое число источниковъ для даннаго вердикта значенія не имѣло, а обвиненіе было вызвано наличностью вторичныхъ доказательствъ; разумѣется ни одинъ выводъ не можетъ быть построенъ безъ почвы: всякое вторичное доказательство должно имѣть свои корни

въ первичномъ напр. присяжный засѣдатель можетъ прійти къ заключенію о тождествѣ подсудимаго съ лицомъ, временно задержаннымъ на мѣстѣ преступленія и скрывшимся, хотя-бы ни одинъ свидѣтель этого тождества не удостовѣрилъ и матеріалъ для такого умозаключенія, разумѣется, будетъ имъ почерпнутъ изъ отрывочныхъ свѣдѣній, даваемыхъ свидѣтелями или документами, иногда даже изъ поведенія подсудимаго на судѣ; но вести такъ далеко вглубь изслѣдованіе и счетъ источниковъ достовѣрности значило-бы опуститься въ область безконечнаго, неуловимаго и неисчислимаго; вотъ почему я свой счетъ источниковъ достовѣрности ограничилъ видами доказательствъ, т. е. осязательными фактами въ родѣ наличности свидѣтельскихъ показаній, документовъ и тому подобныхъ доказательствъ,—всѣ остальныя улики отошли къ „выводамъ“, которые и являются, поэтому, естественнымъ дополненіемъ источниковъ достовѣрности. Итакъ, отрицательныя величины въ рядахъ источниковъ достовѣрности при обвинительныхъ приговорахъ также, какъ и высокія цифры этихъ источниковъ въ оправдательныхъ приговорахъ, не должны смущать изслѣдователя.

Такъ какъ необходимо имѣть возможность наблюдать числовой законъ источниковъ достовѣрности, если его удастся открыть, не только отдѣльно, но и въ связи съ дѣйствіемъ закона, по которому вліяетъ число вторичныхъ доказательствъ (выводовъ), то я расположилъ число приговоровъ въ градусной сѣткѣ такимъ образомъ, что въ горизонтальныхъ полосахъ означаются цифры итога источниковъ достовѣрности (отъ — 2 и — 1 до + 7 и + 9), а въ вертикальныхъ полосахъ—цифры итога *выводовъ*; слѣдовательно, всякое число приговоровъ, означенное на перекрещеніи горизонтальной и вертикальной полосъ, занимаемымъ имъ мѣстомъ означаетъ, что столько то приговоровъ состоялось при такомъ то числѣ источниковъ достовѣрности (горизонтальная запись) и при такомъ то числѣ „выводовъ“

(вертикальная запись). Внизу каждаго четыреугольника подведены итоги общаго числа приговоровъ—разбитые на группы—по *градусу* (цифра итога) выводовъ, а справа значатся итоги по *градусу* источниковъ достовѣрности. Въ сѣткахъ на табл. XXI мы имѣемъ всѣ обвинительные приговоры въ числѣ 918, разбитые по типамъ + + + и + — +, а также по разнымъ видамъ сознанія и несознанія.

Обозрѣніе этой таблицы позволяетъ заключить, что наибольшее число источниковъ достовѣрности и меньшее вообще число вторичныхъ доказательствъ (выводовъ) наблюдается при полномъ сознаніи, затѣмъ при неполномъ сознаніи; что касается разныхъ формъ несознанія, то при отрицаніи фактовъ обвиненія присяжные требуютъ для обвиненія меньше источниковъ достовѣрности и бо́льшаго числа выводовъ, чѣмъ при неполномъ сознаніи и также поступаютъ и далѣе, такъ что голословное отрицаніе виновности, а затѣмъ и полный фактическій разсказъ, несоотвѣтствующій обвиненію, все менѣе и менѣе вызываютъ потребность для обвиненія въ усиленіи числа источниковъ достовѣрности и все усиливаютъ число вторичныхъ доказательствъ.

Логичность этихъ выводовъ говоритъ сама за себя, но для меня очень важно, что эта законосообразность приговоровъ присяжныхъ сказывается такимъ образомъ во всей своей разумности языкомъ цифръ, т. е. вполнѣ объективно.

Число обвиненій при типѣ + — + слишкомъ незначительно и закона не даетъ, но онъ былъ бы другой, насколько можно судить по таблицѣ, что и понятно, такъ какъ въ дѣлахъ этихъ (14 и 4) замѣчались юридическія сомнѣнія въ составѣ преступленія (+ — +) при достовѣрности какъ событія преступленія, такъ и фактической виновности. Замѣченный при обозрѣніи обвиненій по типу + + + по таблицѣ XXI общій законъ, хотя и не такъ рѣзко, но видимо подтверждается и на таблицахъ XXII и XXIII, гдѣ

сосредоточены случаи оправданія по всѣмъ типамъ. Эти крайне трудныя по содержанію группировки были произведены совершенно механически посредствомъ схематическихъ карточекъ; но останавливаться на этихъ таблицахъ въ виду недостаточно рѣзкой формулировки закона было бы преждевременно.

Поэтому оставляя таблицу XXIII, какъ содержащую въ себѣ слишкомъ сложные (и поэтому неудобные въ данномъ случаѣ) типы, до недостовѣрности событія, состава преступленія и виновности включительно (— — —), я сравню таблицы XXI и XXII между собою, что въ особенности удобно потому, что по типу таблица обвиненій (+ + +) отличается отъ таблицы оправданій только недостовѣрностью фактической виновности (+ + —) въ 167 случаяхъ. Для этого сравненія удобно сгустить, такъ сказать, цифры, уничтоживъ различія по характеру показанія подсудимаго. Сдѣлано это въ таблицѣ XXIV, гдѣ получились для послѣдовательнаго сравненія особыя таблички. Здѣсь для ясности источникамъ достовѣрности и выводамъ возвращены ихъ цвѣта по Сводной таблицѣ. Сравнимъ по очереди всѣ четыре таблички въ такомъ порядкѣ: А (обвиненіе) съ Б (оправданіе); затѣмъ Б и В (тоже оправданіе) между собой и наконецъ Г (обвиненіе) 900 случаевъ съ Д (оправданіе) 174 случая.

Бѣглое сравненіе растущихъ и убывающихъ рядовъ, т. е. нижнихъ и боковыхъ итоговъ этихъ табличекъ, покажетъ въ общемъ, что при оправданіяхъ оправдательныхъ выводовъ бо̀льшее число, чѣмъ при обвиненіяхъ на 2 и даже 4 ступени и что maximum числа источниковъ достовѣрности при обвиненіяхъ выше на одну ступень, чѣмъ при оправданіяхъ. Чтобы сдѣлать болѣе точное сравненіе, сопоставимъ непосредственно другъ съ другомъ боковые, а затѣмъ и нижніе итоги числа приговоровъ.

Это исполнено въ таблицѣ XXV А. Б.

Послѣдовательное обозрѣніе въ рядахъ сперва источниковъ достовѣрности (А), а затѣмъ выводовъ (Б) приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: цифра источниковъ достовѣрности (абсолютная), также какъ и цифра выводовъ, никакого значенія не имѣетъ сама по себѣ, а имѣетъ только то относительное значеніе, о которомъ уже было говорено; также наблюдается нѣкоторая правильность повышенія въ ряду числа приговоровъ до извѣстнаго предѣла (maximum) и затѣмъ постепенное паденіе этого числа, причемъ максимальные члены одного ряда (1-го опр. и 2-хъ обвинит. приговоровъ) постоянно выше на одну и на двѣ (167 случаевъ недостовѣрности фактической виновности типа: + + —) ступени соотвѣтствующихъ членовъ другого ряда (цифры оправдательныхъ приговоровъ). При сравненіи двухъ рядовъ оправдательныхъ приговоровъ между собой по выводамъ (нижніе итоги XXV Б) оказывается, что при одинаковыхъ ступеняхъ по числу источниковъ достовѣрности оправдательные приговоры, построенные на недоказанной фактической виновности гораздо богаче оправдательными выводами, чѣмъ оправдательные приговоры по типу + + +.

Наконецъ при сравненіи по выводамъ (Б) наиболѣе полныхъ группъ, а именно всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ (900) со всѣми оправдательными, имъ соотвѣтствующими, въ числѣ 174, видно, что выводы при обвинительныхъ приговорахъ постоянно подымаются при сравненіи соотвѣтствующихъ (максимальныхъ) членовъ ряда на 2 и 3 ступени т. е. на одну и двѣ лишнія ступени сравнительно съ ростомъ источниковъ достовѣрности.

При обозрѣніи этихъ рядовъ вообще замѣчается иногда нѣкоторая неправильность въ томъ или въ другомъ членѣ ряда по числу приговоровъ, или даже по мѣсту его въ ряду. Эти неправильности могутъ быть съ большою вѣроятностью

отнесены къ дѣйствію мотивовъ рѣшеній, которое пока не принимается мною въ разсчетъ, но, несомнѣнно, весьма значительно; законъ этого дѣйствія, разумѣется, труднѣе уловимъ, чѣмъ разсматриваемые нами факторы; но объ этомъ рѣчь впереди.

Изъ всего предъидущаго можно сдѣлать слѣдующее окончательное заключеніе: число источниковъ достовѣрности и число обвинительныхъ выводовъ (вторичныхъ доказательствъ), не имѣя само по себѣ рѣшающаго значенія, въ своемъ увеличеніи однако (если не принимать въ разсчетъ игру мотивовъ) неуклонно стремятся [1]) вызвать большее количество обвинительныхъ приговоровъ, что и наступаетъ, когда число достовѣрностей поднимается выше на одну ступень, а число выводовъ еще выше (чаще всего на 2 ступени) сравнительно съ цифрой тѣхъ же источниковъ достовѣрности или выводовъ, при которой имѣетъ мѣсто оправдательный приговоръ.

IV.

Выше, въ главѣ III, я довольно подробно изложилъ соображенія, по которымъ источники достовѣрности, хотя и представляютъ собой не только удобную, но и единственную единицу счета (въ точномъ смыслѣ этого слова), всетаки не могутъ послужить единственнымъ основаніемъ для изслѣдованія системы доказательствъ, практикуемой присяжными; тамъ же [2]) на рядѣ примѣровъ было выяснено, что одно и то же доказательство (независимо отъ содержанія его разсматриваемое) вѣситъ то больше, то меньше въ зависимости отъ тѣхъ комбинацій съ другими доказательствами,

---

[1]) Такой способъ формулировки закона справедливо считается Миллемъ единственно правильнымъ. Сист. логики. Т. I. стр. 50Ɔ.

[2]) Стр. 187.

въ которыхъ оно выступаетъ; тогда же было установлено, что полная разработка теоріи доказательствъ, дѣйствующей на судѣ присяжныхъ, должна обнимать собою всѣ рубрики второй части Сводной таблицы.

Часть этой работы была исполнена выше, причемъ я, намѣтивъ чисто-математическій путь для опредѣленія сравнительной силы доказательствъ, отнесся къ нему отрицательно.

Дѣйствительно, только изслѣдованіе источниковъ достовѣрности въ связи съ „выводами" дало въ результатѣ приблизительное обобщеніе, соотвѣтствующее рецепту Милля, такъ какъ формула его есть выраженіе присущаго явленіямъ стремленія; сообразно съ этой формулой оказываются возможными, какъ и при дѣйствіи законовъ природы приблизительныя предсказанія; относительно же ряда вѣроятностей, составляющаго послѣднюю горизонтальную графу Сводной таблицы нельзя сказать даже этого, ибо что такое, напримѣръ, хотя бы самая точная вѣроятность $\frac{339}{1508} \times 0{,}57$, полученная нами для прямаго обвиненія потерпѣвшимъ?

Слишкомъ отвлеченный характеръ этого выраженія не позволяетъ заключить даже, предполагается ли при этомъ участіе другихъ доказательствъ и даже наличность или отсутствіе сознанія; послѣднее обстоятельство въ особенности важно, такъ какъ на судѣ съ присяжными всегда съ доказательствами сосуществуетъ показаніе подсудимаго.

Поэтому, стараясь подойти къ своей задачѣ наиболѣе жизненно, я долженъ считаться съ тѣмъ, что въ судебныхъ дѣлахъ рядомъ съ primus agens—показаніемъ подсудимаго—доказательства представляются то по одиночкѣ, то въ болѣе или менѣе сложныхъ комбинаціяхъ.

Было бы чрезвычайно удобно получить группы обвиненій и соотвѣтственно имъ группы оправданій при однѣхъ и тѣхъ же комбинаціяхъ или тѣхъ же одиночныхъ доказательствахъ;

это дало бы возможность примѣнить, разумѣется, не въ чистомъ видѣ тотъ косвенный методъ различія, который не безъ основанія такъ рекомендуется Миллемъ.

Таблица XXVI даетъ намъ наглядно всѣ данныя для такихъ сопоставленій. Здѣсь мы видимъ, что всѣ приговоры разбиты на два отдѣла: съ одной стороны расположены обвинительные и оправдательные приговоры, въ которыхъ различныя доказательства сочетались съ полнымъ сознаніемъ подсудимаго, въ другой рубрикѣ показаны такія же сочетанія съ неполнымъ сознаніемъ или несознаніемъ; дѣйствительно, только полное сознаніе въ ряду доказательствъ можетъ быть рѣзко выдѣлено; сознаніе неполное представляется на судѣ въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ, незамѣтно переходя въ несознаніе; кромѣ того неполное сознаніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно правдиво т. е. дается въ отвѣтъ на чрезмѣрно-приподнятое обвиненіе, все-таки производитъ общее впечатлѣніе чего то неискренняго; вотъ почему оно само по себѣ не можетъ быть рѣшающимъ доказательствомъ, да и доказательствомъ вообще является только въ концѣ слѣдствія уже по разсмотрѣніи другихъ, опредѣляющихъ его характеръ, доказательствъ; слѣдовательно, самое содержаніе его въ смыслѣ источника истины вкладывается въ него присяжными. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отдѣлѣ XXVI таблицы показаны отдѣльно сперва одиночныя улики, а затѣмъ все болѣе и болѣе сложныя комбинаціи ихъ, причемъ противъ каждой группы поставлено число обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ, ей соотвѣтствующее, а также обвинительный процентъ. Обозрѣніе таблицы и сопоставленіе ея итоговъ позволяютъ сдѣлать слѣдующее заключеніе о значеніи полнаго сознанія: при 416 обвиненіяхъ при полномъ сознаніи наблюдается 96 оправданій т. е. обвинительный процентъ равенъ 81,25; съ другой стороны 502 обвиненіямъ при неполномъ созна-

ніи и несознаніи соотвѣтствуетъ 494 оправданія т. е. обвинительный процентъ равенъ 50,40.

Эта послѣдняя цифра вполнѣ подтверждаетъ высказанное мною выше мнѣніе, что неполное сознаніе или несознаніе въ сущности не рѣшаетъ дѣла, полное же сознаніе имѣетъ громадное рѣшающее значеніе. Если смѣшать обѣ группы и сравнивать между собой всѣ 512 приговоровъ при полномъ сознаніи съ 996-ю приговорами при неполномъ сознаніи и несознаніи, то окажется, что полное сознаніе дается въ одномъ случаѣ изъ 3-хъ (33,95%).

Разсматривая ближе первый отдѣлъ, интересно сличать отношенія различныхъ доказательствъ между собой по силѣ убѣдительности ихъ, что выражается цифрой обвинительнаго процента, такъ напр. показаніе потерпѣвшаго представляется слабѣе показанія очевидца или вообще свидѣтелей и даже вообще всѣхъ другихъ доказательствъ и ихъ комбинацій; повторю замѣчанія, которыя я уже не разъ дѣлалъ, что ничтожность цифръ въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, не должна смущать наблюдателя, какъ потому, что эти цифры уже очищены отъ случайностей при составленіи Сводной таблицы, такъ, напримѣръ, мною взятъ, какъ это только что было указано, чистый случай (методъ разницы) т. е. случай, гдѣ былъ исключительно одинъ потерпѣвшій, такъ наконецъ и въ виду того, что въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ распредѣленіе по рядамъ позволитъ указать на причину слабости показанія потерпѣвшаго, а именно—на тенденціозность его, по мнѣнію присяжныхъ, всегда существующую; такъ какъ дѣло идетъ о приговорахъ, при полномъ сознаніи постановляемыхъ, то, предполагая остальные мотивы рѣшеній равными, остается заключить, что появленіе потерпѣвшаго на судебномъ слѣдствіи, когда уже нѣтъ сомнѣнія въ винѣ, будучи лишнимъ, какъ доказательство, можетъ только оказаться вреднымъ для обвиненія.

Очевидецъ и прямыя улики при полномъ сознанiи имѣютъ силу гораздо высшую въ общемъ, чѣмъ при сознанiи неполномъ или при несознанiи, что совершенно понятно, и даже косвенныя улики, за исключенiемъ соединенныхъ съ экспертизой, сильнѣе соотвѣтствующихъ уликъ второго отдѣла разсматриваемой таблицы.

Тутъ мы наталкиваемся на фактъ, который получитъ далѣе надлежащее освѣщенiе и подтвержденiе, что экспертиза даже при косвенныхъ уликахъ, которыя, отдѣльно взятыя, въ обоихъ отдѣлахъ сильнѣе прямыхъ,— вноситъ столь сильный элементъ сомнѣнiя даже при полномъ сознанiи, что оказывается слабѣе всѣхъ другихъ доказательствъ. Мы еще встрѣтимся далѣе съ тѣмъ, что доказательство посредствомъ косвенныхъ уликъ, какъ это видно и на этой таблицѣ, при всѣхъ условiяхъ и во всякихъ сочетанiяхъ сильнѣе прямыхъ, имъ соотвѣтсвующихъ.

Высота обвинительнаго процента при оговорѣ въ соединенiи съ косвенными уликами, притомъ оговорѣ, исходящемъ отъ сознавшагося соучастника, разумѣется, объясняется тѣмъ, что такой оговоръ въ сущности дубликатъ полнаго сознанiя, уже принесеннаго обвиняемымъ; гораздо интереснѣе поэтому разсмотрѣть оговоръ во второмъ отдѣлѣ, гдѣ онъ представляется въ двухъ видахъ: исходящимъ отъ сознавшагося невполнѣ и—отъ несознавшагося вовсе по отношенiю къ такому же соучастнику. Не надо забывать, что здѣсь предполагается сознанiе неполное, о которомъ ужъ было сказано выше, что оно втеченiи всего судебнаго слѣдствiя представляется подозрительнымъ, поэтому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ причинъ предполагать злобныя чувства въ полусознающемся подсудимомъ или вообще какую либо тенденцiю, все-таки подсудимый представляется присяжнымъ, стоящимъ слишкомъ близко къ дѣлу, чтобы предположить въ немъ безкорыстное стремленiе къ истинѣ. Наоборотъ

оговоръ, сдѣланный несознавшимся, легко можетъ быть понятъ, какъ вынужденная самозащита невинно-обвиняемаго т. е. поступокъ правомѣрный; вовсе несознавшійся, такимъ образомъ, дѣлающій оговоръ, менѣе подозрителенъ для присяжныхъ, чѣмъ оговорщикъ сознавшійся, такъ какъ его отрицаніе, пока оно не опровергнуто, есть доказательство въ его пользу.

Въ силу тѣхъ-же соображеній и потерпѣвшій, обвиненіе котораго, повторенное передъ присяжными, противъ принесшаго полное сознаніе, производитъ впечатлѣніе лишняго, а слѣдовательно тенденціознаго нападенія—здѣсь, въ виду необходимости борьбы съ несознающимся или хитрящимъ подсудимымъ, пріобрѣтаетъ бо̀льшій вѣсъ, становится даже выше очевидца. Къ очевидцу я не разъ еще вернусь, такъ какъ при несознаніи или неполномъ сознаніи, это вообще самое опасное доказательство (10 %); очевидцу предъявляются такія требованія со стороны присяжныхъ, удовлетворить которымъ почти не въ состояніи самый осторожный и правдивый свидѣтель; вотъ почему появленіе очевидца въ дѣлѣ безъ полнаго сознанія почти всегда ставитъ процессъ на карту.

Таблица XXVI А даетъ убывающій рядъ вѣроятности признанія достаточнымъ даннаго доказательства или его комбинацій; изъ этого ряда исключены 8 обвинительныхъ приговоровъ и одинъ оправдательный, въ виду того, что ничтожность цифръ числа приговоровъ сопровождается тѣмъ, что для обвинительныхъ приговоровъ данной категоріи нѣтъ соотвѣтствующихъ оправдательныхъ и обратно, а также не вошли въ таблицу изъ общаго числа приговоровъ тринадцать обвинительныхъ приговоровъ при полномъ сознаніи и 154 обвинительныхъ и 108 оправдательныхъ изъ второго отдѣла, такъ какъ они не представляютъ подходящихъ подъ рубрики нашей таблицы доказательствъ.

Росположеніе доказательствъ и ихъ комбинацій въ одномъ убывающемъ ряду даетъ возможность сдѣлать цѣлый рядъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ выводовъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что доказательства перваго отдѣла, т. е. при полномъ сознаніи, имѣютъ подавляющее преимущество предъ доказательствами второго отдѣла, причемъ рѣзкое исключеніе составляютъ занимающіе одно изъ послѣднихъ мѣстъ, два рода доказательствъ перваго отдѣла, о которыхъ уже была рѣчь: экспертиза при косвенныхъ уликахъ и потерпѣвшій при полномъ сознаніи.

Вообще общее правило расположенія доказательствъ по ихъ силѣ таково, что тоже доказательство, какъ и слѣдовало ожидать, сильнѣе въ соединеніи съ полнымъ сознаніемъ. Рѣзкое, какъ сказано, исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ экспертиза въ комбинаціи съ косвенными уликами; эта комбинація вообще стоитъ въ ряду невысоко, но замѣчательно, что при неполномъ сознаніи, она всетаки выше, чѣмъ при сознаніи полномъ; до такой степени всякій лишній балластъ въ дѣлѣ (экспертиза при полномъ сознаніи) вредно отзывается на присяжныхъ, если онъ способенъ сколько нибудь порождать сомнѣнія.

Собственно говоря, провѣрка сознанія не только не вредитъ дѣлу, но успокаиваетъ присяжныхъ въ ихъ рѣшимости вынести обвинительный приговоръ; доказательствомъ служитъ то, что одно полное признаніе, провѣренное на судебномъ слѣдствіи, стоитъ на четвертомъ мѣстѣ въ ряду (93%) полное же признаніе, непровѣренное вовсе, стоитъ на двѣнадцатомъ мѣстѣ (67); необходимо только, что-бы доказательства не представлялись тенденціозными или наводящими на сомнѣнія; если такихъ элементовъ избѣжать нельзя, то для обвинителя выгоднѣе вовсе не производить судебнаго слѣдствія: въ самомъ дѣлѣ, всевозможныя доказательства экспер-

тами и потерпѣвшими, какъ при полномъ сознаніи, такъ и при несознаніи, стоятъ ниже двѣнадцатаго мѣста въ ряду т. е. ниже одного полнаго признанія, непровѣреннаго на судебномъ слѣдствіи.

Обратимся къ частностямъ: очевидецъ, пользующійся полнымъ довѣріемъ при полномъ сознаніи, ибо онъ незаинтересованъ и въ сущности повторяетъ показаніе подсудимаго (первое мѣсто въ ряду), падаетъ на послѣднее мѣсто, когда его не поддерживаетъ это полное сознаніе, обыкновенный же свидѣтель частичныхъ обстоятельствъ дѣла, занимающій второе мѣсто при полномъ сознаніи, при неполномъ признаніи опускается только до девятаго мѣста. Вообще такіе свидѣтели представляютъ одинъ изъ надежнѣйшихъ элементовъ сравнительно со случаями, когда дѣйствуютъ прямыя улики. Объ оговорѣ я уже говорилъ выше, здѣсь пришлось бы повторить тоже самое. Если разбить весь этотъ рядъ по степени сложности доказательствъ, то мы получимъ три рубрики (таблица XXVI Б); въ первую войдутъ случаи, въ которыхъ наблюдается изолированное дѣйствіе отдѣльнаго доказательства, вторую представятъ случаи дѣйствія изолированныхъ группъ т. е. однѣ прямыя или однѣ косвенныя улики и наконецъ въ третью войдутъ приговоры, постановленные на основаніи комбинацій доказательствъ, заключающихся въ первой и второй. Располагая доказательства по всѣмъ этимъ тремъ рубрикамъ, не нарушая притомъ правильности ряда, (таблица XXVI А) мы имѣетъ возможность отчетливо представить себѣ послѣдовательность доказательствъ по силѣ ихъ въ каждой отдѣльной рубрикѣ въ убывающемъ порядкѣ.

Кромѣ того чрезвычайно наглядно, что одиночныя доказательства (рубрика первая) представляютъ наибольшее разнообразіе обвинительнаго процента, достигая maximum'a и minimum'a этого процента, затѣмъ по второй рубрикѣ видно,

что однѣ прямыя улики при несознаніи опускаются ниже даже послѣдняго члена третьей рубрики—экспертовъ при косвенныхъ уликахъ и полномъ сознаніи. Такимъ образомъ нисшими видами доказательствъ по всѣмъ тремъ рубрикамъ являются только-что упомянутые эксперты при полномъ сознаніи и однѣ прямыя улики или одинъ очевидецъ при неполномъ сознаніи и несознаніи; самыми-же сильными уликами на судѣ присяжныхъ являются при полномъ сознаніи: вообще одни свидѣтели (въ томъ числѣ и очевидцы), а также однѣ косвенныя улики или оговоръ, противъ сознавшагося вполнѣ при косвенныхъ уликахъ—также сознавшагося вполнѣ соучастника. Тотъ-же законъ наблюдается и при неполномъ сознаніи или несознаніи, и въ той-же послѣдовательности: опять выше всего стоятъ одни свидѣтели, но уже безъ очевидцевъ, затѣмъ однѣ косвенныя улики и наконецъ—при косвенныхъ уликахъ - оговоръ не сознавшагося и сознавшагося соучастника. Есть еще способъ оцѣнить относительное достоинство доказательствъ каждой изъ рубрикъ; это именно подсчитать, сколько послѣдовало обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ по каждой рубрикѣ, что и сдѣлано внизу той-же таблицы Б. Выведенный здѣсь обвинительный процентъ для каждой рубрики показываетъ намъ, что вообще, изолировано стоящія, доказательства слабѣе группъ третьей рубрики, гдѣ обвинительный процентъ (62, 42) наибольшій; но съ другой стороны между первой и второй рубриками преимущество по доказательной силѣ оказывается на сторонѣ первой т. е. изолированныхъ доказательствъ; изъ этого слѣдуетъ, что на присяжныхъ убѣдительнѣе всего дѣйствуютъ наиболѣе сложныя комбинаціи прямыхъ уликъ съ косвенными, а затѣмъ уже доказательства наиболѣе простыя по составу, однѣ-же косвенныя совсѣмъ безъ примѣси прямыхъ или однѣ прямыя безъ примѣси косвенныхъ придаютъ дѣлу нѣ-

сколько азартный характеръ, такъ какъ при сравненіи первой и второй рубрики такія комбинаціи, то даютъ высшій процентъ 61, 14, то нисшій процентъ—58, 91. Интересно, что почти рядомъ съ послѣднимъ стоитъ обвинительный процентъ въ томъ остаткѣ неразложенныхъ по рубрикамъ доказательствъ приговоровъ (154 обвинительныхъ и 108 оправдательныхъ), а именно 58, 71%; это наименьшій процентъ и въ виду вышеизложеннаго причина этого совершенно ясна: въ самомъ дѣлѣ въ этихъ остальныхъ приговорахъ доказательства являлись въ столь смѣшанномъ видѣ по отношенію къ рубрикамъ таблицъ, что не могли войти въ нихъ и, слѣдовательно, столь выгодная предъ присяжными сложность видовъ доказательствъ, становится невыгодною для твердаго приговора, когда переходитъ въ неясную, неразложимую запутанность видовъ доказательствъ. Вспомнимъ, что общій обвинительный процентъ за все время моихъ наблюденій составляетъ 60, 87, слѣдовательно ясное, болѣе или менѣе правильное сочетаніе по родамъ доказательствъ, представляемыхъ присяжнымъ по дѣламъ, даетъ обвинительный процентъ выше средняго (61, 41 и 62, 42), полная-же изолированность по группамъ или безпорядочное смѣшеніе группъ и видовъ доказательствъ даютъ процентъ ниже средняго (58, 91 и 58, 71).

Вглядываясь въ причины такой законосообразности, весьма нетрудно усмотрѣть ихъ въ томъ, что присяжный засѣдатель, удаляясь въ совѣщательную комнату, яснѣе воспроизводитъ въ своей памяти дѣло, въ которомъ фигурировалъ напр. одинъ потерпѣвшій или одинъ очевидецъ, поддержанный или опровергнутый другими данными; также ясно, но съ болѣе азартнымъ характеромъ, рѣшаетъ онъ дѣло, гдѣ фигурируетъ наприм. одно полное признаніе, одни свидѣтели безъ другихъ доказательствъ или одно поличное. Въ большинствѣ-же тѣхъ случаевъ, когда ему приходится ком-

бинировать между собой доказательства разнаго рода, смѣшанныя одно съ другимъ въ неподдающихся группировкѣ сочетаніяхъ, у него не можетъ быть такого яснаго представленія; мало того—возраженія менѣе вдумчивыхъ товарищей принимаютъ, такъ сказать, „гуртовой", я сказалъ-бы, шаблонный характеръ; такъ напримѣръ: „да здѣсь однѣ прямыя, ничѣмъ не провѣренныя улики, да и тѣ другъ другу противорѣчатъ" или „здѣсь всего понемножку и за, и противъ, а сомнѣніе въ пользу подсудимаго". Вотъ, слѣдовательно, кстати сказать, данныя, указывающія на великое значеніе предсѣдательскаго резюме въ отношеніи отчетливой группировки видовъ доказательствъ по дѣлу.

V.

До сихъ поръ я тщательно избѣгалъ замѣнять названія разнаго рода условными знаками, такъ какъ, разумѣется, всякое дешифрированье человѣку, не освоившемуся съ шифромъ, представляется, прежде всего, скучнымъ; но на первомъ планѣ такое соображеніе стоять не можетъ. Естественно требовать отъ всякаго изслѣдованія по возможности сжатаго и яснаго изложенія, и я бы, дѣйствительно, могъ дать краткій очеркъ результатовъ моей работы, т. е. перечислить тѣ эмпирическія обобщенія, къ которымъ я пришелъ при анализѣ данныхъ Ш-ей части таблицы,— гдѣ, какъ извѣстно, сосредоточены свѣдѣнія о мотивахъ, вліявшихъ на рѣшеніе; но, поступивъ такъ, не предоставивъ возможности желающему провѣрить мою работу, я бы оставилъ свои выводы безъ той почвы, которая составляетъ ихъ силу, я бы не показалъ на дѣлѣ того механическаго пріема, которымъ я защищался отъ столь опасной при всякихъ научныхъ изслѣдованіяхъ произвольности выводовъ. Независимо отъ этого, когда записанныя и со-

считанныя знаками доказательства приходится комбинировать, то, разумѣется, наиболѣе краткій и простой способъ это дѣлать заключается въ пользованіи тѣми-же знаками; вотъ почему я считаю необходимымъ представить на усмотрѣніе того, кто дастъ себѣ трудъ глубже вникнуть въ вопросъ, подлинныя таблицы, которыя позволили мнѣ составить по возможности объективныя заключенія о мотивахъ, вызывающихъ какъ обвинительные, такъ и оправдательные приговоры, и о сравнительной силѣ этихъ мотивовъ, приводящихъ иногда къ оправданію при доказанной виновности. Такихъ таблицъ я предложу одну для случаевъ обвиненія и три — для оправданія. Какъ первымъ, такъ и послѣднимъ необходимо сдѣлать общій обзоръ, для того что-бы наглядно выяснились причины и основанія такой группировки; для удобства этого обзора самое раздѣленіе на группы всего количества обвинительныхъ (918) и оправдательныхъ (590 приговоровъ) я дѣлаю особо въ видѣ *оглавленія;* каждое изъ этихъ оглавленій необходимо разсмотрѣть предъ изученіемъ самыхъ таблицъ мотивовъ; такъ я и поступлю.

Разсмотримъ таблицу XXVII, служащую, оглавленіемъ къ таблицѣ XXVIII, въ которой сдѣланъ анализъ обвинительныхъ приговоровъ. Мы знаемъ, что всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ 918; изъ нихъ 900 состоялись при томъ условіи, что во всѣхъ трехъ рубрикахъ перваго отдѣла III части Сводной таблицы поставлено по плюсу, это значитъ что присяжные признали достовѣрнымъ, какъ событіе преступленія, такъ и наличность признаковъ преступленія и вѣроятность фактической виновности.

Слѣдовательно, во всѣхъ этихъ приговорахъ, построенныхъ главнымъ образомъ не на мотивахъ, а на доказательствахъ, мотивы могли имѣть только второстепенное значеніе и потому при изученіи этихъ 900 случаевъ представляется правильнымъ ограничиться уже разсмотрѣнными

выше таблицами о доказательствахъ вообще и объ источникахъ достовѣрности въ частности; для изученія-же мотивовъ обвиняющаго характера они ничего яснаго дать не могутъ. Подъ нумерами 4-мъ и 5-мъ въ табл. XXVII, изображены основные типы этихъ 900 приговоровъ по образцу извѣстныхъ уже намъ изъ III главы схематическихъ карточекъ; на нихъ имѣются въ нижнемъ лѣвомъ углу три плюса, о которыхъ только-что шла рѣчь, въ верхней части плюсъ, означающій, что это карточки обвинительныхъ приговоровъ, а въ лѣвомъ верхнемъ отдѣленіи поставлена цифра 2 (нумеръ отдѣловъ показаній подсудимаго); и при ней плюсъ въ одномъ, минусъ въ другомъ случаѣ; это означаетъ, что 414 приговоровъ, соотвѣтствующіе карточкѣ № 4 послѣдовали при сознаніи, а по типу № 5 было подобрано 486 схематическихъ карточекъ—или, что то-же, приговоровъ—при несознаніи подсудимаго.

Итакъ въ обвинительной таблицѣ XXVIII намъ предстоитъ только изслѣдовать мотивы восемнадцати обвинительныхъ приговоровъ №№ 1, 2, 3-й: № 1 при неполномъ сознаніи, № 2 при несознаніи и № 3 о четырехъ случаяхъ полнаго сознанія; припомнимъ, что именно эти 18 случаевъ не поддавались изслѣдованію по таблицѣ XXI. Изъ таблицы XXVIII видно, что каждая изъ трехъ группъ приговоровъ подвергалась анализу въ такомъ порядкѣ послѣдовательности, что сперва анализировались всѣ карточки по характеру дѣянія (+2), принятому за основной мотивъ; когда въ типѣ № 1 перваго признака уже не оказывалось, два приговора анализировались по даннымъ личности подсудимаго (+3); причина такого способа изслѣдованія вполнѣ понятна: дѣйствительно, характеръ судимаго дѣянія обыкновенно даетъ наиболѣе твердыя данныя для оцѣнки личности, обратное-же заключеніе не всегда справедливо; иногда очень дурной человѣкъ можетъ обвиняться въ ничтожномъ преступленіи;

поэтому на первомъ мѣстѣ, какъ я уже сказалъ, въ смыслѣ критеріума поставленъ отдѣлъ 2-ой Ш-й части таблицы (характеръ дѣянія) т. е. особенности поступка, которыя главнымъ образомъ способствовали обвиненію подсудимаго; противоположные мотивы того-же отдѣла подъ цифрой—2, отмѣчены въ подлежащихъ случаяхъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ таблицы. Итакъ отдѣлы этой таблицы (XXVIII), а, кстати сказать, и оправдательныхъ таблицъ (XXXI и XXXII), къ которымъ я перейду послѣ, будутъ слѣдующіе: рядомъ съ двумя итогами приговоровъ въ особой рубрикѣ изображается по образцу схематической карточки типъ анализируемыхъ приговоровъ; въ слѣдующихъ отдѣлахъ размѣщены подъ подлиннымъ нумеромъ отдѣлы и рубрики Сводной таблицы, въ которыхъ и отмѣчаются при анализѣ мотивы за и противъ послѣдовавшаго вердикта въ порядкѣ постепенности, объясненномъ выше.

Сопоставляя по очереди каждую рубрику съ другими, я получалъ для каждаго отдѣльнаго приговора или группъ ихъ, сосуществовавшіе оправдательные и обвинительные мотивы. Записывая эти послѣдніе, я подбиралъ другъ къ другу приговоры, совпадавшіе въ одномъ или болѣе общихъ мотивахъ и число такихъ приговоровъ бралось, какъ-бы, за скобки въ боковую рубрику частныхъ итоговъ приговоровъ, гдѣ отмѣчалось въ видѣ, такъ сказать, коэффиціента.

Подъ таблицами мотивовъ подводились и горизонтальные итоги, выражающіе общее число мотивовъ каждой рубрики, причемъ, разумѣется, принималось въ разсчетъ число приговоровъ, въ которыхъ данный мотивъ повторился — т. е. вводился множителемъ упомянутый выше коэффиціентъ.

Эти итоги, особые для рубрикъ pro и contra вердикта, позволили мнѣ далѣе составить общій убывающій рядъ (къ т. XXXIII) мотивовъ, вліявшихъ на составленіе вердикта, безотносительно къ сознанію или несознанію (въ приговоро-

рахъ обвинительныхъ); противъ каждаго члена этого ряда, снабженнаго цифрой числа приговоровъ, отмѣчались найденные по таблицѣ, сопутствующіе каждому члену ряда (мотиву, принимаемому за основной), обстоятельства—мотивы, которые также располагались въ двухъ убывающихъ рядахъ pro и contra вердикта (см. рядъ къ табл. XXVIII А, къ табл. XXXI А и къ табл. XXXII А).

Соотвѣтственно этимъ рядамъ (А) составлены еще ряды (Б), въ которыхъ повторенъ рядъ основныхъ мотивовъ (горизонтальные итоги) и составлены особые убывающіе ряды итоговъ сопутствующихъ имъ мотивовъ—за и противъ вердикта. Это даетъ возможность сопоставить эти три рода мотивовъ между собой для того, чтобы по возможности подмѣтить и установить законосообразность или вообще особенности въ дѣйствіи разсматриваемыхъ мотивовъ. Обратимся къ мотивамъ обвинительнымъ (къ т. XXVIII А и Б). Общій обзоръ рядовъ показываетъ, что въ случаѣ особо опасныхъ дѣяній, привычности преступника и т. д. присяжнымъ не мѣшаетъ обвинить подсудимаго ни чрезмѣрная строгость наказанія, ни возрастъ, ни давность преступленія или даже такіе мотивы преступленія, которые выгодно отличаютъ напр. ворующаго по нуждѣ отъ вора—спеціалиста, изъ корысти только дѣйствующаго. Если задаться мыслью о законосообразности въ послѣдовательности членовъ рядовъ, то можно указать только на то, что въ обоихъ рядахъ обвинительныхъ мотивовъ (Б), какъ основныхъ, такъ и сопутствующихъ, по числу случаевъ стоятъ во главѣ: особая опасность дѣянія и привычность преступника и, наоборотъ, какъ и слѣдуетъ, въ мотивахъ contra эти же категоріи (случайный преступникъ и не особо опасное дѣяніе) оказываются наименьшими членами рода.

Такая послѣдовательность позволяетъ заключить, что въ этихъ двухъ категоріяхъ мотивовъ мы имѣемъ обстоятель-

ства, особенно сильно вліяющія на судъ присяжныхъ въ пользу обвиненія; это тѣмъ болѣе важно, что въ изслѣдуемыхъ 18 приговорахъ мы имѣемъ дѣло со случаями, въ которыхъ составъ преступленія подъ сомнѣніемъ (типъ + — +); присяжные какъ-бы говорятъ себѣ: дѣло слишкомъ опасное, преступникъ очевидно неисправимый, привычный преступникъ—онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправданъ потому, что мы сомнѣвается, въ томъ ли именно, въ чемъ слѣдуетъ, его обвиняютъ;—признаемъ факты, а судъ уже рѣшитъ этотъ *правовой* вопросъ.

Отсюда понятно, почему и предварительное заключеніе здѣсь признается необходимымъ (16 случаевъ на 18); только въ 10 случаяхъ оно истолковывалось какъ мотивъ, служащій въ пользу болѣе мягкаго (однако не доходящаго до оправданія) отношенія къ подсудимому.

Интересно, что почти всѣ обвинительные мотивы, начиная со второго, относятся къ оцѣнкѣ нравственной личности подсудимаго, такъ что значеніе положенія въ обществѣ и степень причиненнаго вреда отступаютъ въ нижніе концы рядовъ. Чрезвычайно справедливы по этому замѣчанія г. Гогеля [1]), что присяжные судятъ подсудимаго, какъ человѣка преступнаго вообще, какъ человѣка опаснаго для общества, какъ подлежащаго устраненію въ качествѣ члена общества.

Нельзя однако согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора о томъ, что эта нравственная оцѣнка стоитъ впереди оцѣнки дѣянія (ibid. 50); принявъ за правило не ссылаться голословно на личный опытъ, я укажу въ подтвержденіе своего мнѣнія на то, что особая опасность дѣянія стоитъ первымъ членомъ въ убывающемъ ряду обвинительныхъ мотивовъ.

Да и на самомъ дѣлѣ необходимость наказаніемъ по суду

---

[1]) Судъ присяжн. и эксп. въ Россіи 1894. Ковно, стр. 50, 56 и 77.

устранить вреднаго человѣка стоитъ въ неразрывной связи съ тѣмъ, насколько онъ оказался дѣйствительно способнымъ къ особо опасному въ общественномъ смыслѣ дѣянію, а не на томъ преимущественно, дурной, преступный ли онъ человѣкъ вообще.

Предстоящее намъ обозрѣніе оправдательныхъ приговоровъ значительно облегчено тѣмъ, что внѣшніе пріемы изслѣдованія, направленные на изученіе мотивовъ намъ уже извѣстны. Дѣйствительно, распредѣленіе приговоровъ по типамъ (т. XXIX оглавленіе) и анализъ мотивовъ въ особыхъ таблицахъ (XXXI и XXXII) и распредѣленіе итоговъ по убывающимъ рядамъ (А. Б. къ упомянутымъ таблицамъ) совершены мною также, какъ и при изученіи обвинительныхъ приговоровъ.

Не лишнее сдѣлать слѣдующую оговорку: въ таблицахъ XXXI и XXXII основнымъ мотивомъ, съ котораго начинается анализъ, берется, въ противоположность анализу обвинительныхъ мотивовъ, рядъ мотивовъ со знакомъ минусъ т. е. говорящихъ за подсудимаго, что и совершенно понятно; мотивы же обвинительные выставляются уже какъ contra, гдѣ встрѣтятся. При этомъ наблюдается и послѣдовательность анализа нѣсколько иная, чѣмъ при обвиняющихъ мотивахъ, а именно: сперва въ основаніе берутся мотивы, лежащіе въ постановкѣ дѣла (отдѣлъ 4-й Сводной табл.), а уже затѣмъ обстоятельства, относящіяся къ личности подсудимаго и только наконецъ — опредѣляющія свойство дѣянія. Такой порядокъ, повторяю, обратный, принятому въ предъидущей обвинительной таблицѣ, основывается на томъ, что условія постановки въ случаѣ, если съ ними сопряжено отягченіе участи подсудимаго, болѣе всего располагаютъ присяжныхъ въ его пользу; тутъ наиболѣе дѣйствуетъ тотъ законъ суда присяжныхъ (онъ будетъ доказанъ ниже), что требованія относительной спра-

ведливости заставляютъ присяжныхъ стремиться къ тому, чтобы, даже независимо отъ особыхъ условій, лежащихъ въ личности подсудимаго (худой или хорошій), равно виновныхъ постигала равная участь.

Я приводилъ во введеніи примѣръ опыта, такъ сказать, сдѣланнаго мною, разумѣется, при условіяхъ, выгодныхъ подсудимому, надъ рецидивистомъ; при этомъ случаѣ мое вопрошеніе присяжныхъ увѣнчалось успѣхомъ: на вопросномъ листѣ оказалось написаннымъ „да, виновенъ“, потомъ зачеркнуто и уже нàчисто написано „нѣтъ, не виновенъ“. Несмотря на очевидную борьбу, присяжные, только что сдѣлавшіе зачетъ (оправданіе) одному рецидивисту по 3-й кражѣ и поставленные лицомъ къ лицу съ принципомъ относительной справедливости въ виду обвиненія при тѣхъ же условіяхъ зачета рецидивиста уже въ 4-й кражѣ, очевидно неисправимаго, противъ собственной, такъ сказать, воли, подчинились дѣйствію этого принципа.

Итакъ условія постановки дѣла на судѣ должны быть при анализѣ оправдательныхъ приговоровъ впереди условій личности и свойства дѣянія (напр. опасность кражъ по ремеслу), т. е. обратно анализу обвинительныхъ приговоровъ.

Таблица оглавленія (XXIX) обнимаетъ всѣ 590 оправдательныхъ приговоровъ; типъ приговоровъ подъ нумеромъ восьмымъ въ числѣ 137 (119+18), какъ видно изъ образца карточки (+ — +) не подлежитъ изслѣдованію для обнаруженія мотивовъ, такъ какъ здѣсь уже на лицо вѣское основаніе для оправданія, а именно сомнѣніе въ признакахъ преступленія.

Точно также нѣтъ интереса разсматривать мотивы 112 приговоровъ (1+19+92), такъ какъ и здѣсь мы видимъ сомнѣніе въ составѣ преступленія (типы № 10, 11, 12); здѣсь кромѣ того еще усматривается сомнѣніе въ фактической виновности, также какъ въ 167 приговорахъ (типъ

№ 9), вотъ почему, отказываясь и для этихъ случаевъ, въ общей суммѣ 279 приговоровъ, отъ изслѣдованія мотивовъ, я считаю умѣстнымъ попутно приложить уже выработанную выше таблицу XXVI Б о доказательствахъ ко всѣмъ этимъ случаямъ, для того чтобы убѣдиться, что, дѣйствительно, эти 279 оправданій вызваны недостаткомъ уликъ, а не особыми мотивами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Для этой цѣли составлена XXX таблица.

Прежде всего нельзя не обратить вниманія, на то, что въ этой таблицѣ нѣтъ ни одного случая полнаго сознанія и только одинъ случай неполнаго сознанія; въ этой же таблицѣ сосредоточились единственные изъ суммы 1508 приговоровъ 20 случаевъ (№ 10 и 11), когда сомнѣніе присяжныхъ распространилось и на самое событіе преступленія.

Подробный анализъ уликъ сдѣланъ въ самой таблицѣ и говоритъ самъ за себя: доказательства, которыя имѣлись по этимъ процессамъ таковы, что какъ оказывается сопоставленіе ихъ со ступенями лѣстницы доказательствъ въ таблицѣ XXVI Б или совсѣмъ не вошли въ эту лѣстницу, относясь къ наиболѣе неяснымъ смѣшеніямъ уликъ, или занимаютъ 18-ю или 25-ю ступень; вотъ почему, повторяю, изслѣдованіе мотивовъ по этимъ 279 приговорамъ представляется излишнимъ; такимъ образомъ остается изслѣдовать мотивы оправданій по типамъ подъ № 7 (78 случаевъ) при полномъ сознаніи и по типамъ подъ № 6 (96 приговоровъ) при неполномъ сознаніи и несознаніи (см. оглавленіе т. XXIX).

Для изслѣдованія 78 приговоровъ мы имѣемъ таблицу XXXI, а для 96 приговоровъ таблицу XXXII.

Всѣ эти 174 приговора, какъ видно изъ типовъ карточекъ (+ + +), заключаютъ въ себѣ случаи достовѣрности не только событія и состава преступленія, но и достовѣрности фактической виновности; вотъ почему здѣсь дѣйствительно

можно разсчитывать найти рѣзкое проявленіе мотивовъ, дѣйствіе которыхъ достаточно сильно, чтобы вызвать оправдательный приговоръ при доказанной винѣ.

Путемъ уже извѣстныхъ намъ пріемовъ, мы получаемъ изъ обѣихъ таблицъ убывающіе ряды оправдательныхъ мотивовъ (А къ XXXI), одинъ для случаевъ съ полнымъ сознаніемъ, другой для случаевъ съ неполнымъ сознаніемъ и несознаніемъ (А къ XXXII).

Эти убывающіе ряды (А) могутъ при ближайшемъ разсмотрѣніи дать приблизительно вѣрныя обобщенія того, какъ группируются мотивы т. е. какъ часто вообще встрѣчаются данные мотивы и какіе именно встрѣчаются въ сочетаніяхъ съ другими, а какіе вовсе не сходятся другъ съ другомъ; но это слишкомъ детальное разсмотрѣніе—не представляющее общаго интереса, кромѣ того являлось бы слишкомъ сложнымъ и недостаточно надежнымъ. Мнѣ представляется болѣе правильнымъ и болѣе плодотворнымъ, въ виду большаго числа оправдательныхъ мотивовъ, избрать путь сравненія обоихъ основныхъ рядовъ между собою (1-е ряды въ А къ XXXI и XXXII т.) и путь сопоставленія затѣмъ итоговъ сопутствующихъ мотивовъ (pro и contra), какъ между собою, такъ и съ основными рядами.

Для этого—мною и сопоставлены эти послѣдніе ряды съ двумя другими, особо для случаевъ сознанія (XXXI Б) и особо для случаевъ неполнаго сознанія и несознанія (къ т. XXXII Б).

Это разсмотрѣніе не даетъ однако особо цѣнныхъ результатовъ; мы видимъ впрочемъ, что при полномъ сознаніи встрѣчаются исключительные, особые оправдательные мотивы, а именно: особое отношеніе къ потерпѣвшему, говорящее въ пользу обвиняемаго, и отсутствіе безнравственности въ дѣяніи подсудимаго въ такой мѣрѣ, что дѣйствіе его даже получаетъ особо нравственный оттѣнокъ (примѣръ св. Кри-

спина) и наконецъ такая степень несамообладанія въ преступникѣ, которая въ данномъ случаѣ не допускаетъ наказуемости, хотя недостаточна по закону для признанія невмѣняемости (непатологическій аффектъ). Всѣ эти три мотива въ той же послѣдовательности имѣются въ убывающемъ ряду итоговъ сопутствующихъ мотивовъ.

Взамѣнъ этихъ мотивовъ, принадлежащихъ спеціально оправдательнымъ приговорамъ при полномъ сознаніи, мы видимъ въ остальныхъ приговорахъ (Б къ XXXII) тоже свои исключительные мотивы, остающіеся послѣ сокращенія мотивовъ общихъ обоимъ родамъ приговоровъ, а именно: неудовлетворительность слѣдствія и тѣсно связанную съ этимъ недоступность дѣла (немыслимыхъ, разумѣется, при полномъ сознаніи), затѣмъ погашеніе отвѣтственности по правилу ne bis in idem (напр. адм. взысканіе) и невмѣняемость.

Въ обоихъ третьихъ рядахъ Б. (contra) повторяются тѣже мотивы, которые есть и въ предыдущихъ соотвѣтствующихъ рядахъ за исключеніемъ рецидива, который, какъ надо полагать по этому, всегда толкуется присяжными противъ подсудимаго.

Не слѣдуетъ удивляться, что я отмѣчаю этотъ выводъ: въ судебной залѣ нерѣдко приходится слышать, какъ защитники, безразлично старые и молодые, повидимому, искренно убѣждаютъ присяжныхъ, что состояніе рецидива должно служить въ пользу подсудимаго, какъ вынуждающее его къ преступленію; какъ мы видимъ, всѣ эти покушенія на здравый смыслъ присяжныхъ, по крайней мѣрѣ въ записанныхъ мною случаяхъ, оказывались покушеніями съ негодными средствами.

Соображеніе общихъ итоговъ рядовъ основныхъ и сопутствующихъ мотивовъ приводитъ къ слѣдующему: на 205 основныхъ мотивовъ при полномъ сознаніи имѣется 534 сопутствующихъ, а на 289 основныхъ мотивовъ при непол-

номъ сознаніи и несознаніи приходится 853 сопутствующихъ мотива; при этомъ число мотивовъ contra въ той и другой категоріи приговоровъ почти одинаково (91 и 96). Изъ этого можно вывести, что для оправданія при полномъ сознаніи достаточно меньшее число сопутствующихъ мотивовъ ($2^1/_2$ сопутствующихъ на 1 основной), чѣмъ при несознаніи и неполномъ сознаніи (3 на 1). Причина этого вполнѣ понятна, такъ какъ дѣло при сознаніи полномъ меньше разбирается; такое сознаніе само по себѣ вѣскій мотивъ признать человѣка раскаивающимся; наконецъ мы видимъ, что такая могучая побудительная причина для оправданія, какъ зачетъ предварительнаго заключенія, стоитъ выше всѣхъ въ приговорахъ при полномъ сознаніи и почти втрое чаще дѣйствуетъ здѣсь, чѣмъ при сознаніи неполномъ и несознаніи.

Приведенныя цифровыя соображенія прибавляютъ, слѣдовательно, лишнее указаніе на законосообразность въ вердиктахъ присяжныхъ, притомъ съ ясно опредѣлимыми причинами этого явленія.

Выяснивъ, насколько возможно было, разное отношеніе суда присяжныхъ къ двумъ родамъ процессовъ въ зависимости отъ сознанія или несознанія подсудимаго, теперь своевременно соединить въ одинъ общій рядъ оба ряда основныхъ мотивовъ безъ различія сознанія и несознанія, для полученія болѣе общихъ выводовъ о значеніи и распредѣленіи по категоріямъ оправдательныхъ мотивовъ вообще.

Это исполнено на таблицѣ XXXIII.

Разсматривая этотъ общій убывающій рядъ, мы видимъ, что въ нижнемъ концѣ его оказываются при ничтожномъ числѣ случаевъ (9, 8, 6 и 1) тѣ мотивы оправданія, которые исключительно свойственны случаямъ несознанія подсудимаго; характеризующіе оправданія при полномъ сознаніи, мотивы также при очень небольшомъ числѣ случаевъ (6, 4 и 4) стоятъ тутъ же; въ бо́льшемъ же числѣ членовъ

ряда безразлично смѣшались, общіе всѣмъ случаямъ оправнія, мотивы, безразлично—по отношенію къ характеру показанія подсудимаго.

Итакъ характеръ показанія подсудимаго на судѣ имѣетъ только второстепенное для оправданія значеніе; постараемся поэтому изучить, начиная съ высшихъ (по числу случаевъ) членовъ ряда—всѣ мотивы по существу для того, чтобы опредѣлить ихъ взаимное отношеніе, значеніе на судѣ и судебное достоинство.

Для этого обратимся къ таблицѣ XXXIV.

Пояснительныя замѣчанія, сдѣланныя въ скобкахъ при означеніи мотивовъ, должны помочь уяснить значеніе послѣднихъ; я считаю однако нужнымъ прибавить нѣсколько словъ о мотивѣ „недоступность дѣла“, представленномъ цифрой 8.

Всѣ эти восемь случаевъ относятся къ одному дѣлу, разбиравшемуся въ 1886 году въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, а именно по обвиненію должностныхъ лицъ Кронштадскаго Банка въ служебныхъ злоупотребленіяхъ. Дѣйствительно, пониманіе присяжными этого дѣла было затруднено бухгалтерской экспертизой, которая понемногу превратилась на судѣ въ экспертизу банковскую, причемъ наиболѣе вліятельные эксперты, въ качествѣ лицъ, близко стоящихъ къ банковскому дѣлу, свидѣтельствовали нѣсколько тенденціозно въ пользу банковскихъ безпорядковъ и банковскихъ дѣятелей; сложность финансовыхъ вопросовъ, въ большинствѣ случаевъ спорныхъ и въ наукѣ, и въ практикѣ, усугубилась поэтому въ этомъ дѣлѣ, благодаря такой помощи экспертовъ, и потому нельзя ставить на счетъ присяжнымъ засѣдателямъ то, что тайники этого дѣла недостаточно ясно освѣтились передъ ними.

Если къ этимъ восьми (по числу приговоровъ) случаямъ прибавить девять случаевъ въ которыхъ неудовлетворительность предварительнаго слѣдствія привела къ оправданію,

то мы получимъ первую категорію оправдательныхъ мотивовъ, закономѣрность которыхъ внѣ сомнѣнія. Едва ли приходится останавливаться на зачетѣ подсудимому предварительнаго ареста или говорить о правѣ всякаго судьи рѣшать, представляется ли подсудимый отвѣтственнымъ за свое преступленіе съ точки зрѣнія вмѣненія или невмѣненія ему содѣяннаго; точно также юристы-практики давно уже пришли къ заключенію, что устраненіе присяжныхъ отъ всякаго участія при обсужденіи размѣровъ наказанія невозможно провести на дѣлѣ. „Такое вторженіе присяжныхъ въ область назначенія наказанія, говоритъ В. Ф. Дейтрихъ[1]), вполнѣ понятно и вытекаетъ изъ присущаго каждому судьѣ естественнаго права сказать, что подсудимый по обстоятельствамъ дѣла подлежитъ такому, а не иному наказанію". „Нѣтъ ни одного живого, мыслящаго человѣка", говоритъ тотъ же авторъ нѣсколькими строками выше, „который, обсуждая съ фактической стороны вину подсудимаго, не задумался бы о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя ему угрожаютъ". Въ мою задачу, впрочемъ, и не входитъ оцѣнка дѣятельности присяжныхъ съ точки зрѣнія совершенствованія организаціи этого суда и устраненія приписываемыхъ ему опасныхъ или неправильныхъ дѣйствій,—я просто констатирую таблицей XXXIV, что существуютъ такіе то оправдательные мотивы, что распредѣляются они по такимъ то категоріямъ и что группировать ихъ съ юридической точки зрѣнія можно такъ, какъ изображено въ заголовкѣ рубрикъ правой половины таблицы.

Въ рубрикѣ 6 подъ общимъ съ пятой рубрикой заглавіемъ „equitas" сосредоточены случаи, когда присяжные оправдываютъ виновнаго, не желая, чтобы онъ одинъ страдалъ за дѣло, въ совершеніи котораго болѣе виноватъ другой,

---

[1]) О Судѣ присяжныхъ стр. 10.

избѣгнувшій, однако, почему либо наказанія; я уже не разъ отмѣчалъ это явленіе, причина котораго лежитъ въ присущемъ каждому справедливому судьѣ желаніи, чтобы каждому воздавалась по дѣламъ его; между тѣмъ отбываніе наказанія однимъ преступникомъ, сознающимъ безнаказанность равно—или болѣе виновнаго соучастника, чрезвычайно отягчилось бы нравственно этимъ сознаніемъ; вотъ почему я подвелъ эти случаи подъ выраженіе—относительная справедливость. Стремленіе же уравнять отвѣтственность передъ закономъ лицъ, виновность которыхъ одинакова, еще съ римскихъ временъ признавалось закономѣрнымъ и существовало и существуетъ подъ названіемъ aequitas.

Остается послѣдняя рубрика, которую, слѣдуя тому же плану и примѣняясь къ нашей терминологіи [1]), я называю милостью; римляне называли принципъ, диктовавшій такіе приговоры,—humanitas, человѣчность.

Въ этой рубрикѣ сосредоточены случаи, когда присяжные оправдываютъ подсудимаго, усматривая въ немъ человѣка, къ которому непримѣнимо званіе „носителя злой воли", человѣка, который съ нравственной точки зрѣнія не преступникъ, котораго ввиду особенностей, напримѣръ, отношеній его къ потерпѣвшему, благороднаго мотива въ преступленіи противъ личности или ввиду случайнаго и неодолимаго соблазна, вовлекшаго его въ первый и послѣдній разъ въ преступленіе—было бы безчеловѣчно наказать.

На случай, если бы такое примѣненіе „милости" было признано вторженіемъ въ область помилованія, я дѣлаю слѣдующее вычисленіе.

97 случаевъ рубрики седьмой составляютъ на всю сумму (502) мотива 19, 32%; такъ какъ разбираемыхъ нами приговоровъ всего 174, то значитъ можно отнести оправ-

---

[1]) „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ".

данія по рубрикѣ седьмой къ 34-мъ приговорамъ, слѣдовательно, изъ всѣхъ (590) оправданій такихъ *милостивыхъ оправданій* будетъ 5,75%, а по отношенію ко всѣмъ вынесеннымъ 1508 приговорамъ—2, 25%. Если даже заподозрить право присяжныхъ на оправданія по 4, 5, 6 и 7-й рубрикамъ, то всѣ такія оправданія въ общей суммѣ составятъ около 10% всего числа приговоровъ т. е. будутъ численно ниже всѣхъ ограниченій и смягченій, даруемыхъ присяжными несомнѣнно закономѣрно.

Такимъ образомъ, если съ одной стороны представляются установленными случаи коллизіи между взглядами присяжныхъ и закона (такіе случаи справедливо оцѣниваются, какъ необходимый элементъ законодательнаго прогресса), то съ другой стороны, вытекающіе отсюда оправдательные приговоры не могутъ быть признаны, уже въ силу ограниченнаго числа ихъ, причиняющими, какъ это однако нерѣдко утверждается,—ущербъ правосудію страны.

VI.

Обзоръ данныхъ Сводной таблицы былъ-бы не полонъ, если-бы я не вглядѣлся въ тѣ дополнительныя къ нимъ справочныя рубрики, въ которыя занесены свѣдѣнія о личномъ составѣ присяжныхъ.

Здѣсь возникаетъ рядъ интересныхъ вопросовъ, которые всѣ группируются вокругъ сравнительнаго значенія при разрѣшеніи дѣлъ интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ присяжныхъ.

Въ главѣ III уже было объяснено, какъ производилось это раздѣленіе при записываніи дѣла; здѣсь остается комбинировать эти отмѣтки.

Таблица XXXV, изложенная по убывающему ряду интеллигентнаго большинства показываетъ въ соотвѣтствующихъ

рубрикахъ, соотвѣтствующее разнымъ сочетаніямъ интеллигентныхъ съ неинтеллигентными,—число обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ; затѣмъ выведенъ обвинительный процентъ для разныхъ сочетаній и наконецъ показано, сколько въ числѣ присяжныхъ находилось по каждому роду приговоровъ—иновѣрцевъ и христіанъ.

Если по этимъ даннымъ построить рядъ, убывающій по степени строгости (XXXVI табл.), то мы увидимъ во главѣ ряда—въ качествѣ самаго строгаго—составъ, въ которомъ 4 интеллигентныхъ соотвѣтствуютъ 8-ми неинтеллигентнымъ; самымъ слабымъ окажется составъ изъ 3-хъ инт. и 9-ти неинт; граница, соотвѣтствующая среднему обвинит. проценту (60, 87), придется между составами 6—6, гдѣ процентъ равенъ 61% и 5—7, гдѣ онъ равенъ 57%.

Изъ восьми верхнихъ членовъ ряда четыре, т. е. половина и въ томъ числѣ высшій членъ ряда, характеризуются большимъ числомъ иновѣрцевъ въ составѣ присяжныхъ и, надо сказать, что судебный опытъ давно подсказалъ, что иновѣрцы—христіане строже православныхъ.

Общее число иновѣрцевъ 1346 въ тѣхъ приговорахъ числомъ 1419, въ которыхъ мнѣ удалось отмѣтить ихъ участіе или неучастіе, соотвѣтствуетъ такимъ образомъ общему числу присяжныхъ въ 17028 челов.; слѣдовательно процентъ иновѣрцевъ вообще не великъ, а именно 7,85%. Отношеніе-же иновѣрцевъ къ православнымъ въ составахъ 4 и 8 (самый строгій типъ составовъ), какъ можно вычислить по табл. XXXV, равняется 13%, чѣмъ поэтому и можетъ быть отчасти объяснено высокое положеніе этого состава въ ряду.

Вотъ почему мы поступимъ правильнѣе, если не ограничимся этимъ изслѣдованіемъ роли иновѣрцевъ при отыскиваніи причинъ строгости восьми верхнихъ комбинацій присяжныхъ.

Для моей задачи гораздо важнѣе разсматривать въ цѣломъ болѣе обширную группу именно интеллигентныхъ присяжныхъ, куда примыкаютъ и иновѣрцы—христiане.

Общее обозрѣнiе этихъ восьми комбинацiй въ особенности, если взять отдѣльно 2, 3, 5 и 7 ой члены, свободные отъ усложняющаго влiянiя иновѣрцевъ, то мы увидимъ рѣзко выраженный законъ, что строгость интеллигент. присяжныхъ наибольшая тогда, когда ихъ меньше всего въ составѣ (1—11 и 2—10) или больше всего въ составѣ (12—0 и 11—1); этому соотвѣтствуетъ также 1-ый и 4-ый членъ въ которыхъ составъ характеризуется тѣмъ, что интеллигентные присяжные имѣютъ подавляющее большинство въ $^2/_3$ голосовъ или наоборотъ — представляютъ 4 голоса противъ 8-ми ($^1/_3$); такъ какъ равное число голосовъ даетъ приговоры выше средняго, то и 6-ой членъ (7—5) мы въ правѣ анализировать слѣдующ. образомъ: этотъ послѣднiй составъ строже состава 6—6, поэтому седьмой голосъ интеллигентнаго получаетъ характеръ рѣшающаго противъ всѣхъ неинтеллигентныхъ въ пользу строгости, также, какъ это происходитъ при составѣ во второмъ членѣ ряда (1—11).

Не трудно теперь вывести общiй законъ для наиболѣе строгихъ составовъ присяжныхъ. Составы 6—6 и 11—1 т. е. равенство между интел. и неинт. или большой перевѣсъ послѣднихъ, находятся, хотя и въ ряду строгихъ приговоровъ, но—слабѣе всѣхъ остальныхъ строгихъ составовъ.

Высшую строгость представляютъ приговоры, гдѣ интеллигентнымъ, по малому числу ихъ, приходится дѣйствовать силою доводовъ на неинтеллигентныхъ товарищей [1]) при томъ

---

[1]) Предположить обратное т. е. строгое рѣшенiе дѣла неинтеллигентными, въ большинствѣ находящимися, нельзя, такъ какъ мы увидимъ ниже, что интеллигентные присяжные строже неинтеллигентныхъ (71,86% и 58,55%).

условіи, что число самихъ интеллигентовъ по своей незначительности представляетъ мало шансовъ для раздѣленія голосовъ между ними самими; дѣйствительно всѣ противоположные случаи находятся въ ряду на самыхъ нисшихъ ступеняхъ; весьма возможно, что составъ 4—8, подходящій (хотя онъ строже всѣхъ) по характеру сочетанія интеллигентныхъ и не интеллигентныхъ къ самому слабому члену ряда (3—9), былъ бы и въ ряду гораздо ниже, еслибъ не случайность, что на него падаетъ наибольшій процентъ иновѣрцевъ.

Повторяю, что устраняя слишкомъ усложненные случаи съ иновѣрцами, мы имѣемъ ясно выраженный законъ, что строгое отношеніе присяжныхъ обусловливается такимъ сочетаніемъ, гдѣ интеллигентные имѣютъ противъ себя 10 или 11 челов. неинтелегентныхъ или сами являются въ большинствѣ 12-ти или 11-ти т. е. при полномъ почти отсутствіи неинтеллигентныхъ.

Итакъ общимъ правиломъ является выгодность для интересовъ обвиненія (при нормально-стоящемъ правосудіи это тѣ же интересы правосудія) присутствія наименьшаго числа интеллигентныхъ, но непремѣнная ихъ наличность. Такое положеніе вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что иновѣрцы, будучи естественно всегда въ меньшинствѣ, успѣли тѣмъ не менѣе наложить печать строгости на составы, въ которыхъ принимали участіе.

Выше я ссылался, какъ на законъ, что интеллигентные присяжные вообще строги; таблица XXXVII, доказывая это положеніе, разрабатываетъ его подробнѣе, и проводитъ извѣстную разницу и въ самой группѣ интеллигентовъ.

Таблица А, разбивая обвинительные и оправдательные приговоры на—вынесенные съ участіемъ интеллигентныхъ лицъ и безъ ихъ участія, показываетъ, что интеллигентные прясяжные вообще строже относятся къ подсудимымъ и въ частности гораздо строже для случаевъ полнаго сознанія:

при полномъ сознаніи у интеллигентныхъ присяжныхъ обвинительный процентъ равенъ 91,46.

Эти процентныя отношенія наглядно сопоставлены въ таблицѣ Б; если затѣмъ соединить всѣ случаи при полномъ сознаніи и безъ него въ двѣ группы обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ, то полученный такимъ образомъ средній обвинительный процентъ позволитъ составить слѣдующій рядъ: 71,86% для интеллигентныхъ, 60,87% для присяжныхъ вообще и 58,55% для неинтеллигентныхъ присяжныхъ.

Перейдемъ теперь, имѣя эти данныя къ очень интересной таблицѣ Г, гдѣ приведены цифры, которыя позволятъ намъ ближе ознакомиться съ вліяніемъ на строгость приговоровъ разныхъ категорій интеллигентныхъ присяжныхъ.

Для этой цѣли я разбилъ всѣ приговоры на слѣдующія группы: на постановленные съ участіемъ иновѣрцевъ въ качествѣ старшинъ, относя ихъ къ интеллигентнымъ; на приговоры составовъ, въ которыхъ удалось подмѣтить бывалыхъ присяжныхъ; также, какъ по отношенію къ этимъ двумъ категоріямъ, я подсчиталъ всѣ обвинительные и оправдательные приговоры, въ постановкѣ которыхъ сказалось вліяніе бывшихъ въ составѣ юристовъ, профессоровъ вообще, врачей, педагоговъ и военныхъ; при этомъ профессорствующіе юристы и врачи, показаны уже только въ графѣ профессоровъ; выведя обвинительный процентъ по каждой категоріи, я составилъ убывающій рядъ по степени строгости приговоровъ.

Этотъ рядъ подъ литерой Д даетъ результатъ, который отнюдь не удивитъ судебныхъ практиковъ, между тѣмъ для человѣка, незнакомаго съ судебнымъ дѣломъ или поверхностно къ нему относившагося, покажется страннымъ, что въ этомъ ряду ниже средняго процента (60,87) помѣстились не только неинтеллигентные присяжные (58,55), но кромѣ нихъ

и притомъ ниже ихъ—профессора (58,33) и наконецъ послѣдними въ ряду стали юристы (57,14%).

Совершенно ясно, что представители высшихъ членовъ ряда являются строгими въ силу привычки подчиняться извѣстной дисциплинѣ, поэтому въ нихъ рѣже сказывается распущенность, свойственная неинтеллигентному человѣку. Такимъ образомъ военная и педагогическая дисциплина, судебная дисциплина по отношенію къ бывалому присяжному и наконецъ дисциплина высшей культуры въ иновѣрцахъ, удостоенныхъ избранія въ старшины, достаточно объясняютъ положеніе лицъ этихъ категорій въ нашемъ ряду.

Несомнѣнно, что было бы странно приписывать нравственную распущенность врачамъ, профессорамъ и юристамъ, да въ этомъ и не представляется особенной необходимости; по отношенію къ врачамъ я даже не вижу особой надобности въ объясненіи, такъ какъ приговоры ихъ стоятъ все-таки выше средняго уровня, хотя и гораздо ниже интеллигентныхъ присяжныхъ вообще.

Итакъ причинъ слѣдуетъ искать въ умственномъ складѣ лицъ этихъ категорій.

Чрезвычайная узость кругозора громаднаго большинства врачей вообще не только обще-извѣстна, но и стоитъ въ непосредственной зависимости отъ того непосильнаго для большей части изъ нихъ и продолжительнаго учебнаго періода, который, предъявляя громадный запросъ на память и практическія занятія, лишаетъ большинство врачей досуга, необходимаго для общаго развитія, а затѣмъ и для общественной дѣятельности; слѣдствіемъ этого является узкій медицинскій взглядъ на преступника, а привычка къ крайней произвольности во мнѣніяхъ (гдѣ два врача—два мнѣнія) дѣлаетъ то, что присутствіе врача въ составѣ присяжныхъ засѣдателей особенно по дѣламъ, гдѣ есть эксперты, вноситъ въ совѣщаніе присяжныхъ всѣ элементы преслову-

тыхъ докторскихъ консиліумовъ. Надо полагать, что врачи остаются на совѣщаніи присяжныхъ въ меньшинствѣ, но заставляютъ большинство *думать,* что и подымаетъ приговоры.

Относительно профессоровъ и юристовъ я имѣю въ своемъ распоряженіи спеціально собранные и записанные факты, которые разработаю въ предстоящемъ мнѣ особомъ изслѣдованіи въ главѣ объ опасностяхъ, грозящихъ институту присяжныхъ засѣдателей; здѣсь я ограничусь общимъ замѣчаніемъ, что и тѣ и другіе приходятъ въ судъ съ наиболѣе опасными для судьи данными—предвзятыми мнѣніями.

И тѣ и другіе въ силу профессіи своей своеобразно относятся къ жизни и къ суду. Погруженные въ науку или чтеніе лекцій, профессора̀ по большей части знаютъ почти исключительно, притомъ часто слишкомъ теоретично, только наиболѣе развитую часть общества и склонны относиться къ остальной, какъ къ дѣтямъ или дикарямъ, а къ задачамъ общественнымъ, какъ къ вопросамъ второстепеннаго интереса: это лучшіе изъ профессоровъ, но въ силу приведенныхъ особенностей очень плохіе, за блестящими исключеніями, присяжные. Другой разрядъ — профессора̀-буквоѣды, рутинеры, представляющіе собой сборники книжныхъ теорій, потерявшіе способность самостоятельно мыслить — дѣйствуютъ на судѣ недальновидно и слишкомъ педантично. Есть профессора̀—чиновники по преимуществу—но они нехороши въ качествѣ присяжныхъ не потому, что „заурядъ“ пользуются званіемъ профессоровъ, а потому я не безъ удовольствія воздерживаюсь отъ бесѣды объ этомъ типѣ.

Контингентъ юристовъ присяжныхъ большею частью составляютъ отпавшіе отъ права кандидаты правъ, тѣмъ болѣе старающіеся обыкновенно изображать въ совѣщательной комнатѣ оракуловъ и проводить въ неюридическіе умы отрывки сомнительныхъ юридическихъ знаній.

Здѣсь весьма кстати сослаться на то, что въ воспоминаніяхъ бывшаго присяжнаго засѣдателя г. Джаншіева упоминается его отказъ въ совѣщательной комнатѣ заявить свое мнѣніе первымъ, именно на томъ основаніи, что онъ юристъ, а присяжные нормально предполагаются не юристами [1]). Такая добросовѣстность, разумѣется, является рѣдкимъ исключеніемъ, а обыкновенно юристы—присяжные насилуютъ своихъ товарищей.

Юристы—присяжные чаще всего изъ категоріи защитниковъ т. е. лицъ не только слишкомъ близкихъ къ суду, но и въ большинствѣ страдающихъ узко — оппозиціонными къ суду поползновеніями; если къ этому прибавить, что подавляющее большинство представителей защиты—цивилисты (по занятіямъ), то станетъ понятна поверхностная криминалистика, которую они тенденціозно выдвигаютъ всѣми силами предъ судомъ въ качествѣ калифовъ на часъ. Къ сожалѣнію дѣловая и личная близость многихъ защитниковъ къ особенно распространившемуся нынѣ типу хищниковъ, живущихъ на барскую ногу, ведетъ къ тому, что мудрено подчасъ вѣрить въ безпристрастіе первыхъ, когда имъ приходится судить одного изъ вторыхъ.

Чтобы быть присяжнымъ средней силы, обыкновенный житейскій опытъ и здравый смыслъ вполнѣ достаточны, всякая же тенденціозность теоретическаго или практическаго характера придаетъ вердиктамъ гибельный и ненавистный оттѣнокъ судейскаго произвола.

---

[1]) Брошюра: Судъ надъ судомъ прис. Приложеніе стр. 160.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Покончивъ со всякими цифровыми выкладками, я обращусь теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ процессовъ, съ тѣмъ, чтобы, насколько это возможно, демонстрировать заключающіеся въ первоначальныхъ таблицахъ образцы матеріала, который будетъ служить для дальнѣйшихъ построеній.

Заключенія, составленныя мною при слушаніи, записываніи въ таблицы, а затѣмъ при анализѣ каждаго изъ этихъ дѣлъ, внесены, какъ я уже объяснялъ, въ особыя „текстуальныя" карточки и пользованіе этими карточками служило далѣе гарантіей основательнаго составленія *болѣе общихъ заключеній;* также при изложеніи характерныхъ эпизодовъ я прямо черпалъ ихъ изъ первоначальныхъ таблицъ, не позволяя себѣ полагаться на память.

Эти *вторичныя* заключенія покоящіяся на лежащемъ въ основаніи ихъ точномъ матеріалѣ, все таки должны быть разсматриваемы какъ матеріалъ только.

Окончательныя обобщенія, ввидѣ уже провѣренныхъ дедуктивно эмпирическихъ законовъ, будутъ имѣть въ своей основѣ этотъ матеріалъ, а также и цифровыя данныя; эти послѣднія обобщенія ввидѣ свода эмпирическихъ законовъ будутъ представлять правосознаніе присяжныхъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) теорію доказательствъ, дѣйствующую на судѣ присяжныхъ и 2) взглядъ суда присяжныхъ на вопросы общей части уголовнаго права: о субъектѣ, объектѣ, объ умыслѣ и о внѣшней сторонѣ преступнаго дѣйствія, а также о наказуемости.

Итакъ въ ближайшихъ главахъ я дамъ образцы матеріала и нѣкоторыя заключенія („вторичныя") ввидѣ мнѣній, господствующихъ на судѣ присяжныхъ по отдѣльнымъ родамъ преступленій, а именно: относительно особенностей доказательствъ по каждому роду преступленій, о составѣ отдѣльныхъ преступленій и наконецъ о наказуемости ихъ — т. е. данныя такъ сказать особенной части уголовнаго права, какъ она рисуется по приговорамъ присяжныхъ.

Эти данныя, имѣющія лечь въ основаніе болѣе общихъ выводовъ, какъ доказательственнаго права, такъ и положеній общей части уголовнаго права, упомянутыхъ мною выше, должны, такъ сказать, иллюстрировать собою тѣ болѣе широкія обобщенія, которыя окажутся построенными на основаніи всей совокупности приговоровъ, мною теперь разсматриваемыхъ; получаются эти данныя, какъ я уже говорилъ, посредствомъ механической группировки текстуальныхъ карточекъ, относящихся къ однороднымъ процессамъ на основаніи сходства главныхъ фактовъ въ нихъ означенныхъ и принимаемыхъ за основаніе группировки, каждый по очереди, одинъ за другимъ.

Изложеніе особенной части удобнѣе всего вести въ порядкѣ, принятомъ въ Уложеніи о наказаніяхъ, по возможности сближая однородныя преступленія. Разумѣется, исчерпывая въ этихъ образцахъ всѣ роды преступленій, встрѣчающихся въ моихъ процессахъ, я совсѣмъ не коснусь многихъ другихъ, имѣющихся въ Уложеніи преступленій по той простой причинѣ, что, не имѣвъ съ ними дѣла, я не имѣю такихъ процессовъ въ первоначальныхъ таблицахъ.

I.

Скопчество въ глазахъ присяжныхъ заслуживаетъ кары не съ религіозной точки зрѣнія, а какъ ученіе, которое характеризуется тяжкимъ личнымъ вредомъ, причиняемымъ

новообращеннымъ. Эти послѣдніе, вербуемые преимущественно въ бѣдной и невѣжественной части населенія, соблазняются деньгами или, застигнутые врасплохъ, иногда опоенные, оказываются изувѣченными неожиданно для самихъ себя.

Сознаніе физической ненормальности, которая неминуемо въ будущемъ рѣзко выдѣлитъ ихъ изъ общества, заставляетъ ихъ, почти противъ воли, переходить въ скопчество и по духу.

Ввиду этого присяжные отличаютъ эти жертвы, попадающія наравнѣ съ совратителями на скамью подсудимыхъ въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 1 ч. 202 ст. и 2 ч. 201. Ул. о Нак. Въ дѣлѣ скопца Шадрина, рѣшенномъ въ СПБ. въ Ноябрѣ 1893 года, рядомъ съ главнымъ обвиняемымъ, сосланнымъ въ каторжныя работы, фигурировала его племянница, дѣвушка 21 года, несомнѣнная скопчиха и физически, и духовно; она была однако оправдана, какъ жертва, завлеченная дядей—Шадринымъ, давшимъ ей кровъ и постепенно втянувшимъ ее въ скопчество. 14 Мая 1891 года, тоже въ СПБ., былъ осужденъ присяжными нѣкто Кузинъ за то, что, будучи скопцомъ, проживалъ въ Петербургѣ, не имѣя въ паспортѣ соотвѣтствующей отмѣтки. Это преступленіе чисто формальнаго характера—такъ называемое „противъ системы"— встрѣтило, однако, строгое осужденіе, такъ какъ присяжные усмотрѣли, что въ данномъ случаѣ отсутствіе отмѣтки было средствомъ избѣгнуть надзора полиціи въ связи съ тѣмъ, что Кузинъ былъ дѣятельнымъ совратителемъ; необходимо замѣтить, что ни одной жертвы въ виду не имѣлось; ясно было однако, что Кузинъ фанатикъ — изувѣръ и умышленно скрывалъ отъ полиціи, что онъ скопецъ.

Вотъ разгадка того, что статья 202 ч. 1-я, чисто формальная, и съ точки зрѣнія суда присяжныхъ, слѣдовательно, мертвая (она не требуетъ умысла) — въ данномъ случаѣ ожила и получила полезное примѣненіе.

Интересно, что Кузинъ защищался десятилѣтней давностью оскопленія, а также и тѣмъ, что оскопленіе произошло случайно: онъ, будто бы упалъ черезъ слуховое окно на лѣстницу, ведшую на чердакъ и угломъ каменной изломанной скамейки полуоторвалъ половые органы; случившійся при этомъ дворникъ (неизвѣстный и ненайденный) „отрѣзалъ все“, чтобы спасти ему жизнь.

Экспертъ врачъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ яснѣе всего можно охарактеризовать эпитетомъ „умственно-нерасторопный“, вмѣсто того, чтобы коротко и ясно выразить свою мысль, сказавъ, что за давностью рубцовъ онъ не можетъ дать заключенія, запутался въ заколдованномъ, хотя и не хитромъ, кругѣ: „можетъ быть все случилось такъ, какъ говоритъ подсудимый, а можетъ быть и не было такъ“.

Такое опасное для обвиненія заключеніе врача не было однако принято присяжными, которые вообще не интересовались физической стороной оскопленія; они съ брезгливостью отказались осмотрѣть „большую печать“ Кузина и сосредоточились исключительно на письменномъ матеріалѣ, удостовѣрявшемъ ввидѣ стиховъ и записокъ его фанатизмъ. Съ точки зрѣнія доказательствъ былъ интересенъ моментъ, рѣшившій обвиненіе: Кузинъ, обнаружившій кляузническіе пріемы, сбивавшій свидѣтелей и видимо старавшійся затемнить дѣло, вдругъ выпрямился и глядя на образъ началъ: „Какъ передъ Богомъ“... но замялся и не сразу окончилъ фразу — „я не скопецъ“. Эта заминка, встрѣченная на скамьѣ присяжныхъ ироническими улыбками, рѣшила его участь.

Объявляя ему приговоръ *безъ снисхожденія,* присяжные смотрѣли на него въ упоръ, что бываетъ очень рѣдко и значитъ, что они негодуютъ; въ большинствѣ случаевъ строгость приговора приводитъ присяжныхъ въ стыдливое настроеніе и они, отворачиваясь, потупляютъ глаза.

Чтобы не возвращаться болѣе къ методологическимъ вопро-

самъ, я пользуюсь удобнымъ случаемъ на данномъ частномъ примѣрѣ показать способъ отысканія и формулированія эмпирическихъ заключеній, образцы которыхъ я только что показалъ.

Приступая къ обвиненію, я всегда старался найти въ дѣлѣ жизненную нотку не только со своей точки зрѣнія, но и съ предполагаемой точки зрѣнія суда присяжныхъ; я намѣренно избѣгаю выраженія „присяжнаго засѣдателя“, ибо точка зрѣнія отдѣльныхъ присяжныхъ — слишкомъ случайный масштабъ.

Обвиненіе, въ данномъ случаѣ по дѣламъ о скопчествѣ, я строилъ, слѣдовательно, на а priori формулированномъ законѣ: „столичные обыватели не могутъ карать скопчество съ точки зрѣнія религіозной нетерпимости, а какъ вредное и опасное изувѣрство—должны его преслѣдовать“ или: „201 ст. ч. 1, чисто полицейское нарушеніе, получаетъ смыслъ для присяжныхъ, если состояніе подсудимаго въ скопчествѣ скрывалось имъ ради изувѣрныхъ цѣлей“. Такъ какъ приговоръ оправдывалъ такой взглядъ, то я формулировалъ эти провѣренные, слѣдовательно, мною положенія ввидѣ эмпирическихъ законовъ; для этого я не нуждался, какъ уже не разъ объяснялъ это выше въ большомъ числѣ дѣлъ; дѣйствительно и одно дѣло, изслѣдованіе котораго ясно обнаружило „причину“ (напримѣръ путемъ распрашиванія присяжныхъ о мотивахъ рѣшенія), могло служить для формулировки эмпирическаго закона уже достаточнаго, до поры до времени; наступятъ новые случаи и укажутъ, насколько часто встрѣчается дѣйствіе этого закона, и эмпирическій законъ расширится или съузится, но не оторвется отъ почвы (причина явленія вѣдь установлена уже на первомъ случаѣ), а слѣдовательно, уже начиная съ анализа перваго случая, наше обобщеніе, все таки—эмпи-

рическій законъ, хотя бы и нисшаго порядка, „въ самомъ простомъ смыслѣ“, какъ говоритъ Милль [1]).

Тѣмъ и отличается настоящее „наведеніе“ отъ стараго, заброшеннаго со времени Бэкона: inductio per enumerationem simplicem, что выводъ зиждется на отысканіи причины. Научная же повѣрка моего эмпирическаго закона, какъ послѣднее звено нѣсколько измѣненнаго мною обратно—дедуктивнаго метода, заключается въ попыткахъ выведенія найденнаго общаго заключенія изъ болѣе общихъ положеній, какъ индуктивнаго, такъ и дедуктивнаго характера, опредѣляющихъ содержаніе правосознанія и вообще психологіи русскихъ присяжныхъ, а также изъ основныхъ чертъ русской общественности, насколько послѣднія вліяютъ на русскій судъ присяжныхъ.

Эти общія положенія, играющія въ моемъ силлогизмѣ роль большой посылки, замѣняли мнѣ неустановленные еще соціальные и психоэтологическіе законы, необходимые по Миллю при пользованіи обратно—дедуктивнымъ методомъ въ чистомъ его видѣ. Въ свою очередь составленіе болѣе общихъ положеній изъ сопоставленія ранѣе найденныхъ, менѣе общихъ,—есть, само по себѣ, научный пріемъ провѣрки. „Этотъ способъ исправлять одно обобщеніе другимъ, тѣснѣйшее болѣе широкимъ, говоритъ Милль, способъ который предлагается и принимается здравымъ смысломъ на практикѣ, есть дѣйствительный типъ научнаго наведенія“ [2]).

Въ результатѣ, только выдержавшія этотъ рядъ провѣрокъ, обобщенія излагаются мною: здѣсь менѣе широкія (особенная часть уголовнаго права), далѣе въ послѣднихъ двухъ главахъ будутъ изложены самыя общія.

Сдѣлавъ эти замѣчанія, я, какъ въ этой главѣ при изло-

---

[1]) Сист. логики. Милль 48 и 69 II.

[2]) L. c. 370 и 371. I.

женіи отдѣльныхъ процессовъ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ, уже прямо даю формулированные эмпирическіе законы въ общей ихъ формѣ, хотя, какъ сказалъ, привожу ихъ на почвѣ отдѣльныхъ примѣровъ для большей ясности т. е. иллюстрирую частными случаями. Отъ времени до времени будутъ встрѣчаться тѣже законы, о которыхъ идетъ рѣчь, а именно: построенные на анализѣ отдѣльныхъ судебныхъ случаевъ, но уже въ связи съ установленными выше такими же законами, полученными примѣненнымъ мною ранѣе, особымъ статистическимъ методомъ. Слѣдовательно, все дальнѣйшее изложеніе уже пойдетъ, не прерываясь методологическими соображеніями; но слѣдуетъ помнить, что это дальнѣйшее изложеніе есть конструкція выдержавшихъ провѣрку эмпирическихъ законовъ дѣятельности суда присяжныхъ.

Итакъ всѣ послѣдующія главы въ итогѣ должны дать систему правосознанія присяжныхъ въ формѣ законовъ научныхъ, управляюшихъ дѣятельностью этого суда въ Россіи.

Обратимся къ слѣдующему по очереди преступленію—къ святотатству.

II.

Святотатство понимается присяжными не просто въ смыслѣ кражи, отягченной квалифицирующими обстоятельствами, но именно такъ, какъ понимаетъ его уложеніе; это преступленіе sui generis, составъ котораго не можетъ нарушаться путемъ ограничительныхъ отвѣтовъ ради смягченія участи подсудимыхъ. Единственный случай оправданія (изъ 17-ти) при доказанной винѣ выпалъ на долю 14-ти лѣтняго мальчика, Захара, котораго въ 1883 г. въ г. Крестцахъ присяжные оправдали ввиду того, что его сдѣлалъ участникомъ святотатства отецъ, завзятый рецидивистъ.

Въ томъ же 1883 г. въ г. Боровичахъ былъ обвиненъ за похищеніе во время заутрени креста съ престола 15-ти лѣтній Новиковъ, причемъ, признавъ его дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія, присяжные отказали ему все таки въ снисхожденіи. Такимъ образомъ, по мнѣнію присяжныхъ, необходимо, хотя бы слѣпое, почитаніе церкви; впрочемъ въ другихъ случаяхъ, не столь дерзкихъ кражъ, присяжные допускали снисхожденіе несовершеннолѣтнимъ, обвиняемымъ въ святотатствѣ, упорно однако отказывая въ немъ взрослымъ, въ особенности рецедивистамъ; пьянство при святотатствѣ никакого смягчающаго значенія не имѣетъ; отсутствіе ущерба—тоже.

Такое отношеніе суда присяжныхъ къ святотатству наблюдается не только въ провинціяхъ, но и въ обѣихъ столицахъ. Признаніе или непризнаніе подсудимаго также не играетъ роли: упомянутый выше 15-ти лѣтній Новиковъ съ плачемъ заявлялъ о своемъ раскаяніи; лишенный особыхъ правъ, сынъ причетника Сабининъ, производившій на судѣ самое симпатичное впечатлѣніе, умолялъ въ Московскомъ Окружномъ Судѣ въ 1894 году наказать его строже, но освободить напоеннаго и вовлеченнаго имъ въ преступленіе 18-ти лѣтняго Чистякова; однако присяжные осудили ихъ обоихъ, даровавъ снисхожденіе только послѣднему и признавъ, что онъ вовлеченъ въ преступленіе совершеннолѣтнимъ.

Нельзя не сказать, что наказаніе, полагаемое закономъ за святотатство, весьма строго. Сабинину, напримѣръ, оно не могло быть назначено ниже каторжной работы и онъ прямо заявлялъ объ этомъ присяжнымъ; слѣдовательно, соображеніе о тяжести наказанія не останавливаетъ присяжныхъ при постановкѣ обвинительнаго вердикта о святотатствѣ; мало того, какъ я уже упоминалъ, и ограниченія допускаются присяжными только на фактической подкладкѣ. Несмотря на такую строгость присяжныхъ, обвиняемый въ святотатствѣ

можетъ однако разсчитывать, какъ и всякій другой подсудимый, на большую осторожность присяжныхъ.

5-го ноября 1892 г. былъ обвиненъ въ святотатственномъ похищеніи канделабра изъ Греческой церкви въ СПБ—гѣ запасный военный церковникъ Алексѣевъ; подсудимый, дѣйствительно бывшій пьянымъ въ моментъ совершенія преступленія, увѣрялъ, что не понималъ, что дѣлалъ, и ничего не помнитъ; случившійся въ составѣ присяжныхъ строитель этой самой церкви, такъ сказать, потерпѣвшій по дѣлу, держалъ своихъ товарищей въ совѣщательной комнатѣ 1 ч. 20 м., убѣждая ихъ, что церковникъ не могъ не знать, что канделабръ за престоломъ является предметомъ, освященнымъ чрезъ употребленіе при богослуженіи. Присяжные однако нашли такое выводное доказательство недостаточнымъ и дали ограничительный въ этомъ смыслѣ отвѣтъ, отказавъ тѣмъ не менѣе въ снисхожденіи.

Лжеприсяга и *лжесвидѣтельство* должны быть разсматриваемы совмѣстно, такъ какъ, согласно справедливому указанію Лохвицкаго [1]), эти два преступленія на судѣ присяжныхъ совпадаютъ. Преступленіе это представляется однимъ изъ наиболѣе серіозныхъ, являясь преступленіемъ противъ самаго суда. Есть цѣлые разряды дѣлъ, напримѣръ безпатентная торговля виномъ, поджоги и др., есть инстанціи, напримѣръ Съѣздъ Мировыхъ судей, есть мѣстности, напримѣръ, столицы, гдѣ лжесвидѣтельство — обычное явленіе; нерѣдко приходится слышать отъ судебныхъ дѣятелей, что усиленіе этого зла можетъ привести къ судебному банкротству.

Изъ таблицъ, приложенныхъ къ I-й главѣ, мы знаемъ однако, что за одинадцать лѣтъ (79—89 г.) было всего 156 случаевъ преслѣдованія лжеприсяги. Если мы возьмемъ

---

[1]) Курсъ русск. Угол. Права. 338. Изд. 71 г. СПБ.

крайніе года, то мы увидимъ въ 79 г. 41 случай, въ 89 г.— 18 случаевъ. Сила репресіи, хотя незначительно, но возросла (съ 53% до 55%) и тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ таблицы IV е., лжесвидѣтельство при средней репрессіи растетъ скорѣе, чѣмъ цифра населенія. Итакъ, уменьшеніе къ 89 г. числа случаевъ лжеприсяги только кажущееся. Дѣйствительно въ той же таблицѣ IV мы видимъ громадное (почти въ 6 разъ) увеличеніе цифры лжесвидѣтельства, съ которой къ сожалѣнію смѣшанъ ложный доносъ, очень рѣдко, впрочемъ, фигурирующій на судѣ.

Нельзя не отмѣтить крайнюю трудность преслѣдованія этого преступленія: ввиду того, что Новгородскій округъ вообще выдается въ ряду другихъ по числу лжесвидѣтелей, я пересмотрѣлъ всѣ производившіеся съ 80 г. по 82 г. включительно дѣла объ этомъ преступленіи: ихъ оказалось 24. Изъ этого числа дошло до суда—10, прекращено—14. Изъ числа разсмотрѣнныхъ судомъ дѣлъ по семи послѣдовалъ обвинительный приговоръ коронпаго суда, по двумъ обвинительный приговоръ присяжныхъ и только по одному—оправдательный приговоръ присяжныхъ.

Слѣдовательно дошло до суда около 40% начатыхъ дѣлъ. Дѣла эти возбуждались въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ прокуроромъ, только одинъ разъ—потерпѣвшимъ. Самое возбужденіе только одинъ разъ послѣдовало въ самый день ложнаго показанія, въ остальныхъ случаяхъ—со дня показанія до возбужденія преслѣдованія протекало: 2, 3, 5, 7, 11 и 12 мѣсяцевъ. Понятно, что улики въ преступленіи, такъ сказать словесномъ по своей формѣ, совершенно стирались.

Рядомъ съ этимъ обращаетъ на себя вниманіе число такихъ дѣлъ, рѣшенныхъ коронпымъ судомъ, чего за послѣдующее время не встрѣчается; дѣйствительно, послѣ Рѣш. Уг. Кас. Деп. Сен. по дѣлу Прасовникъ 82 г. № 16.

прекратились преслѣдованія ложныхъ показаній, данныхъ у слѣдователя безъ присяги, когда свидѣтель измѣнялъ свое показаніе на судѣ подъ присягой, между тѣмъ ближайшее разсмотрѣніе семи приговоровъ коронняго суда за ложное показаніе, упомянутыхъ выше, показываетъ, что, дѣйствительно, ложное показаніе было дано на судѣ присяжныхъ и оно то и каралось судомъ подъ видомъ лжесвидѣтельства у слѣдователя, такъ какъ преслѣдованіе за лжеприсягу, ввиду довѣрія, оказаннаго присяжными ложному показанію, предпредставлялось бы безцѣльнымъ. Итакъ—коронный судъ предпочиталъ безнаказанности ложно присягнувшихъ свидѣтелей болѣе слабое ихъ наказаніе, освобожденіе же въ данномъ случаѣ отъ суда оправдательнымъ вердиктомъ присяжныхъ нѣсколькихъ поджигателей и убійцъ, какъ слѣдствіе ложныхъ показаній, составило непоправимый уже средствами суда вредъ отъ этого преступленія.

Теперь, когда дѣйствуетъ, приведенное выше, рѣшеніе Сената, сталъ невозможенъ даже этотъ коррективъ коронняго суда. Въ самомъ дѣлѣ ложное показаніе подъ присягою обыкновенно судится присяжными въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные засѣдатели не приняли его, напримѣръ осудили подсудимаго, вопреки ложнымъ свидѣтелямъ алибистамъ, т. е. въ случаяхъ безвредныхъ для правосудія; обратные случаи, когда присяжные повѣрили лжесвидѣтелю, почти безнадежны для преслѣдованія, ввиду состоявшагося вердикта, и подобные дѣла почти всегда прекращаются Судебной Палатой. Но и въ случаяхъ перваго рода ложное показаніе, внесенное въ протоколъ, причемъ ложность его закрѣплена вердиктомъ неповѣрившихъ ему присяжныхъ, не можетъ считаться доказаннымъ eo ipso, такъ какъ доказательство такое чисто формальнаго свойства.

Такой случай представляетъ дѣло Костяевой, оправданной 24 окт. 85 г. въ СПБ—гѣ. Костяева дала въ январѣ 84 г.,

т. е. 9 мѣс. тому назадъ ложное подъ присягой показаніе, что сарай Шефера, гдѣ была найдена по обыску слѣдователя коробка съ фальшивыми кредитками, никогда незапирался; изъ этого должно было слѣдовать, что коробка могла быть подброшена, что и утверждалось защитою. Шеферъ тѣмъ не менѣе былъ обвиненъ, такъ какъ вызванный на судъ слѣдователь удостовѣрилъ, что при обыскѣ сарай Шефера оказался запертымъ. На судѣ обвиняемая Костяева утверждала, что показаніе ея записано въ протоколѣ суда неполно, что сарай, по ея показаніямъ *незапирался послѣ обыска*. Такое новое объясненіе, невозможное для провѣрки, но лишавшее это показаніе свидѣтельницы Костяевой всякаго значенія для дѣла Шефера, нетолько подорвало обвиненіе Костяевой въ лжеприсягѣ, но самая возможность его показываетъ наглядно всю трудность обвинять въ лжесвидѣтельствѣ при такой измѣнчивости corporis delicti. Въ этомъ же дѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство: Костяева обвинялась согласно обвинительному акту по 238 ст. Ул. другими словами самъ обвинитель признавалъ, что лживая присяга была учинена безъ обдуманнаго намѣренія, а по замѣшательству въ трудныхъ обстоятельствахъ и слабости разумѣнія о святости присяги. Присяжные, оправдывая Костяеву, признали, повидимому, съ чѣмъ нельзя не согласиться, что ложное показаніе можетъ быть только умышленное; въ самомъ дѣлѣ—преступленіе, предусмотрѣнное 238 ст., карающее лжеприсягу по неосторожности, такъ сказать, не выдерживаетъ юридической критики.

Приведенное выше замѣчаніе вводитъ насъ въ область правосознанія присяжныхъ по отношенію къ составу даннаго преступленія; въ этой области особенно характерны данныя, которыя можно извлечь изъ дѣла, кончившагося также оправдательнымъ приговоромъ 5 окт. 92 г. въ СПБ—гѣ. Это дѣло стоитъ привести подробнѣе.

Поваръ Сѣверной гостиницы В. П. Дроздовъ въ сентябрѣ 1891 года зашелъ въ билліардную, арендаторомъ которой въ этой гостинницѣ состоялъ Михаилъ Гавриловъ, и нанесъ ему, а равно и женѣ его, въ то время тамъ находившейся, оскорбленіе на словахъ. Супруги Гавриловы подали жалобу мировому судьѣ, и рѣшеніемъ послѣдняго Дроздовъ былъ приговоренъ къ четырехдневному аресту. Гавриловъ остался недоволенъ такимъ незначительнымъ наказаніемъ, къ которому присужденъ былъ обидчикъ, и подалъ апелляціонную жалобу въ мировой съѣздъ. Съѣздъ, однако, рѣшеніе судьи утвердилъ. Гавриловъ подалъ кассаціонную жалобу въ Правительствующій сенатъ, а 13-го ноября 1891 г. обратился къ прокурору С.-Петербургскаго окружнаго суда съ просьбою возбудить уголовное преслѣдованіе противъ В. П. Дроздова и Граффа за данное послѣднимъ, по подговору перваго, ложное подъ присягой показаніе въ засѣданіи столичнаго мирового съѣзда, во время разбора уголовнаго дѣла Гавриловыхъ съ Дроздовымъ.

Изъ осмотра приговоровъ мирового судьи и съѣзда видно, что у мирового судьи дѣло по обвиненію Дроздова въ оскорбленіи Гавриловыхъ разбиралось 13-го сентября 1891 г., а въ съѣздѣ 25-го октября того-же года; допрошенный въ качествѣ свидѣтеля Граффъ, по приводѣ его къ присягѣ, показалъ въ съѣздѣ то-же, что и у мирового судьи, а именно объяснилъ, что не Дроздовъ ругалъ Гавриловыхъ, а Гавриловы, наоборотъ, ругали Дроздова. Между тѣмъ, свидѣтели Вольбергъ, Смирновъ и другіе какъ въ съѣздѣ, такъ и на допросѣ у судебнаго слѣдователя опровергли это, удостовѣривъ, что ссора Гавриловыхъ съ Дроздовымъ происходила въ корридорѣ гостинницы и что Граффа тутъ совершенно не было. Свидѣтель Смирновъ добавилъ на допросѣ у судебнаго слѣдователя, что наканунѣ разбора дѣла мировымъ судьею, Дроздовъ въ портерной убѣждалъ его дать ложное показаніе въ его, Дроздова, пользу, предлагая за это 10 рублей; когда-же Смирновъ отказался отъ этого, а подошедшій къ Дроздову Граффъ выразилъ свое согласіе, то Дроздовъ далъ ему 5 рублей и училъ показать, что Гавриловы ругали Дроздова, а не наоборотъ.

Допрошенные въ качествѣ обвиняемыхъ Граффъ и Дроздовъ виновными себя не признали и объяснили: Дроздовъ—что не только не склонялъ Граффа къ дачѣ ложнаго показанія, но даже раньше не зналъ его, а узналъ только отъ содержателя прачешной при гостинницѣ, Сикорскаго, что есть человѣкъ, бывшій случайно свидѣтелемъ ссоры обвиняемаго съ Гавриловымъ и готовый это засвидѣтельствовать на судѣ. Граффъ-же разсказалъ, что, отыскивая въ билліардной Сѣверной гостинницы Сикорскаго, такъ какъ жена послѣдняго отказалась выдать ему выстиранное бѣлье, случайно былъ при этомъ свидѣтелемъ упомянутой ссоры, послѣ чего неожиданно получилъ повѣстку отъ мирового судьи. Свидѣтельница Сикорская, однако, не подтвердила сдѣланной на нее ссылки, а Сикорскій объяснилъ, что не зналъ Граффа до того, какъ тотъ безъ всякаго повода заявилъ ему, что былъ свидѣтелемъ ссоры между Дроздовымъ и Гавриловымъ, о чемъ Сикорскій и сказалъ Дроздову. Особаго вниманія заслуживаетъ показаніе швейцара этой гостинницы, положительно удостовѣрившаго, что онъ долженъ былъ замѣтить Граффа, если-бы тотъ вошелъ по парадной лѣстницѣ. Защита, между прочимъ, указала на то, что швейцаръ, привлеченный шумомъ, происходившимъ въ билліардной, по показанію свидѣтелей отправился туда, что въ это, именно, время и зашелъ Граффъ; что, вообще, все дѣло дошло до суда необычайнымъ путемъ, такъ какъ Гавриловъ во что-бы то ни стало домогался строгаго обвиненія Дроздова, что, не довольствуясь четырехдневнымъ арестомъ, назначеннымъ Дроздову, онъ перенесъ дѣло въ съѣздъ, затѣмъ даже въ сенатъ, а теперь обвиняетъ его въ подстрекательствѣ Граффа къ дачѣ ложнаго показанія; что, вообще, трудно предположить, чтобы Дроздовъ, нанося оскорбленіе Гаврилову и его женѣ, въ свою очередь, не подвергся-бы оскорбленію со стороны этихъ послѣднихъ, людей бывалыхъ и не любящихъ давать спуску, что, слѣдовательно, при такомъ

положенія дѣла, ясно, что Граффъ могъ зайти въ билліардную и быть свидѣтелемъ происшедшей обоюдной ссоры. А разъ это такъ, то не можетъ быть и рѣчи о подстрекательствѣ со стороны Дроздова.

Присяжные засѣдатели отвергли самый фактъ существованія ложнаго показанія.

Изъ заявленій присяжныхъ по этому дѣлу, къ которому они отнеслись очень внимательно и серіозно, выяснилось, что Дроздовъ, по ихъ мнѣнію, несомнѣнно подговорилъ Граффа дать ложное показаніе и что Граффъ не былъ на мѣстѣ ссоры и не могъ быть свидѣтелемъ нанесенія Гавриловыми обиды Дроздову; съ другой стороны однако присяжные согласились съ предсѣдательствовавшимъ, замѣтившимъ, что по бытовымъ условіямъ не могло быть иначе, чѣмъ показывалъ Граффъ, т. е. что обѣ стороны, по всей вѣроятности, бранились между собой и, что слѣдовательно, взаимность обидъ могла имѣть мѣсто; ввиду этого присяжные признали, что, хотя Граффъ и говорилъ неправду подъ присягой, выдавая себя за очевидца, но что удостовѣренное имъ событіе, т. е. взаимность обидъ, должно было имѣть мѣсто; эти соображенія и побудили присяжныхъ отвергнуть самый фактъ преступленія. Изъ приведеннаго случая можно заключить, что составъ преступленія лжесвидѣтельства понимается не только присяжными, но и иными судьями своеобразно, а именно: важнымъ представляется не субъективный элементъ, не то, какъ свидѣтель отнесся къ присягѣ, такая субъективная преступность представляется преступностью, такъ сказать, формальной, не заслуживающей кары, если ей не сопутствовало дѣйствительное искаженіе обстоятельствъ, слѣдовательно объективная ложь. Изъ этого можно бы, пожалуй, вывести слѣдующее правило: на судѣ дозволительно лгать, даже подъ присягой, въ обстоятельствахъ второстепенныхъ, если этимъ не искажаются главныя данныя дѣла, слѣдовательно нѣтъ вреднаго вліянія на результатъ судебнаго разбирательства. Отсюда одинъ выводъ, что самый фактъ нарушенія присяги не является

преступленіемъ противъ вѣры, какъ это значится въ Уложеніи, а преступленіемъ противъ суда; дѣйствительно, при оцѣнкѣ доказательствъ по внутреннему убѣжденію разница между присяжнымъ и безприсяжнымъ показаніемъ давно утратилась.

Сообразно съ этимъ въ противоположность святотатству присяжные при лжесвидѣтельствѣ относятся съ большой разборчивостью къ составу преступленія; здѣсь часто маловажность дѣла, напримѣръ простая кража, по которому дано ложное подъ присягой показаніе, заставляетъ присяжныхъ отступать передъ строгостью наказанія. Я не имѣю ввиду при этомъ помилованія, а роковымъ образомъ вступающія въ свои права соображенія о снисходительности закона къ показаніямъ подсудимаго во всякомъ дѣлѣ и строгость къ свидѣтелю, въ самыхъ маловажныхъ дѣлахъ.

18-го мая 1892 г. въ СПБ—мъ Окр. Судѣ были оправданы двое лицъ, давшихъ, по подговору третьяго, показаніе, ложность котораго доказывалась прокуроромъ. Рѣчь шла о томъ, что 2 дек. 1890 г. у нѣкоего Керстенъ въ пьяной компаніи было похищено подсѣвшею къ нему женщиною золотое кольцо. Приговоренная Миров. Судьей, подсудимая О. представила въ Съѣздъ свидѣтелей, своихъ земляковъ, виленскихъ мѣщанъ, которые черезъ три мѣсяца послѣ событія удостовѣрили, что О. въ ихъ присутствіи, тогда же 2-го дек., возвратила Керстену его кольцо, изъ чего слѣдовало, что она брала его только, чтобы имъ полюбоваться. Съѣздъ ее оправдалъ. На судебномъ слѣдствіи одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей горячо уличалъ потерпѣвшаго Керстена въ рядѣ противорѣчій, что было и нетрудно, такъ какъ Керстенъ слишкомъ увѣренно говорилъ о подробностяхъ вечера, втеченіе котораго былъ сильно пьянъ. Съ другой стороны оба подсудимые и подговорщица О. видимо ужасно боялись приговора и присяжные невольно задавались

мыслью о томъ, что если и было ложное показаніе, то все-таки самый фактъ кражи представляется сомнительнымъ; отсюда понятна та нестрогая критика, которая прилагалась присяжными къ объясненіямъ подсудимыхъ, значительно противорѣчившимъ другъ другу и свидѣтелямъ при изложеніи подробностей этого вечера.

Такимъ образомъ данный оправдательный приговоръ не представлялъ собою помилованія, а былъ основанъ на недостаткѣ доказательствъ вины.

Нельзя все таки не замѣтить, что по обоимъ разсказаннымъ выше дѣламъ чрезмѣрная строгость наказанія, являющаяся слѣдствіемъ устарѣвшаго взгляда на лжеприсягу, какъ на религіозное преступленіе, вліяла нѣсколько на исходъ обоихъ дѣлъ.

Къ сказанному я считаю нужнымъ добавить слѣдующее: послѣднее дѣло объ О. и ея товарищахъ разбиралось первымъ въ первый день сессіи, что составляетъ непростительную ошибку со стороны предсѣдательствующаго. Изслѣдованіе преступленія лжесвидѣтельства представляетъ громадныя трудности, преодолѣніе которыхъ совершенно не по силамъ присяжныхъ въ первый день, когда большинство изъ нихъ еще не освоилось съ судебными формальностями; въ самомъ дѣлѣ, присяжнымъ приходилось съ достаточной ясностью представить себѣ въ совѣщательной комнатѣ тройную перспективу судебныхъ разбирательствъ у мироваго судьи, въ съѣздѣ и наконецъ въ окружномъ судѣ. Въ каждой изъ этихъ инстанцій видоизмѣнялись такъ или иначе показанія троихъ подсудимыхъ и группы свидѣтелей, причемъ совершались переходы изъ одной группы въ другую, а существо ранѣе данныхъ показаній возстановлялось, какъ допросомъ свидѣтелей и подсудимыхъ, такъ и параллельнымъ чтеніемъ показаній этихъ лицъ, записанныхъ въ протоколахъ. Слѣдуя системѣ Уложенія о Наказаніяхъ, мы встрѣчаемся

далѣе съ *преступленіями противъ порядка управленія,* перечисленными въ раздѣлѣ IV.

Эти преступленія за очень немногими исключеніями отошли изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей, почему въ моемъ распоряженіи имѣется очень небольшое число такихъ дѣлъ; изъ нихъ большая доля имѣетъ предметомъ подлоги въ актахъ правительственныхъ и подлоги казенныхъ печатей; остальныя заключаютъ въ себѣ одинъ случай оскорбленія старшины, одинъ случай сопротивленія власти (2 ч. 273 стр.) и четыре случая побѣга изъ тюрьмы. По вопросу о сопротивленіи власти приходится сообщать наблюденія и притомъ весьма скудныя о чисто крестьянскомъ составѣ присяжныхъ засѣдателей въ г. Лугѣ, гдѣ 22 нояб. 1884 г. изъ 15 подсудимыхъ было обвинено восемь сознавшихся, а семь не сознавшихся—оправдано; чисто аграрное дѣло это возникло вслѣдствіе того, что цѣлая деревня препятствовала казенному землемѣру отмежевывать въ пользу помѣщика крестьянскую землю. Сопротивленіе было исключительно пассивное и выражалось въ томъ, что крестьяне толпились на межѣ и хотя покорно отходили въ сторону при обращенныхъ къ нимъ требованіяхъ, но дѣлали это только съ тѣмъ, чтобы тотчасъ опять вернуться на другое мѣсто на той же межѣ; присяжные, повидимому, чувствовали себя въ очень неловкомъ положеніи и, надо полагать, стали на формальную точку зрѣнія, такъ какъ оправдали несознавшихся, а сознавшихся обвинили. Проявившійся въ этомъ случаѣ формализмъ, столь чуждый присяжнымъ, позволяетъ заключить, что приговоръ былъ вызванъ отчасти робостью по отношенію къ начальству; дѣйствительно, такая постановка дѣла, когда присяжные являлись судьями, такъ сказать, въ собственномъ дѣлѣ не можетъ быть признана нормальной; тѣмъ не менѣе интересы правосудія въ данномъ случаѣ не пострадали также, какъ и при другомъ дѣлѣ, по которому обвинялся нѣкто

Коскеляйне въ Царскомъ Селѣ въ оскорбленіи своего старшины. Такое обвиненіе могло, разумѣется, явиться только вмѣстѣ съ другимъ, болѣе серіознымъ; замѣчательно, что по этому другому преступленію, а именно въ изорваніи росписки, которую ему предъявлялъ старшина, Каскеляйне былъ оправданъ по сложнымъ соображеніямъ о деревенскомъ хозяйствѣ и о пьяномъ состояніи подсудимаго; по обвиненію же въ оскорбленіи того же старшины словомъ — онъ былъ обвиненъ.

Это строгое отношеніе къ преступленіямъ противъ системы, въ широкомъ смыслѣ этого термина, замѣтно и въ постоянныхъ обвинительныхъ приговорахъ по отношенію къ лицамъ, обвиняемымъ въ побѣгахъ изъ мѣстъ заключенія, или мѣста ссылки, причемъ замѣтно стремленіе, по возможности, смягчать участь обвиненнаго, какъ признаніемъ его заслуживающимъ снисхожденія, такъ и ограничительными отвѣтами.

Какъ бы ни были плохи мѣры надзора и преграды, присяжные не допускаютъ насильственнаго самоосвобожденія и въ этомъ отношеніи, давая ограничительные отвѣты, остаются на строго фактической почвѣ, не смущаясь могущими возникнуть недоразумѣніями; такъ напримѣръ по дѣлу Самсонова (разбиралось въ Новгородѣ) и др. трое обвиняемыхъ были признаны виновными въ побѣгѣ по соглашенію, но было оговорено, что они не ломали пола, такъ что остался одинъ подкопъ; вслѣдствіе этого коронный судъ, не находя возможнымъ поводить подкопъ подъ терминъ „разломавъ", употребленный въ 309 ст., оправдалъ обвиненныхъ.

Подлоги въ актахъ правительственныхъ, разсматриваемые присяжными, бываютъ трехъ родовъ: чаще всего совершаются эти подлоги въ волостныхъ правленіяхъ, гдѣ встрѣчаются съ рядомъ должностныхъ злоупотребленій, состоящихъ въ связи съ ними, рѣже—въ дѣлахъ о двоебрачіи,

соединенныхъ съ подлогомъ, послужныхъ спискахъ и т. п. и еще рѣже—въ дѣлахъ о присвоенiи не принадлежащихъ правъ состоянiя. Послѣднiе два вида этого преступленiя, обыкновенно выдвигаютъ передъ присяжными на первый планъ вопросъ о томъ, былъ ли причиненъ какой либо вредъ другому лицу; въ случаѣ отсутствiя вреда присяжные склонны оправдывать обвиняемыхъ, причемъ въ мотивахъ оправданiя по такимъ дѣламъ нѣтъ недостатка: такъ напр. была оправдана нѣкая Григорьева, которая для вступленiя во второй бракъ послѣ 14-ти лѣтъ безвѣстнаго отсутствiя мужа передѣлала слово „жена“ въ слово „вдова“, не съумѣвъ умнѣе выйти изъ своего сиротскаго положенiя. Григорьева защищалась тѣмъ (дѣло слушалось въ г. Новгородѣ въ 1883 г.), что съ полицейскимъ удостовѣренiемъ, въ которомъ она значилась „женою“, хозяева не принимали ее на жительство, а что бракъ явился ужъ послѣ передѣлки вреднаго слова, такъ сказать, кстати. Это объясненiе отчасти подтвердилось на судѣ; почему и самое дѣло можетъ быть отнесено скорѣе къ обыкновеннымъ паспортнымъ дѣламъ.

Это заставляетъ меня тутъ же, нарушая нѣсколько принятую систему, изложить имѣющiйся у меня матерiалъ по дѣламъ этого послѣдняго рода. Такъ какъ это отвлечетъ меня весьма значительно въ сторону, то я теперь же укажу, что въ упомянутыхъ выше случаяхъ обвиненiя въ число доказательствъ завѣдомости подлога зачисляется присяжными позднее предъявленiе документа, напримѣръ, черезъ три года по написанiи и черезъ годъ восемь мѣсяцевъ послѣ смерти лица, выдавшаго документъ; съ другой стороны одно нахожденiе у обвиняемаго поддѣльной печати не считается обстоятельствомъ, доказывающимъ его виновность въ подлогѣ; такимъ образомъ, чуждаясь и здѣсь формальныхъ доказательствъ, присяжные однако находятъ, что давность совершенiя подлога (въ сельскомъ быту) не покрываетъ винов-

ности въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ долгое время не пользовался документомъ именно для того, чтобы затѣмъ увѣреннѣе имъ воспользоваться.

Къ поддѣлкамъ въ документахъ о состояніяхъ, не приносящимъ кому либо вреда, долженъ быть отнесенъ рядъ случаевъ, когда незаконныя дѣти стараются стереть съ себя незаслуженное ими клеймо; въ подобныхъ случаяхъ, какъ я уже упоминалъ, присяжные оправдываютъ, признавая такія дѣянія безвредными, чисто формальными преступленіями противъ системы.

Выводить отсюда, что они зачеркиваютъ этотъ родъ преступленія, было бы совершенно несправедливо, это скорѣе своеобразная оцѣнка состава преступленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Дѣйствительно, существуетъ цѣлый рядъ условій, когда они обвиняютъ по 977 ст., по 63 ст. и рядомъ съ этимъ оправдываютъ тѣхъ же подсудимыхъ въ болѣе серіозныхъ преступленіяхъ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно играетъ роль, вовсе не состраданіе, какъ можно было бы думать, а—чисто юридическія соображенія.

Несомнѣнно, что присяжнымъ часто приходится рѣшать вопросы права и приводимые ниже случаи показываютъ, что они рѣшаютъ ихъ иногда лучше юристовъ; при обвиненіи, напримѣръ, въ проживательствѣ по чужому виду и въ тоже время въ похищеніи чужого паспорта для этой цѣли присяжные въ рядѣ случаевъ установили, что такая „совокупность"—невозможна и признали, что нельзя вмѣнить подсудимымъ послѣднее преступленіе, какъ неимѣющее самостоятельнаго значенія, а составляющее только приготовленіе къ первому, по которому и послѣдовалъ обвинительный вердиктъ. Другой случай въ этомъ же родѣ, имѣлъ мѣсто въ мартѣ 1885 года въ С.-Петербургѣ: была обвинена безъ снисхожденія содержательница дома терпимости, Таклеръ, которая, привезя изъ Митавы нѣкую Ближесъ безъ документа,

съ цѣлью заставить ее жить въ ея заведеніи, путемъ угрозы этапа вынудила ее принять и выдать за свой видъ другой дѣвушки. Судебная Палата усмотрѣла наличность состава преступленія, предусмотрѣннаго 977 ст., присяжные, однако, не раздѣлили этого взгляда и оправдали Ближесъ, находя, что такія исключительныя условія принужденія разрушаютъ составъ преступленія, предполагаемаго умышленнымъ.

Изъ цѣлаго ряда примѣровъ, которые я бѣгло перечислю ниже, можно вывести, какъ эмпирическій законъ, что преступленія противъ системы (977 ст. Ул. и 63 ст. Уст.) признаются преступленіями и караются присяжными въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ дѣйствительно противообщественный характеръ, т. е. причиняютъ или могутъ причинить вредъ. Отъ этого происходитъ то, что эти преступленія караются присяжными, когда совершены для болѣе удобнаго учиненія другого преступленія или вообще безнравственнаго дѣянія, при этомъ присяжные въ области доказательствъ не проявляютъ слабости, такъ напримѣръ: изъ установленнаго факта предъявленія паспорта они заключаютъ, что подсудимый и назвался чужимъ именемъ. Это интересный случай примѣненія присяжными юридическаго понятія презумпціи.

Одно предъявленіе паспорта безъ прописки его приравнивается къ проживанію и карается, если учинено завѣдомымъ воромъ, хотя бы онъ былъ и оправданъ по данной кражѣ; въ этомъ отношеніи рѣзко выдѣляются дѣла о рецидивистахъ, которые обвиняются присяжными и по 977 и по 63 ст., притомъ безъ снисхожденія, а также дѣла о членахъ шаекъ, причемъ при обвиненіи въ послѣднихъ, какъ и вообще при совокупности, легко проходятъ обвиненія по 313 ст. Ул. Жизненнымъ мотивомъ для обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ о самовольномъ возвращеніи и побѣгѣ изъ Сибири служатъ обыкновенно соображенія о

томъ, что подсудимый вернулся въ запрещенную ему мѣстность для совершенія преступленія.

Въ самомъ дѣлѣ, оправдывая въ кражѣ или грабежѣ, присяжные оправдываютъ и въ самовольномъ возвращеніи вполнѣ доказанномъ и наоборотъ, таже сесія, обвиняетъ по 63 ст. лицо, въ тоже время обвиненное и въ кражѣ. Изъ приведеннаго выше общаго правила существуютъ исключенія, а именно: если доказано, что подсудимый не имѣлъ возможности существовать на мѣстѣ высылки, то присяжные примѣняютъ правило impossibilium nulla est obligatio; этой оговоркой, слѣдовательно, нужно дополнить, приведенный выше эмпирическій законъ.

Такой взглядъ на преступленія противъ системы, сообщающій имъ особую юридическую физіономію не существуетъ ни въ законѣ, ни въ коронномъ судѣ, между тѣмъ онъ является вполнѣ юридически обоснованнымъ и слѣдовательно долженъ бы занять свое мѣсто въ уголовной системѣ, создавъ живое паспортное преступленіе вмѣсто мертвой 977 ст. Уложенія.

Если бы подобный результатъ наблюденій надъ судомъ присяжныхъ имѣлся ввиду при законодательныхъ работахъ, плодомъ которыхъ явился законъ 18 дек. 1885 г., то разумѣется не послѣдовало бы огульнаго, и потому, незаслуженнаго изъятія паспортныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ; надо признать однако, что это изъятіе, совершенное путемъ измѣненія санкціи, произведено было весьма осторожно, причемъ оставленіе въ вѣдѣніи присяжныхъ 976 ст. какъ будто говоритъ о нѣкоторомъ знакомствѣ авторовъ законодательнаго проэкта съ народнымъ правосознаніемъ.

Выше я коснулся дѣла Григорьевой о двоебрачіи и упомянулъ, что она была оправдана въ этомъ преступленіи за отсутствіемъ осязательнаго вреда; беря для провѣрки случай противоположный, я нахожу въ немъ, какъ и слѣдо-

вало ожидать, обвинительный приговоръ безъ снисхожденія двоеженцу Ляховичу, сознавшемуся въ своемъ преступленіи; кромѣ него обвинялась и вторая жена, которая утверждала однако, что Ляховичъ обманулъ ее, показавъ ей разводный актъ; хотя подсудимый подтверждалъ это, но вся совокупность данныхъ дѣла (въ томъ числѣ его письмо къ невѣстѣ) позволяла заключить, что онъ первоначально скрывалъ свой первый бракъ и только потомъ, когда ей уже трудно было отступить, открылъ ей правду.

Присяжные оправдали ее, подчеркнувъ такимъ образомъ, что она является настоящей потерпѣвшей; что же касается первой жены, то та никакихъ претензій не заявляла.

Въ другомъ случаѣ обвинялся сотникъ Чернояровъ и въ нояб. 1888 г. былъ присяжными признанъ виновнымъ причемъ были отвергнуты, какъ подлогъ въ документахъ, такъ и обманное вовлеченіе въ бракъ второй жены; послѣдняя утверждала, что не знала объ отсутствіи развода и что подсудимый вовлекъ ее въ бракъ угрозою самоубійства; вредъ былъ на лицо, однако присяжные оправдали подсудимаго въ подлогѣ актовъ, такъ какъ оказалось, что онъ, несмотря на всѣ принятыя мѣры, не могъ получить развода; такое положеніе не привело однако присяжныхъ къ помилованію за двоебрачіе.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ нельзя въ тоже время не видѣть уваженія къ таинству брака, что прямо и высказывалось присяжными послѣ только что упомянутаго вердикта, но это уваженіе не приводитъ, однако, присяжныхъ къ судебному формализму. Такимъ образомъ изрѣченіе: dura lex sed lex вполнѣ признается присяжными, но законъ понимается ими человѣчно, т. е. въ него влагается содержаніе, соотвѣтствующее живому народному правосознанію съ религіознымъ оттѣнкомъ, чуждымъ ханжества [1]).

[1]) Закономъ 7 іюля 1889 года дѣла о двоебрачіи изъяты изъ вѣдѣнія присяжныхъ.

Чтобы не утомлять примѣрами закончу обзоръ преступленій противъ системы еще однимъ, совершенно своеобразнымъ случаемъ. Въ 1876 г. унтеръ-офицеръ Д. передалъ свои документы отставному прапорщику А., который желая помочь Д. изъ товарищескаго чувства, сдалъ за него экзаменъ на офицера, затѣмъ былъ захваченъ мобилизаціей и только въ 1880 г. вернулся обратно, заслуживъ на войнѣ подъ именемъ сотника Д.—Георгія. По полученіи документовъ настоящій Д. года четыре выдавалъ себя за сотника, а затѣмъ былъ изобличенъ и преданъ суду. 28 окт. 1886 г., это столь странно затянувшееся преступленіе разсматривалось петербургскими присяжными, причемъ Д. и А. были оправданы.

Ввиду полнаго признанія фактовъ, дѣло шло безъ слѣдствія; безкорыстная и столь дорого обошедшаяся А. услуга въ соединеніи съ четырехлѣтней подневольной службой, очевидно была ему зачтена; что же касается Д. то присяжные приняли въ соображеніе, что онъ находился въ состояніи близкомъ къ крайней необходимости: дѣйствительно, дважды не выдержавъ уже экзамена на офицера, онъ находился подъ вліяніемъ угрозы отца лишить его навсегда всякой денежной помощи.

Разсмотрѣніе 1412 и 1414 ст., по которымъ обвинялись подсудимые, показываетъ, что законъ совершенно игнорируетъ характеръ мотивовъ даннаго преступленія и весьма сурово караетъ его ввиду наличности подлога; присяжные засѣдатели не могли, разумѣется, такъ сурово взглянуть на дѣло и высказали пожеланіе, чтобы былъ поставленъ вопросъ о легкомысліи, въ чемъ имъ было отказано судомъ на основ. 755 ст. У. У. С. и 4 п. 134 ст. Ул. о Нак.; это былъ первый случай въ моей практикѣ фактическаго участія присяжныхъ въ постановкѣ вопросовъ въ силу закона 15-го мая 1886 г. Отказъ суда, вѣроятно, и не вполнѣ

понятый, видимо ихъ раздосадовалъ и они не нашли возможнымъ обвинить подсудимыхъ свыше мѣры содѣяннаго.

Этотъ примѣръ еще разъ показываетъ, что присяжные готовы иногда „поддерживать систему“, но низачто не поступаются своимъ неотъемлемымъ правомъ взвѣшивать тяжесть вины. Къ преступленіямъ противъ системы тѣсно примыкаютъ *должностныя преступленія*. Дѣйствительно, преслѣдованія, вчиняемыя и продолжаемыя во имя служебныхъ интересовъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ, имѣютъ характеръ формальный; особенныя условія русской жизни дѣлаютъ то, что русскому присяжному, какъ человѣку жизни, мало свойственъ служебный идеализмъ. Съ одной стороны вся внутренняя, такъ сказать, служебная процедура для него не существуетъ и вотъ почему нерѣдко встрѣчается между присяжными такое мнѣніе, что служба—дѣло начальства и преступленія по должности, относящіяся къ этой категоріи, дѣйствительно, не интересуютъ присяжныхъ; съ другой стороны ясно, что цѣлый разрядъ должностныхъ преступленій, а именно служебные эксцессы, въ особенности больно задѣвающіе русскаго человѣка вызываютъ въ присяжныхъ наклонность къ усиленной репрессіи и эта репрессія тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ беззащитнѣе оказывается жертва.

Вотъ почему нельзя не сожалѣть о томъ, что законъ 7-го іюля 1889 г. изъялъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ всѣ дѣла о преступленіяхъ по должности, не принявъ во вниманіе указаннаго выше существеннаго раздѣленія этихъ дѣлъ на относящіяся ко внутреннему механизму службы и ко внѣшнимъ проявленіямъ послѣдней.

Такъ какъ въ настоящую минуту я не касаюсь вопроса о компетенціи присяжныхъ одинаково въ прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ, то я ограничусь сжатымъ очеркомъ тѣхъ общихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ обо-

зрѣніе проведенныхъ мною на судѣ дѣлъ о преступленіяхъ по должности.

Прежде всего важно указать на сравнительную нетребовательность присяжныхъ при обсужденіи исполнительности или небрежности чиновника, причемъ большой вѣсъ имѣетъ въ пользу подсудимаго снисходительное отношеніе къ нему начальства по дѣламъ, гдѣ нарушены интересы внутренняго распорядка, при условіи, разумѣется, что не было причинено вреда частнымъ лицамъ; чувство справедливости въ подобныхъ случаяхъ удовлетворяется самымъ легкимъ административнымъ взысканіемъ, уже понесеннымъ виновнымъ, т. е. оправдательный вердиктъ вызывается соображеніемъ ne bis in idem.

Рядомъ съ этимъ стоятъ цѣлые разряды дѣлъ, какъ наприм. знаменитыя сельскія растраты старшинъ и старостъ, гдѣ преслѣдующее начальство теряетъ, такъ сказать, право иска ввиду того, что оно допустило къ общественнымъ обязанностямъ лицъ завѣдомо неспособныхъ, а потому и неотвѣтственныхъ. Правило ne bis in idem, будучи само по себѣ глубоко справедливымъ, покрываетъ нерѣдко собою и служаку—хищника, если онъ уже подвергся служебному изгнанію, но нельзя не отмѣтить, что когда злоупотребленія службой представляются возмутительными болѣе или менѣе въ значительной степени, то виновному пощады нѣтъ; примѣромъ можетъ служить дѣло смотрителя Старо-русской тюрьмы, обвиненнаго въ 1883 г. безъ снисхожденія по всѣмъ пунктамъ, въ томъ числѣ и за обыкновенное нерадѣніе, между тѣмъ, какъ онъ былъ уже давно исключенъ изъ службы.

Впрочемъ, подобная, такъ сказать, юношеская горячность, чтобы не сказать, вѣра въ обновляющую роль суда, составляетъ удѣлъ составовъ съ участіемъ интеллигентнаго элемента: „сѣрые“ составы склонны болѣе или менѣе апатично относиться къ злоупотребленіямъ, которыя они привыкли счи-

тать—неизлѣчимыми; въ ихъ отношеніи къ дѣлу сквозитъ какая то безнадежность, какъ бы слышится: „всѣ такіе и всегда такъ будетъ“; въ особенности рѣзко это по отношенію къ дѣламъ, въ которыхъ обвиняются мелкіе полицейскіе агенты.

Достаточно, чтобы на скамьѣ подсудимыхъ появился крупный дѣятель, какъ наприм. кронштадскій полицеймейстеръ Головачевъ, чтобы энергія присяжныхъ воспрянула, чтобы въ нихъ проснулась вѣра въ желаніе высшаго начальства на самомъ дѣлѣ водворять порядокъ.

Разумѣется и по отношенію къ низшимъ агентамъ присяжные преисполняются особенной стогостью, когда злоупотребленіе переходитъ привычные предѣлы.

9-го Сент. 1882 г. въ г. Новгородѣ былъ обвиненъ въ рядѣ служебныхъ нарушеній, дошедшихъ до оскорбленія дѣйствіемъ и лишенія свободы частныхъ лицъ, помощникъ частнаго пристава, Цвѣтковъ. Нанесеніе ранъ шашкой, угрозы револьверомъ женщинамъ ночью въ частной квартирѣ, куда онъ явился въ пьяномъ видѣ, оскорбленія, соединенныя съ издѣвательствомъ на тему о безплодности жалобы, не измѣнили обычнаго хода преданія суду по должности и только перваго марта 1882 г., болѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца со дня преступленія, началось слѣдствіе, встрѣчавшее всякое противодѣйствіе и въ общемъ очень затянувшееся въ стадіи преданія суду начальствомъ; разумѣется такое пристрастіе послѣдняго вызвало реакцію со стороны присяжныхъ и заставило ихъ переступить черезъ нѣкоторыя неясности въ доказательствахъ во имя общаго впечатлѣнія; чувствовалось, что встревоженъ инстинктъ гражданской безопасности.

Подсудимый, напримѣръ, во время своего буйства сознательно устранялъ свидѣтелей происшествія, приговаривая: „а вотъ я изъ васъ сдѣлаю потерпѣвшихъ“, что немедленно и приводилъ въ исполненіе ударами шашки; вотъ эти

то потерпѣвшіе, впослѣдствіи будучи вещественно и не вещественно убѣждаемы до дня засѣданія, что они только свидѣтели, заявляли на судѣ, а также въ письмахъ представленныхъ подсудимымъ, что они никакихъ претензій не имѣютъ, тѣмъ не менѣе присяжные не рѣшились утвердить своимъ вердиктомъ принципа, который сквозилъ во всей этой исторіи: beati possidentes potestatem.

Мы видѣли, что даже сравнительно несеріозныя послѣдствія злоупотребленія власти выводятъ до извѣстной степени присяжныхъ засѣдателей изъ свойственнаго имъ объективнаго отношенія къ доказательствамъ. Ясно, что такая горячность, не влекущая за собой однако тенденціозности приговоровъ, особенно возрастаетъ тамъ, гдѣ даже подозрѣвается только, что послѣдствіемъ злоупотребленія былъ смертный случай.

Примѣрами послѣдняго могутъ служить два дѣла, извѣстныя подъ названіемъ дѣлъ д-ра Дедюлина и д-ра Дрейпельхера; первое изъ нихъ слушалось 28-го Ноября 1886 г. и кончилось обвиненіемъ обоихъ подсудимыхъ, полицейскихъ агентовъ, причемъ однако присяжные дали ограничительный отвѣтъ, отвергнувъ связь между смертью потерпѣвшей Дедюлиной и злоупотребленіемъ власти со стороны этихъ лицъ. Имѣющее тотъ же характеръ должностныхъ преступленій дѣло д-ра Дрейпельхера, закончившееся въ январѣ 1888 года обвинительнымъ приговоромъ безъ ограниченій (приговоръ былъ потомъ кассированъ сенатомъ) имѣло туже, общую всѣмъ подобнымъ дѣламъ, черту, что обстановка совершенія преступленія исключала наличность постороннихъ свидѣтелей; тѣмъ не менѣе присяжные по общему правилу, уже формулированному выше, смѣло переступили черезъ нѣкоторую неполноту доказательствъ, мирясь, такъ сказать, съ нею ввиду общихъ условій русской службы, проходящей обыкновенно негласно.

Нельзя не отмѣтить, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ присяжные засѣдатели рѣшаютъ вопросъ права, а именно о предѣлахъ обязанностей и правъ должностнаго лица, главнымъ образомъ на основанiи нравственныхъ соображенiй, а не буквы закона. Такая точка зрѣнiя, вполнѣ законная въ судѣ присяжныхъ, одно изъ главныхъ достоинствъ котораго заключается именно въ отсутствiи формализма, разумѣется, представляетъ собой съ кассацiонной точки зрѣнiя ахиллесову пяту. Посмотримъ теперь, каковы требованiя, которыя предъявляютъ присяжные къ должностнымъ лицамъ.

Общiя положенiя, которыя могутъ быть установлены въ этомъ отношенiи таковы: 1) служащiй человѣкъ долженъ блюсти ввѣренные ему интересы на самомъ дѣлѣ, а не только формально; ввиду этого прокуроръ, оказавшiй наприм. вмѣсто дѣйствительнаго содѣйствiя, когда таковое требуется отъ него закономъ, только, такъ называемое, бумажное содѣйствiе, не могъ бы разсчитывать на безнаказанность передъ судомъ присяжныхъ въ случаѣ, если бы бездѣйствiе его имѣло вредныя послѣдствiя, 2) существующiй въ данномъ мѣстѣ служенiя специфическiй, такъ сказать, порядокъ дѣлопроизводства при доказанности вины не влечетъ за собой оправданiя, такъ какъ должностное лицо при всякихъ порядкахъ должно служить чисто, слѣдовательно, нарушенiе оказываемаго по службѣ довѣрiя понимается въ смыслѣ широкомъ, какъ нарушенiе довѣрiя общества 3) систематическое нарушенiе служебныхъ обязанностей и злоупотребленiе служебнымъ положенiемъ не можетъ разсчитывать на безнаказанность, какова бы ни была давность послѣдняго дѣянiя. Общее правило то, что хитрый хищникъ не имѣетъ даже права на снисхожденiе; въ этомъ отношенiи особенно выдѣляются нѣкоторыя должности, такъ напр. волостного писаря, которому рѣдко дается снисхожденiе даже при сознанiи.

) Приговоръ диктуется гражданскимъ чувствомъ и можетъ

явиться протестомъ, противъ непорядковъ; этотъ протестъ имѣетъ мѣсто, т. е. вызываетъ обвинительный приговоръ даже въ томъ случаѣ, если подсудимый самъ былъ связанъ этими непорядками, но проявилъ въ тоже время недостатокъ гуманности; другими словами, должностное лицо, въ особенности врачъ, какъ это проявилось въ дѣлѣ Др., долженъ быть человѣкомъ, а не машиной. 4) Даже преступленія не должностного характера, совершавшіяся однако хронически должностнымъ лицомъ, долгая безнаказанность котораго обусловливалась его служебнымъ положеніемъ,—вызываютъ обвинительные приговоры безъ снисхожденія, таковы напримѣръ половыя преступленія. 6) Чуждаясь формализма, присяжные выносятъ иногда и такіе приговоры, центръ тяжести которыхъ отнюдь не въ такъ называемыхъ гражданскихъ чувствахъ: если напримѣръ должностное лицо втеченіе ряда лѣтъ, какъ это было обнаружено въ СПБургской Казенной Палатѣ, упрощало частнымъ лицамъ, и притомъ за недорогую плату, порядокъ приписки къ мѣщанскому обществу—то присяжные, оставаясь на реальной почвѣ, оправдывали подсудимаго въ рядѣ подлоговъ, разумѣется, усматривая въ немъ лично данныя, говорящія за то, что онъ не хищникъ; дѣйствительно въ случаѣ, о которомъ я говорю, описанная выше помощь оказывалась очень многимъ, даже незнакомымъ, безвозмездно; такимъ образомъ сама дѣятельность подсудимаго, хотя и преступная съ точки зрѣнія закона, какъ бы вносила элементы человѣчности въ властную и сухую формалистику казенно-палатскаго дѣлопроизводства.

7) Въ случаяхъ, когда служебный безпорядокъ самъ вызываетъ служебное преступленіе, то присяжные не особенно охотно поддерживаютъ этотъ безпорядокъ своими обвинительными приговорами, наоборотъ, они какъ бы хотятъ подчеркнуть, что нельзя требовать аккуратной службы въ безпорядочной обстановкѣ; здѣсь вѣроятенъ оправдательный при-

говоръ, при указанныхъ выше условіяхъ въ личности подсудимаго.

Нельзя не замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ присяжные, карая должностное преступленіе, не отказываютъ подсудимымъ въ снисхожденіи; такъ напр. волостному, даже, писарю, ввиду незначительности взятки и его недалекости, обусловившей сравнительную безвредность его въ предѣлахъ волости, они дали снисхожденіе; не отказали они въ немъ и молодому лихоимцу, канцелярскому чиновнику въ нотаріальномъ архивѣ при тѣхъ же условіяхъ, а также несовершеннолѣтнему, исправимому, по ихъ мнѣнію, преступнику; но лѣсному сторожу, обвиненному ими въ неосторожномъ лишеніи жизни посредствомъ выстрѣла случайно проходившаго въ лѣсу человѣка, они не дали снисхожденія, исходя изъ того, что нельзя стрѣлять въ человѣка, хотя бы только съ цѣлью его напугать.

Итакъ, я показалъ на основаніи ряда фактовъ, каково было отношеніе присяжныхъ къ цѣлому ряду преступленій, для сужденія которыхъ они были признаны закономъ 1889 г.— некомпетентными.

II.

Поддѣлка монетъ и государственныхъ кредитныхъ бумагъ съ одной стороны и *подлогъ въ частныхъ документахъ*—съ другой, родственны между собою въ томъ отношеніи, что въ обоихъ случаяхъ изъ корыстныхъ цѣлей создается не существующая бумажная или металлическая цѣнность; вотъ почему представляется до нѣкоторой степени удобнымъ разсмотрѣть то и другое преступленіе параллельно, отмѣчая однако рядъ особенностей, обусловливаемыхъ серіозностью перваго по отношенію ко вреду и наказанію и богатствомъ формъ второго, т. е. частнаго подлога.

Очень характерно, что сбытчикъ фальшивыхъ монетъ или кредитныхъ бумагъ карается только въ тѣхъ случаяхъ, когда доказана связь его съ поддѣлывателемъ; такимъ образомъ фикція закона (2 ч. 567, 2 ч. 576 ст.), заключающаяся въ томъ, что сбывающій завѣдомо фальшивую монету или билетъ совершаетъ мошенничество, повидимому, представляется несоотвѣтствующей нравамъ; дѣйствительно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ при сколько нибудь порядочной поддѣлкѣ трудно требовать отъ человѣка средняго уровня такого самопожертвованія, чтобы онъ, не будучи вполнѣ убѣжденъ въ поддѣльности денежнаго знака, старался изъ соображеній государственной пользы выяснить это съ полною точностью и такимъ образомъ оштрафовать себя или навлечь большія хлопоты. Такого рода взглядъ отчасти находится въ соотвѣтствіи съ беззащитностью, такъ сказать, частнаго лица передъ этимъ преступленіемъ; сбывающій завѣдомо фальшивый, случайно попавшій къ нему денежный знакъ, каковъ бы ни былъ дальнѣйшій образъ его дѣйствій, является прежде всего въ глазахъ присяжныхъ потерпѣвшимъ лицомъ, ибо онъ уже заплатилъ за этотъ фальшивый знакъ настоящими деньгами. — Съ другой стороны нельзя не принять во вниманіе и значительную грубость нравовъ среды, въ которой вращается обвиняемый; такъ напр. по дѣлу о дворянинѣ Пташинскомъ, оправданномъ въ ноябрѣ 1888 г. СПБургскимъ Окружнымъ Судомъ въ попыткахъ сбыть поддѣльный 25-ти рублевый билетъ, выяснилось, что окружавшіе его выражали сочувствіе его бѣдѣ и даже вызывались съ своей стороны помочь ему въ сбытѣ. Въ данномъ случаѣ обвиненіе основывалось на томъ, что, послѣ отказа въ размѣнѣ этого билета малолѣтнему сыну подсудимаго, послѣдній долженъ былъ понимать, что этотъ билетъ фальшивый и уже не дѣлать дальнѣйшихъ попытокъ размѣна, но подсудимый стоялъ на томъ, и это было принято при-

сяжными, что онъ признавалъ отказъ въ размѣнѣ — мнительностью и сбывалъ билетъ, нисколько не таясь, такъ что стремился избавиться, такъ сказать, не отъ завѣдомо фальшиваго, а отъ сомнительнаго билета; такимъ образомъ я вправѣ заключить, что ввиду приведенныхъ выше соображеній присяжные не безъ основанія настаиваютъ на томъ, чтобы знаніе сбытчика о фальшивости было дѣйствительнымъ знаніемъ, а не догадкой или вѣроятностью. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что чрезвычайная строгость наказанія, извѣстнаго присяжнымъ, обусловливаетъ собой особенно строгую цензуру доказательствъ; вотъ почему, какъ по отношенію къ поддѣлывателю, такъ и — къ сообщнику его, знакомому съ нимъ сбытчику, присяжные недовольствуются вѣроятностью вины, хотя бы и очень значительною, а требуютъ совершенно точныхъ доказательствъ; если такія доказательства представлены, то при обвиненіи снисхожденіе дается очень скупо, что указываетъ на признаніе судомъ присяжныхъ важности вреда, причиняемаго этимъ преступленіемъ.

Возрастъ подсудимыхъ въ подобныхъ дѣлахъ имѣетъ большое значеніе: не лишнее будетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на дѣлѣ, которое было рѣшено 26-го окт. 1892 г.

22-го мая 1892 г. къ содержателю серебряно-бронзовой мастерской на углу Графскаго пер. и Троицкой ул., Синюхину, пришелъ чайный торговецъ Ромашевъ и разсказалъ, что ученики его дѣлаютъ фальшивую монету и что одинъ фальшивый двугривенный дали при покупкѣ его приказчику. Синюхинъ началъ доискиваться, кто изъ учениковъ дѣлалъ фальшивую монету, и одинъ изъ учениковъ, Крестниковъ, сказалъ ему, что двугривенный сдѣлалъ Лапшиновъ, который въ этомъ и призналея. Затѣмъ приказчикъ Ромашева отдалъ Синюхину двугривенный и пятіалтынный, полученные отъ его учениковъ и признанные фальшивыми. Въ мастерской своей Синюхинъ отыскалъ семь мѣдныхъ согнутыхъ пластинокъ съ отпечатками на нихъ монетъ и три мѣдныхъ кружка, которые и представилъ судебному слѣдователю.

Какъ на дознаніи въ полиціи, такъ и на предварительномъ слѣдствіи Лапшиновъ, Васильевъ, Павловъ и Крестниковъ, признавая себя виновными, объяснили, что монеты они дѣлали слѣдующимъ образомъ: настоящую монету они клали между половинками согнутой мѣдной пластинки,

ударяли по ней молоткомъ и, такимъ образомъ, получали отпечатокъ монеты, затѣмъ на мѣсто монеты клали мѣдный кружокъ и ударяя опять по пластинкѣ молоткомъ, получали на мѣдномъ кружкѣ отпечатокъ монеты, послѣ чего натирали ее жидкимъ серебромъ (серебряною амальгамою) и пускали въ оборотъ, покупая себѣ лакомства.

По словамъ Лапшинова, онъ выучился дѣлать фальшивую монету у ремесленника Романова, служившаго у Синюхина въ 1891 г. и приготовившаго себѣ такимъ способомъ гривенникъ. Такимъ же способомъ сдѣлалъ себѣ пятіалтынный въ 1892 г. подмастерье Соловьевъ.

Соловьевъ и Романовъ виновными себя не признали, и показали: Соловьевъ—что въ 1891 году Романовъ сдѣлалъ себѣ фальшивый гривенникъ и унесъ; онъ-же, Соловьевъ, никогда фальшивой монеты не приготовлялъ и не зналъ, что ученики Синюхина это дѣлаютъ; Романовъ,—что онъ разъ, шутя, сдѣлалъ гривенникъ, но тотчасъ-же уничтожилъ его, что учениковъ онъ дѣлать фальшивую монету не училъ, а, можетъ быть, они слышали его разговоръ о томъ, какъ поддѣлывать.

На судѣ Романовъ говорилъ, что въ его лавкѣ нѣсколько разъ попадались фальшивыя монеты и всегда послѣ того, какъ кто-нибудь изъ учениковъ Синюхина приходилъ покупать что-нибудь.

Монетный дворъ, по освидѣтельствованіи монетъ, представленныхъ Романовымъ, увѣдомилъ судебнаго слѣдователя, что двугривенный—настоящій, но расплюснутъ и, несомнѣнно, служилъ моделью для полученія оттисковъ; пятіалтынный — фальшивый, но приготовленъ посредствомъ чеканки штемпелями; что способомъ, указаннымъ обвиняемымъ, можно получить довольно отчетливо приготовленныя монеты, но діаметръ ихъ будетъ нѣсколько больше настоящихъ.

Присяжные засѣдатели признали виновнымъ въ поддѣлкѣ фальшивыхъ монетъ одного только Соловьева, причемъ дали ему снисхожденіе; остальные подсудимые—признаны невиновными.

Обстоятельства этого дѣла, въ которомъ преступленіе подсудимыхъ носитъ, какъ бы, дѣтскій характеръ, показываютъ, что присяжные, дѣйствительно, признали поступокъ учениковъ—шалостью, но не сочли возможнымъ отнестись также къ очевидно легкомысленному дѣянію Соловьева; Соловьевъ, оговаривая Романова въ изготовленіи фальшивой монеты, признался, что разсказалъ мальчикамъ, какъ это было сдѣлано. Серіозныя послѣдствія такого поступка Соловьева, а именно опасность для несовершеннолѣтнихъ учениковъ (изъ нихъ Лапшиновъ могъ попасть въ каторжныя работы), заставили присяжныхъ строго отнестись къ поступку Соловьева, причемъ однако, какъ они, такъ и коронный судъ не могли видѣть въ данномъ случаѣ въ Соловьевѣ настоящаго поддѣлывателя; это сказалось и въ приговорѣ суда, который, назначивъ Соловьеву въ силу закона каторжныя работы, въ тоже время постановилъ ходатайство-

вать о замѣнѣ этого наказанія заключеніемъ въ тюрьмѣ на одинъ годъ безъ лишенія правъ.

Нельзя не замѣтить, что по дѣламъ этого рода, требуя точныхъ доказательствъ, по отношенію къ видамъ умысла и завѣдомости, присяжные сравнительно легко убѣждаются данными общей характеристики и уликами поведенія въ фактической виновности подсудимаго: такъ напримѣръ, — перепиской, изъ которой только вообще можно заключить о преступномъ ремеслѣ подсудимаго или справками изъ другого, аналогичнаго но уже прекращеннаго, дѣла о томъ же подсудимомъ; наконецъ, даже оговоръ подсудимаго умершимъ, отчасти тоже скомпрометированнымъ лицомъ—все это было принято присяжными, какъ доказательства виновности по дѣлу о подсудимомъ Болозинѣ, рѣшенномъ 14-го Іюня 1894 г. въ г. Москвѣ; впрочемъ, Болозинъ былъ обвиненъ только въ сбытѣ, а въ поддѣлкѣ оправданъ, такъ какъ, дѣйствительно, точныхъ доказательствъ его личнаго участія въ поддѣлкѣ не было; дѣятельность его, какъ сбытчика на основаніи перечисленныхъ выше доказательствъ, представлялась крайне вѣроятной и притомъ согласно съ выведеннымъ выше общимъ правиломъ была ясно установлена его тѣсная связь съ поддѣлывателемъ, уже умершимъ и потому не судившимся. Я разсмотрѣлъ особенности воззрѣній присяжныхъ на природу преступленія, въ которомъ потерпѣвшимъ является казна и которая, какъ мы видѣли, представляется настолько вредоносной, что въ сущности въ числѣ потерпѣвшихъ фигурируютъ кромѣ казны и частныя лица. Это преступленіе преслѣдуется присяжными съ особой энергіей, но и съ подобающей серіозности послѣдствій осторожностью.

Хотя подлогъ частныхъ документовъ, представляющій крайне разнообразныя формы, и менѣе опасенъ, но по отношенію къ нему у присяжныхъ проявляются такіе же взгляды; при этомъ у нихъ, однако, наблюдается бо̀льшее разнообразіе от-

тѣнковъ во взглядахъ на составъ преступленія; такъ напримѣръ: вписаніе текста сверхъ ввѣренной подписи ими отличается отъ полнаго подлога; дѣлая ограничительные отвѣты въ соотвѣтствующемъ смыслѣ, они видимо отличаютъ случай подлога, въ которомъ подсудимый подвергался чрезмѣрному, непосильному для него соблазну отъ случаевъ подлога, такъ сказать, наступательнаго. Есть виды подлога, признаваемые судомъ присяжныхъ ненаказуемыми и притомъ не безъ юридическихъ основаній, такъ напримѣръ: купеческій приказчикъ за ложные счеты, представленные хозяину для сокрытія растраты, обвиняется присяжными только въ послѣдней, слѣдовательно этотъ и по закону менѣе серьезный подлогъ (1190 ст. Ул. о Н.) признается, такъ сказать, естественнымъ укрывательствомъ своего же дѣянія т. е. не выдѣляется присяжными въ особое преступленіе. Съ другой стороны такъ называемый наступательный подлогъ въ торговлѣ, такъ напр. предъявленіе ложныхъ счетовъ для полученія денегъ, преслѣдуется безъ послабленія.

Составленіе общихъ собраній акціонеровъ посредствомъ неправильностей, имѣющихъ характеръ подложныхъ записей, иногда во вниманіе къ нравамъ квалифицируется, какъ преступленіе, только при условіи, если эти безпорядки прикрывали наступательное хищеніе; послѣднее, напр. въ формѣ учрежденія мнимой ликвидаціонной комиссіи, ради болѣе удобнаго сокрытія имущества отъ кредиторовъ, преслѣдуется строго.

Когда подлогъ является средствомъ похищенія, т. е. наступательнымъ, то болѣе строгое отношеніе къ нему само собой понятно, но бываютъ случаи, что таже строгость проявляется по отношенію къ подсудимому, подлогъ котораго, имѣетъ характеръ оборонительный, напр. росписка подрядчика работъ о полученіи съ хозяйки дома, слѣдующихъ ему платежей—сдѣланная старшимъ дворникомъ для сокрытія растраты. Эта строгость замѣчается однако только въ случаяхъ,

когда безъ такого подлога нельзя было учинить даннаго преступленія, которое онъ прикрываетъ, напр. растрату упомянутымъ дворникомъ денегъ, данныхъ хозяйкой на уплату подрядчику. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ вредъ отъ подлога былъ уже устраненъ векселемъ и письмомъ, удостовѣрявшими, что платежъ не былъ сдѣланъ, а деньги растрачены и тѣмъ не менѣе присяжные обвинили подсудимаго въ подлогѣ.

Это явленіе объясняется общимъ правиломъ, по которому всякое преступленіе, соединенное съ нарушеніемъ довѣрія при отношеніяхъ болѣе или менѣе постоянныхъ между потерпѣвшимъ и виновнымъ, строго осуждается присяжными; законъ, хотя знаетъ такой оттѣнокъ. по отношенію, напримѣръ къ домашней кражѣ, но по отношенію къ подлогу не считаетъ это квалифицирующимъ обстоятельствомъ; присяжные дѣлаютъ это различіе.

Съ другой стороны, то обстоятельство, что подсудимый, хотя и принималъ участіе въ подлогѣ, но не самъ совершалъ его физически, т. е. писалъ другой, а не онъ, служитъ обстоятельствомъ, вызывающимъ на снисхожденіе.

Что касается характера доказательствъ, удовлетворяющихъ судъ присяжныхъ по отношенію къ подлогу, то нельзя не указать, что они давно извѣрились въ экспертизу каллиграфовъ и секретарей, т. е. не придаютъ имъ никакого значенія, но съ другой стороны, они можетъ быть черезчуръ склонны довѣрять въ подобныхъ случаяхъ собственной экспертизѣ; въ этомъ случаѣ увеличенные фотографическіе снимки весьма кстати, хотя къ сожалѣнію очень рѣдко появляются на судѣ—они, такъ сказать, идутъ на встрѣчу этой потребности присяжныхъ убѣдиться въ подлогѣ собственными глазами. Въ дѣлахъ о подлогахъ иногда большое значеніе получаютъ улики поведенія и особенности личности подсудимаго.

22 мая 1892 г. былъ обвиненъ СПБургскими присяжными въ составленіи подложной надписи, удостовѣрявшей о долгѣ на умершемъ крестьянинѣ, сельскій адвокатъ Смирновъ, почти исключительно на томъ основаніи, что документъ былъ предъявленъ къ уплатѣ черезъ 1 г. 8 мѣс. послѣ смерти предполагаемаго должника.

Вообще лица, обвиняемыя въ подлогахъ внушаютъ такое сильное недовѣріе къ себѣ, что присяжные не колеблются отвергать психіатрическую экспертизу, съ которой въ этихъ дѣлахъ приходится имѣть дѣло довольно часто; тѣмъ не менѣе, по отношенію къ составу преступленія, они не довольствуются одной вѣроятностью и, какъ упомянуто выше по поводу каллиграфической экспертизы, стремятся къ полной очевидности подлога въ лежащемъ передъ ними документѣ.

Въ 1889-мъ году въ СПБургѣ были оправданы пять кондукторовъ Николаевской ж. д., обвинявшихся въ поддѣлкѣ пассажирскихъ билетовъ; фактъ подлога былъ признанъ, но присяжные были сбиты съ толку нѣмцами—экспертами, заключеніе которыхъ обнаруживало поразительное скудоуміе: техники печатнаго дѣла въ самомъ узкомъ смыслѣ слова,—они никакъ не могли представить себѣ поддѣлки ручнымъ способомъ желѣзно-дорожнаго билета, для изготовленія котораго употребляются „очень дорогія и громоздкія машины". Всѣ усилія мои въ качествѣ обвинителя привести ихъ къ пониманію того, что и руками можно достигнуть значительнаго совершенства въ такой работѣ, разбивались объ ихъ собственную ручную неумѣлость и они только твердили: „Это неудобно, это невозможно, для этого вѣдь есть машины". Дѣло было кассировано и въ 1890 г. тѣже подсудимые при совершенно тождественныхъ остальныхъ обстоятельствахъ были обвинены только потому, что вызванный въ судъ новый экспертъ (русскій) въ присутствіи присяжныхъ и вышеописанныхъ фанатиковъ машиннаго производства собственноручно

изготовилъ въ совершенствѣ пасажирскій билетъ безъ всякихъ машинъ.

Ложный доносъ, утратившій въ настоящее время по мнѣнію Лохвицкаго значеніе общественнаго бича, на самомъ дѣлѣ едва ли можетъ быть сведенъ исключительно къ преступленію, вредоносность котораго оцѣнивается исключительно съ точки зрѣнія частнаго лица. Самое мѣсто его въ уложеніи о наказаніяхъ въ гл. III. (разд. VIII) о нарушеніи общественнаго спокойствія, гдѣ сосредоточены всевозможныя преступленія противъ системы, а въ началѣ поставлены статьи о шайкахъ и пристонодержательствѣ, показываетъ, что законъ понимаетъ это зло гораздо шире.

Какъ бы то ни было, суду присяжныхъ почти не приходится вѣдаться съ общественной стороной этого преступленія; отчасти въ этомъ же направленіи идетъ развитіе кассаціонной практики, преимущественно оцѣнивающей „мѣру причиненнаго обвиняемому вреда“ и „родъ средствъ, употребленныхъ для вовлеченія начальства въ заблужденіе“. Разумѣется, устарѣвшій текстъ закона достаточно объясняется изданіемъ его въ то время, когда вообще преступленіе касалось въ сущности только начальства или потерпѣвшаго. Участіе общества въ открытіи правосудія, еслибы оно имѣло мѣсто въ печальный періодъ русской исторіи, когда раздавался страшный возгласъ „слово и дѣло“, несомнѣнно выработало бы цѣлое ученіе объ общественномъ вредѣ ложнаго доноса; но, какъ извѣстно, въ тѣ времена не было общественнаго суда, а судило „начальство“, и въ наши времена, хотя общественный судъ существуетъ, но ему какъ то не приходится разсматривать дѣла, въ которыхъ смыслъ преступленія ложнаго доноса могъ бы быть характеризованъ выраженіемъ „слово и дѣло“.

Вотъ почему, дѣйствительно, ложные доносы доходятъ до присяжныхъ только ввидѣ „изолированныхъ фактовъ“: лю-

бовникъ взводитъ ложное обвиненіе въ кражѣ принадлежащихъ ему вещей на бросившую его любовницу, стремясь не то вернуть ее, не то отомстить ей; оставшійся недовольнымъ послѣ наслѣдственнаго дѣлежа родственникъ объявляетъ подложнымъ вексель, выданный „на мировую",— общій характеръ, слѣдовательно, ложнаго доноса, по которому высказывались присяжные въ моей практикѣ, сводится къ личнымъ счетамъ и дрязгамъ, чаще всего на корыстной подкладкѣ.

Если бы преступное намѣреніе, т. е. внутренняя сторона преступленія, исчерпывалось желаніемъ навлечь на невиннаго уголовное преслѣдованіе, какъ это устанавливалось Сенатомъ, который, впрочемъ, допускаетъ и иныя личныя или даже корыстныя цѣли, то, разумѣется, присяжнымъ оставалось бы только оправдывать, слѣдуя указаніямъ предсѣдательствующихъ, что въ дѣяніи подсудимаго нѣтъ законнаго состава преступленія.

Несомнѣнно, что цѣлый рядъ признаковъ, по необходимости вводимый судами въ длинные вопросы о ложномъ доносѣ, причемъ ограниченіе отвѣта въ какомъ-либо изъ нихъ должно влечь за собой оправданіе, если не присяжными, то Сенатомъ,—создаетъ рядъ, такъ сказать, ловушекъ для присяжныхъ: желая быть, по возможности, точными и справедливыми, они неожиданно для себя оказываются помирволившими одному изъ самыхъ антипатичныхъ преступленій. Какъ текстъ 940 ст., такъ и широкое право судей въ примѣненіи наказанія указываютъ на невозможность исчерпывающаго опредѣленія для этого преступленія; было бы такимъ образомъ, можетъ быть, правильнѣе не заставлять суды путемъ кассаціи приговоровъ заниматься излишней и невыгодной для правосудія мозаичной работой составленія безконечныхъ вопросовъ о ложномъ доносѣ.

Разумѣется судъ присяжныхъ и въ этихъ дѣлахъ ставитъ на первый планъ желаніе подсудимаго повредить жертвѣ и,

нисколько не интересуясь тѣмъ, насколько удачно или неудачно провелъ свое преслѣдованіе ложный доносчикъ, казнитъ его общимъ „да, виновенъ“ безъ всякихъ ограниченій и безъ снисхожденія. Самые симпатичные мотивы, мыслимые даже и въ этомъ преступленіи, не смягчаютъ присяжныхъ: по дѣлу Бубневича, рѣшенному 17 янв. 1891 г. въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, онъ былъ обвиненъ безъ снисхожденія за ложное обвиненіе въ кражѣ своей бывшей любовницы единогласнымъ приговоромъ еще въ залѣ засѣданія, такъ что присяжные удалились въ свою комнату только для написанія вердикта.

„Не рой другому яму“—вотъ смыслъ этихъ строгихъ приговоровъ; тѣмъ сильнѣе проявляется вслѣдъ за произнесеніемъ вердикта кассаціонная энергія ходатаевъ „потатчиковъ“, которая приводитъ нерѣдко къ тому, что въ Сенатѣ зачеркивается вердиктъ ввиду отсутствія состава преступленія въ вопросѣ, составленномъ однако аптекарски по рецептамъ того же Сената. Такъ было съ дѣломъ еврея Изаксона, обвиненнаго С.-Петербургскими присяжными 30-го окт. 1884 г.

Обзоръ этого преступленія былъ бы неполонъ, еслибы я не указалъ на большую общность между ложнымъ доносомъ и лжеприсягой (лжесвидѣтельство), заключающуюся въ томъ, что въ дѣлахъ того и другого рода приходится подавать присяжнымъ, такъ сказать, разогрѣтыя доказательства виновности; въ самомъ дѣлѣ, ложный доносъ, какъ и лжесвидѣтельство всегда вызываютъ на провѣрку другого судебнаго или слѣдственнаго производства, составляющаго ихъ историческій базисъ; отсюда столь часто возникающія въ дѣлахъ этого рода основательныя сомнѣнія.

Естественно поэтому зародиться „основательному сомнѣнію“ въ правильности того порядка, который заставляетъ отрывать эти дѣла отъ ихъ почвы и разсматривать ихъ от-

дѣльно послѣ совершенно излишней для нихъ — если бы ихъ слушали тѣже присяжные, рѣшившіе основное дѣло — процедуры предварительнаго слѣдствія и преданія суду. Не странно ли искать новаго состава и новыхъ гарантій для рѣшенія дѣлъ по совершеннымъ на глазахъ суда преступленіямъ, преступный характеръ которыхъ только что былъ въ сущности констатированъ оправдательнымъ приговоромъ, постановленнымъ въ несомнѣнное осужденіе недобросовѣстнаго жалобщика.

Я уже упомянулъ выше, что статьи *о шайкѣ* соотвѣтственно важности этого преступленія помѣщены выше всѣхъ другихъ преступленій изъ разряда, — нарушающихъ общественное спокойствіе. Такой взглядъ закона вполнѣ совпадаетъ съ отношеніемъ присяжныхъ къ этому преступленію. То счастливое обстоятельство, что юридическій терминъ „шайка“ по своему значенію соотвѣтствуетъ смыслу этого слова въ разговорномъ языкѣ, создало чрезвычайно выгодныя условія для преслѣдованія этого опаснаго преступленія.

Во первыхъ Сенатъ не считаетъ невозможнымъ введеніе слова „шайка“ въ вопросъ и во вторыхъ, благодаря этому всѣ дѣйствующіе на судѣ присяжныхъ лица получаютъ возможность опредѣлять составъ даннаго преступленія не на основаніи кабинетныхъ соображеній, а согласно съ живымъ содержаніемъ понятія о шайкѣ; соотвѣтственно этому и сила репрессіи, проявляемая судомъ присяжныхъ по отношенію къ этому преступленію поражаетъ дѣйствительное зло, а не юридическій фантомъ его, такъ наприм.: присяжные признали особо опаснымъ видомъ шайки такую, члены которой подъ видомъ подмастерьевъ-обойщиковъ осенью 1890 г. произвели рядъ совершенно ускользавшихъ отъ преслѣдованія кражъ; обвиняемые были признаны виновными, хотя всѣ были еще несовершеннолѣтними; изъ нихъ одинъ, 16-ти лѣтъ, былъ обвиненъ даже при условіи неполнаго разумѣнія.

Старшиной присяжныхъ по этому дѣлу сидѣлъ бывшій товарищъ прокурора, юристъ - практикъ. — Однако было бы ошибкой приписать строгость приговора личному вліянію бывшаго обвинителя по профессіи: рядъ приговоровъ въ той же сессіи (вторая половина января 1891 года въ СПБ—гѣ) отличался строгостью и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не попадалъ въ старшины, и мы выше видѣли, что въ общемъ участіе юристовъ понижаетъ строгость составовъ; въ самомъ дѣлѣ, разсмотрѣніе дѣлъ этой сессіи показываетъ, что ограничительные отвѣты, вообще смягченные вердикты, ставились при участіи старшины-юриста. Такимъ образомъ выведенный выше статистическій законъ и тутъ находитъ себѣ подтвержденіе. Примѣръ этой же сессіи подтверждаетъ и другіе выводы изъ убывающаго ряда составовъ присяжныхъ (см. выше гл. IV); дѣйствительно этотъ строгій вердиктъ былъ постановленъ при составѣ четырехъ интеллигентныхъ и восьми неинтеллигентныхъ, т. е. при наиболѣе строгой комбинаціи этихъ элементовъ.

Преслѣдуя шайку и особенно строго относясь къ членамъ ея, присяжные, какъ я уже сказалъ, вѣрно оцѣниваютъ сравнительную зловредность той или другой шайки въ зависимости отъ степени опасности, которая создается для общества особой ея организаціей (члены-мастеровые) или спеціальной обстановкой, при которой совершается преступленіе (шайки дорожныхъ воровъ).

Общимъ правиломъ является отказъ въ снисхожденіи независимо даже отъ несовершеннолѣтія, пола, и степени участія или прикосновенности; вопреки другому общему правилу здѣсь отвѣчаетъ за свое участіе и женщина, хотя бы она была завлечена мужемъ или сожителемъ.

Основаніемъ такого строгаго отношенія является чувство самообороны общественной, приводящее къ тому, что на судѣ присяжныхъ оживаетъ и 925 ст. Улож., наказующая

составленіе шайки и принадлежность къ ней, хотя бы эта шайка и не совершила еще никакого преступленія.

Не слѣдуетъ видѣть въ этомъ послѣднемъ явленіи торжества формальныхъ взлядовъ на судѣ присяжныхъ: дѣло въ томъ, что шайка, хотя бы еще не дѣйствовавшая, представляетъ собой настолько опасный организмъ, что самое существованіе его уже представляетъ вредоносное нарушеніе спокойствія.

Забота объ общественной безопасности приводитъ присяжныхъ къ тому, что даже примкнувшій случайно въ качествѣ участника даннаго преступленія къ дѣятельности шайки, но не входившій въ ея составъ подсудимый, признается ненаказуемымъ за учиненное преступленіе, если по совершеніи единичнаго преступленія далъ средство обнаружить и пресѣчь преступную дѣятельность шайки; другими словами, присяжные создали такое же положеніе по отношенію къ шайкѣ, какое законъ установилъ относительно поддѣлки монетъ и кредитныхъ бумагъ (2-я часть 559 и 573 Ул. о нак.) Изложенное выше позволяетъ мнѣ коротко сказать, что судъ присяжныхъ также строго и по тѣмъ же основаніямъ относится къ пристанодержательству, мало того, онъ караетъ безъ снисхожденія преступленія, предусмотрѣнныя 931 ст., скупъ и перепродажу всякаго имущества противозаконнопріобрѣтеннаго, хотя бы обвиняемые въ этомъ нестояли ни въ какой связи съ шайкой и даже никакой и шайки не существовало.

Трудность преслѣдованія шайки, ввиду числа лицъ и преступленій, обыкновенно скучиваемыхъ въ одинъ процессъ, заставляетъ присяжныхъ, (что опять таки признакъ отсутствія формализма) мириться съ тѣмъ, что далеко не всѣ подробности выясняются на судебномъ слѣдствіи, но и при этомъ они проявляютъ присущую имъ фактическую добросовѣстность, такъ напр. несмотря на большое число вопро-

совъ,—въ случаѣ обвиненія даннаго лица въ нѣсколькихъ кражахъ (постановка обвиненія въ обвинительномъ актѣ по такимъ дѣламъ почти всегда имѣетъ огульный характеръ), обвинивъ подсудимаго по первой кражѣ и оправдавъ его по второй, они обвиняютъ въ укрывательствѣ этой второй кражи, причемъ имъ вполнѣ ясно, что для отвѣтственности такая точность отвѣта значенія имѣть не можетъ.

Разсматривая доказательства принадлежности къ шайкѣ, признаваемыя присяжными достаточными, нельзя не замѣтить, что одно знакомство съ членами шайки и даже извѣстность въ этомъ сообществѣ подъ особой кличкой не считаются достаточной уликой, но за то вполнѣ устанавливающимъ вину признается, такъ называемое „голое сознаніе“, даже—внѣсудебное.

Оговоръ соучастника, хотя бы и черезъ годъ по привлеченіи сдѣланный, можетъ привести къ обвиненію. Разумѣется, какъ внѣсудебное сознаніе, такъ и оговоръ иногда имѣютъ такой очевидно вымышленный характеръ, что не внушаютъ никакого къ себѣ довѣрія; вотъ почему при обвиненіяхъ въ кражахъ шайкою получаютъ громадное значеніе—поличное или улики поведенія; присоединеніе одного изъ двухъ послѣднихъ родовъ доказательствъ даже къ внѣсудебному оговору считается уже вполнѣ достаточнымъ для обвиненія. По отношенію къ пристанодержательству достаточно присоединенія къ оговору не только поличнаго, но за отсутствіемъ его даже только уликъ поведенія, вродѣ напр. испуга, вызваннаго появленіемъ полиціи, или даже данныхъ самаго общаго характера о дурной специфической репутаціи.

Обыкновенное отношеніе присяжныхъ къ крайне рѣдкимъ въ судебной практикѣ дѣламъ о *мужеложствѣ* вполнѣ согласно со взглядами теоріи, которая постепенно вычеркиваетъ преслѣдованіе этихъ дѣяній изъ уголовныхъ кодексовъ;

такъ какъ у насъ еще уцѣлѣла 995 ст. въ Уложеніи и притомъ съ очень строгой санкціей, то, какъ извѣстно, и прокуратура, и обвинительная камера вынуждены содѣйствовать по возможности фактическому упраздненію этой статьи, тѣмъ болѣе, что за отсутствіемъ у насъ наказуемости болѣе или менѣе серіозныхъ видовъ оскорбленія цѣломудрія женщинъ, за исключеніемъ обольщенія и изнасилованія, пришлось бы даже расширять эту статью вопреки ея буквальному смыслу и на лицъ женскаго пола. Формы насильственной содоміи надъ взрослыми, а тѣмъ болѣе надъ дѣтьми, разумѣется, признаются присяжными; но нельзя не отмѣтить ясно выраженной тенденціи избѣгнуть чрезмѣрно суровыхъ для даннаго преступленія послѣдствій, установляемыхъ закономъ.

Чрезвычайно наглядный примѣръ въ этой области представляетъ дѣло Александрова, оправданнаго 14 марта 1892 года въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ не только въ совершеніи мужеложства надъ своимъ 8-ми лѣтнимъ воспитанникомъ, но и въ покушеніи на это дѣяніе; въ тоже время онъ былъ обвиненъ по 993 ст. въ качествѣ лица, имѣвшаго надзоръ за этимъ мальчикомъ и способствовавшаго его развращенію.

По этому дѣлу были отвергнуты присяжными показанія трехъ женщинъ, утверждавшихъ, что онѣ были очевидцами преступленія; также не повѣрили присяжные и мальчику, причемъ общимъ основаніемъ для этого недовѣрія являлось полное отсутствіе сопротивленія или криковъ.

По отношенію къ возможности покушенія въ данномъ случаѣ экспертомъ была установлена вѣроятность только неполнаго введенія органа, ввиду чего, какъ надо думать, одинъ изъ присяжныхъ просилъ поставить условный вопросъ о покушеніи „безъ какихъ-либо фактическихъ данныхъ“.

Когда предсѣдательствующій въ резюме обратилъ вниманіе присяжныхъ на то, что каждый вопросъ слѣдуетъ рѣ-

шать по фактическимъ основаніямъ и указалъ на право присяжныхъ требовать постановки вопроса по 993 ст., то одинъ изъ нихъ сказалъ: „такъ поставьте теперь же“. При этихъ словахъ старшина и большинство присяжныхъ проявили очевидное нетерпѣніе жестами, которые ясно говорили: къ чему это?

Казалось, что такимъ образомъ желаніе все-таки обвинить хотя бы безъ фактическихъ данныхъ, но ради меньшей наказуемости только въ покушеніи, должно было остаться безъ послѣдствій ввиду разъясненія предсѣдателя, однако присяжные вопреки выразившемуся настроенію большинства обвинили по 993 ст.

Такое смягченіе, при которомъ имъ пришлось переступить черезъ экспертизу, ясно показало ихъ желаніе не оставить дѣяніе Александрова безнаказаннымъ и въ тоже время не допустить той строгой кары, которую влечетъ за собою даже покушеніе. Итакъ и въ этомъ преступленіи, защищая ребенка, присяжные охраняли и общіе интересы дѣтской нравственности, слѣдовательно считались со вредомъ дѣйствительнымъ, замѣняя устарѣвшую статью закона наиболѣе близкими къ ней живыми формулами.

Чрезвычайно отсталыми являются также наши уголовныя законоположенія *о преступленіяхъ противъ кредита*, *о нарушеніи уставовъ торговыхъ, фабричныхъ* и *заводскихъ;* въ значительной степени испещрена подсудность этихъ дѣлъ, такъ наприм. банковскія дѣла, квалифицируемыя какъ служебныя преступленія, судятся однако не въ порядкѣ преступленій по должности, а съ сословными представителями, хотя въ той же судебной Палатѣ; до 1889 г. ихъ довѣряли присяжнымъ засѣдателямъ; дѣла о злостныхъ банкротствахъ прежде чѣмъ появиться на свѣтъ, т. е. въ уголовную залу съ присяжными, переживаютъ длинный инкубаціонный періодъ въ конкурсахъ и коммерческихъ судахъ;

члены обществъ и компаній въ зависимости отъ весьма неяснаго различія между текстами 1198 и 1199 ст. Ул. преслѣдуются за умышленное причиненіе убытковъ этимъ обществамъ и компаніямъ, то въ качествѣ повѣренныхъ, то просто за мошенничество, но во всякомъ случаѣ судятся судомъ присяжныхъ также, какъ поддѣлка векселей и чужихъ клеймъ и знаковъ, прикладываемыхъ „къ издѣліямъ или произведеніямъ мануфактуръ, фабрикъ или заводовъ“ (1354 ст.).

Вся эта пестрота до 1889 г. разсматривалась судомъ присяжныхъ, вотъ почему я займусь изслѣдованіемъ того матеріала, который имѣется у меня по всѣмъ этимъ преступленіямъ безъ различія порядка ихъ производствъ. Всѣ эти дѣянія на судѣ требуютъ громаднаго вниманія и затраты времени, превращающихъ изслѣдованіе и въ физическій трудъ; сложность возбуждаемыхъ вопросовъ требуетъ на первый взглядъ спеціальныхъ знаній; все это не разъ приводило разныхъ изслѣдователей къ мысли о необходимости для этихъ дѣлъ спеціальныхъ присяжныхъ.

Не входя въ разсмотрѣніе этого вопроса, лежащаго внѣ моей задачи, я долженъ сказать, что, можетъ быть благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, большія и сложныя дѣла, вродѣ напр. Кронштадскаго Банка, Товарищества Лапинской Мануфактуры, злостныхъ банкротствъ, которыя мнѣ приходилось вести, оказывались по силамъ присяжнымъ. Правда, въ дѣлѣ о Лапинскомъ Товариществѣ составъ присяжныхъ былъ исключительный: въ числѣ ихъ находилось три бухгалтера, благодаря чему послѣ пятидневнаго разбирательства, удалившись въ совѣщательную комнату съ 29-ю вопросами, присяжные съ полной отчетливостью и безъ единой даже цифровой ошибки рѣшили каждый изъ вопросовъ не только въ отношеніи къ составу преступленія и виновности, но и установили рядъ цифръ,

на основаніи которыхъ оказалось вполнѣ возможнымъ построить приговоръ по милліонному гражданскому иску. По дѣлу, которое я, предварительно изучивъ, выслушалъ на судѣ въ ноябрѣ 1890 г., а именно, по обвиненію Петрова-Токарева и др. присяжные въ самомъ обыкновенномъ составѣ тоже безъ ошибки разрѣшили вопросы о девяти подсудимыхъ по дѣлу о сложномъ банкротствѣ.

Разумѣется, совершенно необходима нѣкоторая подготовка въ судопроизводственномъ смыслѣ, для чего достаточно присяжнымъ разрѣшить до большого дѣла хотя бы нѣсколько маленькихъ; разсмотрѣніе вообще сколько нибудь серіознаго дѣла безъ такой подготовки представляется совершенно не правильнымъ и крайне рискованнымъ, какъ для обвиненія, такъ и для защиты, не говоря уже объ интересахъ правосудія. Если торговое дѣло поставлено въ концѣ цѣлой сессіи, то оно ведется чрезвычайно быстро, отчетливо схватывается присяжными на лету и представляется возможность устранять много лишняго цифрового матеріала.

Совершенно понятно съ другой стороны, что въ дѣлахъ подобнаго рода умная, находчивая экспертиза имѣетъ почти рѣшающее значеніе, такъ какъ экспертамъ обыкновенно приходится выдерживать турниръ съ опытными дѣльцами, въ которомъ ученое тупоуміе тѣмъ слабѣе, чѣмъ оно ученѣе. Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ техническихъ вопросахъ убѣдительность доводовъ для присяжныхъ, какъ и для всякаго неспеціалиста прямо пропорціональна рѣзкимъ очертаніямъ и логической стройности умозаключеній эксперта и только на второмъ планѣ зависитъ отъ содержанія доводовъ; кромѣ того въ громадномъ большинствѣ случаевъ такія дѣла являются передъ присяжными иногда черезъ десять лѣтъ послѣ возникновенія, когда особенно детальная разработка доказательствъ представляется уже и невозможной, и надо отдать справедливость присяжнымъ,—*они*

мирятся съ этимъ, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, и подобно тому, какъ мы это видѣли на шайкахъ, все-таки проникаютъ къ свѣту сквозь чащу разросшихся и переплетшихся фактовъ.

Перевѣсъ интеллигенціи въ составѣ присяжныхъ естественно выгоденъ въ дѣлахъ подобнаго рода при соблюденіи, однако, какъ я думаю, численнаго закона, установленнаго по отношенію къ составамъ присяжныхъ въ концѣ IV-й главы. Присяжные несомнѣнно оказываются на высотѣ призванія, какъ охранители интересовъ кредита, но рядомъ съ этимъ въ ихъ отношеніи къ подсудимымъ по различнымъ дѣламъ сказывается то взвѣшиваніе жизненныхъ условій, которое одно можетъ приводить къ справедливому приговору, къ конкретной правдѣ.

Зная, что торговля въ Россіи „безъ обмана не стоитъ", они прежде всего въ дѣлахъ подобнаго рода чужды всякой страстности, по отношенію къ купцамъ собственно, но подсудимый—не купецъ, являющійся въ ряду купцовъ, такъ сказать, юрисконсультомъ, а это почти всегда бываетъ въ злостныхъ банкротствахъ и при хищническомъ разрушеніи предпріятій,—не можетъ разсчитывать на ихъ снисхожденіе.

За всякое нарушеніе довѣрія тамъ, гдѣ послѣднее имѣетъ характеръ довѣрія общественнаго, присяжные строго караютъ, такъ напр. они не допускаютъ, чтобы мѣняла—хозяинъ могъ оставить у себя на службѣ и въ этомъ смыслѣ простить мѣнялу-приказчика, растратившаго данныя посторониимъ лицомъ для размѣна цѣнности; такое небреженіе къ интересамъ кредита ихъ возмущаетъ. Также относятся они ко всякому подлогу въ торговлѣ и даже къ недобросовѣстной наживѣ на чужомъ товарѣ.

Въ нашемъ уложеніи существуетъ статья, о которой я уже упоминалъ, имѣющая въ сущности формальный характеръ, такъ какъ, карая за поддѣлку чужихъ клеймъ или знаковъ,

она охраняетъ только клейма или знаки, прикладываемые съ дозволенія правительства, т. е. заявленные въ Департаментѣ Торговли и Мануфактуръ: охраняя такимъ образомъ собственно привилегіи, статья эта грозитъ менѣе строгимъ наказаніемъ, чѣмъ статьи о подлогахъ вообще. Наблюденіе показываетъ, что торговцы и заводчики въ случаяхъ, когда въ ущербъ имъ чужой товаръ предлагается покупателямъ обманно, благодаря фальшивымъ знакамъ и клеймамъ, не любятъ возбуждать преслѣдованіе за мошенничество, влекущее болѣе строгое наказаніе, а всегда ищутъ защиты подъ сѣнію 1354 ст.; въ самомъ дѣлѣ, здѣсь имъ достаточно доказать самый фактъ поддѣлки клейма, не вдаваясь въ щекотливыя доказательства превосходства своего товара, что было бы необходимо при обвиненіи въ мошенничествѣ.

Такой путь былъ избранъ даже такой солидной фирмой какъ „Л. Редереръ“ и дѣло это было рѣшено въ январѣ 1893 г. въ СПБ—гѣ, причемъ присяжные обвинили семь человѣкъ по 1354 ст. за распространеніе подъ этикетами и клеймами „Редереръ“ шампанскаго завода „Слава“.

Обвинительному приговору содѣйствовали два обстоятельства, которыя въ тоже время уничтожали формальный характеръ обвиненія: во первыхъ несомнѣнное и безъ экспертизы превосходство шампанскаго фирмы „Редереръ“ надъ шампанскимъ фирмы „Слава“ превращало дѣяніе подсудимыхъ изъ нарушенія привилегій въ серіозное мошенничество, потерпѣвшимъ отъ котораго являлись не только фирма „Редереръ“ но и общество, во вторыхъ широкое распространеніе поддѣлки, занявшее много рукъ, указывало на то, что преступленіе имѣло характеръ промысла. Это послѣднее обстоятельство имѣло послѣдствіемъ то, что главному дѣятелю, Бѣлугину, присяжные отказали въ снисхожденіи.

Законъ въ 1160 ст. караетъ подлогъ векселя, опредѣляя подложность такимъ образомъ: кто подпишетъ подъ чужую

руку вексель или другимъ образомъ составитъ оный подложно; поэтому встрѣчается такой взглядъ, что подложное составленіе можетъ относиться даже къ подлинному векселю, если имъ успѣли замѣнить, изготовленный предварительно для такой операціи, подложный вексель; однако это не такъ и присяжные не допускаютъ такого распространительнаго толкованія.

28-го окт. 1886 г. С.-Петербургскимъ судомъ былъ оправданъ нѣкто Лядовъ, который предъявилъ ко взысканію съ Минѣева вексель въ 900 р.; какъ оказалось происхожденіе его по предположенію обвиненія было слѣдующее: Минѣевъ былъ долженъ Лядову 100 р. которые и уплатилъ ему 23 нояб. 1884 г., тогда Лядовъ вмѣсто расписки въ полученіи предложилъ ему къ учету подложный вексель отъ третьяго лица въ 1000 р., на которомъ и сдѣлалъ надпись въ полученіи этихъ 100 р.; взамѣнъ же этого векселя, оставленнаго имъ у Минѣева, онъ взялъ съ него за его подписью вексель въ 900 р.; затѣмъ, разсчитывая по нѣкоторымъ даннымъ, что подложный вексель утраченъ, сталъ взыскивать съ Минѣева эти 900 р. Защищаясь отъ взысканія, найденнымъ старымъ векселемъ въ 1000 р. (оказавшимся подложнымъ), Минѣевъ не ограничился этимъ и обвинялъ Лядова въ томъ, что вексель въ 900 р., какъ результатъ, подстроеннаго при помощи подложнаго векселя, обмѣна, представляется тоже составленнымъ подложно.

Присяжные признали однако, что ввиду подлинности подписи Минѣева на векселѣ въ 900 р. онъ долженъ считаться настоящимъ векселемъ, каково бы ни было его происхожденіе. Рѣшивъ этотъ сложный правовой вопросъ, присяжные, оправдывая Лядова, и на вопросъ о фактѣ отвѣтили: нѣтъ, составленъ не фальшиво.

Въ другомъ случаѣ присяжные по дѣлу Гоберга въ мартѣ 1888 г. въ СПБ—гѣ признали подложными векселя, хотя и съ подлинными подписями, но выданные завѣдомо на основаніи, утратившей силу довѣренности на сумму около 2,000,000 р. Въ этомъ дѣлѣ фигурировали двое повѣренныхъ, Гобергъ и Бушковскій, изъ которыхъ послѣдній былъ посланъ довѣрителемъ Поповымъ изъ Парижа отобрать все имущество, дѣла и довѣренность отъ перваго, какъ продовавшаго своего довѣрителя; вмѣсто этого, онъ вошелъ съ Гобергомъ въ сдѣлку и результатомъ явилось полное раззореніе и смерть Попова.

Несмотря на то, что въ дѣлѣ фигурировало письменное заявленіе Попова о желаніи прекратить это дѣло, непровѣренное, впрочемъ, слѣдователемъ за смертью Попова, при-

сяжные еще до преній единогласно рѣшили обвинить обоихъ подсудимыхъ по всѣмъ вопросамъ: не смотря на такое настроеніе они все таки по нѣкоторымъ пунктамъ, касавшимся случаевъ, гдѣ соблазнъ быстрой наживы для одного былъ очень великъ, а другимъ, Гобергомъ, покупалась безопасность, признали обоихъ заслуживающими снисхожденія, именно по вопросамъ о покупкѣ Гобергомъ у Бутковскаго и о продажѣ послѣднимъ первому расписки, данной Поповымъ на всякій случай Бутковскому въ томъ, что отъ Гоберга принятъ полный отчетъ.

Что касается доказательствъ по вексельнымъ дѣламъ, то можно повторить только то, что было говорено выше о каллиграфической экспертизѣ.

Надо замѣтить, что отношеніе присяжныхъ къ дѣламъ торговаго характера въ значительной степени опредѣляется общимъ экономическимъ положеніемъ и потому, вслѣдъ за защитой, часто оправдательные мотивы черпаются въ этой области. По дѣламъ о банкротствахъ сильное вліяніе оказываютъ обыкновенно выдвигаемые впередъ защитою же рѣшенія гражданскихъ судовъ: такъ напр. признанный въ 1882 г. СПБургскимъ Окружнымъ Судомъ злостнымъ банкротомъ купецъ Воронинъ предсталъ на судъ присяжныхъ почти черезъ пять лѣтъ, что сравнительно быстро по этимъ дѣламъ; онъ былъ оправданъ въ СПБ—гѣ 6 февр. 1887 г. вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по скамьѣ, купцомъ Орловымъ, обвинявшимся въ качествѣ подставнаго кредитора. Этому Орлову Воронинъ уже въ періодѣ открытія несостоятельности передалъ свой магазинъ безъ счета въ 6 дней; ко времени разсмотрѣнія дѣла имѣлся указъ гражд. Кассац. Деп. Сен., гласившій, что это переукрѣпленіе совершено правильно; понятно, что такой указъ, хотя и выражавшій чисто формальный взглядъ, подорвалъ обвиненіе.

Въ этомъ дѣлѣ, какъ и вообще въ дѣлахъ о злостныхъ

банкротствахъ представлялось крайне затруднительнымъ за отсутствіемъ настоящихъ торговыхъ книгъ, (подъ предлогомъ пожара были написаны новыя—въ нѣсколько дней), установить дѣйствительное состояніе торговли Воронина. Представлялось очень вѣроятнымъ, что несостоятельность Воронина была не подложна, какъ это предполагается 1163 ст. Уложенія, но былъ въ сущности преувеличенъ дефицитъ, дѣйствительно существовавшій. Такое дѣяніе у насъ, собственно говоря, не предусмотрѣно и потому съ нѣкоторымъ правомъ обыкновенно комментируется на судѣ такъ: нельзя же требовать геройства отъ нашего купца, кто же рѣшится уйти нищимъ отъ своего видимо упавшаго дѣла, да и друзья обыкновенно помогаютъ въ подобныхъ случаяхъ спасти хоть что нибудь.

Однако, какъ я уже сказалъ, въ періоды, когда рядъ объявленныхъ банкротствъ начинаетъ угрожать экономическимъ кризисомъ, присяжные говорятъ себѣ: за банкротовъ, наконецъ, взялись, будемъ и мы строги.

Такое настроеніе сказалось въ упомянутомъ уже мною дѣлѣ Токарева; хотя защита ссылалась на домостроительскую горячку и не представлялось возможнымъ за старостью дѣла дойти до полной ясности всѣхъ уголковъ процесса, однако представлялось весьма вѣроятнымъ, что Токаревъ съ тремя соучастниками (всѣ были обвинены) давно уже подготовлялъ свою несостоятельность, слѣдовательно, это банкротство, дѣйствительно, имѣло характеръ подложнаго.

Если банкротства частныхъ лицъ касаются сравнительно небольшого кружка торговцевъ, чаще одного и того же рода торговли, то, само собой разумѣется, торговля деньгами въ банкирскихъ конторахъ и банкахъ, если она ведется недобросовѣстно грозитъ массѣ лицъ всякихъ профессій и состояній убытками и раззореніемъ.

Отсюда понятна та серіозность и вниманіе, съ которыми

присяжные изслѣдуютъ эти дѣла. Особенно наглядно выразились эти качества по дѣлу банкира Зингера, обвиненнаго 21 дек. 1890 г. вмѣстѣ съ двумя, служившими у него, лицами.

Составъ присяжныхъ былъ слѣдующій: одинъ магистръ богословія, одинъ педагогъ-математикъ, два мелкихъ купца (лютеране), три чиновника, одинъ подполковникъ, одинъ почетный гражданинъ, двое мѣщанъ и одинъ крестьянинъ; старшиной былъ одинъ изъ чиновниковъ, коллежскій совѣтникъ. Эти совершенно чуждыя банкирской сферѣ лица записывали и подсчитывали массу цифровыхъ данныхъ, относившихся къ продажѣ въ разсрочку выигрышныхъ билетовъ въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ отдѣленіи; присяжными провѣрялись достаточно извѣстные аптекарскіе счета съ измѣняющимся процентнымъ начисленіемъ; подводился баллансъ за нѣсколько лѣтъ сложнымъ операціямъ и въ результатѣ были не только установлены частныя растраты (предметъ обвиненія), но и выяснилось, что Зингеръ, не имѣя собственнаго капитала, велъ крупную биржевую игру исключительно на чужія деньги.

Защита настаивала на томъ, что страсть къ игрѣ ослѣпляетъ и что въ дѣйствіяхъ Зингера поэтому надо видѣть неудачу, а не злой умыселъ. Присяжные нашли, что рисковать на биржѣ чужими деньгами, т. е., разсчитывая на выигрышъ, относиться безразлично къ убыткамъ довѣрителей, равносильно умышленной растратѣ, т. е. возвысились до ученія о dolus eventualis.

Нельзя не отмѣтить тонкой черты, отличившей и этотъ вердиктъ: признавая, что живя въ С.Петербургѣ Зингеръ могъ не такъ ясно видѣть надвигавшійся въ Московскомъ отдѣленіи крахъ, какъ въ Петербургскомъ, они по Московскимъ растратамъ дали ему снисхожденіе.

Излишне прибавлять, что въ дѣлѣ Зингера большую по-

мощь присяжнымъ оказала экспертиза, бывшая вполнѣ на высотѣ положенія.

Несомнѣнно вполнѣ была на высотѣ положенія и экспертиза по Кронштадскому банку, когда дѣло разбиралось во второй разъ втеченіе десяти дней съ 28-го апрѣля 1886 г. и когда всѣ подсудимые были оправданы.

Говоря здѣсь о высотѣ положенія, я разумѣю бухгалтерское умѣніе и знаніе банковскихъ порядковъ, благодаря которымъ все дѣло могло бы быть разъяснено присяжнымъ вполнѣ.

Сложность дѣла была исключительная: при десяти обвиняемыхъ было вызвано 110 свидѣтелей, читалось безчисленное количество осмотровъ, 50 записанныхъ слѣдователемъ свидѣтельскихъ показаній, судъ, прокуроръ, 10 защитниковъ, 8 повѣренныхъ гражданскихъ истцевъ задали шести экспертамъ 73 вопроса; приходилось разслѣдовать дѣятельность банка за цѣлыхъ четыре года, со дня основанія; послѣднее разбирательство происходило черезъ семь лѣтъ по обнаруженіи злоупотребленій.

Весь этотъ крайне спеціальный, почти необозримый матеріалъ былъ предложенъ такому составу: 8 мѣщанъ и крестьянъ, трое чиновниковъ, одинъ купецъ 2-й гильдіи, онъ же старшина, онъ же родственникъ одного изъ свидѣтелей защиты.

Съ этого пункта начинается перечисленіе обстоятельствъ, вліявшихъ на оправдательный исходъ дѣла.

Кронштадскій банкъ въ своей дѣятельности коснулся такой массы лицъ, что даже въ числѣ экспертовъ и присяжныхъ не удалось избѣгнуть присутствія людей, болѣе или менѣе предубѣжденныхъ, чтобы не сказать—связанныхъ такъ или иначе съ обстоятельствами дѣла. Разумѣется, это не могло не вліять вредно на исходъ процесса.

Однако главною причиною оправданія при достаточно разъясненной виновности, по крайней мѣрѣ большей части под-

судимыхъ, было то, что дѣло, такъ сказать, выдохлось. Еще въ 1883 г. присяжными были признаны виновными по тому же дѣлу трое директоровъ банка; изъ нихъ Лангвагенъ успѣлъ уже отбыть назначенное ему двухгодичное заключеніе, пока дѣло восходило до сената, было кассировано и вторично заслушано; одинъ изъ подсудимыхъ былъ выдѣленъ изъ производства ввиду предсмертной болѣзни, остальные подсудимые къ этому времени уже совсѣмъ разорились и мало походили на хищниковъ; да въ сущности ихъ права на этомъ эпитетъ не безъ основанія были подвергнуты большому сомнѣнію; въ сущности вся дѣятельность банка предстала въ такомъ безпорядкѣ, носила черты такого легкомыслія, запутывалась въ самую беззастѣнчивую эксплоатацію дѣльцовъ того періода, именно 1877 г., когда военныя дѣйствія въ Турціи поглощали общее вниманіе и цѣлыя состоянія. Наконецъ, имѣло громадное значеніе обнаружившееся здѣсь полное смѣшеніе въ мірѣ дѣльцовъ понятія о вкладныхъ билетахъ, бронзовыхъ векселяхъ, банковомъ и частномъ кредитѣ; привлеченныя къ дѣлу лица также, какъ оказалось, перестали сознавать различіе между фиктивными вкладными билетами и деньгами.

Разумѣется, это смѣшеніе языковъ не заразило присяжныхъ и они втеченіе процесса, какъ это явствовало изъ вопросовъ и замѣчаній, твердо стояли на томъ, что вкладной билетъ Банка, хотя бы выданный не за деньги, а по векселямъ, все таки имѣетъ дѣйствительную цѣнность для постороннихъ лицъ, такъ что было совершенно ясно, что заправилы банка отвѣтственны за подобныя неправильности, но, какъ я уже сказалъ, хаотическое финансовое положеніе, пошатнувшее одновременно многіе гораздо болѣе солидные банки, не могло не быть принято во вниманіе и могущественно повліяло на вердиктъ.

По отношенію къ частностямъ банковскихъ дѣлъ важно

замѣтить, что ставшее у насъ обычнымъ явленіемъ неправильное составленіе общихъ собраній акціонеровъ, само по себѣ взятое, не признается присяжными преступнымъ, хотя отъ времени до времени и вносится въ обвинительные акты.

Итакъ, въ дѣлѣ кронштадтскаго банка мы опять видимъ свойственное присяжнымъ отыскиваніе хищника, причемъ запутавшійся и разорившійся подсудимый таковымъ не признается; по отношенію же къ Лангвагену видимъ опять дѣйствіе правила: ne bis in idem.

Наиболѣе наглядно проявляется отношеніе присяжныхъ къ интересамъ торговли въ дѣлахъ о торговыхъ товариществахъ и притомъ проявляется не въ смыслѣ только нравственныхъ взглядовъ, а именно какъ правосознаніе.

Обращеніе паевъ этихъ товариществъ, обширный кредитъ, покоющійся не только на вѣрѣ въ предпріятіе, но и на довѣріи къ власти, наблюдающей за соблюденіемъ устава, приближаетъ эти ассоціаціи, отличающіяся рѣзко выраженнымъ значеніемъ хозяина дѣла, физическаго лица,—къ безличнымъ акціонернымъ компаніямъ и банкамъ. Дѣйствительно, присяжные твердо стоятъ на томъ, что директоръ распорядитель товарищества, даже имѣя въ рукахъ почти всѣ акціи (Лапинское дѣло въ Москвѣ 1895 г.), долженъ блюсти имущество товарищества, какъ чужое имущество. Расхищеніе такого имущества есть преступленіе; отчужденіе части его,— хотя бы и безъ корыстной цѣли безденежно напр. женѣ,— должно быть наказуемо; но жена, хотя бы она являлась дѣятельной сотрудницей и была облечена тѣмъ же директорскимъ званіемъ, пользуется все таки въ этомъ случаѣ привилегіей слабаго пола—укрыться въ тѣни сильнаго.

Въ такомъ же положеніи, условно—привилегированномъ, находится и молодой интеллигентъ, запутанный родственными узами съ главаремъ, если въ его дѣйствіяхъ отсутствуетъ корыстная цѣль; при тѣхъ же условіяхъ принп-

мается въ разсчетъ и толкуется въ пользу подсудимаго низкій уровень купеческихъ нравовъ, при которыхъ считается нормальнымъ, что, постарѣвшій въ честной торговлѣ, купецъ, неразъ выручавшій товарищество—сознательно, хотя и безъ корыстной цѣли, является въ послѣднюю минуту передъ крахомъ и даже послѣ него, ширмой, за которой продолжается злоупотребленіе кредитомъ и расхищеніе имущества.

Тѣмъ строже однако относятся присяжные къ главному виновному, котораго въ Лапинскомъ дѣлѣ не выручило двухгодичное предварительное тюремное заключеніе и которому неудалось убѣдить присяжныхъ, что онъ въ силу большаго числа акцій „полный хозяинъ" предпріятія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Если не считать подлоговъ и преступленій религіознаго характера, то разсмотрѣнныя выше преступныя дѣянія легко свести въ одну общую группу. Эта группа характеризуется тѣмъ, что общее число относящихся къ ней преступленій, какъ вообще, такъ и по отдѣльнымъ родамъ ихъ, сравнительно не велико; кромѣ того, всѣ они въ большей или меньшей степени имѣютъ характеръ преступленій противъ системы, почему, во первыхъ, присяжнымъ приходится встрѣчаться при обсужденіи ихъ съ чисто формальными преступленіями, а, во вторыхъ, необходимость оберегать интересы часто искуственныхъ системъ вызываетъ въ тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, мнительность по отношенію къ проявляемой присяжными относительно этихъ дѣяній силѣ репрессіи и какъ послѣдствіе этой мнительности влечетъ рядъ новеллъ, ограничивающихъ юрисдикцію присяжныхъ.

Преступленія противъ общаго права, къ которымъ я теперь перехожу, т. е. посягательства на жизнь, неприкосновенность, честь и имущество частныхъ лицъ имѣютъ прямо противоположныя черты: число ихъ въ нѣсколько сотъ разъ превышаетъ разсмотрѣнную выше группу; при обсужденіи ихъ формализмъ, можно сказать, теряетъ всякое значеніе и даже мнительность не переходитъ по отношенію къ нимъ изъ области болѣзненныхъ душевныхъ явленій въ реформаторскіе поступки, способные искажать здоровую дѣйстви-

тельность. Общественное развитіе имѣетъ свои непреоборимые законы, съ которыми приходится считаться самымъ неустрашимымъ и неутомимымъ сочинителямъ законопроэктовъ. Подобно тому, какъ притокъ кислорода очищаетъ кровь, живая струя народнаго правосознанія, гласно творящаго правосудіе въ лицѣ суда присяжныхъ, очищаетъ и оздоровляетъ мутные потоки общественной жизни; безспорно, что въ самомъ благоустроенномъ обществѣ, какъ и въ самомъ здоровомъ организмѣ безъ этого освѣжающаго вліянія жизнь постепенно уступила бы мѣсто смерти: ограниченіе же этого вліянія въ пространственномъ отношеніи приводитъ къ болѣзнямъ въ тѣхъ слояхъ,—безразлично глубоко или поверхностно лежащихъ,—откуда оно исключено.

Когда дореформенная русская жизнь была вся полна неправдой, то суды „кишѣли неправдой черной", и это понятно, такъ какъ именно сюда продолжала изливаться и здѣсь скоплялась темная венозная кровь, не находя нужнаго ей кислорода.

Только судъ можетъ очищать общественный организмъ въ правовомъ отношеніи и поэтому онъ, чтобы быть въ состояніи исполнять свое назначеніе, долженъ быть мѣстомъ идеальной чистоты или же притекающая въ него неправда изъ мутной превратится въ черную.

Этотъ великій законъ, по которому судъ не можетъ быть чѣмъ то среднимъ и необходимо долженъ обладать высокой нравственной силой, а иначе онъ превратится въ сточное мѣсто, уже 30 лѣтъ тому назадъ былъ сознанъ въ Россіи и это сознаніе вызвало къ жизни судъ присяжныхъ.

Если пониманіе этого закона, какъ показало наше прошлое, недостаточно еще широко распространилось, слѣдствіемъ чего и явилась длинная вереница новеллъ, по отношенію къ преступленіямъ противъ системы, то преступленія противъ общаго права, какъ наиболѣе серіозныя и непосред-

ственно задѣвающія общественный организмъ, безъ всякихъ колебаній предоставляются вѣдѣнію суда присяжныхъ; устраненіе суда присяжныхъ изъ этой области—означало бы поворотъ въ судахъ къ періоду неправды черной.

Сознаніе возможности такой бѣды, какъ я уже сказалъ, ясно сквозитъ во всей исторіи выборнаго судебнаго института и присуще, можно сказать, почти безъ исключенія, всѣмъ судебнымъ дѣятелямъ, какъ нынѣ дѣйствующимъ, такъ и почившимъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію того, какъ протекаютъ предъ лицомъ присяжныхъ преступленія противъ общаго права, я прежде всего долженъ указать, что эти преступленія распадаются на два большихъ отдѣла: группу посягательствъ на личныя блага и группу посягательствъ на имущественныя права. Въ отношеніи къ каждой изъ этихъ группъ судъ присяжныхъ проявляетъ своеобразныя черты.

Разсмотримъ, слѣдуя нашей системѣ, первый отдѣлъ, въ которомъ мы встрѣтимся постепенно съ убійствомъ всякаго рода, увѣчьемъ и ранами, истязаніями и преступленіями противъ чести.

Убійство вообще, а въ особенности тяжкія его формы влекутъ за собою наказаніе, характеръ котораго при значительной суровости общеизвѣстенъ. Первымъ послѣдствіемъ этого является то, что своимъ „да, виновенъ“ въ подобныхъ случаяхъ присяжные назначаютъ своей рукой грозную каторжную работу, причемъ эта непривычная рука, разумѣется, дрожитъ. Легко представить себѣ особенно несчастное стеченіе обстоятельствъ, вызвавшихъ совершеніе убійства; понятно, что нужна особая, чисто судейская твердость для того, чтобы не поддаться малодушной слабости, столь неумѣстной и вредной въ должностномъ лицѣ, призванномъ охранять общество. Способность судейской выдержки вырабатывается широкимъ судебнымъ опытомъ и

освящается правовымъ идеализмомъ, который, разумѣется, въ лицахъ другихъ профессій встрѣчается только случайно; отсюда не слѣдуетъ однако, чтобы это чувство твердости, часто совершенно необходимое въ судебной залѣ, было чуждо присяжнымъ при исполненіи ими судейскихъ обязанностей, и, дѣйствительно, по дѣламъ объ убійствахъ въ особенности, у присяжныхъ почти всегда оказывается вполнѣ достаточный запасъ судейскаго мужества. Серіозность дѣла, сама по себѣ вполнѣ понятная для самаго необразованнаго или распущеннаго человѣка, сразу настроиваетъ не только присяжныхъ, но даже и свидѣтелей выше обыденнаго уровня и мнѣ не разъ приходилось, въ качествѣ молодого товарища прокурора, слышать передъ отвѣтственнымъ обвиненіемъ увѣренное заявленіе старыхъ судей: „будьте спокойны, свидѣтели лгать не станутъ, — дѣло вѣдь идетъ объ убійствѣ“.

Важнымъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи для присяжныхъ является то изолированіе, которому они подвергаются въ силу закона; устраняя отъ нихъ всякое постороннее вліяніе, оно не только объединяетъ ихъ въ сознаніи тяжелой, выпавшей на ихъ долю, задачи, но создаетъ вкругъ нихъ какъ бы особую, граждански—правовую атмосферу, въ которой нѣтъ мѣста легкомыслію, личнымъ вкусамъ и случайнымъ вѣяніямъ; значеніе такого изолированія такъ важно и благодѣтельно, что даже коронные судьи въ сколько нибудь серіозныхъ дѣлахъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они дѣйствуютъ съ присяжными, принимаютъ всевозможныя мѣры для отдѣленія себя отъ постороннихъ дѣлу элементовъ.

Умѣніе не нарушать это настроеніе въ присяжныхъ жесткой или вообще безтактной обвинительной рѣчью, гаерской защитой или тенденціознымъ напутственнымъ словомъ составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ искусства правосудія. Разрѣшенію ея способствуетъ только продолжительный судебный опытъ, такъ какъ это умѣніе сводится къ спо-

собности войти, что называется, въ настроеніе присяжныхъ. При соблюденіи этого основного условія ни добросовѣстный отказъ отъ обвиненія, ни постановка условныхъ или дополнительныхъ вопросовъ, ни даже рѣзкое отношеніе къ заслуживающему этого подсудимому или къ участвующимъ въ дѣлѣ, даже къ отдѣльнымъ лицамъ изъ присяжныхъ, не вредятъ дѣлу правосудія.

Я могу указать рѣзкіе примѣры того, что по дѣламъ о привилегированномъ, такъ сказать, убійствѣ—матерью новожденнаго ребенка, (обвиненіе по 1451 ст.) присяжныхъ не смущала постановка условнаго вопроса по 1460 ст. (оставленіе безъ помощи) и они все таки обвиняли по главному вопросу, если мать того заслуживала; въ громадномъ большинствѣ случаевъ присяжные вовсе не склоняются непремѣнно къ самому мягкому предѣлу виновности, такъ какъ чрезвычайно твердо, въ предѣлахъ возможности, держатся фактической почвы.

Вотъ почему въ области доказательствъ по дѣламъ объ убійствѣ присяжные очень требовательны относительно полноты ихъ, но зато и легче довѣряютъ въ серіозныхъ дѣлахъ, напримѣръ очевидцамъ, выдержавшимъ перекрестный допросъ: даже одного очевидца бываетъ достаточно для обвиненія въ дѣтоубійствѣ: 24-го января 1895 года московскіе присяжные, оставивъ безъ отвѣта условный вопросъ, обвинили по 1451 ст. крестьянку Николаеву, которая, какъ оказалось, будучи выпивши, не стѣсняясь присутствіемъ свидѣтельницы Ивановой, заставшей ее неожиданно тотчасъ послѣ родовъ, въ отхожемъ мѣстѣ, столкнула новорожденнаго въ люкъ ногой, приговаривая: „молчи, молчи".

Приведенный случай можетъ служить иллюстраціей того общаго положенія, что, по мнѣнію присяжныхъ, умыселъ на жизнь долженъ быть доказанъ фактически, какъ въ приведенномъ примѣрѣ словами: „молчи, молчи", а не быть только

выводомъ, какъ бы вѣроятенъ послѣдній ни былъ; самыя полныя доказательства сознательнаго состоянія родильницы, какъ не исключающія возможности гибельныхъ для ребенка рефлективныхъ движеній, не позволяютъ присяжнымъ заключать къ умыслу матери на жизнь ребенка.

Общій законъ дѣятельности присяжныхъ въ этомъ отношеніи тотъ, что наибольшая вѣроятность виновности въ смыслѣ яснаго представленія ряда логическихъ доводовъ не достаточна по дѣламъ этого рода по отношенію къ умыслу; необходимо, чтобы эта сознаваемая вѣроятность воплотилась въ душевное движеніе, рождающееся, въ такъ называемой Вундтомъ безсознательной области души, т. е. изъ мысли превратилась въ убѣжденіе.

Дѣйствительно, лучшая экспертиза психіатрическая (д-ръ Чечоттъ) или психологическая (проф. Тархановъ), въ случаяхъ которые у меня подъ рукою, не можетъ придать цѣльности слишкомъ отрывочному и сбивчивому предсмертному показанію потерпѣвшаго; для присяжныхъ недостаточны выводы изъ возстановленныхъ въ непререкаемой точности словъ, имъ нужна увѣренность самого потерпѣвшаго въ виновности лица, которое онъ обвиняетъ, а выразить эту увѣренность можетъ только живой голосъ. Отсутствіе его по причинѣ болѣзни или смерти потерпѣвшаго, по причинѣ ли отказа напр. жены давать показаніе на судѣ, оставляетъ въ дѣлѣ серіозный пробѣлъ, о которомъ присяжные съ трудомъ забываютъ даже при обиліи другихъ доказательствъ.

Когда доказательства виновности и преступности полны, когда умыселъ на жизнь внѣ сомнѣній, только совершенно исключительная обстановка преступленія, только мотивы, имѣвшіе роковое значеніе для подсудимаго — могутъ привести къ оправданію; въ этомъ отношеніи не только какія-нибудь имущественныя права, но никакое личное несчастіе не мо-

жетъ быть въ глазахъ присяжныхъ уравнено съ жизнью другого лица и даже съ покушеніемъ на эту жизнь.

Такимъ образомъ руководящимъ правиломъ признается то, что даже легчайшая форма убійства наказуема, а убійство, квалифицированное по отношенію къ числу жертвъ или въ отношеніи личныхъ связей съ потерпѣвшимъ, не допускаетъ даже смягченія.

По отношенію къ I ч. 1455 статьѣ присяжные лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаютъ не прямой умыселъ; тоже имѣетъ мѣсто и при покушеніи на это преступленіе; но вообще покушеніе на убійство несравненно дальше отстоитъ въ представленіи присяжныхъ отъ оконченнаго преступленія, чѣмъ въ другихъ родахъ преступной дѣятельности; оно и понятно, такъ какъ разница между смертью и жизнью неизмѣримо больше, чѣмъ, напримѣръ, между утратою имущества и опасностью его потерять; вотъ почему присяжные рѣшительно не допускаютъ каторжной работы за покушеніе на жизнь. Вообще говоря и покушеніе на убійство все-таки судится строго и нерѣдки случаи, напримѣръ, при посягательствѣ, направленномъ на жизнь кого-либо изъ домашнихъ,—когда, признавая разныя ограниченія на фактической все-таки почвѣ,—присяжные отказываютъ все-таки въ снисхожденіи. Наоборотъ, даже наступленіе смерти, причиненной, напримѣръ, арестантомъ, почти вынужденнымъ тяжкимъ положеніемъ, изъ котораго онъ искалъ какого-нибудь выхода, само по себѣ не мѣшаетъ присяжнымъ признать обвиненнаго заслуживающимъ снисхожденія; точно также несовершеннолѣтній, учинившій убійство безъ особо отягчающихъ обстоятельствъ можетъ смѣло разсчитывать на снисхожденіе.

Одной изъ самыхъ интересныхъ формъ убійства въ бытовомъ отношеніи является убійство въ дракѣ, которая, начавшись иногда съ легкой ссоры, завершается смертельнымъ исходомъ; такъ какъ въ подобныхъ дѣлахъ крайне трудно,

если не невозможно, установить умыселъ, то мыслимы, напримѣръ, слѣдующіе вердикты. 9-го апрѣля 1882 г. въ г. Новгородѣ судился крестьянскій сынъ Владиміровъ, такъ называемымъ, строгимъ составомъ, т. е. четырьмя интеллигентными при восьми неинтеллигентныхъ.

Такъ какъ на трупѣ потерпѣвшаго оказались признаки задушенія, а ротъ былъ набитъ землей и травой, то, повидимому, умышленность убійства не подлежала сомнѣнію. Подсудимый, малый глуповатаго вида, ввиду полнаго отсутствія мотивовъ для убійства былъ подвергнутъ освидѣтельствованію черезъ психіатровъ и признанъ здоровымъ.

На судѣ онъ продолжалъ утверждать, что за плечами у него былъ человѣкъ ему неизвѣстный и невидимый, который требовалъ, чтобы онъ душилъ своего товарища, Степанова; дѣло происходило въ укромномъ мѣстѣ, въ лѣсу, они были только вдвоемъ (стоявшій за плечами человѣкъ, былъ невидимъ), поэтому Владиміровъ два раза принимался душить Степанова и, когда тотъ потерялъ сознаніе, забилъ ему ротъ землей и травой, чтобы онъ не очнулся и не разсказалъ о происшедшемъ. Принявъ за исходную точку, что подсудимый признанъ психіатрами здоровымъ, а разсказъ о галлюцинаціяхъ—лживымъ, я въ качествѣ обвинителя, могъ предположить только одно: что между Владиміровымъ и Степановымъ, которые оба были выпивши, по объясненію подсудимаго, имѣла мѣсто если не ссора, на которую не было никакихъ указаній, то—всегда возможная грубая, неосторожная шутка, имѣвшая характеръ душенія, въ той формѣ, какъ объ этомъ говоритъ самъ подсудимый: „два раза принимался душить".

Объясненіе же, данное подсудимымъ на судѣ, представлялось по этому неразумно сочиненной басней, которою, самъ того не понимая, онъ взводилъ на себя тяжкое обвиненіе въ убійствѣ. По этимъ соображеніямъ я отказался отъ об-

виненія въ убійствѣ и поддерживалъ обвиненіе въ лишеніи жизни, явившемся послѣдствіемъ незапрещеннаго, но явно неосторожнаго, дѣянія. (1468 ст. Ул.)

Судъ отказалъ мнѣ въ постановкѣ такого вопроса, послѣдствіемъ чего и была затѣмъ кассація приговора. Присяжные, на поставленные имъ три вопроса, отвѣтили согласно съ моимъ обвиненіемъ: „да, Степановъ былъ задушенъ Владиміровымъ“, „Вл. не былъ въ ненормальномъ состояніи“, „Вл. виновенъ, но безъ умысла“.

Судьямъ, разумѣется, пришлось оправдать подсудимаго.

Изъ этого видно, что понятіе о преступной неосторожности вполнѣ доступно присяжнымъ и, дѣйствительно, въ случаяхъ подобнаго рода подсудимые не могутъ разсчитывать, что ихъ неосторожность останется безнаказанною: слишкомъ высоко цѣнятъ присяжные человѣческую жизнь. Вообще пьяное состояніе, сопровождающееся буйствомъ, въ особенности, когда буйствовавшій былъ вооруженъ ножемъ, ни при убійствѣ, ни даже при покушеніи на это преступленіе, не вызываетъ снисхожденія.

Въ русскихъ деревняхъ вообще, а въ Новгородской губерніи въ частности и притомъ въ довольно сильной степени развитъ и поддерживается старый обычай большихъ праздничныхъ дракъ, причемъ цѣлая деревня идетъ на другую или пьяная толпа старается подкараулить гуляку—чужака. Взаимное озлобленіе, поддерживаемое не только винными парами, но и злыми воспоминаніями о прежнихъ побоищахъ, въ которыхъ были ранены или погибли близкіе,— приводитъ почти всегда къ тому, что въ каждый большой праздникъ, въ какой либо изъ празднующихъ деревень оказывается мертвое тѣло. Разумѣется, чаще всего, это бываютъ убійства болѣе или менѣе случайныя, такъ сказать въ дракѣ, но нерѣдко и при крайне неравныхъ силахъ, такъ какъ обыкновенно нѣсколько человѣкъ открыто или изъ засады

съ кольями нападаютъ на неосторожно забредшаго въ чужую деревню пьянаго парня; еще до праздника слышатся похвальбы посчитаться съ сосѣдней деревней и порѣшить такого то, виноватаго въ смерти или увѣчьи близкаго человѣка въ такой то минувшій праздникъ. Такъ грозилъ по всѣмъ правиламъ старой родовой мести крестьянинъ Демянскаго уѣзда, Жигуровъ, судившійся 10 ноября 1883 года въ г. Демянскѣ за убійство крестьянина Иванова: „убью двухъ-трехъ изъ деревни Митюши", говорилъ онъ передъ праздникомъ, вспоминая про смерть отца своего, убитаго за годъ до того; при такихъ же обстоятельствахъ обыкновенно расправляются крестьяне и со свидѣтелемъ, который на волостномъ судѣ повредилъ своимъ показаніемъ.

Такимъ свидѣтелемъ явился лѣтомъ 1882 г. крестьянинъ Никитинъ противъ крестьянина Николая Иванова и за это 8-го Іюля того же года, въ день казанской Божіей Матери, былъ сонный вытащенъ изъ избы матроса Флотскаго, послѣ чего Ивановы, отецъ и сынъ, и еще трое односельцевъ кольями заколотили его на смерть. Изъ числа бившихъ Федотовъ, 22 лѣтъ, какъ настоящій дикарь, плясалъ на животѣ убитаго.

По этому дѣлу четверо обвиненныхъ, а по предъидущему дѣлу одинъ обвиненный, были приговорены къ каторжнымъ работамъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что по обоимъ дѣламъ главные обвиняемые, Николай Ивановъ, говорившій Никитину: „жить тебѣ до Казанской", а по дѣлу о смерти Иванова уже упомянутый Жигуровъ, — оба вышли изъ суда оправданными. Относительно Жигурова была только большая вѣроятность виновности, такъ какъ онъ не былъ твердо признанъ товарищами Иванова, разбѣжавшимися въ разныя стороны при нападеніи изъ засады какихъ то двоихъ людей; — такое оправданіе не представляло ничего удивительнаго, такъ

какъ рядомъ съ нимъ на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ крестьянинъ Заплаткинъ, сознававшійся въ убійствѣ и утверждавшій, что онъ совершилъ его одинъ. Усиленные подкупы свидѣтелей, собственноручное записываніе Заплаткинымъ своего сознанія у слѣдователя—все заставляло думать, что Заплаткинъ, признанный очевидцами, выгораживалъ товарища за деньги; можетъ быть пониманіе этого присяжными сказалось въ томъ, что они не дали Заплаткину снисхожденія.

Что касается до дѣла объ убійствѣ Никитина, которое разсматривалось вслѣдъ за дѣломъ Жигурова тою же сессіею, въ которой крестьянскій элементъ имѣлъ подавляющее большинство, то оправданіе Николая Иванова, уличеннаго очевидцемъ мальчикомъ въ равной степени со всѣми остальными, могло объясняться только тѣмъ, что изъ всѣхъ напавшихъ на Никитина, съ цѣлью заколотить его до смерти, онъ одинъ являлся, въ нѣкоторой степени потерпѣвшимъ отъ покойнаго. Въ этомъ смыслѣ ближе всѣхъ къ Николаеву стоялъ его отецъ, 50-ти лѣтній Иванъ Петровичъ, однако онъ былъ обвиненъ. Такъ какъ помилованіе при такихъ условіяхъ Николая Иванова все таки недостаточно объяснялось и даже прямо противорѣчило взглядамъ присяжныхъ вообще, взглядамъ отъ которыхъ не отступалъ и данный составъ, то я обратился за разъясненіями къ присяжнымъ; оказалось, что большинство крестьянъ—присяжныхъ руководствовалось тѣмъ соображеніемъ, что представлялось бы слишкомъ жестокимъ губить цѣлую семью, взявъ изъ нея обоихъ работниковъ, отца и сына; при этомъ было высказано, что отецъ уже старъ и потому плохой работникъ, и во всякомъ случаѣ виновнѣе сына, котораго онъ поддерживалъ въ его намѣреніяхъ, вмѣсто того, чтобы остановить.

Нельзя не сознаться, что въ этомъ исключительномъ, за всю мою болѣе чѣмъ 20-лѣтнюю практику, случаѣ мнѣ пришлось столкнуться съ присяжными, въ глазахъ которыхъ

интересъ отдѣльной семьи заслонялъ очень смутно представлявшійся имъ интересъ государственный; все таки нельзя не сказать, что и въ данномъ случаѣ соображенія относительной справедливости, которыми на первой взглядъ они казалось пренебрегли, все таки были ими взвѣшены и приняты во вниманіе.

Въ томъ же крестьянскомъ быту имѣло мѣсто дѣло аграрнаго характера, по которому въ 1883 году былъ обвиненъ въ г. Боровичахъ ревельскій гражданинъ Бергштейнъ, жившій въ своемъ помѣстьи и запрещавшій крестьянамъ ходить по бичевнику мимо дома; когда это приказаніе нарушалось, онъ грозилъ револьверомъ и даже стрѣлялъ и однажды, когда группа крестьянъ на его глазахъ разобрала жерди, загораживавшія дорогу, то онъ тремя выстрѣлами ранилъ одного изъ нихъ. Хотя раненый крестьянинъ и помирился съ Бергштейномъ на пятистахъ рубляхъ, тѣмъ не менѣе присяжные, пройдя сквозь лѣсъ сомнѣній на тему о самообóронѣ, выдвинутой защитою, громко провозглашавшей слово „каторга“ (что было невѣрно, такъ какъ обвиненіе было поставлено по 9 и 2 ч. 1455 ст. Улож.)—все таки признали подсудимаго виновнымъ, отвергнувъ умыселъ лишить жизни, т. е. опять таки установили наказуемость преступной неосторожности въ формѣ преступной самодѣятности.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію общихъ выводовъ по тремъ наиболѣе часто встрѣчающимся видамъ убійствъ: убійствъ вызванныхъ страстью, условіями семейной жизни и корыстью, я остановлюсь на случаѣ, который рѣзко отличается отъ обыденныхъ: 26 мая 1885 г. 20-лѣтняя крестьянка Сысоева, будучи разсчитана за грубость, вернулась по настоянію тетки къ хозяевамъ просить прощенія, но ей все таки отказали; тогда она подъ ложнымъ предлогомъ выманила изъ дому единственнаго сына хозяевъ, отплыла съ нимъ въ яликѣ на нѣкоторое разстояніе отъ берега и затѣмъ на глазахъ гребца

бросила ребенка въ Неву, а сама бросилась въ воду съ другой стороны лодки. Мальчикъ, разумѣется, былъ тотчасъ вытащенъ лодочникомъ, она же, плавая вокругъ и не позволяя себя вытащить, спрашивала, что ей за это будетъ. На судѣ она не созналась и говорила, что не помнитъ, какъ и что съ нею было.

Фактъ преступленія стоялъ внѣ сомнѣнія. Несоразмѣрность мотива съ чудовищностью поступка вызвала освидѣтельствованіе. Экспертъ д-ръ Чижъ призналъ ее здоровой. Въ составѣ притяжныхъ находились: на четырехъ неинтеллигентныхъ — восемь интеллигентныхъ (дѣло разбиралось 10-го октября 1886 года въ СПБургѣ).

Въ числѣ присяжныхъ были: заслуженный педагогъ, врачъ и еще докторъ медицины (старшина). На вопросъ о фактѣ преступленія послѣдовалъ отвѣтъ, который я выписываю буквально: „*не бросила* въ воду *съ цѣлью* лишить жизни посредствомъ утопленія“ (курсивъ мой). Прочіе вопросы оставлены были безъ отвѣта и судъ оправдалъ Сысоеву. Старшина далъ слѣдующее объясненіе: „нельзя врачу признать ее больной, а безъ этого непонятно, зачѣмъ бросила“.

Я прошу читателя вспомнить мою характеристику врачей-присяжныхъ; это избавитъ меня отъ комментарій къ грамматической формѣ и смыслу отвѣта; дѣйствительно, загадка осталась загадкой. Было признано, что 20-лѣтняя неразумная голова, будучи здоровой психически, можетъ совершать несообразности, достойныя сумасшедшихъ. Присяжные очевидно признали ее неотвѣтственной за поступокъ, имѣющій характеръ почти слабоумнаго дѣйствія, за что разумѣется, ихъ упрекнуть не приходится; что же касается словъ, въ которыя воплотился вердиктъ, то, не вдаваясь въ комментаріи, отъ которыхъ я отказался, нельзя не признать, что присяжные, не разгадавъ поставленной имъ загадки, рѣшились возможно точнѣе и добросовѣстнѣе формулировать

фактическую сторону въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она для нихъ выяснилась.

Давая широкое мѣсто въ этой главѣ изложенію отдѣльныхъ процессовъ, я неизбѣжно ввожу въ свою работу элементъ, въ значительной степени колеблющій стройное, систематическое изложеніе, которое столь важно въ научной работѣ, но это къ сожалѣнію неизбѣжно. Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы при дальнѣйшемъ позитивномъ развитіи юридическихъ наукъ даже чисто теоретическіе отдѣлы ихъ, такъ, напримѣръ, общая часть уголовнаго права, могли, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ вполнѣ выдержать строгую систематизацію. Что касается особенной части, которой посвящена эта глава, то здѣсь еще рѣзче сказывается логическій законъ, отмѣченный Іерингомъ, что никакая система не должна быть навязываема извнѣ, а напротивъ должна вытекать изъ особенностей самаго предмета изслѣдованія. Для меня необходимо черпать полной чашею обильный матеріалъ изъ подлинныхъ судебныхъ процессовъ; если бы я вздумалъ выкраивать на прокустовомъ ложѣ системы тѣ части даннаго процесса, которыя нужны мнѣ для ученія о доказательствахъ, для ученія о спеціальномъ или общемъ составѣ преступленія, объ умыслѣ и т. п., производя эту операцію для каждаго ученія отдѣльно, все изслѣдованіе потеряло бы всякую доказательность; дѣйствительно, только взятый въ цѣломъ изслѣдуемый матеріалъ, остается живымъ и позволяетъ судить о томъ, правильно ли отвлечены отъ конкретныхъ фактовъ, заключающихся въ процессѣ, общія положенія; слѣдовательно, несмотря на всѣ усилія избѣгнуть черезполосицы въ этой главѣ, я все-таки отъ времени до времени поставленъ въ необходимость возвращаться при изложеніи процессовъ къ уже ранѣе затронутымъ положеніямъ о покушеніи, объ умыслѣ, о разныхъ родахъ доказательствъ и т. п.

По мѣрѣ силъ, въ послѣднихъ главахъ я постараюсь систематизировать уже отвлеченный матеріалъ, что, разумѣется, вызоветъ отчасти повтореніе ранѣе сдѣланныхъ выводовъ, но за то въ этихъ главахъ не представится болѣе необходимости мотивировать или иллюстрировать выводы ссылками на подлинныя дѣла.

Было бы слишкомъ самонадѣянно думать, чтобы и эта послѣдняя, чисто систематическая работа могла дать въ результатѣ полное ученіе по вопросамъ общей части уголовнаго права и доказательственнаго права, построяемыхъ на анализѣ судебной практики. Научное, насколько это въ моихъ силахъ, изслѣдованіе правосознанія русскихъ присяжныхъ, производимое, можно сказать, впервые, естественно должно погрѣшить не только въ отношеніи полноты за отсутствіемъ въ моей личной практикѣ цѣлаго ряда преступленій, но и въ отношеніи основательности обобщеній, самый методъ которыхъ, разумѣется, далекъ отъ совершенства и долженъ болѣе или менѣе неминуемо встрѣтить основательныя возраженія. Эти соображенія заставляютъ меня въ особенности дорожить по возможности рельефной передачей накопленнаго матеріала, который, можетъ быть, пригодится для послѣдующихъ, болѣе удачно обставленныхъ работъ.

Итакъ, предаваемая гласности часть матеріала для того, чтобы она могла служить для дальнѣйшихъ изслѣдованій, должна сохранить въ передачѣ живую цѣльность; достигнуть же этого результата возможно, какъ я уже сказалъ только путемъ передачи отдѣльныхъ процессовъ съ сохраненіемъ ихъ характеристическихъ чертъ.

Не слѣдуетъ забывать, что для знакомства съ правосознаніемъ присяжныхъ важное значеніе имѣютъ не только могущіе быть построенными общіе законы ихъ дѣятельности, но и встрѣчающіяся въ послѣдней своеобразныя черты, продукты дѣйствія закона случайныхъ причинъ.

Столь серіозное преступленіе, какъ убійство, разумѣется, при нормальныхъ условіяхъ предполагаетъ достаточные мотивы; взвѣшиваніе этихъ мотивовъ, опредѣленіе соразмѣрности ихъ съ характеромъ преступленія составляетъ существенную часть дѣятельности присяжныхъ по этимъ дѣламъ; въ этотъ пунктъ направляются главные удары защиты, которая ищетъ спасенія подсудимаго или въ роковомъ стеченіи обстоятельствъ, въ неодолимыхъ мотивахъ преступленія, часто сгущая для этого окраску дѣйствительныхъ фактовъ—или, наоборотъ, утверждая полную безмотивность дѣянія, защита провозглашаетъ невмѣняемость.

При убійствахъ по страсти совершенныхъ, убійствахъ въ запальчивости или даже изъ мести равно возможны оба эти положенія: несоразмѣрность мотива можетъ сказаться въ стихійной силѣ побудительныхъ причинъ и тогда это будетъ невмѣненіе психологическое или побудительныя причины эти могутъ быть признаны минимальными и тогда преступленіе, какъ ненормальное по размѣрамъ послѣдствіе такихъ ничтожныхъ причинъ, будетъ подлежать психіатрическому невмѣненію. Вотъ причина, почему въ дѣлахъ объ убійствахъ по некорыстнымъ мотивамъ центръ тяжести дѣла неизбѣжно лежитъ въ изслѣдованіи умысла и психическаго состоянія подсудимаго; при покушеніяхъ, когда жизнь уцѣлѣла, присяжные не такъ подавлены случившейся бѣдой и умъ ихъ свободнѣе движется въ этой области, излюбленной защитой; въ этихъ послѣднихъ дѣлахъ, ввиду незначительности вреда (иногда отсутствуютъ даже раны) и обвинителю приходится, главнымъ образомъ, настаивать на безнравственности или безсердечности мотивовъ.

Дѣйствіе описаннаго закона придастъ поэтому въ особенности дѣламъ о покушеніяхъ на убійство характеръ азартный, характеръ изслѣдованія обстоятельствъ, повидимому, побочныхъ, невходящихъ въ составъ преступленія,

говоря технически. Никакое ограниченіе Сенатомъ или Палатой матеріала предварительнаго слѣдствія не устранитъ этого явленія, а всякое вмѣшательство предсѣдательствующаго на судебномъ слѣдствіи, направленное къ исскуственному ограниченію матеріала, можетъ только повредить правильному исходу дѣла.

Чтобы не возвращаться къ вопросу о психіатрической экспертизѣ, я тутъ же отмѣчу то противорѣчіе между уголовнымъ закономъ и воззрѣніемъ присяжныхъ на природу этого доказательства, которое обыкновенно ставитъ въ очень трудное положеніе обвинителя и предсѣдательствующаго. По закону всѣ люди предполагаются нормальными, доколѣ не будетъ доказано противное; ненормальность, выражаясь словами закона, должна быть въ каждомъ данномъ случаѣ точно доказана; преступленіе не вмѣняется въ вину „когда *нѣтъ сомнѣнія*, что безумный или сумасшедшій по состоянію своему въ то время не могъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія“. Результатомъ категоричности этихъ выраженій является то, что присяжнымъ обыкновенно ставится вопросъ о точно доказанномъ припадкѣ или сумасшествіи вообще; между тѣмъ приглашаемые въ судъ эксперты-психіатры только очень рѣдко даютъ категорическія заключенія; причина послѣдняго явленія лежитъ не только въ состояніи науки — психіатріи, но и въ томъ, что въ случаяхъ, когда ненормальность точно доказана, дѣло обыкновенно прекращается еще до судебнаго разбирательства.

Трудность положенія участвующихъ лицъ, о которой я говорилъ выше, сводится къ тому, что имѣя право съ точки зрѣнія закона не признавать невмѣняемости, когда она только предполагается экспертомъ, прокуроръ и предсѣдательствующій должны, однако, считаться съ тѣмъ общимъ положеніемъ, ставшимъ давно закономъ для присяжныхъ, хотя о немъ въ

законѣ и не упоминается, — что всякое сомнѣніе толкуется въ пользу подсудимаго.

Защита, разумѣется, всякій разъ настаиваетъ на этомъ толкованіи и присяжные, при малѣйшемъ сомнѣніи въ психическомъ здоровьи подсудимаго, отвѣчаютъ въ тонѣ архаическаго вопроса: „да, въ точно доказанномъ припадкѣ“.

Не довольствуясь этимъ, присяжные, которымъ всегда ставится при этомъ и фактическій вопросъ, остаются вѣрны своему правилу — утверждать своимъ отвѣтомъ и фактическую обстановку только въ тѣхъ предѣлахъ, какіе ими признаны. Отсюда возможенъ рядъ затрудненій, въ томъ отношеніи, что назначеніе послѣдствій, указанныхъ 95 и 96 ст. Ул., а именно, принятіе мѣръ безопасности относительно такихъ оправдываемыхъ подсудимыхъ, окажется внѣ власти суда. Возьмемъ, напримѣръ, случай Сысоева, который 29 января 1885 года за отказъ впустить его къ дѣвицамъ въ домѣ терпимости ударилъ ножомъ ключницу; на самомъ дѣлѣ онъ пробирался за тѣмъ, чтобы *убить одну изъ дѣвушекъ,* поэтому присяжные, признавшіе его невмѣняемымъ, не безъ основанія однако отмѣтили въ своемъ отвѣтѣ, что онъ *ударилъ ключницу* безъ цѣли лишить ее жизни. Подсудимый былъ признанъ невиновнымъ коронномъ судомъ, который былъ бы въ большомъ затрудненіи, если бы рѣчь шла не о припадкѣ умоизступленія, а о сумасшествіи. Въ самомъ дѣлѣ: вслучаѣ невмѣненія по сумасшествію, по покушеніямъ на смертоубійство судъ обязанъ, во всякомъ случаѣ, заключить признаннаго сумасшедшимъ въ домъ умалишенныхъ; при ограниченіи однако, установленномъ присяжными, „безъ цѣли лишить жизни“ разрушается составъ преступленія—убійства и упомянутая мѣра безопасности примѣнена быть не можетъ.

Мы видимъ, слѣдовательно, что и тутъ присяжные рѣшили серіозный правовой вопросъ, что нетолько неизбѣжно,

но и совершенно правильно имъ предоставляется; хотя не зная закона, они дѣлаютъ это, такъ сказать, слѣпо, однако, какъ мы видимъ на данномъ примѣрѣ, вполнѣ разумно. Да если бы даже ударъ попалъ не въ ключницу, а пришолся дѣвушкѣ, которой предназначался, то и тогда, мнѣ думается, трудно было бы признать ту или другую цѣль дѣйствія, совершаемаго лицомъ ненормальнымъ.

Единственный исходъ заключается въ томъ, чтобы при обсужденіи 95 и 96 ст. Ул. понимать термины „учинившій смертоубійство или посягнувшій на жизнь другого" въ смыслѣ внѣшней картины дѣянія, т. е. преступнаго дѣйствія, выражаясь технически, а не въ смыслѣ внутренней стороны преступленія. Всѣ приведенныя мною соображенія указываютъ на рядъ затрудненій, проистекающихъ отъ выдѣленія въ особый вопросъ и притомъ въ устарѣвшей формулировкѣ такой крупной причины невмѣненія, какъ психическая ненормальность. Очевидно, отказавшись отъ этого формализма, и предоставивъ присяжнымъ, вслучаѣ признанія состоянія невмѣняемости за подсудимымъ, выражать это общимъ терминомъ — „не виновенъ"—законодатель устранилъ бы сразу описанныя выше затрудненія и намъ не пришлось бы останавливаться съ такой подробностью на особенностяхъ во взглядахъ присяжныхъ на психическую ненормальность; между тѣмъ, нельзя было не указать хотя вкратцѣ на связанную съ такимъ невыгоднымъ для правосудія формализмомъ опасность для присяжныхъ дать рядъ противорѣчивыхъ отвѣтовъ и притомъ безъ всякой вины съ ихъ стороны.

Другое дѣло, рѣшенное въ СПБургѣ 26 марта 1891 года, кончившееся обвиненіемъ несовершеннолѣтняго крестьянина Павлова, даетъ намъ нѣсколько характерныхъ чертъ изъ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей по покушеніямъ на убійство.

Купивъ ножъ и поджидая свою бывшую невѣсту, Гро-

мову, съ тѣмъ чтобы убить ее за отказъ, Павловъ, нанесъ этимъ ножомъ по ошибкѣ легкую рану нѣкоей Лочь, которую принялъ за свою невѣсту.

Отвергнувъ предумышленное убійство, присяжные обвинили Павлова по второму вопросу въ покушеніи на убійство въ запальчивости, причемъ не дали ему снисхожденія. Строгость ихъ отношенія къ дѣлу сказалась еще въ томъ, что они не признали удобнымъ перейти къ третьему вопросу о нанесеніи легкихъ ранъ.

Этотъ случай обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что обсуждая внутреннюю сторону преступленія, присяжные не были смущены ошибкой въ объектѣ, т. е. опять таки разрѣшили правовой вопросъ и притомъ согласно закону и теоріи.

Перехожу къ случаямъ, когда подсудимые, дѣйствуя подъ вліяніемъ страсти, причинили смерть жертвы.

Можно принять за общее правило, что какъ въ этихъ процессахъ, такъ и при убійствахъ, возникающихъ на почвѣ семейныхъ неурядицъ, присяжные, принимая въ разсчетъ силу мотивовъ, почти всегда даютъ снисхожденіе; наоборотъ, когда убійцей движетъ корысть, снисхожденіе весьма мало вѣроятно даже для несовершеннолѣтнихъ; именно въ дѣлахъ подобнаго рода, о чемъ я уже упоминалъ, имѣетъ громадное значеніе тактъ обвинителя. По дѣлу мѣщанина Котельникова, который обвинялся въ предумышленномъ убійствѣ Сергѣевой и былъ оправданъ 11 марта 1891 г. въ С.-Петербургѣ, послѣдствія несоблюденія этого правила выразились чрезвычайно рельефно.

Неудачно женатый на старой женщинѣ, съ которой и разошелся, Котельниковъ, жизнь котораго съ дѣтства неладилась и имѣла характеръ, такъ называемой, сиротской, сошелся, будучи 20 лѣтъ отъ роду, съ проституткой: это на значительное время скрасило его жизнь, такъ какъ она относилась къ нему хорошо и несомнѣнно любила его. Несмотря на его упрашиванія она не оставляла своего промысла, такъ какъ у него не было достаточно средствъ, чтобы поддерживать ее, и понемногу стала отдаляться отъ него и заигрывать съ другимъ на его глазахъ; однажды когда

она на его глазахъ поцѣловалась съ этимъ другимъ—онъ зарѣзалъ ее бывшимъ при немъ ножемъ, которымъ и раньше грозилъ ее зарѣзать. Не задолго до этого онъ писалъ ей письма, въ которыхъ высказывалъ самую горячую любовь, извиняясь въ какомъ-то причиненномъ ей „подъ гнетомъ безумной ревности“ оскорбленіи.

На судѣ онъ призналъ себя виновнымъ и разсказалъ, какъ она, а за нею и трактирные слуги и знакомые дразнили его, издѣваясь надъ его любовью.

Въ подобномъ дѣлѣ, гдѣ личность подсудимаго, видимо хорошаго по натурѣ человѣка, внушала въ высшей степени состраданіе, было совершенно необходимо вести обвиненіе, такъ сказать, человѣчно; но поддерживавшій обвиненіе товарищъ прокурора, настаивая на предумышленности, отвергалъ даже возможность признанія подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія. Такое отношеніе къ подсудимому было несправедливо и вызвало въ присяжныхъ реакцію въ пользу Котельникова: они склонились на сторону защитника, доказывавшаго, что въ запальчивости и раздраженіи Котельниковъ, выведенный изъ себя поведеніемъ Сергѣевой, не владѣя собой, ударилъ ее бывшимъ у него подъ рукой ножомъ; „не случись этого ножа, дѣло кончилось бы пощечиной“, заключилъ защитникъ. Не слѣдуетъ забывать, что вердиктъ является, какъ и слѣдуетъ, плодомъ борьбы сторонъ и что неумѣющій вести эту борьбу вредитъ дѣлу правосудія. Несправедливость всегда можетъ вызвать несправедливость—и виноватъ въ этомъ только тотъ, кто совершаетъ эту несправедливость. Присяжные совѣщались полтора часа и, невольно стараясь быть справедливѣе прокурора, предположили, можетъ быть, не безъ основанія, что Котельниковъ, измученный нравственно, потерялъ возможность управлять собою и, слѣдовательно,—неотвѣтственъ.

Совершенно аналогичный случай разсматривался черезъ 4 дня въ томъ же СПБ. окружномъ судѣ и присяжные, выслушавъ сдержанную рѣчь обвинителя, обвинили нѣкоего Селиванова въ убійствѣ изъ ревности своей любовницы въ состояніи запальчивости, признавъ его заслуживающимъ

снисхожденія. Селивановъ, дѣйствительно изстрадавшійся человѣкъ, даже стрѣлялъ въ себя послѣ убійства, но неудачно. Очень можетъ быть, что на присяжныхъ повліяли (это была другая сессія) горячія нападки печати за первый приговоръ. На той же недѣлѣ было въ томъ же судѣ еще нѣсколько обвинительныхъ приговоровъ по совершенно аналогичнымъ дѣламъ.

Присяжные именно въ дѣлахъ подобнаго рода очень чутки къ нравственной личности подсудимаго и если наклонность къ эксцессамъ стоитъ на 23-мъ мѣстѣ въ ряду обстоятельствъ оправдывающихъ (табл. XXXIV), то значеніе мотива преступленія занимаетъ четвертое мѣсто; самъ по себѣ недостатокъ самообладанія не служитъ въ глазахъ присяжныхъ обстоятельствомъ, легко (25 мѣсто въ ряду) оправдывающимъ;—но соединеніе этого условія съ данными хорошаго впечатлѣнія, производимаго подсудимымъ—т. е. хорошія качества его, какъ человѣка, переносятъ вѣроятность оправданія на 14-ое мѣсто.

Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что преступникъ такъ называемый случайный вообще имѣетъ шансы на оправданіе довольно значительные (6-ое мѣсто), такъ какъ съ точки зрѣнія общественнаго вреда проступокъ, совершаемый въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ, представляетъ въ общемъ вредъ наименьшій—особенно сравнительно съ преступленіями по ремеслу.

По отношенію къ преступнику особо несчастное стеченіе обстоятельствъ—стихійное, такъ сказать, давленіе событій, разумѣется, можетъ довести до minimum'а нравственное право общества наказывать; между тѣмъ совершенно неустранимо дѣйствіе, можно сказать, общаго судебнаго закона, по которому и коронные, и присяжные судьи, рѣшая по совѣсти вопросъ о виновности, рѣшаютъ на самомъ дѣлѣ вопросъ о наказуемости. Мнительные умы склонны видѣть

въ этомъ узурпацію и потрясеніе основъ правосудія; но первое мнѣніе падаетъ само собой: пусть законъ не формулируетъ это право судьи—оно не только нравственно необходимо, но и оказывается закономъ природы, противъ котораго всѣ усилія законодателей безплодны. Относительно втораго мнѣнія, отвѣтъ на которое можетъ дать только добросовѣстное изученіе дѣятельности судовъ вообще и присяжныхъ въ частности,—я пока замѣчу, что присяжные весьма часто рѣшаютъ вопросъ о наказуемости противъ подсудимаго. Я говорю здѣсь не о томъ, что обвинительные приговоры вообще чаще оправдательныхъ, а о рядѣ случаевъ, въ которыхъ наглядно выражается убѣжденіе присяжныхъ въ справедливости болѣе строгаго наказанія для даннаго подсудимаго. Это именно случаи, когда они настойчиво отказываютъ ему въ снисхожденіи: мы уже видѣли это по отношенію къ особо вреднымъ преступленіямъ (скопчество и вообще преступленія по ремеслу), а теперь я дамъ примѣръ изъ того отдѣла, который въ настоящее время изслѣдую.

Молодой крестьянскій парень, Федоръ Тимофѣевъ, вскорѣ послѣ того, какъ сталъ въ Петербургѣ трактирнымъ половымъ, сошелся также, какъ и Котельниковъ, съ проституткой; онъ испыталъ, разумѣется, также какъ и тотъ, рядъ очень тяжелыхъ моментовъ, тѣмъ болѣе, что его возлюбленная продолжала свою профессію въ разныхъ домахъ терпимости; трактирная жизнь такъ повліяла на Тимофѣева, который и самъ по себѣ представлялся прямо таки не хорошимъ человѣкомъ (до кражъ включительно), что черезъ два года такихъ отношеній онъ оказался, что называется конченнымъ человѣкомъ, и въ нравственномъ, и въ экономическомъ смыслѣ. Въ этомъ періодѣ полнаго паденія онъ сталъ думать о красивой развязкѣ своего романа, причемъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы воспроизвести по возможности точно въ отдѣльной комнатѣ своей Фанни варшавскій случай Висневской и Бартенева.

На судѣ выяснилось вполнѣ, что онъ былъ бездушнымъ копіистомъ (у него найдены отчеты по дѣлу Висневской) и ради наиболѣе выгоднаго для своего самолюбія выхода изъ тяготившаго его позорнаго положенія (онъ уже пьянствовалъ на счетъ Фанни) не задумался задушить ее, поддѣлавъ обстановку ея мнимаго согласія и фальшивой попытки самоубійства.

Въ показаніи своемъ на судѣ онъ пренепріятно рисовался. Въ составѣ присяжныхъ на двухъ неинтеллигентныхъ приходилось десять интеллигентныхъ; въ числѣ послѣднихъ были два дѣйствительныхъ и три—статскихъ совѣтника; одинъ изъ послѣднихъ былъ старшиной. Былъ въ составѣ и профессоръ, дѣлавшій необычайно наивные вопросы свидѣтелямъ. Сами

присяжные (сессія вообще имѣла репутацію строгой) отзывались о послѣднемъ, какъ о чудакѣ и потому можно было думать, что въ вердиктѣ будутъ странности; на дѣлѣ же оказалось слѣдующее: присяжные отвѣтили отрицательно на первый вопросъ о предумышленномъ убійствѣ и, признавая Тимофѣева виновнымъ въ убійствѣ въ запальчивости, дали ему снисхожденіе. Дѣло это слушалось 26 октября 1893 г. въ СПБургѣ.

При разспросахъ присяжныхъ о томъ, почему они долго совѣщались по этому дѣлу (50 мин), выяснилось съ чрезвычайной наглядностью неуклонное дѣйствіе закона, въ силу котораго въ составъ вопроса о виновности входитъ вопросъ о наказуемости: совѣщаніе затянулось оттого, что при обсужденіи вопроса о снисхожденіи меньшинство настаивало на обвиненіи по первому вопросу въ предумышленномъ убійствѣ „если уже давать снисхожденіе“.

Чрезвычайно интересными, съ точки зрѣнія оцѣнки доказательствъ присяжными, представляются два дѣла, по которымъ при громадной вѣроятности виновности въ убійствѣ, вызванномъ неудовлетвореніемъ страсти, послѣдовали однако въ конечномъ выводѣ—оправдательные приговоры.

Оба дѣла, необыкновенно богатыя косвенными уликами, были обслѣдованы по горячимъ слѣдамъ сразу же заподозрѣннаго подсудимаго; въ обоихъ замѣшались лица, которыхъ можно назвать *почти*—очевидцами и оба имѣли бы, несомнѣнно, обвинительный исходъ, если бы не замѣшалась это опасное доказательство, почти всегда ставящее ребромъ вопросъ о виновности въ зависимости отъ личности и поведенія свидѣтеля—очевидца, этого незванаго гостя на мѣстѣ преступленія.

Я говорю о прошедшемъ незамѣченнымъ дѣлѣ крестьянина Васина, рѣшенномъ 9 марта 1887 года, и о другомъ, разглашенномъ до того, что всѣ обстоятельства его были въ концѣ концовъ совсѣмъ перепутаны въ печати—о процессѣ Мироновича. Начну съ Васина.

8-го ноября 1886 года въ $11^1/_2$ часовъ ночи приставу 3-го участка Александро-невской части дано было знать, что въ домѣ № 60—62 по Забалканскому проспекту зарѣзали крестьянскую дѣвицу Евдокію Афонасьеву.

По прибытіи на мѣсто совершенія преступленія пристава, а затѣмъ и судебнаго слѣдователя, Афонасьева найдена была въ занимаемой ею комнатѣ на полу возлѣ кровати своей, въ полулежачемъ положеніи, одѣтою и съ большою зіяющею раною на передней части шеи. Другихъ поврежденій или знаковъ насилія на Афонасьевой не оказалось. На кровати Афонасьевой найдены были: пиджакъ, жилетъ, теплая вязанная мужская рубашка и бѣлый холщевый передникъ. Всѣ три подушки, лежавшія на кровати, оказались забрызганными кровью, на одѣялѣ-же усмотрѣны двѣ лужи крови, изъ которыхъ одна, болѣе значительная, была ближе къ изголовью, другая-же, меньшая—по серединѣ постели и притомъ обѣ ближе къ стѣнѣ. Послѣдняя, т. е. стѣна, отъ изголовья къ серединѣ кровати, покрыта была брызгами крови, имѣвшими косвенное направленіе сверху внизъ и отъ изголовья къ серединѣ кровати. Подъ трупомъ Афонасьевой, возлѣ него въ углу и на пространствѣ между кроватью Афонасьевой и стоящей возлѣ нея кроватью другого жильца Орлова, оказались сплошныя лужи крови, пятна которой замѣчены и вдоль наружнаго края кровати Орлова, начиная отъ самого изголовья. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ комнаты крови не оказалось. Всѣ вещи, бывшія въ комнатѣ, найдены въ полномъ порядкѣ, безъ всякихъ слѣдовъ борьбы или драки. Наконецъ, на окнѣ комнаты стояла пустая „сороковка“ изъ подъ водки и три порожнихъ рюмки. Осмотромъ комнаты Афонасьевой и вскрытіемъ ея трупа установлено: 1) что смерть Афонасьевой послѣдовала отъ безусловно смертельнаго поврежденія дыхательныхъ путей, горла, сосудовъ и нервовъ правой шейной области; 2) что за нанесеніемъ Афонасьевой раны смерть ея послѣдовала очень быстро, причемъ покойная могла производить дыхательныя движенія не болѣе одной минуты; 3) что рана нанесена острымъ, рѣжущимъ орудіемъ, въ родѣ ножа, и притомъ, по всей вѣроятности, однимъ ударомъ и 4) что взаимное положеніе убійцы и убитой было таково, что покойная, въ моментъ нанесенія ей раны, находилась въ полулежачемъ положеніи на спинѣ, поперекъ кровати, убійца-же стоялъ напротивъ жертвы и нанося рану—сдѣлалъ размахъ въ направленіи съ лѣва на право, послѣ чего убитая, по тяжести тѣла своего, сползла съ кровати на полъ.

Предварительнымъ слѣдствіемъ выяснено слѣдующее: недѣль за пять до своей смерти Афонасьева родила въ родильномъ домѣ незаконно-прижитаго ею ребенка. Отецъ этого ребенка, не желая продолжать связь съ Афонасьевою, покинулъ ее и уѣхалъ на родину. Послѣ этого Афонасьева вступила въ связь съ товарищемъ уѣхавшаго, крестьяниномъ И. Ф. Васинымъ, работавшимъ на скотобойнѣ. Проживая въ домѣ № 60—62, Афонасьева помѣщалась въ комнатѣ, снимаемой у квартирнаго хозяина Андрушевскаго, занимая не всю комнату, а лишь часть, такъ какъ кромѣ нея жили въ комнатѣ отставной рядовой Орловъ и крестьянинъ Яблоковъ. Васинъ почти черезъ день навѣщалъ Афонасьеву, живя съ нею, какъ мужъ съ женою; ссоръ или неудовольствій между ними не было, но, какъ говоритъ Яблоковъ, Афонасьева послѣднее время заявляла Васину, что не желаетъ продолжать связи съ нимъ, и что ей нужно идти на мѣсто. Въ день смерти Афонасьевой, Васинъ, окончивъ работу на бойнѣ часовъ въ 7 вечера, отправился домой и снявъ съ себя блузу въ которой работалъ, надѣвъ пиджакъ, жилетъ, теплую рубашку, кумачную рубашку, передникъ и сапоги, отправился къ Афонасьевой. Придя къ ней, онъ принесъ съ собою бутылку водки и сталъ угощать Афонасьеву; та отказывалась, но одну рюмку все таки выпила. Тогда Васинъ налилъ „по второй“, но Афонасьева пить не захотѣла; тогда Васинъ вылилъ свою рюмку на Афонасьеву, а она свою на Васина. Все это происходило безъ всякой ссоры между ними. Выпивъ всю бутылку и взявъ у Афонасьевой 20 коп., Васинъ принесъ еще сороковку, изъ которой одну рюмку поднесъ, находившемуся въ то время въ одной съ нимъ комнатѣ, Яблокову. Въ это время возвратился домой бывшій на работѣ другой жилецъ комнаты, Орловъ, который, раздѣвшись,

сѣлъ на своей кровати, покурилъ, затѣмъ легъ и задремалъ. Вскорѣ послѣ этого улегся на своей кровати и Яблоковъ, но, не засыпая еще, слышалъ, какъ Афонасьева говорила Васину, что больше жить съ нимъ не будетъ, такъ какъ поступаетъ на мѣсто, и что въ понедѣльникъ, т. е черезъ день, переѣдетъ къ своему свату. На это Васинъ замѣтилъ, что продастъ все свое добро и въ три дня пропьетъ, что теперь ему ничего не нужно и что, быть можетъ, онъ никогда уже болѣе съ нею не увидится.

Послѣ этого Яблоковъ заснулъ и что происходило далѣе—не слыхалъ. Нѣкоторое время спустя Орловъ, очнувшись отъ какого-то храпа и паденія, при свѣтѣ горящей въ комнатѣ лампы увидѣлъ, что Афонасьева, хрипя, сползаетъ съ кровати своей и что изъ нея хлыщетъ кровь. Одновременно съ этимъ Орловъ увидѣлъ, что отъ кровати Афонасьевой бросился вонъ изъ комнаты, одѣтый уже въ одну лишь красную рубашку—Васинъ. Въ виду этого Орловъ немедленно закричалъ спавшему за перегородкою квартирному хозяину Андрушевскому: „Хозяинъ—Дуню зарѣзали“. Вскочивъ съ постели, Андрушевскій услыхалъ, что кто-то выскочилъ изъ квартиры и затопалъ, спускаясь внизъ по лѣстницѣ. Когда онъ, затѣмъ, вошелъ въ комнату Афонасьевой, то засталъ ее уже на полу возлѣ кровати своей, причемъ она, хрипнувъ лишь раза два, скончалась; изъ раны на ея шеѣ лила кровь. Немедленно объ этомъ дано было знать приставу, который, прибывъ на мѣсто и узнавъ обо всемъ случившемся, а также увидѣвъ на постели Афонасьевой одежду Васина, послалъ околоточнаго надзирателя Силковскаго арестовать Васина. Прибывъ съ понятыми въ домъ № 74 по Забалканскому проспекту, гдѣ проживалъ Васинъ, Силковскій отъ живущаго въ одной комнатѣ крестьянина Трофимова узналъ, что вернувшись домой въ 12 часу ночи въ одной лишь рубашкѣ и сказавъ: „меня оттуда выгнали“—Васинъ легъ на свою кровать. Войдя въ комнату Васина Силковскій засталъ его лежащимъ на кровати въ одной красной рубашкѣ, съ засученными выше локтя рукавами и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, но, видимо, не спалъ, такъ какъ когда къ лицу поднесли свѣчку, то онъ заморгалъ глазами и потомъ открылъ ихъ. Предполагая, нѣтъ-ли въ рукахъ Васина ножа, Силковскій прежде всего схватилъ его за руки и почувствовалъ, какъ Васинъ задрожалъ. На предложеніе Силковскаго слѣдовать за нимъ, Васинъ сказалъ, что прежде надо зайти къ Афонасьевой, у которой онъ оставилъ свою одежду; на вопросъ о причинѣ этого, онъ отвѣтилъ, что въ бытность у Афонасьевой его хотѣлъ побить квартирантъ Орловъ, вслѣдствіе чего онъ испугался и убѣжалъ въ одной лишь рубашкѣ. Осмотрѣвъ Васина, Силковскій на его лѣвой рукѣ выше кисти, а равно и на передней части шеи и у ворота рубашки - замѣтилъ кровяныя полосы; осматривая затѣмъ имущество Васина, околодочный подъ тюфякомъ его кровати нашелъ ножъ безъ всякихъ, однако-же, слѣдовъ крови. Въ виду этого представлялось вѣроятнымъ, что убійство совершено было не этимъ ножомъ, а тѣмъ, которымъ Васинъ работалъ на бойнѣ. Между тѣмъ въ послѣдней ножа Васина не оказалось. Какъ образчикъ такого-же ножа, которымъ работаютъ на бойнѣ,—хозяиномъ той артели, въ которой находился Васинъ, Генрихомъ Вюстъ представлено было два ножа.

При освидѣтельствованіи Васина у него на передней части шеи оказалась рѣзанная, поперечная рана длиною въ 3 дюйма, проникающая всю толщу кожи; по заключенію врача, рана эта нанесена острымъ, рѣжущимъ орудіемъ, напр.; ножомъ, не далѣе сутокъ назадъ и при томъ въ виду того, что съ лѣвой стороны шеи она глубже, чѣмъ съ правой, нанесена рана эта не посторонней, а правой рукой самаго Васина, который, повидимому, зарѣзавъ Афонасьеву, дорогою отъ ея квартиры покушался на самоубійство.

Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ, Васинъ не признавалъ себя виновнымъ въ взводимомъ на него преступленіи и утвер-

ждалъ, что ссоры съ Афонасьевой у него не было; кто зарѣзалъ ее, онъ не знаетъ, убѣжалъ-же онъ домой, вырвавшись изъ рукъ Орлова, схватившаго его за горло.

Квартирный хозяинъ Афонасьевой, повторивъ свое прежнее показаніе, добавилъ, что въ комнатѣ кромѣ Афонасьевой, Орлова и Яблокова, жилъ еще четвертый жилецъ, но въ моментъ происшествія его не было дома и лишь въ то время, когда онъ, Андрушевскій, увидавъ свалившуюся Афонасьеву, бросился въ кухню, чтобъ послать за дворникомъ, этотъ жилецъ проживавшій и оказавшійся въ кухнѣ былъ посланъ за дворникомъ. Защита возбудила вопросъ: не шаги-ли этого человѣка слышалъ Андрушевскій, выходя изъ своей комнаты? но Андрушевскій утверждалъ, что то были шаги спускающагося съ лѣстницы, а не поднимающагося.

Кто былъ этотъ четвертый обитатель и былъ-ли онъ допрошенъ, не встрѣтилъ-ли онъ Васина—осталось невыясненнымъ.

Приставъ Махоткинъ, между прочимъ показалъ, что приведенный въ участокъ Васинъ не былъ пьянъ, но давалъ сбивчивыя показанія, не сознавался въ преступленіи и на вопросъ о происхожденіи у него раны на шеѣ отвѣтилъ: должно быть, Орловъ порѣзалъ.

Приставъ пояснилъ, что какъ мясники, такъ и кишечники слывутъ грозою для обывателей Забалканскаго проспекта: носятъ всегда съ собою ножи и, выходя съ ското-пригоннаго двора, орутъ пѣсни, пристаютъ къ прохожимъ, грозятъ имъ.

Наконецъ слѣдствіемъ было установлено, что во дворѣ дома, гдѣ жилъ Васинъ за приставной лѣстницей, мимо которой ему приходилось проходить, возвращаясь отъ Афонасьевой, былъ найденъ, запачканный въ крови, ножъ Васина.

Едва ли можетъ быть два мнѣнія о томъ, что вся совокупность этихъ обстоятельствъ прямо указываетъ на Васина, какъ на убійцу и однако онъ былъ оправданъ; — разгадка этого кроется въ поведеніи Орлова до суда и на судѣ.

Первое засѣданіе по этому дѣлу было отложено за неявкой Орлова, который, получивъ повѣстку, видимо уклонился отъ явки; ко второму засѣданію были приняты разныя мѣры, чтобы доставить его въ судъ и это упорное его нежеланіе свидѣтельствовать было установлено защитой передъ присяжными; на судѣ онъ держался робко и понуро и, отказавшись отъ прежняго показанія, заявилъ, что спалъ и не видѣлъ Васина, выбѣгавшимъ изъ комнаты. Пришлось читать ему его показаніе у слѣдователя, но онъ упорно стоялъ на своемъ.

Присяжные насчитывали въ своей средѣ шесть интеллигентныхъ, въ числѣ ихъ иновѣрцевъ и одного доктора, слѣдовательно они представляли собой строгій составъ и дѣйствительно, какъ оказалось, оправданіе вовсе не означало

помилованія, а было слѣдствіемъ сомнѣнія въ виновности. Это сомнѣніе зародилось въ нихъ, благодаря странному поведенію Орлова. Для того, чтобы представить себѣ все значеніе такого сомнѣнія, которое съ точки зрѣнія логической очевидно недостаточно и неосновательно, необходимо вникнуть глубже въ психологическій процессъ, совершающійся въ душѣ присяжнаго засѣдателя, въ то время, какъ передъ нимъ развертывается цѣпь доказательствъ.

Англійскіе обвинительные акты или вѣрнѣе—обвинительные пункты въ нихъ, отнюдь не случайно, а путемъ долгаго опыта, пришли къ тому, что не даютъ точной картины преступленія [1]): такъ относительно самаго способа совершенія, напримѣръ, убійства, акты эти предполагаютъ рядъ комбинацій, соединенныхъ союзомъ „*или*", не, указывая точно, какъ именно совершено убійство въ данномъ случаѣ и даже избѣгая опредѣленной формулировки умысла. Такой видъ эти акты получили ввиду двоякаго рода неудобствъ, связанныхъ съ прежнимъ черезчуръ подробнымъ изображеніемъ преступленія: строгая состязательность англійскаго процесса приводила къ тому, что малѣйшая неточность, не соотвѣтствующая статутамъ или неполнота доказательствъ, приводимыхъ въ актѣ, бывала достаточна для признанія его недѣйствительнымъ съ формальной стороны, но независимо отъ этого и по существу присяжные бывали склонны, усмотрѣвъ недоказанность той или другой подробности обвиненія, иногда совершенно несущественной, однако упомянутой въ актѣ—оправдывать подсудимаго.

Нынѣ, ввиду того, что въ Англіи картины преступленія исчезли изъ обвинительныхъ актовъ и дѣяніе описывается только общимъ образомъ, англійскіе присяжные, какъ удосто-

---

[1]) Стифенъ. Угол. право Англіи 241. и Миттерм. Европ. и Амер. Суды присяж. 41 и 42.

вѣряетъ Миттермайеръ [1]), главнымъ образомъ изслѣдуютъ только одинъ вопросъ: „существуетъ или нѣтъ сомнѣніе насчетъ виновности подсудимаго“, нисколько не стѣсняясь постановкой вопросовъ и видоизмѣняя юридическую квалификацію обвиненія сообразно фактамъ, выясненнымъ на судѣ.

520 ст. Уст. Уг. Суд. въ своемъ примѣненіи на практикѣ привела къ чрезвычайно детальному иногда изображенію картины преступленія. Этотъ недостатокъ уже самъ по себѣ, какъ мы видѣли выше, можетъ привести къ сомнѣнію въ солидности обвиненія иногда по совершенно несущественному обстоятельству, опровергнутому или измѣнившемуся на судѣ.

Ошибочно было бы думать, что одно измѣненіе формы или содержанія актовъ было бы достаточно для устраненія этого печальнаго явленія: корни его лежатъ гораздо глубже.

Въ англійской теоріи доказательствъ выработалось признаваемое нынѣ вездѣ правило, что изъ ряда доказательствъ *надо приводить на судъ лучшія доказательства;* общепризнанность этого правила покоится на томъ, что оно вполнѣ согласно съ природой мышленія человѣка. Какъ бы логично и наглядно ни сопоставлялъ обвинитель рядъ косвенныхъ уликъ, достаточно, чтобы передъ нимъ явился очевидецъ преступленія и онъ отвернется отъ стройнаго зданія, имъ воздвигнутаго, отдавшись всецѣло рѣшенію вопроса: говоритъ очевидецъ правду или лжетъ; если онъ повѣритъ очевидцу въ томъ, напримѣръ, что дѣйствительный преступникъ совсѣмъ другое лицо, чѣмъ то, на которое указывали его логическіе выводы, то, разумѣется, онъ зачеркнетъ послѣдніе; онъ знаетъ, что умъ человѣческій—очень ненадежный руководитель. То же смутно чувствуетъ, иногда ясно сознаетъ и всегда дѣлаетъ присяжный засѣдатель.

---

[1]) L. c. 35.

Отсюда громадное значеніе самаго факта появленія очевидца въ процессѣ; отсюда тотъ азартный характеръ, который онъ вноситъ въ процессъ; сомнѣніе въ какой нибудь второстепенной косвенной уликѣ ведетъ къ тому, что ее отбрасываютъ и обращаются къ другимъ; — появленіе очевидца заслоняетъ всѣ косвенныя улики; — сомнѣніе въ немъ, удаленіе его изъ дѣла оставляетъ поле доказательствъ пустымъ: отъ очевидца—лучшаго доказательства, труденъ переходъ къ косвеннымъ уликамъ—доказательству худшему, уже потому, что оно требуетъ ряда умозаключеній, т. е. легко можетъ ввести въ заблужденіе. Это явленіе, слѣдовательно, психологическаго міра вообще и присяжныхъ въ частности; его можно и должно изобразить нагляднѣе.

Если бы въ дѣлѣ Васина вовсе не существовало свидѣтеля Орлова, то присяжные не имѣли бы никакихъ поводовъ домогаться большихъ доказательствъ виновности подсудимыхъ; цѣпь умозаключеній постепенно протягиваясь отъ момента вечерняго свиданія Афанасьевой и Васина, во время котораго образовывалось ея первое звено: — мотивъ, раздражающее чувство безсилія предъ безповоротнымъ рѣшеніемъ Афанасьевой порвать отношенія, — эта цѣпь, говорю я, простучавъ по ступенямъ лѣстницы, по которой убѣгалъ преступникъ, протянулась бы по горячимъ слѣдамъ до дома, гдѣ, захвативъ ножъ съ пятнами крови, привязала бы, застигнутаго врасплохъ, окровавленнаго Васина — къ трупу, только что оставленной имъ жертвы.

Но вотъ, присяжные слышатъ изъ актá, что все это мелочи, что на мѣстѣ преступленія былъ третій, который видѣлъ убійцу въ лицо; передъ присяжными раскрылась возможность имѣть передъ глазами то, что для нихъ дороже всего въ дѣлѣ: —полную картину, очевидность преступленія. При появленіи очевидца картина эта развертывается въ ихъ воображеніи во всю величину, за тѣмъ вдругъ рвется по-

поламъ, даже клочки ея исчезаютъ и предъ ними остается подозрительная личность, что-то отъ нихъ скрывающая, что то такое, что имѣетъ однако рѣшающее значеніе, безъ чего дѣла разрѣшить нельзя. Вся перспектива дѣла заслоняется безмѣрно разростающимся, неяснымъ, нелогичнымъ, стихійно-неодолимымъ сомнѣніемъ; въ дѣлѣ появляется что-то, что не позволяетъ сложиться внутреннему убѣжденію въ виновности.

Теперь посмотримъ на дѣло Мироновича. Дѣло это представляется столь богатымъ фактами, что обстоятельное изученіе подробностей, обнаруженныхъ слѣдствіемъ о смерти дѣвочки Сарры Беккеръ, убитой 27-го августа 1883 года, а также и ряда данныхъ, которыя наслоились постепенно включительно по 23-е Сентября 1885 г. когда это дѣло разсматривалось второй разъ въ СПБургскомъ Окружномъ Судѣ— могло бы составить предметъ цѣлаго курса уголовнаго судопроизводства; понятно, что не представляется никакой возможности даже кратко излагать обстоятельства этого процесса, да это и не нужно для тѣхъ цѣлей, ради которыхъ я вспоминаю объ этомъ дѣлѣ.

Для меня важны слѣдующія положенія: обвиненіе Мироновича въ убійствѣ дѣвочки Беккеръ въ припадкѣ садизма, вызванномъ неудачнымъ покушеніемъ на изнасилованіе, основывалось исключительно на цѣломъ рядѣ косвенныхъ уликъ; эти улики, разработанныя до послѣдней степени во время двукратнаго разбирательства, привели оба состава присяжныхъ къ убѣжденію въ виновности Мироновича; если онъ и былъ въ концѣ концовъ оправданъ, то только благодаря неправильному возвращенію присяжныхъ въ совѣщательную комнату, гдѣ одинъ изъ обвинительныхъ голосовъ при вторичномъ голосованіи перешолъ на сторону оправданія.

Такой случай съ особой наглядностью указываетъ на опасность, кроющуюся въ существующей нынѣ открытой

подачѣ голосовъ; дѣйствительно, вмѣсто счета самостоятельно поданныхъ голосовъ, получается подборъ голосовъ, такъ какъ голосующіе высказываются съ оглядкой на товарищей и соображаютъ окончательный результатъ; въ особенности лишается необходимой ему свободы подающій голосъ послѣднимъ: легко представить себѣ всю трудность положенія седьмаго присяжнаго, который на глазахъ товарищей своимъ „да“ или „нѣтъ“—одинъ рѣшаетъ судьбу подсудимаго.

Но вернемся къ нашему вопросу.

Хотя въ дѣлѣ Мироновича, какъ мы видѣли, совокупность косвенныхъ уликъ была сама по себѣ достаточна для обвиненія, но слабое обвинительное большинство доказываетъ, что убѣжденіе присяжныхъ слагалось весьма нетвердо, что были обстоятельства, колебавшія весьма сильно это убѣжденіе.

Такихъ обстоятельствъ было два: медицинская экспертиза, раздѣлившаяся сама въ себѣ, и появленіе въ процессѣ лица, которое, какъ и Орловъ въ дѣлѣ Васина, сыграло роль, которую ближе всего обозначить именемъ, даннымъ мною Орлову, именемъ почти—очевидца.

Разногласіе медиковъ представляетъ собою вторичное явленіе, такъ какъ они, выйдя изъ назначенной имъ закономъ роли, вздумали взять на себя и, разумѣется, совершенно неудачно, роль судей, рѣшающихъ вопросъ о томъ, кто убилъ Сарру Беккеръ. Очевидно, на этихъ экспертовъ, проявившихъ недостаточную основательность, даже въ чисто медицинскихъ вопросахъ (рѣшеніе двухъ медицинскихъ обществъ установило это), сильно подѣйствовало сознаніе, которое дѣлала Семенова, принимая на себя вину въ убійствѣ Сарры Беккеръ, тогда какъ медикамъ-экспертамъ въ сущности не было никакого дѣла до этого сознанія. Такимъ образомъ экспертиза, также какъ и самое сознаніе Семеновой въ качествѣ данныхъ дѣла, зачеркнутыхъ при-

сяжными въ обоихъ вердиктахъ, должны быть устранены въ смыслѣ основной причины оправданія и тѣмъ сильнѣе въ смыслѣ причины колебанія присяжныхъ выступаетъ та роль почти-очевидца, которая выпала на долю Семеновой.

Въ рядѣ противорѣчивыхъ показаній Семеновой было одно, правдивость котораго подтверждалась вещественными доказательствами; по этому показанію Семеновой, она случайно въ вечеръ убійства, уже послѣ закрытія кассы, почти въ самый моментъ совершенія преступленія, стала стучаться въ дверь кассы и отъ отворившаго ей дверь Мироновича получила нѣсколько золотыхъ вещей ввидѣ, такъ сказать, отступнаго. Фактъ пропажи этихъ вещей изъ найденной запертою витрины, при условіи, что ихъ не могла вынуть сама Семенова, былъ прочно установленъ и, слѣдовательно, весь вопросъ сводился, какъ и въ дѣлѣ Васина къ тому, узнала ли Семенова убійцу или нѣтъ.

Когда подсудимый уличается очевидцемъ, лживость котораго изобличена въ такой мѣрѣ, что онъ оказывается даже не бывшимъ на мѣстѣ преступленія, такое явленіе также, какъ и принятіе на себя чужой вины, не мѣшаетъ присяжнымъ выносить обвинительные приговоры, но когда свидѣтеля, почти-очевидца, никакъ нельзя вычеркнуть изъ дѣла, когда онъ несомнѣнно былъ на мѣстѣ преступленія, какъ это было съ Орловымъ и съ Семеновою, тогда шатаніе въ ихъ показаніяхъ шатаетъ и все дѣло, какъ бы крѣпко оно ни стояло на косвенныхъ уликахъ.

Происходящій при этомъ психологическій процессъ я уже охарактеризовалъ выше на примѣрѣ дѣла Васина.

Разсмотрѣніе ряда дѣлъ объ убійствахъ и о покушеніяхъ на жизнь, въ которыхъ мотивомъ являются болѣе или менѣе тяжелыя жизненныя условія, приводитъ насъ къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ: является ли жертва женою подсудимаго или мужемъ обвиняемой, идетъ ли рѣчь объ

убійствѣ мужемъ любовника жены или женою, сообща съ любовникомъ,—мужа, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ присяжные засѣдатели обращаютъ главное вниманіе на то, насколько постепенно созрѣвалъ преступный умыселъ, причемъ только въ рѣдкихъ случаяхъ особенно нагляднаго предумышленія, какъ напримѣръ, заведеніе жены въ уединенное мѣсто, (дѣло Косова) или подкрадываніе убійцы въ валенкахъ, надѣтыхъ задомъ напередъ, къ мѣсту убійства (дѣло Китова), или постепенное отравленіе жены втеченіе мѣсяца (дѣло Лишантьева)—они признаютъ предумышленность; открыто высказываемыя угрозы, изготовленіе задолго оружія, ношеніе послѣдняго при себѣ на случай—все это въ громадномъ большинствѣ случаевъ принимается присяжными, какъ доказательство крайне обострившихся отношеній двухъ лицъ, которыя, будучи связаны юридически между собой, могутъ доходить до такихъ крайнихъ средствъ воздѣйствія на поведеніе своего сотоварища по неволѣ; въ подобныхъ случаяхъ, если моментъ убійства имѣлъ сколько-нибудь бурный характеръ, они признаютъ убійство въ запальчивости и раздраженіи; въ этихъ случаяхъ они обыкновенно не смущаются колебаніями психіатровъ, такъ какъ сила мотива является пропорціональной дѣйствію; но съ другой стороны, наличность исключительныхъ условій, вызвавшихъ раздраженіе въ данный моментъ, напримѣръ: заставаніе жены in flagrante или наединѣ съ подругой (amor lesbicus) легко приводитъ къ тому, что признавая убійство въ запальчивости, они отвергаютъ умыселъ лишить жизни (дѣло Красавина СПБ. 1893 г.).

Такимъ образомъ еще разъ мы приходимъ къ тому, что, отказывая иногда подсудимому въ признаніи патологическаго аффекта (д. Кислякова СПБ. 86 г.), они признаютъ аффектъ психологическаго свойства, въ смыслѣ состоянія, разрушающаго составъ умышленнаго убійства (Красавинъ).

Такой аффектъ, однако, не является въ ихъ глазахъ причиной невмѣненія, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда, какъ въ упомянутомъ выше дѣлѣ Котельникова, онъ подготовлялся за-долго, былъ почти пограниченъ съ патологическимъ аффектомъ (Котельниковъ, СПБ. 91 г.).

Точно также нельзя не отмѣтить, что опьяненіе, которое обыкновенно въ другихъ преступленіяхъ не играетъ значительной роли, въ дѣлахъ объ убійствахъ или покушеніяхъ на убійство въ нѣдрахъ, семьи тоже приводитъ иногда къ оправдательному приговору, если внезапность и сила раздраженія, дѣйствительно помрачали уже отуманенное виномъ сознаніе. (Михайловъ, СПБ. 1885 г.).

Разумѣется, присяжные въ подобномъ случаѣ, относя къ причинамъ невмѣненія—опьяненіе, въ сущности недалеки отъ истины, такъ какъ они всегда требуютъ при этомъ наличности особо раздражающихъ обстоятельствъ, которыя, воздѣйствуя на отравленный алкоголемъ организмъ, могутъ даже вызвать чисто патологическій аффектъ (законное невмѣненіе).

Хотя случается въ судахъ слышать мнѣніе врачей-экспертовъ, что всякое опьяненіе создаетъ ненормальность, а слѣдовательно и невмѣняемость подсудимаго, однако, надо отдать справедливость присяжнымъ, что въ своихъ вердиктахъ они далеки отъ такихъ теорій; можно даже пожалѣть, что они относятся съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ къ экспертамъ, которые иногда съ знаніемъ дѣла (изрѣдка попадаются и такіе) доказываютъ объективными данными наличность алкоголизма подсудимаго; въ громадномъ большинствѣ подобныхъ случаевъ присяжные, видя въ подсудимомъ дурного человѣка, невозможнаго семьянина, ставятъ его пьяное поведеніе ему въ укоръ.

Малое распространеніе психіатрическихъ знаній въ русскомъ обществѣ—фактъ, впрочемъ, достаточно общеизвѣст-

ный: мнѣ не разъ приходилось видѣть удивленіе высшихъ административныхъ лицъ при освидѣтельствованіи въ губернскомъ правленіи сумасшедшаго, когда свидѣтельствуемый ясно и толково распространялся о безчисленныхъ судебныхъ дѣлахъ своихъ; причина удивленія заключалась обыкновенно въ томъ, что лицо свидѣтельствующее не подозрѣвало существованія столь распространенной формы, какъ сутяжническое помѣшательство.

Насколько такое значеніе опьяненія вызываетъ, однако, вниманіе присяжныхъ видно изъ дѣла Филимонова, который, будучи первоначально признанъ виновнымъ въ нанесеніи раны женѣ, при вторичномъ разбирательствѣ въ 1880 г., въ СПБ., былъ уже признанъ виновнымъ въ покушеніи на убійство въ запальчивости и раздраженіи. Филимоновъ представлялся однимъ изъ безчисленныхъ типовъ вѣчно-пьянаго мужа, отъ котораго жена спасалась къ матери и который изо дня въ день пропивалъ получаемыя отъ обѣихъ женщинъ подачки, по поводу чего грозилъ имъ отъ времени до времени спеціально купленнымъ имъ для этой цѣли ножомъ. Совершенно истощенный видъ этого 21-лѣтняго юноши, жизненное направленіе котораго уже фаталистически опредѣлилось, разумѣется, могло заставить задуматься,—не находится ли онъ по крайней мѣрѣ уже въ преддверіи того ужаснаго существованія, которое связано съ терминомъ „алкоголикъ". Разумѣется и присяжные задумались надъ этимъ и въ ихъ обвинительномъ вердиктѣ мы читаемъ между словами: „да" и „виновенъ"—зачеркнутыя строки: „но безъ сознательнаго намѣренія".

II.

Убійство съ корыстною цѣлью, къ разсмотрѣнію котораго я теперь перехожу, и въ жизни, и въ міросозерцаніи присяжныхъ занимаетъ совершенно особое мѣсто. Когда я мы-

ственно представляю себѣ длинную вереницу корыстныхъ убійствъ и рядомъ съ ними убійцъ по страсти, то между ними усматривается только одна общая черта:—это въ обоихъ случаяхъ почти исключительно очень молодые люди, часто—мальчики; казалось бы и отношеніе къ нимъ присяжныхъ должно одинаково носить отпечатокъ того, если не сочувствія, то снисхожденія, которое естественно питать къ молодости.

Однако даже на этой почвѣ во взглядахъ присяжныхъ на эти два рода убійствъ—нѣтъ ничего общаго.

Я уже говорилъ, что при разсмотрѣніи дѣлъ объ убійствахъ по страсти и даже по семейнымъ, вообще личнымъ отношеніямъ, почти всегда замѣчается въ иные моменты процесса, что вопросъ о виновности находится какъ бы въ въ неустойчивомъ равновѣсіи. Отношеніе къ этому роду дѣлъ присяжныхъ имѣетъ значительно азартный характеръ; вмѣняемость, возрастъ, сознаніе или несознаніе, поведеніе на судѣ, все имѣетъ свое значеніе и могущественно вліяетъ на вердиктъ.

Когда судится убійца корыстный, то наблюдается совершенно обратное явленіе. Даже возбужденный вопросъ о состояніи невмѣняемости подсудимаго проходитъ какъ-то незамѣтно, вызывая, можно сказать, скептическое къ себѣ отношеніе присяжныхъ. Молодость только усугубляетъ вину; признался подсудимый или нѣтъ, ведетъ себя умно или, что называется, топитъ себя—все это безразлично: ему почти нѣтъ надежды на снисхожденіе; корыстный убійца въ глазахъ присяжныхъ является тягчайшимъ преступникомъ; они относятся къ нему строже, чѣмъ къ отцеубійцѣ (дѣло Линевича 1893 года).

Убійца по страсти въ громадномъ большинствѣ случаевъ имѣетъ противъ себя такъ называемыя прямыя улики. Эти подсудимые очень часто сознаются. Мотивъ преступленія до

такой степени органически связанъ съ жизнью подсудимаго, что между совершеніемъ преступленія и личностью обвиняемаго почти никогда не возникаетъ вопросъ:—онъ ли?

Въ преступленіяхъ корыстныхъ какъ разъ все наоборотъ: только въ исключительныхъ случаяхъ бываютъ прямыя улики, поэтому громадное значеніе пріобрѣтаютъ косвенныя; это почти совершенно устраняетъ изъ дѣла азартный характеръ. Сложное и волнующее изслѣдованіе мотивовъ въ убійствахъ перваго рода замѣняется здѣсь—простой справкой: похищено что-нибудь или нѣтъ? И вся задача судебнаго слѣдствія сводится къ рѣшенію одного вопроса: онъ ли?

За самыми рѣдкими исключеніями отвергается предумышленность; это отягчающее обстоятельство какъ бы входитъ въ составъ корыстнаго убійства и если такое ограниченіе дѣлается присяжными, то въ одной изъ тягчайшихъ формъ — въ убійствѣ домашнемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что такое ограниченіе не имѣетъ значенія смягченія, а составляетъ проявленіе присущаго присяжнымъ стремленія къ фактической точности отвѣта.

При обсужденіи корыстныхъ убійствъ присяжные обыкновенно спокойны и холодны; даже очевидцы, эти опасныя для обвиненія свидѣтели, встрѣчаются не скептически, какъ всегда, а какъ люди, правдивость которыхъ по серіозности дѣла внѣ сомнѣнія.

Въ дѣлѣ объ убійствѣ въ ночь на 21 декабря 1891 года Ашихминой, дочери ея 2½ лѣтъ и няньки 11 лѣтъ—въ числѣ доказательствъ фигурировало указаніе на убійцу умиравшей отъ головныхъ ранъ двухлѣтней дѣвочки: при разспросахъ о личности убійцы она называла Лукашку (имя подсудимаго).

Въ составѣ присяжныхъ было 9 интеллигентныхъ, въ числѣ ихъ два доктора; одинъ изъ докторовъ, профессоръ, былъ старшиною. Дѣло слушалось 18 іюня 1892 года; подсудимый—Лука Шамовъ, 21 года, былъ признанъ виновнымъ, но безъ предумышленія и ему не было дано снисхожденія; на судѣ онъ не сознался и заявлялъ, что сознаніе, сдѣланное имъ въ управленіи сыскной полиціи, было вынуждено побоями. Это внѣсудебное сознаніе, опороченное обвиняемымъ, какъ оказалось изъ заявленія старшины, никакого значенія для присяжныхъ не имѣло; рѣшили дѣло двѣ улики: на одну часть присяжныхъ произвело громадное впечатлѣніе ука-

заніе умиравшей дѣвочки на Лукашку, но старшина-докторъ, еще во время судебнаго слѣдствія, въ отвѣтъ на заявленіе экспертовъ-врачей, что дѣвочка, умиравшая отъ черепныхъ ранъ, говорила сознательно—вслухъ замѣтилъ, что это мало вѣроятно, но за то, какъ онъ самъ потомъ объяснялъ, его лично убѣдила *одна* косвенная улика. Чтобы взвѣсить ея значеніе необходимо вкратцѣ указать главныя обстоятельства дѣла.

Въ ночь преступленія Шамовъ оставался одинъ со своими жертвами въ квартирѣ при чайной Ашихмина, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ прислуги; вся ночь была въ его распоряженіи, чему соотвѣтствовало уничтоженіе пятенъ крови на немъ самомъ и его одеждѣ, разборка значительнаго числа документовъ при отыскиваніи денегъ и устройство квартиры такимъ образомъ, чтобы убійство казалось совершеннымъ посторроннимъ лицомъ; такъ, напримѣръ, были открыты наружныя двери чайной и возлѣ нихъ брошены документы, лежавшіе вмѣстѣ съ похищенными деньгами за иконой. Свидѣтели удостовѣрили, что двери были открыты послѣ обнаруженія убійства. Какъ это обстоятельство, такъ и похищеніе денегъ изъ за иконы и сокрытіе утюга, орудія преступленія, въ кубѣ съ водой—все говорило за то, что убійца—свой человѣкъ.

Такъ какъ, кромѣ Шамова, жилъ въ квартирѣ Ашихмина еще одинъ служащій, то подсудимый давалъ понять, что этотъ послѣдній и былъ убійца; однако дальнѣйшія событія опровергли это: оказалось, что Шамовъ пользовавшійся полнымъ довѣріемъ хозяина чайной, будучи внѣ всякихъ подозрѣній, оставался и послѣ убійства въ квартирѣ день и другой до возвращенія хозяина: въ этотъ то періодъ времени онъ безъ всякой надобности долилъ водой кубъ, гдѣ былъ спрятанъ найденный потомъ утюгъ; въ это же время были найдены спрятанныя въ печкѣ похищенныя деньги, въ числѣ которыхъ была бумажка съ пятномъ крови.

Предъявляя обвиненіе по этому дѣлу, я доказывалъ, что, судя по этой обстановкѣ несомнѣнно корыстный убійца—не только свой человѣкъ, но *и свой, оставшійся здѣсь и расчитывавшій здѣсь остаться*. Главнымъ основаніемъ для этого въ моихъ глазахъ являлось то, что человѣкъ, похитившій деньги и не имѣвшій основанія быть твердо увѣреннымъ, какъ былъ увѣренъ Шамовъ, пригрѣтый въ этой семьѣ, что онъ останется здѣсь и послѣ убійства внѣ всякихъ подозрѣній—не рѣшился бы спрятать деньги въ печкѣ, гдѣ ихъ легко могли сжечь, даже не замѣтивъ этого.

Каково же было мое удивленіе, когда и эта послѣдняя, самая сильная улика, оказалась очень слабой въ глазахъ старшины—профессора: „я не видѣлъ бы причины заключать, сказалъ онъ мнѣ, что деньги спрятаны въ печь именно убійцей, а не самой хозяйкой по какимъ нибудь соображеніямъ (!), если бы на одномъ изъ билетовъ не было капли крови; эта капля убѣдила меня, прибавилъ онъ, что деньги были по-

ложены въ печку послѣ убійства. Не будь этой капли, сознался профессоръ, я бы оправдалъ Шамова".

Если читатель припомнитъ, что въ убывающемъ ряду по строгости разныхъ составовъ присяжныхъ, (таблица XXXVII Д) составъ съ участіемъ профессора занимаетъ предпослѣднее мѣсто, что ниже его помѣщается только составъ съ участіемъ юристовъ, то онъ пойметъ и оцѣнитъ силу нижеслѣдующихъ соображеній.

Буквоѣдство въ оцѣнкѣ доказательствъ, способность дойти въ своемъ скептицизмѣ до абсурдовъ, безспорно, чаще встрѣчается у попадающихъ въ присяжные юристовъ, какъ особая культивируемая способность; смѣю думать, что въ данномъ случаѣ докторъ—профессоръ, очутившійся въ своихъ соображеніяхъ не только, такъ сказать, на краю здраваго смысла, но даже и перевѣсившійся нѣсколько черезъ этотъ край, имѣетъ полное право на признаніе за нимъ тѣхъ quasi—юридическихъ способностей, проявленіе которыхъ роняетъ на послѣднее мѣсто юристовъ—присяжныхъ; если такой человѣкъ, какъ, описанный мною старшина, все таки рѣшился на одномъ случайномъ пятнѣ крови построить вердиктъ, повлекшій за собой 20-ти лѣтнюю каторжную работу, то не правъ ли я, утверждая, что самый слабый изъ присяжныхъ предпочтетъ опереться на послѣднее уцѣлѣвшее въ дѣлѣ, незапутавшееся въ его умѣ доказательство, на минимальную косвенную улику, чѣмъ рѣшится оправдать корыстнаго убійцу? Разсмотрѣніе таблицы XXVI Б., именно средней графы ея, показываетъ, что однѣ косвенныя улики, какъ при полномъ сознаніи, такъ и при несознаніи одинаково даютъ высшій % обвиненія, чѣмъ улики прямыя; если всматриваться въ III-ю рубрику этой таблицы, то окажется, что изъ разныхъ комбинацій косвенныхъ уликъ съ отдѣльными видами прямыхъ уликъ присоединеніе къ группѣ косвенныхъ уликъ очевидца понижаетъ шансы обвиненія на двѣ

степени, съ 18-й на 20-ю при условіи неполнаго сознанія или несознанія вообще; этотъ цифровой выводъ такимъ образомъ сходится съ анализированными выше данными наблюденія.

Я говорилъ уже выше, что очевидецъ сравнительно рѣдко фигурируетъ въ дѣлахъ о корыстномъ убійствѣ, чаще всего въ подобныхъ дѣлахъ приходится вѣдаться съ группой косвенныхъ уликъ въ чистомъ, такъ сказать, видѣ; въ упомянутой таблицѣ доказательствъ зарегистрованы изъ этой группы тѣ случаи, когда въ числѣ косвенныхъ уликъ фигурировало доказательство, именуемое экспертизой; я выдѣлилъ эти случаи потому, что это послѣднее доказательство, не относясь къ прямымъ уликамъ, и въ группѣ косвенныхъ занимаетъ свое особое мѣсто.

Дѣйствительно, наличность экспертизы въ дѣлѣ, гдѣ обвиненіе стоитъ на косвенныхъ уликахъ, вліяетъ весьма различно, въ зависимости отъ того, есть ли полное сознаніе или его нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ экспертиза (о чемъ я говорилъ уже выше) способна такъ пошатнуть дѣло, что и полное сознаніе будетъ отвергнуто присяжными; разумѣется, сюда подойдетъ громадное большинство случаевъ признанія подсудимыхъ невмѣняемыми; отсюда понятно, почему эта комбинація доказательствъ въ 3-й рубрикѣ стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ.

Выше ея помѣщаются двѣ комбинаціи косвенныхъ и прямыхъ уликъ съ экспертизой, при неполномъ сознаніи или несознаніи вообще, причемъ послѣдняя, а именно комбинація съ прямыми уликами, стоитъ ниже комбинаціи экспертизы при косвенныхъ уликахъ; эти три комбинаціи уликъ характеризуютъ собою въ сущности всѣ дѣла объ убійствахъ, ибо въ каждомъ изъ нихъ имѣется экспертъ. Такое значеніе экспертизы въ этого рода дѣлахъ заслуживаетъ бли-

жайшаго разсмотрѣнія тѣхъ осложненій, которыя послѣдняя вноситъ въ процессъ.

Когда на судѣ идетъ рѣчь объ убійствѣ, то эксперты ближайшимъ образомъ приглашаются для установленія причины смерти, а затѣмъ для возстановленія, по возможности, самаго событія преступленія; рядомъ съ этой экспертизой очень часто возникаетъ изслѣдованіе экспертами психическаго состоянія подсудимаго.

Для того, чтобы взвѣсить, хотя бы приблисительно, трудность положенія присяжныхъ по отношенію къ этому виду доказательствъ, достаточно указать въ общихъ чертахъ на возникающіе при этомъ вопросы.

Займемся сперва первымъ родомъ изслѣдованій, такъ сказать, историческихъ. Въ дѣлѣ Ѳеопентовой, разбиравшемся въ Новгородѣ въ 1883 г., громадное значеніе для дѣла представляло рѣшеніе вопросовъ о томъ, какія именно поврежденія были причинены потерпѣвшему ранѣе—сзади или спереди нанесенныя, такъ какъ отъ этого зависѣло распредѣленіе ролей между тремя обвиняемыми, подкарауливавшими его въ разныхъ мѣстахъ двора; въ этомъ же дѣлѣ было очень важно установить, было ли сжигаемо тѣло Ѳеопентова въ то время, когда въ немъ были еще признаки жизни или сжигался уже трупъ: въ первомъ случаѣ, еслибы экспертиза могла это точно установить, укрѣплялась почва для обвиненія жены покойнаго въ подстрекательствѣ къ убійству мужа, такъ какъ это убійство являлось бы совершеннымъ по заранѣе обдуманному плану, съ вѣдома послѣдней.

Въ дѣлѣ Мироновича вопросы о порядкѣ нанесенія ударовъ и о томъ, предшествовали ли они задушенію или обратно,—получали противоположное разрѣшеніе со стороны разныхъ экспертовъ; между тѣмъ то или другое рѣшеніе ихъ служило основаніемъ для вѣскихъ доводовъ въ пользу

виновности Мироновича или виновности Семеновой, исключавшей въ такомъ случаѣ виновность перваго.

Весьма частыя колебанія экспертовъ врачей относительно смертельности ранъ и поврежденій въ зависимости отъ подачи или неподачи медицинской помощи, могутъ серіозно затруднить присяжныхъ въ выборѣ между обвиненіемъ въ оконченномъ убійствѣ, въ покушеніи на жизнь или только въ нанесеніи ранъ, повлекшихъ за собою смерть.

Въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ мнѣ довелось слышать эксперта—врача. съ увлеченіемъ превозносившаго успѣхи медицинской науки и доказывавшаго по дѣлу объ убійствѣ, что при условіи своевременной трепанаціи можно было бы удалить всѣ осколки черепа, сдѣлать покойному искусственную черепную крышку и, слѣдовательно, не пристало говорить о безусловной смертельности такого поврежденія, какъ размозженіе черепа, отъ которого покойный умеръ не сразу!

Прижизненность или неприжизненность поврежденій, признакъ столь спорный въ судебной медицинѣ, трудность установленія смерти именно отъ задушенія при отсутствіи наружныхъ явленій. напр. странгуляціоннаго жолоба, такъ какъ всякая смерть сопровождается явленіями асфикціи, невозможность твердыхъ заключеній при отравленіи растительнымъ ядомъ и гадательность выводовъ количественнаго анализа на металлическіе яды,—представляютъ собою только наиболѣе признанные подводные камни, о которые разбивается даже вполнѣ компетентная экспертиза; что же—если она, какъ это къ сожалѣнію крайне часто случается, недостаточно компетентна? Весьма нерѣдки случаи, что являющійся во всеоружіи науки экспертъ-врачъ оказывается настолько умственно нерасторопнымъ, что совершенно не въ состояніи проникнуть въ смыслъ вопросовъ, ему задаваемыхъ, а можетъ только твердить свое.

Кто рѣшится, ввиду такого положенія науки и ея жрецовъ, требовать отчета у присяжныхъ по дѣламъ объ убійствахъ? Остается удивляться высокому обвинительному проценту ихъ. Въ области психіатрической экспертизы положеніе дѣла еще хуже: стало общимъ мѣстомъ, что на всякого психіатра можно найти другого, что постоянно и практикуется.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ этого вида доказательствъ, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже замѣтилъ, въ дѣлахъ объ убійствахъ корыстныхъ препирательства врачей вообще, а психіатровъ въ частности, рѣдко смущаютъ присяжныхъ. Нельзя не пожалѣть о томъ, что такая несмущаемость есть плодъ крайне скептическаго взгляда русскихъ присяжныхъ на науку и ея средства; такой скептицизмъ, разумѣется, не имѣетъ теоретической подкладки, однимъ изъ послѣдствій чего является трудность для сторонъ привлечь вниманіе присяжныхъ къ необходимымъ, иногда чисто теоретическимъ разграниченіямъ. Для примѣра приведу главные факты изъ дѣла объ убійствѣ купеческаго сына — Пелевина, которое разсматривалось два раза въ СПБургскомъ Окружномъ Судѣ: въ этомъ дѣлѣ сказалось въ присяжныхъ перваго состава (26 апрѣля 1890 г.) недостаточное пониманіе, а ихъ было 12 интеллигентныхъ, разницы между психологической и психіатрической экспертизою, что прямо и было мнѣ высказано защитникомъ, однимъ изъ извѣстныхъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Вотъ подробности этого эпизода:

17 октября 1892 года, между 6-ю и 8-ю часами утра въ квартирѣ купчихи Пелевиной по Кабинетской улицѣ, былъ убитъ ударомъ ножа или кинжала 18-ти лѣтній сынъ Пелевиной, Николай Ивановъ. Въ совершеніи этого убійства обвинялись мѣщанскіе сыновья, Федоровъ 17-ти лѣтъ и Григорьевъ 18-ти лѣтъ. Для моей цѣли имѣетъ значеніе собственно характеристика подсудимаго Федорова. Она сводится къ слѣдующимъ даннымъ: незаконный сынъ служанки, онъ былъ взятъ на попеченіе воспитательницей Филиповой, которая повезла его въ Петербургъ, опредѣлила въ городскую школу, гдѣ онъ близко сошелся съ мальчикомъ Константиномъ Григорьевымъ; по выходѣ изъ школы онъ служилъ впродолженіе двухъ лѣтъ въ книжномъ магазинѣ Фену, но за небрежность потерялъ мѣсто,

сталъ жить у Филиповой, отъ которой самовольно уѣхалъ въ Островъ, взявъ у сестры 10 р. на поѣздку. Въ Островѣ онъ прожилъ 5 недѣль, затѣмъ 2 недѣли жилъ у помѣщика въ селѣ Семородчинскомъ, возилъ въ Островъ продавать молоко. Филипова розыскала его, привезла въ Петербургъ и помѣстила у Пелевиныхъ. Дружескія отношенія его съ Григорьевымъ продолжались до послѣдняго времени, онъ часто навѣщалъ его, иногда они ходили вмѣстѣ въ читальню: Ѳедоровъ читалъ, преимущественно, сочиненія Майнъ-Рида и Жюля-Верна и узнавъ, что заграницей есть страны, гдѣ люди живутъ „такъ себѣ", задумалъ отправиться туда *и въ Америку*. Григорьевъ одобрилъ эту мысль, но самъ не рѣшался ѣхать вмѣстѣ съ нимъ заграницу. Зная, что на поѣздку нужны деньги, Ѳедоровъ сталъ думать, какъ-бы пріобрѣсти средства.

У Пелевиныхъ Ѳедоровъ былъ помѣщенъ за 10 ти рублевую плату и жилъ въ комнатѣ Николая вмѣстѣ съ послѣднимъ. Николай пользовался полнымъ довѣріемъ матери, былъ мальчикъ тихій, скромный, бережливый, вполнѣ самостоятельно велъ торговлю, всѣ выручаемыя деньги хранилъ у себя въ большомъ кожаномъ бумажникѣ, выдавая матери необходимое на содержаніе семейства. Всѣ деньги и цѣнныя вещи хранились въ деревянной шкатулкѣ въ комнатѣ Николая, у котораго и былъ ключъ. Ѳедоровъ, проживая у Пелевиныхъ, не имѣлъ опредѣленныхъ занятій, а только помогалъ своей воспитательницѣ Филиповой, служащей контролеромъ въ управленіи юго западныхъ желѣз. дор., въ составленіи счетовъ, причемъ Филипова, навѣщая Ѳедорова обыкновенно черезъ день, приносила ему работу и книжки, которыя онъ охотно читалъ. Характера Ѳедоровъ былъ угрюмаго, молчаливаго, дурного за нимъ ничего не замѣчали: онъ любилъ играть съ младшими дѣтьми, причемъ нерѣдко ссорился и дрался съ Сергѣемъ, Николая-же, который обращался съ нимъ, какъ съ мальчуганомъ, повидимому, уважалъ, жилъ съ нимъ въ согласіи.

Около 10-го октября Ѳедоровъ промѣнялъ игрушку-локомотивъ, вымѣнянную у С. Пелевина, 11-лѣтнему сыну сапожника С. Лежнева на старую, заржавленную и тупую саблю въ ножнахъ, не доходившихъ до желѣзной рукоятки. Саблю эту, найденную съ годъ тому назадъ С. Пелевинымъ на дворѣ и переданную Лежневу за оловянныхъ солдатиковъ, Ѳедоровъ отчистилъ и велѣлъ отточить на улицѣ точильщику, за что уплатилъ 12 к., послѣ чего показалъ ее Ефимовой. Ефимова, попробовавъ саблю рукою, стала упрекать Ѳедорова, что онъ напрасно тратитъ деньги и что во время шалости съ дѣтьми можетъ кого-нибудь заколоть. Ѳедоровъ возразилъ, что сабля ему нужна при поѣздкѣ въ деревню, гдѣ онъ намѣренъ „колоть волковъ". То-же сказалъ онъ Пелевиной, которая грозилась отобрать у него саблю. Затѣмъ Пелевина, замѣтивъ, что Ѳедоровъ чиститъ саблю пескомъ, сказала Ѳедорову, что поломаетъ и выброситъ саблю, если онъ въ чемъ-либо провинится, но затѣмъ о саблѣ забыла, а, между тѣмъ, Ѳедоровъ, вычистивъ и отточивъ ее, завернулъ ее въ бумагу и заткнулъ за диванъ, на которомъ спалъ въ комнатѣ Николая.

Послѣ пріобрѣтенія сабли поведеніе Ѳедорова нисколько не измѣнилось, только онъ сталъ чаще уходить изъ дому. 16-го октября, утромъ, онъ былъ веселъ и просилъ у Пелевина разрѣшенія навѣстить сестру; вскорѣ онъ ушелъ, говоря, чтобы его не ждали обѣдать, и вернулся только въ 6 часовъ. Затѣмъ онъ опять уходилъ къ сестрѣ, отъ которой вернулся въ 10 ч. вечера и произвелъ на Пелевина впечатлѣніе какого-то страннаго, говорилъ очень мало.

Полежавъ нѣкоторое время въ постели, онъ въ первомъ часу ночи всталъ и имѣлъ случай видѣть, какъ Пелевинъ, пересчитавъ деньги, около 110 р., положилъ ихъ въ бумажникъ, который и спряталъ въ карманъ пиджака, затѣмъ до утра въ квартирѣ все было тихо, а 8-мъ часу обнаружено было убійство.

На судѣ Ѳедоровъ призналъ себя виновнымъ, объясняя, что убилъ Пе

левина ради похищенія денегъ, нужныхъ ему для путешествія, такъ какъ боялся попасться во время похищенія ихъ; рядомъ съ этимъ онъ пояснилъ, что еще ранѣе совмѣстно съ Григорьевымъ они рѣшили обокрасть Пелевина, что Григорьевъ такимъ образомъ ничего не зналъ о его намѣреніи совершить убійство; эта мысль, по словамъ его, пришла ему въ голову независимо отъ какихъ-либо наущеній Григорьева, которому онъ впрочемъ наканунѣ убійства показывалъ ножъ, украденный у Пелевиныхъ же; при этомъ онъ не говорилъ однако, что онъ украденъ для убійства. Убивъ Пелевина однимъ ударомъ, онъ, не найдя бумажника и не рѣшившись ломать шкатулку, успѣлъ унести только часы и шапку. Очутившись на Кабинетской, Ѳедоровъ черезъ Семеновскій плацъ направился на Бронницкую къ Григорьеву, засталъ его дома и сказалъ, что денегъ у Пелевина ему похитить не удалось и что успѣлъ украсть только часы и шапку, которую тутъ-же подарилъ Григорьеву; затѣмъ они отправились закладывать часы, но касса ссудъ была еще заперта, а потому они пошли въ Александровскій рынокъ продавать ножъ. Однако, Ѳедоровъ побоялся продать ножъ въ рынкѣ и повелъ Григорьева въ Подольскую улицу, гдѣ заложилъ часы у Штуцера за 8 р., а ножъ продалъ татарамъ за 30 к. Потомъ Ѳедоровъ пошелъ на квартиру Григорьева, гдѣ закусилъ и провелъ весь день до вечера, причемъ далъ Григорьеву 60 коп. на выкупъ пальто и еще 40 коп. и вечеромъ вмѣстѣ съ Григорьевымъ выкупилъ пальто. Ночь на 18-е октября Ѳедоровъ провелъ на квартирѣ матери Григорьева, утромъ вмѣстѣ съ Григорьевымъ отправился къ заутрени въ церковь св. Миронія, молился о прощеніи за убійство Н. Пелевина, потомъ ходилъ къ обѣднѣ въ Новодѣвичій монастырь, на Митрофаньевское кладбище и затѣмъ къ балтійскому вокзалу, причемъ Ѳедоровъ предложилъ Григорьеву поѣхать въ Кронштадтъ къ отцу Іоанну, говоря, что хочетъ исповѣдаться, въ дѣйствительности-же хотѣлъ покаяться и принести повинную.

На первыхъ порахъ всѣ розыски Ѳедорова остались безуспѣшными, но уже 20-го октября Филипова получила отъ него письмо, отправленное 19-го числа изъ Кронштадта, въ которомъ онъ просилъ у нея прощенія, раскаивался въ томъ, что не повидался съ нею, и сознавался въ убійствѣ Н. Пелевина, указывая, что этого не произошло-бы, если-бы онъ говорилъ правду, работалъ, а не связался съ какимъ-то Константиномъ, который просто какъ околдовалъ его и узнавъ отъ него, что у Николая есть деньги, сказалъ, что хорошо-бы погулять на нихъ, а потомъ, когда всѣ выйдутъ, вмѣстѣ работать; не сознавая хорошо, на что онъ рѣшился, Ѳедоровъ согласился на предложеніе Константина, который наканунѣ убійства посовѣтовалъ ему подсыпать соннаго порошка и обокрасть Николая, а затѣмъ сказалъ, что соннаго порошка достать нельзя, а слѣдуетъ просто украсть деньги ночью и уйти. На слѣдующій день, говорится въ письмѣ, онъ взялъ „ножикъ" Н. Пелевина, послѣ чего ночью всталъ и долго не рѣшался, наконецъ, какъ будто кто-то толкнулъ его. Саблю онъ продалъ наканунѣ тряпичникамъ, и саблею ни за что не рѣшился-бы совершить убійство. „Въ газетахъ пишутъ, что я взялъ нѣсколько десятковъ руб., а я не взялъ ни одной копѣйки, взялъ ножъ и часы—больше ничего, продалъ все за 8 руб. 20 к. Часы заложилъ на Подольской улицѣ Штуцеру за 7 р. 90 коп., ножъ за 20 к. татарину; теперь хочу сѣсть въ лодку и пускай несетъ, куда хочетъ изъ Кронштадта. Прошу еще разъ простите—хотѣлъ зарѣзаться—но не могъ—духу не хватило, а на лодкѣ не знаю, какъ рѣшиться".

Изслѣдованіемъ прошлаго Ѳедорова было установлено, что онъ послѣднее время попадался въ кражахъ, былъ мальчикъ лживый, дерзкій и грубый. За три недѣли до убійства онъ показывалъ въ квартирѣ матери Григорьева саблю, говорилъ, что поѣдетъ путешествовать и будетъ защищаться отъ нападеній и дикихъ звѣрей; еще ранѣе, до помѣщенія его къ Пелевиной, онъ похитилъ у знакомаго Филиповой, Шубуневича, съ маленькими дѣтьми

котораго охотно игралъ, револьверъ и ножъ, который однако тотчасъ перепродалъ; по обвиненіи въ этой кражѣ Өедоровъ тоже сознался, и разсказалъ, что похитилъ оружіе у Шибуневича потому что оно ему очень понравилось.

При первомъ разсмотрѣніи дѣла, защита стала предлагать эксперту-врачу, приглашенному собственно для констатированія смерти – вопросы о психическомъ состояніи подсудимаго Өедорова. На это врачъ нашелъ возможнымъ, на основаніи выслушаннаго судебнаго слѣдствія, дать заключеніе, что Өедоровъ не сумасшедшій, что онъ умственно здоровъ, что онъ не идіотъ, но что „дѣйствовалъ съ младенческимъ разумомъ, т. е. съ разумомъ 9-ти лѣтняго младенца".

Вслѣдъ за этимъ возникли пренія по вопросу объ отложеніи засѣданія, вопросу, поднятому защитой; я указывалъ, что въ заключеніи врача не усматривается данныхъ невмѣняемости, что вопросъ неразвитости—вопросъ психологическаго изслѣдованія, предоставленъ закономъ присяжнымъ, которые рѣшаютъ же въ надлежащихъ случаяхъ вопросъ о разумѣніи вообще и о разумѣніи полномъ—въ частности.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ такая оцѣнка присяжными относительно 17-ти лѣтняго Өедорова могла законно выразиться только въ дачѣ ему снисхожденія или путемъ ограниченія отвѣта, то судъ нашелъ нужнымъ въ интересѣ правосудія представить дѣло въ палату для назначенія дослѣдованія по вопросу объ умственныхъ способностяхъ Өедорова. Послѣ того, какъ это опредѣленіе было оглашено, восемъ изъ числа присяжныхъ заявили, что ими рѣшено было про себя непремѣнно потребовать отложенія дѣла для псиxіатрической экспертизы; изъ чего было ясно, что не будь дѣло остановлено въ своемъ движеніи, то послѣдовалъ бы оправдательный приговоръ.

Во второй разъ тоже дѣло слушалось 24 іюня 1893 года, при составѣ восьми интеллигентныхъ и четырехъ неинтеллигентныхъ. Въ составѣ присяжныхъ былъ одинъ докторъ;

экспертомъ являлся обыкновенный полицейскій врачъ, который, поддерживая предъидущее заключеніе своего коллеги о томъ, что Өедоровъ не сумасшедшій и не идіотъ, не нашелъ возможнымъ, по примѣру своего предшественника, отнести 17-ти лѣтняго подсудимаго къ тому дѣтскому періоду, когда нѣтъ судебной отвѣтственности за дѣйствія. Такъ какъ обстоятельства заставляли его выйти изъ рамокъ медицинской экспертизы, то онъ весьма энергично вошелъ въ роль отца и педагога (превращенія врачей-экспертовъ многообразны) и категорически заявилъ, что оба подсудимые достаточно умны и хитры, чтобы быть отвѣтственными, и что эти хищныя качества развились въ нихъ, благодаря отсутствію религіи и нравственныхъ началъ.

Нельзя сказать, чтобы такое заключеніе, особенно въ послѣдней его части, соотвѣтствовало чистосердечному сознанію Өедорова, проявленному имъ раскаянію и даже поѣздкѣ въ Кронштадтъ на богомолье, тѣмъ не менѣе несомнѣнный здравый смыслъ, въ общемъ все-таки проявленный этимъ экспертомъ, повліялъ на присяжныхъ и они почувствовали свое непререкаемое право на психологическія заключенія. Результатомъ было обвиненіе Өедорова въ предумышленномъ убійствѣ съ цѣлью ограбленія, причемъ присяжные не нашли возможнымъ дать ему снисхожденіе, какъ корыстному убійцѣ сонnаго товарища.

Не слѣдуетъ думать, чтобы этотъ вердиктъ былъ вызванъ возмущеннымъ чувствомъ, такъ какъ рядомъ съ обвиненіемъ Өедорова присяжные не сочли возможнымъ, не смотря на громадную вѣроятность виновности, обвинить его товарища Григорьева ни въ пособничествѣ, ни въ укрывательствѣ убійства, но въ подстрекательствѣ къ кражѣ они признали его виновнымъ.

Такое спокойствіе явилось въ данномъ случаѣ гарантіей дѣйствительной справедливости, такъ какъ, уже послѣ осуж-

денія, Θедоровъ въ письмѣ ко мнѣ, негодуя на холодность Григорьева, бросившаго его въ тюрьмѣ, все-таки писалъ, что Григорьевъ ничего не зналъ объ убійствѣ.

Тщательно избѣгая всякихъ соображеній de lege ferenda, я все-таки никакъ не могу, касаясь вопросовъ о составѣ преступленія, хотя бы въ смыслѣ отношенія къ нему присяжныхъ засѣдателей, миновать сопоставленія взглядовъ присяжныхъ со взглядами Уложенія; это въ особенности трудно избѣжать тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ, по вопросу о корыстномъ убійствѣ проектъ новаго Уложенія повторяетъ ошибки стараго Уложенія.

Судебнымъ практикамъ близко знакомы тѣ крайнія неудобства юридическаго характера, которыя приходится испытывать при разсмотрѣніи дѣлъ о корыстномъ убійствѣ.

Постановка этихъ преступленій на судъ очень затруднена, благодаря тому, что рядомъ съ 4 п. 1453 ст. Ул. стоитъ 1627 ст., эклектически-построенное содержаніе которой, обнимая множество преступленій sui generis, захватываетъ въ свои рамки и корыстное убійство; отсюда цѣлый рядъ неудобствъ, особенно при постановкѣ обвиненій въ покушеніи на убійство съ цѣлью ограбленія, такъ какъ очень часто такое покушеніе представляетъ собою ничто иное, какъ сложную форму оконченнаго разбоя, предусмотрѣннаго 1634 ст. Въ тоже время эта послѣдняя статья отсылаетъ по вопросу о наказуемости не къ 1454 ст. п. 4, а къ 1459 ст.

Эта статья, характеризуемая въ первой части непрямымъ умысломъ, во второй части уже прямо говоритъ объ умышленномъ смертоубійствѣ, совершенно смѣшивая такимъ образомъ, разбой и покушеніе на разбой съ убійствомъ и въ особенности съ покушеніемъ на убійство съ цѣлью ограбленія.

Теоретическая ошибка, заключающаяся въ томъ, что мотиву (корысть) придается несвойственное ему значеніе об-

стоятельства, измѣняющаго составъ преступленія—повторяется и въ проектѣ новаго Уложенія въ статьѣ второй главы I о лишеніи жизни.

Отсюда и въ будущемъ предстоитъ рядъ затрудненій, зависящихъ отъ того, что центръ тяжести обвиненія будетъ переноситься какъ и нынѣ, въ область умысла на жизнь, а мотивъ (корысть) рядомъ съ этимъ придется доказывать, какъ составную часть преступленія. При такихъ условіяхъ случай, представляющій собой, напримѣръ, оконченный разбой, предполагая, что жертва осталась жива, будетъ наказываться, какъ покушеніе на убійство съ цѣлью ограбленія, а при обвиненіяхъ въ покушеніи на убійство съ цѣлью ограбленія, предполагая, что похищеніе не учинено, могутъ получаться оправдательные приговоры, такъ какъ, при похищеніи, какъ цѣли нападенія, вполнѣ достаточно оглушенія жертвы и присяжные легко могутъ отвѣтить на вопросъ о покушеніи на убійство: „безъ цѣли лишить жизни и безъ цѣли ограбленія“; послѣднее ограниченіе можетъ наступить по недоказанности, такъ какъ въ дѣйствительности похищеніе не состоялось.

Смыслъ всѣхъ изложенныхъ выше замѣчаній тотъ, что покушеніе на убійство съ цѣлью ограбленія и разбой, сопровождавшійся покушеніемъ на жизнь, не только теоретически, но и въ правосознаніи присяжныхъ совпадаютъ; нынѣ же очень часто изъ этихъ двухъ преступленій обвинительная камера выбираетъ первое, вмѣсто болѣе жизненнаго и удободоказываемаго второго, т. е. разбоя.

Нижеслѣдующіе два процесса, интересные сами по себѣ по отношенію къ внутренней сторонѣ преступленій и къ роду доказательствъ, должны наглядно пояснить мою мысль.

Оба эти дѣла имѣютъ предметомъ покушеніе на убійство съ цѣлью ограбленія, но такъ какъ, согласно приведеннымъ выше неудобствамъ такой постановки обвиненія, они были

сведены къ виновности въ покушеніи на разбой, то я volens-nolens долженъ буду нарушить нѣсколько систему изложенія, разсмотрѣвъ здѣсь же по поводу этихъ двухъ процессовъ нѣкоторыя данныя правосознанія присяжныхъ, относящіяся къ разбою вообще.

29 марта 1884 года разбиралось въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ дѣло по обвиненію крестьянина Анисимова въ двухъ преступленіяхъ; оба случая разсматривались совмѣстно тѣмъ же составомъ присяжныхъ. Фабула этихъ случаевъ очень несложная: придя 23 апрѣля 1887 года будто въ гости къ старой знакомой, Егоровой, проживавшей въ услуженіи у Шидловскихъ и пользуясь тѣмъ, что въ квартирѣ никого, кромѣ Егоровой не было, онъ сталъ душить послѣднюю руками, но она успѣла крикнуть; вслѣдствіе этого Анисимовъ оставилъ ее и убѣжалъ. На судѣ онъ не призналъ себя виновнымъ и утверждалъ, что въ квартиру не входилъ, а, встрѣтивъ Егорову на лѣстницѣ, шутилъ съ нею, какъ со старой знакомой.

Врачъ далъ заключеніе, что для задушенія руками совершенно достаточно двухъ минутъ серіознаго давленія на горло, а потерпѣвшая удостовѣрила, что Анисимовъ сжималъ ей горло, такъ сильно, что она совсѣмъ было задохлась; кромѣ того было установлено, что объясненіе подсудимаго о шуткѣ не имѣло никакого вѣроятія, что единственной цѣлью дѣйствій Анисимовой могло быть только ограбленіе квартиры и, что эта мысль могла придти Анисимову уже на мѣстѣ, когда онъ удостовѣрился, что Егорова одна.

Всѣ эти данныя, а также изложенное выше мнѣніе мое о способахъ правильной постановки подобныхъ дѣлъ, заставили меня отказаться отъ обвиненія въ предумышленности и въ покушеніи на убійство; вслѣдствіе этого судъ по моему ходатайству поставилъ вопросъ о разбоѣ по признакамъ 9 и 1629 ст. Улож. и присяжные признали Анисимова виновнымъ въ покушеніи на разбой безъ предъумышленія. По другому обвиненію разбиравшемуся одновременно и видоизмѣненному такимъ же образомъ, присяжные вынесли Анисимову оправдательный приговоръ.

По этому послѣднему дѣлу Анисимовъ обвинялся въ томъ, что черезъ три недѣли послѣ случая съ Егоровой съ цѣлью похитить у своего знакомаго дворника Григорьева въ д. № 50. по Фурштадтской улицѣ, видѣнные имъ у него наканунѣ въ сундукѣ 16 р., забрался ночью въ дворницкую и дѣйствительно похитилъ эти деньги, предварительно размозживъ Григорьеву ударами топора кости лица.

Такъ какъ Григорьевъ, застигнутый ударами во снѣ, не успѣлъ вполнѣ проснуться и впалъ въ безсознательное сознаніе, продолжавшееся нѣсколько недѣль, то Анисимовъ могъ быть уличаемъ на судѣ и, дѣйствительно, достаточно изобличался косвенными уликами; но тутъ привзошло одно обстоятельство, которое какъ мы уже знаемъ, всегда вноситъ въ дѣло серіозный элементъ сомнѣнія.

Григорьевъ втеченіе болѣзни, что составляло, разумѣется,

промахъ слѣдователя, былъ многократно допрашиваемъ и дѣлалъ самые противорѣчивыя показанія, обвиняя то полицейскихъ, то товарища—дворника, то Анисимова въ нападеніи на него; надо сказать, что, по заключенію врачей, при дачѣ этихъ показаній потерпѣвшій бывалъ въ полномъ сознаніи. Вдумываясь въ это явленіе, я пришолъ въ слѣдующему заключенію: потерпѣвшій, искренность котораго нельзя было заподозрить, по мѣрѣ выздоровленія вспоминалъ постепенно всѣ тѣ представленія, которыя успѣли промелькнуть въ его сознаніи въ состояніи просонокъ подъ ударами нападавшаго; по мѣрѣ того, какъ онъ вдумывался въ нихъ и болѣе или менѣе удачно мотивировалъ ихъ, эти представленія по очереди выступали ярче и принимались имъ за воспоминанія о дѣйствительности или приписывались сновидѣнію; особенно стойко было представленіе о томъ, что его били городовые за то, что онъ опоздалъ выйти на дежурство по возвращеніи въ дворницкую товарища; между тѣмъ оказалось, что товарищъ еще оставался на дежурствѣ и никакихъ полицейскихъ не приходило; кромѣ того, выдвинутый изъ подъ кровати сундукъ, изъ котораго исчезли деньги, также опровергалъ такой оговоръ.

Такія сложныя состоянія сознанія, разумѣется, недопускали приглашенія обыкновеннаго врача въ качествѣ эксперта, а также не подавали повода обращаться къ психіатрамъ; задача была чисто психологическая: надлежало по даннымъ физіологіи сна, состоянія просонокъ, перешедшаго непосредственно въ безпамятство, прослѣдить процессъ постепеннаго возстановленія „отшибленной", что называется, памяти и возстановить дѣйствительность. Я обратился къ помощи профессора Тарханова, спеціалиста по физіологической психологіи, и онъ блестяще разрѣшилъ поставленную ему задачу. Всѣ теоретическія положенія нашли себѣ и реальную опору въ томъ фактѣ, что разбойникъ наносилъ удары Григорьеву

черезъ дерюжный фартукъ, который предварительно набросилъ ему на голову; быстрота наступленія безпамятства въ связи съ этимъ условіемъ позволила эксперту категорически высказаться, что всѣ воспоминанія потерпѣвшаго относятся къ періоду просонокъ и на нихъ, слѣдоватсльно нельзя строить никакихъ выводовъ о дѣйствительно происходившемъ. Благодаря такой экспертизѣ обвиненіе получило возможность совершенно устранить изъ дѣла указанія потерпѣвшаго на лицо виновнаго.

Доказательства виновности, построенныя на обильныхъ косвенныхъ уликахъ, приводили къ громадной вѣроятности, что нападавшимъ былъ именно Анисимовъ; хотя подсудимый и доказывалъ свое alibi, ссылаясь на присутствіе въ игорномъ домѣ и это частью подтвердилось; однако было установлено въ то же время, что Анисимовъ около времени совершенія преступленія отсутствовалъ, удалившись изъ игры на значительное время, котораго было достаточно для проѣзда на Фурштатскую, для совершенія преступленія и для возвращенія обратно въ игорный домъ; здѣсь у него явились деньги для игры, которыхъ передъ этимъ не хватало; отсутствіе на одеждѣ Анисимова пятенъ крови объяснялось предусмотрительнымъ пользованіемъ фартукомъ при нанесеніи ударовъ.

Такимъ образомъ присяжные, вполнѣ согласившіеся съ доводами обвиненія, очутились уже въ знакомомъ намъ психическомъ состояніи, когда цѣпь логическихъ доводовъ, вполнѣ убѣждая умъ, не сопровождается, однако, тѣмъ душевнымъ движеніемъ, которое называется—внутреннимъ убѣжденіемъ. Мы уже знаемъ, что однимъ изъ самыхъ серіозныхъ препятствій для перехода умственнаго вывода присяжныхъ въ такъ называемое убѣжденіе бываетъ при обвиненіи по косвеннымъ уликамъ неудачное появленіе въ дѣлѣ прямой улики, въ особенности въ формѣ, уже встрѣчавшейся намъ,—почти-

очевидца. Вспоминая, что по предъидущему дѣлу имѣлось только показаніе потерпѣвшей Егоровой, подтвержденное небольшими ссадинами на шеѣ, нельзя не сказать, что при полномъ довѣріи къ ея показанію, у присяжныхъ могли возникнуть вѣскія сомнѣнія въ серіозности нападенія Анисимова и можно смѣло утверждать, что, оправдавъ Анисимова ввиду колебаній потерпѣвшаго *почти-очевидца* по фурштадтскому дѣлу, съ большимъ сожалѣніемъ, какъ говорили мнѣ присяжные,—они все свое негодованіе по поводу безжалостно искалѣченнаго Григорьева, едва внятно объяснявшагося на судѣ, перенесли на Анисимова по другому дѣлу, обвинивъ его безъ снисхожденія въ томъ преступленіи, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ фактически, несомнѣнно уличался.

Невольно вспоминается предостереженіе Стифена относительно опасности соединенія двухъ дѣлъ въ одномъ вердиктѣ. Чтобы не быть голословнымъ въ этомъ послѣднемъ выводѣ, въ предположеніи, что Анисимовъ легко могъ быть оправданъ по дѣлу Егоровой, я приведу чрезвычайно богатое юридическимъ содержаніемъ дѣло Ушаковой, уже упомянутое мною выше. Всѣ возбуждавшіеся выше вопросы, какъ о составѣ преступленія убійства съ корыстной цѣлью и о доказательствахъ его, такъ и о личной, совершаемой присяжными, психологической экспертизѣ и о стремленіи къ психіатрическимъ изслѣдованіямъ—встрѣчались въ этомъ дѣлѣ и получили свое разрѣшеніе согласно выведеннымъ уже эмпирическимъ законамъ; но особенно поучительно это дѣло, въ которомъ подсудимая также обвинялась въ покушеніи на убійство съ цѣлью ограбленія или, что тоже, въ разбоѣ,—по отношенію къ взглядамъ присяжныхъ на разные виды покушеній на эти преступленія. Дѣло это слушалось два раза въ СПБургскомъ Окружномъ Судѣ; первый разъ 10 ноября 1892 года, а второй разъ (послѣ кассаціи) 16-го марта 1893 года, причемъ въ первый разъ въ составѣ присяжныхъ на-

ходилось десять интеллигентныхъ, а второй разъ—одинадцать интеллигентныхъ. Оба раза присяжные крайне интересовались вопросомъ о психической нормальности подсудимой; сама подсудимая, сознаваясь въ томъ, что хотѣла убить свою хозяйку, Лефебръ, прибавляла, что не понимаетъ, зачѣмъ и какъ это сдѣлала, и оба раза защита, констатируя психическую нормальность подсудимой, указывала на общую нелѣпость ея поступка, на что то странное въ поведенiи подсудимой, изъ котораго никакъ нельзя заключить о существованiи у нея серiознаго намѣренiя лишить Лефебръ жизни. Остановимся поподробнѣе на обстоятельствахъ дѣла и подробностяхъ его двукратнаго разсмотрѣнiя.

Въ домѣ № 60, по Садовой улицѣ, жили въ двухъ отдѣльныхъ квартирахъ сёстры: вдова дѣйств. ст. сов. Лефебръ, 68 лѣтъ и незамужняя О. П. Иващенко, 74 лѣтъ; у Лефебръ въ теченiе 23 лѣтъ жила въ услуженiи Елизавета Бергъ, а у Иващенко два года служила М. Ушакова, но такъ какъ Бергъ, по своему преклонному возрасту, не могла исполнять всѣхъ работъ, то ей помогала Ушакова. Въ субботу, 10-го iюня 1892 г., около 8 часовъ утра, когда Бергъ пошла въ булочную за хлѣбомъ, а Лефебръ, страдавшая безсонницей и имѣвшая обыкновенiе отдыхать утромъ на диванѣ, стоявшемъ въ передней, спала на немъ, она была разбужена шорохомъ; проснувшись, она увидала предъ собой Ушакову, которая со словами: „Я пришла разсчитаться съ тобою“, стащила ее съ дивана, стала ей колѣномъ на грудь и вынутымъ откуда то ножомъ, несмотря на оказываемое Лефебръ сопротивленiе, начала рѣзать ей горло. Въ этотъ моментъ послышались чьи-то шаги, Ушакова немного отпустила Лефебръ, та успѣла схватить ее за руку и отдернуть ножъ, причемъ поцарапала себя и Ушакову; тогда послѣдняя совсѣмъ оставила свою жертву и, сказавъ „Лиза пришла“, выбѣжала въ кухню, вымылась и вышла на парадную лѣстницу, захвативъ съ собою ножъ, который сначала, уходя въ кухню, бросила на диванъ. Вслѣдъ за тѣмъ Ушакова, по распоряженiю управляющаго домомъ, была задержана на квартирѣ Иващенко, и при обыскѣ въ кухнѣ былъ найденъ ножъ съ очень острымъ лезвiемъ, сплошь покрытый кровью, а въ вещахъ Ушаковой запачканный кровью платокъ Лафебръ.

При освидѣтельствованiи Лафебръ у нея, кромѣ небольшихъ порѣзанныхъ ранъ на небольшомъ и указательномъ пальцахъ лѣвой руки, мизинцѣ правой, была найдена проникающая кожу рана на нижнемъ концѣ лѣвой грудной сосцовой мышцы. При освидѣтельствованiи Ушаковой у нея оказалась поперечная ранка лѣвой ноздри.

Изъ показанiй Лафебръ видно, что Ушакова, посягнувъ на ея жизнь, имѣла въ виду захватить ея деньги, хранившiяся въ количествѣ 12,000 р. въ шкафу въ передней, о чемъ знала Ушакова.

Это предположенiе нашло себѣ подтвержденiе въ показанiи Бергъ, объяснившей, что Ушакова никогда не высказывала неудовольствiя на Лефебръ, а для приведенiя своего умысла въ исполненiе, выбрала такое время, когда она ушла въ булочную, откуда могла вернуться домой лишь по истеченiи $^3/_4$ часа. Свидѣтельница встрѣтила Ушакову на черной лѣстницѣ и получила отъ нея ключъ отъ дверей кухни.

Слѣдствіемъ было выяснено, что обстоятельствомъ, побудившимъ молодую дѣвушку на совершеніе преступленія, могъ быть предстоящій бракъ ея съ унтеръ-офицеромъ Тепленичевымъ. По словамъ Бергъ, Ушакова говорила ей, что собирается выйти замужъ за какого-то фельдфебеля и что въ воскресенье, 21-го іюня, должна состояться ея помолвка, что она получила на свадьбу отъ тетки 150 р., отъ брата 100 р. и отъ жениха 150.

Орлова показала, что послѣ того, какъ Ушакова чрезъ ея посредство познакомилась съ Тепленичевымъ и тотъ заявилъ желаніе жениться на ней, Ушакова разсказывала ей, что получила деньги послѣ умершей матери и что у нея есть деньги на свадьбу.

Узиковъ удостовѣрилъ, что Ушакова, хваставшая раньше, что у нея есть деньги, недѣли за двѣ до арестованія—сказала свидѣтелю и его женѣ, что выходитъ замужъ за какого-то фельдфебеля, показывала имъ полотенца, холстъ и т. п. вещи, заготовленныя для свадьбы, и утверждала, что получила отъ своего жениха на расходы 75 р., а въ слѣдующее воскресенье, въ которое она собиралась привести своего жениха къ Узиковымъ, получитъ еще 50 руб.

Хотя самъ Тепленичевъ заявилъ, что несмотря на старанія Орловой, сватавшей ему Ушакову, онъ не собирался на ней жениться; однако, такое объясненіе Тепленичева опровергается содержаніемъ его письма, найденнаго у Ушаковой, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ намѣреніи жениться на ней.

Ушакова признала себя виновной въ покушеніи на убійство Лефебръ, но заявила, что она не имѣла намѣренія воспользоваться ея деньгами; какой, именно, мотивъ побудилъ ее къ совершенію преступленія, обвиняемая объяснить не могла, но утверждала, что ее склоняла къ этому Бергъ которая будто-бы наканунѣ преступленія говорила ей: „Ужасно мнѣ надоѣла барыня, надо-бы ее зарѣзать“, и на слѣдующій день, когда она уже съ ножомъ пошла въ квартиру Лефебръ и встрѣтила Бергъ на дворѣ, замѣтила ей: „вотъ теперь барыня спитъ“. Затѣмъ Ушакова заявила, что несправедливо оговорила Е. Бергъ, и что въ дѣйствительности она не рѣшила еще выйти замужъ, про деньги Узикову не говорила, такъ какъ у нея денегъ не было.

Объясненія свои, данныя на предварительномъ слѣдствіи, подсудимая поддерживала и на судѣ.

Поддерживая согласно акту обвиненіе въ покушеніи на убійство съ цѣлью ограбленія, я устанавливалъ возможность удачнаго исхода и, слѣдовательно, разумности плана подсудимой: дѣйствительно, Ушакова вошла въ квартиру, дверь которой оставалась незапертой во время отлучки горничной, какъ могъ бы войти и посторонній человѣкъ, которому оставалось бы по совершеніи убійства, скинуть крючокъ парадной двери и скрыться на улицу; для Ушаковой же имѣлась въ запасѣ отговорка, что она на минуту отлучилась на верхъ, оставивъ дверь открытой.

Тѣмъ не менѣе защита, что совершенно понятно, а за нею присяжные засѣдатели, что было вполнѣ естественно,

а также и предсѣдательствующій, что было уже совершенно непонятно, усиленно предлагали свидѣтелямъ вопросы на тему о психической ненормальности подсудимой; мало того, судъ, несмотря на мои возраженія, нашелъ возможнымъ поставить альтернативный вопросъ *о виновности въ покушеніи, остановленномъ по собственной волѣ.*

Если къ этому прибавить, встрѣчавшіяся въ резюме картинныя изображенія того, какъ „душу несчастной подсудимой до преступленія сверлилъ умыселъ“, то нетрудно догадаться, что на оба вопроса присяжные отвѣтили отрицательно.

Мотивомъ такого приговора, разумѣется, кассированнаго сенатомъ, могло быть нетолько сомнѣніе присяжныхъ въ нормальности подсудимой, но и недоумѣніе ихъ передъ вопросомъ о виновности въ покушеніи, добровольно оставленномъ, между тѣмъ, какъ и стороны, и предсѣдательствующій все время объясняли присяжнымъ, что такое покушеніе ненаказуемо.

Признавъ, по всей вѣроятности, что Ушакова, какъ это допускала и потерпѣвшая на судѣ, сама оставила свою жертву, сдавшись на ея мольбы, присяжные воздержались отъ абсурднаго утвердительнаго отвѣта на второй вопросъ и дали отрицательный отвѣтъ, боясь, какъ бы судъ всетаки не наказалъ за добровольно оставленное покушеніе, если они скажутъ „да, виновна“.

При вторичномъ разбирательствѣ былъ, согласно указу Сената, поставленъ вопросъ о виновности въ оконченномъ покушеніи по 115 ст. Ул.

Обстоятельства дѣла нѣсколько измѣнились: мотивъ, въ смыслѣ приготовленія къ свадьбѣ, потерялъ прежнюю достовѣрность, такъ какъ самое ожиданіе свадьбы оказалось подъ сомнѣніемъ, почему присяжные опять занялись вопросомъ о нормальности умственныхъ способностей подсудимой;

когда же имъ было разъяснено, что придется отложить засѣданіе для особаго изслѣдованія, если они находятъ основаніе для возбужденія такого вопроса, тогда они, по совѣщаніи, заявили, что откладывать дѣла не нужно.

Такого рода отвѣтъ легко могъ бы навести на мысль, что присяжные рѣшили обойтись безъ экспертовъ и оправдать подсудимую, ввиду признанной ими самими ненормальности; такое заподозрѣваніе добросовѣстности присяжныхъ, какъ бы даже освященное рѣшеніемъ сената по дѣлу Палемъ, запретившимъ совѣщанія присяжныхъ по такому поводу,—оказалось неосновательнымъ въ данномъ случаѣ. Присяжные признали Ушакову виновною, но безъ корыстной цѣли и безъ цѣли лишить жизни, т. е. дали именно такой отвѣтъ, который, какъ я упоминалъ выше, является обыкновеннымъ послѣдствіемъ неправильной формулировки обвиненія.

Дѣйствительно, Ушакову слѣдовало обвинять не въ покушеніи на убійство съ цѣлью ограбленія, а въ покушеніи на разбой; только благодаря тому, что оказалось возможнымъ примѣнить 1489 ст. Ул., такъ какъ въ вопросѣ было предусмотрительно упомянуто о намѣренномъ нанесеніи ранъ, Ушакова не осталась безнаказанной.

Здѣсь также, какъ въ нѣкоторыхъ, уже разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ, напримѣръ, въ дѣлѣ Сысоевой (попытка утопить ребенка), присяжные, недоумѣвая передъ неясностью мотива и сомнѣваясь въ предумышленности убійства, предпочли, отказавшись отъ рѣшенія загадки наудачу, остаться на строго фактической почвѣ, т. е. сдѣлать ограниченіе по совѣсти, не предрѣшая, что изъ этого выйдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ по отношенію къ корыстной цѣли, напримѣръ, высказывались въ судѣ предположенія, что Ушакова, можетъ быть, хотѣла только украсть, между тѣмъ Лефебръ проснулась и дѣло приняло неожиданный оборотъ;

причемъ, слѣдовательно, покушеніе на жизнь могло уже не имѣть корыстной цѣли, а являться видомъ укрывательства своей кражи, разумѣется, нелѣпо несоразмѣрнаго укрывательства.

По отношенію къ тому, что она захватила съ собой ножъ не для убійства, т. е., что не было предумышленія, защита съ нѣкоторымъ правомъ утверждала, что ножъ могъ быть захваченъ для взлома шкафа. Если онъ затѣмъ былъ направленъ противъ потерпѣвшей, то не слѣдуетъ забывать, что Ушакова сравнительно слишкомъ легко отказалась продолжать начатое; это даже было высказапо потерпѣвшею въ такой формѣ: „когда я проснулась, она что-то дѣлала у шкафчика и можетъ быть повалила меня и ранила ножомъ, чтобы напугать и заставить молчать“. Въ самомъ дѣлѣ, испугъ потерпѣвшей, старой женщины, былъ такъ великъ, что, какъ она сама призналась на судѣ, только боязнь за жизнь сестры заставила ее поднять тревогу, иначе она промолчала бы объ этомъ случаѣ; напомню кстати, что, дѣйствительно, Лефебръ, послѣ покушенія остававшаяся одна въ пустой квартирѣ, имѣя возможность выйти на парадную лѣстницу, подняла тревогу только послѣ того, какъ Ушакова, вернувшись сверху, унесла съ собою ножъ.

Заканчиваю анализъ этихъ двухъ дѣлъ слѣдующимъ выводомъ: присяжные обыкновенно стараются воспроизвести мысленно полную картину событія и своимъ отвѣтомъ на вопросъ (безъ оговорокъ или съ ограниченіемъ) установить составъ даннаго преступленія такъ, какъ они это преступленіе понимаютъ, слѣдовательно, рѣшить вопросъ не только факта, но и права; если, по неясности мотивовъ или неполнотѣ слѣдствія или даже, какъ въ приведенныхъ случаяхъ, по неправильной юридически формулировкѣ обвиненія, они не въ состояніи этого сдѣлать, тогда они, признавая виновность подсудимаго въ преступленіи вообще,—ограничи-

ваютъ свою задачу добросовѣстнымъ установленіемъ посредствомъ оговорокъ или безъ нихъ фактической стороны дѣятельности подсудимаго; въ этомъ послѣднемъ случаѣ они довѣряютъ суду формулировку обвиненія и слѣдовательно уступаютъ ему то, что обыкновенно считаютъ своимъ правомъ; въ такихъ же случаяхъ, при недовѣріи къ суду,— вызванному, напримѣръ, постановкой вопроса о виновности въ покушеніи, остановленномъ по собственной волѣ, параллельно съ объясненіями о ненаказуемости такого дѣянія,— они во избѣжаніе несправедливой формулировки юридическихъ послѣдствій ихъ вердикта, имѣющаго смыслъ оправдательнаго — прямо оправдываютъ подсудимаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отдѣлъ, къ разсмотрѣнію котораго, я теперь перехожу, заключаетъ въ себѣ наиболѣе неудачныя статьи Уложенія о Наказаніяхъ; дѣйствительно, преступленія противъ личной неприкосновенности, представляющія два крупныхъ отдѣла: о панесеніи увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровья и объ оскорбленіяхъ чести вообще и женской въ частности— проявляются въ жизни въ столь разнообразныхъ формахъ, что попытки формулировать болѣе или менѣе детально типы такихъ дѣяній представляются въ высшей степени трудными.

Тѣмъ важнѣе было бы въ законодательныхъ работахъ принимать въ соображеніе многочисленныя данныя по этимъ вопросамъ, представляемыя судебной практикою. Эта, повидимому, аксіома однако часто игнорируется. Въ сущности безразлично, зависитъ ли это оттого, что данныя судебной практики у насъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не обработаны и потому вліяніе ихъ въ качествѣ отрывочныхъ воспоминаній въ умѣ лицъ, могущихъ по своему положенію проводить ихъ въ законопроэкты, не можетъ быть значительно или это прямое послѣдствіе чрезмѣрно привившагося у насъ канцелярскаго отношенія ко всякой общественной дѣятельности.— Далеко не безразличны, однако, результаты дѣйствія этихъ причинъ; такъ, напримѣръ, тяжело присутствовать при длинной вереницѣ процессовъ, изъ которыхъ значительная часть

рѣшается не по закону только потому, что отжившія опредѣленія Уложенія по вопросу о тѣлесной неприкосновенности совершенно расходятся съ правосознаніемъ присяжныхъ и коронныхъ судей. Цѣлый рядъ затрудненій вызывается тѣмъ, что, помѣщая въ вопросѣ „общеупотребительныя выраженія" вмѣсто юридическихъ терминовъ, обозначающихъ разныя степени умысла, судъ, вынужденный дѣлать это ввиду кассаціонной практики, еще болѣе запутываетъ присяжныхъ. Давно извѣстно, что уцѣлѣвшее въ Уставѣ Судебной Медицины дѣленіе ранъ, повреждѳній и увѣчій на тяжкія и менѣе тяжкія или легкія, на практикѣ давно отброшено по существу и выработались совершенно новые принципы, такъ, напримѣръ, принципъ опредѣленія тяжести поврежденій по исходу ихъ или по возможности или невозможности добывать средства къ жизни; въ судахъ уже не слышно другихъ заключеній, а между тѣмъ съ формальной стороны практикѣ приходится вѣдаться со старымъ принципомъ, топографическимъ, такъ сказать (ухо, глазъ, лицо и т. д.); къ довершенію бѣды и въ проэктѣ новаго Уложенія мы находимъ и старые принципы, и устарѣвшее дѣленіе (13 ст.). Вотъ причина, почему я позволилъ себѣ остановиться на затрудненіяхъ судебной практики, зависящихъ отъ особенностей Уложенія, уже обреченнаго на смерть.

Нельзя умолчать и о томъ, что, къ сожалѣнію, отношенія судовъ къ кассаціонной практикѣ сильно напоминаютъ собою мнѣніе „кашинскаго члена суда" (по Щедрину) объ „установившемся въ судебной практикѣ прецедентѣ".

Рядомъ съ 933 ст. Уг. Суд., говорящей о кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, публикуемыхъ къ единообразному истолкованію смысла законовъ, существуетъ 930 ст., изъ которой ясно видно, что обязанность подчиниться такому толкованію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лежитъ только на судѣ, въ который обращено дѣло для новаго рѣшенія, т. е. что рѣшеніе

имѣетъ характеръ сепаратнаго закона; пусть измѣненія, внесенныя въ 933 ст. Уст. закономъ 10 іюля 1877 г, отразились въ текстѣ 259[1] Учр. Суд. Уст. (п. IV того же закона) тѣмъ, что даже печатаніе *руководящихъ* рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общихъ Собраній обусловливается уже только соображеніями полезности; пусть наконецъ ст. 69 Осн. Гос. Зак. прямо говоритъ, что судебныя рѣшенія дѣлъ частныхъ не должны быть признаваемы закономъ общимъ, „ниже служить основаніемъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ подобнымъ",—ничего этого не хотятъ знать наши канцеляристы, занимающіеся нанизываніемъ „прецедентовъ" вмѣсто живого толкованія закона въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, (766 и 771 и 774 ст. Уст. Уг. Суд.)

Результатомъ такого ненормальнаго положенія и является то, что присяжнымъ засѣдателямъ приходится постоянно вѣдаться не съ живымъ понятіемъ о преступленіи противъ тѣлесной неприкосновенности, а пробираться, такъ сказать, къ нему сквозь сложные, иногда непроницаемые кассаціонные лѣса, которыми обстроены пошатнувшіяся статьи стараго Уложенія.

Исповѣдуя цѣлесообразность или что то-же—правомѣрность формы суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, нельзя ни на минуту забывать, что на ряду съ творимой ими конкретной правдой создается тотъ неписанный кодексъ, который именуется правосознаніемъ общества; поэтому всякіе прецеденты нетолько высшихъ, но и низшихъ судовъ, какъ наполняющіе сокровищницу судейскаго права, желательны и полезны; отсюда ясно, что выше я ратую не противъ нихъ, а противъ установившейся,—по недоразумѣнію, къ счастью,—обязательности ихъ т. е. „кашинскаго" къ нимъ отношенія. Какъ бы то ни было, обозрѣніе относящихся къ этому отдѣлу процесовъ и выводимые изъ анализа ихъ эмпирическіе законы должны носить на себѣ особыя черты, обя-

занныя своимъ происхожденіемъ описаннымъ выше особенностямъ нашего уголовнаго кодекса и процесса.

I.

Взглядъ суда присяжныхъ на наказуемость лицъ, посягнувшихъ на чью либо тѣлесную неприкосновенность, не представляетъ, какъ и слѣдовало ожидать, чего либо монолитнаго; помимо той роли, которую обыкновенно играетъ въ этомъ отношеніи различіе субъектовъ и жертвъ преступленія въ дѣлахъ этого рода, наблюдается еще слѣдующая особенность чисто процессуальнаго свойства. Очень часто присяжнымъ приходится „наказывать“ увѣчья или раны, бывшія послѣдствіемъ покушенія на жизнь, при отрицательномъ отвѣтѣ на первый вопросъ и утвердительномъ на второй или при ограниченіи отвѣта на первый вопросъ словами: „безъ цѣли лишить жизни“; въ этихъ случаяхъ, когда умыселъ лишить жизни или прямо недоказанъ или доказанъ недостаточно, присяжные обыкновенно безъ колебаній признаютъ наказуемость поврежденія здоровья; ихъ, напримѣръ, не смущаетъ тогда супружеская или другая связь между виновниками и его жертвами, не сбиваетъ, крайняя условность разныхъ видовъ умысла, испещряющихъ этотъ отдѣлъ Уложенія; минуя всякія тонкости о томъ, обдумалъ ли подсудимый заранѣе или рѣшилъ внезапно причинить именно увѣчье или именно раны (это все курьезы самаго Уложенія)—присяжные дѣлаютъ такое умозаключеніе: тотъ, кто былъ близокъ къ умыслу на жизнь, разумѣется, не останавливался передъ причиненіемъ увѣчья или раны; другими словами присяжные допускаютъ при изложенныхъ обстоятельствахъ презумцію спеціальнаго умысла и не требуютъ особыхъ доказательствъ намѣренія въ смыслѣ плана дѣйствій.

Такое отношеніе никакъ не можетъ быть названо случайностью, зависящей оттого, что, понижая виновность вообще,

они уже не входятъ въ подробное разсмотрѣніе вины по мѣньшему преступленію: мы не разъ видѣли, что ограниченіе отвѣтовъ или переходъ къ альтернативному вопросу совершается по фактическимъ основаніямъ; вниманіе къ фактамъ и стремленіе придержаться ихъ составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ присяжныхъ,—къ этому они не только приверженнѣе, но и способнѣе коронныхъ судей.

Причина того, что наблюдаются случаи обвиненія въ нанесеніи увѣчья и ранъ по дополнительнымъ вопросамъ и путемъ ограниченій, именно та, на которую я указалъ выше: это та строгость, съ которой судятъ присяжные лицъ слишкомъ легко, безразлично относящихся къ чужой жизни.

Доказательствомъ этого можетъ служить то, что при частыхъ на практикѣ переходахъ, въ особенности въ дѣлахъ между супругами, отъ покушенія на убійство къ легкимъ ранамъ, присяжные признаютъ виновность, т. е. наказуемость даже легкихъ ранъ, несмотря на продолжительное иногда предварительное заключеніе; этотъ отказъ въ зачетѣ ареста въ наказаніе показываетъ, что переходъ присяжныхъ по лѣстницѣ вопросовъ книзу въ подобномъ случаѣ вовсе не проявленіе сентиментальности.

Въ этомъ крайне легко убѣдиться лично, наблюдая то смущеніе и недовольство, которое овладѣваетъ присяжными при послѣдовавшемъ, какъ это иногда бываетъ при неправильной практикѣ, публичномъ примиреніи пострадавшаго лица съ виновнымъ немедленно вслѣдъ за оглашеніемъ присяжными ограничительнаго вердикта.

Какъ общее правило слѣдуетъ принять, что нападеніе, имѣвшее послѣдствіемъ тяжкія раны или тяжкое увѣчье, признается наказуемымъ; въ частности не извиняетъ такого случая и то, что виновный былъ любовникомъ потерпѣвшей или что потерпѣвшая являлась матерью любовницы и ссорила сожителей.

Нерѣдко присяжнымъ приходится высказываться въ дѣлахъ о нанесеніи побоевъ и ранъ по вопросу о самоуправствѣ, послѣдствіемъ котораго явилось судимое дѣяніе; въ дѣлахъ съ такой подкладкой замѣчается явленіе до извѣстной степени родственное тому, которое мы встрѣчаемъ при изслѣдованіи вердиктовъ о ложныхъ показаніяхъ, гдѣ мотивъ получалъ иногда очень важное значеніе.

Примѣромъ можетъ служить слѣдующій процессъ, рѣшенный 9 марта 1892 года въ СПБ. Окружномъ Судѣ.

27 октября 1891 года нѣкто Калинниковъ, бывши въ гостяхъ у знакомаго своего Харитонова въ пьяномъ видѣ и выливъ у всѣхъ на глазахъ водку изъ стакана въ студень, положилъ стаканъ къ себѣ въ карманъ и затѣмъ вышелъ въ корридоръ; здѣсь нагнали его жильцы Харитонова (жители угловъ) и избили до безчувствія, до того, что Калинниковъ, у котораго оказались сломанными 3 ребра, цѣлый мѣсяцъ провелъ въ больницѣ.

Подсудимые на судѣ объяснили, что, заподозривъ Калинникова въ кражѣ стакана, за пропажу которыхъ имъ уже не разъ доставалось отъ Харитонова, они, дѣйствительно, догнавъ его въ корридорѣ—повалили; но нанесеніе побоевъ подсудимые отрицали; это однако было удостовѣрено очевидцами. Врача на судѣ не было; читалось его заключеніе о томъ, что поврежденія тяжкія; но не побои привлекали главнымъ образомъ вниманіе присяжныхъ: ихъ занялъ вопросъ о томъ, былъ ли, дѣйствительно, потерпѣвшій похитителемъ стакана или пострадалъ по недоразумѣнію. Поэтому рѣшающимъ моментомъ былъ тотъ, когда выяснилось на судебномъ слѣдствіи, что потерпѣвшій со стаканомъ въ карманѣ, выйдя въ корридоръ, направился къ крану съ водой; тогда присяжные заключили, что у бившихъ Калинникова были съ нимъ другіе, личные, счеты; почему и признали подсудимыхъ отвѣтственными за тяжкія повреж-

денія, такъ какъ вина осложнялась ложными обвиненіями въ кражѣ; однако во вниманіе къ пьяному состоянію виновныхъ имъ было дано снисхожденіе. Вообще пьяное состояніе обыкновенно служитъ основаніемъ къ снисхожденію при нанесеніи ранъ или побоевъ.

Другой случай касается пяти несовершеннолѣтнихъ рецидивистовъ — воровъ, обвиненныхъ СПБургскимъ Окружнымъ Судомъ 12 сент. 1886 года въ томъ, что, подкарауливъ приходъ сыщика, которому давно дѣлались ими угрозы, они напали на него съ долотомъ и ножомъ, нанесли десять ранъ въ голову, изъ которыхъ три были признаны врачомъ тяжкими, причемъ поранили два пальца, а одинъ совсѣмъ отрубили.

Трудность веденія этого дѣла въ защиту такого потерпѣвшаго, только что въ эту ночь задержавшаго одного изъ товарищей нападавшихъ, зависѣла еще оттого, что приходилось доказывать заранѣе обдуманное намѣреніе на нанесеніе увѣчья и тяжкихъ ранъ; точно также самая виновность отдѣльныхъ подсудимыхъ могла вызвать сомнѣніе, такъ какъ подсудимые не всѣ сознались, а главной свидѣтельницей являлась оставленная однимъ изъ подсудимыхъ любовница, озлобленная на всю „компанію“, но и она видимо неувѣренно уличала одного изъ обвиняемыхъ, Иванова; кромѣ Николаевой остальные свидѣтели были только полицейскіе; самъ потерпѣвшій остался не разысканнымъ. Присяжные, установивъ ясно репутацію каждаго изъ подсудимыхъ, пришли къ заключенію что этотъ случай представляетъ собой эпизодъ изъ хронической войны съ сыщиками, людей отпѣтыхъ, „головорѣзовъ“, какъ ихъ называла Николаева, и потому, не требуя ввиду особенной обстановки преступленія (въ домѣ терпимости) болѣе точныхъ доказательствъ, признали обвиненіе доказаннымъ, но раны не тяжкими (на судѣ не было экспертовъ) и дали подсудимымъ снисхожденіе.

По отношенію къ умыслу доказательствомъ достаточнымъ было признано установленіе показаніями самихъ подсудимыхъ, что послѣ ареста ихъ товарища, Мартынова они по общему уговору въ ту же ночь всѣ вмѣстѣ отправились искать по вертепамъ сыщика Михайлова. Въ данномъ дѣлѣ присяжные интересовались служебною дѣятельностью потерпѣвшаго только въ отношеніи тѣхъ подробностей, которыя могли бы уличать каждаго отдѣльнаго подсудимаго, затѣмъ, разумѣется, строгое настроеніе присяжныхъ обусловливалось непризнаніемъ за такими людьми, какъ подсудимые, правъ воюющей стороны; однако признаніе ранъ не тяжкими, понятное ввиду неявки потерпѣвшаго, и дача снисхожденія всѣмъ пятерымъ выгодно оттѣняютъ безпристрастіе и спокойствіе присяжныхъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ шла рѣчь о самозащитѣ общества, противопоставляемой, если можно такъ выразиться, самозащитѣ преступниковъ.

Я могу указать случаи, когда присяжные въ дѣлахъ, гдѣ общественные интересы, въ тѣсномъ смыслѣ слова, почти въ сторонѣ, изъ чисто этическихъ соображеній отказывали въ снисхожденіи подсудимому, несмотря на наличность только легкихъ ранъ; напримѣръ мужу, поднявшему ножъ на жену или въ другомъ случаѣ—ранившему тещу, которую онъ однако хотѣлъ только напугать показной рѣшимостью на убійство; само собой разумѣется, что не могла надѣяться на снисхожденіе, напр. мачиха, виновная въ истязаніи ребенка.

Было бы неправильно выводить изъ послѣднихъ примѣровъ, что такая строгость диктуется нервозностью. Я приведу дѣло, гдѣ крайне варварскій способъ изувѣченья съ обдуманнымъ намѣреніемъ женою мужа, умершаго отъ причиненныхъ поврежденій, скорѣе всего могъ бы повлечь за собой злобный, такъ сказать, вердиктъ, еслибы такіе вердикты выносились присяжными.

17-го марта 1892 г. крестьянка Кузьмина, воспользо-

вавшись сномъ мужа, поставила самоваръ и, предварительно одѣвшись, вылила весь кипятокъ на его половые органы, затѣмъ, выскочивъ, заперла выходную дверь и когда на крики несчастнаго прибѣжалъ сосѣдъ, то она уговорила его уйти, сказавъ, что мужъ пьяный шумитъ. Потерпѣвшій умеръ послѣ пятидневныхъ мученій.

Подсудимая, не отвергая факта, сначала говорила, что шпарила паразитовъ и неосторожно задѣла мужа, затѣмъ объяснила, что ихъ семейная жизнь была очень тяжела, что съ одной стороны онъ постоянно пьянствовалъ и тиранилъ ее и даже въ этотъ самый вечеръ грозилъ повѣсить, что и былъ въ состояніи исполнить и что съ другой стороны она очень ревновала мужа и обварила его, желая ему сдѣлать больно, чтобы онъ не бѣгалъ за другими женщинами.

Выше мы видѣли, что убійство соннаго не допускаетъ снисхожденія вообще, вотъ почему надо признать, что по отношенію къ Кузьминой, которая была признана заслуживающею снисхожденія, присяжные, несмотря на проявленное ею жестокосердіе, возбуждавшее отвращеніе, разглядѣли однако смягчающія обстоятельства. Это опять не было стремленіемъ уменьшить вину, такъ какъ, несмотря на всѣ усилія защиты и прямое подсказываніе предсѣдателемъ ограничительнаго отвѣта „безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія“, такого ограниченія сдѣлано не было.

Приведенный примѣръ стоитъ въ тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ случаевъ, когда послѣдствіемъ „нанесенныхъ съ намѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, побоевъ или иныхъ какихъ либо насильственныхъ дѣйствій причиняется кому либо смерть“ (1464 ст. Ул.). Строгость присяжныхъ по отношенію къ такимъ случаямъ, не подлежащимъ ихъ разсмотрѣнію (внѣ случаевъ альтернативныхъ вопросовъ) по сравнительной слабости наказанія, обусловли-

вается все той же серіозностью присяжныхъ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ прошла смерть.

Буквальный смыслъ этой статьи допускаетъ весьма широкое толкованіе, такъ какъ слово „вслѣдствіе" еще не заключаетъ въ себѣ понятія причинности, тѣмъ не менѣе судебная практика въ согласіи съ кассаціонной требуетъ для примѣненія этой статьи причинной связи между насиліемъ и смертью. Въ одномъ очень оригинальномъ случаѣ петербургскіе присяжные вердиктомъ 22-го ноября 1888 года высказались за болѣе широкое примѣненіе этой статьи, разъясненной имъ предсѣдателемъ въ ограничительномъ, вышеуказанномъ смыслѣ. Обвинялся 20-ти лѣтній Борисовъ въ томъ, что въ пьяномъ видѣ ударилъ свою мать ножомъ, нанеся ей легкую рану, но такъ какъ они стояли на берегу, то она отъ толчка упала въ воду и утонула; подсудимый, который, будучи пьянъ, говорилъ набѣжавшимъ свидѣтелямъ: „готова, утопилъ!"—обвинялся въ убійствѣ, но признавая на судѣ факты, отвергалъ умыселъ на жизнь матери.

Присяжные, оправдавъ его въ убійствѣ за недоказанностью умысла, обвинили его безъ снисхожденія по второму вопросу въ нанесеніи ударовъ, вслѣдствіе которыхъ наступила смерть. Такимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ фактъ смерти, не стоявшій въ непосредственной связи съ нанесенной раной, заставилъ однако присяжныхъ выразить о составѣ преступленія болѣе строгое мнѣніе, чѣмъ сдѣлали бы это коронные судьи. Весьма интересно сопоставить исходъ только что разсказаннаго дѣла съ другимъ, по которому былъ оправданъ 10 ноября 1886 года въ С.-Петербургѣ финляндецъ Иголяйне, какъ по обвиненію въ преступленіи по 1464 ст., такъ и по другому вопросу объ убійствѣ въ дракѣ; оправдательный вердиктъ въ данномъ случаѣ особенно интересенъ потому, что онъ былъ постановленъ 9-ю интеллиген-

тами противъ 3-хъ (11-е мѣсто въ убывающемъ ряду составовъ), причемъ въ составѣ былъ, и къ тому же старшиною, не только юристъ (правда спеціалистъ по международному праву), но юристъ-профессоръ; мы уже знаемъ изъ таблицы XXXVII Д., что это обстоятельство низводитъ силу репрессіи присяжныхъ до minimum'а.

Случай между тѣмъ былъ вопіющій: въ присутствіи очевидцевъ Иголяйне и нѣкто Гольцине били коломъ Андрея Викко и когда онъ упалъ, то Иголяйне на глазахъ его сына ударилъ его еще разъ коломъ по боку; черезъ десять дней Викко умеръ въ больницѣ отъ рожистаго воспаленія, которое было опредѣлено врачебнымъ отдѣленіемъ, какъ случайное осложненіе поврежденій, признанныхъ менѣе тяжкими. Викко былъ зачинщикомъ ссоры и даже первый взялъ въ руки колъ, но Иголяйне, отнялъ у него этотъ колъ и, уже обезоруженнаго сталъ бить.

Обвиняя по этому дѣлу, я не только указывалъ на то, что не можетъ быть названо дракой нападеніе съ кольями двоихъ на одного безоружнаго, но особенно подчеркнулъ, что выраженіе „съ намѣреніемъ", включенное въ вопросъ, не имѣетъ никакого отношенія къ смерти, а означаетъ только сознательное, а не неосторожное нанесеніе ударовъ.

Мнѣ было неудобно разспрашивать старшину-юриста о томъ, достаточно ли ясно для него я выразилъ свою мысль и потому мотивы оправданія остались въ глубинахъ породившаго его юридическаго сознанія.

Судебные дѣятели изъ числа составляющихъ свои заключенія о судѣ присяжныхъ, такъ сказать, на ходу, до извѣстной степени повинны въ предразсудкѣ очень распространенномъ, будто бы постановка альтернативныхъ вопросовъ по почину суда и въ особенности прокурорскаго надзора неминуемо влечетъ присяжныхъ къ низшимъ формамъ виновности, что такая постановка, наводя, будто бы, присяж-

ныхъ на мысль о томъ, что, по мнѣнію суда или прокурора, виновность вообще сомнительна, можетъ заставить присяжныхъ опуститься ниже вопросовъ и совсѣмъ оправдать подсудимыхъ.

Здѣсь не мѣсто доказывать, что это предразсудокъ, тѣмъ болѣе что объ этомъ была уже рѣчь выше, но предвидя такое указаніе, какъ способъ объясненія только что приведеннаго профессорскаго вердикта, я считаю необходимымъ, въ интересахъ справедливости, поставить рядомъ совершенно аналогичный случай, гдѣ послѣдовалъ строгій и справедливый вердиктъ, причемъ въ составѣ тоже былъ профессоръ-юристъ, спеціалистъ по государственному праву.

Этотъ составъ заключалъ не 9 интеллигентныхъ, а 8, но иногда только лучше, если однимъ интеллигентомъ стало меньше: такъ мы уже знаемъ, что составъ при 9-ти интеллигентныхъ стоитъ на 11-мъ мѣстѣ въ убывающемъ ряду, а составъ о 8-ми интеллигентныхъ—на 4-мъ мѣстѣ. (Таб. XXXVI).

Перехожу къ изложенію упомянутаго случая: на Пескахъ въ 12 часовъ ночи на 23-е іюля 1891 года стали скандальничать Лебедевъ 23-хъ лѣтъ и Бѣсовъ 18-ти лѣтъ. Когда дворникъ Васильевъ съ подручнымъ попытался ихъ задержать, то Бѣсовъ, присѣвъ на корточки, передалъ незамѣтно что-то Лебедеву, какъ потомъ оказалось—ножъ, которымъ Лебедевъ положилъ Васильева на мѣстѣ, ударивъ его въ сердце. Все это было удостовѣрено очевидцами и на судѣ, но подсудимые, не признавая себя виновными, сваливали вину другъ на друга.

Правда, обвиненіе было поставлено по 2 ч. 1484 ст. которая, карая почти какъ за убійство, не требуетъ умысла на жизнь; разумѣется, это обстоятельство представлялось очень выгоднымъ для обвиненія, но съ другой стороны подсудимые были одни среди чужихъ дворниковъ и потому воз-

буждался вопросъ о томъ, не было ли опасной для нихъ драки.

Поддерживая обвиненіе, я допускалъ фактъ драки, оговариваясь, что и въ такомъ случаѣ возможно обвиненіе по 2 ч. 1484 ст., т. е. умышленное, а не неосторожное въ запальчивости, хотя и во время драки послѣдовавшее нанесеніе раны, повлекшей смерть. Ввиду такихъ данныхъ судъ поставилъ альтернативный вопросъ о дракѣ и тѣмъ не менѣе присяжные оставили этотъ вопросъ безъ отвѣта. Нельзя не обратить вниманіе на то, что предсѣдатель закончилъ свое резюме словами: „помните, что смерть не можетъ быть безразличнымъ фактомъ“. Такое заключеніе въ связи съ вопросомъ о дракѣ, разумѣется, какъ бы призывало присяжныхъ непремѣнно къ обвинительному приговору, хотя бы по второму вопросу о дракѣ и, слѣдовательно, какъ бы давало согласіе на такой вердиктъ и однако присяжные не только не вняли этому, но и отказали подсудимому въ снисхожденіи.

Нѣкоторые изъ приведенныхъ случаевъ достаточно поясняютъ общее явленіе, наблюдаемое на судѣ присяжныхъ, что понятіе о солидарной отвѣтственности соучастниковъ у нихъ вполнѣ сходится съ теоретическимъ, т. е. что всѣ замыслившіе одно общее дѣло и сообща къ нему приступившіе одинаково виновны въ причиненіи смерти, хотя бы и было неизвѣстно, отъ чьей именно руки погибъ потерпѣвшій; нужно только одно условіе, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ вопросѣ стоитъ „съ намѣреніемъ“, „умышленно“, „заранѣе обдуманно“, „съ сознаніемъ послѣдствій дѣянія“ и т. п.—эти обстоятельства, относящіяся ко внутренней сторонѣ преступленія, были строго доказаны. Очевидно, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ на это очень трудно разсчитывать. Какъ, напримѣръ, установить, что человѣкъ, ударившій другого палкой по лицу, или даже ткнув-

шій въ запальчивости въ глазъ тутъ же переломленной рукояткой половой щетки, имѣлъ ввиду именно лишить противника глаза? Или что ломовой извощикъ, на лошадь котораго другой ломовикъ замахнулся возжами, отмахнувшись лопатой, не только повредилъ глазъ нападавшему, но и, сознавая послѣдствія своего дѣянія (!), причинилъ продолжительную болѣзнь и неизлѣчимое разстройство здоровья въ области головы? Въ подобныхъ случаяхъ московскіе присяжные выносятъ оправдательные приговоры; напр.: такой приговоръ о ломовомъ извощикѣ, Злодѣевѣ, послѣдовалъ 17-го января 1895 г.

Разумѣется, при невѣжественности и грубости нравовъ русскаго простолюдина не только мудрено говорить о томъ, чтобы пьяный извощикъ ясно сознавалъ, какія именно послѣдствія связаны съ его ударомъ, но можно съ полнымъ правомъ остановиться на той мысли, что такой человѣкъ въ минуту схватки, когда онъ дѣйствуетъ съ почти животной рефлективностью, и не задается подобными праздными вопросами; какъ же можетъ рѣшиться *фактически* добросовѣстный присяжный засѣдатель утвердить своимъ вердиктомъ, что невѣжественный драчунъ не только сознавалъ, чѣмъ именно отзовется на потерпѣвшемъ причиняемое имъ насиліе, т. е. увѣчьемъ или раной, но даже сознательно выбралъ и пожелалъ причинить такое, а не другое зло?

Только ставъ на такую точку зрѣнія, мы вполнѣ поймемъ, а потому и не рѣшимся осудить оправдательные вердикты присяжныхъ по подобныхъ дѣламъ.

Мнѣ пришлось вести дѣло въ Царскомъ Селѣ 16 ноября 1884 г. и обвинять 30-ти лѣтняго мѣщанина Павлова въ томъ, что онъ, разсердившись на мальчика-пастуха 13-ти лѣтъ за то, что тотъ, требуя платы за пастбу, снялъ ошейникъ съ неоплаченной коровы,—билъ его „по чемъ попало" этимъ ошейникомъ съ пряжкой и, попавъ пряжкой въ глазъ,

выбилъ послѣдній. Дѣйствительно, мальчикъ былъ очень грубъ и дерзокъ съ Павловымъ; даже на судѣ онъ не вызывалъ состраданія, несмотря на свой увѣчный видъ, но присяжные не потому оправдали Павлова, а вслѣдствіе признанія потери глаза—случайнымъ послѣдствіемъ побой, а не плодомъ проявленія сознательной преступной воли.

Возможность постановки условнаго вопроса по 1494 ст. (чего сдѣлано не было), устранивъ совершенное оправданіе Павлова, тѣмъ не менѣе не измѣняетъ значенія приведеннаго выше примѣра и правильности сдѣланныхъ замѣчаній.

Въ заключеніе приведу одинъ послѣдній примѣръ, доказывающій еще разъ невозможность устанавливать на судѣ связь болѣе или менѣе вѣроятныхъ или даже неожиданныхъ послѣдствій для здоровья потерпѣвшаго съ желаніемъ причинить ихъ или съ ожиданіемъ ихъ наступленія со стороны подсудимаго.

18-го февраля 1892 года въ СПБургскомъ Окружномъ Судѣ была судима по суровой 1489 ст. молодая дѣвушка, нянька Шуббе, по слѣдующему случаю: служа у Антоневичъ при ихъ 10-ти дневномъ ребенкѣ она была уволена за то, что давала ему сахарную воду, чтобы онъ не кричалъ; уходя, она угрожала хозяевамъ говоря: „Богъ пошлетъ вамъ, попомните“. Послѣ ея ухода ребенокъ сильно мучался 4 дня, пока наконецъ не замѣтили, что одинъ изъ пальцевъ его ноги былъ посрединѣ туго перетянутъ волосомъ, причемъ узелъ былъ скрытъ между пальцевъ. Такъ какъ волосъ совсѣмъ вдавился въ кожу, то его долго принимали за порѣзъ и только уже при наступившимъ значительномъ воспаленіи, чрезвычайно мучительномъ для младенца, удалось этотъ волосъ удалить оперативнымъ путемъ; эксперты констатировали опасность, грозившую жизни ребенка ввидѣ гангрены. Подсудимая не созналась; на судѣ не было матери ребенка, а былъ только отецъ и новая нянька Розалія; первый ничего

хорошенько не зналъ, путалъ числа и факты, Розалія же подробно изобразила мученія ребенка, отъ котораго не отходила и изводить котораго, разумѣется, не могло входить въ ея разсчеты; я упоминаю объ этомъ потому, что Шуббе дѣлала намеки въ ея сторону, но никто изъ присутствующихъ, не исключая и защитника, не рѣшился поддерживать что либо подобное.

Присяжные безъ всякихъ колебаній признали такое обращеніе съ ребенкомъ истязаніемъ, установивъ простымъ выводомъ, что некому было больше совершить преступленіе; подсудимой не было дано снисхожденія, но несмотря на такое строгое настроеніе присяжные отвергли въ вопросѣ намѣреніе съ ея стороны подвергнуть опасности жизнь ребенка. Замѣчательно, что этотъ признакъ, включенный судомъ вопреки Сенатской практикѣ, въ самомъ резюме предсѣдателя объявлялся неимѣющимъ существеннаго значенія для наказанія и тѣмъ не менѣе присяжные не рѣшились оставить его въ вопросѣ, признавая, что даже при очевидной намѣренности дѣйствій Шуббе, она могла не сознавать послѣдствій своего дѣянія.

Требованія доказательствъ спеціальнаго умысла со стороны присяжныхъ не должно однако подавать повода къ обвиненію ихъ въ формализмѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда наличность спеціальнаго умысла сама по себѣ очень вѣроятна, тогда присяжные довольствуются этою вѣроятностью; такъ, напримѣръ, оправдывая подсудимыхъ при обвиненіи въ намѣренно причиненномъ обезображеніи лица мущины, они обвиняютъ въ этомъ преступленіи, когда рѣчь идетъ о лицѣ женщины. При обвиненіяхъ въ нанесеніи увѣчья или повреждений въ запальчивости или раздраженіи мачихой нелюбимому пасынку или падчерицѣ и въ тому подобныхъ случаяхъ они также не требуютъ доказательствъ спеціальнаго умысла, исходя изъ того, что въ отношеніяхъ виновнаго или

виновной къ жертвѣ замѣчается то злобное направленіе воли, которое опредѣлялось въ доктринѣ сперва, какъ неопредѣленный, а затѣмъ, какъ общій умыселъ.

Преступленія противъ женской чести, подлежащія разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей, ставятъ послѣднихъ въ очень трудное положеніе: съ одной стороны, благодаря отсутствію у насъ преслѣдованія за посягательство на стыдливость (attentat à la pudeur), имъ приходится вѣдать случаи совершившагося совокупленія, а когда послѣдніе не доказаны, то крайне неопредѣленныя и широкія границы, между которыми движется покушеніе, вынуждаютъ присяжныхъ рѣшать почти неразрѣшимый вопросъ о томъ, было ли у виновнаго серіозное намѣреніе или онъ „озорничалъ"; съ другой стороны, какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, такъ и при совершившемся совокупленіи, иногда очень затруднителенъ для рѣшенія вопросъ о серіозности несогласія женщины— при такихъ условіяхъ такіе процессы превращаются обыкновенно въ диллему, тотъ или другой выходъ изъ которой завѣдомо для присяжныхъ имѣетъ результатомъ или очень строгое наказаніе или полную безнаказанность. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удается присяжнымъ путемъ разнаго рода ограниченій въ родѣ, напримѣръ „безъ цѣли совокупленія" перейти отъ сомнительнаго покушенія на изнасилованіе—къ признанію только факта насилія, наказуемаго независимо отъ цѣли.

Мѣриломъ для опредѣленія серіозности покушенія, т. е. наличности твердо поставленной цѣли, не является требуемое Сенатомъ соприкосновеніе тѣлъ: этому присяжные придаютъ мало значенія; они также не особенно довѣряютъ въ такихъ дѣлахъ своимъ заключеніямъ психологическаго характера, всегда болѣе или менѣе гадательнымъ и опаснымъ выводамъ изъ порочныхъ наклонностей или особыхъ личныхъ отношеній виновнаго къ потерпѣвшей.

У присяжныхъ наблюдается пріемъ чрезвычайно цѣлесообразный: они прежде всего ищутъ доказательствъ того, что условія времени и мѣста позволяли подсудимому разсчитывать на успѣшное осуществленіе своего намѣренія, и весьма чутки къ тому, если подсудимый самъ подготовлялъ эти условія, т. е. проявлялъ, такъ сказать, предумышленность.

Слѣдующій случай пояснитъ мою мысль: 4 мая 1884 г. царскосельскіе присяжные признали виновнымъ по вопросу о покушеніи на изнасилованіе крестьянина С., сдѣлавъ однако оговорку „безъ цѣли совокупленія"; судъ назначилъ 3-хъ мѣсячный арестъ по 142 ст. Уст. о нак. нал. М. С. Потерпѣвшая тутъ же простила обвиненнаго. Разгадка такого ограничительнаго отвѣта заключалась въ томъ, что нападеніе на потерпѣвшую было сдѣлано подсудимымъ въ пьяномъ видѣ самымъ разнузданнымъ образомъ; это было среди деревни и среди группы дѣвушекъ, подругъ потерпѣвшей; не безъ основанія присяжные заключили, что такое нападеніе никакъ не могло разсчитывать на успѣхъ, что каковы бы ни были намѣренія подсудимаго, онъ бы самъ въ трезвомъ видѣ призналъ ихъ несбыточными; отсюда правосуднымъ представлялось признать во первыхъ, что подсудимый долженъ отвѣчать по мѣрѣ содѣяннаго, для чего при отсутствіи у насъ оскорбленія стыдливости оставалость карать за одно насиліе (вопроса о безобразномъ публичномъ опъяненіи судъ по понятнымъ причинамъ не ставилъ)—и во вторыхъ, что половой чести дѣвушки не грозила дѣйствительная опасность; къ показанію потерпѣвшей присяжные отнеслись поэтому, какъ къ разсказу человѣка, у котораго отъ страха „были глаза велики"; нелѣпость нападенія при описанныхъ выше условіяхъ до того бросалась въ глаза, что еще до суда было признано нужнымъ освидѣтельствовать подсудимаго чрезъ психіатровъ, ко-

торые, однако, признали его только бывшимъ въ нетрезвомъ состоянiи.

Другой случай еще нагляднѣе, такъ какъ относится къ подсудимому, совершившему насильственное совокупленiе при необычайно странныхъ, но, какъ оказалось, достаточно благопрiятныхъ условiяхъ времени и обстановки. Онъ былъ признанъ виновнымъ въ изнасилованiи и заслуживающимъ снисхожденiя 8-го ноября 1891 года въ СПБургѣ.

Жертвой 20-ти лѣтняго Г. явилась сестра его жены, дѣвушка 29 лѣтъ. Въ высшей степени наивная, принадлежащая къ совершенно изолированной семьѣ, она вмѣстѣ съ матерью и сестрой была по отношенiю къ зятю безпомощной, благодаря полной неспособности всей этой женской группы справиться съ взбалмошнымъ мальчикомъ, проявлявшимъ всѣ свойства безшабашнаго шантажиста; театральныя угрозы застрѣлить „настоящимъ револьверомъ“ принимались ими за чистую монету; онъ дѣйствительно отличался психопатическими выходками, напримѣръ, снялся въ трагической позѣ сумасшедшаго, съ блуждающимъ взоромъ, полуобнаженнымъ, драпированнымъ въ бѣлую простыню и выглядывающимъ изъ за утеса; вмѣсто смѣха, которымъ присяжные привѣтствовали эту фотографiю, окружавшiя женщины встрѣчали ее ужасомъ. Замѣчательно, что эти послѣднiя вовсе не представлялись очень ограниченными; правда, потерпѣвшая давала чисто дѣтское показанiе, постоянно впадая въ противорѣчiя, поправлялась и дополняла его безъ малѣйшаго смущенiя, для чего вскакивала съ своего мѣста и вмѣшивалась въ чужiя показанiя; жена подсудимаго отказалась отъ записаннаго у слѣдователя уличающаго мужа показанiя и съ женской практичностью старалась выгородить подсудимаго намеками на безнравственность сестры; наивность послѣдней была однако такъ очевидна, что ни эти попытки, ни ея безтактное поведенiе не лишали ея довѣрiя присяжныхъ; наконецъ теща Г. несмотря на трудное положенiе, въ которомъ она очутилась, держала себя довольно умно, но своимъ безпристрастiемъ еще болѣе укрѣпила присяжныхъ въ убѣжденiи, что вся семья была нравственно порабощена подсудимымъ, находилась подъ гнетомъ хроническаго ужаса. Очень характерной представлялась отобранная къ дѣлу переписка на клочкахъ бумаги, которыми Б. обмѣнивался съ потерпѣвшей, оставшись съ ней одинъ въ квартирѣ, послѣ насильнаго удаленiя всѣхъ остальныхъ: здѣсь попадались страшныя слова, въ родѣ: „пролью кровь“, причемъ такiя слова въ отличiе отъ остальныхъ, были написаны краснымъ карандашомъ. Въ довершенiе всего присяжныхъ не мало долженъ былъ смущать тотъ фактъ, что послѣ изнасилованiя, во время котораго, кстати сказать, Г. не прилагалъ физической силы, а все время грозилъ револьверомъ,—потерпѣвшая еще два раза имѣла съ нимъ встрѣчи въ гостинницахъ; эти случаи она также объясняла полнымъ подчиненiемъ ввиду угрозъ Г. убить ее и всѣхъ родныхъ вслучаѣ отказа.

При такихъ условiяхъ центръ тяжести дѣла заключался въ искуственномъ уединенiи Г. со своей жертвой въ квартирѣ и въ злоупотребленiи нравственной и умственной безпомощностью ея.

Тотъ же законъ сказывается и въ рядѣ другихъ дѣлъ, какъ по отношенію къ женщинамъ и дѣвушкамъ взрослымъ, такъ и, тѣмъ болѣе, по отношенію къ дѣтямъ; въ особенности обращаетъ на себя вниманіе рядъ случаевъ, гдѣ помимо выгодныхъ внѣшнихъ условій подсудимый имѣлъ извѣстную степень власти надъ жертвой.

Необходимо теперь же вглядѣться въ ту особенность, которая отличаетъ эти случаи отъ случаевъ, такъ сказать, рядовыхъ. Обыкновенно главной и почти всегда единственной свидѣтельницей является потерпѣвшая, положеніе которой на судѣ чрезвычайно трудное, между тѣмъ вѣроятность обвинительнаго приговора, даже при полной доказанности самаго совокупленія зависитъ въ громадной степени отъ впечатлѣнія, которое производитъ эта главная свидѣтельница: малѣйшее сгущеніе красокъ, даже иногда неожиданно свободное изображеніе потерпѣвшею подробностей, которыя однако отъ нея обязательно требуются, неосторожная обмолвка, попытки примиренія—все можетъ склонить вѣсы въ пользу подсудимаго.

Наоборотъ,—когда установлена какая либо форма нравственной или соціальной зависимости потерпѣвшей отъ господина, начальника, учителя и т. п. тогда положеніе потерпѣвшей на судѣ сразу мѣняется: все толкуется въ ея пользу, она, будучи даже взрослой, находится въ тѣхъ же благопріятныхъ условіяхъ въ смыслѣ довѣрія къ ней, какъ и потерпѣвшія дѣвочки моложе 14 лѣтъ. Остановимся нѣсколько на случаяхъ со взрослыми.

Весьма страннымъ кажется, что въ дѣлахъ подобнаго рода, гдѣ исходъ въ значительной степени зависитъ отъ впечатлѣнія, производимаго личностью потерпѣвшей, совершенное отсутствіе послѣдней на судѣ можетъ сопровождаться обвинительнымъ вердиктомъ, но однако это такъ; хотя сравнительно подобныя дѣла рѣдко слушаются въ от-

сутствіе потерпѣвшихъ, но когда виновность можетъ быть установлена безъ ихъ содѣйствія, то отсутствіе даже выгодно для правосудія, такъ какъ лишаетъ дѣло азартнаго характера; сошлюсь на случай, рѣшенный въ 1895 году въ Московскомъ Окружномъ Судѣ обвиненіемъ двухъ мастеровыхъ въ покушеніи на изнасилованіе крестьянской дѣвушки, только что въ день преступленія пріѣхавшей впервые въ Москву. Подъ предлогомъ доставленія ей мѣста, подсудимые водили ее цѣлый день по трактирамъ, а къ вечеру завели на третій этажъ глухой лѣстницы; едва ли появленіе ея передъ присяжными, ввиду того, что это дневное странствіе было связано и съ угощеніями, не подорвало бы обвиненія, тогда какъ умно составленное письменное показаніе рисовало картину полной неопытности.

И здѣсь, какъ въ дѣлахъ объ убійствахъ, отсутствіе прямыхъ уликъ, разъ косвенныя достаточно краснорѣчивы, способствуетъ болѣе твердой постановкѣ дѣла.

Приведу случай, представляющій, въ смыслѣ состава преступленія, полную параллель съ дѣломъ Мироновича.

24-го октября 1881 года въ 8-мъ часу вечера близь рыборазводнаго завода въ Демянскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи была убита ударами камня по головѣ жена одного изъ служащихъ на этомъ заводѣ, управляющимъ котораго состоялъ подсудимый А; его ухаживанія за этой женщиной не составляли тайны и она не разъ говорила знакомымъ. „Лягу трупомъ но не сдамся татарину“. Подсудимый, успѣвшій подкараулить свою жертву въ полѣ на полдорогѣ изъ сосѣдней деревни, пытался ее изнасиловать, о чемъ свидѣтельствовали ея поза и безпорядокъ въ костюмѣ; не справившись съ нею, онъ въ припадкѣ раздраженія разбилъ ей голову камнемъ. Никто рѣшительно не видалъ этого; трупъ замѣтили только утромъ, уликами служили почти исключительно нѣкоторыя странности въ поведеніи подсудимаго въ вечеръ преступленія, опровергнутое alibi, царапина на носу, кровь на рукавѣ рубашки и т. п. Происхожденіе пятенъ крови и царапины были ловко замаскированы тѣмъ, что подсудимый въ тотъ же вечеръ при свидѣтелѣ нарочно оступился и, упавъ съ лѣстницы, разбился до крови.

На основаніи этихъ данныхъ т. е. исключительно косвенныхъ уликъ—виновность устанавливалась столь несомнѣнно,

что два состава присяжныхъ (дѣло было разъ кассировано) обвинили А. въ убійствѣ при попыткѣ изнасилованія.

По отношенію къ взрослымъ, хотя и несовершеннолѣтнимъ потерпѣвшимъ—я разумѣю перешедшихъ 14-й годъ—наиболѣе трудны для доказыванія случаи обольщенія (1532 ст. Ул. о нак.) лицомъ, имѣющимъ по званію и т. п. надзоръ или власть; но за то признаніе виновнымъ обыкновенно не сопровождается дачею снисхожденія; и въ этихъ дѣлахъ, однако, какъ и при изнасилованіи, фактъ властвованія обыкновенно является рѣшающимъ.

24 сентября 1893 года Петербургскіе присяжные осудили безъ снисхожденія нѣкоего Р., который учительствовалъ и директорствовалъ, кстати занимаясь обольщеніемъ ученицъ. Прямое обвиненіе въ постепенномъ развращеніи и полное достоинства и сдержанности поведеніе потерпѣвшей на судѣ и здѣсь сдѣлали свое дѣло. Необходимо отмѣтить, что ея дневникъ и письма устанавливали фактъ рабской влюбленности, связанной къ тому же съ восторженностью по отношенію къ таланту учителя; кромѣ личнаго вліянія, средствомъ обольщенія являлось со стороны учителя еще восторженное изображеніе будущихъ артистическихъ успѣховъ потерпѣвшей, богатства и т. п.

Въ періодъ охлажденія Р., пользуясь своимъ вліяніемъ, заставлялъ обольщенную, „чтобы сдѣлать ему удовольствіе“, отдаваться другому лицу и цѣлый рядъ весьма некрасивыхъ сценъ такого рода былъ описанъ въ дневникѣ, составленномъ дѣвушкой для матери въ смыслѣ исповѣди съ откровенностью, близкой къ цинизму. Все это однако не пошатнуло убѣжденія присяжныхъ, что передъ ними обольщенная жертва, а не созрѣвшая преждевременно порочная искусительница, какъ старался доказать Р.

Въ отношеніи къ дѣламъ о дѣтяхъ, растлѣніе которыхъ совершено безъ насилія, но по употребленіи во зло невинности и невѣдѣнія (1524 ст.), присяжные не знаютъ колебаній и обвинительные приговоры по такимъ дѣламъ возможны на основаніи одного показанія потерпѣвшей; такъ какъ самая возможность преступленія стоитъ въ зависимости отъ неразвитости и неопытности потерпѣвшей, то никакія противорѣчія, даже прямая путаница въ объясненіяхъ послѣдней, не вызываютъ недовѣрія присяжныхъ; разумѣется, они ищутъ, по возможности, твердой почвы и съ большимъ терпѣніемъ осмысливаютъ и затѣмъ комбинируютъ съ остальнымъ матеріаломъ мало-мальски годный фактъ.

Не рѣдки случаи, когда въ такихъ дѣлахъ примѣшивается дѣйствительное участіе другой дѣвочки постарше или же пострадавшая, стремясь обѣлить себя передъ родными изъ дѣтскаго страха, наговариваетъ на подругу, которая ее будто бы подвела, но и такая явная ложь оставляется въ сторонѣ и въ остальной части показанія присяжные вѣрятъ дѣвочкѣ. Строже чѣмъ въ какихъ либо другихъ дѣлахъ, присяжные въ такихъ случаяхъ относятся къ экспертизѣ, а отъ сколько нибудь сомнительной, предубѣжденной въ пользу подсудимаго,—прямо отворачиваются. Ложные свидѣтели защиты оказываются особенно вредными для интересовъ ея, заступничество близкихъ, напримѣръ, жены, выслушивается недовѣрчиво и холодно и при доказанности обвиненія корыстные походы родныхъ дѣвочки на виновнаго не производятъ обычнаго расхолаживающаго впечатлѣнія. Данныя репутаціи подсудимаго въ смыслѣ почти болѣзненной наклонности къ половымъ излишествамъ не только не вызываютъ снисходительнаго къ нему отношенія, но относятся къ области уликъ, создавая презумпцію виновности.

Только въ исключительныхъ случаяхъ, въ дѣлахъ подобнаго рода подсудимый, если онъ изъ подонокъ городского населенія, нетрезвой жизни, если притомъ жертва его оказывается ребенкомъ достаточно испорченнымъ нравственно еще до встрѣчи съ нимъ,—можетъ разсчитывать на снисхожденіе. Наоборотъ — степень образованія, положенія въ обществѣ, возрастъ, а въ особенности вліяніе, связанное съ должностью исключаютъ всякое снисхожденіе.

Яркимъ примѣромъ такого рода дѣлъ можетъ служить дѣло полковника С., обвиненнаго въ Москвѣ въ 1895 году.

Совершенно такіе же взгляды присяжныхъ сказались въ рѣшеніи петербургскихъ присяжныхъ 9 апрѣля 1893 года, которымъ былъ обвиненъ нѣкто Пушковъ за растлѣніе мало-

лѣтней, не только безъ насилія (въ насиліи онъ и не обвинялся), но даже въ сущности самое злоупотребленіе невинностью и невѣдѣніемъ (1524 ст. Улож.) сводилось къ тому, что дѣвочка вполнѣ испорченная нравственно, выражая свое согласіе на связь, не могла, однако, по возрасту взвѣсить и даже понять всѣхъ послѣдствій такого преждевременнаго (ей было 12 лѣтъ) сближенія съ мущиной. Достойно замѣчанія, что напутствіе предсѣдателя кромѣ крайней водянистости имѣло такой условно-предположительный характеръ, что могло расшатать всякое обвиненіе. Въ немъ попадались такія выраженія: „если совокупленіе и было, то могло не быть и во всякомъ случаѣ мало вѣроятно“ и еще такое: „можетъ быть, какъ говоритъ подсудимый, ее имѣлъ и другой кромѣ него, но врачъ говоритъ, что совокупленіе было одноактное; если врачъ не ошибается, то можетъ быть, она въ первый разъ....“ и т. п.

Всякій, дѣйствовавшій на судѣ присяжныхъ, пойметъ, ввиду такихъ цитатъ, какъ серіозно, можно сказать, сурово, относятся присяжные къ половымъ злоупотребленіямъ надъ малолѣтними, если ихъ въ данномъ случаѣ не сбило съ праваго пути даже такое резюме, которое впрочемъ, можетъ быть, назовутъ идеаломъ безпристрастія люди, смѣшивающіе нелицепріятность съ безсодержательной фразеологіей.

Въ дѣлахъ объ изнасиловaніи малолѣтнихъ, особенно замѣтно, что присяжные твердо стоятъ на фактической почвѣ и что поэтому ограничительные отвѣты или переходъ къ условному второму вопросу послѣ оправданія по первому не означаетъ желанія смягчить вину; въ самомъ дѣлѣ, оправдывая въ изнасиловaніи и признавая растлѣніе чрезъ злоупотребленіе невинностью и невѣдѣніемъ, присяжные отказываютъ подсудимому въ снисхожденіи.

Какъ это ни странно, можетъ быть, но весьма нерѣдко

рядомъ съ подсудимымъ въ подобныхъ дѣлахъ сидитъ на скамьѣ женщина: это или извѣстный типъ пожилой сводницы, дѣйствующей изъ корысти—такія обвиняются безъ снисхожденія—или это сводница-проститутка изъ очень молодыхъ, почти дѣвочка, которая, торгуя собой, при полной неразвитости находитъ совершенно естественнымъ содѣйствовать тому, чтобы случайно знакомыя ей дѣвочки начали зарабатывать свой хлѣбъ тѣмъ же ремесломъ; наконецъ третій типъ—это любовницы подсудимыхъ, совершенно безвольныя, подавленныя нравственно всѣмъ своимъ прошедшимъ, находящіяся въ полномъ подчиненіи у любовника, обращающагося съ ними, какъ съ вещью.

Первый типъ вполнѣ ясенъ, давно знакомъ и строгое отношеніе къ нему присяжныхъ само собой понятно; какъ и всегда голая корысть, служба которой вошла въ плоть и кровь ввидѣ ремесла, вызываетъ наиболѣе строгое осужденіе.

Послѣдніе два типа представляютъ собой продуктъ сплетенія общественныхъ и личныхъ элементовъ въ жизни подсудимыхъ; имъ обоимъ свойственно отупѣніе, результатъ порабощенія воли условіями жизни, имѣющими часто роковой характеръ или вліяніемъ личности, съ которой подсудимая связана неразрывно, составляя ея принадлежность, причемъ даже капризы этого властителя—для нея законъ.

Естественно ожидать, что по отношенію къ этимъ двумъ разновидностямъ *подсудимой—пособницы* присяжные должны въ высшей степени проявлять присущую имъ способность индивидуализировать виновность; дѣйствительно, особенности каждаго даннаго случая въ среднемъ выводѣ значительно понижаютъ силу репрессіи по отношенію къ такимъ женщинамъ; можно сказать, что почти всегда такія подсудимыя выходятъ оправданными изъ суда. Для наглядности приведу два примѣра, гдѣ пособничество, явно предательскаго, по

отношенію къ жертвѣ, характера (во второмъ изъ этихъ случаевъ даже и чисто физическое содѣйствіе), имѣло оправдательный исходъ.

24 сентября 1892 года С.-Петербургскіе присяжные, оправдавъ нѣкоего Прокофьева по обвиненію въ изнасилованіи 13 лѣтней дѣвочки и обвинивъ его въ растлѣніи ея чрезъ злоупотребленіе невинности и невѣдѣнія жертвы, въ тоже время оправдали по такимъ же двумъ вопросамъ его сообщницу, 17 лѣтнею проститутку Чернышеву. Чернышева, несознавшаяся ни въ чемъ также, какъ и Прокофьевъ, вполнѣ уличалась, однако, показаніемъ потерпѣвшей; эта послѣдняя со слезами разсказывала, что Чернышева уговорила ее выѣхать съ нею за городъ на поле у стекляннаго завода, давая понять дѣвочкѣ, что ихъ тамъ будетъ угощать Прокофьевъ. Помимо факта растлѣнія, установленнаго экспертизой, всѣ обстоятельства дѣла приходилось почерпать исключительно изъ показанія потерпѣвшей дѣвочки: она проѣхала въ конно-желѣзномъ вагонѣ съ Настасьей Чернышовою и прошла довольно далеко въ поле, гдѣ ихъ нагналъ скрытно ѣхавшій вслѣдъ за ними Прокофьевъ; онъ сталъ поить обѣихъ дѣвочекъ водкой, затѣмъ шепнулъ что то Настасьѣ. которая ушла въ то время, какъ дѣвочка погрузилась въ сонъ; проснулась потерпѣвшая въ моментъ насилованія, причемъ Прокофьевъ зажималъ ей ротъ, чтобы она не кричала; послѣ этого онъ велѣлъ ей переодѣться въ привезенную имъ съ собой чистую рубашку и напугалъ ее угрозами такъ, что она ничего не говорила дома о происшедшемъ, пока ее не выдала чужая рубашка.

По дѣлу выяснилось, что потерпѣвшая вмѣстѣ съ другими дѣвочками отъ 11 до 13 лѣтняго возраста проводили цѣлые дни въ трактирахъ, гдѣ Прокофьевъ уже около недѣли выбиралъ себѣ между ними любовницу; въ этомъ ему содѣйствовала Чернышева, которая какъ то разъ, требуя отъ него денегъ за услуги и встрѣчая отказъ, грозила ему „всѣ дѣла бросить". Все это было весьма цинично признано самимъ Прокофьевымъ, который стоялъ на томъ, что имѣлъ полное согласіе дѣвочки. Сознательность этого согласія, разумѣется, ввиду возраста потерпѣвшей являлась сомнительной, съ другой стороны крайне низкій уровень нравственнаго и умственнаго развитія Прокофьева заставлялъ думать, что онъ утратилъ всякое представленіе о разницѣ между согласіемъ взрослой женщины и дѣвочки, такъ что сопротивленіе послѣдней при растлѣніи могъ легко объяснять физической болью. Присяжные тоже видимо склонялись къ тому, что и дѣвочка понимала, куда и зачѣмъ ведетъ ее Чернышева, и что попытки ея кричать, главнымъ образомъ, обусловливались болевыми ощущеніями.

Находя, что намѣреніе дѣйствовать посредствомъ насилія недостаточно доказано, что малолѣтней самый фактъ растлѣнія естественно представляется насиліемъ, присяжные истолковали сомнѣніе въ пользу подсудимаго и обвинили его по 1524 ст., оправдавъ въ изнасилованіи.

Другой случай по обвиненію отставнаго корнета П. и его сообщницы А. 24 л. сходенъ въ главныхъ чертахъ по обстановкѣ преступленія съ предъидущимъ случаемъ, разница въ томъ только, что угощеніе дѣвочекъ происходило въ собственной квартирѣ П., а не въ трактирахъ. Въ вечеръ преступленія А., заманивъ дѣвочку, приперла дверь изнутри и затѣмъ растлѣніе совершилось въ комнатѣ, такъ что крикъ дѣвочки былъ слышенъ посторонними; наконецъ помощь, оказанная А—ой П—ву была не вполнѣ безкорыстна, такъ какъ она разсчитывала получить за это, хотя не деньги, какъ Чернышева, но подарокъ въ видѣ собачки.

Отсюда начинается разница обоихъ случаевъ: по грубо выраженному требованію П—ва А—а держала за ноги дѣвочку, приговаривая: „чего кричишь? Вѣдь не рѣжутъ"; эти слова были слышаны свидѣтелемъ изъ другой комнаты.

Сознавшіеся у слѣдователя, оба подсудимые на судѣ отрицали свою виновность, А., впрочемъ говорила, что изнасилованіе было произведено при ней и что она сама, благодаря подсудимому, еще въ дѣтствѣ испытала ту же участь; выяснилось, что, дѣйствительно, она была въ полномъ порабощеніи у П. и этотъ послѣдній фактъ явился главной причиной ея оправданія; такъ какъ, по мѣрѣ того, какъ раскрывалось ея прошедшее, она постепенно въ глазахъ присутствовавшихъ обрисовывалась въ качествѣ такой же жертвы П—ва, какъ и потерпѣвшая.

Подсудимый объяснялъ, что по нетрезвому состоянію не помнитъ, что было, но что, дѣйствительно, А—а изъ корыстныхъ видовъ сводила его съ дѣвочкой для того, чтобы удержать при себѣ.

При подавляющемъ превосходствѣ силы двухъ лицъ надъ дѣвочкой, на ней, разумѣется, не могло оказаться и не было слѣдовъ насилія, но фактъ изнасилованія былъ достаточно установленъ приведенными выше показаніями свидѣтелей и подсудимой. П—въ былъ поэтому обвиненъ въ изнасилованіи, а второй вопросъ по 1524 ст. былъ оставленъ безъ отвѣта.

Несмотря на то, что подсудимый не только отношеніями къ А—ой, но цинизмомъ самаго преступленія и поведенія на судѣ производилъ отталкивающее впечатлѣніе, присяжные признали его заслуживающимъ снисхожденія ввиду того, что его развращенность вообще и хронически нетрезвое состояніе имѣли почти болѣзненный оттѣнокъ.

Оканчивая обозрѣніе этого рода преступленій, я напомню обычное явленіе, что безпутная жизнь и развращенность виновнаго вліяетъ, какъ мотивъ къ снисхожденію въ подобныхъ дѣлахъ, когда не было особыхъ отношеній между жертвой и подсудимымъ, почему его можно отнести къ дѣйствію особаго эмпирическаго закона: нетрезвая жизнь и низкій нравственный уровень насилователя, не имѣющаго особой власти надъ жертвой по своему положенію, обусловливаетъ наказуемость за половыя преступленія и признаніе виновнаго заслуживающимъ снисхожденія.

Фактъ личной зависимости жертвы при искуственномъ уединеніи ея создаетъ презумпцію виновности, почему при такихъ условіяхъ для обвиненія достаточно одного показанія потерпѣвшей.

Степень довѣрія къ потерпѣвшей въ возрастѣ свыше 14 л. зависитъ отъ безусловной правдивости ея показанія и болѣе или менѣе скромнаго поведенія на судѣ, такъ какъ впечатлѣніе, производимое ею на присяжныхъ обыкновенно рѣшаетъ дѣло; относительно дѣтей моложе 14 л. присяжные не только не требуютъ этихъ условій, но ихъ не сму-

щаетъ даже очевидная лживость въ частностяхъ и преждевременная нравственная испорченность такихъ дѣтей; такой привилегіей послѣднихъ до извѣстной степени можетъ воспользоваться и взрослая дѣвушка, которая по низкому уровню умственнаго развитія подходитъ къ этимъ дѣтямъ, производя въ тоже время на присяжныхъ впечатлѣніе неиспорченнаго въ нравственномъ отношеніи человѣка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Непрямой умыселъ и преступное безразличіе, представляясь вниманію присяжныхъ въ преступленіяхъ противъ тѣлесной неприкосновенности и жизни, обыкновенно вызываютъ въ нихъ нѣсколько скептическое отношеніе къ вопросамъ; присяжные склонны въ подобныхъ случаяхъ усомниться въ составѣ преступленія; отсюда многообразные виды вердиктовъ, уже разсмотрѣнныхъ мною, заключаютъ нерѣдко оговорки „безъ умысла". Ничего подобнаго не встрѣчается въ дѣлахъ о поджогахъ; съ одной стороны понятно, что обвинить въ поджогѣ „безъ умысла" значило бы признать абсурдъ, а въ лучшемъ случаѣ—неосторожную вину, но съ другой стороны—подобные отвѣты въ преступленіяхъ противъ жизни, могутъ часто имѣть смыслъ другой: ими констатируется иногда отсутствіе „спеціальнаго умысла", напр. на нанесеніе, увѣчья, хотя бы при наличности преступнаго безразличія или невмѣненіе обвиненному послѣдствій его преступнаго дѣйствія, напр. смерти или раны; такіе вердикты обыкновенно толкуются судомъ (что вполнѣ возможно) въ смыслѣ меньшаго преступленія и такое толкованіе соотвѣтствуетъ міросозерцанію присяжныхъ.

Ничего подобнаго не представляется въ дѣлахъ о поджогѣ: признаніе виновности въ поджогѣ безъ умысла—равносильно оправданію, такъ какъ неосторожность предполагаетъ

всегда особый вопросъ; такой вердиктъ только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ встрѣтиться и случайность его всегда скажется, если вернуть присяжныхъ въ совѣщательную комнату.

Однажды въ уѣздномъ городѣ, Крестцахъ, сѣрый составъ при одномъ интеллигентномъ старшинѣ, недостаточно свободномъ, какъ оказалось, отъ мѣстныхъ вліяній и связей, вынесъ такой вердиктъ послѣ долгаго и бурнаго совѣщанія. Предсѣдательствующій разъяснилъ присяжнымъ (это было еще до права ихъ участвовать въ постановкѣ вопросовъ), что вердиктъ: „виновенъ въ поджогѣ безъ умысла“ означаетъ оправданіе и что если они хотятъ оправдать подсудимаго, то имъ остается вернуться въ совѣщательную комнату и, зачеркнувъ свой отвѣтъ, написать—„не виновенъ“.

Подсудимый, мѣстный кулакъ, былъ вполнѣ уличенъ по дѣлу и потому этотъ вердиктъ удивилъ всѣхъ присутствующихъ; но самое удивительное было впереди: старшина, вошедшій первымъ въ совѣщательную комнату, вышелъ изъ дверей ея обратно съ листомъ въ рукахъ, прежде нежели остальные присяжные успѣли всѣ собраться,—часть ихъ оставалась еще въ залѣ. Несмотря на необычность такого пріема онъ увѣренно прочелъ вердиктъ—„виновенъ“, написанный безъ всякихъ оговорокъ. Распросы присяжныхъ показали, что вердиктъ былъ единогласный и именно въ смыслѣ виновности въ умышленномъ поджогѣ, что и позволило старшинѣ, безъ всякого совѣщанія исправить отвѣтъ; оговорка „безъ умысла“ оказалась хитрой продѣлкой самого старшины, который увѣрялъ присяжныхъ, что слова эти будутъ имѣть послѣдствіемъ только нѣкоторое смягченіе наказанія; онъ такъ настойчиво поддерживалъ свое требованіе въ подобной оговоркѣ, что сѣлъ къ дверямъ и не выпускалъ присяжныхъ съ другимъ отвѣтомъ. Наконецъ остальные присяжные согласились на приписку „безъ умысла“, не переставая повто-

рять, что они боятся какъ бы не вышло оправданія; хитрый старшина очевидно разсчитывалъ, что судъ, не обращая присяжныхъ къ новому совѣщанію, самъ произнесетъ оправдательный приговоръ; — когда предсѣдатель сказалъ вслухъ тоже, что говорили старшинѣ товарищи и его обманъ открылся, то онъ не рискнулъ остаться наединѣ съ этими товарищами въ комнатѣ, куда никто не имѣлъ бы права войти, несмотря ни на какой шумъ.

Итакъ составъ преступленія поджога легче установить, чѣмъ составъ всякаго другого преступнаго дѣянія; слишкомъ ясно для всякаго, что ночной поджогъ, поджогъ жилаго дома, деревяннаго квартала и т. п. можетъ имѣть самыя обширныя послѣдствія; вотъ почему преступное безразличіе, проявившееся при такомъ поджогѣ, всегда ставится въ вину поджигателю и если присяжные хотятъ ограничить отвѣтственность, напр. ввиду того, что поджигаемая квартира случайно въ моментъ преступленія была пуста—они скажутъ, что она была необитаема, смягчая этимъ отвѣтственность, но не скажутъ: „виновенъ безъ умысла въ поджогѣ обитаемаго строенія"; мы видимъ, что и въ занимающемъ насъ преступленіи присяжные твердо стоятъ на фактической почвѣ. Точно также они твердо стоятъ вопреки 3-му п. 1610 ст. Ул. о Нак. на томъ, что вд время предупрежденный пожаръ, т. е. что попытка поджечь, не вызвавшая пожара, не есть покушеніе на зажигательство, хотя бы виновный самъ скрылся, подложивъ приготовленные для того горючіе предметы; такое дѣяніе, какъ оно и справедливо, должно наказываться по 1611 ст., какъ приготовленіе. Изъ этого слѣдуетъ, что слово „поджогъ" понимается ими согласно буквальному его смыслу.

Сравнительная легкость установленія внутренней стороны преступленія, разумѣется, весьма выгодна для правосудія въ такой области преступныхъ дѣяній, гдѣ воспроизведеніе въ

умѣ преступнаго дѣйствія на основаніи доказательствъ крайне трудно; къ тому же серіозность преступленія поджога и большая вѣроятность въ каждомъ данномъ случаѣ неосторожности, какъ причины огня, заставляютъ присяжныхъ быть чрезвычайно осторожными въ оцѣнкѣ доказательствъ. Они зорко отличаютъ улики виновности отъ доказательствъ состава преступленія; для тѣхъ и другихъ они требуютъ фактическихъ данныхъ, такъ что самая большая вѣроятность недостаточна для установленія состава преступленія поджога; самая подозрительная обстановка при поджогѣ застрахованнаго имущества сама по себѣ недостаточна для вывода о томъ, что пожаръ произошелъ не отъ случая; по отношеніи къ уликамъ виновности недостаточная ясность степени участія каждаго изъ сообвиняемыхъ подрываетъ убѣжденіе въ доказанности поджога, между тѣмъ въ другихъ преступленіяхъ присяжные совершенно правильно совсѣмъ не интересуются распредѣленіемъ ролей при доказанности общаго уговора. За то доказанный поджогъ, тѣмъ болѣе поджогъ по ремеслу, напримѣръ, повторный поджогъ застрахованнаго имущества, разсматривается ими, какъ тяжкій видъ разбоя, такъ какъ, дѣйствительно, оба эти преступленія характеризуются крайне антисоціальнымъ безразличіемъ къ чужой жизни и собственности; только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ поджигатель можетъ разсчитывать на снисхожденіе.

Особенно строго относятся присяжные къ сельскимъ поджогамъ или къ поджогамъ, сопровождавшимся, хотя бы и случайно, человѣческой жертвой; отсюда уже ясно, что *мотивъ,* имѣющій такое важное значеніе въ преступленіяхъ противъ жизни и тѣлесной неприкосновенности,—въ дѣлахъ о поджогахъ почти лишенъ всякаго значенія; центръ тяжести переносится въ область предвидѣнныхъ или непредвидѣнныхъ послѣдствій дѣянія, ту область, которая почти игнорируется присяжными въ вышеупомянутыхъ, ранѣе разсмотрѣнныхъ

преступленіяхъ, гдѣ послѣдствія, особенно непредвидѣнныя, только изрѣдка ставятся на счетъ подсудимому.

Для примѣра укажу на дѣло, о которомъ я уже упоминалъ (№ 18 въ образцахъ первоначальныхъ таблицъ); въ этомъ дѣлѣ, гдѣ поджогъ былъ совершенъ ради укрывательства убійства, совершеннаго своими домашними, присяжные даже отступили отъ общаго правила о томъ, что въ одномъ дѣяніи нельзя видѣть двухъ преступленій (идеальная совокупность), а признали, что укрывательство посредствомъ поджога должно быть наказано само по себѣ.

Всѣ предъидущія соображенія приводятъ къ тому, что изученіе процессовъ о поджогахъ должно имѣть главнымъ содержаніемъ изслѣдованіе разнаго рода доказательствъ, какъ самаго факта поджога, такъ и виновности.

Въ дѣлахъ о поджогахъ чужого имущества почти постоянно приходится встрѣчать угрозы, которыя высказывалъ подсудимый; наличность такихъ угрозъ обыкновенно въ связи съ тѣмъ, что поджигатель,—человѣкъ, что называется, отпѣтый, способный на приписываемое ему ужасное дѣло, имѣетъ серьезное обвинительное значеніе; почти исключительный мотивъ, месть, злоба, легко устанавливается на судѣ справками о личныхъ отношеніяхъ къ потерпѣвшему; чрезвычайная легкость, съ которою можно совершить поджогъ, сколько нибудь спокойно обдуманный, безъ того, чтобы навлечь на себя подозрѣніе, приводитъ къ тому, что обыкновенно обвиняемый въ поджогѣ, на которомъ онъ, такъ сказать, попался, имѣетъ въ своемъ прошломъ другой поджогъ, благополучно сошедшій съ рукъ; вслѣдствіе этого обыкновенно является группа свидѣтелей и обстоятельствъ, указывающихъ на эту прошлую, только теперь раскрывающуюся вину; такого рода улика тѣсно примыкаетъ къ той специфической поджигательской репутаціи, о которой я только что говорилъ и получаетъ видъ доказательства, которое въ теоріи

такъ ничтожно, а въ дѣлахъ о поджогахъ такъ сильно, называясь въ первой—*молвой*, а въ послѣднихъ—*гласомъ Божіимъ*.

Важность этого доказательства въ глазахъ присяжныхъ въ дѣлахъ о поджогахъ рядомъ со слабостью его въ теоріи подъ названіемъ „*молва*“, заставляетъ меня нѣсколько подробнѣе остановиться на томъ, что я понимаю подъ выраженіемъ „гласъ Божій“ въ смыслѣ судебнаго доказательства.

Слухи, неизвѣстно отъ кого исходящіе, какъ извѣстно, на судѣ не допускаются, но свидѣтельствовать о томъ, что человѣкъ имѣетъ хорошую или дурную репутацію, не значитъ повторять слухи, а констатировать на судѣ самый фактъ существованія хорошей или дурной славы; если даже дурная репутація имѣетъ специфическій характеръ, въ смыслѣ признанной, напримѣръ, за даннымъ лицомъ наклонности къ совершенію извѣстнаго рода дѣяній, то удостовѣреніе этого на судѣ не можетъ идти далѣе указаній общаго свойства: всякое цитированіе отдѣльныхъ случаевъ, не стоящихъ въ связи съ даннымъ обвиненіемъ, являлось бы приведеніемъ обстоятельствъ къ дѣлу не относящихся (res inter alios actae); высказываніе своего личнаго мнѣнія о виновности въ данномъ случаѣ подсудимаго, считаемаго самимъ свидѣтелемъ за человѣка способнаго совершить приписываемое ему дѣяніе, равно недопустимо на судѣ.

Такимъ образомъ доказательство „гласомъ народнымъ—гласомъ Божіимъ“ можетъ проникнуть въ судъ только въ самой общей формѣ, напримѣръ, такой: „всѣ считаютъ его дурнымъ человѣкомъ; первыя подозрѣнія пали на него, когда сгорѣлъ этотъ домъ; также заподозрили его и въ бывшемъ раньше въ деревнѣ пожарѣ“; если при этомъ свидѣтель прибавитъ, что онъ передаетъ не свое личное мнѣніе, такъ какъ самъ не знаетъ подсудимаго вовсе ни съ хорошей, ни съ

дурной стороны, то это будетъ лучшій типъ показанія о репутаціи, вполнѣ допустимаго на судѣ.

Вотъ что говоритъ трудолюбивый изслѣдователь англійской теоріи доказательствъ: „Свидѣтельство о репутаціи (character of evidence) легко смѣшать на первый взглядъ съ показаніемъ по наслышкѣ (hearsay) или съ выраженіемъ личнаго мнѣнія свидѣтеля (opinion). Дѣйствительно, свидѣтель, показывающій о репутаціи подсудимаго, повидимому, или сообщаетъ народную молву о немъ или даетъ свою собственную оцѣнку его характера. Однако англійскіе писатели настоятельно предостерегаютъ противъ подобнаго смѣшенія понятій. Свидѣтельство о репутаціи есть вполнѣ самостоятельное и непосредственное доказательство, существенно отличающееся отъ двухъ указанныхъ категорій. Личное мнѣніе свидѣтеля о характерѣ подсудимаго не должно имѣть мѣста на судѣ. Равнымъ образомъ удостовѣреніе общей репутаціи подсудимаго не есть передача сплетень или слуховъ стоустой молвы съ фантастическимъ содержаніемъ. Совершенно напротивъ: удостовѣреніе репутаціи есть непосредственная передача одного только положительнаго факта и притомъ стоящаго внѣ связи съ преступленіемъ, а именно—такой или иной общей оцѣнки подсудимаго, сложившейся въ томъ обществѣ, среди котораго онъ постоянно вращался: „когда свидѣтель утверждаетъ, что подсудимый обладалъ хорошей репутаціей, то онъ подразумѣваетъ подъ этимъ, что отъ многихъ людей, хотя не помнитъ точно отъ кого, онъ слышалъ хорошіе отзывы о подсудимомъ, хотя не помнитъ точно какіе (Stephen, Digest p. 155) [1])“.

Приведу два характерныхъ случая.

12 іюня 1884 г. въ Лужскомъ уѣз. въ дер. Горушки загорѣлся ночью позади деревни хлѣвъ крестьянина Андреева, отчего сгорѣла вся деревня. Пожаръ въ необитаемой клѣти ночью исключалъ неосторожность и подо-

[1]) Стефановскій. О предѣл. изсл. въ угол. проц. Яр. 1894, стр. 102.

зрѣніе сразу пало на крестьянина Боско, котораго видѣли за $^3/_4$ ч. до пожара, выходящимъ изъ дер. Бремпель, отстоящей отъ первой деревни въ полутора верстахъ. Незадолго до того, а именно въ Троицу тотъ же Андреевъ обидилъ Боско, бывшаго у него въ гостяхъ, и послѣдній угрожалъ при этомъ, что Андреевъ его „попомнитъ". Съ тѣхъ поръ жители деревни Горушекъ не разъ укладывали свои вещи, опасаясь поджога, и однажды крестьяне этой деревни, когда пришелъ Боско, даже связали его, а онъ говорилъ имъ при этомъ: „хорошо что связали, а то сдѣлалъ бы деревню—сукáми".

Чтобы подойти къ загорѣвшемуся хлѣву, надо было идти высокой рожью и, дѣйствительно, Боско, ходившій по пожару со словами: „Богъ помочь" и не скрывая своей насмѣшливой радости—былъ мокръ по поясъ; въ объясненіе этого обстоятельства онъ заявлялъ при дознаніи и на судѣ, что былъ совсѣмъ въ другой сторонѣ, не въ Бремпелѣ, а у нѣкоей Аннушки, откуда, перебираясь черезъ озеро на пожаръ, дорогой вымокъ. Другихъ уликъ не было, но всѣ свидѣтели единогласно удостовѣряли, что, по общему мнѣнію, онъ крайне опасный поджигатель; такіе отзывы свидѣтелей подкрѣплялись, какъ фактомъ неоднократныхъ угрозъ со стороны Боско, такъ и тѣмъ, что этихъ угрозъ, дѣйствительно, боялись: какъ мы видѣли, цѣлая деревня держала вещи связанными на случай. Только на основаніи приведенныхъ данныхъ присяжные на сессіи въ городѣ Лугѣ 22 ноября 1884 года обвинили Боско безъ снисхожденія.

Такимъ образомъ несомнѣнность способности совершить поджогъ явилась по дѣлу уликой и при этомъ условіи крайне слабыя косвенныя улики (мокрое платье и опровергнутое alibi) оказались достаточными доказательствами. Нельзя не отмѣтить, что такая степень вѣроятности не повлекла бы, какъ можно думать, за собой обвинительнаго приговора, если бы не было со стороны Боско постоянныхъ угрозъ, создавшихъ ему репутацію опаснаго человѣка.

Другой случай еще нагляднѣе рисуетъ значеніе разсматриваемыхъ нами доказательствъ; въ дѣлѣ Өедорова, осужденнаго въ СПБ. въ сентябрѣ 1894 г. безъ снисхожденія за поджогъ, уже исключительно фигурируютъ улики поведенія и vox populi.

Грандіозный пожаръ уничтожилъ 26 февраля 1883 года на рѣкѣ Невѣ 15 сѣнныхъ барокъ, стоившихъ около 30 т.; въ огнѣ погибъ спавшій въ одной изъ барокъ Зайцевъ. Еще за три года до того сгорѣлъ караванъ въ 35 барокъ на 50,000 р. въ томъ же мѣстѣ Невы; тогда былъ заподозрѣнъ крестьянинъ Өедоровъ, бродившій безъ дѣла по биржѣ, и вымогавшій у сѣнныхъ торговцевъ деньги угрозами поджечь сѣно. Ввиду крайне подозрительнаго поведенія Өедорова онъ былъ высланъ изъ Петербурга административнымъ порядкомъ, причемъ сѣнные торговцы собрали ему денегъ на дорогу — лишь бы онъ уѣхалъ; дѣло о поджогѣ было за недостаткомъ уликъ—прекращено. Живя на родинѣ, Өедоровъ хвалился, что этотъ поджогъ—дѣло его рукъ, а наканунѣ второго пожара появился въ

Петербургѣ; здѣсь онъ опять сталъ просить денегъ, для того, чтобы уѣхать и, получивъ отъ сѣнныхъ торговцевъ отказъ, грозилъ при свидѣтеляхъ, что сдѣлаетъ иллюминацію, сдѣлаетъ навозную кучу. Alibi, на которое онъ ссылался, было опровергнуто и оказалось, что за $^1/_4$ часа его видѣли возлѣ сѣнныхъ барокъ.

Несомнѣнная слабость уликъ не остановила присяжныхъ въ произнесеніи суроваго приговора, очевидно ввиду твердо установленной репутаціи Өедорова. Не слѣдуетъ забывать, что такая репутація предполагаетъ всегда не первую уже вину за подсудимымъ и при томъ вину однородную, нѣчто весьма близко подходящее къ преступному ремеслу, т. е. къ тому, что всегда вызываетъ присяжныхъ на особую строгость; это строгое настроеніе способствуетъ тому, что убѣжденіе о виновности слагается легче; всякій человѣкъ весьма склоненъ повѣрить тому, во что повѣрить ему кажется правильнымъ, а слѣдовательно и хочется повѣрить: Der Wunsch ist der Vater des Gedankens,—говорятъ нѣмцы. Дѣйствительно, и при прислѣдованіи поджоговъ имѣетъ силу въ глазахъ присяжныхъ то важное различіе, которое существуетъ между привычнымъ преступникомъ и случайнымъ.

Послѣдствія огня, какъ я уже говорилъ, имѣютъ большой вѣсъ и далеко не все равно, сгорѣлъ ли отъ поджога обитаемый домъ или какое нибудь, стоящее въ сторонѣ, нежилое строеніе или стогъ сѣна въ полѣ.

Сдѣлавъ всѣ эти оговорки, я все таки считаю возможнымъ поставить рядомъ для оцѣнки силы доказательствъ, случай довольно близкій къ предыдущему, ибо сгорѣлъ необитаемый домъ, стоявшій въ близкомъ сосѣдствѣ съ клѣтью, гдѣ спали люди, жизнь которыхъ, хотя и не въ такой степени, какъ жизнь, ночевавшаго въ сѣнныхъ баркахъ, Зайцева, подвергалась опасности, но за то улики представляются почти тождественными.

25 мая 1886 г., финляндецъ Салтыковъ, досадуя на то, что ему не достался наслѣдственный домъ, при свидѣтелѣ Неввоненъ погрозился сжечь этотъ домъ; въ то время, какъ домъ загорался,—собственно успѣлъ сго-

рѣть только пукъ соломы, повидимому, просунутый чрезъ окно,—подъѣхавшіе на огонь свидѣтели замѣтили какихъ-то двоихъ людей, прятавшихся въ тѣни; повидимому, эти самые люди, вскочивъ въ стоявшія невдалекѣ телѣги, поскакали прочь къ деревнѣ Порвалъ: встрѣтившіе ихъ на этомъ пути, свидѣтели утверждали на судѣ, что это были: Салтыковъ съ другимъ односеревенцемъ; когда эти люди мчались, то за ними съ крикомъ бѣжалъ Неввоненъ, который и установилъ личность скакавшихъ, но утверждалъ, что возлѣ огня ихъ не видѣлъ и угрозъ Салтыкова—не слыхалъ. Огонь былъ потушенъ въ самомъ началѣ и какъ это обстоятельство, такъ и сомнительность того, чтобы Салтыковъ сталъ поджигать въ присутствіи двоихъ постороннихъ лицъ, привели присяжныхъ засѣдателей къ тому, что такой случай долженъ быть отнесенъ къ неосторожности или къ желанію пугнуть неугодившихъ родныхъ; въ результатѣ Салтыковъ и товарищъ его, несмотря на подозрительное бѣгство отъ огня, были оправданы.

Итакъ въ этомъ дѣлѣ, твердо поставленный мотивъ представлялся недостаточно серіознымъ, а послѣдствія—слишкомъ ничтожными для того, чтобы присяжные почувствовали желаніе убѣдиться предъявленными доказательствами; но, разумѣется, и здѣсь полное оправданіе было слѣдствіемъ отсутствія второго вопроса о неосторожности.

Когда въ дѣлѣ о поджогѣ мотивъ слабо установленъ или вѣрнѣе, только предполагается, какъ это было въ дѣлѣ Бурова, оправданнаго въ СПБ—гѣ 14 Марта 1885 г. по обвиненію въ покушеніи на поджогъ, то, присяжные тѣмъ не менѣе признаютъ нужнымъ карать неосторожность; такъ былъ обвиненъ Буровъ, неизвѣстно почему очутившійся въ сторонѣ отъ пути, которымъ онъ шелъ изъ Полюстрова въ Петербургъ; онъ выбѣжалъ на глазахъ свидѣтелей изъ подъ навѣса загорѣвшагося нежилого дома и на судѣ заявилъ, что ему будто бы приходилось идти здѣсь мимо и что онъ, проходя, нечаянно заронилъ огонь. Очевидно, что не будь второго вопроса, присяжные могли только или совсѣмъ оправдать Бурова или отвѣтить: „да виновенъ, но безъ умысла", то было бы, впрочемъ, равносильно.

Нижеслѣдующій случай относится къ той же категоріи, какъ по характеру вопросовъ и вердикта, такъ и по проблематичности мотива; такъ какъ подсудимый на судѣ сдѣлалъ сознаніе въ поджогѣ и былъ поэтому преданъ суду по

1614 ст. Ул. за истребленіе имущества, то я нѣсколько остановлюсь на обстоятельствахъ дѣла.

6-го сентября 1885 года въ Екатерингофскомъ паркѣ у мѣщанки Разумѣевой сгорѣло два стога сѣна, приблизительно въ 500 пудовъ вѣсомъ. На мѣстѣ преступленія никого не застали и обнаружить виновника не было возможности. На слѣдующее утро въ управленіе мѣстной полиціи явился въ полупьяномъ видѣ крестьянинъ Вахрамѣевъ и заявилъ околодочному надзирателю Лазаревскому, что пожаръ сѣна произошелъ по его винѣ; что гуляя по парку, онъ сѣлъ къ стогу сѣна и, закуривъ трубку, бросилъ не погасшую спичку, отъ которой загорѣлся первый стогъ. Онъ до того испугался и растерялся, что, не понимая самъ, что дѣлаетъ, зажегъ второй стогъ. Когда же вытрезвился, то не желая, чтобы изъ-за него попалъ въ бѣду кто другой, пошелъ и заявилъ о случившемся. При допросѣ подсудимаго имѣлъ мѣсто слѣдующій діалогъ:

Предсѣд. Зачѣмъ же вы второй-то стогъ сожгли?

Вахрамѣевъ. Вотъ поди-жъ ты! Кабы пьянъ не былъ, знамое дѣло не сдѣлалъ бы.

Вопр. Зачѣмъ вы пошли къ сѣну?

Отв. Да просто такъ, гулялъ и присѣлъ закурить.

Формально говоря, поджогъ второго стога былъ внѣ сомнѣнія, но признать здѣсь умышленность было бы странно, почему, отказавшись отъ обвиненія въ поджогѣ, я настаивалъ на неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, за которое „и съ пьянаго“ должно быть взыскано. Присяжные раздѣлили мой взглядъ и признали Вахрамѣева заслуживающимъ снисхожденія. Нельзя, однако, не обратить вниманія на то, что полусознательное зажиганіе второго стога и пьяная небрежность обращенія съ огнемъ легко могли привести къ вполнѣ оправдательному приговору, если бы не то, что присяжные были въ такъ называемомъ „строгомъ составѣ“ (7 и 5) и притомъ сидѣли послѣдній день сессіи. Изъ этого можно сдѣлать два вывода: формальный взглядъ на преступность чуждъ суду присяжныхъ и въ дѣлахъ о поджогахъ; состояніе опъяненія, не служа причиной оправданія ни для умышленнаго, ни для неосторожнаго дѣянія, заставляетъ однако присяжныхъ считаться съ, такъ называемой, неполной вмѣняемостью. Существованіе такой уменьшенной способности ко вмѣненію признается профессоромъ Таганцевымъ [1]) логически недопустимымъ; однако, указывая цѣлый

[1]) Курсъ рус. уг. права, 1874 г. Вып. I. 70—71.

рядъ защитниковъ теоріи неполной вмѣняемости, профессоръ допускаетъ, что признаніе такой уменьшенной способности ко вмѣненію въ дѣйствительности сводится къ смягченію наказанія.

Какъ бы то ни было, важно отмѣтить, что соблюденіе такого тонкаго оттѣнка вмѣняемости или наказуемости наблюдается и въ приговорахъ присяжныхъ.

Поджогъ собственнаго застрахованнаго имущества стоитъ въ законѣ особнякомъ, ввиду того, что истребленіе имущества, хотя бы и своего, но огнемъ изъ корыстныхъ видовъ, предполагаетъ бо̀льшую обдуманность и опасность, чѣмъ истребленіе, большею частью единичное, чужого имущества огнемъ по злобѣ и мщенію; сообразно съ этимъ ст. 1612 въ первой своей части установляетъ только одно наказаніе, равное maximum'у наказанія, установленнаго 1614 ст. Ул. Трудно точно установить, каковъ взглядъ въ этомъ отношеніи присяжныхъ, потому что сила репрессіи по дѣламъ о поджогахъ собственнаго имущества по многимъ специфическимъ причинамъ ниже силы репрессіи по поджогамъ вообще; такимъ образомъ, трудно рѣшить, насколько въ этой слабости репрессіи повинна снисходительность присяжныхъ къ этому виду поджога. Весьма вѣроятно, что корыстная цѣль дѣянія и въ этихъ преступленіяхъ усугубляетъ въ глазахъ присяжныхъ вину подсудимаго, но несомнѣнно, что трудность доказыванія виновности по дѣламъ этого рода могущественно вліяетъ въ пользу оправдательныхъ исходовъ. Само собой понятно, что человѣкъ, подготовляющій преступленіе у себя дома, свободно выбирающій наиболѣе удобный моментъ, имѣетъ время все обдумать и въ большинствѣ случаевъ успѣваетъ болѣе или менѣе удачно подготовить обстановку и болѣе или менѣе удачныя реплики на случай неудобныхъ распросовъ; въ большинствѣ случаевъ злоумышленнику нѣтъ даже необходимости прибѣгать къ поджогу,

а можно подстроить картину неосторожнаго обращенія съ огнемъ или даже случайности. Правда, однимъ изъ важныхъ условій для удачнаго исхода преступленія является то, чтобы пожаръ принялъ довольно значительные размѣры, чтобы были истреблены огнемъ слишкомъ краснорѣчивыя приготовленія; такъ какъ для этого необходимо скрыть возможно дольше дѣйствіе огня, напр. запираніемъ квартиры, оконъ, вообще глушеніемъ пламени, то часто именно это обстоятельство и приводитъ къ изобличенію виновнаго, такъ какъ скопившійся дымъ останавливаетъ распространеніе пламени.

Но въ общемъ поджоги собственнаго имущества гораздо чаще удаются и чаще разрастаются въ пожары, чѣмъ спѣшныя, боязливыя поджиганія снаружи въ случайно улученную минуту. Когда поджигатель страховщикъ добился пожара, то обыкновенно исчезаютъ именно тѣ признаки дѣянія, которые характеризуютъ самый фактъ поджога, и какъ для послѣдняго, такъ и для установленія виновности даннаго лица остается только изслѣдованіе мотива, т. е. изслѣдованіе обстоятельства, наиболѣе неуловимаго и трудно доказываемаго.

Корыстный мотивъ преступленія предполагаетъ, такъ сказать, жертву преступленія; этой жертвой въ дѣлахъ о поджогахъ собственнаго имущества является страховое общество и вотъ обыкновенно на судебномъ слѣдствіи происходитъ, такъ называемое, извращеніе судебной перспективы: оказывается, что страхователь, поощряемый агентомъ, котораго въ свою очередь наставляло само общество, поднялъ оцѣнку выше нормы и платилъ, слѣдовательно, обществу чрезмѣрную премію; отсюда возникаетъ обыкновенно рядъ соображеній въ такомъ родѣ: общество само mala fide получало излишній доходъ со страхователя и сознательно соблазняло его на преступленіе. Русская поговорка: не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ, — имѣющая вообще свое значеніе въ русской жизни, а въ дѣлахъ о кассирахъ и т. п.

сказывающаяся и на судѣ присяжныхъ, получаетъ при такихъ условіяхъ значеніе, еще болѣе опасное для обвиненія, и звучитъ такъ: не клади сознательно на соблазнъ. Разумѣется, агенты въ качествѣ свидѣтелей всячески стараются пріукрасить свою дѣятельность, что вноситъ нѣкоторую лживость въ ихъ показанія, а лживость свидѣтеля, представляющаго потерпѣвшее лицо, подрываетъ не только нравственное значеніе преслѣдованія, но и нарушаетъ необходимую ясность фактической обстановки преступленія въ самомъ основаніи.

Почти невозможно исчерпать многочисленныя невыгоды постановки дѣла, препятствующія правильному исходу этихъ обвиненій на судѣ по дѣламъ о поджогахъ собственнаго имущества. Укажу только еще на одну общую черту этихъ дѣлъ: очень часто, когда причина не ясна, между тѣмъ имущество оказывается застрахованымъ, агенты спѣшатъ возбудить преслѣдованіе, почти исключительно на томъ только основаніи, что поджогъ могъ быть выгоденъ для страхователя.

Нѣсколько приводимыхъ ниже процессовъ могутъ дать приблизительное понятіе о томъ богатствѣ оправдательныхъ мотивовъ, которое наблюдается въ этихъ дѣлахъ. Вотъ нѣсколько общихъ положеній, имѣющихъ характеръ эмпирическихъ законовъ. Одна выгодность пожара не доказательство поджога. Хотя бываютъ случаи, что правильно оцѣненное имущество, напримѣръ, домъ на краю города, въ силу бездоходности можетъ дать выгоду, если сгоритъ, однако такой мотивъ обыкновенно считается присяжными сомнительнымъ.

Самый фактъ поджога долженъ быть доказанъ, хотя бы и скудно, но непремѣнно фактически; одной вѣроятности, хотя бы очень значительной, недостаточно; тоже наблюдается и по отношенію къ уликамъ виновности: такое сочетаніе, какъ напримѣръ, выгодность поджога въ сочетаніи со лжи-

выми объясненіями подсудимаго и даже съ данными подозрительнаго поведенія до и во время пожара, обыкновенно недостаточны.

Даже въ случаяхъ, когда фактъ поджога доказанъ, должна быть установлена положительная причинная связь каждаго обстоятельства съ обвиненіемъ даннаго лица, другими словами, къ оцѣнкѣ косвенныхъ уликъ присяжными въ этихъ дѣлахъ прилагается вполнѣ теоретическая строгость оцѣнки косвенныхъ уликъ; если причинная связь эта только вѣроятна, то ряда вѣроятностей, составляющихъ общую картину преступленія, недостаточено для обвиненія въ поджогѣ собственнаго имущества, хотя, какъ мы видѣли, въ дѣлѣ объ убійствѣ можетъ обусловить обвиненіе.

При уличающемъ поведеніи, когда виновность доказана фактическими данными, хотя бы и косвенными только уликами, указаніе подсудимаго на то, что въ моментъ совершенія, приписываемаго ему дѣянія, онъ былъ не одинъ, что при немъ было другое лицо, чуждое дѣлу, не смущаетъ присяжныхъ, такъ какъ такое присутствіе иногда подстроено, какъ ловко подготовленное самооправданіе. Для обвиненія страхователя въ поджогѣ, когда онъ не находился на мѣстѣ преступленія, а являлся подстрекателемъ, или по крайней мѣрѣ предполагается таковымъ, необходимо, чтобы имѣлся ввиду физическій виновникъ, хотя бы не привлеченный, но во всякомъ случаѣ намѣченный. Когда отсутствуютъ указанныя выше условія, то присяжные нерѣдко, признавая поджогъ доказаннымъ, все таки оправдываютъ подсудимыхъ. Приведу дѣло, рѣшенное 23 января 1887 г. въ СПБ-гѣ, которое по богатству данныхъ можетъ удобно иллюстрировать высказанныя общія соображенія.

4-го августа 1886 г. около часу пополудни въ домѣ № 7 по Верейской улицѣ произошелъ пожаръ, причемъ, начавшись съ деревянныхъ надворныхъ строеній, огонь быстро распространился на сосѣдніе строенія и несмотря на всѣ принятыя къ тушенію мѣры, сгорѣлъ до основанія домъ

№ 7 по Верейской и надворныя строенія домовъ № 8, 10, 12 по Подольской улицѣ. Быстрота, съ которой распространился пожаръ, и мѣсто, откуда онъ начался, дали поводъ подозрѣвать поджогъ, который и былъ заявленъ на проживавшихъ въ домѣ № 7 крестьянина Дементьева и жену его. Предварительнымъ слѣдствіемъ были обнаружены слѣдующія данныя: 30-го мая 1886 г. Дементьевъ застраховалъ въ страховомъ обществѣ „Волга" оберточно-картонный бумажный товаръ и квартирное имущество, помѣщающіеся въ д. № 7 по Верейской улицѣ, въ 15,800 р. Вскорѣ послѣ этого до свѣдѣнія главнаго агента общества, Шклярскаго, дошло, что торговля Дементьева идетъ плохо, товара у него на лицо нѣтъ и что онъ, вообще, страхователь неблагонадежный. Вслѣдствіе этого, для осмотра товара, сложеннаго въ сараѣ дома № 7 по Верейской улицѣ, былъ командированъ агентъ Кучеровскій. Когда-же Дементьевъ не допустилъ его до осмотра товара, то Кучеровскій тутъ-же намѣревался вручить ему заявленіе общества въ томъ, что въ дальнѣйшемъ страхованіи ему отказано, но Дементьевъ затѣмъ скрылся, не принявъ заявленія. Кучеровскій передалъ его для передачи Дементьеву дворнику дома № 7, и вслѣдъ затѣмъ Дементьеву было послано нотаріальное заявленіе о томъ же и причитавшіяся къ возврату деньги 121 р. 26 к. были переданы въ контору нотаріуса Синельникова, отъ котораго Дементьевъ и принялъ ихъ 8-го іюля. Около 15-го числа Дементьевъ встрѣтился съ другимъ агентомъ этого общества, г. Эккъ, и заявилъ ему, что живущая въ д. № 7 по Верейской улицѣ вдова солдата Ложина желаетъ застраховать свое имущество. Придя въ указанное Дементьевымъ помѣщеніе, Эккъ осмотрѣлъ товаръ, заключавшійся въ оберточной бумагѣ и сложенный въ сараѣ, и затѣмъ принялъ его на страхъ за 7,000 р. Объявленіе было подписано фамиліей Ложиной. 4-го августа, во время пожара, на мѣсто пожара прибыли Шклярскій, Кучеровскій и Эккъ; первый вскорѣ уѣхалъ, а остальные остались до конца пожара. Замѣтивъ Ложину, сидѣвшую на улицѣ возлѣ нѣсколькихъ узловъ, Эккъ подошелъ къ ней съ распросами, какъ о количествѣ товара, бывшаго въ сгорѣвшемъ сараѣ, такъ и о количествѣ спасеннаго изъ квартиры имущества. По первому вопросу Ложина заявила, что товара было не болѣе 40 пудовъ, принадлежавшаго не ей, а Дементьеву. По поводу же сгорѣвшихъ вещей, подошедшій къ нимъ Дементьевъ сталъ разсказывать, что все сгорѣло, между прочимъ, и шарабанъ, который на слѣдующій день былъ найденъ вмѣстѣ съ другими вещами въ Разъѣзжей, въ д. № 54, въ сараѣ, принадлежавшемъ купцу Фокину. Въ то-же время было установлено, что бумага, бывшая въ сараѣ, горѣть не могла, что, будучи сложена въ сараѣ, такъ какъ ее нашли, она не горитъ, а тлѣетъ, что стоимость оказавшагося товара, принадлежащаго Дементьеву, но застрахованнаго лишь на имя Ложиной, значительно ниже 7,000 р. и, наконецъ, что Ложина неграмотная и подпись ея на объявленіи въ страховое общество сдѣлана однимъ изъ лицъ служащихъ, у Дементьева, по его приказанію.

Все изложенное подтверждено свидѣтелями и, кромѣ того, показаніями другихъ лицъ было установлено, что Дементьевъ, покупая у нихъ бумагу, былъ неисправнымъ плательщикомъ, по векселямъ платилъ трудно и, вообще, обороты съ ними имѣлъ самые незначительные.

Дворникъ же дома Тимофѣевъ и жившая въ этомъ домѣ Иванова показали, что у Дементьева въ сараѣ бывало товара немного, кипы по 4—5, не больше.

Дементьевъ и жена его не признали себя виновными и настаивали на томъ, что товара у нихъ было до 2,500 пуд., причемъ Н. Дементьевъ заявилъ, что застраховать свое имущество въ томъ же обществѣ, но уже отъ чужого имени, ему совѣтовали агенты общества Шклярскій и Эккъ.

Ложина удостовѣрила, что товаръ былъ застрахованъ безъ ея соглашенія.

Кромѣ того, показаніями сына домовладѣлицы, А. Игнатьева, и живущей въ томъ же домѣ Арбузовой и дворника Николаева установлено было,

что въ послѣднее время товара въ сараѣ было очень немного, а новаго не подвозили, по поводу чего самъ Дементьевъ высказывалъ, что въ кредитъ ему болѣе не отпускаютъ. Незадолго до пожара Дементьева ходила въ сарай, гдѣ была сложена бумага и въ расположенную рядомъ конюшню, гдѣ лошадь Дементьева оказалась отвязанною и поставленною хвостомъ къ яслямъ и съ надѣтымъ недоуздкомъ. На замѣчаніе Арбузовой, что изъ конюшни идетъ какой-то запахъ, Дементьева просила ее затворить дверь въ конюшню и вывести свою корову, безпокойно мычавшую на дворѣ; наконецъ, огонь съ самаго начала распространялся съ такой быстротой, что жену А. Игнатьева спасли чрезъ окно.

Присяжные засѣдатели признали, что 4-го августа былъ учиненъ поджогъ нежилого надворнаго строенія, находящагося въ одной общей связи съ обитаемымъ домомъ, причемъ сгорѣло нѣсколько домовъ.

Въ составѣ присяжныхъ было шесть интеллигентныхъ на шесть неинтеллигентныхъ. Одинъ изъ нихъ даже спросилъ свидѣтельницу, чѣмъ она объясняетъ то, что ея глазахъ изъ слуховаго окна конюшни повалилъ дымъ вслѣдъ за выходомъ Дементьевой изъ этой конюшни? „Не сѣно ли загорѣлось само?“ спросилъ онъ; хотя свидѣтели, на несчастіе *почти—очевидцы*, установили до извѣстной степени этотъ подозрительный выходъ Дементьевой, но отсутствовали какіе бы то нибыло признаки соглашенія на поджогъ между мужемъ и женой, не было никакихъ фактическихъ данныхъ, ограничиться же предположеніемъ о солидарности ихъ, какъ мужа и жены, присяжные не сочли возможнымъ; эта невозможность даже заставляла ихъ сомнѣваться въ самомъ фактѣ поджога. Дѣйствительно, противъ самаго Дементьева говорили только предположенія о выгодности и отдаленныя улики поведенія, въ родѣ, напримѣръ, застрахованія на имя Ложиной.

Поджогъ былъ тѣмъ не менѣе признанъ; вопросъ о томъ, кто его причинилъ, оставался открытымъ; бѣдность уликъ противъ Дементьева было такова, что защита серіозно настаивала на неполнотѣ предварительнаго слѣдствія, въ которомъ не было обслѣдовано поведеніе сосѣдей Дементьева, у которыхъ имущество тоже было застраховано: „они вѣдь тоже могли поджечь изъ корыстныхъ видовъ“, говорила защита, „и при томъ нарочно не свое имущество, а домъ сосѣда, вѣдь пожаръ уничтожилъ и ихъ имущество, такъ какъ сгорѣло нѣсколько строеній“. Этотъ случай интересенъ тѣмъ, что наглядно показываетъ, почему признаніе поджога доказаннымъ при отсутствіи обвиненія кого бы то ни было по дѣлу—вовсе не представляется столь страннымъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

При поверхностномъ взглядѣ на процессы о поджогахъ безъ анализа ихъ и не только по даннымъ газетныхъ отчетовъ, но даже по личнымъ наблюденіямъ въ судебной залѣ

вполнѣ возможно вынести такое впечатлѣніе, что присяжные оправдали несомнѣнныхъ поджигателей, и я приведу случай, который въ самомъ дѣлѣ породилъ такія мнѣнія.

4 февраля 1882 г. въ д. № 19 по Симбирской ул. въ СПБургѣ произошелъ поджогъ у нѣкоей Саллиненъ въ ея комнатѣ и у жильца ея Аллесберга въ его комнатѣ, расположенной рядомъ съ первой. Пожаръ былъ потушенъ въ самомъ началѣ и потому осмотръ мѣстности далъ рядъ цѣнныхъ указаній въ пользу поджога; въ разныхъ мѣстахъ комнатъ найдены были обгорѣвшія и не обгорѣвшія спички, какъ въ коробкахъ, такъ и безъ коробокъ; подъ кроватью, на столѣ и на кушеткѣ и внутри шкафа, на днѣ его были усмотрѣны большія керосинныя пятна, керосиномъ же была вымазана занавѣска окна; имущество Саллиненъ оказалось застрахованнымъ въ 850 р., а у Аллесберга—въ 1900 р. Между тѣмъ по осмотру всей меблировки въ обѣихъ комнатахъ оказалось вещей только на сто рублей. Обѣ комнаты незначительно обгорѣли въ разныхъ мѣстахъ, причемъ по осмотру перегородки между ними не найдено ни одного мѣста, которое обугливаніемъ или копотью указывало бы на то, что огонь сообщился изъ одной комнаты въ другую. Ни хозяйки, ни жильца въ моментъ пожара не было дома; по возвращеніи же изъ бани, куда онъ уходилъ, Аллесбергъ заявилъ, что при тушеніи пожара у него украдены золотые часы съ двума медальонами; эти часы онъ однако, какъ выяснилось впослѣдствіи, далъ спрятать знакомому. Подсудимая Саллиненъ происхожденіе пятенъ объясняла тѣмъ, что пролила жестянку съ керосиномъ подъ кроватью и затѣмъ пятна вытирала занавѣской, что на кушетку, вѣроятно, пролила керосинъ ея дѣвочка, а что на столѣ заправлялись лампы; затѣмъ она указала, что съ чугунной печи, стоявшей у перегородки часто спадала труба; эта труба, по ея предположенію, падая, разбила, горѣвшую въ ея отсутствіе, лампу, отчего огонь проникъ за перегородку къ Аллесбергу черезъ щель.

Уличаемая тѣмъ, что труба оказалась на мѣстѣ и даже не шаталась, что появленіе керосина на днѣ шкафа осталось ею необъясненнымъ, она измѣнила показаніе и прямо заявила подозрѣніе на Аллесберга, указывая, что онъ подговорилъ нѣкоего Лейнонена за 30 р. совершить этотъ поджогъ.

Въ свою очередь Аллесбергъ, также не признавая себя виновнымъ, показывалъ, будто бы Саллиненъ за недѣлю до пожара говорила ему, что хочетъ поджечь черезъ Лейноненъ, почему онъ, догадываясь о днѣ пожара, вынесъ и спряталъ часть своихъ вещей.

Два года прошли въ розыскахъ Лейнонена и найти его не удалось; свидѣтели многое перезабыли и дали очень сбивчивыя показанія, но свидѣтельница Ніеми удостовѣрила, со словъ самого Лейнонена, что послѣ пожара Саллиненъ давала ему 50 р. за то, что бы взять вину на себя.

Трудность рѣшенія вопроса о томъ, кто именно поджигатель изъ двоихъ, при томъ условіи, что физическаго виновника даже не было на лицо, усугублялась тѣмъ, что на судѣ появилось лицо, обыкновенно вносящее въ судебное слѣдствіе элементъ сомнѣнія, а именно—экспертъ.

Нерѣдко по поджогамъ въ качествѣ экспертовъ вызываются брантмейстеры, опытный глазъ которыхъ привыкъ отличать пожары случайные отъ поджоговъ; кромѣ того слож-

ныя явленія тяги воздуха, въ особенности въ горѣніи предметовъ разнаго рода и т. п., совершенно неподдающіяся теоретическимъ комбинаціямъ и вычисленіямъ,—разсматриваемыя въ данныхъ конкретныхъ условіяхъ, нерѣдко даютъ ключъ въ открытію преступленія. Такъ напримѣръ въ одномъ дѣлѣ о поджогѣ бумажнаго склада хозяинъ заявилъ, что толстыя, туго затянутыя, пачки большихъ листовъ бумаги сгорѣли дотла въ большомъ числѣ, почему онъ и требовалъ страховаго вознагражденія. Экспертъ-брантмейстеръ категорически заявилъ, что въ самомъ сильномъ огнѣ, упакованная такимъ обрюзомъ, бумага сгорѣть не можетъ, а только обугливается снаружи; такое заключеніе, сперва удивившее присяжныхъ, было однако ими принято и рѣшило дѣло.

Въ дѣлѣ Саллиненъ экспертомъ явился преподаватель химіи въ пиротехнической школѣ, относительно котораго было трудно рѣшить,—былъ ли онъ слишкомъ теоретиченъ или просто „умственно нерасторопенъ“. Я даже счелъ возможнымъ употребить послѣднее рѣзкое выраженіе въ рѣчи, такъ какъ оно, несомнѣнно, было мягче тѣхъ эпитетовъ, которые видимо сложились въ умѣ лицъ, слушавшихъ заключеніе эксперта. Чтобы не быть голословнымъ приведу выдержки.

Экспертъ допускалъ паденіе трубы, какъ причину пожара, но ввиду отсутствія прямой связи между огнемъ въ двухъ разныхъ комнатахъ, высказалъ слѣдующее: поднявшаяся отъ огня въ первой комнатѣ температура могла, по мнѣнію эксперта, дойдя до извѣстной высоты, вызвать воспламененіе въ сосѣдней комнатѣ разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ спичекъ и керосиновыхъ пятенъ; когда я осторожно высказалъ свое сомнѣніе по этому поводу, указывая на то, что нашлись, однако, цѣлыя коробки спичекъ, невоспламенившіяся вовсе, то экспертъ объяснилъ, что это могло произойти отъ неуловимо сложныхъ явленій тяги, которая могла быть различна въ разныхъ мѣстахъ.

Когда обрадованный защитникъ, стремясь обнаружить всю глубину столь выгодныхъ для него научныхъ соображеній, сталъ спрашивать, какое количество градусовъ по Реомюру достаточно для воспламененія керосина безъ огня, то экспертъ далъ совершенно точный отвѣтъ, что для этого достаточно 40°. Тогда мнѣ осталось побить эксперта его же оружіемъ, напомнивъ, что однако часть керосиновыхъ пятенъ и весьма обширныхъ имѣется въ мѣстахъ даже не обугленныхъ. Понявъ, что союзъ съ такимъ ученымъ можетъ только дискредитировать защиту, представитель защиты рѣшилъ осмѣять эксперта и предложилъ ему такой вопросъ: если въ тарелку съ кипяткомъ налить ложку керосину, то вѣдь керосинъ останется на поверхности и во всякомъ случаѣ быстро согрѣется выше 40°? На это экспертъ, не колеблясь, отвѣчалъ утвердительно. Когда затѣмъ защита спросила: „слѣдовательно произойдетъ самовозгораніе керосина?“ преподователь химіи, сдѣлавъ, повидимому, про себя нѣсколько попытокъ мышленія, отвѣтилъ довольно неувѣренно: „я думаю, что-да“. Невѣжественная публика покрыла эти слова смѣхомъ.

Пусть экспертъ былъ осмѣянъ присутствующими, но у присяжныхъ не могло не зародиться сомнѣнія въ самомъ фактѣ поджога, а мы уже знаемъ, что, если и можно предполагать съ достаточной вѣроятностью виновность, то относительно событія преступленія, именно поджога, присяжные всегда требуютъ фактически точныхъ и ясныхъ доказательствъ. Кромѣ того взаимные оговоры или, вѣрнѣе, инсинуаціи подсудимыхъ въ данномъ дѣлѣ не позволяли установить не только степень участія того или другого, но и самый фактъ виновности обоихъ или одного изъ нихъ. Дѣло представлялось такимъ образомъ неяснымъ, виновность каждаго изъ подсудимыхъ—сомнительной, а поджогъ—недоказаннымъ; поэтому присяжные 16 октября 1884 г. на во-

просы о каждомъ изъ подсудимыхъ—совершилъ ли онъ „самъ или чрезъ другое лицо“ поджогъ, отвѣтили отрицательно и иначе отвѣтить не могли.

Въ практикѣ нерѣдки случаи, когда поджигатели собственнаго имущества, удачно совершивъ одинъ поджогъ и получивъ страховое вознагражденіе, черезъ извѣстный промежутокъ времени повторяютъ свое преступленіе.

Я приведу два характерныхъ случая такого рода, такъ какъ присяжные и здѣсь проявляютъ ту особую строгость, съ которой относятся къ преступникамъ по ремеслу. Если въ такихъ дѣлахъ улики поведенія получаютъ особенно доказательный характеръ при сходствѣ, напримѣръ, пріемовъ поджигателя, то тѣмъ не менѣе возможность обвиненія въ такихъ поджогахъ только по уликамъ поведенія, по одной, слѣдовательно, вѣроятности все таки не приводитъ къ признанію состава преступленія, т. е. факта поджога на основаніи одной вѣроятности; слѣдовательно, выведенный выше законъ остается въ силѣ и для этихъ случаевъ.

Жена колежскаго ассесора Вѣра Ступина обвинялась въ томъ, что втеченіе 2-хъ лѣтъ (1882—1884 г.) совершила шесть поджоговъ, изъ которыхъ по пяти получила вознагражденіе; обвиненная безъ снисхожденія въ первыхъ случаяхъ, она была оправдана по послѣднему обвиненію, наиболѣе обстоятельно разслѣдованному, такъ какъ неумѣлая рѣчь повѣреннаго гражданскаго истца вселила въ присяжныхъ сомнѣніе въ самомъ фактѣ преступленія; я указываю на эту причину непризнанія шестаго поджога потому что въ сущности доказательствъ состава преступленія при ремесленномъ отношеніи къ дѣлу подсудимой Ступиной, было вполнѣ достаточно и однако при зародившихся сомнѣніяхъ присяжные не сочли возможнымъ переступить черезъ послѣднія, несмотря на громадную вѣроятность; въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, особенно наглядно видно. что одной вѣроятности, хотя бы и высокой степени, не достаточно для установленія факта поджога.

Требованіе точныхъ доказательствъ факта поджога не знаетъ никакихъ компромиссовъ у присяжныхъ засѣдателей; вслѣдствіе этого, если поджогъ давній, то положеніе обвинителя дѣлается очень труднымъ: уличающія мелкія подробности обстановки и поведенія исчезаютъ изъ памяти свидѣтеля, дѣлается почти невозможнымъ болѣе или менѣе

точный разсчетъ времени, а между тѣмъ почти всегда счетъ ведется на минуты и десятки минутъ; наконецъ все дѣло, что называется, вывѣтривается; такъ какъ въ большинствѣ случаевъ поджоги собственнаго имущества совершаются днемъ или же поздно вечеромъ, ибо необходимо создать вѣроятность нечаяннаго случая или неосторожнаго обращенія съ огнемъ, то и размѣры и послѣдствія пожара обыкновенно не очень серіозны; вслѣдствіе этого въ старомъ дѣлѣ на фонѣ поблѣднѣвшаго зарева остается въ сколько нибудь ясныхъ очертаніяхъ только фактъ мошенничества, учиненнаго надъ страховымъ обществомъ; я уже указалъ выше, насколько слабы шансы страховыхъ обществъ внушить присяжнымъ сочувствіе къ своему убытку; отсюда понятно, почему давность, имѣющая вообще большое значеніе на судѣ съ присяжными, въ разсматриваемыхъ нами дѣлахъ оказываетъ большое вліяніе въ пользу оправдательнаго исхода. Если въ связи съ этими соображеніями вспомнить, что присяжные засѣдатели, чередуясь въ рѣшеніи дѣлъ выступаютъ, такъ сказать, вполнѣ независимыми отъ прошедшаго, группами, т. е. несвязаны никакими прецедентами, то насъ уже не удивитъ тотъ фактъ, что 14 октября 1888 г. С.-Пбургскіе присяжные, разсматривая вновь тѣже шесть поджоговъ по отношенію къ другой сестрѣ, Еленѣ Ступиной, признали эти поджоги недоказанными. Имъ, разумѣется, было извѣстно, что годъ тому назадъ ихъ предшественники присяжные установили фактъ поджоговъ, но что это могло значить для нихъ, предъ которыми съ большими пробѣлами и неясностями возстановлялись подробности событій, имѣвшихъ мѣсто 4 и 6 лѣтъ тому назадъ. Нельзя не указать при этомъ еще и на слѣдующее: Елена Ступина, жившая въ домѣ замужней сестры, какъ бы даровой нянькой, неспособная къ заработку ввиду болѣзни, истеро-эпилепсіи, была совершенно въ рукахъ у Вѣры; улики поведенія, ко-

торыми была установлена виновность послѣдней, главнымъ образомъ заключались въ томъ, что послѣ каждаго пожара сестры разъѣзжались на разныя квартиры, а когда затѣмъ соединялись, то страховали имущество и горѣли; полная подчиненность Елены—Вѣрѣ, не исключая временныхъ ссоръ и попытокъ Елены устраиваться самостоятельно, могла также объяснять эти разъѣзды по отношенію къ послѣдней, что сильно говорило въ пользу ея; дѣйствительно, представлялось возможнымъ, хотя и не особенно вѣроятнымъ, что эта больная дѣвушка была игрушкой, а можетъ быть служила и безсознательнымъ орудіемъ для старшей сестры. Зная, что Вѣра уже осуждена, что поджоги относительно ея признаны, присяжные легко могли склониться къ мысли, что, выдѣленное въ вопросахъ, событіе преступленія должно устанавливаться ими не въ смыслѣ самодовлѣющаго факта: (такой фактъ уже былъ установленъ предъидущимъ приговоромъ), слѣдовательно, повторные вопросы о томъ же самомъ невольно связывались ими съ личностью Елены Ступиной, а эта послѣдняя представлялась имъ невиновной; итакъ отрицаніе самого событія преступленія могло означать, что относительно Елены Ступиной, какъ лица непричастнаго, эти шесть случаевъ были не поджогами, а пожарами.

Необходимо пояснить, что вопросъ о событіи преступленія въ сущности включалъ въ себѣ вопросъ о виновности, ибо относительно Елены, были поставлены вторые шесть вопросовъ о ненормальности ея умственныхъ способностей; видимо больная физически (припадки происходили во время засѣданія) она была предана суду только въ силу, уже разобраннаго мною выше, формализма 95 и 96 ст. Улож., такъ какъ врачи не признавшіе достаточно доказаннымъ ея ненормальное состояніе, высказали однако, что ненормальность психическая Елены Ступиной весьма вѣроятна. Изъ этого труднаго положенія присяжные вышли такимъ спосо-

бомъ, что, признавъ недоказанными фактическія обстоятельства первыхъ вопросовъ, получили возможность уклониться отъ разрѣшенія вторыхъ вопросовъ.

Можетъ быть сомнѣніе въ умственномъ здоровьи подсудимой привело присяжныхъ и къ сомнѣнію въ виновности; если и такъ понимать приговоръ объ Еленѣ Ступиной, то нельзя отказать ему въ логичности потому, что, какъ мы помнимъ, всѣ улики сводились къ уликамъ поведенія.

То обстоятельство, что Елена Ступина судилась отдѣльно отъ сестры никакъ не можетъ быть отнесено къ разряду обстоятельствъ, повышающихъ вѣроятность оправдательнаго приговора, напротивъ, и мы не разъ уже встрѣчались съ этимъ закономъ, второстепенный участникъ, судимый одновременно съ главнымъ виновнымъ, всегда имѣетъ больше шансовъ на оправданіе; иллюстрировать это можетъ нижеслѣдующее дѣло, рѣшенное Московскими присяжными 10 Марта 1895 г. которое я позволю себѣ привести въ подробномъ изложеніи, такъ какъ оно чрезвычайно типично для дѣлъ этого рода.

20-го мая 1890 г. въ домѣ Нейштадта, на Большой Никитской, въ пуховомъ заведеніи жены кол. рег. Татьяны Щепетовой, около 10-ти часовъ вечера вспыхнулъ пожаръ, и огонь такъ быстро распространился по всему заведенію, что бывшая у Щепетовой въ гостяхъ кр. Логинова, желавшая спастись заднимъ ходомъ, въ смежной съ магазиномъ комнатѣ отъ густаго и ѣдкаго дыма упала безъ чувствъ и, хотя вскорѣ же была вынесена оттуда брантмейстеромъ, въ ту же ночь умерла. Магазинъ Щепетовой былъ застрахованъ въ 3.500 р. въ Сѣверномъ страховомъ Обществѣ и по доносу нѣкоего отст. ротмистра Похвистнева, заявившаго, что онъ слышалъ отъ мастерицъ Щепетовой, что магазинъ былъ подожженъ самою Щепетовою, возбуждено было уголовное дѣло, которое, однако, по недостатку уликъ, было прекращено.

Послѣ этого Щепетова перевела свое заведеніе въ д. Бенкендорфа, на Моховой, и вновь застраховала товаръ, инструменты и обстановку магазина въ 3 т. р. Дѣло на новомъ мѣстѣ пошло, должно быть, очень плохо, потому что Щепетова въ скоромъ времени стала публиковать въ газетахъ о продажѣ заведенія. По публикаціямъ являлись смотрѣть многіе, но никто не покупалъ, хотя Щепетова продавала все заведеніе всего за 2 т. р. и кромѣ того выражала готовность полгода безплатно руководить дѣломъ.

26-го марта 1894 года Щепетова вмѣстѣ съ пришедшею къ ней въ этотъ день кр. Исаевою, заперевъ магазинъ, уѣхала къ Троицѣ. Это было въ 6 часовъ вечера, а часа черезъ два въ магазинѣ былъ замѣченъ огонь. Дворникъ, пригласивъ полицію, взломалъ двери и, войдя въ магазинъ, уви-

дѣлъ, что горитъ въ шкафу. Пожаръ только-что еще начинался и былъ сейчасъ же потушенъ.

Возникло новое слѣдствіе, которымъ было обнаружено, что Щепетова, пріѣхавъ съ Исаевой въ Троицкій посадъ, къ немалому удивленію администраціи монастырской гостинницы, въ которой она остановилась, потребовала, чтобы непремѣнно прописали ея паспортъ въ полиціи, а на другой день отправилась по всему посаду разыскивать московскія газеты и, прочитавъ въ нихъ извѣстіе о пожарѣ въ ея магазинѣ, стала просить завѣдующаго гостинницей выдать ей удостовѣреніе о томъ, что 26-го марта вечеромъ она была уже въ гостинницѣ. Тогда одинъ изъ корридорныхъ подъ ея диктовку написалъ опись ея имущества и товара. Опись эту по возвращеніи въ Москву она представила въ страховое Общество и просила уплатить ей 3 т. р., увѣряя, что имущества у нея сгорѣло тысячъ на семь, какъ показано въ описи, которая была составлена ею будто бы еще за полгода до пожара.

Къ выясненію дѣйствительной стоимости имущества Щепетовой могло служить только показаніе свидѣтеля Кудрявцева, который являлся къ ней по публикаціи смотрѣть заведеніе. По его словамъ, товара было всего рублей на 350, на 400, а обстановка и другая движимость стоили не болѣе 200 р., инструменты всѣ были очень стары и плохи, почему онъ и не купилъ заведенія.

Когда добыты были всѣ эти данныя, возобновлено было и прежнее дѣло и Щепетова вмѣстѣ съ Исаевой преданы были суду за два поджога.

Относительно пожара 26-го марта прошлаго года судебное слѣдствіе не дало ничего новаго, а по отношенію къ пожару 20-го мая 1890 года было выяснено слѣдующее.

Дня черезъ три или четыре послѣ этого пожара отст. ротм. Похвистневъ заявилъ полиціи, что у него на квартирѣ проживаетъ бывшая мастерица Щепетовой, Надежда Степанова, которую часто посѣщаетъ ея сестра Александра, жившая и до сихъ поръ у Щепетовой, и что отъ послѣдней онъ слышалъ, что Щепетова подговаривала мастерицъ за 500 р. поджечь магазинъ, когда же ни одна изъ нихъ не согласилась, она сказала, что въ такомъ случаѣ подожжетъ его сама, такъ какъ дѣло идетъ очень плохо и нужно съ нимъ развязаться. Степановы подтвердили это на допросѣ, причемъ Надежда Степанова показала еще, что Щепетова задолго до пожара перевезла болѣе цѣнныя вещи изъ своей одежды къ знакомой монахинѣ Никитскаго монастыря, а куръ, которыхъ она очень любила и держала всегда подъ прилавкомъ въ магазинѣ, отвезла къ одной просвирнѣ, говоря всѣмъ, будто продала ихъ. Затѣмъ, по словамъ Надежды Степановой, не жившей уже въ это время у Щепетовой, а слышавшей объ этомъ отъ другихъ, облила сѣно подъ прилавкомъ, на которомъ сидѣли прежде куры, керосиномъ, а у лампы, висѣвшей надъ прилавкомъ, разогнула кольцо въ одной изъ цѣпей, на которыхъ та висѣла. За нѣсколько дней до пожара у Щепетовой были гости и она вздумала зажечь лампу, но только-что она потянула лампу книзу, цѣпочка оборвалась и лампа упала. Щепетова сказала при этомъ гостямъ: вѣдь вотъ, если бы лампа была уже зажжена, то непремѣнно бы пожаръ случился. Самый пожаръ, по словамъ свидѣтелей, произошелъ при такихъ обстоятельствахъ. Вечеромъ 20-го мая къ Щепетовой пришли двѣ старушки, Логинова и Исаева, и пока мастерицы ставили самоваръ, о чемъ-то тихо разговаривали съ Щепетовою въ магазинѣ. Когда самоваръ былъ поданъ, Щепетова пришла пить чай вмѣстѣ съ мастерицами въ комнату за магазиномъ, а Исаевой и Логиновой отнесли чай въ магазинъ, и онѣ пили его стоя у прилавка, на которомъ стояла зажженная лампа. Вдругъ въ магазинѣ что-то упало и разбилось, и Щепетова сейчасъ же закричала: „пожаръ"! и бросилась въ магазинъ, гдѣ дѣйствительно уже горѣлъ прилавокъ и одинъ изъ шкафовъ. Щепетова, двѣ мастерицы и Исаева бросились всѣ изъ магазина черезъ наружную дверь, а

Логинова побѣжала въ сосѣднюю съ магазиномъ комнату, гдѣ, какъ извѣстно уже, и задохнулась отъ дыма.

Подсудимыя не признали себя виновными, говоря, что причина послѣдняго пожара имъ совсѣмъ неизвѣстна, а первый пожаръ произошелъ отъ опрокинутой лампы. Лампа эта прежде висѣла надъ прилавкомъ, а послѣ того, какъ оборвалась цѣпочка, ее стали ставить, но она была очень неустойчива. Мастерицы, по словамъ Щепетовой, послѣ пожара грозили ей показать противъ нея, если она имъ не дастъ 300 р. Она не дала, вотъ онѣ и показываютъ.

Легко видѣть, что Щепетова уличалась въ сущности только данными поведенія, а именно поступками, свидѣтельствовавшими о томъ, что она, не имѣвъ извѣстій изъ Москвы, видимо знала о происшедшемъ у нея въ магазинѣ пожарѣ; этого одного оказалось достаточнымъ для обвиненія 64-лѣтней женщины. Ея сообвиняемая, 69 лѣтъ, женщина очень недалекая, почти глуповатая, была оправдана ввиду почти такихъ же соображеній, какъ соображенія, обусловившія оправданіе Елены Ступиной; при этомъ для нея былъ чрезвычайно выгоденъ контрастъ съ энергичной Щепетовой, командиршей по натурѣ.

Это дѣло представляется тѣмъ болѣе аналогичнымъ съ предъидущимъ, что и здѣсь по поджогу 1890 г., поджогу уже вывѣтрившемуся, не смотря на человѣческую жертву огня, Щепетова была оправдана по недостатку доказательствъ факта поджога, хотя уличающихъ ее показаній мастерицъ при другихъ обстоятельствахъ было бы вполнѣ достаточно для обвиненія.

II.

Законъ нашъ, вообще говоря, строже относится къ кражѣ, чѣмъ къ мошенничеству; предполагается, что нужно, имѣть больше дерзости, чтобы ночью, часто не взирая на запоры, а тѣмъ болѣе днемъ, рискуя быть захваченнымъ на мѣстѣ, похитить чужое, которое сразу можетъ превратиться въ поличное; считается вѣроятнымъ, что большин-

ство людей при достаточной осторожности легче убережется отъ обмана, которымъ приходится прикрываться похитителю, рѣшившемуся на мошенничество.

Современная жизнь выработала такія формы мошенничества, что такой взглядъ долженъ быть признанъ устарѣлымъ. Судебная практика содержитъ богатый матеріалъ, изъ котораго видно, что самый осторожный человѣкъ можетъ очутиться въ положеніи мудреца, на котораго довольно простоты; изобрѣтательность и дерзость современныхъ мошенниковъ, убытки причиняемыя этимъ преступленіемъ, возможность обогащенія въ отдѣльныхъ случаяхъ т. е. возможность періодическихъ, если не постоянныхъ кутежей и значительная вѣроятность безнаказанности для тѣхъ, кто совершаетъ мошенничество на границахъ уголовной и гражданской неправды—создаютъ картину столь яркую, что рядомъ съ ней тускнѣютъ сѣрые будни „карманниковъ" и „громилъ"; эти послѣдніе въ рѣдкихъ случаяхъ только успѣваютъ пріобрѣсти настолько, чтобы отложить на черный день; большая доля добычи остается въ рукахъ скупщиковъ и укрывателей; къ тому же въ громадномъ большинствѣ случаевъ вора побуждаетъ къ преступленію нужда, въ то время, какъ мошенничество чаще всего имѣетъ мотивомъ корысть или жажду наслажденій. Пониманіе этой общественной и нравственной разницы обоихъ преступленій дѣлаетъ то, что присяжные гораздо строже относятся къ мошенничеству, чѣмъ къ кражѣ.

Если кражи въ большинствѣ случаевъ совершаются подъ давленіемъ плохихъ матеріальныхъ условій и въ этомъ смыслѣ едва ли могутъ быть названы даже у рецидивиста—ремесломъ, то наоборотъ, очень часто на первомъ же дѣлѣ о мошенничествѣ обвиняемый оказывается привычнымъ преступникомъ, организовавшимъ рядъ систематическихъ обмановъ (обираніе залоговъ, вовлеченіе въ невыгодныя сдѣлки

и т. п.) въ прибыльное дѣло, дающее вѣрный и крупный доходъ. Ясно, что характеръ дѣятельности при мошенничествѣ почти всегда имѣетъ рѣзко выраженный оттѣнокъ наступательнаго дѣйствія; уже выше было сказано, что кража, представляется все чаще и чаще печальнымъ видомъ самозащиты противъ скудости и потому носитъ преимущественно оборонительный характеръ.

Хищникъ, *наступающій,* въ глазахъ присяжныхъ опаснѣе, безнравственнѣе всякаго другого; вотъ чѣмъ приходится объяснять тотъ фактъ, что въ моей практикѣ обвинительный процентъ по мошенничеству выше другихъ, а именно онъ составляетъ 79,31%.

Этотъ наступательный характеръ такъ рѣзко выраженъ въ мошенничествѣ, что я считаю умѣстнымъ разсмотрѣть это преступленіе непосредственно за поджогомъ собственнаго застрахованнаго имущества, которое нерѣдко именуется—*огненнымъ мошенничествомъ*; въ случаяхъ повторнаго поджога, какъ напримѣръ въ дѣлѣ Ступиной, оно даже можетъ быть названо—*огненнымъ хозяйствомъ.*

Познакомившись ниже съ разными типами мошенничества, мы встрѣтимъ особенно опасный типъ сообществъ, вся дѣятельность которыхъ, взятая въ совокупности, оставляетъ позади себя не хуже иного пожара цѣлыя толпы обездоленныхъ.

Мы уже видѣли, что чисто формальная 1354 ст. Ул. о поддѣлкѣ торговыхъ клеймъ оживаетъ на судѣ присяжныхъ, когда преступленіе оказывается направленнымъ на публику въ смыслѣ мошеннической продѣлки. Часто, идя далѣе Сенатскихъ толкованій, присяжные всякое обогащеніе обманомъ, насчетъ другого совершенное, признаютъ мошенничествомъ, какой бы обманъ ни лежалъ въ основѣ перехода имущества; разумѣется самый мелкій обманъ отъ котораго нельзя уберечься ввиду сложной организаціи преступнаго предпрія-

тія, иногда шайки, признается вполнѣ достаточнымъ для состава преступленія; многообразіе видовъ мошенничества не рѣдко приводитъ къ тому, что присяжные даютъ обвиненному снисхожденіе, но встрѣчаются приговоры, когда вызванные на это снисхожденіе видомъ 16-ти лѣтняго подсудимаго, присяжные не позволяютъ себѣ идти далѣе по пути смягченія и согласно съ фактами признаютъ въ тоже время, что подсудимый дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ.— Для процессовъ о мошенничествѣ, приводимыхъ ниже, наиболѣе удобной классификаціей представляется распредѣленіе ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: по субъекту, въ особенности по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ и привиллигированнымъ; затѣмъ по особымъ отношеніямъ, въ которыя субъектъ сталъ къ жертвѣ, причемъ это могутъ быть отношенія, созданныя ad hoc или отношенія естественныя, которыми преступникъ злоупотребилъ; это могутъ быть также отношенія нравственныя или дѣловыя.

Здѣсь мы касаемся дѣленія на основаніи способа дѣйствія и объекта; къ ученію о послѣднемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Н. С. Таганцевъ [1]), должны быть относимы качества личности пострадавшаго и свойства вещей, разрушаемыхъ или поврежденныхъ преступныхъ дѣяніемъ; наконецъ къ способу дѣйствія, т. е. къ ученію о преступномъ дѣйствіи, относится дѣленіе разсматриваемыхъ случаевъ по признаку организаціи самого преступнаго предпріятія, напр. шайки для мошенничества, устройство фиктивной конторы для той же цѣли и т. п.

Въ этомъ порядкѣ я и дамъ анализъ ряда приговоровъ о мошенничествѣ. Къ этой же группѣ преступленій я отнесу родственное преступленіе, съ такимъ же рѣзко выраженнымъ наступательнымъ характеромъ, принужденіе силою или угро-

---

[1]) Кур. Уг. Пр. Кн. I стр. 180. СПБ. 1874 г.

зами къ выдачѣ обязательствъ. Такая система удобна еще потому, что слѣдующая глава начнется съ анализа преступленія, весьма близкаго къ послѣднему, а именно—съ разбоя. Постараюсь иллюстрировать изложенное выше въ сжатой по возможности формѣ.

Втеченіе мѣсяца времени весной 1893 г. крестьянка Ермолаева успѣла обобрать на улицахъ г. Петербурга одиннадцать дѣтей отъ 5 до 12 лѣтъ, обманывая ихъ тѣмъ, что ея барыня дастъ подарки на бѣдность дѣвочкѣ, явившейся въ бѣдной одеждѣ, для этой цѣли, по ея словамъ, необходимо было отдавать ей на сохраненіе серьги, кольца и даже части одежды, напримѣръ шубку; указавъ дѣвочкѣ на ближайшій подъѣздъ, Ермолаева скрывалась съ вещами. Цѣлый рядъ пострадавшихъ и матеріально, и физически отъ воспитателей дѣтей прошелъ предъ присяжными и это привело къ тому, что присяжные обвинили Ермолаеву безъ снисхожденія; надо замѣтить, что она еще ранѣе уже два раза была осуждена за такія же мошенничества и выслана изъ Петербурга; тѣмъ не менѣе, принявъ въ разсчетъ, что подсудимая не могла имѣть заработковъ въ столицѣ, присяжные, которымъ было поставлено одиннадцать вопросовъ совершенія преступленія по крайности, признали крайность доказанной, однако только въ одномъ случаѣ—при совершеніи перваго мошенничества.

Нельзя не отмѣтить и здѣсь этой тонкой черты— фактической добросовѣстности, немыслимой на коронномъ судѣ по ея юридической безцѣльности, между тѣмъ несомнѣнно было по дѣлу, что отъ второго преступленія къ третьему и т. д. Ермолаева, очень удачно выбиравшая жертвы, пользовалась сравнительнымъ достаткомъ.

Въ случаѣ мелкихъ мошенничествъ, перемежающихся съ кражами и растратами и совершаемыхъ людьми, дѣйствующими хотя бы и по своей винѣ, присяжные засѣдатели относятся къ обвиняемому почти также, какъ къ вору, т. е. не считаютъ его „нападающимъ“ хищникомъ, а иногда предполагаютъ и возможность исправленія; если при такихъ условіяхъ обвиняется лицо привиллегированное, то оно можетъ разсчитывать на снисхожденіе; два одинаковыхъ случая такого рода покажутъ, какіе оттѣнки замѣчаются въ вердиктахъ въ зависимости отъ личности подсудимаго.

Дворянинъ Жуковъ былъ обвиненъ 21-го сентября 1889 года въ С. Петербургѣ, причемъ слѣдствіе не производилось, такъ какъ онъ сознался въ трехъ мелкихъ мошенничествахъ; отецъ его отказался свидѣтельствовать по дѣлу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „я заявлялъ правительству, что не могу держать сына у себя, но не хочу давать показанія, такъ какъ пришлось бы прибавить, а это тяжело“.

Обвинивъ подсудимаго и давъ ему снисхожденіе, присяжные—случай исключительный—собрали ему денегъ, очевидно предполагая въ немъ жертву-

общественныхъ и матеріальныхъ условій и надѣясь добрымъ отношеніемъ къ нему способствовать его исправленію.

Другой дворянинъ, Адамовичъ, былъ обвиненъ 22 января 1892 года СПБургскими присяжными въ совершеніи пяти мелкихъ кражъ и трехъ мелкихъ мошенничествъ; слѣдствіе не производилось, было только спрошено двое изъ потерпѣвшихъ; мошенничества заключались въ томъ, что по подложнымъ письмамъ отъ портнихи, которую онъ выдавалъ за свою любовницу (повидимому ложно), онъ получалъ деньги съ заказчицъ.

Длинный разсказъ о бѣдствіяхъ, началомъ которыхъ была неудачная женитьба, привелъ присяжныхъ къ противоположному выводу, а именно, что подсудимый пьяница и драчунъ, безнадежный рецидивистъ и что онъ и ихъ пробуетъ обмануть. Защита настаивала на семейномъ горѣ и нуждѣ; присяжные, допустивъ первое, дали подсудимому снисхожденіе, но отвергли крайность, какъ бы говоря Адамовичу, что онъ ихъ не обманетъ, что не нужда, а дурное поведеніе привело его къ ряду преступленій.

Такимъ образомъ мы видимъ, что привиллегированное состояніе подсудимаго, даже въ мелкихъ случаяхъ, даже при несчастно сложившейся жизни не вызываетъ присяжныхъ на оправдательный приговоръ при обвиненіи въ мошенничествѣ, хотя бы они видимо разсчитывали на исправимость преступниковъ; не то увидимъ мы при кражѣ. Итакъ, мошенникъ, по понятіямъ присяжныхъ, скорѣе подлежитъ изверженію изъ привилегированнаго состоянія, чѣмъ даже воръ,

Съ легкой руки Ивана Александровича Хлестакова въ русской жизни повторяются отъ времени до времени случаи, когда самозванные ревизоры успѣваютъ, пользуясь простотой обывателей, поживиться на ихъ счетъ; русская жизнь стала съ тѣхъ поръ серіознѣе и потому, если наивность обывателя и мало измѣнилась и такіе обманы возможны и теперь, то съ другой стороны современные Хлестаковы уже не прибѣгаютъ къ мягкимъ оборотамъ вродѣ „поиздержался маленько въ дорогѣ“, а прямо требуютъ, угрожая законными или незаконными преслѣдованіями.

Такъ напримѣръ, нѣкто Ложковъ, явился въ село Грузино и, остановившись въ гостинницѣ, потребовалъ къ себѣ жандарма и назвавшись губернскимъ ветеринарнымъ врачемъ успѣлъ собрать съ владѣльцевъ скота подъ разными предлогами 8 р; дерзость его дошла до того, что онъ потребовалъ къ себѣ фельдшера, который однако не призналъ его и изобличилъ; на судѣ Ложковъ сознался, почему ему и дано было снисхожденіе.

Въ другомъ случаѣ нѣкто Даниловъ 28-го октября 1886 г., выдавая себя за члена управы и дѣлая видъ, что что-то записываетъ въ пачкѣ бумагъ, обиралъ торговцевъ, причемъ не стѣснялся дѣлать это при городо-

вомъ, которому даже показывалъ, сколько онъ собралъ денегъ. Вопреки очевидцамъ онъ отвергалъ на судѣ свою вину, почему и не получилъ снисхожденія

Третій случай представляетъ особенности, гдѣ легкомысліе подсудимаго доходитъ почти до хлестаковской высоты. 19-го іюня 1892 года въ 10-мъ часу утра отставной ефрейторъ Ильинъ, встрѣтивъ въ корридорѣ своей квартиры въ СПБургѣ разнощика, спросилъ: при немъ ли жестянка? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ повелъ его черезъ Преображенскій плацъ въ участокъ, ссылаясь на то что онъ „гласный Управы"; среди плаца онъ остановился и усмотрѣвъ, что на товарѣ разнощика, на пакетѣ съ кофе, нѣтъ адреса, отобралъ его и потребовалъ еще 2 р. денегъ за освобожденіе разнощика; получивъ только 60 к. послѣ ожесточеннаго торга онъ, отпустивъ послѣдняго, вернулся домой; напившись здѣсь до пьяна, онъ проспалъ до вечера на своей квартирѣ, гдѣ его нашли на постели, рядомъ съ отобраннымъ кофе. Нужно ли прибавлять, что недогадливый разнощикъ, только благодаря встрѣчѣ съ знакомымъ, сообразилъ, что на квартирѣ Ильина должны знать кто онъ; но необыкновенная дерзость и безпечность послѣдняго заставила присяжныхъ особенно вглядѣться во внутреннія стороны преступленія. Оказалось, что при безукоризненномъ до сихъ поръ поведеніи этотъ полуграмотный ефрейторъ провелъ всю ночь до встрѣчи съ разнощикомъ на имянинахъ, откуда вышелъ въ томъ особенномъ состояніи головы, которое бываетъ у крѣпкихъ на вино людей послѣ сильной попойки; трезвый на видъ, онъ, повидимому, совершенно искренно заявлялъ, что ничего изъ того что было не помнитъ, но ввиду найденнаго кофе прибавлялъ: „должно быть я это сдѣлалъ". Присяжные оправдали его, признавъ, что такое состояніе головы равносильно безпамятству, какъ по отсутствію соображенія послѣдствій и невозможности руководить собой, такъ и по вѣроятности нелѣпыхъ поступковъ.

Характеристика потерпѣвшихъ и ихъ отношенія къ обвиняемымъ имѣетъ громадное, почти рѣшающее значеніе въ дѣлахъ о мошенничествѣ; при этомъ присяжные тонко различаютъ, сложились ли эти отношенія сами собою, исподоволь или были подстроены виновнымъ въ видахъ болѣе удачнаго совершенія преступленія; въ послѣднемъ случаѣ подсудимому нечего разсчитывать на снисхожденіе; въ случаяхъ перваго рода возможны и оправданія, имѣющія характеръ укора по адресу потерпѣвшаго.

Приведу процессъ, въ которомъ счастливо для моей задачи соединились три рода потерпѣвшихъ и двое подсудимыхъ, мужъ и жена, причемъ относительно послѣдней проявилъ свое дѣйствіе законъ о томъ, что жена не отвѣчаетъ при мужѣ.

Дѣйствіе этого закона по отношенію къ супругамъ Б. тѣмъ болѣе замѣчательно, что рядомъ съ мужемъ, полу-

образованнымъ захудалымъ дворяниномъ, госпожа Б. представлялась личностью, повидимому, самостоятельной, благодаря нѣкоторой литературной извѣстности, и несомнѣнно болѣе умной, чѣмъ онъ; защитникъ усиленно подчеркивалъ ея литературныя занятія, указывая, что высокое умственное развитіе при художественномъ талантѣ рѣдко соединяется съ пониманіемъ вещей практики и умѣніемъ жить; ввиду этого, по мнѣнію защиты, въ этой области давленіе, оказываемое мужемъ на жену, не могло встрѣчать противодѣйствія, тѣмъ болѣе, что касалось заключенія займовъ у частныхъ лицъ на поддержаніе совершенно разстроеннаго хозяйства.

Обыкновенно оба супруга съ рыданіями сообщали потерпѣвшему о томъ, что у нихъ пропадаютъ въ залогѣ билеты, выигравшіе, будто бы, 40,000, и получали отъ него всѣ наличныя деньги, а иногда обманутый закладывалъ для нихъ свои вещи; такъ были обмануты трое: Смирновъ, Желвакова и акушерка Цвѣтикова. Смирновъ, попавшись на нѣкоторую сумму, живетъ потомъ цѣлое лѣто у супруговъ Б. что было истолковано присяжными безъ какихъ либо фактическихъ данныхъ въ томъ смыслѣ, что онъ не только помирился со своимъ убыткомъ, но даже смотрѣлъ на него, какъ на поводъ для сближенія съ этимъ семействомъ; потерпѣвшая Желвакова, заявившая на судѣ, что не хочетъ преслѣдовать обвиняемыхъ, была скомпрометтирована тѣмъ, что взяла для Б. у нѣкоего Лепешкина его выигрышный билетъ для заклада, увѣривъ Лепешкина, будто бы она сама выиграла 40,000; такая услужливость, доходившая почти до соучастія, разумѣется, заставила присяжныхъ согласиться съ Желваковою въ томъ, что ее не слѣдуетъ признавать потерпѣвшею.

Акушерка Цвѣтикова, принимавшая у Б. и не получившая за это никакого вознагражденія, тронутая ихъ рыданіями, сама оказала имъ денежную помощь, попавшись на туже басню о выигрышѣ; ея положеніе представлялось поэтому вдвойнѣ обиднымъ; въ этомъ мошенничествѣ и только въ немъ одномъ дворянинъ Б. былъ признанъ виновнымъ, хотя и заслуживающимъ снисхожденія; можетъ быть послѣднее являлось средствомъ смягчить контрастъ, создавшійся между положеніями двухъ супруговъ, вмѣстѣ добывавшихъ и тратившихъ, между тѣмъ, какъ одинъ оказывался обвиненнымъ, а другой совсѣмъ свободнымъ отъ отвѣтственности.

Разскажу три случая, особый характеръ которыхъ привелъ къ обвинительнымъ вердиктамъ безъ снисхожденія; суть ихъ сводится къ слѣдующему: потерпѣвшими были женщины; первая — въ роли обманутой невѣсты, вторая — почтенная старуха, заступившая подсудимому мѣсто матери и третья — тоже старушка, довѣрившая свои дѣла 60 лѣтнему кузену, который путемъ подмѣна предложенной къ подписи довѣренности, получилъ все ея имущество ввидѣ вклада изъ банка.

Этотъ послѣдній, статскій совѣтникъ Шмидтъ, уличался, какъ ложными публикаціями о потери квитанціи, такъ и несообразнымъ текстомъ пяти послѣдовательно смѣнявшихся довѣренностей, причемъ эта смѣна производилась ради того, чтобы обойти осторожную старушку, подложивъ въ наиболѣе удобный моментъ нужную для совершенія преступленія довѣренность. Такимъ образомъ съ дѣловой точки зрѣнія всѣ операціи представлялись правильными и главное значеніе для сформированія убѣжденія въ присяжныхъ имѣла картина отношеній, воспроизведенная на судѣ потерпѣвшею, которая послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ знакомства поняла истинный смыслъ поведенія стараго родственника, неизмѣнно при прощаніи крестившаго и цѣловавшаго лобъ „Лизочки".

Дѣло крестьянина Воронцова и купца Виноградова, рѣшенное въ январѣ 1887 г., интересно потому, между прочимъ, что обвинительный безъ снисхожденія приговоръ былъ названъ однимъ изъ членовъ коронннаго суда: фарисейскимъ.

Воронцовъ вмѣстѣ съ Виноградовымъ, выдавъ любовницу перваго за невѣстку предъ дѣвушкой, относительно которой Воронцовъ игралъ роль жениха, выманили у послѣдней единственныя ея деньги 700 р., ссылаясь на то, что у Воронцова, будто бы, купленъ отъ Виноградова вагонъ овса подъ задатокъ, который пропадетъ, если не послѣдуетъ уплаты. Потерпѣвшая, вѣрившая въ то, что въ недалекомъ будущемъ ихъ хозяйство будетъ общее, дала и потеряла свои деньги. И здѣсь дѣловая сторона была въ порядкѣ, т. е. былъ на лицо счетъ Виноградова, подписанный Воронцовымъ, правда—не былъ окончательно установленъ отрицательный фактъ (что и естественно)—отсутствія овса, но за то чрезвычайно рельефно было доказано предумышленное, фиктивное „жениханье" Воронцова; чувствовалось, что центръ тяжести обвинительнаго вердикта, въ томъ, что довѣріе, послужившее къ обогащенію на чужой счетъ, было куплено крайне безнравственнымъ обманомъ.

Вотъ что подало поводъ коронному судьѣ заподозрить присяжныхъ въ фарисействѣ и что съ другой стороны можетъ быть привело бы судей—юристовъ къ оправдательному приговору; смѣю думать, что вердиктъ присяжныхъ въ данномъ случаѣ болѣе соотвѣтствуетъ живому чувству справедливости. Въ третьемъ процессѣ фигурировала вдова знаменитаго балетмейстера Б. мать балерины и танцовщика,

крайняя наивность которой, какъ почва для обмана, стояла въ тѣсной связи съ изолированностію балетнаго міра; сынъ ея, уже сѣдой, производилъ на судѣ впечатлѣніе краснощекаго мальчика, съ неподдѣльнымъ восторгомъ и благоговѣніемъ говорившаго о матери; все міросозерцаніе этой матери комбинировалось изъ красивыхъ сочетаній костюмовъ, пируэтовъ и волшебныхъ декорацій. Эта восторженная старушка, прожившая жизнь въ Россіи, крайно плохо понимала русскій языкъ, совершенно обходясь безъ него въ жизни, а въ отношеніи дѣловомъ забавно увѣренно твердила на судѣ, что если дѣлаютъ „acte de confiance", то всегда можно сдѣлать—„acte de retour". Такъ и осталось неразъясненнымъ, что она понимаетъ подъ послѣднимъ терминомъ; между тѣмъ подъ именемъ acte de confiance, подъ видомъ довѣренности на производство ремонта въ суммѣ 900 р., подсудимый совершилъ купчую крѣпость, по которой пріобрѣталъ дачи за 900 р. Первый нотаріусъ, къ которому Серебряковъ привезъ потерпѣвшую, видя, что она сознательно киваетъ головой только при знакомой ей цифрѣ 900, а больше недоумѣло смотритъ вокругъ себя, отказался совершить купчую; не сконфуженный этимъ Серебряковъ перекочевалъ къ нотаріусу У., который не сталъ задумываться надъ такими мелочами. Личность подсудимаго надо разсмотрѣть поближе. Письмоводитель мѣстнаго Мирового Судьи, изъ молодыхъ, да ранній, онъ безъ всякого стѣсненія утверждалъ, что дачи—подарокъ полюбившей его старушки, между тѣмъ рядомъ свидѣтелей было установлено не только то, что эта старушка до послѣдняго времени жила уроками французскаго языка, которыми подняла на ноги дѣтей, но и то, что совершивъ купчую, подсудимый значительное время ради безопасности прикидывался управляющимъ на дачахъ, принадлежащихъ Б., успѣлъ забрать впередъ часть дохода и сдѣлалъ дополнительный закладъ дачъ.

Итакъ присяжнымъ предстояло ломать правильную съ формальной стороны сдѣлку, сдѣлку нотаріальную, разрушать закладныя и договоры найма и они не отступили передъ такой задачей.

Здѣсь точно также ими было придано громадное значеніе нравственной сторонѣ, а въ числѣ доказательствъ фигурировала справка изъ канцеляріи того Мирового Суда, у котораго служилъ Серебряковъ; справка эта гласила, что въ дѣлахъ этого участка имѣлось дѣло нѣкоего Перова, очевидно извѣстное Серебрякову, какъ письмоводителю и служившее образцомъ послѣднему для задуманной и сыгранной имъ съ Б. преступной комедіи. Статья 1688 Ул., подъ которую подводятся обыкновенно такіе случаи, имѣетъ свою очень назидательную исторію. Текстъ ея постепенно измѣнялся въ зависимости отъ того, что жизнь все расширяла способы обманнаго вовлеченія въ невыгодную сдѣлку. Сперва имѣлись ввиду перечисленные въ первой, второй и третьей части этой статьи пріемы, затѣмъ эта послѣдняя часть дошла даже до охраненія отъ совершенія сдѣлокъ лицъ, впавшихъ въ безпамятство, явившееся послѣдствіемъ запрещенныхъ средствъ, послужившихъ преступнику для этой цѣли.

Закономъ 24 мая 1893 года III ч. этой статьи дополнена въ томъ смыслѣ, что можетъ быть признана мошеннически совершенною сдѣлка съ лицомъ, которое при наличности обманныхъ увѣреній не имѣло къ тому же яснаго пониманія свойства и значенія, принимаемаго имъ на себя, обязательства. Такимъ образомъ рамки уголовнаго преслѣдованія расширялись до того, что явилась возможность защищать въ уголовномъ порядкѣ лицъ не только ослабленныхъ „упоительными напитками“, но и беззащитныхъ вслѣдствіе отсутствія юридическаго пониманія и даже достаточной степени разумности вообще. Отсюда для усмотрѣнія судьи наступалъ широкій просторъ, вслѣдствіе чего, не безъ основанія за-

думываясь надъ тѣмъ, есть ли въ случаяхъ послѣдняго рода составъ преступленія, кассаціонный Сенатъ сталъ отъ времени до времени кассировать приговоры, состоявшіеся на основ. III ч. 1688 ст. (въ новой редакц.) за отсутствіемъ признаковъ преступленія. Надо замѣтить, что эти дополненія 1688-й статьи, явились послѣдствіемъ ряда вопіющихъ дѣлъ, ставшихъ въ извѣстной степени модными; особенно много ихъ возникало на почвѣ альфонсизма; достаточно вспомнить пресловутое дѣло д-ра Шепетовскаго. Присяжные засѣдатели всегда относились строго къ такимъ преступленіямъ и, какъ мы видимъ въ дѣлѣ Серебрякова, рѣшенномъ въ 1886 году, за семь лѣтъ до новаго закона, уже признавали составъ мошенничества въ такомъ же смыслѣ, какъ и III-я часть 1688 ст. въ редакціи 1893 г. Несомнѣнно, что это направленіе присяжныхъ еще болѣе укрѣпилось, найдя себѣ поддержку въ карательномъ законѣ; нельзя не отмѣтить, что и при такой практикѣ присяжные еще до указаннаго выше поворота назадъ въ практикѣ Сената (дѣло Косцялковскаго въ 1894 г.) уже постоянно зорко различали дѣйствительно непонимающаго дѣло потерпѣвшаго отъ прикидывающагося такимъ.

Только что упомянутый Косцялковскій былъ обвиненъ Московскими присяжными 19 октября 1894 г. въ томъ, что подъ предлогомъ добыть денегъ черезъ учетъ векселя выманилъ у крестьянки Головановой вексель съ ея бланковой надписью, давъ ей негодную дисконтную расписку; такъ какъ обвиняемому пришлось диктовать Головановой ввиду ея малограмотности бланковую надпись буква за буквой, а съ другой стороны было доказано, что она не имѣла понятія объ операціи учета и приняла дисконтную расписку безъ означенія суммы векселя, то присяжные не поколебались признать ее лицомъ потерпѣвшимъ, не понимавшимъ значенія сдѣлки. По дѣлу объ Іоде-Роде, обвинявшемся въ 1890 г. въ СПБургѣ потерпѣвшій еврей Суздальцевъ настаивалъ на томъ, что Іоде-Роде воспользовался на гражданскомъ судѣ распиской, выданной Суздальцеву только потому, что по его мнѣнію расписка эта „не могла имѣть значенія“. Іоде-Роде былъ оправданъ, такъ какъ, по мнѣнію присяжныхъ, трудно было допустить въ дѣльцѣ-евреѣ непониманіе значенія расписки.

Итакъ, забота кассаціоннаго Сената о томъ, чтобы не было злоупотребленій при оцѣнкѣ дѣловыхъ способностей потер-

пѣвшихъ должна быть признана не только запоздалой по времени, но и излишней, такъ какъ присяжные весьма чутко, иногда даже слишкомъ строго взвѣшиваютъ добросовѣстность потерпѣвшаго. За всѣмъ тѣмъ нельзя не указать на основную черту, проходящую красной нитью по всѣмъ подобнымъ дѣламъ: присяжные не довольствуются опредѣленіемъ вины или невинности въ цѣляхъ репрессіи путемъ наказанія, но берутъ на себя задачу исправить причиненное преступленіемъ зло, разрушая заключенныя сдѣлки, даже съ крѣпостнымъ характеромъ. Въ этотъ отношеніи можно указать на очень характерное дѣло, рѣшенное въ февралѣ 1889 года въ СПБургѣ.

По этому дѣлу 20-ти лѣтній Ильинскій былъ обвиненъ вмѣстѣ съ двумя товарищами въ совершеніи трехъ мошенничествъ; въ данномъ случаѣ операціи товарищей заключались въ пользованіи для тратъ и покупокъ векселями, выданными несовершеннолѣтнимъ Ильинскимъ, причемъ векселя эти были явлены у нотаріуса Г.; въ этомъ дѣлѣ приговоръ тоже имѣлъ послѣдствіемъ разрушеніе ряда сдѣлокъ и возвращеніе имущественныхъ отношеній заинтересованныхъ лицъ въ первобытное состояніе.

Какъ всегда въ дѣлахъ, къ которымъ присяжные относятся строго, они признали соучастіе подсудимыхъ доказаннымъ, хотя спеціальныхъ доказательствъ общаго уговора представлено не было; со стороны же подсудимыхъ не было ни сознанія, ни оговора; разумѣется, была установлена общая картина отношеній сообвиняемыхъ, а именно было выяснено, что товарищи Ильинскаго по скамьѣ подсудимыхъ, Струнскій и Кунъ, дисконтеры по профессіи, сами первоначально потерпѣли отъ Ильинскаго, который уже давно занимался распространеніемъ своихъ векселей, прячась при взысканіи за свое несовершеннолѣтіе. Пострадавъ отъ Ильинскаго, Струнскій и Кунъ стали дѣйствовать за одно съ нимъ, чтобы вернуть свои убытки и на этомъ пути увлеклись легкой наживой; ввиду такого, какъ бы невольнаго соучастія, присяжные дали имъ снисхожденіе.

Существуетъ цѣлый отдѣлъ мошенничествъ, по которымъ, можно сказать не бываетъ оправданій; сюда относятся случаи, когда деликвентъ, выдавая себя фиктивно за владѣльца земли или дома или комиссіонера по доставленію мѣстъ, подъ предлогомъ выгоднаго устройства потерпѣвшаго, набираетъ у цѣлаго ряда лицъ залоги, которые и обращаетъ въ свою пользу; здѣсь также почти всегда дѣловая сторона въ порядкѣ: имѣется обыкновенно или расписка или вексель, на основаніи котораго нанимавшій утверждаетъ, что, обращен-

ный имъ въ свою пользу, залогъ былъ на самомъ дѣлѣ суммой, данной ему въ долгъ.

Часто существуетъ для такой цѣли особо устроенная контора, гдѣ имѣются даже планы земель и домовъ; потерпѣвшіе привлекаются на основаніи сдѣланныхъ ими объявленій, а деньги вымогаются отъ болѣе осторожныхъ чрезъ предъявленіе подложныхъ телеграммъ и т. п. способами.

Обвинительный исходъ подобныхъ дѣлъ обыкновенно зиждется на томъ, что всѣ такіе преступники бываютъ дѣятелями по ремеслу; эта особенность легко устанавливается, такъ какъ очень часто субъекты преступленія являются членами шаекъ и сообществъ, а если даже дѣйствуетъ кто либо одинъ, то онъ обыкновенно изобличается тѣмъ, что оказывается принявшимъ залоги на одну и туже должность отъ нѣсколькихъ лицъ (дѣло: Фокъ 1887 г. Борхертъ 1886. Гольдфайнъ 1887 г. Копачелли 1884 г. и др.). Такая странная неосторожность, случается, изобличаетъ лицъ стоящихъ на твердой повидимому почвѣ: такъ было, напримѣръ, съ дворяниномъ Пичугинымъ, осужденнымъ въ маѣ 1884 г. СПБургѣ; будучи назначенъ опекуномъ къ наслѣдственному имѣнію, онъ спѣшитъ выбрать изъ имѣнія все, что возможно и кстати нанимаетъ въ одно и тоже имѣніе нѣсколь кихъ управляющихъ, залоги которыхъ и обращаетъ въ свою пользу.

Въ подобныхъ дѣлахъ присяжныхъ не смягчаетъ значительная давность, ни то, что главные виновные скрылись или оправданы предъидущими составами, ни то наконецъ, что самое обвиненіе въ шайкѣ поддерживается при наличности только двоихъ подсудимыхъ; достаточно, чтобы были болѣе или менѣе вѣроятные соучастники, хотя бы они еще не обнаружились. Изъ всей этой большой группы приведу поподробнѣе одно дѣло, въ которомъ, какъ это изрѣдка встрѣчается

соединился рядъ обстоятельствъ, значенiе которыхъ на судѣ присяжныхъ не разъ уже насъ занимало.

Въ ноября 1884 г. въ СПБургѣ были обвинены безъ снисхожденiя при аплодисментахъ публики (не только приговору, но даже рѣчи обвинителя) [1]) въ цѣломъ рядѣ мошенничествъ купецъ Копачелли и, состоявшая съ нимъ въ близкихъ отношенiяхъ, дворянка Гартвигъ. Обвиненiе послѣдней показываетъ, что далеко не всегда личная зависимость женщины отъ мущины влечетъ безнаказанность первой; примѣръ Гартвигъ особенно убѣдителенъ потому, что, какъ оказалось, Гартвигъ сама была первой жертвой этого дѣльца.

Самое содержанiе дѣла имѣетъ всѣ типическiе признаки дѣлъ о присвоенiи залоговъ: группа лицъ (присяжные признали шайку, хотя привлечены были только двое вышеназванныхъ, а остальные оказывались или сосланными или фигурировали въ дѣлѣ въ качествѣ „не посаженныхъ еще на скамью подсудимыхъ“),—прибѣгала къ переодѣванiямъ, къ игрѣ въ барыню и управляющаго, въ барина и горничную для того, чтобы успѣшно нанять цѣлую толпу обманутыхъ фиктивными сдѣлками управляющихъ и комиссiонеровъ и воспользоваться ихъ залогами.

Въ этомъ дѣлѣ выдающееся значенiе получила личность главнаго свидѣтеля обвиненiя, нѣкоего Дѣльнова. Настойчивое отыскиванiе своихъ правъ—не въ духѣ русскаго человѣка; мало того—низкiй уровень русской культуры ближайшимъ образомъ пораждаетъ то лѣнивое добродушiе, съ которымъ большинство потерпѣвшихъ спѣшатъ заявить на судѣ предъ присяжными, что они отказываются отъ всякихъ исковъ

[1]) Совершенная исключительность такого отношенiя къ обвинителю, разумѣется, объясняется негодованiемъ по адресу подсудимыхъ, что и позволяетъ мнѣ сдѣлать это, на первый взглядъ нескромное, упоминанiе.

и претензій. Такое заявленіе, которое въ англичанахъ вызвало бы удивленіе и даже презрѣніе, принимается обыкновенно русскими присяжными съ сочувствіемъ; отсюда понятно, что потерпѣвшій, который сталъ бы требовать in foro наказанія подсудимаго, долженъ производить—horribile dictu—впечатлѣніе человѣка, питающаго къ обвиняемому особенную злобу; это впечатлѣніе въ свою очередь вызываетъ къ показаніямъ потерпѣвшаго недовѣріе и можетъ, какъ говорится, погубить дѣло.

Всякое противорѣчіе въ показаніяхъ потерпѣвшаго имѣетъ, какъ мы знаемъ, громадное значеніе для обвиненія, которому приходится считаться съ присущимъ присяжнымъ требованіемъ отъ потерпѣвшаго полной правдивости и даже особой нравственной честности. Вотъ почему въ дѣлѣ Гартвигъ въ особенности важно было сохранить въ полной неприкосновенности рѣдкій среди русскихъ людей типъ поборника за правду, какимъ являлся потерпѣвшій Дѣльновъ, и представлялось крайне несправедливымъ и опаснымъ для правосудія уличать его въ противорѣчіи и уличать притомъ по ошибкѣ: однако это было неосторожно сдѣлано предсѣдательствующимъ и заставило меня, въ качествѣ обвинителя, потребовать категорическаго „отказа предсѣдательствующаго отъ неосторожно сорвавшихся“ [1]) у него выраженій, что Дѣльновъ впадаетъ въ противорѣчіе съ показаніемъ, даннымъ у судебнаго слѣдователя.

Въ самомъ дѣлѣ роль Дѣльнова по этому дѣлу была совершенно необыкновенная. Потерявъ въ качествѣ залога послѣднія сотни рублей, благодаря продѣлкамъ Копачелли, онъ втеченіе почти двухъ лѣтъ, протекшихъ со времени преступленія до суда, разыскивалъ всѣхъ пострадавшихъ отъ того же Копачелли, завязалъ со всѣми сношенія, самъ, переби-

---

[1]) Предсѣдатель, типъ джентэльмена, исполнилъ это.

ваясь кое какъ, поддерживалъ ихъ матеріально и устраивалъ на мѣстахъ, наконецъ общей складчиной далъ возможность иногороднымъ пріѣхать ко дню засѣданія и во главѣ этой фаланги обвинителей явился въ судъ. Величавая личность этого свидѣтеля достаточно объясняетъ горячность обвинителя, который не могъ допустить, чтобы въ такомъ дѣлѣ, благодаря ошибкѣ или небрежности кого бы то ни было, пострадали интересы обвиненія, а это неминуемо бы случилось, еслибы на Дѣльнова пала хоть малѣйшая тѣнь подозрѣнія въ неправдивости и преслѣдованіи низменныхъ цѣлей.

Я, собственно говоря, закончилъ изложеніе общихъ выводовъ о правосознаніи присяжныхъ по дѣламъ о мошенничествахъ и даже, по возможности, далъ понятіе, говоря объ эпизодѣ съ Дѣльновымъ, о томъ, что я уже выше называлъ нравственной атмосферой судебной залы. Согласно объясненному мной плану я теперь же коснусь крайне рѣдко встрѣчающагося преступленія (я имѣлъ съ нимъ дѣло только одинъ разъ), а именно—принужденія къ дачѣ обязательствъ.

То дѣло, которое я намѣренъ въ краткихъ чертахъ передать, было рѣшено въ Москвѣ 24 апр. 1894 г. оправдательнымъ приговоромъ, вынесеннымъ присяжными, такъ сказать противъ ихъ воли.

Я разумѣю дѣло о принужденіи г-жи О. потомственнымъ дворяниномъ С. къ выдачѣ ему двухъ безденежныхъ документовъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

Подсудимый изобличался категорическимъ заявленіемъ потерпѣвшей, что подъ предлогомъ выгодной покупки она была заманена въ квартиру С. и здѣсь подъ дуломъ пистолета (sic) и подъ угрозами „осрамить ее на весь городъ“ принуждена подписать два заемныхъ письма.

Присяжные въ составѣ четырехъ интеллигентныхъ и восьми неинтеллигентныхъ, т. е. составѣ строгомъ, два раза были возвращаемы въ совѣщательную комнату, такъ какъ, приз-

знавая доказаннымъ событіе преступленія, они однако отвергали угрозы и насиліе. Столь упорно поддерживаемое ими „виновенъ", въ результатѣ превратилось поэтому въ „невиновенъ", такъ какъ одно принужденіе безъ угрозъ и насилія могло повести только развѣ къ уничтоженію обязательствъ, что и было сдѣлано судомъ.

Разгадка этого приговора заключается въ слѣдующемъ: репутація г-жи О. не позволяла повѣрить ей въ томъ, что она явилась къ С. съ дѣловой цѣлью, а не въ силу существовавшихъ между ними отношеній (альфонсизмъ); кромѣ того угрозы „осрамить ее" не могли поэтому имѣть устрашающаго значенія; наконецъ мощная фигура въ связи съ большой опытностью и испытанной смѣлостью потерпѣвшей, извѣстной еще до суда большинству присяжныхъ, заставили ихъ очень затрудниться признать, что она могла испугаться „своего" человѣка съ „архаическимъ" пистолетомъ въ рукахъ. Здѣсь, слѣдовательно, кромѣ фактической добросовѣстности присяжныхъ рѣзко сказался тотъ строгій судъ надъ нравственной личностью потерпѣвшаго, который непозволилъ имъ идти далѣе признанія несомнѣнной безденежности документовъ; важно отмѣтить однако, что присяжные всячески старались выразить и настоять на томъ, что С. злоупотребилъ довѣріемъ, которымъ пользовался по своимъ отношеніямъ, и что такое злоупотребленіе, даже на фонѣ безнравственной сдѣлки, должно быть наказано.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Современная жизнь все рѣже и рѣже представляетъ намъ типы разбоевъ, столь извѣстныхъ и столь опасныхъ въ тѣ времена, когда еще шайки, гнѣздившіяся въ лѣсахъ, наводили ужасъ на окрестныхъ жителей; если въ предѣлахъ Россіи еще наблюдается это преступленіе въ его архаической формѣ, то это гдѣ нибудь на окраинахъ, полудикое населеніе которыхъ еще не знаетъ суда присяжныхъ.

Въ моей практикѣ, насколько она коснулась провиціальной жизни, мнѣ ничего подобнаго не встрѣчалось; изрѣдка попадались дѣла о нападеніи на большой дорогѣ на заснувшаго на возу крестьянина—одного, двухъ и самое большее троихъ изъ городскихъ бродягъ, отправившихся безъ опредѣленной цѣли за городъ. Эти импровизованные разбойники жестоко платились за свою полупьяную продѣлку, такъ какъ присяжные не знаютъ снисхожденія для такихъ случаевъ. При самыхъ благопріятныхъ для подсудимаго условіяхъ присяжные путемъ ограниченій устанавливаютъ вооруженный грабежъ или грабежъ съ насиліемъ.

Въ Московскомъ Окружномъ Судѣ въ 1895 г. мнѣ пришлось вести такое дѣло, кончившееся обвиненіемъ въ разбоѣ, несмотря на то, что приключенія разбойниковъ имѣли почти водевильный характеръ.

Трое городскихъ гулякъ, правда съ небезупречнымъ прошлымъ, отправились въ знакомую деревню зимой поздно вечеромъ, рискуя замерзнуть на пути; въ верстахъ десяти за Москвой ихъ сталъ нагонять запоздавшій со своимъ возомъ изрядно выпившій крестьянинъ; внезапно родившійся умыселъ былъ тотчасъ же приведенъ въ исполненіе: всѣ трое сперва спрятались во рву, а затѣмъ самымъ классическимъ образомъ остановили проѣзжаго, грозя задушить его вслучаѣ сопротивленія; къ счастью испугъ подѣйствовалъ на потерпѣвшаго такъ, что онъ, молча, предоставилъ напавшимъ выбрать весь его товаръ и, только проѣхавъ далѣе верстъ пять, надумалъ вернуться въ Москву, чтобы заявить о случившемся. Возвращаясь въ полной тьмѣ, онъ былъ остановленъ на томъ же мѣстѣ тѣми же тремя товарищами, которые нагрузивъ его сани отнятыми у него вещами, заставили везти себя въ Москву. Достаточно отрезвленный происшедшимъ, крестьянинъ не обнаружилъ, кто онъ и, добравшись до заставы, сдалъ арестованныхъ имъ такимъ образомъ разбойниковъ первому городовому.

Разумѣется, на судѣ, пользуясь тѣмъ, что все это происходило въ темнотѣ, и что крестьянинъ не могъ уличить ихъ въ лицо, они утверждали, что нашли вещи на дорогѣ; такъ какъ, дѣйствительно, приходилось иначе допустить, что они не сошли съ мѣста около часа времени, то легко могли возникнуть сомнѣнія въ тождествѣ лицъ; присяжные однако были убѣждены какъ тѣмъ, что и нападавшихъ, а затѣмъ и сѣдоковъ было трое, такъ и показаніями потерпѣвшаго о разговорахъ, которые на обратномъ пути сѣдоки вели между собой о совершенномъ разбоѣ, хотя разговоры эти велись неясными намеками.

Такая нетребовательность въ доказательствахъ или вѣрнѣе—отсутствіе излишняго скептицизма по отношенію къ

нимъ всегда характеризуетъ вердикты присяжныхъ по преступленіямъ, признаваемымъ ими особенно опасными.

Въ городахъ почти невозможно представить себѣ оконченнаго разбоя, совершеннаго путемъ открытаго нападенія съ угрозами. Всѣ случаи, мнѣ извѣстные, имѣютъ характеръ покушенія, остановленнаго по тѣмъ или другимъ причинамъ; таковы случаи, приведенные мною выше въ главѣ объ убійствѣ съ корыстной цѣлью; тѣмъ не менѣе строгость присяжныхъ нисколько не умаляется, этимъ обыкновенно смягчающимъ ихъ обстоятельствомъ.

Въ поясненіе приведу in extenso случай интересный въ отношеніи взгляда присяжныхъ на наказуемость разбоя и на потребныя для уличенія виновнаго доказательства.

10-го іюля 1884 г., въ 11-мъ часу вечера, вдова охтенская мѣщанка Киселева, находясь у себя на квартирѣ, расположенной при содержимой ею столярной мастерской, въ домѣ № 9, по Траурной улицѣ, услыхала стукъ въ дверь, ведущую изъ корридора въ мастерскую. Когда она, со свѣчею въ рукахъ, отворила дверь, то увидала, что въ корридорѣ стоитъ ея подмастерье Корнышевъ съ товарищемъ своимъ Самохотовымъ, который на вопросъ: что ему нужно?—отвѣтилъ, что по приглашенію Корнышева пришелъ къ нему въ гости. Киселева возразила ему: „какіе теперь гости въ такое позднее время!“—Корнышевъ затушилъ свѣчу, схватилъ ее одною рукою за затылокъ, а другою зажалъ ей ротъ и сталъ такъ сильно качать ее, что она подъ вліяніемъ испуга лишилась возможности кричать; Корнышевъ-же сталъ наносить ей удары по головѣ, шеѣ и груди, сначала кулакомъ, а потомъ стамеской, причиняя ей раны, изъ которыхъ сильно текла кровь. Самохотовъ стоялъ рядомъ съ Корнышевымъ, и оба они молчали. Наконецъ, послѣ продолжительной борьбы, Киселевой удалось издать слабый крикъ, услыхавъ который, изъ квартиры вышла сестра ея, Дудина. Но лишь только Дудина вышла въ корридоръ, въ которомъ было совершенно темно, какъ Самохотовъ нанесъ ей ударъ по головѣ молоткомъ; Дудина добѣжала все-таки до двери, ведущей изъ корридора во дворъ, которая оказалась запертою, отворила ее и, выбѣжавъ во дворъ, стала звать на помощь. Тогда Самохотовъ также выбѣжалъ на дворъ и, перебравшись чрезъ заборъ, скрылся. Корнышевъ вошелъ въ кухню и сталъ смывать кровь съ рукъ и лица, но былъ тутъ-же задержанъ сбѣжавшимися на крикъ Дудиной людьми, причемъ притворился совершенно пьянымъ. Въ корридорѣ, около входа въ мастерскую, найдены были стамеска и молотокъ, которые оказались взятыми изъ мастерской.

Корнышевъ тогда-же сознался приставу, что привелъ Самохотова, чтобы обобрать Киселеву, такъ какъ они давно уже уговорились это сдѣлать.

Слѣдствіемъ было установлено, что Корнышевъ считался Киселевой за хорошаго рабочаго и жилъ у нея на квартирѣ; всѣ-же остальные ея рабочіе къ вечеру уходили на свои квартиры, такъ что Киселева оставалась на ночь со своей сестрой Дудиной и Корнышевымъ, который по вечерамъ уходилъ изъ дома, но возвращался домой всегда трезвымъ; къ Корнышеву ходилъ иногда въ гости Самохотовъ, слывшій за человѣка безпокойнаго,

пьяницу и вора. Киселева считалась женщиной состоятельной, имѣющей большія средства. По мнѣнію Дудиной и Киселевой, нападеніе на нихъ можетъ быть объяснено намѣреніемъ похитить имущество, такъ какъ ни у Самохотова, ни у Корнышева не было причины неудовольствія противъ Киселевой и ея сестры.

Поврежденія, нанесенныя Киселевой и Дудиной, ввиду случайно счастливыхъ обстоятельствъ, оказались легкими и имѣли благопріятный исходъ, впрочемъ, по словамъ Дудиной, сестра ея въ теченіи продолжительнаго времени жаловалась на слабость и, вообще, разстройство здоровья, бывшія послѣдствіемъ нанесенныхъ ей поврежденій.

Ввиду этихъ данныхъ, такъ какъ Самохотовъ немедленно скрылся и за всѣми принятыми мѣрами не былъ разысканъ, Корнышевъ одинъ предсталъ въ 1885 г. на судъ присяжныхъ засѣдателей, которые признали его виновнымъ и судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Совершенно неожиданно въ маѣ 1891 г., Самохотовъ былъ задержанъ полиціею на станціи Гниловской, въ Ростовскомъ уѣздѣ на Дону, и доставленъ въ Петербургъ.

Самохотовъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что будучи года два знакомъ съ Корнышевымъ, онъ раза два заходилъ къ нему въ мастерскую Киселевой, разъ—чтобы написать письмо, а во второй разъ, чтобы проститься, такъ какъ собирался уѣхать изъ Петербурга, ввиду угрозъ полицейскаго пристава выслать его изъ столицы административнымъ порядкомъ; на прощаніе они выпили съ Корнышевымъ двѣ бутылки водки; Корнышевъ опьянѣлъ; зная, что послѣ выпитой водки Корнышевъ приходитъ въ помѣшательство, онъ, Самохотовъ, въ 9 часовъ ушелъ отъ него, а въ 5-мъ часу утра выѣхалъ изъ Петербурга въ землю войска Донского, гдѣ жилъ все это время, служа учителемъ въ сельскихъ школахъ или писаремъ въ волостномъ правленіи.

Легко видѣть, что противъ Самохотова, кромѣ внѣсудебнаго оговора Корнышева, имѣлось только заявленіе Киселевой, что 7 лѣтъ тому назадъ она видѣла Самохотова передъ моментомъ преступленія только одно мгновеніе, когда со свѣчей отворила имъ дверь. На судѣ, давъ вышеизложенное объясненіе, Самохотовъ отказался отвѣчать на вопросы, чѣмъ очень раздражилъ присяжныхъ. Виноватый долженъ виниться, говорили они. „Дерзость его заставляла насъ задумываться—дать ли ему снисхожденіе". Это снисхожденіе было однако дано Самохотову изъ опасенія слишкомъ строгой отвѣтственности.

Весьма назидательно слѣдующее обстоятельство, имѣвшее мѣсто въ этомъ процессѣ.

Мы уже видѣли, что служба учителемъ и волостнымъ писаремъ, повидимому, безпорочная втеченіе семи лѣтъ, не загладила въ глазахъ присяжныхъ виновности Самохотова,

несмотря на то, что раны Киселевой и Дудиной, хотя и грозившія, по заключенію врача, смертью, оказались легкими. Догадываясь о томъ, что время, протекшее со дня преступленія, само по себѣ не смягчитъ присяжныхъ, защитникъ пытался повлiять на нихъ увѣреніемъ, будто бы только двухъ лѣтъ недостало для того, чтобы Самохотовъ уже по закону въ силу давности былъ избавленъ отъ наказанія; на это, разумѣется, ему было отвѣчено, что такого ученія о давности законъ не знаетъ и что никакой срокъ не могъ бы избавить Самохотова отъ наказанія, такъ какъ немедленно вслѣдъ за преступленіемъ онъ уже разыскивался въ качествѣ виновнаго.

Этотъ юридическій споръ между обвинителемъ и защитой былъ веденъ самымъ удобопонятнымъ для присяжныхъ способомъ. Въ составѣ присяжныхъ изъ числа девяти интеллигентныхъ лицъ старшиною былъ отставной капитанъ, такъ называемый старый, бывалый присяжный; въ составѣ коронного суда былъ старѣйшій изъ Петербургскихъ судей; пока присяжные совѣщались, послѣдній не мало удивилъ бывшихъ въ судейской комнатѣ заявленіемъ, что споръ о давности было безполезно поднимать, такъ какъ онъ не могъ быть понятъ присяжными; „развѣ можно сдѣлать изъ присяжныхъ юристовъ въ полчаса времени?“ замѣтилъ онъ. По прочтеніи обвинительнаго вердикта, старшина обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ: „а что, въ самомъ дѣлѣ если бы еще два года, то Самохотовъ не отвѣчалъ бы?“ Было ли такое непониманіе случайностью или слѣдствіемъ разсѣяннаго, безразличнаго отношенія къ юридическимъ тонкостямъ (послѣднее очень вѣроятно)—во всякомъ случаѣ важно отмѣтить, что юридическіе доводы по адресу присяжныхъ по меньшей мѣрѣ излишни и во всякомъ случаѣ крайне мало убѣдительны рядомъ съ соображеніями житейской опытности. Неколеблясь можно предположить, что ко-

ронный юристъ не затруднился бы богато мотивировать оправдательный приговоръ Самохотову, этому типичному разбойнику, если бы нашелъ справедливымъ его оправдать. Не имѣя возможности дальше останавливаться на примѣрахъ, я только отмѣчу, что, даже при сознаніи, обвиняемые въ покушеніи на разбой рѣдко получаютъ снисхожденіе, если только они представляютъ собой одну сплоченную группу. Такія группы, какъ я уже замѣтилъ въ началѣ главы, давно переселились въ города и приспособились къ условіямъ городскихъ разбоевъ.

Излюбленнымъ пріемомъ въ настоящее время является опаиваніе какимъ нибудь усыпляющимъ или ошеломляющимъ веществомъ: атропиномъ, хлоралъ—гидратомъ и т. п., причемъ между участниками предпріятія распредѣляются роли, а жертва приглашается подъ благовиднымъ дѣловымъ предлогомъ въ знакомый трактиръ для переговоровъ; затѣмъ обобраннаго, подъ видомъ безчувственно пьянаго, выводятъ и въ глухомъ мѣстѣ бросаютъ.

Въ подобныхъ случаяхъ потерпѣвшій, приходя окончательно въ себя, иногда только на третій день, смутно признаетъ лицъ, съ которыми имѣлъ дѣло, но на выручку присяжныхъ обыкновенно является то, что тѣ же лица, дѣйствующія большею частью по ремеслу, обвиняются сразу въ совершенно подобныхъ другъ другу преступленіяхъ.

Такъ было рѣшено дѣло, разсмотрѣнное 30 октября 1886 года въ СПБургѣ, причемъ Бажулинъ и двое его товарищей были обвинены въ учиненіи разбоя надъ Воронинымъ и Кудрявцевымъ, а четвертый, Москвинъ, обвинявшійся въ укрывательствѣ разбоя былъ оправданъ; хотя у Москвина на рукахъ оказалась одна изъ похищенныхъ у Воронина, облигацій, но свидѣтелемъ защиты, Сѣдовымъ, было установлено, что облигація эта перешла къ Москвину отъ Бажулина въ погашеніе вексельнаго долга.

Эта подробность показываетъ, что и въ дѣлахъ о разбоѣ, къ которому присяжные относятся, можно сказать, строже, чѣмъ ко всякимъ другимъ преступленіямъ (обв. $^0/_0$ у меня $86,_{32}$) они, какъ и всегда, тщательно взвѣшиваютъ улики относительно каждаго изъ обвиняемыхъ. Отсутствіе на судѣ потерпѣвшаго, показаніе котораго въ такихъ случаяхъ обыкновенно читается присяжнымъ, представляетъ большой пробѣлъ какъ въ дѣлахъ о разбоѣ, такъ и въ дѣлахъ о грабежѣ съ насиліемъ, такъ какъ, разумѣется, субъективныя впечатлѣнія пострадавшаго остаются неясными для присяжныхъ; въ подобныхъ случаяхъ, если подсудимый сознается, то вердиктъ постановляется на основаніи его сознанія, если же сознанія вовсе не имѣется или оно не полно, то присяжные отвергаютъ въ вопросѣ о разбоѣ опасность угрозъ для жизни, а при обвиненіи въ грабежѣ съ насиліемъ зачеркиваютъ послѣднее; хотя такіе случаи нерѣдки, но не слѣдуетъ въ нихъ видѣть поэтому формы смягченія; дѣйствительно, такое ограниченіе является послѣдствіемъ сомнѣнія въ квалифицирующемъ обстоятельствѣ. Въ окончательномъ выводѣ слѣдуетъ признать, что въ дѣлахъ о разбоѣ присяжные, можно сказать, свободны отъ тенденціи смягчать свои приговоры.

Таже рѣшительность въ оцѣнкѣ уликъ присуща присяжнымъ и при разрѣшеніи дѣлъ о грабежѣ, къ разсмотрѣнію котораго я теперь перехожу.

Грабежъ съ насиліемъ, учиненный напримѣръ пятью товарищами на проѣзжей дорогѣ, въ сущности довольно трудно отличить отъ разбоя, вотъ почему не слѣдуетъ удивляться обвинительному приговору, относительно пятерыхъ грабителей, обвиненныхъ 16 ноября 1884 г. въ Царскомъ Селѣ. Потерпѣвшій былъ такъ избитъ, что не могъ замѣтить и признать кого либо изъ подсудимыхъ; было установлено, что, разграбивши его возъ, всѣ пятеро пьянствовали

до утра вблизи мѣста преступленія, расположившись въ банѣ, главнаго виновнаго, Федосѣева: подсудимые, сваливая другъ на друга фактъ привода лошади съ возомъ къ банѣ, сходились на томъ, что они пропивали вещи съ найденнаго ими безхозяйнаго воза. Еслибъ не плохая репутація всѣхъ подсудимыхъ и громадная вѣроятность того, что баня Федосѣева, въ сущности, представляла собой разбойничій притонъ, а то и другое было извѣстно присяжнымъ, какъ мѣстнымъ жителямъ, то подсудимые могли бы выйти изъ суда оправданными.

Въ общемъ нападеніе, сопровождавшееся укусами, попытками душенія, забиваніемъ рта снѣгомъ, а въ большинствѣ случаевъ просто значительные побои признаются присяжными насиліемъ при грабежѣ и въ такихъ случаяхъ нетрезвое состояніе преступника не служитъ основаніемъ для того, чтобы скинутъ ему со счета это насиліе, хотя бы оно близко граничило съ буйствомъ; при этомъ однако присяжные взвѣшиваютъ, было ли насиліе, дѣйствительно, необходимо для удачнаго совершенія преступленія; когда потерпѣвшій слабъ (ребенокъ, женщина) или наприм. по причинѣ опъяненія жертва не могла оказать серіознаго сопротивленія, то насильственные пріемы грабителя признаются излишними для цѣли похищенія, разсматриваются какъ эксцессъ, не имѣющій отношенія къ составу преступленія и потому неподлежащій вмѣненію.

Говоря о составѣ преступленія грабежа необходимо указать на цѣлый рядъ дѣлъ, по которымъ присяжные выносятъ оправдательные приговоры, что такъ сильно способствуетъ пониженію обвинительнаго процента по этому преступленію. Эти дѣла могутъ быть названы грабежами только съ внѣшней стороны и потому, считаясь съ нравами и справедливо признавая грабежъ серіознымъ дѣяніемъ, по закону строго наказуемымъ, присяжные не могутъ квалифицировать,

какъ грабежъ, пьяныя ссоры между собутыльниками или вообще между знакомыми, своими людьми. Всякій такой грабежъ можетъ быть выраженъ поговоркой: „вмѣстѣ пили—не подѣлили". Въ громадномъ большинствѣ случаевъ самое дерзкое отнятіе вещи у такого сотоварища представляется на самомъ дѣлѣ самоуправствомъ, да и съ точки зрѣнія доказанности умысла—взять именно чужое—нельзя не признать, что группа пьяныхъ является плохой почвой для какихъ либо твердыхъ выводовъ. Вотъ одинъ изъ сотенъ типичныхъ примѣровъ.

22 іюля 1885 г. нѣкто Кругловъ выбѣгаетъ изъ портерной вслѣдъ за выскочившимъ оттуда же товарищемъ своимъ, Количенко; Кругловъ требуетъ возвращенія, отнятыхъ у него, часовъ; дѣйствительно, по его жилету виситъ оборванный шнуръ; Количенко двумя ударами валитъ его на землю и убѣгаетъ. Судебное слѣдствіе выясняетъ, что передъ этимъ у нихъ былъ споръ, кому изъ нихъ принадлежитъ гармонія, на которой оба по очереди играли. Присяжные оправдываютъ Количенко (13 октября 1886 г. СПБургъ), не вѣря категорическому отрицанію Количенко своей виновности, но допуская по неясности случая, что здѣсь могло быть или самоуправное отнятіе часовъ въ возмѣщеніе за гармонію или похищеніе тайное во время, бывшей передъ тѣмъ, пьяной ссоры.

Знающіе русскій народъ люди давно подмѣтили, что, въ особенности между простолюдинами, во время попойки устанавливается настроеніе, которое можно въ извѣстномъ смыслѣ назвать—коммунистическимъ. Скупого собутыльника часто полушутя, полусерьезно заставляютъ раскошеливаться для общаго удовольствія; когда гуляетъ бѣднота, то идутъ въ ходъ не деньги, а вещи, носильное платье; при этомъ обыкновенно жертвуетъ или вѣрнѣе обирается болѣе пьяный, а сравнительно трезвый идетъ закладывать чужое; иногда этотъ товарищъ забываетъ (sic) вернуться и соблазнившіеся о семъ товарищи прокурора составляютъ обвинительные акты о грабежѣ.

Въ сельскомъ быту требовательность пьющей компаніи проявляется въ поражающихъ по откровенности формахъ. Въ Демянскомъ уѣздѣ Новгородской губ. однажды товарищи—гуляки, поваливъ наиболѣе состоятельнаго, на улицѣ,

на виду у всѣхъ отняли у него деньги и съ громкимъ крикомъ: „гожи на водку“ устремились къ „источнику“. Разумѣется, дѣло это кончилось оправданіемъ (г. Демянскъ 1883 г.).

Было бы странно опровергать мнѣніе, будто бы присяжные (а не школа и общество) призваны упорядочивать приговорами полудикіе нравы и, несомнѣнно, излишне, продолжать доказательства того, что, карая грабежъ безъ насилія, но учиненный на улицѣ нѣсколькими участниками, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь на поселеніе, законодатель не могъ имѣть ввиду случаевъ, подобныхъ приведенному.

Такимъ образомъ грабежъ, по воззрѣнію присяжныхъ, можетъ быть опредѣленъ, какъ открытое похищеніе съ исключительно корыстной цѣлью завѣдомо и вполнѣ чужого имущества и притомъ у посторонняго лица. Напримѣръ, часто случающееся срываніе платка и похищеніе его при неудачномъ ухаживаніи, такъ сказать, въ отместку, никогда не признается присяжными—грабежомъ. Похищеніе, хотя бы и насильное, но въ дракѣ съ пьянымъ съ точки зрѣнія наказуемости приравнивается присяжными къ кражѣ и поэтому такъ и квалифицируется; даже похищающій открыто, но имѣющій основаніе думать, что потерпѣвшій по нетрезвости не замѣтитъ или не обратитъ вниманіе на это, признается воромъ, а не грабителемъ.

Ввиду особенностей въ составѣ преступленія грабежа, ученіе о доказательствахъ этого преступленія на судѣ присяжныхъ носитъ своеобразныя черты; такъ напримѣръ, разспрашиваніе потерпѣвшаго объ его ощущеніяхъ составляетъ столь существенную часть изслѣдованія, что отсутствіе потерпѣвшаго на судѣ не можетъ быть замѣнено чтеніемъ его показанія, что вѣрно даже для случаевъ обвиненія рецидивистовъ; точно также не придается никакого значенія

внѣсудебному сознанію, напримѣръ, при дознаніи и часто въ такихъ случаяхъ за отсутствіемъ другихъ данныхъ, присяжные ставятъ свой приговоръ на основаніи объясненій подсудимаго. Очень часто пьяное состояніе виновнаго заставляетъ присяжныхъ сомнѣваться въ „грабительскомъ умыслѣ“, а при этомъ условіи естественно оправданіе въ грабежѣ, такъ какъ поступокъ, квалифицированный въ актѣ грабежомъ, представляется на дѣлѣ или буйствомъ или дракой.

Когда потерпѣвшій—ребенокъ, относительно котораго открытость похищенія сводится къ тому, что подсудимый не считался съ нимъ, какъ съ лицомъ достаточно развитымъ, и не столько грабилъ, сколько безцеремонно кралъ, то показанія ребенка, какъ бы они категоричны ни были, не приводятъ къ обвиненію въ грабежѣ, а—къ обвиненію въ кражѣ; это вѣроятно, если похититель далъ себѣ трудъ, хоть нѣсколько, отвлечь вниманіе ребенка разговоромъ. Вообще говоря, даже прямое обвиненіе въ грабежѣ, по исключительно однимъ потерпѣвшимъ, не представляется обыкновенно достаточнымъ; нужны особыя качества лица, внушающаго поэтому особое довѣріе, чтобы присяжные обвинили въ грабежѣ на основаніи одного показанія потерпѣвшаго; но когда показаніе это подкрѣпляется хотя бы однимъ очевидцемъ, то обвинительный приговоръ обезпеченъ; значеніе приведеннаго вывода сказывается въ томъ, что если потерпѣвшій вполнѣ добросовѣстно удостовѣряетъ фактъ насилія при грабежѣ, между тѣмъ, очевидцы почему либо этого насилія не видѣли, то получается ограничительный отвѣтъ „виновенъ безъ насилія“.

Само собой понимается, что и въ дѣлахъ о грабежѣ къ очевидцу предъявляются обыкновенныя строгія требованія присяжныхъ: онъ долженъ дать вполнѣ опредѣленную картину событія и притомъ самого факта похищенія; такое

показаніе, что на глазахъ у свидѣтеля такой то ударилъ другого и убѣжалъ, ничего не выясняетъ и не влечетъ обвинительнаго приговора.

Замѣчается большая разница въ требованіи доказательствъ по отношенію къ судимымъ въ первый разъ и къ рецидивистамъ. Относительно послѣднихъ достаточно даже уликъ поведенія, когда ихъ связь съ соучастникомъ, уличеннымъ на судѣ очевидцами, доказана; такъ напримѣръ, былъ обвиненъ нѣкто Стишевъ 7 ноября 1886 г. въ СПБургѣ только потому, что его видѣли бѣжавшимъ по улицѣ отъ мѣста грабежа одновременно съ Муксомъ, признаннымъ потерпѣвшимъ Шкуринымъ и очевидцемъ Гуневичемъ за одного изъ грабителей. Люди судимые въ первый разъ, пользуются широко сомнѣніями, которыхъ такъ много возникаетъ при разспрашиваніи очевидцевъ.

5-го марта 1891 г., такъ называемая, строгая сессія обвинившая въ первый же день всѣхъ подсудимыхъ безъ снисхожденія, оправдала на второй день нѣкоего Давыдова по обвиненію въ грабежѣ. Онъ обвинялся въ томъ, что еще въ сентябрѣ 1890 г. на берегу Невы отнялъ рубль у Кураева и, ударивъ его, скрылся; видѣвшій Давыдова издали, городовой уличалъ его на судѣ; ввиду ссылки Давыдова еще у слѣдователя на шкипера парохода Вильманстрандъ въ доказательство того, что онъ у этого шкипера работалъ, послѣдній былъ спрошенъ слѣдователемъ и показалъ, что въ этотъ день (день грабежа) на пароходѣ его работъ не было; воспользовавшись отсутствіемъ на судѣ шкипера, показаніе котораго читалось подсудимый заявилъ, что онъ работалъ не на пароходѣ, а на баржѣ; невозможность провѣрить это новое заявленіе въ виду отсутствія шкипера и недостаточность его письменнаго показанія имѣли послѣдствіемъ оправдательный приговоръ, ввиду недостаточной обслѣдованности преступленія.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что въ отличіе отъ разбоя для обвиненія въ грабежѣ весьма важно, чтобы потерпѣвшій призналъ грабителя въ лицо; одного совпаденія въ числѣ напавшихъ съ числомъ задержанныхъ обыкновенно недостаточно.

Строгое отношеніе къ грабежу, разъ онъ доказанъ, характеризуется тѣмъ, что грабежъ съ насиліемъ только въ исключительныхъ случаяхъ допускаетъ снисхожденіе; также лишается его грабитель по ремеслу, въ особенности, зама-

нившій жертву въ уединенное мѣсто. Хотя вообще присяжные избѣгаютъ обвиненія въ грабежѣ дѣтей, находя что дѣтскіе случаи такого рода должны быть не только наказаны, но и квалифицированы иначе и притомъ мягче, но когда сознается на судѣ мальчикъ въ ограбленіи ребенка, то, повидимому, онъ теряетъ привиллегію возраста и заступничество на судѣ его матери выслушивается холодно и бываетъ безплодно. Снисхожденіе при обвиненіи въ грабежѣ, какъ я уже указывалъ, дается бывшему въ нетрезвомъ видѣ; если грабежъ учиненъ по внезапному умыслу, во время ссоры возникшему, причемъ эта ссора по своимъ мотивамъ вызывала симпатію къ затѣявшему ее (напримѣръ, заступничество за другого) и затѣмъ соблазнившемуся удобнымъ случаемъ, то этотъ послѣдній объявляется заслуживающимъ снихожденія.

Неохота, съ которою присяжные даютъ снисхожденіе въ дѣлахъ о грабежѣ, проявляется въ томъ, что, переходя иногда по сомнѣніямъ въ характерѣ умысла къ альтернативному вопросу о кражѣ, они уже не даютъ снисхожденія; вообще, когда ограниченіе, напримѣръ, насилія или другихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ представляется формой смягченія, то наблюдается тотъ же отказъ въ снисхожденіи. Въ этомъ отношеніи, однако, стоятъ особнякомъ случаи, когда обвиняется въ первый разъ лицо привиллегированное, хотя бы переходъ ко второму вопросу о кражѣ и имѣлъ характеръ смягченія: такъ напримѣръ, если доказано или очень вѣроятно, что подсудимый хотѣлъ похитить тайно и такъ и началъ, но неожиданно для себя, очутился въ роли грабителя.

Нельзя отрицать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ, даже внѣ, уже разсмотрѣннаго нами пьянаго обиранія, грабежи по внезапно возникшему умыслу совершаются обыкновенно настолько неожиданно даже для самихъ подсудимыхъ, что,

какъ выражаются присяжные, болѣе похожи на „случайно налетѣвшую дурь“, чѣмъ на преступленіе; нѣтъ никакой возможности ожидать отъ присяжныхъ, чтобы они въ подобныхъ случаяхъ допустили наказуемость на основаніи извѣстнаго имъ строгаго закона. Вотъ почему коронному суду въ дѣлахъ о грабежѣ всегда предстоитъ нелегкая задача безъ ущерба для дѣла опредѣлить, слѣдуетъ или не слѣдуетъ ставить альтернативные вопросы; необходимость широкихъ рамокъ для возможности постановки правильнаго вердикта, разумѣется, не можетъ идти далѣе расширенія этихъ рамокъ на основаніи фактическихъ данныхъ; кромѣ того, важно имѣть въ виду, чтобы крайнія ступени лѣстницы вопросовъ не отстояли слишкомъ далеко одна отъ другой. Слишкомъ большая несоразмѣрность между первымъ и послѣднимъ вопросомъ можетъ иногда повести къ вердикту почти демонстративнаго характера; таковы случаи, когда рядомъ съ обвиненіемъ въ грабежѣ, кромѣ второго альтернативнаго вопроса о кражѣ, ставится еще третій вопросъ о самоуправствѣ: встрѣченный однажды въ Петербургскомъ судѣ усмѣшками присяжныхъ этотъ третій вопросъ былъ разрѣшенъ отрицательно, какъ и всѣ остальные вопросы.

Съ другой стороны, повторяю, никакъ нельзя заподозрить присяжныхъ въ послабленіи въ отношеніи грабежей; обыкновенно все сводится къ правильной квалификаціи дѣянія и я знаю случаи, когда, оправдавъ по ограбленію въ лѣсу, присяжные признали виновность въ самоуправствѣ; вообще постановка условнаго вопроса о меньшемъ преступленіи не ослабляетъ готовности присяжныхъ обвинить и часто альтернативные вопросы о кражѣ оставляются безъ отвѣта, въ виду обвиненія по первому—о грабежѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ отказываетъ въ постановкѣ условнаго вопроса о кражѣ, это не мѣшаетъ присяжнымъ правильно разрѣшать вопросъ о грабежѣ и, смотря по обстоятельствамъ,

рѣшить его утвердительно, безъ оговорокъ или съ оговорками, ограничивъ, напримѣръ, въ отношеніи насилія. Въ заключеніе я долженъ указать, что даже при сознаніи подсудимыхъ въ меньшемъ преступленіи не замѣчается стремленія присяжныхъ, во чтобы то ни стало добиваться альтернативнаго вопроса.

Примѣрнымъ случаемъ можетъ служить дѣло, рѣшенное 31 мая 1894 г. въ Москвѣ. Обвинялись крестьяне Григорьевъ, Сѣровъ и Бочаровъ въ томъ, что, отъ времени до времени, вмѣстѣ съ другими, всего до двадцати человѣкъ числомъ, совершали набѣги на склады желѣзной дороги и на виду у сторожей, боявшихся имъ помѣшать, похищали дрова. При попыткахъ задержать ихъ съ похищеннымъ, люди эти вступали въ драку. Григорьевъ, всего 19 лѣтъ отъ роду, не признавшій себя ни въ чемъ виновнымъ и уличенный въ томъ, что замахнулся полѣномъ на жандарма, былъ, несмотря на несовершеннолѣтіе, признанъ виновнымъ въ грабежѣ съ насиліемъ, но во вниманіе къ возрасту признанъ заслуживающимъ снисхожденіе. Сѣровъ и Бочаровъ, сознавшись въ кражѣ дровъ, отвергали не только насиліе, но вообще похищеніе на виду у сторожей. Присяжные засѣдатели въ строгомъ составѣ (4 интеллигентныхъ на 8) не нашли нужнымъ ставить на свое сужденіе вопросъ о кражѣ, несмотря на сознаніе въ этомъ подсудимыхъ и обвинили въ грабежѣ безъ насилія; это ограниченіе, о правильности котораго можно было бы спорить по фактическимъ даннымъ дѣла, являлось, какъ надо думать формой смягченія наказанія, а это смягченіе, въ свою очередь, устранило, согласно формулированному выше эмпирическому закону, дачу снисхожденія подсудимымъ, которые, какъ по сознанію, такъ и по мотиву преступленія (нужда) имѣли право на снисхожденіе.

II.

Число приговоровъ по кражамъ разъ въ десять больше числа приговоровъ по каждому изъ другихъ преступленій, взятыхъ въ отдѣльности, а относительно общаго числа, анализируемыхъ мною, представляетъ чуть не половину (немного менѣе $^{3}/_{7}$); это крупное число, а именно—652 приговора, позволило мнѣ дать въ діаграммѣ къ X таблицѣ почти правильную кривую на основаніи обвинительнаго процента, который для этого преступленія выше средняго.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я не коснусь тѣхъ цифровыхъ выводовъ, которые легко сдѣлать по таблицамъ XVI и XVII о рецидивѣ вообще и по кражѣ въ особенности; вообще из-

слѣдованіе рецидива, отдѣльнаго взятаго, умѣстнѣе будетъ ниже, въ общей, такъ сказать части при разсмотрѣніи вопроса о наказаніи, гдѣ онъ занимаетъ особое мѣсто въ качествѣ обстоятельства, усиливающаго отвѣтственность. Здѣсь я только напомню, что особенные виды кражъ по нашему Уложенію, а именно: кражи въ пути, съ пожара, домашнія, а также похищеніе и истребленіе документовъ, давшія въ общемъ итогѣ 56 приговоровъ, выдѣлены мною въ особую группу въ таблицахъ X и XI и въ діаграммѣ къ таблицѣ X; такимъ образомъ эти особенные случаи кражъ, къ кражамъ такъ сказать, рядовымъ состоятъ почти въ десяти процентномъ отношеніи, почему я съ нѣкоторымъ правомъ сравниваю эти два рода преступленій и обращаю вниманіе на то, что обвинительный процентъ по особеннымъ родамъ кражъ ($44,_{64}$) ниже, чѣмъ тотъ же процентъ по остальнымъ кражамъ ($65,_{27}$). Въ самомъ дѣлѣ ежедневное наблюденіе показываетъ тоже самое и это понятно, такъ какъ присоединеніе къ преступленію квалифицирующихъ обстоятельствъ непремѣнно должно вліять на трудность его доказыванія; впрочемъ, главной причиной слабой сравнительно репрессіи по этимъ особеннымъ кражамъ является то, что въ числѣ нихъ находится рядъ преступныхъ дѣяній, квалификація которыхъ не только крайне затруднительна, но и часто по своему чрезвычайному формализму влечетъ оправдательные приговоры. Я разумѣю необыкновенно растяжимую и по содержанію диспозитивной части, и по санкціи статью 1657.

Существуетъ цѣлый рядъ мертворожденныхъ обвиненій по этой статьѣ. Таковы, напримѣръ, случайные захваты документовъ съ похищенными вещами; хотя практика старательно устраняетъ такіе случаи, однако они все такіи попадаютъ на судъ присяжныхъ и, разумѣется, кончаются оправданіемъ за отсутствіемъ доказательствъ спеціальнаго умысла; въ тѣхъ случаяхъ, когда документы эти захвачены

не случайно, а говоря словами закона, „въ намѣреніи доставить себѣ или другому противозаконную выгоду, трудность доказыванія этого намѣренія и даже невозможность сдѣлать это при покушеніи только—на такую кражу, тоже приводятъ къ оправдательнымъ вердиктамъ.

Въ особенности часты случаи, когда кражи документовъ, и тѣмъ болѣе истребленіе ихъ, не имѣютъ значенія самостоятельнаго преступленія, а составляютъ или приготовленіе къ нему или укрывательство его. Таковы, напримѣръ, случаи, когда кто либо похищаетъ квитанцію ссудной кассы, чтобы, выкупивъ чужое пальто, похитить его; хотя въ такомъ дѣяніи имѣются всѣ признаки, предусмотрѣнные 1657 ст. присяжные однако не соглашаются съ такимъ формальнымъ взглядомъ и не безъ основанія съ житейской точки зрѣнія видятъ въ этомъ случаѣ простую кражу пальто. Наоборотъ часто случается, что совершившій подлогъ, затѣмъ уничтожаетъ при случаѣ этотъ подложный документъ, успѣвшій уже перейти къ другому лицу. Здѣсь также обвиненіе по 1657 ст. отвергалось присяжными, такъ какъ суть въ подлогѣ, а истребленіе документа представляется имъ только укрывательствомъ.

Могутъ быть и такіе случаи, гдѣ относительно истребленнаго документа возникаютъ сомнѣнія,—могъ ли онъ имѣть денежное значеніе и такое сомнѣніе тоже влечетъ рядъ оправданій.

Не останавливаясь болѣе на особыхъ родахъ кражъ въ частности, я постараюсь дать въ сжатыхъ положеніяхъ эмпирическія обобщенія, объ отношеніи присяжныхъ къ кражамъ вообще; на это даетъ мнѣ право значительное число анализированныхъ приговоровъ (свыше 600).

Для обвиненія въ кражѣ, по мнѣнію присяжныхъ, необходимо доказать похищеніе имущества не только чужого, но и находящагося во владѣніи другого лица, поэтому похи-

щеніе брошеннаго не есть кража: тряпичникъ, принявшій bona fide, лежащую на дворѣ, вещь за брошенную, оправдывается.

Согласно съ разъясненіями Сената и присяжные признаютъ слугу, расхищающаго домашнюю обстановку хозяина,—за вора.

Находка и уносъ вещи, найденной во дворѣ дома работникомъ, если вещь эта принадлежитъ хозяину дома и работникъ объ этомъ зналъ, признается не находкой, а кражей.

Нельзя дробить на судѣ присяжныхъ продолжающуюся кражу, совершенную приказчикомъ, на три особыхъ кражи, только потому, что она совершалась постепенно въ декабрѣ, затѣмъ въ январѣ и февралѣ; очевидно рѣшая въ данномъ случаѣ правовой вопросъ, присяжные, обвинивъ по одной изъ этихъ кражъ, оправдываютъ по остальнымъ.

Мы уже знаемъ, что отнятіе въ дракѣ или у пьянаго имущества, въ разсчетѣ, что онъ не замѣтитъ этого, признается не грабежемъ, а кражей; такимъ образомъ термину: „тайное похищеніе“ придается вмѣсто объективнаго значенія, значеніе субъективное; но недобросовѣстное выманиваніе у пьянаго вещи, при условіи, когда это не имѣетъ характера мошенничества, всетаки не признается присяжными за кражу и остается безнаказаннымъ.

Тайное похищеніе у соучастника преступленія своей доли признается не кражей, а обманомъ при дѣлежѣ, т. е. дѣяніемъ ненаказуемымъ. Рядомъ съ этимъ понятно, почему уносъ по необходимости тайкомъ, но своего имущества, не считается кражей; самоуправное же удовлетвореніе себя кражей изъ чужого имущества, которымъ собственникъ законно владѣетъ, признается не самоуправствомъ, а кражей.

Предположеніе объ отсутствіи корыстной цѣли при совершеніи кражи разрушаетъ составъ преступленія кражи въ глазахъ присяжныхъ, но такое предположеніе считается ими за

болѣе или менѣе основательное только тогда, когда это прямо утверждаетъ подсудимый или когда это вообще зиждется на фактическихъ данныхъ дѣла; такъ напримѣръ, ненаказуемо тайное похищеніе, совершенное съ цѣлью повредить потерпѣвшему, хотя бы причиненіемъ ему ущерба, но не ради удовлетворенія корыстныхъ стремленій виновнаго.

Вообще надо сказать, что нерѣдко по дѣламъ о кражѣ, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, оправдательный приговоръ вытекаетъ изъ сомнѣній, возникшихъ у присяжныхъ, относительно состава преступленія; иногда даже сбивчивая и путанная рѣчь защиты можетъ привести къ этому результату; вооруженная кража, какъ мы уже знаемъ легко признается доказанной, когда присяжные доходятъ до такого вердикта путемъ ограниченій, вносимыхъ въ отвѣты, на вопросы о виновности въ разбоѣ; въ такихъ вердиктахъ предполагается доказанной по крайней мѣрѣ готовность употребить оружіе въ дѣло и сообразно съ этимъ взглядомъ при обвиненіяхъ въ вооруженныхъ кражахъ присяжные домогаются доказательствъ, хотя бы непрямого умысла воспользоваться оружіемъ, такъ что наличность только орудія или оружія при ворѣ представляется недостаточной для обвиненія по 1653 ст.; поэтому когда похититель имѣлъ при себѣ только орудіе, захваченное имъ съ собой для взлома, мы всегда встрѣтимся въ вердиктѣ съ ограничительнымъ отвѣтомъ въ томъ смыслѣ, что преступникъ вооруженъ не былъ.

Кража изъ обитаемаго строенія, соединенная со взломомъ, согласно съ закономъ, разсматривается присяжными, какъ кража особенно опасная, почему и взломъ отвергается только тогда, когда къ этому есть фактическія основанія; то обстоятельство, что подобныя ограниченія встрѣчаются при сознаніи подсудимаго въ кражѣ со взломомъ, объясняется тѣмъ, что, квалифицируя самостоятельно дѣяніе, присяжные

и въ вопросѣ о взломѣ, какъ въ вопросѣ правовомъ, дѣйствуютъ независимо отъ того, какъ понимаетъ свое дѣяніе подсудимый. Ограниченіе взлома при такихъ условіяхъ, кажущееся такъ часто смягченіемъ отвѣтственности, объясняется обыкновенно тѣмъ, что сдѣланныя похитителемъ поврежденія, не признаются присяжными взломомъ, такъ напримѣръ поврежденіе плохого замка или извлеченіе пробоя, который едва держался, часто признаются обстоятельствомъ, не имѣющимъ юридическаго значенія, на томъ основаніи, что замкнутое такимъ образомъ помѣщеніе, не можетъ считаться, запертымъ; бываетъ и такъ, что одному изъ соучастниковъ не вмѣняется взломъ, когда сомнительно, имѣлось ли ввиду такое препятствіе при первоначальномъ соглашеніи и если притомъ этотъ соучастникъ не принималъ непосредственнаго участія въ кражѣ, а напримѣръ,—караулилъ.

Было бы неправильно заключить, что присяжные проявляютъ въ этомъ случаѣ формализмъ, требуя, чтобы при обвиненіи въ учиненіи взлома было доказано прикосновеніе каждаго обвиняемаго къ поврежденному замку; напротивъ, можно съ увѣренностью утверждать, что общераспространенная теорія соучастія, по которой всѣ сообщники, затѣявшіе общее дѣло, несутъ и равную отвѣтственность, независимо отъ распредѣленія ролей, вполнѣ раздѣляется присяжными.

Чтобы не отвлекаться далѣе, отмѣчу теперь же, что необходимость особенно строго преслѣдовать кражи въ пути, напримѣръ, въ поѣздахъ, признается присяжными также какъ и по отношенію къ домашней кражѣ, при которой— вообще говоря не бываетъ ограничительныхъ отвѣтовъ. „Присяжными руководитъ въ этомъ случаѣ соображеніе, столь знакомое русскому человѣку, что, „отъ своего вора не убережешься“; если по такимъ дѣламъ дается снисхожденіе, то только по фактическимъ даннымъ, вызывающимъ на это,

такъ напримѣръ, ввиду несовершеннолѣтія и прежней безупречной жизни; но давность преступленія здѣсь, какъ и въ разбоѣ, не создаетъ ненаказуемости.

Мало того: присяжные усматриваютъ въ преслѣдованіи домашней кражи публичный интересъ, (что впрочемъ согласно и съ закономъ), такъ что прощеніе, даруемое in foro потерпѣвшимъ, не удерживаетъ ихъ отъ обвинительнаго приговора; они правильно умозаключаютъ, что домашнюю кражу надо преслѣдовать, оберегая тѣхъ, къ кому похититель можетъ потомъ перейти на жительство.

Столь строгое отношеніе къ этому виду преступленія не мѣшаетъ присяжныхъ индивидуализировать разные случаи, когда и домашній воръ представляется въ нѣсколько особомъ положеніи; таково, напримѣръ, положеніе ребенка, находящагося на воспитаніи и совершившаго кражу у воспитателя или хотя бы у хозяина, но въ возрастѣ моложе 17 лѣтъ. При такихъ условіяхъ былъ оправданъ въ СПБургѣ 14 лѣтній Оборинъ 16 сентября 1886 г. Дѣтская страсть къ путешествіямъ привела Оборина къ тому, что онъ похитилъ у хозяина вещами и деньгами около 2000 р. и былъ задержанъ только въ Варшавѣ; здѣсь онъ освѣдомлялся у свидѣтелей о томъ, можно ли жить за границей безъ паспорта, а задержавшему его городовому предлагалъ взятку; очевидное отсутствіе корыстной цѣли, даже независимо отъ возраста привело къ оправданію.

При домашнихъ кражахъ очень часто обнаруживается, что рядомъ съ подсудимымъ грѣшили и другіе, непривлеченные домочадцы, что въ случаѣ несознанія перваго вноситъ элементъ крайняго сомнѣнія въ дѣло; вообще при домашней кражѣ присяжные требуютъ поэтому наибольшей полноты предварительнаго слѣдствія, такъ что отсутствіе плана или чертежа квартиры можетъ очень невыгодно отразиться на правильномъ исходѣ дѣла.

Что касается доказательствъ состава преступленія кражи вообще, то показаніе потерпѣвшаго вполнѣ достаточно въ этомъ отношеніи; даже при отсутствіи или необнаруженіи потерпѣвшаго, напримѣръ, отъ карманной кражи часовъ въ толпѣ, составъ преступленія считается достаточно установленнымъ показаніемъ свидѣтелей о томъ, что кто-то въ толпѣ крикнулъ „часы украли“ и часы, дѣйствительно, были потомъ найдены на мостовой.

Вообще поличное имѣетъ большое значеніе при кражѣ: когда имѣется поличное, то вполнѣ достаточно для обвинительнаго вердикта, оговора сознавшагося соучастника. Мы не разъ встрѣчались съ тѣмъ, что вообще одна вѣроятность того, что событіе преступяенія имѣло мѣсто—недостаточно, что эта вѣроятность не замѣняетъ отсутствующихъ доказательствъ, именно, состава преступленія; въ кражахъ повторяется тоже самое; вотъ почему, когда потерпѣвшій, бывшій въ нетрезвомъ состояніи указываетъ на поличное, найденное у пившаго съ нимъ лица и высказываетъ предположеніе, что послѣдній обворовалъ его, то даже событіе преступленія не признается достаточно установленнымъ.

Въ иныхъ случаяхъ вѣроятность совершенія преступленія даннымъ лицомъ подрывается тѣмъ, что это лицо оказывается болѣе или менѣе хорошо обставленнымъ въ матеріальномъ отношеніи; такъ напримѣръ въ 1883 г. въ г. Демянскѣ былъ оправданъ человѣкъ, уличенный въ кражѣ фактически, но утверждавшій, что онъ пошутилъ и защита съ успѣхомъ, какъ оказалось, настаивала на томъ, что человѣкъ имѣющій 40 десятинъ земли, не станетъ серіозно красть.

Невозможность установленія событія преступленія на судѣ присяжныхъ на основаніи одной вѣроятности, влекла оправданіе при такихъ условіяхъ лицъ обвиняемыхъ въ укрывательствѣ кражи; но по отношенію ко взлому фактъ нахож-

денія орудія при похитителѣ признается достаточно устанавливающимъ виновность именно этого лица въ совершеніи взлома. Само собой разумѣется, что для признанія крайности, какъ обстоятельства, говорящаго въ пользу подсудимаго,—вѣроятности этого обстоятельства достаточно; точно также имѣніе при себѣ оружія въ силу правила или обычая, напримѣръ солдатомъ или черкесомъ при совершеніи кражи, никогда не приводитъ къ обвиненію въ вооруженной кражѣ.

Провѣрку строгаго отношенія присяжныхъ къ разнаго рода кражамъ удобно произвести, подобно тому, какъ я это дѣлалъ по другимъ родамъ преступленій, выясненіемъ того, въ какихъ случаяхъ присяжные отказываютъ въ снисхожденіи.

Неразъ уже приходилось упоминать, что присяжные, переходя ради смягченія отвѣтвенности къ альтернативному вопросу, не считаютъ возможнымъ идти далѣе и снисхожденія не даютъ, но и внѣ такихъ условій они отказываютъ въ снисхожденіи, какъ по роду кражъ, такъ и въ зависимости отъ личности подсудимаго и способа совершенія кражъ; напримѣръ, конокрадъ вообще не можетъ разсчитывать на снисхожденіе; оно не дается ему даже въ случаѣ сознанія.

Въ одномъ случаѣ было отказано въ снисхожденіи 50-лѣтней женщинѣ, въ первый разъ судившейся, ввиду того, что она украла квитанціи ссудной кассы, что по условіямъ даннаго случая (у бѣднаго человѣка) представлялось особенно безнравственнымъ. Домашняя кража со взломомъ обыкновенно исключаетъ снисхожденіе; когда такая кража согласно неполному сознанію признается совершенной на сумму менѣе 300 р., преступникъ признается не заслуживающимъ снисхожденія; это впрочемъ случай сложный, такъ какъ здѣсь дѣйствуетъ извѣстный уже намъ законъ отказа въ снисхожденіи, когда ограничительный отвѣтъ имѣетъ характеръ смягченія; сельскій рабочій, укравшій у хозяина, не только не

прощается, хотя бы все похищенное нашлось, но ему не дается снисхожденія, несмотря на полное сознаніе.

Кража въ пути относится также къ случаямъ, строгое отношеніе къ которымъ не позволяетъ присяжнымъ давать подсудимому снисхожденіе, когда подсудимый привычный воръ, напримѣръ, рецидивистъ, или когда такая дорожная кража по характеру совершенія близкà къ разбою; вообще особая дерзость при совершеніи кражъ, опасный характеръ ихъ, напримѣръ, обнаженіе ворами ножей въ моментъ задержанія или особая безнравственность кражи (кража у знакомаго) тоже имѣютъ послѣдствіемъ, отказъ въ снисхожденіи. Члены шайки воровъ, несмотря на признаніе и несовершеннолѣтіе, тоже не получаютъ снисхожденія.

Наоборотъ, воръ случайный, вовлеченный въ преступленіе несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, вообще не опасный, иногда даже оправдывается во вниманіе въ его судьбѣ; таково, напримѣръ, положеніе на судѣ привиллегированныхъ, судимыхъ первый разъ; въ этихъ случаяхъ большую роль играетъ наказаніе для такихъ лицъ, а именно: лишеніе правъ за первый же случай. Какъ на типичный примѣръ, укажу на дѣло сына священника Гроздова, оправданнаго 6 октября 1886 г. въ Петербургѣ; особенность этого дѣла заключалась въ томъ, что, взявъ изъ незапертаго сундука во время сна хозяевъ квартиры платье и платокъ и заложивъ ихъ, онъ, будучи опрошенъ о похищеніи, тогда же сознался и даже далъ два рубля на выкупъ вещей. Иногда такіе приговоры имѣютъ даже тенденціозный характеръ; въ особенности замѣтно это тогда, когда интеллигентное большинство принимаетъ горячее участіе въ судебномъ слѣдствіи. 18 января 1891 г. въ СПБургѣ отставной подпоручикъ С. обвинялся въ томъ, что 13 августа 1890 г. въ увеселительномъ саду Лаврова, подойдя къ буфетной стойкѣ, взялъ незамѣтно четыре пятака; на это было обра-

щено вниманіе и за нимъ стали слѣдить, вслѣдствіе чего его и арестовали въ тотъ моментъ, когда онъ собрался на другой стойкѣ захватить серебро. Тенденціозное отношеніе присяжныхъ сказалось въ томъ, что они предлагали цѣлый рядъ вопросовъ, повидимому, вовсе не относившихся къ дѣлу, очевидцу попытки захватить серебро; результатомъ явилось слѣдующее: смущённый придирчивымъ къ нему отношеніемъ, очевидецъ счелъ за лучшее скрыть, что онъ годъ тому назадъ служилъ въ этомъ саду: когда это обнаружилось, то и вопросъ о кражѣ мѣди былъ подвергнутъ сомнѣнію, такъ какъ возникло предположеніе, что администрація сада, желая выжить С. изъ сада въ качествѣ безпокойнаго шумливаго посѣтителя, дала порученіе свидѣтелю-очевидцу слѣдить за нимъ, а свидѣтель этотъ подслужился, сочинивъ отъ себя эпизодъ похищенія и покушенія.—Разумѣется, такая мнительность присяжныхъ привела ихъ къ правильному, осторожному оправдательному приговору; но въ основаніи этой мнительности лежало нежеланіе обвинить и, слѣдовательно, лишить правъ состоянія отставного подпоручика за такую мелкую кражу.

Вообще совершеніе кражи въ первый разъ всегда вызываетъ въ присяжныхъ мысль, что своимъ приговоромъ они можетъ быть навсегда закроютъ подсудимому честную дорогу; въ этихъ случаяхъ какъ то чувствуется, что введеніе условнаго наказанія было бы очень полезно, ибо за отсутствіемъ его присяжные, постановляя оправдательный приговоръ, всячески стараются дать понять подсудимому, что на будущее время онъ долженъ своимъ поведеніемъ загладить первую отпущенную ему вину. Такъ относятся присяжные и къ такъ называемымъ подонкамъ общества: мнѣ случалось наблюдать такіе приговоры относительно проститутки изъ привиллегированныхъ, въ первый разъ обобравшей своего гостя; также былъ оправданъ ввиду неразвитости купеческій сынъ,

который въ пьяномъ видѣ самымъ добродушнымъ и откровеннымъ образомъ, днемъ, съ товарищами, взломалъ лавку своего брата и похитилъ негодный купонъ, полагая, что взять у брата значитъ взять не чужое, а какъ бы свое, разумѣется и сотоварищи его по кражѣ были оправданы; немалое значеніе имѣло при этомъ то, что потерпѣвшій братъ, не имѣя по закону права прекратить дѣло, просилъ объ этомъ присяжныхъ, такъ что кража въ самомъ дѣлѣ получала характеръ семейной кражи и была бы прекращена въ силу закона, если бы въ роли потерпѣвшаго фигурировали родители или супруга потерпѣвшаго.

Мы уже знаемъ, что своего рода привиллегированнымъ положеніемъ пользуются на судѣ женщины, которыя въ силу семейныхъ, а, слѣдовательно, психо-соціальныхъ соображеній вообще разсматриваются на судѣ присяжныхъ, какъ личности съ неполной отвѣтственностью; такъ напримѣръ, ввиду затрудненій для приложенія женскаго труда, женщина, обремененная семьей, иногда оправдывается присяжными въ совершеніи кражи. Общее правило, что вѣроятность оправданія женщины весьма значительна, когда она обвиняется вмѣстѣ съ мущиной, отъ котораго зависитъ,—дѣйствуетъ и въ дѣлахъ о кражахъ въ такой формѣ, что за укрывательство кражи жена при мужѣ не отвѣчаетъ.

Я могу указать и на такой случай, когда мать старуха, предавшаяся пьянству, была оправдана по обвиненію въ укрывательствѣ кражи, совершенной ея дочерью, у которой она была экономически въ рукахъ.

Вообще въ дѣлахъ о кражахъ чрезвычайно рѣзко проявляется дѣйствіе того общеизвѣстнаго закона, что присяжные, соображая послѣдствія вердикта, рѣшаютъ въ сущности вопросъ о наказуемости; такъ напримѣръ въ видахъ смягченія отвѣтственности, отрицается иногда обитаемость помѣщенія, изъ котораго совершена кража; но вообще говоря, ограни-

ченіе соотвѣтствуетъ фактическимъ даннымъ, такъ какъ очень часто крайне вѣроятные для юриста факты оказываются съ точки зрѣнія присяжныхъ сомнительными; такъ, напримѣръ, при кражахъ съ пожара весьма часто дается ограничительный отвѣтъ: „но не съ пожара"; хотя этотъ отвѣтъ обыкновенно подсказанъ сооображеніями о наказуемости, но строится онъ все-таки на весьма тонкихъ подробностяхъ того, въ какой именно періодъ тушенія была совершена кража.

Особенно наглядно забота о наказуемости сказывается въ дѣлахъ, по которымъ въ составѣ присяжныхъ имѣются профессора или юристы, что, разумѣется, является одной изъ причинъ, обусловливающихъ слабость репрессіи въ такихъ процессахъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ.

16-го сентября 1891 г. обвинялся, лишенный особыхъ правъ, Марцыбродскій за покушеніе на пятую по счету кражу (2 ч. 1655 ст.); онъ былъ взятъ съ похищенными вещами въ рукахъ, но не сознавался, тѣмъ не менѣе и защита просила только о снисхожденіи; не желая дать ему это снисхожденіе, но стремясь наиболѣе точнымъ отвѣтомъ выяснить, что кража случайная, а не по ремеслу, хотя такого обвиненія и не предъявлялось, присяжные (9 интел. и 3) изобразили чрезъ старшину-доцента слѣдующее: „виновенъ въ покушеніи, но безъ предъумышленія". Возвращенные (совсѣмъ напрасно) въ совѣщательную комнату, они зачеркнули эту лишнюю прибавку; такое стремленіе связать судъ въ опредѣленіи наказанія, проявляющееся въ такихъ формахъ, само по себѣ не вредитъ дѣлу, но въ большинствѣ случаевъ порождаетъ нежелательно обостренныя отношенія между присяжными и обвинителемъ, а иногда и предсѣдательствующимъ. Это въ особенности наступаетъ тогда, когда боязнь строгаго наказанія, какъ я уже указывалъ, въ связи съ язвительными замѣчаніями прокурора, вызываютъ при-

сяжныхъ на чрезмѣрно скептическое отношеніе къ доказательствамъ. Если къ этому присоединяется участіе со стороны присяжныхъ профессора или юриста, то подъ ихъ вліяніемъ присяжные начинаютъ домогаться въ дѣлѣ, такъ сказать, математически-точныхъ доказательствъ, не останавливаясь въ своемъ скептицизмѣ даже передъ сознаніемъ подсудимаго.

Передамъ вкратцѣ три оправдательныхъ приговора, съ предполагаемыми мотивами, постановленные такимъ составомъ присяжныхъ одинъ за другимъ 10-го ноября 1886 г. въ СПБургѣ.

Этимъ дѣламъ предшествовалъ оправдательный приговоръ, съ котораго день собственно и начался; я уже говорилъ выше въ главѣ VII объ этомъ приговорѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ упоминалъ объ оправданіи Иголяйне составомъ присяжныхъ съ профессоромъ международнаго права во главѣ.

Это оправданіе Иголяйне, нѣсколько раздражившее обвинителя, который и далъ понять это присяжнымъ, настроило ихъ и въ дальнѣйшемъ задаваться излишней глубокомысленностью; разумѣется, это была ошибка и со стороны обвинителя и со стороны присяжныхъ. Неправильное отношеніе послѣднихъ къ судебному дѣлу заключалось въ томъ, что они домогались путемъ аптекарскихъ пріемовъ открыть научно-объективную истину тамъ, гдѣ всего важнѣе непредубѣжденный здравый смыслъ, направленный на отысканіе житейской сути; они пренебрегли этимъ средствомъ, которое въ союзѣ съ житейской опытностью рѣшаетъ большинство дѣлъ въ силу большой только вѣроятности виновности. Въ этомъ пренебреженіи и заключается разгадка слабости профессорскихъ приговоровъ, такъ какъ чистопрактическая способность вырабатывать твердыя убѣжденія, проникнутыя рѣшительностью, находится почти въ постоянномъ противорѣчіи съ выработкой исключительно логическаго мыш-

ленія и теоретическаго скептицизма. Обѣщанные примѣры несложны.

Первымъ за Иголяйне обвинялся Ефимовъ въ совершеніи третьей кражи; онъ уличался тѣмъ, что передъ самымъ обнаруженіемъ кражи былъ замѣченъ близь мѣста преступленія съ бѣлымъ узелкомъ съ красными полосками. Потерпѣвшая предполагала, что это было ея похищенное платье; подсудимый, признанный свидѣтелемъ въ лицо, утверждалъ, что человѣкъ съ узелкомъ былъ кто то другой, а не онъ. Присяжные оправдали Ефимова, предположивъ, что у него могутъ быть другія основанія отпираться, отъ того, что онъ проходилъ съ узелкомъ, такъ какъ узелокъ могъ и не имѣть ничего общаго съ похищеннымъ. Въ слѣдующемъ дѣлѣ обвинялась рецидивистка Сухова — въ совершеніи пятой кражи и въ самовольномъ возвращеніи въ столицу. Сухова зашла въ квартиру къ Савельевой нанять уголъ и при ея уходѣ было замѣчено, что у нея оттопырилась пазуха; свидѣтель Грыбинъ обнаружилъ, что за пазухой у нея былъ, похищенный у Савельевой платокъ; подсудимая не сознавалась и никакихъ объясненій не представила; присяжные оправдали ее въ кражѣ, обвинивъ въ самовольномъ возвращеніи. Сколько можно было понять изъ разспросовъ, присяжные предположили, что платокъ былъ ею найденъ и что она по глупости, не догадываясь сослаться на это, неразумно старается уличить во лжи свидѣтеля Грыбина. Въ первомъ случаѣ было подвергнуто сомнѣнію тождество поличнаго, во второмъ—относительно несомнѣннаго поличнаго было заподозрѣно его уличающее значеніе, наконецъ въ третьемъ случаѣ, догадавшійся подсудимый Дунаевъ сослался на находку 300-тъ рублей, между тѣмъ какъ у соквартиранта его, Петрова, пропало 700 р. и свидѣтельница Головина видѣла незадолго до обнаруженія кражи, что Дунаевъ взялъ изъ сундука Петрова 100 р.; хозяинъ квартиры,

Дроздовъ, которому Дунаевъ заявилъ о находкѣ, удостовѣрилъ, что Дунаевъ затѣмъ сознавался ему въ кражѣ и предлагалъ найти всѣ деньги. Находя, что Дунаеву предсталъ слишкомъ большой соблазнъ (незапертый сундукъ), чтобы, по справедливости, можно было подвергнуть его строгой отвѣтственности за кражу на сумму свыше 300 р., присяжные предпочли заподозрить правдивость свидѣтельскихъ показаній и тождество найденныхъ будто бы 300 р. съ похищенными.

Переходя къ тому значенію, которое на судѣ присяжныхъ по дѣламъ о кражахъ получила крайность и неимѣніе никакихъ средствъ къ работѣ (7 п. 134 ст. и 2 п. 1663 ст.) приходится вспомнить, что состояніе крайности весьма близко къ крайней необходимости (100 ст. Ул. о нак.); подъ это послѣднее въ извѣстныхъ случаяхъ подходятъ посягательства на чье либо право, совершенныя подъ вліяніемъ ощущеній голода, холода, причемъ за виновнымъ признается невмѣняемость [1]), слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ могущественнымъ факторомъ, который на судѣ присяжныхъ совершенно законно, какъ факторъ соціологическій, все шире и шире проявляетъ свою дѣятельность. Трудность установить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, являлось-ли состояніе нужды состояніемъ крайней необходимости или такимъ, которое должно вліять только на степень отвѣтственности, есть, въ сущности, трудность будущаго, такъ какъ въ современной практикѣ только весьма рѣдко состояніе крайности вызываетъ оправданіе, въ особенности это можно сказать относительно обвиняемыхъ несовершеннолѣтнихъ, которымъ присяжные, обвиняя ихъ въ кражѣ *по крайности*, изъ педагогическихъ соображеній отказываютъ однако въ снисхожденіи. Общимъ правиломъ можно считать, что крайность всегда признается, когда есть

---

[1]) Курсъ Уг. пр. Таганцева 1874 вып. I 251.

31

къ этому малѣйшія фактическія основанія, напримѣръ, совершеніе кражи вслѣдъ за выходомъ изъ тюрьмы; при этомъ снисхожденіе дается независимо отъ сознанія или несознанія подсудимаго; но рецидивистъ имѣетъ меньше шансовъ воспользоваться такимъ снисхожденіемъ, въ особенности если онъ не сознается; нельзя не отмѣтить, что рядъ неудачныхъ преслѣдованій, напримѣръ при двухъ состоявшихся обвинительныхъ приговорахъ четыре оправдательныхъ приговора объ одномъ и томъ же лицѣ, располагаютъ присяжныхъ къ тому, чтобы, даже при несознаніи подсудимаго, признать за нимъ крайность и дать снисхожденіе.

Настоящая крайность, однако, въ смыслѣ причины невмѣненія, безразлично къ случайному преступнику или рецидивисту, обыкновенно вызываетъ оставленіе вопроса о крайности безъ отвѣта и оправдательный вердиктъ по первому вопросу. При такихъ условіяхъ вполнѣ возможны вердикты, имѣющіе видъ помилованія, а на самомъ дѣлѣ вызываемые тѣмъ, что судъ ставитъ присяжнымъ вопросъ о крайности только въ смыслѣ обстоятельства смягчающаго отвѣтственность, а не въ смыслѣ обстоятельства уничтожающаго вмѣняемость; еслибы, вопреки рутинѣ, такой вопросъ о крайней необходимости ставился, что̀ нисколько не противорѣчитъ закону, то многіе оправдательные вердикты, оставаясь правомѣрными, получили бы, однако, болѣе законный внѣшній видъ, а именно звучали бы такъ: виновенъ и состояніе крайней необходимости доказано: разумѣется, чаще всего такая метаморфоза наступала бы для дѣлъ по обвиненію несовершеннолѣтнихъ.

Не касаясь здѣсь сложнаго вопроса о зачетѣ предварительнаго заключенія въ наказаніе, я только укажу на то, что оправданіе въ силу такого зачета наблюдается особенно часто, когда по дѣлу доказана крайность, хотя бы и не въ смыслѣ крайней необходимости, хотя въ подобныхъ случаяхъ боль-

шую роль играетъ, сознается или не сознается подсудимый. Приведу слѣдующіе случаи отказа присяжныхъ признать крайность: не признается крайность за подсудимымъ, совершившимъ преступленіе въ пьяномъ видѣ; пошедшій съ украденнымъ въ домъ терпимости также лишается этого смягченія; но вообще при самомъ мягкомъ настроеніи и даже при ограниченіяхъ, имѣющихъ видъ смягченія, присяжные не признаютъ крайности, если для этого нѣтъ никакихъ фактическихъ основаній; это справедливо и для несовершеннолѣтнихъ. При совершеніи преступленій по ремеслу замѣчается систематическій отказъ присяжныхъ въ признаніи крайности, причемъ это выраженіе „по ремеслу“ слѣдуетъ понимать нѣсколько шире, вообще въ смыслѣ привычнаго вора, хотя бы судимаго въ первый разъ; относительно такихъ лицъ признакомъ служитъ, напримѣръ, имѣніе при себѣ орудія для взлома, а тѣмъ болѣе попытка защищаться имъ при поимкѣ; въ подобныхъ случаяхъ присяжные отвѣчаютъ: не по крайности. Не слѣдуетъ смѣшивать поэтому кражу по ремеслу и „привычнаго“ вора съ понятіемъ рецидива: эти понятія не всегда совпадаютъ. Относительно рецидивистовъ дѣйствуетъ общее правило, что независимо отъ признанія или непризнанія подсудимаго, въ случаѣ достаточныхъ фактическихъ данныхъ, признается состояніе крайности и сверхъ того, смотря по обстоятельствамъ, дается снисхожденіе; особенно строго, однако, присяжные относятся къ рецидивистамъ изъ привилегированнаго сословія: у меня въ виду много случаевъ, когда рядомъ съ признаніемъ крайности такимъ рецидивистамъ (2-я часть 1655 статьи) было однако отказано въ снисхожденіи.

Въ заключеніе сошлюсь на слѣдующій оттѣнокъ въ вердиктахъ, доказывающій ту фактическую добросовѣстность присяжныхъ, въ силу которой, какъ я уже не разъ упоминалъ, приговоръ ихъ вообще и относительно крайности въ част-

ности зиждется на обстоятельствахъ дѣла. Неоднократно приходилось мнѣ наблюдать, что при обвиненіи рецидивиста, мужчины или женщины, вообще неисправимаго преступника, въ совершеніи нѣсколькихъ кражъ, присяжные вносятъ слѣдующій оттѣнокъ въ свое пониманіе крайности; крайность, составляющая одно изъ послѣдствій преступнаго ремесла, не признается ими за обстоятельство, могущее смягчить отвѣтственность; поэтому, въ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, они обыкновенно, признавая крайность при совершеніи перваго по времени преступленія, отвѣчаютъ „не по крайности“ относительно всѣхъ позднѣйшихъ дѣяній. Несомнѣнная строгость такихъ приговоровъ указываетъ на то, что очевидное стремленіе выразить подсудимому строгое осужденіе за его жизнь проявляется всетаки не въ ущербъ справедливости, такъ какъ присяжные всетаки вошли въ разсмотрѣніе, и притомъ детальное, обстоятельствъ говорящихъ въ пользу подсудимаго. Несмотря на то, что при обвиненіяхъ въ кражѣ приходится присяжнымъ лицомъ къ лицу встрѣчаться со все ростущей язвой пролетаріата, сознаніе необходимости охранять собственность въ нихъ такъ прочно, что оказывается возможнымъ приводимый ниже приговоръ, основанный исключительно на письменныхъ доказательствахъ.

Нѣкая Ѳедотова, судившаяся въ Петербургѣ въ 1886 г. за третью кражу, уличалась тѣмъ, что, по показанію потерпѣвшей, поймавшей ее за руку, бросила похищенное портмоне на землю, что было удостовѣрено еще посторонним лицомъ. Ни этотъ свидѣтель, ни потерпѣвшая не явились и показанія ихъ были прочитаны; въ этомъ заключалось все судебное слѣдствіе; тѣмъ не менѣе присяжные признали Ѳедотову виновной безъ снисхожденія. Дѣйствительно, оказывалось, что она слѣдила за потерпѣвшей и, будучи схвачена за руку, другой рукой ударила потерпѣвшую по щекѣ; это послѣднее обстоятельство, свидѣтельствовавшее о дерзости, свойственной привычнымъ преступникамъ, въ сущности и рѣшило все дѣло, такъ какъ обрисовало подсудимую въ глазахъ присяжныхъ, какъ неисправимую преступницу по ремеслу.

Покупка завѣдомо краденаго, предусмотрѣнная Мировымъ Уставомъ, только въ исключительныхъ случаяхъ разсматривается присяжными засѣдателями и потому останавливаться

на ней не представляетъ особеннаго интереса. Относительно доказательствъ, потребныхъ для признанія виновности, можно замѣтить, что для присяжныхъ очень важно, чтобы пріобрѣтенная вещь была на виду т. е. или предъявлена въ судъ или возвращена по принадлежности или же, чтобы кто либо изъ свидѣтелей удостовѣрилъ, что онъ видѣлъ эту именно вещь у покупщика, иначе даже оговоръ, сдѣланный главнымъ обвиняемымъ представляется недостаточнымъ.

Что касается завѣдомости пріобрѣтенія краденаго, то даже при оговорѣ необходимо, чтобы завѣдомость была доказана положительными данными: то обстоятельство, что покупщикъ могъ догадываться о преступномъ пріобрѣтеніи продавцемъ, считается недостаточнымъ для обвиненія; дешевизна покупки точно также не замѣняетъ отсутствующихъ прямыхъ доказательствъ завѣдомости.

Причина такой строгости совершенно ясна: дѣло въ томъ, что малѣйшее послабленіе должно бы привести на скамью подсудимыхъ всѣхъ безъ исключенія барышниковъ, которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ только тѣмъ и занимаются, что пріобрѣтаютъ задешево подозрительныя вещи, кромѣ того нерѣдко преступникъ имѣетъ личные счеты съ людьми этой профессіи т. е. барышниками, такъ что при оговорахъ въ покупкѣ завѣдомо краденаго весьма часты случаи мести барышнику, за содѣйствіе полиціи при обнаруженіи похитителя или просто—шантажное отношеніе послѣдняго къ барышнику, какъ къ лицу болѣе его состоятельному. Бываютъ очень оригинальные случаи спеціальнаго, такъ сказать, характера, когда приведенные выше общія положенія особенно рѣзко проявляются во всей своей разумности. Мнѣ пришлось обвинять въ похищеніи изъ кассы петербургскаго казначейства цѣлой партіи листовъ гербовой бумаги; эти листы были распространены похитителемъ между служителями казначейства, которые, разумѣется, могли догадываться, что

это листы краденые. Присяжные съ особымъ вниманіемъ изслѣдовали вопросъ о томъ, существуетъ ли вольная продажа такихъ листовъ въ стѣнахъ казначейства; оказалось, что хотя по закону есть только казенная продажа изъ кассы, но на практикѣ терпится широкая торговля этими листами, производимая служителями. Такое обстоятельство естественно заставило присяжныхъ требовать спеціальныхъ доказательствъ завѣдомости покупки краденаго, по отношенію къ каждому изъ четверыхъ привлеченныхъ служителей и, за отсутствіемъ этихъ данныхъ, эти послѣдніе были оправданы.

Въ такомъ же положеніи оказался петербургскій купецъ Ѳедотовъ, дважды оправданный петербургскими присяжными въ декабрѣ 1889 г. и послѣ кассаціи 4 мая 1894 г.

Ѳедотовъ обвинялся въ пріобрѣтеніи завѣдомо краденой десятичной акціи М.-Р. ж. дороги, украденной у Целерицкихъ; такъ какъ такая акція представляла предъявительскую бумагу, свободно обращающуюся и не подлежащую возврату въ качествѣ похищенной вещи въ силу особыхъ разъясненій Кассаціоннаго Сената, то не состоялось бы и преданіе Ѳедотова суду, если бы не особенно подозрительное пріобрѣтеніе этой акціи. Такъ какъ оказалось однако, что банки и конторы, опираясь на Сенатскую практику торгуютъ предъявительскими бумагами, не стѣсняются въ торговлѣ даже прямыми заявленіями потерпѣвшихъ о нумерахъ только что похищенныхъ бумагъ, то разумѣется потребовалось представленіе доказательствъ того, что, пріобрѣтая акцію, Ѳедотовъ имѣлъ положительныя свѣдѣнія о томъ, что она краденая.

Между тѣмъ оказалось возможнымъ установить только то, что не будучи особенно разборчивъ при покупкѣ процентныхъ бумагъ, Ѳедотовъ открыто сдѣлалъ распоряженіе въ своей конторѣ, чтобы акція была поскорѣй сбыта въ Москву, такъ какъ призналъ ее подозрительной: одинъ изъ подсудимыхъ, продавшій Ѳедотову эту акцію, будучи допрошенъ на второмъ разбирательствѣ, далъ показаніе, объяснившее эту поспѣшность; по его словамъ Ѳедотовъ, принимая акцію, самъ сказалъ свидѣтелю при покупкѣ: „вѣрно краденая".

Рѣшивъ, что Ѳедотова нельзя обвинить въ покупкѣ завѣдомо краденаго и не желая все-таки оставить его безнаказаннымъ, а главное оставить ему похищенную акцію, присяжные сами формулировали альтернативный вопросъ, въ постановкѣ котораго, однако, имъ было отказано судомъ, такъ какъ желая поставить вопросъ о недонесеніи, они въ сущности ставили вопросъ о виновности въ укрывательствѣ, т. е. въ преступленіи болѣе серіозномъ. Ввиду такого отказа и послѣдовала кассація приговора. Для второго состава былъ поставленъ уже вопросъ о недонесеніи въ чистой формѣ; но на этотъ разъ Ѳедотовъ на судѣ возвратилъ акцію потерпѣвшему и былъ оправданъ.

Зато, когда по дѣлу о покупкѣ краденаго выясняется, что подсудимый скупщикъ краденаго по ремеслу, то хотя бы онъ судился въ первый разъ, а тѣмъ болѣе являлся рецидивистомъ по этой спеціальности, то онъ обвиняется, безъ снисхожденія и безъ особенно „дальнихъ справокъ".

III.

Растрата на судѣ присяжныхъ представляетъ собой одно изъ тѣхъ преступленій, по которымъ вердикты въ высшей степени разнообразны, при этомъ такое разнообразіе надо понимать не только въ томъ смыслѣ, что часто по дѣламъ, повидимому схожимъ, бываютъ разные приговоры, но и въ такомъ, что при обвинительныхъ приговорахъ случаются сложныя комбинаціи въ отвѣтахъ.

Первая черта объясняется тѣмъ, что нравственная личность растратчика представляетъ множество оттѣнковъ, также какъ и характеръ растраты, а разнообразіе въ обвинительныхъ вердиктахъ въ смыслѣ сложности зависитъ отъ слѣдующихъ двухъ причинъ: обвиненіе въ растратѣ можетъ въ силу закона вступать въ различныя сочетанія съ фактомъ пополненія растраты или обязательствомъ это сдѣлать и съ константированіемъ или отрицаніемъ легкомыслія подсудимаго; другая причина та, что обыкновенно совершеніе растраты комбинируется въ жизни — что отражается и на постановкѣ обвиненія — съ разными другими преступленіями, напримѣръ съ мошенничествомъ, похищеніемъ или истребленіемъ документовъ и особенно часто, съ подлогами. Слѣдуя своей системѣ, я остановлюсь прежде всего на отношеніи суда присяжныхъ къ составу преступленія растраты и на доказательствахъ, свойственныхъ этому преступленію, а затѣмъ перейду къ разсмотрѣнію разнаго рода вердиктовъ, поясняя общія соображенія ссылками на примѣрные процессы.

Слѣдуетъ прежде всего имѣть ввиду, что при обвиненіи въ растратѣ недостатокъ той или другой суммы долженъ быть математически точно доказанъ, почему умная и, на случай спора, находчивая экспертиза представляется безусловно необходимой, за исключеніемъ развѣ самыхъ простыхъ случаевъ, гдѣ достаточно ариѳметики и вовсе не нужно бухгалтеріи. Большая вѣроятность недостачи не удовлетворяетъ присяжныхъ и обвинитель, положившійся, напримѣръ, на то, что одна изъ отдѣльныхъ суммъ, входящихъ въ составъ растраты, сама по себѣ выше 300 р., подвергнулъ бы большому риску свое дѣло, если-бы, отказавшись отъ точнаго установленія всей суммы растраты, ограничился ссылкой на то, что растрата, во всякомъ случаѣ, свыше 300 р.; такой пріемъ былъ бы одинаково опасенъ, еслибы даже и подсудимый далъ показаніе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ достаточно небольшой опытности въ счетоводствѣ, чтобы понимать, какъ обманчивы могутъ оказаться выкладки, недоведенныя до полной ясности, до послѣдней единицы; возможенъ цѣлый рядъ самыхъ непредвидѣнныхъ ошибокъ, неполноты записи и т. п., слѣдствіемъ чего является нерѣдко напрасное сознаніе заблуждающагося подсудимаго. Еще менѣе доказательными являются поэтому улики поведенія, напримѣръ, что подсудимый, особенно несовершеннолѣтній, скрылся отъ слѣдствія или упорно уклонялся отъ разсчетовъ до суда или даже на судѣ.

Но и самый фактъ растраты, будучи доказанъ, еще не приводитъ самъ по себѣ къ заключенію о виновности, такъ какъ растрата требуетъ умышленности и не можетъ быть отождествляема съ небрежностью въ веденіи счетовъ; — наконецъ, умыселъ при растратѣ долженъ быть направленъ на корысть и на чужое имущество; отсюда нерѣдки самооправданія подсудимыхъ, въ общемъ довольно успѣшныя,

на тему о томъ, что обвиняемый въ растратѣ въ сущности самоуправно платилъ себѣ жалованье или возмѣщалъ долгъ.

Представимъ себѣ такой случай. Нѣкто отдалъ другому на сохраненіе свое имущество, предоставивъ ему продать его въ свою пользу при соблюденіи какого либо условія, т. е. при совершеніи того или другого дѣйствія, дающаго право на такую продажу; не исполнивъ такое условіе, подсудимый воспользовался ввѣреннымъ имуществомъ, но оправдывается присяжными, которые не безъ основанія видятъ здѣсь не преступленіе, а неисполненіе гражданскаго договора.

Присяжные дѣлаютъ большую разницу между растратами общественными и частнаго характера и если обнаруженіе даже значительныхъ безпорядковъ въ счетоводствѣ въ учрежденіи не мѣшаетъ обвиненію въ растратѣ, разумѣется при условіи, что растрата доказана, то попытка потерпѣвшаго — частнаго лица — привлечь вниманіе присяжныхъ къ доказательствамъ факта растраты, наступившей среди и вслѣдствіе полнаго безпорядка въ дѣлахъ, встрѣчается вяло и недовѣрчиво.

Объясняется это тѣмъ, что частная растрата съ общественной точки зрѣнія представляется преступленіемъ, которое при извѣстныхъ условіяхъ дѣйствительно можетъ и не касаться общественныхъ интересовъ; нерѣдко приходится и между юристами слышать мнѣніе, что денежная растрата у частнаго лица, будучи погашена, теряетъ свой преступный характеръ; до извѣстной степени и законъ нашъ склоняется къ такому взгляду въ болѣе серіозныхъ, собственно, растратахъ, а именно, растратахъ по службѣ, гдѣ пополненіе растраченнаго почти совсѣмъ устраняетъ наказаніе въ техническомъ значеніи слова (отрѣшеніе отъ должности).

Справедливость требуетъ сказать, что относясь строго къ растратѣ, когда нарушено особое довѣріе потерпѣвшаго,

присяжные не смущаются уплатой части растраченнаго, хотя бы это и вызвало потерпѣвшаго на отказъ отъ иска, но съ другой стороны не только уплата части, но даже и полное возмѣщеніе недостающаго не принимаются ими въ смыслѣ доказательства виновности.

Существуютъ категоріи частныхъ растратъ, къ которымъ присяжные относятся, какъ къ преступленіямъ, караемымъ въ особенности строго во имя общественнаго блага; таковы, напримѣръ, растраты старшимъ дворникомъ или управляющимъ денегъ, внесенныхъ за квартиры или прописку паспортовъ и хотя хозяева домовъ часто въ подобныхъ случаяхъ отказываются отъ преслѣдованія, но такое послабленіе остается безъ результата, такъ какъ настоящими потерпѣвшими являются жильцы.

Я уже указалъ, что причиной строгаго отношенія присяжныхъ къ растратѣ является не матеріальный ущербъ, а нарушеніе довѣрія, т. е. безнравственный характеръ дѣянія; вотъ почему разгульная, пьяная жизнь не ведетъ въ подобныхъ дѣлахъ къ смягченію отвѣтственности, если преступникъ оказывается испорченнымъ человѣкомъ; находя лишеніе правъ слишкомъ строгимъ послѣдствіемъ для привилегированнаго подсудимаго за первую растрату, въ особенности, если она совершена „подъ пьяную руку", присяжные не останавливаются передъ обвинительнымъ приговоромъ и въ подобномъ случаѣ, если этотъ привилегированный оказывается испорченнымъ человѣкомъ. Наоборотъ, отсутствіе хищническаго характера дѣятельности, такъ, напримѣръ, совершеніе растраты лицомъ, дѣятельность котораго обезпечена залогомъ, имъ же внесеннымъ, или употребленіе растраченныхъ денегъ на выдачу ссудъ ввидѣ противовѣса сельскимъ ростовщикамъ или, наконецъ, неудавшійся на чужія деньги оборотъ, предпринятый отцомъ большого семейства, хотя бы и не особенно строгой жизни,—приводятъ

къ смягченію отвѣтственности путемъ ограниченія, а иногда и къ оправданію по отсутствію ясно выраженной корыстной цѣли; изъ ряда растратъ, имѣющихъ формальный характеръ и потому прощаемыхъ, выдѣляется дѣйствительная корыстная растрата подлежащая вмѣненію, хотя и въ возможно мягкой формѣ; наконецъ, для человѣка съ хорошей репутаціей, при сознаніи и попыткахъ пополнить растраченное, притомъ совершившаго растрату въ первый разъ,— полугодовое предварительное заключеніе признается достаточнымъ наказаніемъ и онъ оправдывается т. е. дѣлается зачетъ въ наказаніе этого заключенія.

Относительно распредѣленія снисхожденія между обвиненными, можно вообще указать на основное дѣленіе растратъ, имѣющее такое большое значеніе въ глазахъ присяжныхъ. Я разумѣю два вида растратъ, которыя можно назвать наступательной и оборонительной растратой. Надо замѣтить, что въ первыхъ особенно рѣзко скрывается корыстный характеръ этого преступленія, почему здѣсь дача снисхожденія большая рѣдкость. Это растраты, прямо затѣянныя въ цѣляхъ наживы, таково, напримѣръ пользованіе случаемъ, что въ руки попала большая сумма, съ которой виновный и скрылся; пріемъ вкладовъ при обнаружившемся уже раззореніи, такъ было по дѣлу Зингера; даже затрачиваніе чужихъ денегъ на кутежъ;—по такимъ растратамъ обыкновенно отказываютъ въ снисхожденіи и, признавая иногда легкомысліе, отрицаютъ то, что виновный обязался возвратить растраченное; отчасти такое отрицательное отношеніе къ этому послѣднему вопросу зависитъ отъ того, что виновный въ хищнической наступательной растратѣ обыкновенно и не обнаруживаетъ серіознаго намѣренія пополнить недостающую сумму, но съ другой стороны по свойству такихъ дѣлъ, присяжные часто встрѣчаются въ нихъ съ запирательствомъ или неполнымъ сознаніемъ,

при этомъ послѣднемъ условіи т. е. при неполномъ сознаніи, я наблюдалъ отказъ въ снисхожденіи даже несовершенно-лѣтнему растратчику, признанному дѣйствовавшимъ по легкомыслію и обязавшемуся возвратить растраченное. Снисхожденіе впрочемъ дается иногда по такимъ неуловимымъ соображеніемъ, что представляются значительныя трудности для анализа этого явленія; такъ, напримѣръ, нерѣдко даже растратчику — хищнику, кутившему на чужія деньги, даруется снисхожденіе; это впрочемъ чаще бываетъ тогда, когда, попавшись случайно на прочетѣ или потерявъ часть денегъ, подсудимый сначала шелъ путемъ оборонительной растраты, поочередно погашая подлежащія отчету суммы, въ недостающихъ частяхъ, новыми поступленіями, а затѣмъ, махнувъ рукой, отдавался кутежу.

Что касается соучастія въ растратѣ, то опять таки въ силу взгляда присяжныхъ на это преступленіе, постороннее лицо, хотя бы и воспользовавшееся растраченнымъ, признается ненаказуемымъ; точно также, молчаливое попустительство растраты лицомъ, имѣвшимъ надзоръ за подсудимымъ, не признается соучастіемъ въ растратѣ, если не имѣется ввиду положительныхъ доказательствъ корыстнаго умысла; но когда въ растратѣ имѣется отвѣтственный соучастникъ и притомъ главный виновный, который однако оказывается непривлеченнымъ къ дѣлу, тогда дѣйствуетъ общее правило, по которому согласно принципу относительной справедливости, наличный подсудимый признается невиновнымъ.

Дѣла, по которымъ присяжные выносятъ вердикты, названные мною выше сложными, представляютъ очень удобный матеріалъ для нагляднаго выясненія того, какъ оттѣняютъ присяжные засѣдатели наиболѣе преступные, по ихъ мнѣнію, виды растратъ, изъ числа такъ называемыхъ наступательныхъ.

Посмотримъ, напримѣръ на дѣло, разбиравшееся 29 октября 1892 г. въ СПБургскомъ Окружномъ Судѣ; обвинялся несовершеннолѣтній Кеслеръ, въ томъ, что въ качествѣ прикащика Финкинга, утаилъ у себя бланкъ векселя съ подписью отъ имени Бари, сказавъ хозяину, что уничтожилъ этотъ вексель, ввиду того, что Бари не призналъ своей подписи при предварительныхъ переговорахъ о перепискѣ этого векселя (невыполненнаго бланка); заявленіе было Кеслеромъ сдѣлано въ декабрѣ 1887 г., между тѣмъ въ 1891 г. Кеслеръ, какъ оказалось, выполнивъ этотъ бланкъ на свое имя, передалъ его нѣкоему Коршу, въ погашеніе своихъ личныхъ счетовъ. Сознавшись на судѣ въ присвоеніи вексельнаго подписаннаго бланка, онъ отвергалъ свою виновность въ подложномъ составленіи векселя (подложное вписаніе текста безъ вѣдома векселеподписателя); тѣмъ не менѣе рядомъ доказательствъ, почти исключительно уликъ поведенія, было установлено, что никакихъ дѣлъ у него съ векселеподписателемъ не было. Присяжнымъ было поставлено два вопроса: первый по 1657 ст., почему въ немъ было введено выраженіе о присвоеніи бланка съ намѣреніемъ извлечь себѣ противозаконную выгоду, второй вопросъ о доказанности подлога и третій о виновности въ подлогѣ.

Установивъ фактъ подлога и признавъ виновность Кеслера въ подлогѣ, присяжные дали ему снисхожденіе; по первому же вопросу, обвинивъ Кеслера въ присвоеніи, совершенномъ по легкомыслію и признавъ доказаннымъ обязательство съ его стороны вознаградить потерпѣвшаго, они не дали ему снисхожденія и сначала ограничили свой отвѣтъ „да виновенъ“ (въ присвоеніи) словами; „безъ намѣренія извлечь выгоду“. По разъясненіи имъ предсѣдательствующаго, что они такимъ образомъ отвергаютъ умыселъ и что такой отвѣтъ равносиленъ оправдательному приговору, они зачеркнули сдѣланное ими ограниченіе.

По объясненію старшины присяжные не колебались признать виновность Кеслера въ присвоеніи бланка, но своимъ ограниченіемъ хотѣли только отмѣтить, что по ихъ мнѣнію, удерживая у себя бланкъ въ 1887 г., Кеслеръ вѣроятно не имѣлъ ввиду воспользоваться имъ для совершенія подлога въ 1891 году.

Такимъ образомъ присяжными былъ вынесенъ обвинительный приговоръ о растратѣ (присвоеніи), которая, по мысли обвинителя, служила приготовленіемъ къ подлогу; еслибы мы не имѣли объясненія старшины, то настоящее дѣло представило бы собой случай, противорѣчащій уже встрѣчавшемуся намъ эмпирическому закону, по которому вслучаѣ обвиненія въ нѣсколькихъ преступленіяхъ подсудимаго не обвиняютъ по тому изъ дѣяній, за которымъ признаютъ характеръ укрывательства главнаго преступленія или приготовленія къ нему. Но ввиду объясненія старшины мы знаемъ, что это обвиненіе въ присвоеніи состоялось при условіи, что присвоеніе было признано присяжными въ качествѣ самостоятельнаго, не связаннаго съ подлогами дѣянія.

Другое заключенiе, которое можно вывести изъ настоящаго дѣла, ввиду того, что такое же явленiе наблюдается и въ рядѣ подобныхъ дѣлъ, какъ мы увидимъ ниже, заключается въ томъ, что наступательный характеръ растраты особенно рѣзко проявляется въ случаяхъ, когда рядомъ съ растратой формулировано и другое обвиненiе (подлогъ, мошенничество, злоупотребленiе довѣрiемъ и т. д.); а это въ свою очередь, какъ мы уже знаемъ, побуждаетъ присяжныхъ къ обвинительному вердикту; въ этихъ случаяхъ для присяжныхъ безразлично, поставлены ли сопутствующiя обвиненiя, какъ дѣянiя самостоятельныя, или они служатъ одно для другого приготовленiемъ или укрывательствомъ; или же, наконецъ, исключаютъ одно другое, будучи предложены на разсмотрѣнiе присяжныхъ въ формѣ альтернативныхъ вопросовъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ самая возможность колебанiй въ квалификацiи, т. е. возможность напримѣръ спрашивать: было ли дѣянiе мошенничествомъ или растратой, говоритъ за особую преступность и, слѣдовательно, наказуемость дѣянiя.

Этимъ объясняется, напримѣръ, обвинительный приговоръ въ растратѣ при условiяхъ, когда въ сущности было бы очень легко, какъ это и требуется всегда защитой,— свести уголовное дѣло на почву спора о разсчетѣ. Таково было, напримѣръ, дѣло Левенсона, обвиненнаго 12 Мая 1887 г. въ СПБургѣ въ томъ, что при постройкѣ съ подряда дома онъ преувеличивалъ счета при помощи дутыхъ росписокъ и такимъ образомъ получалъ въ свою пользу болѣе на самомъ дѣлѣ израсходованнаго; такая подготовка преувеличенныхъ требованiй, не будучи признана присяжными въ смыслѣ мошенничества (по первому вопросу), была однако признана нарушенiемъ довѣрiя (растрата), имѣвшимъ, такъ сказать, наступательный характеръ.

Позволю себѣ привести еще одинъ случай, въ которомъ сказалось тоже самое.

27 ноября 1892 г. въ мѣняльную лавку купца Кудрявцева пришелъ изъ мѣняльной лавки купчихи О. Д. Бѣлиной ея приказчикъ Трапезниковъ и попросилъ дать ему для покупателя три билета третьяго 4% внутренняго займа, одинъ въ 10,000 р., а два по тысячѣ руб. каждый, необходимые для обмѣна на конверсію билетовъ Тульскаго банка и городского Кредитнаго Общества. Сначала они не сошлись въ цѣнѣ и Трапезниковъ ушелъ. Возвратившись черезъ полчаса Трапезниковъ согласился дать за эти билеты требуемую Кудрявцевымъ сумму по полученіи денегъ отъ покупателя и, взявъ билеты, ушелъ. Часа черезъ полтора Кудрявцевъ послалъ къ Трапезникову приказчика съ требованіемъ разсчета за взятыя бумаги, но Трапезниковъ отвѣтилъ Коровкину, что никакихъ бумагъ у Кудрявцева онъ не бралъ. Тогда Кудрявцевъ самъ пошелъ, но и ему Трапезниковъ повторилъ то же самое, т. е. что бумагъ онъ у него не бралъ. Кудрявцевъ заявилъ обо всемъ полиціи, и у Трапезникова, въ лавкѣ Бѣлиной, произвели обыскъ, но бумагъ Кудрявцева не нашли. Послѣ этого Трапезникова „пригласили“ въ сыскное отдѣленіе, гдѣ Трапезниковъ сознался, указавъ мѣсто, гдѣ спряталъ бумаги. Немедленно въ лавкѣ Бѣлиной произвели вторичный обыскъ, причемъ Трапезниковъ, доставъ взятыя у Кудрявцева бумаги на 12,000 руб., лежавшія подъ выручкой, передалъ ихъ собственнику.

На судѣ, происходившемъ въ СПБ. 4 мая 1893 г., Трапезниковъ тоже сознался и заявилъ, что самъ не знаетъ, какъ это случилось. Потерпѣвшій Кудрявцевъ объяснилъ, что подсудимый сначала упорно запирался и сознался лишь на другой день. Случалось нерѣдко, что онъ приходилъ къ свидѣтелю и бралъ разныя бумаги тысячъ даже на пять, но никогда ничего подобнаго настоящему не было. Кудрявцевъ получилъ свое, вполнѣ удовлетворенъ и простилъ Трапезникова.

Бѣлина, которой подсудимый приходится племянникомъ, показала, что онъ служитъ у нея 14 лѣтъ, всегда былъ исправенъ, человѣкъ честный и никогда ничего худого за нимъ не замѣчалось. Онъ и теперь завѣдуетъ ея мѣняльной лавкой. Мѣнялы Алферовъ, у котораго раньше служилъ Трапезниковъ и отошелъ по своей волѣ, и Терентьевъ, довѣрявшій ему тысячъ на двадцать бумагъ единовременно, отозвались о подсудимомъ съ весьма хорошей стороны, добавивъ, что ничего подобнаго они за Трапезниковымъ даже не предполагали.

По обвинительному акту Трапезниковъ обвинялся въ мошенничествѣ, но по просьбѣ защитника, судъ постановилъ второй вопросъ о присвоеніи, на который присяжные засѣдатели дали слѣдующій отвѣтъ, да, виновенъ, совершилъ присвоеніе по легкомыслію, добровольно вознаградилъ потерпѣвшаго и заслуживаетъ снисхожденія.

Въ этомъ дѣлѣ точно также присяжные стали на ту точку зрѣнія, что, забирая билеты у Кудрявцева, Трапезниковъ можетъ быть и имѣлъ въ виду требованіе какого-нибудь покупателя, почему и не признали случай мошенничества, но зато обвинили по растратѣ, которая въ сущности, въ ряду растратъ наступательныхъ, т. е. не вызванныхъ стеченіемъ особенныхъ обстоятельствъ (напр, кутежъ, потеря),

представляется одной изъ самыхъ легкихъ формъ (большой, случайно наступившій соблазнъ); смѣло можно сказать, что тѣнь недоказаннаго мошенничества придала болѣе мрачный оттѣнокъ этой растратѣ, совершонной, къ тому же, съ нарушеніемъ спеціально торговаго довѣрія.

Вообще нарушеніе спеціальнаго довѣрія, оказываемаго хотя бы въ силу родственныхъ или вообще личныхъ сношеній въ смыслѣ обстоятельства, увеличивающаго вѣроятность обвинительнаго приговора, заключается въ томъ, что, удовлетворяя свои корыстныя стремленія, подсудимый пренебрегъ такими личными узами, разрывъ которыхъ указываетъ на особую безнравственность; это же понятіе встрѣчалось намъ уже выше въ дѣлѣ статскаго совѣтника Шмидта, обвиненнаго въ расхищеніи состоянія своей двоюродной сестры.

Въ декабрѣ 1894 года московскіе присяжные вынесли обвинительный вердиктъ подсудимому М.-Щ., признавъ, что, имѣя у себя по довѣрію Бенардаки, на воспитанницѣ которой онъ былъ женатъ и у которой жилъ въ домѣ въ качествѣ завѣдующаго ея имуществомъ, онъ употребилъ въ свою пользу принадлежащія Бенардаки облигаціи Жиздринскаго городского общества.

Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ: жена М.-Щ. вышла за него замужъ противъ воли своей пріемной матери, которая послѣ того года два ихъ не принимала. Въ 1887 г. Бенардаки заболѣла и М.-Щ., узнавъ объ этомъ, явилась за ней ухаживать. Состоялось примиреніе, и вслѣдъ за женою переселился въ квартиру Бенардаки и обвиняемый. Бенардаки стала оказывать ему довѣріе, и онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ завѣдывалъ ея дѣлами. Въ 1891 г. между супругами произошла размолвка и М.-Щ. уѣхалъ за границу. Послѣ его отъѣзда г-жа Бенардаки, провѣряя свои бумаги, не нашла между ними квитанціи конторы Волкова въ пріемѣ на храненіе 274 облигацій Жиздринскаго городского Общества и попросила жену М.-Щ. поискать ее у мужа въ письменномъ столѣ. Этой квитанціи и тамъ не оказалось, но за-то найдены были 12 штукъ Жиздринскихъ облигацій, которыя были даны г-жею Бенардаки М.-Щ. для полученія по нимъ денегъ, какъ вышедшія въ тиражъ, квитанція на залогъ такихъ же облигацій и нѣсколько купоновъ. По справкѣ въ конторѣ Волкова оказалось, что всѣ 274 облигаціи были получены. Эти данныя, установленныя на судѣ чтеніемъ письменныхъ показаній потерпѣвшею и женою М.-Щ. отвергались однако подсудимымъ М.-Щ. который утверждалъ, что облигаціи были подарены женѣ его ея воспитательницей, частью израсходованы на нужды послѣдней, а частью отданы свидѣтелю князю О. Свидѣтель князь О. показалъ, что, какъ ему извѣстно, между супругами М.-Щ. вышла размолвка изъ-за покупки дома наслѣдниковъ Бартельса. М.-Щ. хотѣлъ купить этотъ домъ, сторговался и далъ 16 т. р. задатку. Недостающую сумму обѣщала дать ему Бенардаки, но въ рѣшительную минуту объявила, что дастъ деньги только въ томъ случаѣ, если купчая будетъ сдѣлана на имя жены его. М.-Щ. разсердился, передалъ женѣ права по задаточной рас-

пискѣ, взявъ и съ нея расписку въ 16 т., и уѣхалъ за границу. Впослѣдствіи, когда М.-Щ. былъ объявленъ несостоятельнымъ, его жена внесла эти 16 т. р. въ конкурсъ. Онъ слышалъ, что Бенардаки подарила М.-Щ., или его женѣ, на 27 т. облигацій жиздринскаго городскаго займа и онъ, свидѣтель, взялъ часть ихъ для залога. Заложены онѣ были частью въ конторѣ Джамгарова, частью у Полякова, а нѣсколько штукъ въ мѣняльной лавкѣ Земцова. Облигаціи эти даютъ 7%, но на биржѣ не котируются, и залогъ ихъ очень невыгоденъ: случалось, что ихъ принимали по 88 и 89 за сто, но проценты приходилось платить очень большіе,—Земцовъ, напр., бралъ съ него по $1\frac{1}{2}$ процента въ мѣсяцъ. Часть полученныхъ отъ залога денегъ свидѣтель отдалъ М.-Щ., а остальное взялъ для своихъ дѣлъ. Облигаціи и до сихъ поръ еще не выкуплены, нужно тысячъ 12, чтобы ихъ выкупить. Передъ отъѣздомъ за границу М.-Щ., очень безпокоившійся о судьбѣ облигацій, нѣсколько разъ просилъ его озаботиться выкупить облигаціи и отдать ихъ женѣ, говоря, что при теперешнихъ отношеніяхъ онъ не желаетъ быть у нея въ долгу. Г-жа Бенардаки очень богата, но скупа. Обвиняемый и его жена видимо ея боялись и скрывали отъ нея залогъ подаренныхъ ею облигацій. М.-Щ., по мнѣнію свидѣтеля, человѣкъ очень добрый и честный, но нѣсколько легкомысленный.

После этого показанія былъ прочитанъ протоколъ осмотра письма М.-Щ. къ кн. О.,—черноваго, найденнаго въ письменномъ столѣ обвиняемаго. Въ этомъ письмѣ М.-Щ. очень настоятельно проситъ кн. О. возвратить облигаціи, взятыя имъ только на одну недѣлю и не возвращаемыя даже и черезъ шесть мѣсяцевъ, говоритъ, что онъ, т. е. кн. О., подводитъ его подъ пулю или въ тюрьму, такъ какъ Е. И. т. е. Бенардаки, не задумается заявить жалобу слѣдователю или прокурору, а если это случится, то ему останется только пустить себѣ пулю въ лобъ.

Не останавливаюсь на подробной передачѣ обстоятельствъ этого дѣла, длившагося нѣсколько дней, такъ какъ обвинительный вердикъ присяжныхъ, не отмѣненный сенатомъ (который однако разсматривалъ дѣло и отмѣнилъ приговоръ суда о наказаніи), позволяетъ утверждать, что присяжные признали невѣрными ссылки подсудимаго на то, будто облигаціи были ему подарены. Оставаясь на этой почвѣ, легко видѣть сходство настоящаго дѣла съ предыдущими въ томъ отношеніи, что осложненія обвиненія въ растратѣ обвиненіями въ другихъ преступленіяхъ—въ данномъ случаѣ въ похищеніи росписки конторы Волкова и въ подлогѣ бланковой надписи отъ имени Бенардаки (въ чемъ подсудимый былъ оправданъ)—всегда побуждали присяжныхъ засѣдателей къ обвинительному приговору въ растратѣ. Въ данномъ дѣлѣ вопросъ о растратѣ имѣлъ характеръ альтернативнаго вопроса и, тѣмъ не менѣе, отвергнувъ преступный переходъ облигаціи Бенардаки къ М. Щ., присяжные сказали стро-

гое — виновенъ, отказавъ подсудимому въ снисхожденіи за употребленіе въ свою пользу чужихъ облигацій при нарушеніи особаго довѣрія. Разумѣется, такому суровому отношенію не мало содѣйствовало невыгодное впечатлѣніе, которое подсудимый производилъ на судѣ, какъ своей личностью, такъ и благодаря пріемамъ защиты. Самое сильное вліяніе, однако, на присяжныхъ въ пользу обвинительнаго приговора произвела личность свидѣтеля, князя О., который, какъ видно изъ приведеннаго выше его показанія, воспользовался частью облигацій Бенардаки. То обстоятельство, что этотъ свидѣтель не фигурировалъ рядомъ съ М. Щ. въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ подсудимаго, могло бы, въ силу эмпирическаго закона дѣйствія соображеній объ относительной справедливости, привести присяжныхъ, можетъ быть, и къ оправданію М. Щ., если бы имъ не было извѣстно изъ списка назначенныхъ къ слушанію дѣлъ, что вслѣдъ за дѣломъ Бенардаки будетъ слушаться дѣло по обвиненію того же князя О. вмѣстѣ съ М. Щ. въ растратѣ скаковой конюшни въ тотъ же періодъ времени, въ который былъ совершонъ залогъ жиздринскихъ облигацій. Такимъ образомъ ихъ успокаивало то соображеніе, что отъ нихъ будетъ зависѣть постановить такой вердиктъ по этому второму дѣлу, чтобы относительная справедливость не пострадала.

Разсмотрѣніе этого послѣдняго дѣла было вынужденно отложено, вслѣдствіе того, что одинъ подсудимый и защитникъ другого внезапно заболѣли. Когда оно наконецъ было разсмотрѣно, то послѣдовалъ оправдательный приговоръ[1]), разсмотрѣніе котораго здѣсь излишне, такъ какъ интересъ этого послѣдняго дѣла сводится къ изслѣдованію того вліянія, которое защитники могутъ имѣть въ ущербъ правосудію, какъ при исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей,

---

[1]) Кассированъ впослѣдствіи.

такъ и въ роли присяжныхъ засѣдателей. Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ старшиной присяжныхъ былъ присяжный повѣренный, а я уже выше не разъ останавливался на томъ вредномъ вліяніи, которое оказываютъ юристы въ составѣ присяжныхъ на своихъ временныхъ сотоварищей.

Понятно, что такое изслѣдованіе умѣстно будетъ въ особой работѣ, о которой я упоминалъ во введеніи, а именно при оцѣнкѣ опасностей, грозящихъ нашему институту присяжныхъ.

Отъ растратъ, осложненныхъ другими обвиненіями, перейду, къ, такъ сказать, чистымъ растратамъ, отмѣтивъ при этомъ еще одну особенность: въ то время какъ въ первыхъ растратахъ, т. е. сложныхъ, крайній безпорядокъ въ счетоводствѣ, натолкнувшій на растрату, не служитъ поводомъ къ оправданію подсудимаго, который прикрывалъ свою растрату подлогами; въ чистыхъ растратахъ это обстоятельство весьма легко приводитъ къ оправдательному исходу, особенно если слѣдствіемъ такихъ непорядковъ является противорѣчивость экспертизы на судѣ и трудность, не только выяснить точную цифру, но и самый фактъ растраты; примѣрами, иллюстрирующими сдѣланныя выше замѣчанія, могутъ служить слѣдующія дѣла: обвинительный приговоръ, состоявшійся по дѣлу дворянина и врача Ермилова, судившагося въ августѣ 1885 г. въ С.-Петербургѣ за растрату, въ качествѣ казначея общества покровительства животныхъ, суммъ этого общества на свои нужды, причемъ первымъ толчкомъ къ заимствованію изъ кассы была тяжкая болѣзнь его жены. Примѣромъ второго рода можетъ служить дѣло артельщика Груздева, оправданнаго С.-Петербургскими присяжными 6-го октября 1886 г. за растрату суммъ свыше 300 р., довѣренныхъ ему для отправленія по назначенію въ С.-Петербургскомъ учетномъ ссудномъ банкѣ.

Обыкновенныя растраты, ничѣмъ не осложненныя, пред-

ставляются чаще всего въ слѣдующемъ видѣ: артельщикъ-кассиръ, получивъ случайно нàруки большую сумму, соблазняется и скрывается съ нею или тоже самое случается съ частнымъ лицомъ, получившимъ деньги по почтѣ; при этомъ обыкновенно дѣлается заявленіе о потерѣ или преступникъ, не возвращаясь къ пославшему или въ мѣсто служенія, начинаетъ кутить; наконецъ, очень часто встрѣчающійся случай заключается въ томъ, что приказчикъ второго класса, посылаемый со счетомъ для полученія денегъ, до поры до времени скрываетъ эти получки отъ хозяина, а вслучаѣ прямаго требованія по данному счету, пополняетъ недостающее новыми растратами.

Въ отношеніи суммы растраты по такимъ дѣламъ можно указать на слѣдующій пріемъ, практикуемый присяжными въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненіе предъявляется на сумму свыше 300 р. и цифра въ различныхъ фазисахъ дѣла опредѣлялась различно; мы уже знаемъ, что не точно подсчитанная растрата почти всегда кончается оправданіемъ, но, разумѣется, слѣдуетъ помнить, что это относится къ случаямъ, когда подсудимый споритъ противъ факта растраты, т. е. совсѣмъ отрицаетъ свою виновность; если онъ стоитъ на томъ, что онъ растратилъ менѣе 300 р., а противное этому не можетъ быть твердо установлено, то присяжные дѣлаютъ соотвѣтствующее ограниченіе въ отвѣтѣ, т. е. признаютъ растрату менѣе 300 р.

По обвиненію, напримѣръ, Захарова въ растратѣ 600 р. денегъ, ввѣренныхъ ему для сдачи на почту, СПБургскіе присяжные 9-го января 1892 г., обвинили Захарова въ растратѣ на сумму менѣе 300 р. при такихъ обстоятельствахъ: онъ утверждалъ, что потерялъ данные ему 600 р., а 5 р. данные на отправку этихъ денегъ, употребилъ на дорогу въ свою деревню, куда онъ скрылся, боясь вернуться къ пославшей его Ключаровой. Такъ какъ по дѣлу не было никакой возможности установить, что онъ дѣйствительно деньги потерялъ, но не было и противуположныхъ доказательствъ, то составъ присяжныхъ со старшиной-юристомъ (профессоръ государственнаго права) сталъ на формальную точку зрѣнія, признавъ доказанной растрату на 5 р. согласно сознанію. По этому дѣлу обнаружилась интересная подробность, которая, какъ надо думать, помѣшала присяжнымъ совсѣмъ оправдать подсудимаго: Захаровъ былъ по ремеслу полотеръ и на судѣ

нѣкоторые свидѣтели показали, что онъ передъ совершеніемъ преступленія хвалилъ свое ремесло, говоря, что оно предоставляетъ возможность легко похитить что-либо, а затѣмъ „отсидѣвъ“ пользоваться добромъ.

Въ заключеніе я долженъ и здѣсь указать, что вторые и третьи вопросы объ обстоятельствахъ уменьшающихъ вину, такъ, напримѣръ, о легкомысліи въ растратѣ и о пополненіи ея, разрѣшаемые обыкновенно съ фактической точностью, сами по себѣ, самымъ фактомъ постановки, такъ сказать, не вліяютъ на присяжныхъ въ смыслѣ обвинительномъ или оправдательномъ; какъ при постановкѣ такихъ вопросовъ бываютъ отвѣты: „по легкомыслію, но не обязался пополнить“ и даже обратнаго содержанія, такъ бываетъ при обвинительномъ вердиктѣ признаніе или отрицаніе обоихъ предположеній; наконецъ, и при наличности этихъ дополнительныхъ вопросовъ, бываетъ оправдательный приговоръ. Такой приговоръ, кромѣ случая недоказанности вины или невмѣненія, иногда бываетъ и при сознаніи, если подсудимый дѣйствительно до суда еще пополнялъ растрату, хотя бы частью и провелъ болѣе или менѣе продолжительное время въ предварительномъ заключеніи.

Итакъ, при обвиненіи въ растратѣ, также какъ при обвиненіяхъ въ кражѣ, присяжные дѣлаютъ, такъ называемый, зачетъ. Представляется излишнимъ приводить судебные случаи для иллюстраціи этихъ положеній, но я не могу опустить характерную подробность, рисующую отношеніе присяжныхъ въ подобныхъ дѣлахъ къ подсудимому. Обыкновенно по совѣту защиты или по собственной догадкѣ сознающіеся подсудимые дѣлаютъ отъ себя заявленіе о томъ, что обязуются пополнить растрату.

По дѣлу Воробьева, разбиравшемуся въ СПБургѣ 22 апрѣля 1893 г., защита просила признать, что подсудимый, молодой человѣкъ, закутивъ и растративъ чужія деньги по легкомыслію, беретъ на себя обязанность пополнить растрату, какъ уже пополнялъ и раньше; съ своей стороны подсудимый ничего не говорилъ о томъ, что онъ собирается дѣлать въ будущемъ, а въ прошедшемъ онъ дѣйствительно, пополнялъ растрату, но извѣстнымъ уже намъ способомъ: недоставивъ хозяину денегъ, полученныхъ

по первому счету, и прокутивъ ихъ, онъ вносилъ эти денегъ путемъ совершенія новой растраты; послѣ цѣлаго ряда такихъ манипуляцій онъ оказался растратившимъ 499 р. 50 к., изъ которыхъ послѣдніе полученные 206 р. цѣликомъ оставилъ при себѣ и скрылся. Такъ какъ обстоятельства этого дѣла крайне типичны, то болѣе или менѣе наглядно видно, почему въ этомъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, заявленіе объ обязанности возвратить истраченное, звучитъ формально. Тѣмъ не менѣе по окончаніи предсѣдателемъ напутствія одинъ изъ присяжныхъ спросилъ подсудимаго, хочетъ ли онъ пополнить растрату, на что получился отвѣтъ, заставившій многихъ улыбнуться: „очень хочу“.

Можно предположить, что вопрошавшій присяжный имѣлъ ввиду признать виновность, легкомысліе и обязанность пополнить растрату, т. е. все то, о чемъ просилъ защитникъ; однако большинство рѣшило иначе. Подсудимый просидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія до суда около 6 мѣсяцевъ и присяжные зачли это сидѣніе въ наказаніе и оправдали его по первому вопросу, оставивъ дополнительный—безъ отвѣта.

Послѣднее преступленіе, на разсмотрѣніи котораго я остановлюсь, а именно ростовщичество, представляется въ теоріи весьма спорнымъ, поэтому было бы странно дѣлать теперь, когда еще не успѣла выясниться судебная практика по этому вопросу, какія либо общія заключенія и предположенія о будущности закона 24 мая 1893 г., карающаго за простое ростовщичество чрезъ мировыхъ судей и за повтореніе или учиненіе по ремеслу, черезъ судъ присяжныхъ.

Хотя мнѣ извѣстенъ рядъ случаевъ, въ которыхъ проявилось строгое отношеніе присяжныхъ къ этому преступленію, но лично у меня прошелъ на судѣ только одинъ и потому, слѣдуя своей системѣ, дѣлать выводы только изъ случаевъ, лично мнѣ извѣстныхъ, я не могу представить какихъ либо обобщеній.

Для полноты обзора укажу, что самая постановка этого преступленія въ законѣ по отношенію къ суду присяжныхъ представляетъ большія неудобства, изъ которыхъ самое существенное—необычайно сложный составъ этого преступленія въ томъ видѣ, какъ его установилъ новый законъ. Вотъ схема того вопроса, который приходится рѣшать присяжнымъ: Виновенъ ли NN въ томъ, что, занимаясь ввидѣ промысла ссудой денегъ подъ %, превышавшіе 12% въ годъ, и пользуясь извѣстнымъ ему стѣсненнымъ положеніемъ занимавшихъ

у него деньги лицъ, бралъ съ нихъ въ обезпеченіе долга, допуская только такой то порядокъ погашенія, векселя на двойную сумму, какъ занятаго капитала, такъ и %, включая эти % въ означенную въ векселѣ капитальную сумму долга, подъ видомъ обезпеченія платежа и такимъ образомъ, въ такой-то періодъ времени далъ въ ссуду на вышеописанныхъ обременительныхъ условіяхъ лицамъ, вынужденнымъ своимъ стѣсненнымъ имущественнымъ положеніемъ принять эти условія, а именно: 1) такому-то столько-то, подъ векселя такіе-то, на сумму такую-то...

Далѣе слѣдуютъ отдѣльные пункты по каждому отдѣльному случаю займа.

Въ дѣлѣ, которое я цитирую, однихъ потерпѣвшихъ было 16 человѣкъ, а сдѣлокъ, разумѣется, гораздо больше; я говорю о дѣлѣ Воробьева, рѣшенномъ 17 октября 1894 г. обвинительнымъ приговоромъ, причемъ Воробьевъ былъ признанъ заслуживающимъ снисхожденія; оказывалось, что Воробьевъ держалъ, какъ въ паутинѣ, почти всѣхъ, главнымъ образомъ мелкихъ служащихъ на Московской станціи Николаевской ж. д., но такъ какъ онъ предусмотрительно былъ любезнѣе по отношенію къ нѣкоторымъ, лучше поставленнымъ по службѣ, лицамъ, то и нашолъ себѣ довольно горячую поддержку въ лицѣ одного изъ свидѣтелей—должниковъ, князя В.; если къ этому прибавить, что другой свидѣтель, тоже изъ должниковъ, какъ было доказано на судѣ, будучи въ нетрезвомъ состояніи, пытался въ періодѣ возбужденія этого дѣла взять съ Воробьева, такъ сказать, отступного и притомъ для всѣхъ должниковъ, какъ бы отъ ихъ имени, то не трудно будетъ видѣть тѣ крайне неблагопріятныя условія, при которыхъ ставились на судъ присяжныхъ, приведенные выше, многочисленные и сложные вопросы. Дѣло Воробьева однако, не смотря на эти опасности, прошло въ нѣсколько часовъ времени и кончилось разру-

шеніемъ всѣхъ сдѣлокъ и ссылкою подсудимаго, поэтому можно смѣло сказать, что всѣ ауспиціи на судѣ присяжныхъ въ пользу новаго закона.

Въ заключеніе я долженъ оговориться по слѣдующему поводу: можетъ показаться страннымъ, почему присяжные по обвиненію въ преступленіи по ремеслу дали подсудимому снисхожденіе, но это объясняется очень просто: прежде всего новый законъ, появившійся довольно неожиданно, засталъ врасплохъ многочисленный классъ людей, жившихъ этимъ ремесломъ; сразу измѣнить свое матеріальное положеніе, т. е. для иныхъ дѣло всей жизни, представлялось бы почти подвигомъ; наконецъ ростовщичество и не можетъ предстать передъ присяжными въ другой формѣ, какъ ввидѣ преступленія по ремеслу. Само собой понятно, что присяжные и въ этой группѣ преступленій неизбѣжно проявятъ свойственное имъ различеніе менѣе безнравственныхъ и болѣе серіозныхъ случаевъ путемъ разборчиваго пользованія и въ ростовщичествѣ, какъ и при всякаго рода другихъ преступленіяхъ, своимъ правомъ дачи снисхожденія; эта разборчивость постоянно проявляется не только въ вердиктахъ, но и при терпѣливомъ вниканіи присяжныхъ во всѣ подробности каждаго процесса, а также сказывается въ чуткомъ взвѣшиваніи индивидуальныхъ особенностей, какъ личности подсудимаго, такъ и характера и обстановки его дѣянія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Послѣднія двѣ главы, согласно предположенному мною въ началѣ V-й главы плану, должны заключать въ себѣ рядъ обобщеній изъ всего матеріала, собраннаго въ предыдущихъ главахъ.

До сихъ поръ преобладающей чертой изслѣдованія было отыскиваніе причинъ того или другого явленія на судѣ присяжныхъ ради установленія научнаго значенія за формулированными шагъ за шагомъ эмпирическими законами; лозунгомъ такой работы можетъ служить столь часто повторявшееся до сихъ поръ слово *ergo*; въ предстоящемъ изложеніи такимъ лозунгомъ явится слово *itaque* и уже читателю придется въ случаѣ, если онъ согласится съ выводами обѣихъ частей моей работы, повторить отъ себя старинное изреченіе *itaque ergo*.

Трудности, сопряженныя съ изслѣдованіемъ причинъ всякаго рода, едва-ли больше тѣхъ затрудненій, которыя встаютъ предъ изслѣдователемъ на пути къ обобщеніямъ въ этой чисто логической, казалось бы, работѣ.

Оказывается, что для того, чтобы подвести итоги въ такомъ сложномъ вопросѣ, какъ правосознаніе присяжныхъ въ отношеніи къ доказательствамъ преступленія и къ идеѣ его, т. е. составу и наказуемости, приходится считаться съ особаго рода затрудненіями, задаваться вопросами, такъ

сказать, двойной бухгалтеріи; дѣйствительно, выводы о доказательствахъ, т. е. судебнаго права въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, до того тѣсно переплетаются на судѣ присяжныхъ съ заключеніями, мѣсто которыхъ въ общей части уголовнаго права, т. е. съ данными о рѣшеніи (составъ преступленія и наказуемость), что распредѣленіе этого двойственнаго матеріала по двумъ отдѣламъ можетъ быть только искусственное.

Несомнѣнно, что для каждой изъ этихъ группъ возможна своя система, диктуемая, по вѣрному замѣчанію Іеринга, свойствомъ самого матеріала; но такое совершенно самостоятельное изложеніе разорвало бы органическую связь, которая существуетъ (и потому должна сказаться въ моемъ изслѣдованіи) между обѣими группами, что̀ затруднило бы выясненіе взаимнаго вліянія, несомнѣнно существующаго однако, между взглядами суда присяжныхъ на характеръ доказательствъ и значеніе ихъ съ одной стороны и данными правосознанія присяжныхъ т. е. отношеніемъ къ виновности и наказуемости—съ другой.

Вотъ почему я намѣренъ поступить слѣдующимъ образомъ: въ III-й главѣ, демонстрируя рубрики Свод. табл., я уже далъ классификацію доказательствъ, въ которой, съ возможною полнотою, нашли свое мѣсто какъ доказательства, съ которыми русскимъ присяжнымъ засѣдателямъ приходится имѣть дѣло въ виду дѣйствующаго у насъ Уст. угол. судопр., такъ и доказательства, отдѣльныя рубрики для которыхъ были необходимы по теоретическимъ соображеніямъ; въ этой же главѣ я имѣлъ случай довольно подробно остановиться на сравнительномъ значеніи разнаго рода доказательствъ на судѣ присяжныхъ; слѣдовательно, какъ въ отношеніи содержанія, такъ и данныхъ классификаціи, выводы третьей главы могутъ служить коррективомъ къ неизбѣжнымъ уклоненіямъ отъ естественной системы въ

предстоящемъ изложеніи правосознанія присяжныхъ относительно доказательствъ.

Имѣя за собой эту поправку я рѣшаюсь дать, по возможности, параллельное изложеніе всѣхъ наиболѣе общихъ эмпирическихъ законовъ, въ двухъ крупныхъ отдѣлахъ „о доказательствахъ“ (гл. X) и „о рѣшеніи“ (гл. XI).

Каждый изъ этихъ отдѣловъ, для сохраненія органической связи между ними, долженъ быть изложенъ по одной и той же системѣ. Система эта будетъ ничто иное, какъ болѣе или менѣе общепринятый порядокъ изложенія общей части уголовнаго права, причемъ, разумѣется, въ зависимости отъ наличности или отсутствія соотвѣтствующаго матеріала, въ каждомъ изъ отдѣловъ могутъ оказаться пробѣлы по тѣмъ или другимъ вопросамъ.

Слѣдовательно, какъ въ десятой, такъ и въ одиннадцатой главѣ будутъ сгруппированы по разнымъ отдѣламъ ученія о преступленіи и о наказаніи—*окончательныя обобщенія* (эмпирическіе законы); эти главы должны представить собою систематическій сводъ данныхъ правосознанія суда присяжныхъ относительно доказательствъ, обусловливающихъ вердиктъ и относительно идеи о преступленіи, наказуемости его, насколько эти элементы вліяютъ на рѣшеніе вопроса о виновности; въ соблюденіе принятой мною системы, такъ и по дѣйствительному своему вліянію на силу доказательствъ и рѣшительность приговора — обстоятельства, усиливающія и уменьшающія отвѣтственность, обыкновенно переносимыя въ учебникахъ изъ одного отдѣла въ другой, найдутъ себѣ мѣсто въ обѣихъ заключительныхъ главахъ: о доказательствахъ и о рѣшеніи.

I.

Обращаюсь къ изслѣдованію общихъ положеній о дѣйствіи доказательствъ на судѣ присяжныхъ. Естественно ожидать,

что общій характеръ отношенія присяжныхъ къ доказательствамъ долженъ соотвѣтствовать вообще міросозерцанію русскаго человѣка въ этой области; поэтому неудивительно, что общіе принципы, руководящіе присяжными при оцѣнкѣ доказательствъ, могутъ быть намѣчены прежде всего указаніемъ на выдержку нѣкоторыхъ юридическихъ поговорокъ.

Отсутствіе формализма во всей дѣятельности присяжныхъ, разумѣется, ставитъ ихъ внѣ опасности, грозящей коронным судьямъ, мотивирующимъ свои приговоры, сдѣлаться счетчиками уликъ. „Догадка лучше разума", говоритъ русскій человѣкъ и прибавляетъ: „одинъ намекнулъ, а другой смекнулъ"; хотя „по волчьимъ слѣдамъ заяцъ вязнетъ", но „худое всегда ломится вдвое". Сообразно съ этимъ присяжный засѣдатель рѣдко смущается источникомъ, откуда черпаются доказательства („не бойся доносчика, а бойся отвѣтчика"), но онъ выше всего ставитъ правдивость свидѣтеля, ибо „въ лукавомъ правды не сыщешь". Характерно вниманіе, съ которымъ онъ относится къ обстоятельствамъ дѣла: помня, что „воздухъ словами не наполнишь" и потому скучая словообильнымъ и пустымъ показаніемъ или безсодержательною рѣчью, онъ однако твердо помнитъ правило: „говорятъ наобумъ, а ты бери на умъ". Онъ не боится хитросплетеній, ибо „во лжи постоянства нѣтъ", а „на кривомъ конѣ не объѣдешь", такъ какъ „правда свѣтлѣе солнца". Вотъ почему присяжный засѣдатель неохотно мирится съ правомъ подсудимаго не отвѣчать на судѣ, ибо „молчаніе (при обвиненіи въ упоръ) знакъ согласія", а „сомнѣніе хуже смерти". Наконецъ, такъ называемыя юридическія презумпціи имѣютъ значительное примѣненіе: „яблочко отъ яблони недалеко падаетъ", „кто лжетъ, тотъ и крадетъ", „рука руку моетъ", „зашелъ въ чужую клѣть молебенъ пѣть", „какъ проживешь, такъ и прослывешь" и „слухъ землю полнитъ", но „быль молодцу не укоръ" и поэтому, напри-

мѣръ, рецидивистъ не особенно рискуетъ отъ этой склонности къ презумпціямъ, а репутація имѣетъ только относительное значеніе ибо „людскимъ рѣчамъ вполовину вѣрь“. Было бы ошибочно думать, что присяжный засѣдатель полагается больше на инстинктъ, чѣмъ на разсужденіе, онъ помнитъ правило: „семь разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь“. Слѣдя за развитіемъ доказательствъ, онъ относится къ нимъ критически ибо „разумный видитъ, что за чѣмъ идетъ“; его не смущаетъ и число уликъ: „Есть и двѣсти, да не въ одномъ мѣстѣ“, но онъ мудро не увлекается призрачной силой ума въ житейскихъ дѣлахъ: „съ умомъ можно найти и потерять“ и поэтому „многаго искать станешь, ничего не достанешь“.

Несомнѣнно, что всякая пословица, въ томъ числѣ и юридическая, представляетъ собою продуктъ многолѣтняго преемственнаго наблюденія, формула котораго переживаетъ вѣка только при условіи глубокой правдивости и жизненности; изъ этого слѣдуетъ, что старыя пословицы, не утратившія своего значенія, представляютъ собою ничто иное, какъ безсознательно подмѣченные и закрѣпленные въ складныя формы эмпирическіе законы русской жизни; въ виду этого я, не колеблясь, утверждаю, что совпаденіе выводовъ, дѣлаемыхъ мною ниже индуктивнымъ путемъ по системѣ карточекъ, съ поговорками и пословицами является однимъ изъ способовъ провѣрки первыхъ, согласно тому, что мною уже было подробно разъяснено въ концѣ II-й главы, о провѣркѣ эмпирическихъ законовъ вообще.

Юридическое мышленіе довольно рѣзко отличаетъ въ каждомъ судебномъ дѣлѣ обстоятельства, относящіяся и не относящіяся къ дѣлу.

Въ нашей литературѣ вопросъ о предѣлахъ изслѣдованія на судѣ затрогивался сравнительно рѣдко, если не считать разработки кассаціонной практики, а считать ее не прихо-

дится, такъ какъ безпринципность этой практики давно стала секретомъ полишинеля. Въ самое послѣднее время имѣлъ мѣсто случай, который, надо надѣяться, не станетъ прецедентомъ въ будущемъ, а именно: въ заключеніи по дѣлу о мултанскомъ жертвоприношеніи было выдвинуто положеніе, что судъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ не только, будто бы, вправѣ, но даже обязанъ смотрѣть на свою задачу съ точки зрѣнія научнаго изслѣдователя, установляющаго, напримѣръ, этнографическія истины; другими словами, вводился въ судебную процедуру опасный элементъ стремленія къ объективной истинѣ вмѣсто истины судебной, причемъ это стремленіе даже получало тенденціозный характеръ, ибо стимуломъ его предполагалось обѣленіе русской національности отъ предполагаемыхъ обвиненій въ недостаточной заботливости объ искорененіи язычества.

Разумѣется, такія патріотическія тенденціи въ судѣ легко могутъ увлечь присяжныхъ засѣдателей, а потому, въ силу закона, всякій предсѣдательствующій, во исполненіе 803 ст. Уст. Уг. Судопр., обязанъ предостерегать присяжныхъ противъ такихъ увлеченій, какъ въ пользу оправданія, такъ и въ пользу обвиненія и не допустить такого направленія изслѣдованія; неисполненіе этой обязанности можетъ придать всему судопроизводству извращенный характеръ и въ подобныхъ случаяхъ Правительствующій Сенатъ не безъ основанія кассировалъ рядъ приговоровъ, постановленныхъ подъ вліяніемъ quasi-патріотическихъ увлеченій; таково было, напримѣръ, знаменитое рѣшеніе, состоявшееся по дѣлу Кетхудова (1888 г. № 16). По теоріи относимости доказательствъ мы имѣемъ, кромѣ уже упомянутаго мною выше реферата В. К. Случевскаго С.-Петербургскому Юридическому обществу, рядъ работъ, въ числѣ которыхъ одною изъ новѣйшихъ является очеркъ Д. Н. Стефановскаго „О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ“ (Яро-

славль 1894 г.); этотъ очеркъ представляетъ собой очень интересное изслѣдованіе выработанныхъ въ англійской практикѣ и обоснованныхъ теоретически въ связи съ ученіемъ Бентама правилъ о предѣлахъ судебнаго изслѣдованія. Достаточно раскрыть хотя бы это изслѣдованіе, чтобы увидѣть воочію чрезвычайную сложность правилъ о соблюденіи предѣловъ изслѣдованія. Даже для вполнѣ образованнаго юридически лица проведеніе этихъ правилъ на практикѣ представляется дѣломъ громадной трудности и потому совершенно неоснователенъ упрекъ, дѣлаемый иногда присяжнымъ засѣдателямъ въ томъ, что они увлекаются изслѣдованіемъ обстоятельствъ къ дѣлу не относящихся; не слѣдуетъ забывать однако, что присяжные не юристы и даже нежелательно, чтобы они юристами были, а съ другой стороны соблюденіе судебныхъ границъ изслѣдованія составляетъ юридическую и нравственную обязанность предсѣдателя, обвинителя и защитника.

Вотъ почему я совсѣмъ обхожу изслѣдованіе того, какъ присяжные относятся къ предъявляемымъ доказательствамъ съ точки зрѣнія относимости ихъ къ дѣлу.

Перейдемъ поэтому прямо къ опредѣленію того, какъ относятся присяжные къ представляемымъ имъ доказательствамъ, что̀ они понимаютъ подъ выраженіями—доказательство и улика. Разумѣется, нѣтъ никакихъ основаній разсчитывать формулировать такое опредѣленіе изъ заявленій присяжныхъ, да въ этомъ и нѣтъ никакой надобности.

Опредѣленіе доказательства, въ сущности, носитъ характеръ чисто логической, даже не юридической работы. Вообще говоря, доказательство есть сужденіе, устанавливающее несомнѣнную связь, сосуществованія или послѣдовательности, между двумя фактами, изъ которыхъ одинъ намъ уже извѣстенъ. Когда это сужденіе относится и заключаетъ къ дѣйствію преступнаго характера въ томъ смыслѣ, что

такое-то дѣйствіе было совершено, то это будетъ доказательство событія преступленія и въ такомъ случаѣ можетъ быть названо уликой въ широкомъ смыслѣ этого слова; если же такое логическое заключеніе устанавливаетъ несомнѣнную или вѣроятную связь событія преступленія съ опредѣленнымъ лицомъ, какъ съ дѣятелемъ, причинившимъ этотъ фактъ, то это будетъ уже улика, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова,—улика виновности. Такія улики могутъ по времени распадаться на относящіеся къ періоду до преступленія (угрозы, мотивы), совпадать съ преступнымъ дѣяніемъ (слѣды, alibi) и, наконецъ, слѣдовать за нимъ (улики поведенія) до суда и на судѣ.

Въ главѣ III-й я довольно подробно остановился на дѣленіи уликъ на непосредственно убѣждающія, такъ-называемыя прямыя и на—требующія болѣе или менѣе сложнаго ряда умозаключеній, т. е. косвенныя. Наконецъ, тамъ же былъ затронутъ въ достаточной мѣрѣ вопросъ о допустимости на судѣ доказательствъ по роду ихъ, что приводитъ насъ къ факту превращенія обыкновеннаго логическаго уголовнаго доказательства въ доказательство судебное. Немного выше я уже разъяснилъ, почему это послѣднее дѣленіе, какъ входящее въ область юридической дѣятельности, опредѣляющей и охраняющей предѣлы изслѣдованія, не можетъ имѣть никакого значенія при оцѣнкѣ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей.

Итакъ остановимся на томъ, чисто логическомъ, дѣленіи уликъ и доказательствъ, съ котораго я началъ.

Доказательства факта преступленія и доказательства виновности, устанавливающія въ совокупности составъ даннаго преступленія, весьма строго различаются между собою присяжными засѣдателями: самое событіе преступленія не можетъ быть на судѣ присяжныхъ установлено одной вѣроятностью его. Мы видѣли особую требовательность въ

этомъ отношеніи въ дѣлахъ о поджогахъ и растратахъ. Въ этомъ отношеніи присяжные иногда доходятъ даже до формализма, такъ какъ требуютъ непремѣнно фактической подкладки и притомъ фактовъ, внѣ показаній подсудимаго на судѣ, а тѣмъ болѣе внѣсудебныхъ—стоящихъ. Правда, эти факты достаточны, какъ мы помнимъ, напримѣръ, для уличной кражи, въ минимальномъ, такъ-сказать, размѣрѣ (крики въ толпѣ: „часы украли!“ при неразысканномъ потерпѣвшемъ). Показанія потерпѣвшаго, не будучи вообще достаточны сами по себѣ при дурныхъ отношеніяхъ съ подсудимымъ, считаются въ данномъ случаѣ достаточнымъ доказательствомъ факта преступленія, даже тогда, когда это показаніе читается за отсутствіемъ потерпѣвшаго на судѣ, если при этомъ имѣется на лицо еще очевидецъ. Но улики поведенія вовсе не могутъ доказывать состава преступленія. Отсутствіе доказательствъ факта преступленія, разрушая составъ преступленія, разумѣется, влечетъ за собой оправданіе. Такія же послѣдствія имѣетъ обоснованное фактически предположеніе, что при кражѣ, напримѣръ, не было корыстной цѣли, такъ какъ и это разрушаетъ составъ преступленія.

Обращаясь къ уликамъ виновности, мы видимъ, что виновность не только можетъ быть признана на основаніи вѣроятности, но иногда наблюдается на судѣ присяжныхъ явленіе, которое можно было бы назвать презумпціей виновности. Это явленіе находится въ тѣсной связи съ той нетребовательностью въ дѣлѣ уликъ, которая въ иныхъ случаяхъ характеризуетъ присяжныхъ въ качествѣ не юристовъ. Сюда, напримѣръ, относятся слѣдующіе случаи: когда подсудимыхъ много или дѣло очень старое или такъ-называемое „пьяное“, то присяжные признаютъ невозможность для обвиненія представить отчетливыя данныя. При такихъ условіяхъ они принимаютъ за достовѣрныя, оглашенныя въ виду

запамятованія свидѣтелей, ихъ письменныя показанія. Въ подобныхъ же случаяхъ они не требуютъ спеціальныхъ доказательствъ соучастія, даже при отсутствіи оговора со стороны сообвиняемыхъ.

Вообще, главнымъ требованіемъ является воспроизведеніе картины преступленія; причемъ детали являются вопросомъ возможности. Присяжные сознаютъ, что нельзя ожидать доказательствъ подстрекательства, когда подстрекатель и подговоренный не сознаются или когда неполнота доказательствъ зависитъ отъ свойства дѣла; таковы, напримѣръ, служебныя преступленія полицейскихъ чиновъ. Въ подобныхъ случаяхъ (поджоги, поддѣлка монетъ и пристанодержательство) даже гласъ народа, въ связи съ уликами поведенія, представляется для присяжныхъ достаточнымъ доказательствомъ. Наконецъ, даже при нѣкоторой неясности показанія очевидцевъ, столь опасныхъ, какъ мы знаемъ, свидѣтелей, вызывая оправданіе по первому вопросу, все-таки могутъ быть приняты, какъ доказательство меньшаго преступленія, т. е. лечь въ основу обвиненія по вопросу альтернативному, напримѣръ, при переходѣ отъ грабежа къ кражѣ. Но, разумѣется, одно присутствіе на мѣстѣ преступленія и подозрительное поведеніе, какъ и вообще однѣ улики поведенія или одни подозрѣнія не могутъ влечь за собой обвинительнаго приговора.

Презумпція виновности, о которой я заговорилъ выше, чаще всего создается, благодаря неблагопріятному впечатлѣнію, производимому подсудимымъ, если это впечатлѣніе имѣетъ въ своей основѣ фактическія данныя дурной репутаціи. Такія данныя весьма многообразны; это могутъ быть ненормальныя условія жизни, напримѣръ значительная степень паденія, въ смыслѣ общественнаго и матеріальнаго положенія,—паденія, дошедшаго, напримѣръ, до знакомства съ членами шайки, или грязныя инсинуаціи на судѣ противъ потерпѣвшаго, вообще установленіе того типа преступника, ко-

торый носитъ названіе „привычнаго“. Такая презумпція виновности поэтому, при обвиненіи рецидивиста, усиливаетъ довѣріе къ потерпѣвшему—очевидцу преступленія. При обвиненіи въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, доказанность одного изъ нихъ значительно подкрѣпляетъ улики въ учиненіи второго, въ особенности, если способъ совершенія, напримѣръ кражъ, одинъ и тотъ же. Вслѣдствіе такихъ же причинъ, при сужденіи о группахъ преступниковъ, улики оцѣниваются не такъ строго; иногда довольно опровергнутаго alibi въ соединеніи съ оговоромъ не сознавшагося подсудимаго.

Съ другой стороны, именно при групповыхъ обвиненіяхъ, по которымъ заурядъ люди легче привлекаются на скамью подсудимыхъ, присяжные особенно вникаютъ въ фактическія данныя, говорящія противъ каждаго подсудимаго въ отдѣльности и въ подобныхъ случаяхъ одного факта, что подсудимый— той же компаніи—недостаточно: такъ что, какъ общее правило, можно установить, что презумпція виновности, подымая значеніе уликъ, не позволяетъ однако обходиться безъ нихъ, даже по отношенію къ привычному преступнику.

Вслѣдствіе этого осторожнаго отношенія къ дѣлу, возникаетъ даже обратное явленіе, а именно презумпція невиновности тамъ, гдѣ юристъ предположилъ бы виновность съ нѣкоторою легкостью; такъ напримѣръ, привычный барышникъ всегда покупаетъ слишкомъ дешево и поэтому одинъ фактъ покупки, даже если она была слѣдствіемъ спеціальнаго заказа, не считается присяжными уликой достаточной. Но съ другой стороны наличность хорошей репутаціи или несовершеннолѣтіе подсудимаго часто вызываютъ столь сильное сомнѣніе въ уликахъ, что это не можетъ быть объяснимо иначе, какъ создавшейся презумпціей невиновности. Иногда очень трудно для обвинителя преодолѣвать дѣйствіе такой презумпціи, такъ, напримѣръ, обычная выгодность пожара застрахованнаго имущества, какъ фактъ

всеобщій, уликой не считается, а для обвиненія состоятельнаго человѣка въ кражѣ совершенно недостаточно одной вѣроятности.

Вообще присяжные разныхъ составовъ до извѣстной степени различны въ отношеніи требовательности, въ смыслѣ доказательствъ, но, разумѣется, общимъ правиломъ остается требованіе уликъ виновности ad hoc, а не вообще, такъ что одна возможность совершенія преступленія еще не доказательство содѣянія его.

Въ разныхъ составахъ присяжныхъ, въ зависимости отъ большаго или меньшаго присутствія интеллигентнаго элемента, заключается иногда чрезмѣрная требовательность, почти научной точности въ доказательствахъ, таковы составы съ участіемъ профессоровъ; но вообще всякіе составы, довольствуясь большой вѣроятностью виновности, все-таки держатся того, что доводы и соображенія могутъ обмануть, почему не восполняютъ, такъ легко, какъ коронные судьи, пробѣловъ, которые оставляетъ нерѣдко отсутствіе ясныхъ и точно установленныхъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе, было бы ошибкой заключить, что присяжными не практикуются чисто логическіе выводы въ качествѣ доказательствъ, я могу привести цѣлый рядъ случаевъ, доказывающихъ это положеніе: фактъ поджога на мѣстѣ убійства самъ по себѣ достаточенъ для установленія того, что подожгли и убили „свои", если поджогъ являлся укрывательствомъ убійства; но съ другой стороны фактъ застрахованности имущества, до тѣхъ поръ пока поджогъ не доказанъ, самъ по себѣ, не имѣетъ значенія улики, такъ какъ цѣлая совокупность косвенныхъ уликъ, возникающихъ въ такомъ случаѣ, какъ то: выгодность поджога, возможность его совершенія, нахожденіе подсудимаго на мѣстѣ пожара, являются данными, которыя одинаково могли-бы уличать всѣхъ живущихъ въ сгорѣвшемъ и сосѣднихъ домахъ.

Улики не переносятся съ одного преступленія на другое при совокупномъ обвиненіи, между тѣмъ, для того, чтобы бороться съ большею вѣроятностью виновности въ подобномъ случаѣ, нужно значительное усиліе чисто умственнаго свойства; сюда же относится рядъ случаевъ: убійства, поджоги и т. п., когда фактъ наличности угрозъ еще не признается достаточнымъ доказательствомъ умышленности дѣйствія въ виду того, что угроза не всегда серьезна; наконецъ, если одно преступленіе является доказаннымъ, то необходимое для его совершенія, напримѣръ, подлогъ, тоже признается доказаннымъ; этотъ послѣдній случай открываетъ передъ ними цѣлую перспективу возможныхъ на судѣ чисто логическихъ противорѣчій между отвѣтами присяжныхъ на рядъ вопросовъ; но разсмотрѣніе такихъ противорѣчій, почти всегда зависящихъ отъ ошибочности или неясности постановки вопроса, выходитъ поэтому изъ предѣловъ моей задачи.

Чтобы кончить съ общими соображеніями о доказательствахъ, умѣстно коснуться здѣсь же того рода доказательствъ, которыя требуютъ наибольшаго умѣнія обращаться съ ними, т. е. заставляютъ присяжныхъ совершать по преимуществу логическую работу.

Дѣйствительно, когда обвиненіе покоится на косвенныхъ уликахъ, то нерѣдко приговоръ носитъ слѣды мнительности, какъ слѣдствіе неувѣренности, даже можно сказать, — неумѣнія представителей сѣраго состава слѣдить за цѣпью умозаключеній: однако эта мнительность можетъ и не проявляться и даже вовсе отсутствовать, если участвующія въ дѣлѣ лица, приноровляясь къ уровню присяжныхъ, (а это, разумѣется, первая ихъ обязанность) не увлекаются детальной разработкой уликъ, а доказываютъ свои положенія болѣе цѣлесообразнымъ способомъ, употребляя крупные штрихи

и вліяя на присяжныхъ со стороны общаго впечатлѣнія, напримѣръ, выпуклой картиной событія.

Какъ только составъ присяжныхъ таковъ, что слѣдитъ, не теряя нити, за причинной связью между доказываемымъ обстоятельствомъ и фактомъ преступленія или же виновностью, то постановка приговора подъ вліяніемъ общаго впечатлѣнія, такъ сказать подъ вліяніемъ картины событій, является уже менѣе вѣроятною; вотъ почему, какъ бы ни были серьезны косвенныя улики по данному дѣлу, но если онѣ непосредственно относятся только къ одному изъ двоихъ подсудимыхъ, то товарищъ его выйдетъ оправданнымъ изъ суда, хотя бы относительно его стоялъ внѣ всякаго сомнѣнія, напримѣръ, мотивъ для совершенія этого самого преступленія.

Тождество числа лицъ задержанныхъ—съ числомъ—замѣченныхъ во время преступленія недостаточно, въ смыслѣ самостоятельной улики, такъ же, какъ и однѣ улики поведенія или видѣнное, но не представленное на судъ поличное; наконецъ какъ бы ни были странны поступки обвиняемаго послѣ совершенія преступленія, они теряютъ значеніе уликъ поведенія, какъ только является основаніе подозрѣвать ненормальность умственныхъ способностей.

Вообще можно поставить общимъ правиломъ, что полная картина, составляющаяся изъ косвенныхъ уликъ, выдержавшихъ анализъ, слѣдовательно, отчетливыхъ и надежныхъ, наиболѣе сильно вліяетъ на присяжныхъ, если отсутствуетъ тотъ азартный элементъ, который вноситъ въ разбирательство прямая улика. Такимъ образомъ исключительное господство въ процессѣ косвенныхъ уликъ имѣетъ рѣшающее значеніе на судѣ, если онѣ представляютъ одно цѣлое, а именно позволяютъ воспроизвести, хотя бы въ общихъ чертахъ картину преступленія; иногда такое сильное значеніе имѣетъ даже одна косвенная улика: припомнимъ заявленіе

старшины по дѣлу Шамова, который былъ обвиненъ въ убійствѣ съ корыстной цѣлью, только благодаря одному пятну на похищенныхъ бумажныхъ деньгахъ. Если такая улика въ тоже время опровергаетъ показаніе подсудимаго или устанавливаетъ тождество задержаннаго съ замѣченнымъ въ недостаточной на дѣлѣ степени виновникомъ, то присяжныхъ не смущаетъ, что эта улика является въ единственномъ числѣ; напротивъ ихъ успокоиваетъ то, что въ виду ограниченнаго числа подробныхъ умозаключеній, вѣроятность ошибки меньше.

Вообще присяжныхъ менѣе всего можно упрекнуть въ мелочности при оцѣнкѣ доказательствъ, такъ напримѣръ, они легко мирятся съ невозможностью для обвинителя въ иныхъ случаяхъ установить способъ совершенія преступленія, т. е. подходятъ очень близко въ своихъ отвѣтахъ къ тому типу обвиненій, о которыхъ я уже говорилъ выше, упоминая объ исторіи развитія англійскихъ обвинительныхъ актовъ.

Если, вообще говоря, разогрѣтое доказательство, напримѣръ по дѣламъ о лжесвидѣтельствѣ, гдѣ обыкновенно повторяется старый процессъ или вообще по кассированнымъ дѣламъ, дѣйствуетъ на присяжныхъ весьма несовершенно, то, съ другой стороны, въ дѣлахъ особенно серьезныхъ присяжные сознательно устраняютъ мелочныя сомнѣнія, проникаясь, такъ сказать, практичностью и рѣшимостью, необходимыми для судьи въ большей степени, чѣмъ для научнаго изслѣдователя; вотъ почему столь часто повторяемый афоризмъ, что улики должны быть тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ серьезнѣе обвиненіе, вовсе не соотвѣтствуетъ міросозерцанію присяжныхъ; этотъ афоризмъ, впрочемъ, и для юриста представляется ересью, такъ какъ, разумѣется, строгость ожидающаго преступника наказанія не стоитъ ни въ какой логической связи со способомъ оцѣнки доказательствъ.

Разумѣется, вполнѣ возможны случаи, когда, благодаря

присутствію юриста въ составѣ присяжныхъ или по другимъ причинамъ, присяжные болѣе думаютъ о грозящемъ наказаніи, чѣмъ объ уликахъ и проявляютъ въ своихъ вердиктахъ излишнюю мнительность; однако и въ такихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто не логическая ошибка, а извѣстная степень нервозности, что доказывается тѣмъ, что эти случаи относятся обыкновенно къ такимъ подсудимымъ, которыхъ присяжные почему-либо очень жалѣютъ, другими словами, здѣсь дѣйствуетъ психологическій законъ, о которомъ я уже упоминалъ, цитируя его по нѣмецки: „Der Wunsch ist der Vater des Gedankens".

Что это дѣйствительно такъ, можетъ быть доказано рядомъ противоположныхъ примѣровъ, т. е. такихъ, въ которыхъ фигурируетъ подсудимый съ рѣзко выраженною наклонностью къ данному преступленію, вообще производящій дурное впечатлѣніе на присяжныхъ; въ подобныхъ случаяхъ цѣнность отдѣльныхъ уликъ возрастаетъ — присяжные какъ бы говорятъ: „Противъ такого подсудимаго достаточно и одного потерпѣвшаго, заслуживающаго довѣріе". Послѣдняя оговорка еще разъ и притомъ не въ первый, не въ послѣдній разъ указываетъ, что само по себѣ взятое дурное впечатлѣніе, производимое подсудимымъ, не можетъ занять мѣсто отсутствующихъ уликъ.

Значеніе пола и возраста на судѣ присяжныхъ уже неоднократно обсуждалось мною выше, какъ въ статистическомъ отдѣлѣ, такъ и при разсмотрѣніи отдѣльныхъ преступленій; поэтому здѣсь представляется излишнимъ особенно останавливаться на этомъ вопросѣ; тѣмъ болѣе, что съ точки зрѣнія доказательствъ никакихъ особенностей въ этомъ отношеніи но наблюдается; дѣйствуетъ общее правило, о которомъ я только что упоминалъ, и которое сводится къ тому,

что относительно женщинъ, несовершеннолѣтнихъ и дѣтей, дѣйствуетъ какъ бы презумпція несамостоятельности и зависимости; мы уже знаемъ, что такого рода положеніе вызываетъ на болѣе мягкое рѣшеніе и тѣмъ строже относятся поэтому присяжные къ фактической сторонѣ дѣла.

При обвиненіи супруговъ предположеніе о солидарности ихъ не считается достаточнымъ и потому присяжные требуютъ особыхъ доказательствъ участія, напримѣръ, жены въ преступленіи мужа. Когда жена или дѣти являются на судѣ свидѣтелями противъ родныхъ, то обвинительное показаніе ихъ подвергается очень строгой критикѣ, а при отказѣ ихъ отъ обвинительныхъ показаній уже на судѣ, такіе свидѣтели вызываютъ недовѣріе къ себѣ; вообще заступничество *своихъ* свидѣтелей оставляется присяжными въ сторонѣ; присяжные, повидимому, стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что внѣ исключительныхъ случаевъ очень трудно ожидать правды отъ такихъ свидѣтелей и потому вслучаѣ отказа по 705 ст. У. У. С. отъ дачи какого либо показанія на судѣ, они совершенно игнорируютъ участіе въ дѣлѣ этихъ отказавшихся лицъ, не дѣлая заключеній ни за, ни противъ нихъ.

Весьма часто встрѣчающійся во всѣхъ родахъ преступленій случай инсинуацій со стороны подсудимаго противъ потерпѣвшаго противоположнаго пола,— вноситъ значительный элементъ сомнѣнія въ судебное слѣдствіе; обыкновенно такое заявленіе о тѣхъ или другихъ формахъ близкихъ отношеній пользуется нѣкоторымъ кредитомъ особенно въ дѣлахъ объ уличныхъ грабежахъ; малѣйшая подозрительность поведенія потерпѣвшей при подобныхъ обвиненіяхъ ведетъ къ оправданію, но за то опроверженіе на судѣ же такихъ заявленій превращается въ лишнюю улику противъ подсудимаго и обыкновенно лишаетъ его снисхожденія.

Относительно несовершеннолѣтнихъ, можно сказать, что улики поведенія, какъ до суда, такъ и на судѣ почти не

имѣютъ значенія, такъ, напримѣръ, уклоненіе отъ разсчетовъ, обыкновенно уличающее растратчика, относится присяжными на счетъ юношескаго неразумія; эта остожность наблюдается и по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ рецидивистамъ.

Типъ малолѣтняго подстрекателя, вызывающій присяжныхъ на особо строгое къ нему отношеніе, тѣмъ не менѣе пользуется этой привиллегіей возраста въ такомъ смыслѣ, что даже большой вѣроятности при отсутствіи фактическихъ данныхъ, установляющихъ эту форму виновности — недостаточно для обвиненія и даже можно отмѣтить, что при равной степени развитія сообвиняемыхъ дѣтей, подстрекательство считается не имѣющимъ мѣста въ смыслѣ отягчающаго обстоятельства.

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы такъ называемыя „вторичныя“ доказательства (выводы) не имѣли примѣненія къ несовершеннолѣтнимъ; я могу указать случай, напримѣръ, гдѣ признаніе несовершеннолѣтняго, дѣйствовавшимъ съ полнымъ разумѣніемъ, основывалось на томъ, что братъ подсудимаго оказался уже ранѣе лишеннымъ по суду всѣхъ особыхъ правъ за кражу.

О положеніи привиллегированныхъ на судѣ уже было достаточно говорено, причемъ отмѣчено, что общественное положеніе такого подсудимаго обыкновенно настроиваетъ присяжныхъ въ пользу скептическаго отношенія къ доказательствамъ; когда такой скептицизмъ выходитъ за нормальные предѣлы и становится, такъ сказать, тенденціознымъ, иногда наблюдается характерное явленіе: присяжные послѣ ряда странныхъ оправданій такъ или иначе сообщаютъ суду, что такіе-то сотоварищи ихъ мѣшаютъ имъ рѣшать дѣла по совѣсти; слѣдствіемъ этого, разумѣется, является отводъ этихъ лицъ и пошатнувшаяся репутація сессіи поправляется. Я долженъ оговориться, что, въ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ такого

рода, присяжные все-таки не выдаютъ тайны совѣщанія, и вообще характеризуютъ неудобныхъ товарищей словами: вялый, нерѣшительный, слабый, мѣшающій.

Рядомъ съ этимъ способомъ самоисправленія замѣчается другой: участвующіе въ судебныхъ дѣлахъ часто имѣютъ случай наблюдать, какъ излюбленный при первыхъ дѣлахъ старшина попадаетъ въ немилость, а затѣмъ характеръ сессіи измѣняется уже безъ отвода сторонами такихъ отмѣченныхъ лицъ.

Ученіе о субъектѣ преступленія по отношенію къ теоріи доказательствъ, главнымъ образомъ, обнимаетъ собой выводы о значеніи показанія подсудимаго и поведенія его на судѣ, затѣмъ—тотъ разрядъ уликъ, доказательная сила которыхъ зиждется на возможности установленія причинной связи между его виновностью и разными обстоятельствами жизни подсудимаго въ моменты времени, ближайшіе къ преступленію; коротко говоря, это тотъ разрядъ уликъ, который въ Сводной таблицѣ носитъ названіе: уликъ поведенія до суда.

Приступая къ изложенію этого ученія съ точки зрѣнія присяжныхъ засѣдателей, я прежде всего встрѣчаюсь съ 685 ст. Уст. Уг. Суд., по которой молчаніе подсудимаго не должно быть принимаемо за признаніе имъ своей вины. Этотъ старый принципъ, признававшійся еще въ періодъ пытки и допроса съ пристрастіемъ, цѣлью которыхъ было именно добываніе *говорящихъ доказательствъ,* разумѣется, дѣйствуетъ и на судѣ присяжныхъ, которые и не принимаютъ молчанія за признаніе, но бываютъ случаи, когда такое молчаніе уличаетъ, хотя не въ смыслѣ молчаливаго согласія съ обвиненіемъ, но въ смыслѣ улики поведенія на судѣ. Это бываетъ тогда, когда, уличаемый поличнымъ или очевидцемъ, подсудимый отказывается отвѣчать.

Психологическое основаніе этого то, что человѣку естественно говорить въ свою пользу на судѣ; поэтому при-

сяжные при такихъ условіяхъ ищутъ въ дѣлѣ какихъ-либо обстоятельствъ, которыя бы помимо виновности вызывали на такое молчаніе и, не находя ихъ, начинаютъ предполагать виновность.

Ступенью выше въ смыслѣ улики, стоитъ запирательство на судѣ, большею частью выражающееся категорическимъ отрицаніемъ виновности и такая улика въ свою очередь слабѣе, чѣмъ лукавое показаніе со стороны подсудимаго, вводящее новыя, тутъ же опровергаемыя, объясненія; такое положеніе составляетъ прямой выводъ изъ предыдущаго, такъ какъ отрицаніе вины также, какъ и молчаніе легко объяснить боязнью подсудимаго передъ фактомъ, значеніе котораго онъ, можетъ быть, преувеличиваетъ; иногда такая причина до очевидности ясна, когда подсудимый сопровождаетъ свое отрицаніе нелѣпыми до очевидности объясненіями; при этомъ очень важно (что и различается присяжными), сквозитъ ли въ этихъ объясненіяхъ намѣренность или подсудимый дѣйствительно недалекій человѣкъ.

Осторожность присяжныхъ въ этомъ отношеніи такова, что и ложное показаніе подсудимаго не всегда достаточная улика, для этого нужны особыя условія или должно быть нѣсколько случаевъ изобличенной лжи и ложное показаніе на судѣ должно относиться къ такому факту, какъ несомнѣнное поличное; напр., упорное утвержденіе, что вещь, принадлежность которой потерпѣвшему доказана, составляетъ собственность подсудимаго; само собой разумѣется, что ложь должна имѣть прямое отношеніе къ такъ-называемымъ, обстоятельствамъ дѣла, а не должна быть понимаема въ смыслѣ лживости вообще; такъ напримѣръ, сюда не слѣдуетъ относить лживыя инсинуаціи противъ свидѣтеля на судѣ, пороченіе его въ нравственномъ отношеніи; но неудачная попытка подсудимаго уличить очевидца въ томъ, что онъ подкупленъ ad hoc, превращается въ улику, такъ какъ во-

обще кляузничество подсудимаго на судѣ, напр., сваливаніе вины съ себя на другого, если ложность этого доказана, дѣлаясь самостоятельной уликой, усиливаетъ вѣроятность обвиненія.

Эта вѣроятность виновности играетъ громадную роль на судѣ, такъ какъ составляетъ наиболѣе важный элементъ того, что называется внутреннимъ убѣжденіемъ. Оставляя анализъ и синтезъ внутренняго убѣжденія до заключительныхъ строкъ этой главы, я здѣсь укажу только на то, что дурная репутація подсудимаго весьма усиливаетъ шансы обвиненія, хотя, какъ мы уже знаемъ, не можетъ играть роли самостоятельной улики; значеніе ея заключается въ томъ, что отъ особенно дерзкаго или искусившагося въ данномъ родѣ преступленія человѣка, можно легче ожидать такихъ формъ преступности, которыя носятъ исключительный характеръ, такъ напр., относительно такого преступнаго типа легче допускается, что, совершивъ удачно одну кражу, онъ рѣшается сдѣлать другую, вновь, въ томъ же мѣстѣ.

Къ разсматриваемому разряду уликъ относятся, нерѣдко дѣлаемыя подсудимыми, заявленія объ alibi. Разумѣется, опровергнутое alibi является серьезной уликой, такъ какъ въ существѣ своемъ такое объясненіе, если подсудимому удастся его поддержать, подрываетъ обвиненіе въ корнѣ также, какъ полный, вымышленный разсказъ о событіи преступленія, пока лживость его не установлена. Разница въ подобныхъ случаяхъ та, что опроверженіе alibi, особенно поддерживаемаго, впервые выступающею въ судѣ защитою, возможно на почвѣ впечатлѣнія, оставляемаго перекрестнымъ допросомъ свидѣтеля, но вѣдь обвинителю приходится подчасъ вѣдаться съ совершенно голословнымъ alibi, заявленіе о которомъ сдѣлано впервые на судѣ; противъ этого обыкновенно выставляется разсчетъ времени, что однако при наличности однихъ косвенныхъ доказательствъ можетъ заро-

нить въ душу присяжныхъ сомнѣніе въ пользу подсудимыхъ; такое же сомнѣніе, ведущее къ оправданію, остается и тогда, когда—послѣ перекрестнаго допроса свидѣтеля—alibi разрушено только частью, такъ напр., свидѣтели защиты, подтверждая фактъ ночлега у нихъ подсудимаго, прибавляютъ однако, что дверь была отперта и подсудимый могъ ночью незамѣтно отлучиться.

Вообще, оглядываясь на значеніе уликъ поведенія на судѣ, надо сказать, что присяжные иногда совершенно независимо отъ доводовъ сторонъ и подсудимыхъ, добиваются абсолютной истины въ противоположность истинѣ судебной. Въ подобныхъ случаяхъ самое безтактное и лживое поведеніе нисколько не вредитъ подсудимому.

Сознаніе на судѣ вообще производитъ благопріятное впечатлѣніе на присяжныхъ, тогда какъ несознаніе обыкновенно встрѣчается недовѣрчиво, при этомъ, разумѣется, играетъ свою роль обрядъ преданія суду, но этотъ послѣдній обрядъ все-таки не создаетъ презумпціи виновности; при несознаніи подсудимаго въ меньшемъ преступленіи, въ то время какъ онъ сознался въ бо̀льшемъ, ему оказывается полное довѣріе на основаніи понятныхъ психологическихъ соображеній, слѣдовательно, скептическое отношеніе присяжныхъ къ несознанію, ввиду факта преданія суду, легко уступаетъ разумнымъ житейскимъ соображеніямъ; съ другой стороны, если при несознаніи двоихъ подсудимыхъ они взаимно другъ друга оговариваютъ, то упомянутый выше скептицизмъ можетъ дойти до того, что присяжные какъ бы принимаютъ фикцію, что каждый изъ подсудимыхъ сознался за другого.

Вообще въ сознаніи для присяжныхъ важны не слова, такъ сказать: они стараются вникнуть въ то значеніе, которое кроется въ самомъ фактѣ сознанія, и одинаково легко соображаясь съ этимъ, открывшимся имъ значеніемъ, прини-

мають неполное признаніе за доказательство всей вины; такъ напр., изъ признаннаго факта (подсудимый сознался, что при задержаніи проглотилъ купонъ), выводятъ доказанность того, на что этотъ фактъ въ данномъ случаѣ указываетъ (завѣдомость фальшивости купона); точно также они легко ограничиваютъ сознаніе, если есть основаніе думать, что подсудимый неразумно преувеличиваетъ свою вину, думая ее смягчить; такъ напр., доказывая, что убійство совершено съ согласія жертвы, подсудимый логически вынужденъ признать предумышленность, но если присяжные находятъ, что этого не было, они легко отвергаютъ предумышленность, несмотря на сознаніе и признаютъ убійство въ запальчивости, если таковое имѣло мѣсто.

Вообще говоря, если дѣло очень запутанное и легко возможны ошибки, то сознаніе обыкновенно полагается въ основаніи рѣшенія и уже въ такихъ случаяхъ не дробится. Въ противоположность всѣмъ уликамъ одно сознаніе считается достаточнымъ доказательствомъ, если не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній; такая увѣренность, разумѣется, прочнѣе, если была хоть какая-нибудь провѣрка; вотъ почему даже при полномъ сознаніи, въ виду состава присяжныхъ изъ разряда мнительныхъ, всегда полезнѣе произвести судебное слѣдствіе.

Внѣсудебное сознаніе, приносимое въ судъ потерпѣвшимъ или свидѣтелями, въ томъ числѣ лицами, прозводившими дознаніе, рѣшительно не имѣетъ значенія самостоятельной улики, какъ это видно изъ таб. XXVI Б; заявляютъ ли подсудимые, что ихъ били въ сыскномъ отдѣленіи или били свидѣтели, что они сдѣлали это сознаніе по глупости или разсчету—во всякомъ случаѣ присяжные обращаются всегда къ другимъ уликамъ въ дѣлѣ и если выносятъ убѣжденіе въ виновности, то ихъ уже не смущаетъ тотъ наблюдаемый изрѣдка въ практикѣ фактъ, что внѣсудебное сознаніе было дѣйствительно вынуждено.

Такимъ образомъ внѣсудебное сознаніе требуетъ подкрѣпленія изъ области другихъ уликъ, при чемъ такая поддержка, иногда очень небольшая, можетъ быть достаточна; такъ напримѣръ, присоединившійся оговоръ другого подсудимаго или доказанность участія въ шайкѣ, вообще для ряда преступленій составившейся; такое же значеніе имѣетъ поличное въ дѣлѣ и даже, такъ называемое, „поличное со словъ", т.-е. неотнятое у подсудимаго и неосмотрѣнное слѣдователемъ, а только видѣнное свидѣтелемъ; но однихъ уликъ поведенія или дурной репутаціи при внѣсудебномъ сознаніи для обвиненія—недостаточно.

Обращаясь къ уликамъ поведенія до суда, мы видимъ, что такихъ уликъ, безъ поддержки другого рода уликами, для обвиненія недостаточно, хотя бы присяжные на основаніи ихъ и могли себѣ нарисовать картину преступленія; слѣдовательно, оправданіе въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ характеръ, который правильнѣе всего обозначить старымъ терминомъ: оставленіе въ подозрѣніи. Сюда же отойдетъ рядъ случаевъ, когда имѣется кромѣ уликъ поведенія внѣсудебный оговоръ, снятый на судѣ или голословный оговоръ сообвиняемаго, несознавшагося на судѣ; но уже оговоръ сознавшагося сообвиняемаго даетъ достаточную для обвиненія силу; точно также, можетъ быть вынесенъ обвинительный приговоръ, когда улики поведенія очень интенсивны и, совпадая съ наличностью мотива, установленнаго независимо отъ этихъ уликъ, не допускаютъ иного объясненія, кромѣ виновности подсудимаго; другими словами, переходятъ въ разрядъ обыкновенныхъ косвенныхъ уликъ, т.-е. соображеній, основанныхъ уже не на подозрительности только поведенія.

Слѣдовательно, роль *уликъ поведенія до суда — служебная:* наличность ихъ подымаетъ значеніе всѣхъ другихъ доказательствъ, укрѣпляетъ довѣріе къ потерпѣвшему, причемъ

даже допускаетъ постановку обвинительнаго приговора въ такихъ случаяхъ, когда показаніе потерпѣвшаго по общимъ правиламъ было бы недостаточно, напримѣръ показаніе потерпѣвшаго, бывшаго въ нетрезвомъ состояніи въ моментъ совершенія преступленія. Наконецъ при поличномъ улики поведенія влекутъ обвинительный приговоръ, причемъ относительно рецидивистовъ и вообще лицъ, дѣйствующихъ по ремеслу, какъ напримѣръ пріемщиковъ краденаго, достаточно поличнаго только видѣннаго, „со словъ".

Фактъ опьяненія, безразлично подсудимаго или свидѣтеля, вноситъ въ судебное дѣло элементъ сомнѣнія, которое можетъ пошатнуть самое солидное обвиненіе. Пьяное состояніе подсудимаго въ моментъ совершенія преступленія, хотя бы не дошедшее до безсознательности поступковъ, все-таки заставляетъ присяжныхъ задумываться надъ сложными вопросами объ умыслѣ, неосторожности, причемъ, напримѣръ, улики поведенія теряютъ всякое значеніе.

Такое же подрывающее значеніе имѣетъ опьяненіе и ко всѣмъ вообще доказательствамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается, что потерпѣвшій или свидѣтель были въ моментъ совершенія преступленія въ той или другой степени пьяны; вотъ почему вопросъ объ опьяненіи удобнѣе разсмотрѣть цѣликомъ теперь же.

Замѣчается разница между положеніемъ потерпѣвшаго и свидѣтеля, заключающаяся въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ свидѣтель и даже очевидецъ (бывшій въ состояніи опьяненія) могутъ тѣмъ не менѣе внушить присяжнымъ достаточное довѣріе, хотя на одномъ показаніи такого очевидца присяжные не рѣшатся основать приговора; если бы даже такое показаніе очевидца поддерживалось потерпѣвшимъ, то и тогда приговоръ могъ бы быть только основанъ на показаніи послѣдняго, разумѣется, если потерпѣвшій самъ былъ въ моментъ преступленія въ трезвомъ видѣ.

Положеніе на судѣ потерпѣвшаго таково, что малѣйшая попытка настаивать на твердости своей памяти относительно подробностей событія, во время котораго онъ былъ пьянъ, лишаетъ его всякаго довѣрія; само собой понимается, что сбивчивость его показаній губила его въ глазахъ присяжныхъ окончательно; по отношенію къ такому потерпѣвшему даже прямая ложь подсудимаго на судѣ — не вредитъ этому подсудимому, такъ какъ ясное опроверженіе этой лжи невозможно.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому, что нужны исключительныя условія для того, что бы дѣло о преступленіи, совершенномъ пьянымъ человѣкомъ противъ другого пьянаго, закончилось обвинительнымъ вердиктомъ.

Я подчеркиваю, что у присяжныхъ въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ, какъ это можно было бы предположить, не особая снисходительность къ нетрезвости, напротивъ, въ особенности по преступленіямъ противъ собственности, присяжные вовсе не расположены щадить обвиняемаго; доказательствомъ можетъ служить то, что они всегда отказываютъ въ признаніи крайности пьяному вору. Дѣйствительная причина слабой репрессіи по такимъ дѣламъ—это именно сомнѣніе, распространяющееся на всѣ факты дѣла; можно наблюдать иногда, какъ на присяжныхъ нападаетъ какъ бы уныніе и даже апатія послѣ безплодныхъ попытокъ добиться толку чрезъ разспросы подсудимыхъ, потерпѣвшихъ и свидѣтелей, составлявшихъ въ моментъ преступленія одну пьяную компанію. Чувствуется даже, что присяжные ощущаютъ неловкость оттого, что стараются разобрать двухъ людей по отрывочнымъ пьянымъ воспоминаніямъ ихъ: это значитъ въ сущности „самому путаться“.

Особенно сомнительной представляется внутренняя сторона преступленія, такъ что даже ясно выраженный словами умыселъ, даже рядъ дѣйствій, который относительно трезваго человѣка позволялъ бы заключить объ умышленности

дѣянія, хотя бы въ раздраженіи совершеннаго, не позволяетъ вывести того же относительно подсудимаго, совершившаго преступленіе подъ вліяніемъ отравленія алкоголемъ.

Послѣднее выраженіе напоминаетъ мнѣ не разъ слышанную мною экспертизу, такъ называемыхъ „судебныхъ врачей", что всякій опьяненный человѣкъ ненормаленъ психически; разумѣется, присяжные смотрятъ на вопросъ болѣе практично и не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы они признавали нетрезвое состояніе причиной невмѣненія, но повторяю, элементъ сомнѣнія фактическаго слишкомъ силенъ въ подобныхъ дѣлахъ.

Особенно усложняется положеніе, когда къ пьяному состоянію присоединяется очевидная глупость подсудимаго; тогда даже намѣренное дѣйствіе „пьянаго дурачка" легко можетъ быть понято какъ неосторожность, напримѣръ, въ формѣ преступной самонадѣянности. Впрочемъ по отношенію къ такому типу присяжные вполнѣ полагаются на свою собственную экспертизу: подсудимый „ломающій дурака", какъ говорится, на судѣ обыкновенно теряетъ снисхожденіе, съ другой стороны въ нерѣдкихъ случаяхъ, когда врачъ-экспертъ, смѣшавъ психіатрическую экспертизу съ психологической въ одно, настаиваетъ на томъ, что подсудимый умственно здоровъ, присяжные, судя по ихъ вердикту, какъ бы говорятъ себѣ: „пусть онъ и здоровъ по наукѣ, но онъ смотритъ дурачкомъ и есть дурачекъ".

Такая рѣшительность имѣетъ мѣсто далеко не всегда, но во всякомъ случаѣ мнительность присяжныхъ въ подобныхъ дѣлахъ менѣе мнительности экспертовъ.

Присяжные очень склонны, даже въ чисто-психологическихъ случаяхъ, все-таки требовать экспертизы, относясь довольно равнодушно къ тому—психіатръ ли передъ ними или обыкновенный врачъ.

Прежде чѣмъ коснуться экспертизы, о которой мнѣ при-

дется говорить здѣсь же, я долженъ отмѣтить, что столь распространенное между юристами мнѣніе о несоразмѣрности въ иныхъ случаяхъ мотива съ дѣяніемъ, какъ объ обстоятельствѣ, заставляющемъ подозрѣвать ненормальность психической сферы подсудимаго, чуждо присяжнымъ: они вообще въ качествѣ неспеціалистовъ не такъ мнительны въ юридическихъ и врачебныхъ вопросахъ, какъ юристы и врачи.

Поэтому несоразмѣрность мотива съ дѣяніемъ, даже довольно значительная, чаще относится ими къ недостатку доказательствъ, чѣмъ къ особенностямъ личности подсудимаго; во всякомъ случаѣ они справедливо полагаютъ, что психическая ненормальность подсудимаго должна быть установлена извнѣ, а не на основаніи странности мотива, такъ какъ эту странность въ сущности нужно доказать; между тѣмъ эксперты врачи чрезвычайно часто дѣлаютъ эту логическую ошибку, кладя подлежащее доказыванію въ основу доказательства (petitio principii).

Я уже говорилъ, что скептицизмъ присяжныхъ въ вопросахъ о состояніяхъ невмѣняемости направленъ противъ подсудимыхъ, т. е. именно такъ, какъ оно должно быть у судей, въ противоположность скептицизму психіатра, который обыкновенно въ пользу паціента; такое положеніе вполнѣ естественно, такъ какъ нормально большинство судимыхъ здорово, а большинство больныхъ, наблюдаемыхъ психіатромъ, дѣйствительно психически разстроено. Вотъ почему заявленіе подсудимаго на судѣ о галлюцинаціяхъ, заставляющее задумываться эксперта, не смущаетъ присяжныхъ, если поступки подсудимаго до суда и на судѣ указываютъ на разумность.

Повторяю, это нормально, но съ полнымъ вниманіемъ будетъ выслушанъ экспертъ, который ясно и компетентно изложитъ свое мнѣніе; если экспертиза, слѣдовательно, на

высотѣ положенія, то присяжные, не колеблясь, становятся на ея сторону въ вопросахъ психіатрическихъ и одинаково легко на казенный вопросъ о точной доказанности безумія или припадка умоизступленія отвѣчаютъ „доказано“ или „не доказано“, смотря потому, какого мнѣнія экспертъ.

Стоитъ, однако, двумъ экспертамъ разойтись между собой, и уже твердое заключеніе одного изъ экспертовъ не встрѣчаетъ желаемаго довѣрія; не слѣдуетъ думать, что присяжные не оцѣниваютъ научной осторожности экспертовъ, но возможность, существующая для нихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, слѣдить только за общимъ контуромъ экспертизы дѣлаетъ то, что они главнымъ образомъ взвѣшиваютъ съ точки зрѣнія общаго впечатлѣнія, увѣренъ ли самъ экспертъ въ томъ, что говоритъ; потому, когда они видятъ, что нѣсколько экспертовъ болѣе или менѣе одинаково убѣждены въ противоположныхъ мнѣніяхъ, то они совершенно основательно рѣшаютъ обходиться безъ такой науки.

Точно тоже явленіе наблюдается, если экспертиза имѣетъ характеръ слишкомъ отвлеченный и предположительный, когда экспертъ говоритъ напримѣръ: „да, бываютъ измѣненія сознанія, даже мгновенныя; нельзя отрицать, что они могли быть и у подсудимаго; твердо установить грань между здоровымъ и больнымъ нѣтъ возможности“ и т. д.; еще чаще бываетъ, что экспертъ на перекрестномъ допросѣ, что называется, сбивается и тогда присяжные очень склонны остановиться на буквальномъ смыслѣ „казеннаго“ вопроса и отвѣтить на эвентуальный вопросъ о наличности психическаго состоянія: недоказано.

Въ качествѣ иллюстраціи того, что присяжные въ вопросахъ психіатрической экспертизы слѣдятъ за общимъ контуромъ заключенія и споровъ по поводу его приведу эпизодъ, которымъ закончилось судебное слѣдствіе по

дѣлу Линевича [1]): при заключеніи слѣдствія предсѣдательствующій, повторяя заключеніе эксперта, д-ра Чечота, высказавшагося, въ противоположность другимъ экспертамъ, за то, что Линевичъ не можетъ считаться невмѣняемымъ, заявилъ уже отъ себя, что умоизступленіе, по мысли закона, предполагаетъ безсознательное состояніе. Д-ръ Чечотъ авторитетно поправилъ предсѣдательствующаго, указавъ на буквальный текстъ 3 п. 92 ст. У. о Нак., („или умоизступленіе") послѣ чего къ нему обратился старшина съ такимъ вопросомъ: „итакъ если человѣкъ собой не владѣетъ до того, что не сдѣлаетъ зла только, если будетъ связанъ, а иначе не удержится, то это и будетъ умоизступленіе въ смыслѣ закона?" На утвердительный отвѣтъ эксперта онъ прибавилъ: „благодарю васъ, намъ только это и нужно было знать". На немедленный вопросъ предсѣдательствующаго эксперту въ устраненіе недоразумѣній д-ръ Чечотъ повторилъ, что въ данномъ случаѣ припадка умоизступленія по его мнѣнію не было, но присяжные уже не слушали его и признали въ вердиктѣ, что припадокъ умоизступленія доказанъ; такимъ образомъ случайная ошибка предсѣдательствующаго, по обстоятельствамъ дѣла не имѣвшая прямого отношенія къ дѣлу, но подавшая поводъ присяжнымъ думать, что оба и предсѣдательствующій и экспертъ, будучи согласны въ окончательномъ выводѣ о виновности подсудимаго, расходятся, однако, въ толкованіи законнаго понятія умоизступленія—заставило ихъ повидимому принять мнѣніе другой группы экспертовъ.

Я говорю: повидимому, потому что вердиктъ присяжныхъ по этому дѣлу, будучи на мой взглядъ правильнымъ, такъ какъ припадокъ умоизступленія былъ у Линевича несомнѣнно патологическаго происхожденія—не былъ однако основанъ на

---

1) 28 Нояб. 93 г. СПБ-гѣ.

разсказанномъ эпизодѣ, такъ какъ именно въ этомъ послѣднемъ пунктѣ (о происхожденіи припадка) расходились между собой и всѣ остальные эксперты; слѣдовательно настоящая почва для экспертизы въ данномъ дѣлѣ—различеніе патологическаго и психологическаго аффекта,—не была достаточно установлена и выяснена передъ присяжными, которые и рѣшили дѣло, помимо экспертовъ на основаніи правила о сомнѣніи, толкуемомъ въ пользу подсудимаго.

Приведенный случай можетъ служить также примѣромъ дѣйствія того эмпирическаго закона, что экспертиза, даже по недоразумѣнію только показавшаяся тенденціозной, отвергается присяжными, а таково именно было впечатлѣніе, производимое отвѣтомъ доктора Чечота предсѣдательствовавшему, что въ данномъ случаѣ все таки нѣтъ припадка умоизступленія; тѣмъ болѣе слѣдуетъ заключить, что явно предубѣжденная экспертиза не можетъ разсчитывать на принятіе ея присяжными, какъ бы она ни была блестяща.

Сомнѣніе въ состояніи вмѣняемости — какъ вызываемое разногласіемъ экспертовъ между собой, такъ и сомнѣніе, вытекающее изъ того, что нельзя и требовать во всѣхъ случаяхъ „точныхъ“ доказательствъ, согласно тексту закона одинаково толкуется въ пользу подсудимаго; поэтому нерѣдко основательное сомнѣніе въ нормальности подсудимаго приводитъ къ тому, что присяжные, не смущаясь выраженіями вопроса о точной доказанности невмѣняемости, отвѣчаютъ: да доказано.

Заканчивая разсмотрѣніе вопроса о невмѣняемости, я долженъ замѣтить, что довѣріе къ эксперту, особенно если экспертиза въ пользу подсудимаго, не такъ легко подорвать какъ кажется, хотя бы очень удачнымъ допросомъ или блестящей критикой, но есть формальныя условія, которые значительно ослабляютъ авторитетность эксперта на судѣ; сюда относятся, напримѣръ, показанія экспертовъ, заклю-

ченіе которыхъ записано еще въ предварительномъ слѣдствіи: необходимость для такихъ экспертовъ считаться съ этимъ, ранѣе даннымъ заключеніемъ, лишаетъ ихъ въ глазахъ присяжныхъ необходимой свободы мнѣнія; кромѣ того самая авторитетность такихъ экспертовъ очень страдаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается, что слѣдователь посылалъ ихъ мнѣнія для провѣрки во врачебное отдѣленіе или въ медицинскій департаментъ.

Я достаточно останавливался на вопросѣ объ экспертизѣ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ родовъ преступленій и поэтому, чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, укажу здѣсь, что авторитетность экспертизы вообще въ глазахъ присяжныхъ зависитъ во первыхъ, отъ точности и увѣренности заключенія, во вторыхъ отъ того, имѣетъ ли заключеніе научную подкладку (экспертиза каллиграфовъ почти не имѣетъ доказательной силы), въ третьихъ, отъ того, насколько экспертъ уменъ и находчивъ во время перекрестнаго допроса и только въ четвертыхъ,—отъ того, насколько экспертъ посторонній дѣлу и подсудимому — человѣкъ.

Изъ этого видно, что степени достовѣрности экспертизы, при разныхъ условіяхъ постановки ея на судѣ, слѣдуютъ въ обратномъ порядкѣ, сравнительно съ признаками, которые принимаются присяжными въ разсчетъ при оцѣнкѣ показаній свидѣтелей; но не будемъ забѣгать впередъ.

II.

Ученіе объ объектѣ преступленія главнымъ образомъ относится по своему содержанію къ тому, что́ можно назвать правосознаніемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ моей системѣ къ отдѣлу „о рѣшеніи“. Дѣйствительно, разсмотрѣніе того, что́ именно признается присяжными пре-

ступнымъ посягательствомъ по отношенію къ нарушаемому закону или повреждаемому благу есть изслѣдованіе ихъ уголовнаго кодекса; я же въ настоящее время стараюсь возстановить, по возможности цѣлостно, ихъ судопроизводственный кодексъ.

Здѣсь кстати вспомнить вѣрное замѣчаніе проф. Таганцева, что хотя преступленіе является посягательствомъ на юридическія нормы, признанныя государствомъ, и объектомъ преступленія поэтому должны считаться именно эти нормы или институты права, однако на дѣлѣ такая юридическая норма, въ смыслѣ объекта преступленія, представляется всегда нарушенной въ ея реальномъ бытіи [1]).

Не смѣшивая поэтому объекта кражи съ похищенной вещью или нарушеніе права собственности, какъ нарушеніе института, съ причиненіемъ вреда обладателю реальнаго права и обратно это причиненіе вреда съ посягательствомъ на норму, я вправѣ сказать, что въ области доказательствъ присяжнымъ приходится вѣдаться съ объектомъ преступленія именно въ этой видимой его формѣ; слѣдовательно, здѣсь умѣстно будетъ разсмотрѣть, какъ устанавливается присяжными причиненный преступникомъ вредъ, какъ самъ по себѣ взятый, такъ и по отношенію къ лицу пострадавшему.

Хотя „качество личности пострадавшаго и свойство вещей, нарушаемыхъ и разрушаемыхъ преступнымъ дѣяніемъ, имѣютъ дѣйствительное значеніе только при отдѣльныхъ преступленіяхъ, а потому подробный ихъ анализъ долженъ быть сдѣланъ въ особенной части“ [2]), что̀ и было мною изложено выше; однако, вполнѣ возможно и необходимо разсмотрѣть теперь же, именно въ общихъ чертахъ, какъ отражаются на признаніи присяжными доказанности вреда, при-

---

1) Курсъ рус. уг. пр., стр. 175.
2) Таганцевъ. Тамъ же, стр. 180.

чиненнаго частному лицу, личныя особенности этого лица, его отношенія къ виновнику и способъ дачи показанія, — словомъ все то, что отличаетъ потерпѣвшаго отъ свидѣтеля.

Мы уже знаемъ, что отыскиваніе абсолютной истины въ области доказательствъ также, какъ идейность приговоровъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, чужды присяжнымъ. Цѣлесообразность и закономѣрность такого отношенія къ дѣлу прямо вытекаетъ изъ того, что всякій судья, а слѣдовательно и присяжный, призванъ осуществлять реальное право: идеалистически творимое правосудіе—summum jus, всегда признавалось — summa injuria, т. е. превращалось въ неправосудіе.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда присяжные начинаютъ домогаться абсолютной, а не судебной только истины, они естественно выносятъ или слишкомъ мнительные, или слишкомъ смѣлые приговоры и притомъ, дѣйствуя якобы научные изслѣдователи [1]), идутъ, такъ сказать, мимо сторонъ, заглядывая за предѣлы предлагаемаго матеріала, нарушая принципъ состязательности судебнаго слѣдствія и преній; при отказѣ, напр., на законномъ основаніи въ чтеніи показаній свидѣтеля мнительность ихъ можетъ создать ложную мысль о неполнотѣ слѣдствія. Но эта quasi—научность къ счастью явленіе рѣдкое и парализуется, какъ я уже сказалъ выше, судейскимъ самоограниченіемъ присяжныхъ, этой характерной и почтенной чертой ихъ, не позволяющей имъ выносить приговора, заодно обвиняющаго подсудимаго во всѣхъ предъявленныхъ къ нему обвиненіяхъ по кражѣ, напр., потому что онъ воръ вообще.

Строгое различеніе фактически доказанной виновности отъ вѣроятной только—отражается и на отношеніи присяж-

---

[1]) Этотъ ошибочный пріемъ до извѣстной степени рекомендуется суду въ заключеніи оберъ-прокурора по дѣлу о мультанскомъ жертвоприношеніи.

ныхъ къ потерпѣвшему, создавая цѣлый рядъ условій, при которыхъ потерпѣвшій пользуется довѣріемъ и рядъ другихъ, наличность которыхъ рождаетъ сомнѣніе въ доказанности ущерба, причиненнаго потерпѣвшему. Вообще говоря, потерпѣвшій, представшій предъ присяжными, дѣйствительно, долженъ держать себя съ нѣкоторою осмотрительностью въ виду того, что обыкновенно матеріально связанъ съ исходомъ процесса; когда это послѣднее качество отсутствуетъ, то потерпѣвшій ввиду своей незаинтересованности ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго свидѣтеля и даже при отчетливомъ, твердомъ объясненіи дѣла подкрѣпляетъ свидѣтельскія показанія, не имѣющія этихъ качествъ. Итакъ, потерпѣвшій пользуется довѣріемъ, пока нѣтъ особыхъ основаній для сомнѣній; въ результатѣ поэтому показаніе потерпѣвшаго, внушающее довѣріе, хотя бы оно являлось одинокимъ доказательствомъ и представлялось бы даже показаніемъ потерпѣвшаго очевидца — является достаточнымъ основаніемъ для обвинительнаго вердикта.

Особая осторожность потерпѣвшаго при дачѣ показаній увеличиваетъ довѣріе къ нему; когда, наприм., признавая одного подсудимаго въ лицо, онъ заявляетъ, что не увѣренъ въ личности другого соучастника. Общее правило, что спутанность объясненій подрываетъ силу свидѣтельства, встрѣчается здѣсь въ своемъ дѣйствіи съ другимъ, не менѣе общимъ правиломъ, по которому сбивчивость и неясность показанія не лишаютъ потерпѣвшаго довѣрія, если преступленіе по своему свойству было разсчитано на недалекость потерпѣвшаго и удалось, благодаря его глупости; въ такихъ случаяхъ безтактное поведеніе и даже противорѣчіе показаній не ставятся потерпѣвшему въ счетъ; разумѣется, эти соображенія относятся къ случаямъ, когда недалекость, о которой идетъ рѣчь—неподдѣльна.

Цѣнность показанія потерпѣвшаго тѣмъ выше, чѣмъ во-

обще почтеннѣе его личность и чѣмъ неприглядпѣе нравственная физіономія подсудимаго; внимательное разглядываніе нравственнаго облика пострадавшаго отнюдь не вынуждаетъ его представлять доказательства своей хорошей репутаціи и энергичная самозащита въ этомъ случаѣ производитъ чаще невыгодное впечатлѣніе на присяжныхъ; обильныя инсинуаціи, даже обвиненія, направленныя противъ его личности, очень часто опрокидываются только оттого, что свидѣтель защиты, вызванный ad hoc, что называется, провалился.

При счастливомъ сочетаніи всѣхъ приведенныхъ условій для достовѣрности показаній потерпѣвшаго, показаніе его, разумѣется, только тогда дѣйствительно, когда оно содержитъ въ себѣ факты, а не догадки.

Тѣмъ не менѣе на судѣ часто наблюдается такое невыгодное для обвиненія стеченіе обстоятельствъ, которое заставляетъ сомнѣваться въ правдивости потерпѣвшаго изъ-за обстоятельствъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ дѣлу; присяжные склонны считать нормальнымъ положеніемъ то, при которомъ потерпѣвшій не имѣетъ никакихъ личныхъ отношеній съ подсудимымъ; такъ наприм., скептически встрѣчается показаніе потерпѣвшаго, который возбудилъ дѣло, поссорившись съ подсудимымъ; въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно самое событіе подвергается сомнѣнію и притомъ столь сильному, что и показанія очевидцевъ теряютъ свое значеніе.

Въ силу такихъ же соображеній лишается довѣрія потерпѣвшее лицо, снявшее на судѣ оговоръ противъ одного изъ подсудимыхъ или наговаривающее на подсудимаго по поводу обстоятельствъ, совершенно постороннихъ дѣлу; вообще отношеніе подсудимаго къ потерпѣвшему, предшествовавшее возникновенію дѣла имѣетъ громадное значеніе на судѣ присяжныхъ.

Что касается причинъ невмѣненія доказаннаго событія

преступленія, то можно сдѣлать по рѣдкости такихъ случаевъ только крайне общее замѣчаніе такого рода, что усматривая наличность самообороны или крайней необходимости, присяжные предпочитаютъ постановкѣ особаго вопроса, всегда ихъ затрудняющей, простое оправданіе; дѣйствительно крайняя осложненность ученія о самооборонѣ привходящими необходимыми условіями, создаетъ и для короннаго суда такія трудности, преодолѣніе которыхъ требуетъ совершенно несоразмѣрной и напрасной затраты труда, такъ какъ, разумѣется, присяжные оцѣнили бы формализмъ такого вопроса по достоинству и не задумались бы обойти его или отвѣтить: „да доказано“, рѣшивъ по совѣсти, что подсудимаго надо оправдать.

Неоднократно возникавшіе въ моей практикѣ вопросы о крайней необходимости, въ частной формѣ неимѣнія средствъ къ жизни и работѣ, позволяютъ мнѣ сдѣлать выводъ, что присяжные не смѣшиваютъ такого состоянія съ условіями, предусмотрѣнными 7 п. 134 ст. и 2 п. 1663 ст. Ул. о нак.; при ясныхъ указаніяхъ съ моей стороны, что крайняя необходимость въ формѣ голода является законной причиной оправданія и что затруднительное матеріальное положеніе только смягчаетъ отвѣтственность, они обыкновенно признавали только послѣднее.

Преступное дѣяніе на судѣ присяжныхъ, разсматриваемое съ внѣшней стороны, представляетъ ту область, гдѣ присяжнымъ чаще всего приходится высказываться по правовымъ вопросамъ. Виновенъ ли подсудимый въ совершеніи покушенія или оконченнаго преступленія, соединяется ли одно оконченное преступленіе съ покушеніемъ на другое—все это вопросы, которые обыкновенно занимаютъ видное мѣсто въ напутствіи предсѣдательствующаго; разъясненія эти только тогда умѣстны и цѣлесообразны, когда имѣютъ предметомъ разграниченіе уже поставленныхъ вопросовъ; постановка та-

кихъ вопросовъ должна всецѣло составить заботу короннаго суда, такъ какъ ни теоретически, ни практически не можетъ быть оправдано возложеніе на присяжныхъ производство сложной юридической работы, формулированія различныхъ ступеней преступной дѣятельности. Мы уже не разъ встрѣчали при разсмотрѣніи данныхъ особенной части, что неисполненіе этой юридической работы, какъ слѣдуетъ, юристами влекло за собой безплодныя попытки присяжныхъ работать вмѣсто юристовъ; не видя въ вопросѣ необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, фактическихъ признаковъ, наприм., характеризующихъ покушеніе, присяжные на вопросъ о совершившемся преступленіи даютъ отрицательный отвѣтъ только за отсутствіемъ вопроса о покушеніи.

Коронному суду, дѣйствительно, приходится довольно часто встрѣчаться съ тѣмъ, что присяжные по своему понимаютъ оконченное и неоконченное дѣяніе, и такъ какъ судъ не вправѣ, да оно и было бы безцѣльно для самихъ присяжныхъ, составлять вопросъ изъ фактическихъ данныхъ, которыя не заключаютъ въ себѣ состава преступленія, то остается одинъ исходъ держаться этого послѣдняго правила и встрѣчать оправдательный вердиктъ, какъ доказательство того, что техника постановки вопросовъ не находится на надлежащей высотѣ. Знающій близко многоэтажные и неудобопонятные вопросы, которые судъ вынужденъ строить ввиду нашего отжившаго Уложенія и казуистичности Сенатской практики согласится со мной, что выраженіе мое относительно недостаточнаго уровня техники является болѣе, чѣмъ мягкимъ. Остается удивляться, что присяжные героически одолѣваютъ предлагаемые имъ вопросы и не запутываются въ ихъ содержаніи и арабескахъ.

Почти тоже приходится сказать и относительно умышленной и неосторожной вины; словомъ, о внутренней сторонѣ преступнаго дѣйствія.

Весьма трудно вывести общія положенія даже изъ большаго числа приговоровъ, когда чуть ли не каждый вопросный листъ ставитъ присяжныхъ лицомъ къ лицу съ необъединенными, неподчиненными одному принципу видами умысла: то въ вопросѣ фигурируетъ умышленность, обнимающая всю совокупность послѣдствій дѣянія, то наличность послѣдствій вмѣняется независимо отъ содержанія намѣренія, то приходится заключать о виновности умышленной изъ самаго факта напр. нанесенія ударовъ, напримѣръ при нанесеніи смертельныхъ побоевъ, причемъ однако остается открытымъ вопросъ о томъ, должно ли быть доказано, что подсудимый имѣлъ ввиду и домогался именно побоевъ, грозящихъ жизни.

Попробуемъ однако, насколько возможно, вглядѣться въ заключенія болѣе или менѣе общія, которыя можно вывести изъ моего матеріала.

Прежде всего о мотивѣ въ отдѣлѣ о доказательствахъ можно сказать, что несомнѣнность мотива сама по себѣ взятая не можетъ замѣнять отсутствующихъ доказательствъ виновности, отсутствіе же мотива вноситъ важный пробѣлъ въ дѣло.

Собствснно говоря, доказательства наличности мотива, также какъ и содержаніе вопросовъ о внѣшней сторонѣ преступнаго дѣйствія, сводятся къ общимъ способамъ удостовѣренія т. е. къ установленію фактической стороны дѣла.

Таковъ же, на практикѣ характеръ отношенія присяжныхъ и къ вопросу объ умыслѣ и неосторожности, но здѣсь мы встрѣчаемся съ рядомъ законныхъ презумпцій, которыя ставятъ присяжныхъ въ трудное положеніе т. е. въ коллизію не столько съ текстомъ закона, сколько съ доводами сторонъ и напутствія, противъ которыхъ имъ очень мудрено найти достаточныя возраженія.

Такъ, напримѣръ, наносящій ударъ ножемъ въ грудь, по мнѣнію обвинителя, посягаетъ на жизнь, но не всегда обстановка преступленія допускаетъ такой прямолинейный выводъ и присяжные съ тоской, такъ сказать, оглядываются на факты дѣла, ища точки опоры. Юристу ясно напримѣръ, что не слѣдуетъ усложнять подобный вопросъ соображеніями о томъ, вполнѣ ли сознавалъ подсудимый, что дѣлалъ, такъ какъ такой вопросъ долженъ рѣшаться, какъ вопросъ о вмѣняемости, отдѣльно и по особымъ правиламъ; присяжный же, не мудрствуя лукаво, спрашиваетъ себя, волнуясь: а что, если онъ, дѣйствительно, не помнилъ себя, когда ударялъ ножемъ и означаетъ ли это виновность въ запальчивости или невмѣняемость или наконецъ виновность, но безъ цѣли лишить жизни. Послѣдняя форма отвѣта, какъ самая удобная на почвѣ фактической недоказанности внутренней стороны, встрѣчается очень часто и, будучи жизненно-правдива, не можетъ однако не смущать юристовъ, которымъ приходится вопреки теоріи измѣнять составъ преступленія — переходить отъ убійства къ ранамъ, хотя строго говоря отвергнута только цѣль т. е. мотивъ, по теоріи не вліяющій на составъ преступленія. Требуя фактическихъ доказательствъ умысла, присяжные однако допускаютъ доказательства его въ смыслѣ вывода изъ общаго характера дѣянія въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ не поставленъ слишкомъ казуистично, напр. такъ, что предполагается нанесеніе съ намѣреніемъ именно увѣчья, а не только раны. Пока будутъ ставиться подобные вопросы, а это *пока* къ сожалѣнію приходится дѣлать, — до тѣхъ поръ мы часто будемъ встрѣчать оправданія по преступленіямъ, наименѣе благопріятно поставленнымъ въ этомъ отношеніи въ нашемъ Уложеніи; таковы почти всѣ преступленія о нарушеніи тѣлесной неприкосновенности.

Въ подобныхъ дѣлахъ умыселъ устанавливается присяж-

ными при отсутствіи спеціальныхъ доказательствъ его, большею частью при ограниченіи болѣе преступной формы посягательства относительно цѣли; напр. по дѣлу объ убійствѣ безъ особыхъ доказательствъ умысла получается неожиданно для присяжныхъ намѣреніе даже на такія непредвидимыя послѣдствія, какъ именно тяжкое увѣчье или тяжкая рана.

Итакъ ясно, что на судѣ присяжныхъ наблюдается нѣкоторый формализмъ при оцѣнкѣ доказательствъ умышленности дѣянія, зависящій непосредственно отъ несовершенствъ нашего уголовнаго кодекса.

Вслѣдствіе этого и доказательность умысла стоитъ въ связи не только съ убѣжденіемъ о виновности вообще, но и видоизмѣняется по роду преступленій и по роду (не по силѣ только) представленныхъ доказательствъ.

По роду преступленій, какъ уже замѣчено выше, присяжнымъ свойственно доходить до менѣе преступнаго умысла путемъ отрицанія болѣе серіознаго, а по отношенію къ роду доказательствъ, замѣчается слѣдующая постепенность.

Сознаніе является, разумѣется лучшимъ доказательствомъ умысла и если подсудимый отрицаетъ умыселъ на жизнь и сознается въ умыслѣ менѣе преступномъ, то присяжные при отсутствіи другихъ доказательствъ охотно идутъ вслѣдъ за сознаніемъ къ нисшей формѣ виновности.

Оговоръ сообвиняемаго въ умышленности дѣянія при отрицаніи этого подсудимымъ не является самостоятельнымъ доказательствомъ т. е. отдѣльно взятый—недостаточенъ для установленія достовѣрности умысла.

Понятно, что значеніе очевидцевъ и вообще свидѣтелей событій, а не словъ, произносимыхъ при совершеніи преступленія становится ничтожнымъ; воспроизведеніе же словъ, передающихъ настроеніе, становится наиболѣе важнымъ фактомъ дѣла.

Улики поведенія становятся важнѣе показаній потерпѣвшихъ и свидѣтелей, такъ напримѣръ закладъ пальто для покупки ножа, которымъ затѣмъ нанесена рана, признается доказательствомъ умысла на жизнь, хотя недостаточно само по себѣ, какъ доказательство предумышленности.

При соединеніи двухъ однородныхъ дѣлъ доказанность умысла по одному преступленію по аналогіи переносится и на другое, особенно, если объясненія подсудимаго о неумышленности его поступковъ не внушаютъ довѣрія къ себѣ, представляются неправдоподобными.

Итакъ, степень доказанности умысла предъ присяжными засѣдателями зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, значеніе которыхъ предвидѣть крайне трудно. Одно несомнѣнно, что въ этомъ пунктѣ наиболѣе важно оберегать присяжныхъ отъ массы затрудненій, сопровождающихъ рѣшеніе этого вопроса даже при благопріятныхъ, сравнительно для правосудія, условіяхъ; тѣмъ безнравственнѣе усложненіе судебной задачи чрезмѣрнымъ обвиненіемъ или игрой на сомнѣніе въ этой области со стороны участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

Переходя къ формамъ преступнаго дѣянія, слѣдуетъ замѣтить, что довольно неопредѣленное въ законѣ понятіе совершенія преступленія по ремеслу въ глазахъ присяжныхъ не соединяется неразрывно съ рецидивомъ или даже съ выясненіемъ въ прошломъ подсудимаго однородныхъ дѣяній, хотя бы до суда недошедшихъ, но допускаетъ болѣе широкое толкованіе; тѣ или другіе особые пріемы при совершеніи даннаго преступленія иногда достаточны для признанія преступленія совершеннымъ по ремеслу; необходимо лишь, чтобы подсудимый явился въ глазахъ присяжныхъ, такъ называемымъ хищникомъ, т. е. попалъ въ разрядъ особо опасныхъ людей, сознательно живущихъ на счетъ другихъ путемъ преступленія.

Здѣсь мы встрѣчаемся, слѣдовательно, съ крупнымъ дѣленіемъ подсудимыхъ на привычныхъ хищниковъ, наступательно дѣйствующихъ изъ разсчета или по другимъ соображеніямъ, но не въ силу случайнаго соблазна, не при условіяхъ легкомыслія и другихъ,—сопровождающихъ правонарушеніе преступника случайнаго, исправимаго; эти послѣдніе, которыхъ характеризуетъ, такъ называемая, случайность преступленія, дѣянія, — стоящаго въ ихъ жизни особнякомъ, — составляютъ вторую группу, относительно представителей которой присяжные нерѣдко задумываются надъ средствами исправленія преступника.

Не слѣдуетъ понимать такую группировку, какъ формальное различеніе преступныхъ типовъ по внѣшнимъ признакамъ лица или дѣянія; такъ напримѣръ, вполнѣ возможно признаніе случайнымъ преступникомъ виновнаго въ продолжаемой кражѣ (у хозяина въ нѣсколько пріемовъ), а тѣмъ болѣе обвиняемыхъ въ длящихся преступленіяхъ. Все сводится, какъ я уже сказалъ, къ способу совершенія даннаго дѣйствія, къ характеристикѣ лица; слѣдовательно и доказательствами въ этой области являются, напримѣръ, репутація, устанавливаемая свидѣтелями или перепиской, находка у арестованнаго отмычекъ, характерный „московскій“ или „петербургскій“ способъ мошенничества, „хипесная“ обстановка квартиры и т. п. Вообще характеръ доказательствъ въ частности опредѣляющихъ форму преступныхъ дѣяній, таковъ, что разсматривать ихъ приходится по отдѣльнымъ видамъ преступленій и трудно вывести поэтому какія либо общія заключенія.

Есть однако форма виновности, которая допускаетъ довольно значительную степень обобщенія, это именно соучастіе или стеченіе преступниковъ. Здѣсь прежде всего представляются интересными тѣ условія, при которыхъ протекаетъ обвиненіе подстрекателей; не требуя непремѣнно особыхъ

доказательствъ состоявшагося подговора, присяжные однако весьма стѣснены, когда на судѣ не фигурируетъ рядомъ съ подстрекателемъ физическій виновникъ или когда при несознаніи физическаго виновника нельзя и ждать отъ него какихъ либо указаній противъ подстрекателей.

Это стѣсненіе представляется серіознымъ потому, что подстрекательство, по мысли присяжныхъ, доказывается не только установленіемъ на судѣ уговоровъ, просьбъ и т. п., но главнымъ образомъ сравненіемъ обоихъ подсудимыхъ между собой съ точки зрѣнія вліянія одного на другого и перевѣса или слабости въ отношеніи воли, ума или энергіи; если такого перевѣса не оказывается, то фактъ уговора и просьбъ самъ по себѣ виновности въ подстрекательствѣ не устанавливаетъ.

Чрезвычайно важнымъ представляется то обстоятельство, былъ ли подстрекатель на мѣстѣ преступленія, т. е. былъ ли онъ зачинщикомъ въ законномъ смыслѣ этого термина, потому что въ такихъ случаяхъ для присяжныхъ, усомнившихся во вліяніи этого лица на другое, является возможность выразить это ограничительнымъ отвѣтомъ вмѣсто оправданія. Сюда тѣсно примыкаетъ вопросъ о главномъ виновномъ, который находится по отношенію къ доказательствамъ въ томъ же положеніи, какъ и подстрекатель; но, собственно говоря, опредѣленіе его дѣятельности, въ смыслѣ главенствующей, принадлежитъ суду и потому не представляетъ ни техническихъ по отношенію къ вопросу затрудненій, ни риска оправданія, по невозможности установить нравственную связь между сообвиняемыми. Во всякомъ случаѣ, отсутствіе на скамьѣ подсудимыхъ главнаго виновнаго порождаетъ вялость въ присяжныхъ засѣдателяхъ, выражающуюся въ томъ, что они неохотно вглядываются въ значеніе уликъ, предъявляемыхъ противъ второстепенныхъ виновныхъ. Это особенно рѣзко замѣтно тогда, когда этотъ

главный виновный—душа преступленія—избавленъ отъ обвиненія, благодаря особенностямъ личнаго положенія своего или просто „замѣтно выгораживается“ свидѣтелями защиты изъ числа лицъ, связанныхъ съ нимъ, напримѣръ, служебнымъ положеніемъ. При такихъ условіяхъ даже одинъ фактъ недостатка уликъ противъ главнаго виновника или зачинщика, можетъ породить мысль, что дѣло недостаточно обслѣдовано, а потому рисковано, ввиду сомнѣній, обвинить и второстепенныхъ дѣятелей.

Такимъ образомъ всякое дробленіе дѣла въ смыслѣ отдѣльнаго разсмотрѣнія виновности людей, совершившихъ одно общее преступленіе, невыгодно отражается не только на вердиктѣ, но и на силѣ уликъ. Бываетъ и такъ, что по какимъ-либо соображеніямъ изъ ряда обыкновенныхъ соучастниковъ одинъ кто-либо изъ числа равно виновныхъ не преданъ суду и въ подобномъ случаѣ чтеніе показанія потерпѣвшаго или свидѣтеля, близко стоявшаго къ непривлеченному, представляется крайне недостаточной замѣной устнаго показанія, такъ какъ не представляется возможности распросить свидѣтеля именно объ этомъ отсутствующемъ виновникѣ.

Соучастіе вообще устанавливается на судѣ присяжныхъ весьма просто: здѣсь даже при отсутствіи оговора со стороны сообвиняемыхъ достаточно болѣе или менѣе ясной картины событія, но когда самый фактъ взаимнаго уговора представляется сомнительнымъ, то присяжные стараются выяснить, какъ именно были распредѣлены роли участвующихъ въ преступленіи, такъ какъ тогда всегда возможно, что который-нибудь изъ подсудимыхъ окажется случайно пристегнутымъ къ дѣлу безъ всякой вины; иногда такая неясность степени участія подсудимаго ведетъ къ признанію недоказанности состава преступленія, напримѣръ при поджогѣ.

Внѣ этихъ особенностей обыкновенно дѣйствуетъ об-

щее правило, что всѣ лица, затѣявшія *общее дѣло*, несутъ отвѣтственность одинаковую независимо оттого, кто болѣе, такъ сказать, приложилъ руку; въ особенности наблюдается это тогда, когда присяжнымъ приходится имѣть дѣло съ преступнымъ сообществомъ, члены котораго пользуются очень дурной репутаціей.

Укрывательство по отношенію къ доказательствамъ стоитъ особнякомъ и не допускаетъ обвиненія на почвѣ только въ общихъ очертаніяхъ установленной картины преступленія; такой взглядъ присяжныхъ, разумѣется, стоитъ въ связи съ нисшимъ нравственнымъ уровнемъ жизни въ особенности въ нисшихъ классахъ общества, гдѣ не только укрывательство, но даже иногда попустительство преступленія составляютъ только внѣшнее, безъ всякаго участія съ злой волей, явленіе порождаемое нравственной неопрятностью и равнодушіемъ.

Вотъ почему при обвиненіи въ укрывательствѣ необходимы особыя доказательства того, что подсудимый именно пожелалъ укрыть преступленіе: одного оговора сознавшагося сообвиняемаго или уликъ поведенія для этого недостаточно; презумпція виновности крайне опасна именно въ этихъ случаяхъ, почему и не допускается по отношенію къ укрывательству.

III.

На первый взглядъ ученіе о доказательствахъ не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о наказуемости или ненаказуемости даннаго преступленія, но на самомъ дѣлѣ наблюдается извѣстная связь между обвинительнымъ и оправдательнымъ приговоромъ съ одной стороны и оцѣнкой присяжными разнаго рода доказательствъ. Съ другой—при такой оцѣнкѣ по теоріи долженъ быть соблюдаемъ цѣлый рядъ правилъ, такъ называемаго судебнаго изслѣдованія; въ соблюденіи или видо-

измѣненіи этихъ правилъ и сказываются тѣ особенности въ оцѣнкѣ доказательствъ, которыя характеризуютъ не только рѣшенія, но и главнымъ образомъ способъ изслѣдованія преступленія присяжными.

Не слѣдуетъ смѣшивать упомянутыя правила съ правилами чисто логическими: установленіе фактической подкладки дѣла, сведеніе всякаго свидѣтельства къ первоначальному источнику, выборъ лучшихъ доказательствъ, установленіе ихъ связи съ facta probanda и между собой—это все общелогическія правила, соблюденіе или несоблюденіе которыхъ характеризуетъ личныя, а не судейскія свойства присяжнаго и что касается этой стороны дѣла, то мнѣ не разъ уже приходилось констатировать, что на судѣ присяжныхъ опасность логическихъ ошибокъ, свойственная всякому человѣческому суду, значительно ослаблена чрезвычайной, *фактической*, такъ сказать, добросовѣстностью присяжныхъ; логика же фактовъ всегда служила настоящимъ образцомъ логикѣ умозрѣнія; замѣчается даже значительный скептицизмъ присяжныхъ въ отношеніи послѣдней, такъ какъ они стремятся всякій выводъ строить, по возможности, непосредственно на фактахъ. Отсюда ихъ крайнее вниманіе къ деталямъ, недостатокъ которыхъ въ дѣлѣ представляется имъ значительнымъ препятствіемъ. Этого недостатка не можетъ восполнить и чрезвычайно рѣзко выраженный въ обстановкѣ преступленія—преступный мотивъ.

Обращаясь къ тому, какъ соблюдаются теоретическія правила судебнаго изслѣдованія, точную систему которыхъ давать здѣсь не мѣсто, я только отмѣчу, что обрядъ преданія суду, какъ и слѣдуетъ, не создаетъ презумпціи виновности, что onus probandi распредѣляется правильно на ту или другую сторону, выставляющую доказательства, что не признается преклюзивнаго срока для новыхъ доказательствъ, что пока-

заніе подсудимаго само по себѣ не установляетъ состава преступленія на судѣ присяжныхъ.

Съ другой стороны нельзя не отмѣтить, что право подсудимаго молчать на судѣ присяжныхъ только формально и нежеланіе его отвѣчать въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ серіозно уличается, признается уликой „поведенія на судѣ"; такой же уликой, вопреки теоріи, является обнаруженіе ложности оправданій подсудимости, наконецъ, приговоръ весьма часто, вопреки строгой юридической теоріи, диктуется нравственными, общественными, даже хозяйственными, а не исключительно юридическими мотивами.

Говоря о способахъ изслѣдованія, умѣстнѣе всего будетъ дать обобщеніе относительно разныхъ видовъ доказательствъ, еще не упомянутыхъ мною выше; на основаніи комбинацій текстуальныхъ карточекъ это можно сдѣлать быстро и увѣренно.

Оговоръ, при поличномъ, внесенный въ судъ, представляется серіознымъ доказательствомъ, независимо оттого, сознался или не сознался оговаривающій; даже отказъ отъ оговора при такихъ условіяхъ не лишаетъ оговоръ доказательной силы, но вообще, къ оговору, отдѣльно стоящему, присяжные относятся крайне скептически и сила его значительно подымается только въ тѣхъ случаяхъ, когда двое сообвиняемыхъ взаимно оговариваютъ одинъ другого: при такихъ условіяхъ какъ бы установляется фикція, что каждый подсудимый сознается за другого. Вообще при оцѣнкѣ оговора принимаются въ разсчетъ вѣроятные мотивы его, почему оговоръ противъ сообвиняемаго, содѣйствовавшаго поимкѣ оговаривающаго, какъ легко объяснимый местью, вычеркивается изъ ряда доказательствъ. Личность и возрастъ оговаривающаго тоже имѣютъ свое значеніе: насколько серіозно свидѣтельское показаніе мальчика на судѣ, настолько же слабъ дѣлаемый имъ въ качествѣ подсудимаго, оговоръ.

Оговоръ, сдѣланный при дознаніи, вообще оговоръ внѣсудебный, самъ по себѣ не имѣетъ значенія доказательства, соединенный же съ поличнымъ и онъ дѣйствуетъ; слѣдуетъ имѣть въ виду, что здѣсь идетъ рѣчь о поличномъ, внесенномъ въ судъ, а не о „поличномъ со словъ"; послѣднее даже при оговорѣ in foro не сообщаетъ этому слабому доказательству достаточной силы.

Основнымъ требованіемъ отъ свидѣтеля со стороны присяжныхъ является не столько личная чистота, сколько отсутствіе матеріальной заинтересованности его въ обвиненіи подсудимаго, причемъ мужество его въ тѣхъ случаяхъ, когда оно необходимо для дачи показанія по особенностямъ дѣла, усиливаетъ довѣріе къ нему; заинтересованность въ смыслѣ качества, вредящаго свидѣтелю, приходится понимать очень широко: сюда подойдутъ не только личные счеты, злоба, желаніе отличиться чѣмъ-нибудь; но даже и должностное положеніе, могущее вызвать такія поползновенія со стороны свидѣтеля. Чѣмъ ближе, однако, напримѣръ родство между подсудимымъ и свидѣтелемъ, тѣмъ большее значеніе получаетъ какъ обвиняющее, такъ и оправдывающее показаніе свидѣтеля, послѣднее въ особенности если онъ беретъ на себя вину; нельзя не отмѣтить, однако, что принимающій на себя вину тѣмъ болѣе теряетъ довѣріе, чѣмъ такая повинная для него безопаснѣе, напримѣръ, въ силу прекращенія о немъ дѣла.

Свидѣтели защиты собственно распадаются на двѣ группы: на свидѣтелей, очевидная ложность показаній которыхъ, что называется, топитъ подсудимыхъ; но не рѣдки случаи, когда свидѣтель обвиненія отказывается отъ обвинительнаго показанія уже на судѣ и въ этихъ случаяхъ шансы подсудимаго на оправданіе подымаются, такъ какъ вообще присяжные вѣрятъ гораздо больше устному показанію свидѣтеля, хотя бы оно и противорѣчило письменному; въ случаяхъ измѣненія показаній присяжныхъ не смущаетъ,

напримѣръ, подкупъ свидѣтелей подсудимыми, такъ какъ дѣйствительно встрѣчаются случаи, когда корыстные или злобствующіе свидѣтели, только послѣ подачки начинаютъ говорить правду.

Что касается содержанія свидѣтельскихъ показаній, то недостаточная фактическая обстоятельность послѣднихъ, разумѣется, вредитъ правосудному исходу, какъ всякая неполнота дѣла; это особенно замѣтно въ дѣлахъ старыхъ, но важно замѣтить, что въ подобныхъ дѣлахъ присяжные не притязаютъ на особую отчетливость подробностей и даже сбивчивость показаній признается естественной и не вызываетъ недовѣріе къ свидѣтелю; это въ особенности важно отмѣтить, такъ какъ въ другихъ дѣлахъ, гдѣ время роли не играетъ, сбивчивость показанія подрываетъ достовѣрность его. Не слѣдуетъ забывать, что есть цѣлые разряды лицъ, у которыхъ неясность и даже путанность показаній является естественной и потому не вредитъ дѣлу, таковы крестьяне, дѣти и т. п. Свидѣтельское показаніе, приходящее на судъ изъ вторыхъ рукъ (со словъ), обыкновенно имѣетъ мало значенія, въ особенности въ серіозныхъ преступленіяхъ и противъ лицъ незапятнанныхъ судимостью.

Вообще устное свидѣтельское показаніе имѣетъ больше значенія, чѣмъ письменное и потому легко опровергаетъ данныя всякихъ протоколовъ; если же за смертью свидѣтеля, или по другимъ причинамъ, показаніе свидѣтелей читается и не опровергается другими доказательствами, то оно, даже будучи изолировано, имѣетъ серіозное значеніе; этого однако нельзя сказать о чтеніи показанія очевидца, который долженъ быть всегда на лицо, для выдержанія того строгаго экзамена, которому его всегда подвергаютъ присяжные. Очевидецъ, еще болѣе, чѣмъ простой свидѣтель, долженъ быть свободенъ отъ всякихъ подозрѣній въ заинтересованности; малѣйшая тѣнь подозрѣнія въ неискрен-

ности показанія по какимъ бы то ни было мотивамъ, разрушаетъ силу этого доказательства, вотъ почему близость къ потерпѣвшему или къ подсудимому одинаково ослабляетъ убѣдительность объясненія очевидца; но если потерпѣвшее лицо совершенно чуждо подсудимому и является очевидцемъ преступленія, то показаніе его даже въ чтеніи весьма вѣско. Такимъ образомъ, какъ я уже замѣчалъ не разъ, относительно потерпѣвшаго лица и въ этомъ отношеніи, сравнительно со свидѣтелемъ, дѣйствуютъ свои особые законы.

Подвергая очевидца на судѣ, какъ я выразился, экзамену, присяжные, разумѣется, не требуютъ отъ него удостовѣреній умышленности или неосторожности дѣянія, но вся внѣшняя картина событія должна быть установлена очевидцемъ не только вполнѣ твердо, но и чрезвычайно полно.

Если даже одинъ изъ нѣсколькихъ очевидцевъ, сбившись, что называется, потерялъ довѣріе, то это недовѣріе роковымъ образомъ распространяется и на другихъ; тѣмъ вреднѣе дѣйствуетъ, разумѣется, отказъ очевидца отъ своего показанія.

Требованіе ясности деталей дѣла въ виду наличности очевидца приводитъ къ тому, что, если такой свидѣтель не видѣлъ всѣхъ мелочей событія, то къ нему начинаютъ относиться скептически; если же онъ не видѣлъ главныхъ моментовъ, составляющихъ corpus delicti, то онъ теряетъ всякое значеніе доказательства; выраженія „на моихъ глазахъ ударилъ, убѣжалъ; я слышалъ крикъ; онъ что то дѣлалъ возлѣ“; разумѣется, не устанавливаютъ ни грабежа, ни кражи, ни вообще преступленія; въ осбенности требовательны присяжные въ томъ отношеніи, чтобы очевидцы не расходились въ своихъ показаніяхъ.

Можетъ быть идя на встрѣчу этой требовательности, а иногда увлекаясь по собственному побужденію, очевидцы

вдаются въ чрезмѣрно подробное изложеніе событій и тогда наступаетъ другая бѣда; перестаравшійся, такъ сказать, очевидецъ уже непоправимо губитъ дѣло; чрезмѣрно точныя показанія вызываютъ крайнія сомнѣніи по его адресу, а малѣйшее сомнѣніе въ очевидцѣ, какъ мы уже знаемъ, разрушая значеніе послѣдняго, мѣшаетъ уже далѣе присяжнымъ останавливаться съ достаточной увѣренностью на худшихъ второстепенныхъ доказательствахъ; это правило уже иллюстрировалось мною выше въ рядѣ процессовъ „съ почти-очевидцами". Если всѣ перечисленные подводные камни обойдены, то это „азартное" доказательство представляется однимъ изъ наиболѣе сильныхъ изъ числа вліяющихъ на исходъ дѣла, даже прямыя обвиненія такого, выдержавшаго экзаменъ очевидца въ подкупности, если эти обвиненія голословны, усиливаютъ довѣріе къ свидѣтелю. Это довѣріе и значеніе этого доказательства такъ сильны, что показаніе ребенка—очевидца, естественно неточное и сбивчивое, опрокидываетъ объясненія цѣлаго ряда взрослыхъ свидѣтелей защиты.

Излишне, пожалуй, прибавлять, что рядъ внушающихъ довѣріе очевидцевъ, или даже одинъ такой свидѣтель въ соединеніи съ другими видами доказательствъ, даже съ уликами поведенія, приводитъ къ тому, что приговоръ ставится не только на большой вѣроятности виновности, а прямо на достовѣрности. Обращаясь къ письменнымъ доказательствамъ, надо сказать, что значеніе ихъ гораздо ниже значенія доказательствъ, имѣющихъ характеръ устныхъ показаній. Но и здѣсь надлежитъ провести разницу, такъ какъ всевозможные протоколы осмотра, будучи обыкновенно единственно возможной формой удостовѣренія, напримѣръ осмотръ мѣста или ранъ, охотно принимаются присяжными; этому содѣйствуетъ и то, что такіе протоколы могутъ до извѣстной степени обладать достаточной полнотой. Прото-

колы показаній потерпѣвшихъ и свидѣтелей, разумѣется, никогда не могутъ замѣнить вполнѣ живое лицо; необходимость задавать рядъ дополнительныхъ вопросовъ или поставить свидѣтеля, показаніе котораго читалось за его отсутствіемъ, на очную ставку съ другимъ, обыкновенно живо чувствуется во время судебнаго слѣдствія; вотъ почему въ большинствѣ случаевъ прочтенное показаніе, въ особенности лица потерпѣвшаго или свидѣтеля—обвинителя не представляется достаточнымъ доказательствомъ виновности; но вполнѣ достаточно по вопросу о доказанности событія преступленія.

Характерно слѣдующее соображеніе, которое обыкновенно выдвигается защитой: „прочтенное показаніе“, замѣчаютъ защитники на судебномъ слѣдствіи, „осталось непровѣреннымъ на судѣ“. Нельзя отказать этому доводу въ нѣкоторой основательности, такъ какъ, разумѣется, судебное слѣдствіе представляетъ собой провѣрку матеріала предварительнаго слѣдствія; въ такомъ практическомъ дѣлѣ, какъ судебное разбирательство, понятно, осуществленіе принциповъ въ чистомъ видѣ невозможно и потому настаиваніе на такомъ требованіи не можетъ быть признано правильнымъ, тѣмъ болѣе, когда и законъ установляетъ рядъ исключеній; къ такимъ исключеніямъ относятся и чтенія письменныхъ показаній. Тѣмъ не менѣе высказываніе передъ присяжными приведеннаго выше соображенія не можетъ не оказывать дѣйствія, вызывая впечатлѣніе нѣкотораго пробѣла въ дѣлѣ.

Собственно говоря, такая критика приложима, да на самомъ дѣлѣ и прилагается обыкновенно ко всякимъ протоколамъ, напр., осмотръ мѣста и лица, экспертиза и т. п.; съ этимъ приходится мириться, такъ какъ, дѣйствительно, всѣ эти виды доказательствъ представляютъ собой такъназываемыя „доказательства изъ вторыхъ рукъ“.

Казалось бы, что такое доказательство, какъ поличное, не можетъ раздѣлять эту участь, между тѣмъ весьма часто на судѣ и поличное является доказательствомъ изъ вторыхъ рукъ: это такъ-наз. поличное „со словъ“. У подсудимаго въ день кражи или близъ мѣста кражи или грабежа свидѣтель видѣлъ вещь, похожую на похищенную или просто какія-либо вещи безъ сходственныхъ примѣтъ; въ подобныхъ случаяхъ вѣроятность виновности гораздо слабѣе вѣроятности ошибки, почему поличное со словъ никакого самостоятельнаго значенія, какъ доказательство, не имѣетъ. Есть еще видъ поличнаго, который можно назвать quasi — поличнымъ: людей, обвиняемыхъ въ кражѣ водки, видѣли пьяными послѣ кражи; у подсудимаго послѣ событія преступленія появились лишнія деньги, онъ дѣлалъ вклады и расходы и т. п. Нѣтъ надобности объяснять, что и такая улика не имѣетъ значенія улики на судѣ, а является уликой поведенія.

Такимъ образомъ, настоящимъ поличнымъ является только вещественное доказательство, внесенное въ судъ, если время и обстоятельства, при которыхъ оно найдено, связываютъ личность подсудимаго съ событіемъ преступленія; вслѣдствіе этого, прежде чѣмъ противопоставлять поличное объясненіямъ обвиняемаго, необходимо установить, что вещественное доказательство, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно заслуживаетъ названія поличнаго.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробностяхъ того, какой періодъ времени прерываетъ связь между отобранной у подсудимаго вещью и фактомъ совершенія, напр., кражи или какія условія отобранія поличнаго у самого подсудимаго или вблизи его позволяютъ заключить, что обвинитель имѣетъ въ своихъ рукахъ поличное; достаточно сказать, что нетвердо въ этомъ смыслѣ установленное поличное не заслуживаетъ этого названія, такъ какъ всякія сомнѣнія, воз-

никающія по этому поводу, всегда толкуются въ пользу подсудимаго; за всѣмъ тѣмъ дѣйствительное поличное, являясь на судѣ единственнымъ доказательствомъ, имѣетъ рѣшающее значеніе только въ исключительныхъ случаяхъ, каковы напр. конокрадство и шайки; но уже соединеніе его даже со слабыми доказательствами придаетъ ему чрезвычайную доказательную силу.

Итакъ надо стать на той точкѣ зрѣнія, что характеръ предъявленныхъ по дѣлу доказательствъ имѣетъ большое вліяніе на тотъ или другой исходъ процесса; надо отмѣтить, что больше всего вліяніе это сказывается въ области вторичныхъ, выводныхъ доказательствъ; правда, и здѣсь, въ третьихъ рубрикахъ III-й группы, мы встрѣчаемся съ выводами, содержаніе которыхъ имѣетъ еще въ значительной степени фактическій и въ этомъ смыслѣ — объективный характеръ: это выводы о тождественности или нетождественности лица, вещей и т. д.

Разсмотрѣніе относящихся сюда карточекъ показываетъ значительное разнообразіе обстоятельствъ, при которыхъ признается или отрицается такое тождество. Единственный способъ обобщить ихъ бросается, впрочемъ, въ глаза и заключается въ слѣдующемъ: при одинаковыхъ комбинаціяхъ фактовъ, относящихся къ вопросу о тождествѣ, послѣднее признается въ тѣхъ случаяхъ, когда другія данныя дѣла въ области уликъ или въ личности подсудимаго устанавливаютъ большую вѣроятность виновности. Эта вѣроятность и значеніе ея для признанія или непризнанія фактической виновности и должны составить предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Разумѣется, мы тутъ встрѣчаемся съ обстоятельствами, увеличивающими и уменьшающими виновность, т. е. съ рецидивомъ, съ совокупностью, крайностью, давностью и т. п.

Если пьяный рецидивистъ совершаетъ кражу, то, разу-

мѣется, вѣроятнѣе въ данномъ случаѣ дѣйствіе преступной привычки, а не опьяненія; точно также при сомнѣніяхъ въ томъ, кто изъ двухъ заподозрѣнныхъ совершилъ кражу при равныхъ условіяхъ, вѣроятность будетъ противъ рецидивиста и такая вѣроятность способствуетъ образованію въ умѣ присяжныхъ обвинительныхъ выводовъ, когда для послѣднихъ есть фактическая подкладка; если этого нѣтъ, если объективныя улики недостаточны, то оправдывается и рецидивистъ, даже и по второму условному вопросу.

Тотъ же законъ дѣйствуетъ противъ ряда хищныхъ типовъ: видимо дерзкій, безшабашный подсудимый по обвиненію въ насиліяхъ, или хитрый сутяга—въ мошенничествахъ, факторъ Западнаго края—въ обманахъ, не соблазнятъ присяжныхъ только этими типичными чертами къ признанію виновности по одной вѣроятности. Возможны, однако, случаи, когда доказанныя дѣйствія, состоящія въ болѣе или менѣе отдаленной связи съ предметомъ обвиненія, поднимаютъ вѣроятность до степени обвинительнаго стимула; такъ, наприм., состоявшійся уже разъ (отмѣненный) судебный приговоръ по тому же самому дѣлу или убійство подсудимымъ главнаго свидѣтеля обвиненія по разсматриваемому процессу.

Существуетъ нѣкоторая опасность для подсудимаго при одновременномъ разсмотрѣніи двухъ или болѣе однородныхъ дѣлъ, но эта опасность заключается не въ томъ, что, какъ многіе ошибочно думаютъ, присяжные обвиняютъ заодно или переносятъ улики изъ одного дѣла—въ другое; но, дѣйствительно, преступная личность обрисовывается въ подобныхъ случаяхъ гораздо ярче, и, слѣдовательно, эта опасность для подсудимаго при правильномъ веденіи дѣла представляется только выгодною для правосудія. Если, такимъ образомъ, совокупность усиливаетъ вѣроятность виновности, то только въ области оцѣнки личности подсудимаго и отчасти въ опредѣленіи характера умысла.

Одновременное разсмотрѣніе двухъ дѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одно изъ двухъ обвиненій представляется сомнительнымъ, можетъ даже понизить шансы обвиненія по достаточно доказанному дѣлу, такъ какъ сомнѣніе дѣйствительно распространяется въ такихъ случаяхъ на сравнительно болѣе прочно поставленное обвиненіе. Успѣшно бороться съ сомнѣніемъ — удѣлъ меньшинства людей, для большинства необходимы для этого особые стимулы; дѣйствительно, при обвиненіи въ особо опасныхъ преступленіяхъ замѣчается, что присяжные успѣшно преодолѣваютъ рядъ сомнѣній въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣроятность виновности очевидно опытнаго подсудимаго значительна; но и тутъ приговоръ всегда зиждется на фактической почвѣ со строгимъ различеніемъ, какъ мы знаемъ, оттѣнковъ виновности, даже для членовъ шайки.

Правило, что сомнѣніе толкуется въ пользу подсудимаго, будучи вѣрно вообще, наиболѣе часто, однако, проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда преступному дѣянію сопутствуетъ уменьшающее вину обстоятельство; такъ напр. одной вѣроятности крайности, даже голословно заявляемой, бываетъ достаточно для ея признанія; желаніе мягко отнестись къ подсудимому иногда приводитъ къ тому, что присяжные начинаютъ слишкомъ скептически относиться къ уликамъ; это въ особенности замѣтно въ случаяхъ, довольно частыхъ, когда рядомъ съ доказательствами виновности подсудимаго, въ дѣлѣ разрабатываются, основательно или неосновательно возникшія, подозрѣнія противъ непривлеченнаго лица, виновность котораго, однако, будучи доказана, приводила бы къ оправданію подсудимаго.

Не останавливаясь на частныхъ примѣрахъ, укажу на общія причины, обыкновенно порождающія такую мнительность. Если показаніе подсудимаго, хотя отчасти, находитъ себѣ подтвержденіе или въ фактахъ (ссылка на свидѣтеля)

или въ психологическихъ соображеніяхъ (признаніе въ большемъ и несознаніе въ меньшемъ), то немедленно создается презумпція невиновности; такія и имъ подобныя сомнѣнія въ особенности легко зарождаются, когда наказаніе слишкомъ строго или преступленіе, до извѣстной степени, уже заглажено значительнымъ періодомъ добропорядочной жизни или хотя бы только давностью въ житейскомъ смыслѣ этого слова.

Главной причиной сомнѣнія, однако, является неполнота дѣла, которая на мнительные составы вліяетъ иногда такъ сильно, что они впадаютъ въ чрезмѣрную мелочность по отношенію къ уликамъ и ихъ оцѣнкѣ.

Предположимъ лучшія условія, т. е. основательность преданія суду, которая сказалась на судебномъ слѣдствіи полнымъ установленіемъ виновности подсудимаго; ввиду отчетливости обвиняющихъ фактовъ, или вслѣдствіе строгой логичности доводовъ обвинителя, путемъ исключенія всѣхъ противорѣчащихъ предположеній („больше некому“) пришедшаго къ выводу о виновности подсудимаго,—словомъ такъ или иначе, но присяжные, раздѣляя обвинительные доводы, признаютъ, положимъ, такъ сказать, умственно, обвиненіе доказаннымъ; тѣмъ не менѣе отсюда еще далеко до обвинительнаго приговора. Доказательство подъ рукой: нерѣдко ввиду сознанія рецидивиста стороны отказываются отъ слѣдствія и присяжные, нисколько не сомнѣваясь въ виновности, оказываются въ совѣщательной комнатѣ неспособными чисто формально написать „виновенъ“—о лицѣ, которое прошло передъ ихъ глазами, какъ имя, какъ нумеръ. Или другой примѣръ: за отсутствіемъ потерпѣвшаго читается толково изложенное показаніе его, справедливости котораго не отрицаетъ и подсудимый, но холодное чтеніе не восполняетъ недостающаго впечатлѣнія живой обиды въ лицѣ пострадав-

шаго; также какъ и въ первомъ случаѣ, присяжные не успѣли почувствовать хищника, врага общества.

Итакъ, кромѣ логической доказанности необходимо впечатлѣніе, необходимо воздѣйствіе на чувство, безъ котораго не просыпается воля; только при послѣднемъ условіи умственный выводъ превращается въ то, что на первый взглядъ такъ непонятно, а на самомъ дѣлѣ такъ вѣрно схвачено въ терминѣ: „внутреннее убѣжденіе". Это движеніе въ области „безсознательной души" давно уже опредѣляется въ юридической теоріи какъ „готовность дѣйствовать", какъ тотъ критерій, а въ то же время и стимулъ, который, устанавливая нравственную достовѣрность, влечетъ за собой и воплощеніе этой достовѣрности въ вердиктѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Внутреннее убѣжденіе въ виновности, въ смыслѣ готовности дѣйствовать, осудить преступника, т. е. подвергнуть его наказанію, необходимо предполагаетъ наличность значительнаго гражданскаго развитія. Многіе и многіе склонны отказывать среднему русскому человѣку въ этомъ качествѣ; эпитетъ „несчастный", который укрѣпился въ народномъ языкѣ за преступникомъ, отбывающимъ наказаніе, безъ дальнихъ справокъ переносится въ судебную залу, гдѣ будто бы присяжные за будущей несчастной судьбой подсудимаго уже не въ состояніи разглядѣть и взвѣсить общественнаго или частнаго вреда. Это тяжкое для народа, призваннаго законодателемъ творить судъ, обвиненіе весьма нетрудно, даже наскоро, обосновать, вызвавъ въ памяти склонность русскаго человѣка, добродушіе котораго, вообще говоря, легко переходитъ въ апатію,—возлагать все на волю Божію: „Богъ всякую неправду сыщетъ".

Не значитъ ли это, въ самомъ дѣлѣ, что не пристало человѣку разыскивать правду вообще и судебную—въ частности? На той же почвѣ традиціонной народной мудрости не трудно указать на то смѣшеніе понятій, которое приводитъ къ упомянутому невѣрному и обидному выводу. Народъ,

слѣдовательно самый средній русскій человѣкъ, давно отдѣлилъ правду отъ истины: „истина отъ земли, а правда съ небеси", „воля Божія, а судъ царевъ". Итакъ судить надо и истина доступна человѣку.

Пусть опытъ говоритъ, что „сила законъ преступаетъ" и „плетью обуха не перешибешь", но правомѣрная жизнь, тѣмъ не менѣе, давно въ числѣ русскихъ идеаловъ: „законъ преступить—въ тьму поступить".

Если историческія судьбы русской общественности вызвали къ жизни рядъ горькихъ поговорокъ, вродѣ того, что „пристрастный судъ разбоя злѣй", „что законъ, что дышло", то рядомъ съ этимъ давно выяснился свѣтлый образъ „судьи—праведнаго—ограды каменной". Не въ дряблости, слѣдовательно, русской натуры приходится искать причинъ того добродушія, которое способно выродиться въ уродливыя формы непротивленія злу, а въ долгомъ періодѣ беззаконія.

Рядъ энергичныхъ изреченій доказываетъ это: „умѣлъ начать—умѣй и кончать", „не умѣлъ шить золотомъ, такъ бей молотомъ"; „крѣпка тюрьма, да ее не хвалятъ", но „по жильцу и квартира, по птичкѣ—клѣтка".

Естественно, что народное правосознаніе, стоящее въ органической связи съ его жизнью, должно заключать въ себѣ своеобразныя черты, которыя и сказываются на судѣ присяжныхъ. Особенности эти по отношенію къ субъекту преступленія съ особой силою выражаются въ томъ, какъ присяжные смотрятъ на женщину-преступницу. Крайне мягкое отношеніе къ ней съ одной стороны зиждется на томъ, что, будучи въ сторонѣ отъ общественной жизни, она просто не знаетъ многаго въ сферѣ закона, а съ другой—на томъ, что, зависимая въ большинствѣ случаевъ, она дѣйствуетъ, по большей части, подневольно. Достаточно, однако, чтобы въ лицѣ

подсудимой присяжные увидѣли рецидивистку, преступницу по ремеслу — и женское привилегированное положеніе ея обращается противъ нея; здѣсь тотчасъ начинаетъ дѣйствовать ходячее мнѣніе, что злая женщина хуже злого мужчины и что преступная воля въ существѣ, почти свободномъ отъ соображеній общественнаго интереса, дѣйствующемъ почти неудержимо подъ вліяніемъ инстинкта, гораздо опаснѣе, чѣмъ въ мужчинѣ; такая женщина не только обвиняется съ легкимъ сердцемъ, но даже лишается снисхожденія, а при случаѣ—и права на зачетъ предварительнаго заключенія, тогда, какъ этотъ зачетъ дѣлается тутъ же для ея сотоварища по скамьѣ подсудимыхъ; этотъ оттѣнокъ особенно важенъ въ виду того, что для отвѣтственности женщины имѣетъ большое значеніе личность судимаго вмѣстѣ съ ней. Обыкновенно, по сравненіи подсудимой съ сообвиняемыми мужчинами маломальски мрачнаго типа, трудно себѣ представить туже подсудимую, рѣзко отъ нихъ отличающуюся производимымъ ею хорошимъ впечатлѣніемъ, въ роли подстрекательницы или зачинщицы общаго дѣла; вотъ почему обыкновенно оправданіе женщины при совмѣстномъ обвиненіи съ мужчиной, въ особенности близко къ ней стоящимъ, всегда болѣе или менѣе вѣроятно; при отношеніяхъ зависимости, хотя бы отъ женщины, сообвиняемой съ нею, напр. содержательницы дома терпимости, эта вѣроятность очень значительна, даже для проститутки. Этотъ законъ въ особенности наглядно проявляется при совмѣстной судимости съ женой — мужа; по отношеніи къ имущественному преступленію его можно даже формулировать такъ: жена при мужѣ—не отвѣтчица; это вѣрно даже при кражахъ или пріемѣ краденаго по ремеслу. Здѣсь мы встрѣчаемся вообще со значеніемъ семьи на судѣ присяжныхъ: только въ исключительныхъ случаяхъ, когда особая порочность матери побуждаетъ отдѣлить ее отъ дѣтей,—мать обвиняется въ преступленіи, совершенномъ для поддержанія

семьи, причемъ ей обязательно дается снисхожденіе; также относятся присяжные и къ отцу семейства; но съ другой стороны, при совмѣстной судимости отца и сына, замѣчается особая строгость по отношенію къ отцу и особая мягкость— относительно сына.

Существующая въ законѣ усиленная отвѣтственность за посягательство на личность другого супруга, вполнѣ признается присяжными и выражается въ томъ, что вѣроятное для посторонней женщины помилованіе сводится къ дачѣ снисхожденія женѣ.

Отсутствіе обвиняющаго супруга, на основаніи 705 ст. не ослабляетъ вниманія присяжныхъ къ дѣлу, а только усугубляетъ ихъ осторожность въ дѣлѣ; общественное значеніе охраны личности и въ семьѣ стоитъ, такимъ образомъ, твердо причемъ признаются границы, при нарушеніи которыхъ однимъ изъ супруговъ, судъ обязанъ вмѣшаться. Такое вмѣшательство, однако, не должно имѣть суровыхъ послѣдствій и всякіе эксцессы, ставшіе привычнымъ явленіемъ въ данной семьѣ, напр. даже угрозы ножемъ не ведутъ къ заключенію объ умыслѣ на жизнь.

Возрастъ подсудимаго, въ качествѣ обстоятельства, вліяющаго на наказуемость, понимается присяжными не такъ, какъ его знаютъ кодексы, хотя, разумѣется, разница воззрѣній сводится только къ тому, что писанное право устанавливаетъ цифровыя границы и дѣлитъ преступниковъ на малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ разныхъ видовъ и т. д.; присяжныхъ не смущаетъ цифра лѣтъ, въ ихъ глазахъ важно то, насколько въ молодомъ подсудимомъ, хотя бы перешедшемъ 21 годъ, сказывается еще легкомысліе, несамообладаніе или неразуміе дѣтства, а также то, насколько тѣ же качества способствовали совершенію преступленія, хотя бы и старикомъ.

Такимъ образомъ и здѣсь формальная мѣрка закона замѣ-

няется индивидуализированіемъ случая и вполнѣ возможенъ, напримѣръ, строгій приговоръ безъ снисхожденія относительно несовершеннолѣтняго по закону, если онъ можетъ быть охарактеризованъ, какъ „изъ молодыхъ, да ранній“; — съ другой стороны и старикъ или старуха, виновные въ совершеніи преступленія по ремеслу, ввиду возраста могутъ заслужить снисхожденіе ввидѣ заботы о смягченіи наказанія, несоотвѣтствующаго, хотя и преступной, но ослабленной годами, злой волѣ.

Разумѣется, собственно молодой возрастъ дѣйствуетъ на присяжныхъ далеко не тѣмъ только, что вызываетъ сострадание; существуетъ рядъ состояній ума и воли, свойственныхъ исключительно молодости и приводящихъ присяжныхъ, когда наличность этихъ состояній констатирована, не только къ смягченію, но и къ помилованію; сюда относится рядъ случаевъ, приведенныхъ мною выше, когда преступныя дѣйствія несовершеннолѣтнихъ носили столь странный характеръ, что относительно взрослаго несомнѣнно возникъ бы вопросъ о ненормальности его душевной дѣятельности.

Вовлеченіе другимъ лицомъ въ преступленіе, какъ обстоятельство, приводящее иногда къ помилованію, представляетъ явленіе, свойственное исключительно періоду несовершеннолѣтія; сюда же относятся вообще соображенія о строгости наказанія, не общаго, а, такъ сказать, специфическаго свойства: до закона 24 апрѣля 1884 года за первое же имущественное преступленіе несовершеннолѣтній привилегированный подсудимый лишался правъ состоянія и такая тяжесть послѣдствій, разрушавшихъ будущее за первый невѣрный шагъ, почти всегда вызывала оправданіе; вообще, вглядываясь въ личность подсудимаго и убѣдившись въ искренности его раскаянія, присяжные задумываются надъ тѣмъ, справедливо ли затруднять способному исправиться человѣку предстоящую ему впереди жизнь такимъ

клеймомъ, которое можетъ помѣшать ему провести эту жизнь честно. Разумѣется, громадное значеніе при этомъ имѣютъ тѣ или другія семейныя условія, въ которыхъ находится подсудимый.

Юридическія и административныя соображенія тоже своеобразно вліяютъ въ разсматриваемыхъ нами случаяхъ, такъ напримѣръ: признавая отвѣтственность несовершеннолѣтнихъ, какъ за оконченное дѣяніе, такъ и за покушеніе, присяжные не считаютъ несовершеннолѣтнихъ достаточно развитыми для отвѣтственности за преступленія, значеніе которыхъ вполнѣ доступно только граждански зрѣлымъ людямъ; таковы напримѣръ всякія преступленія противъ системы, поддѣлка монеты и т. п.; извѣстныя закону формы грабежа несоотвѣтствуютъ, по мысли присяжныхъ, полудѣтскимъ случаямъ этого рода; въ видѣ исключенія изъ общаго правила о соучастіи—малолѣтній, только караулившій въ то время, какъ другіе ломали, не отвѣчаетъ за взломъ, слѣдовательно ученіе объ ограниченіяхъ тоже являетъ своеобразныя черты; административныя соображенія объ общественной безопасности приводятъ однако къ тому, что смягчающее вліяніе возраста относительно дѣтей—членовъ шайки—падаетъ до нуля, ввиду необходимости выдѣлить ихъ изъ общества.

Если въ средѣ присяжныхъ нерѣдко слышны замѣчанія отдѣльныхъ лицъ на тему, что дѣтей не приходится исправлять судомъ или наказаніемъ, то съ другой стороны, какъ на общее правило можно указать на слѣдующее: приведенный на судъ ребенокъ или юноша должны вынести изъ суда впечатлѣніе строгаго отношенія общества къ дурному поведенію; поэтому опасно прощать такихъ подсудимыхъ, а необходимо ихъ наказать, хотя бы и возможно легко. Вотъ почему, напримѣръ, заступничество родителей на судѣ, происходящее въ присутствіи подсудимыхъ — дѣтей, не только не смягчаетъ, но раздражаетъ присяжныхъ. Педаго-

гическій характеръ отношенія присяжныхъ къ несовершеннолѣтнимъ подсудимымъ сказывается, слѣдовательно, въ стремленіи наказать подсудимаго такъ, чтобы извлечь пользу изъ той черты его личности, которая обусловливаетъ такую тенденцію присяжныхъ, а именно — изъ его способности къ исправленію. Чѣмъ ребенокъ болѣе испорченъ, тѣмъ это труднѣе, и въ этомъ случаѣ присяжнымъ приходятъ на помощь существующія пока въ очень ограниченномъ числѣ колоніи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Эти учрежденія даютъ возможность присяжнымъ примѣнять свою педагогическую точку зрѣнія и къ наиболѣе испорченнымъ несовершеннолѣтнимъ, дѣйствовавшимъ по ремеслу; иногда присяжные, даже по отношенію къ этому послѣднему типу, если обстоятельства его жизни сложились очень сурово, пробуютъ дѣйствовать, что называется,— добромъ, оправдывая его и собирая ему деньги; этотъ наивный пріемъ не только не колеблетъ постановленнаго выше педагогическаго принципа, но даже подкрѣпляетъ его, такъ какъ присяжные обыкновенно при этомъ напутствуютъ освобождаемаго наставленіями, которыя его, разумѣется, меньше всего интересуютъ.

Не могу не привести случая, имѣвшаго мѣсто въ Москвѣ въ началѣ 1895 г., когда присяжные оправдали двухъ дѣвочекъ—поджигательницъ, по настоянію богатаго купца—присяжнаго, негодовавшаго на то, что судятъ „трехлѣтнихъ дѣтей“. Эти дѣти, изъ которыхъ старшей, вполнѣ испорченной дѣвочкѣ, было около 15 л., дважды сожгли мастерскую своего хозяина; присяжные сдались на оправданіе ввиду увѣренія купца, что онъ устроитъ такъ, чтобы эти дѣвочки исправились; способъ его заключался въ слѣдующемъ: онъ далъ 500 р. погорѣвшему хозяину, взявъ съ него обѣщаніе принять обратно къ себѣ поджигательницъ и смягчить ихъ кроткимъ обращеніемъ; не лишнее приба-

вить, что по показаніямъ свидѣтелей обращеніе въ этой мастерской съ ученицами было очень хорошее; для того, чтобы этотъ воспитательный планъ не былъ нарушенъ родителями дѣвочекъ, тотъ же присяжный далъ и имъ денегъ, а именно 100 р. Ближайшимъ послѣдствіемъ такой щедрости было недоумѣніе родителей и въ высшей степени затруднительное положеніе хозяина мастерской, который очевидно для всѣхъ и не безъ основанія соображалъ, покроютъ ли эти 500 р., сверхъ причиненныхъ, еще убытки предстоящаго третьяго пожара.

Оцѣнивая полезность для несовершеннолѣтнихъ наказаній по суду безъ лукаваго мудрствованія, присяжные прежде всего останавливаются на томъ, что наказаніе, во всякомъ случаѣ должно сыграть роль острастки; поэтому, даруя даже снисхожденіе, они наблюдаютъ, чтобы не было ненужныхъ смягченій; обыкновеннымъ послѣдствіемъ этого правила является то, что вердиктъ строго соотвѣтствуетъ фактамъ дѣла: послѣднее въ особенности наблюдается тамъ, гдѣ присяжные вполнѣ довѣряютъ суду въ томъ, что онъ захочетъ и будетъ въ состояніи назначить мягкое наказаніе. Такая строгость не устраняетъ зачета несовершеннолѣтнимъ въ наказаніе предварительнаго заключенія, хотя и здѣсь наблюдаются оттѣнки, т. е. взвѣшивается не только срокъ этого заключенія, но и то, сознался подсудимый или нѣтъ, а также, судится ли онъ въ первый разъ. Если онъ рецидивистъ или запирается, то шансы его на зачетъ слабы и ему дается только снисхожденіе; но и оно дается съ большимъ разборомъ: случаи, когда въ снисхожденіи отказываютъ, могутъ быть разбиты на слѣдующія категоріи въ зависимости отъ отношеній къ сообвиняемому: лишается снисхожденія тотъ, который вовлекъ младшаго товарища въ преступленіе. При ограничительныхъ отвѣтахъ присяжные обыкновенно останавливаются и уже снисхожденія больше не

даютъ, если имѣютъ дѣло съ рецидивистами, тѣмъ болѣе, если подсудимый—рецидивистъ не сознается; но если онъ даже сознается, то совокупность нѣсколькихъ кражъ тоже мѣшаетъ дачѣ снисхожденія; вообще же говоря, несовершеннолѣтній, не сознающійся вовсе или приносящій неполное сознаніе, лишается снисхожденія; эту участь раздѣляютъ и привиллегированные, судимые въ первый разъ. Наконецъ несовершеннолѣтній, нарушившій преступленіемъ особыя отношенія, напримѣръ къ родителямъ, или эксплуатировавшій свой возрастъ для мошенническихъ сдѣлокъ или, наконецъ, совершившій особо опасное преступленіе, напримѣръ разбой съ выстрѣлами, лишается снисхожденія.

Относительно дачи снисхожденія слѣдуетъ замѣтить, что при третьей судимости, а тѣмъ болѣе въ преступленіи, учиненномъ съ участіемъ совершеннолѣтняго, младшій изъ обвиняемыхъ имѣетъ большіе шансы на снисхожденіе, хотя бы онъ въ этотъ первый разъ судился по нѣсколькимъ преступленіямъ сразу.

Если вообще въ сколько нибудь серіозномъ дѣлѣ дача снисхожденія затруднена несознаніемъ подсудимаго, то, наоборотъ, сознаніе вызываетъ эту прибавку къ вердикту; послѣдняя наступаетъ крайне легко, если репутація подсудимаго безупречна, если онъ совершилъ преступленіе ввиду неодолимаго и внезапнаго соблазна или по страсти; вліяніе возраста такъ сильно, что нѣтъ никакой возможности придти къ окончательному выводу по вопросу о снисхожденіи, такъ напримѣръ, я знаю случаи дачи снисхожденія при обвиненіи въ умышленномъ убійствѣ и несовершеннолѣтнему шантажисту. Если рецидивистъ несовершеннолѣтній и при сознаніи зачастую остается безъ снисхожденія, то нельзя не сказать, что въ этомъ отношеніи интеллигентныя сессіи присяжныхъ мягче и въ снисхожденіи несовершеннолѣтнимъ не отказываютъ. По закону о подсудимомъ до 17 лѣтъ

предлагается вопросъ о разумѣніи или о полнотѣ его; въ этомъ отношеніи наблюдается нѣкоторая связь между случаями, когда въ вердиктѣ сдѣланы ограниченія въ отвѣтѣ на главный вопросъ и когда такихъ ограниченій нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ отвѣтъ на второй вопросъ „не съ полнымъ разумѣніемъ“ иногда имѣетъ самъ по себѣ характеръ смягченія, хотя бы и несопровождался дачею снисхожденія; но когда присяжные признаютъ полное разумѣніе, то обыкновенно уже снисхожденія не дается; по общему правилу однако вопросъ о разумѣніи рѣшается по фактическимъ даннымъ, вотъ почему и признаніе неполнаго разумѣнія не предрѣшаетъ нисколько вопроса о дачѣ или недачѣ снисхожденія.

При особо серіозныхъ преступленіяхъ, какъ напримѣръ святотатство, или если преступленіе является результатомъ особой страсти, напр. кража любителемъ лошадей денегъ, для покупки лошадей, подсудимый признается, дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія, но ему отказываютъ въ этихъ случаяхъ въ снисхожденіи; однако, и при этомъ вполнѣ возможно смягченіе виновности въ той или другой формѣ, если для этого представится возможность по условіямъ наказуемости даннаго преступленія по закону.

Лица привилегированныхъ сословій на судѣ присяжныхъ фигурируютъ довольно рѣдко, составляя только около 4% всего числа подсудимыхъ по моимъ даннымъ, но отношеніе къ нимъ присяжныхъ представляетъ значительный интересъ, такъ какъ эти подсудимые на судѣ въ своеобразномъ положеніи: привилегированность, заключающаяся въ томъ, что носителей ея лишаютъ правъ за первое же преступленіе противъ собственности, не можетъ быть названо иначе, какъ privilegium odiosum, однако на дѣлѣ званіе „привилегированный“ не только не теряетъ этого характера, но стано-

вится выгоднымъ, такъ какъ такія лица въ первый же разъ судятся съ присяжными.

Тяжесть наказанія, извѣстная присяжнымъ, естественно заставляетъ ихъ взвѣшивать и тяжесть преступленія, почему вполнѣ возможны случаи оправданія при полной доказанности вины, если, напримѣръ, рѣчь идетъ о ничтожной кражѣ, за которую потерпѣвшій „не въ претензіи“. Заключать отсюда о ненаказуемости привилегированныхъ на судѣ присяжныхъ — было бы преждевременно, такой предразсудокъ однако существуетъ. Въ общемъ, разумѣется, имѣетъ большое значеніе соображеніе о томъ, что лишать правъ за первый случай молодого человѣка представляется жестокимъ, а съ точки зрѣнія общественной экономіи можетъ быть и неразсчетливымъ. Это соображеніе несомнѣнно примѣнимо къ очень молодымъ преступникамъ, судимымъ въ первый разъ, а такихъ можно считать около 40% общаго числа привилегированныхъ; но такъ какъ оправдывается при прочихъ равныхъ условіяхъ около 55% привилегированныхъ вообще, то, слѣдовательно, эта особенность подсудимыхъ имѣетъ свое значеніе на судѣ присяжныхъ и для возраста болѣе зрѣлаго. Вотъ почему очень важно отмѣтить характерныя черты, опредѣляющія дѣйствительное отношеніе присяжныхъ къ такимъ подсудимымъ вмѣсто огульнаго мнѣнія: „привилегированныхъ оправдываютъ“.

Выгоднѣе всего, дѣйствительно, представляется для подсудимаго появленіе его на скамьѣ въ первый разъ; здѣсь существуетъ, такъ сказать, рядъ изъятій ихъ общаго понятія о наказуемости преступленія: привилегированные, низко упавшіе въ общественномъ отношеніи, оказываются уже какъ бы на дѣлѣ, самой жизнью лишенными правъ, напр. кража проституткой у гостя или растрата спившимся дворяниномъ, почему присяжные находятъ, какъ подсудность, такъ и наказуемость—слишкомъ приподнятой и такихъ оправ-

дываютъ. Такой же характеръ имѣетъ преслѣдованіе, а также и результаты его на судѣ присяжныхъ случаевъ неоконченнаго преступленія, т. е. покушенія всѣхъ видовъ, пособничества и укрывательства, хотя въ подобныхъ случаяхъ весьма часто присяжные не идутъ до помилованія, а ограничиваются снисхожденіемъ.

Значительная степень нужды, доходящая до крайности, въ смыслѣ 100 ст. Ул., въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это обыкновенно бываетъ у такихъ подсудимыхъ, нужда связана съ привилегированнымъ состояніемъ, значительно препятствующимъ по условіямъ нашей жизни находить заработокъ людямъ, выбитымъ изъ колеи, также освобождаетъ отъ наказанія. Это правило не знаетъ исключеній даже для рецидивистовъ и въ подобныхъ случаяхъ нерѣдки сборы въ пользу оправданныхъ.

Если же обвиняемый даже въ первый разъ оказался въ крайности, но человѣкомъ испорченнымъ, съ прочно установившимися преступными связями, то хотя бы онъ дѣйствовалъ подъ рукой у другихъ, болѣе сильныхъ людей, онъ наказывается, какъ всякій другой, безъ вниманія къ правамъ его по состоянію. Здѣсь имѣетъ большое значеніе несознаніе или неполное сознаніе, такъ какъ обыкновенно только признаніе своей вины позволяетъ такимъ подсудимымъ разсчитывать на снисхожденіе; при этомъ послѣднемъ условіи привилегированный можетъ даже разсчитывать на переходъ къ альтернативному вопросу на почвѣ его сознанія; напр., при обвиненіяхъ въ грабежѣ подсудимый говоритъ, что онъ разсчитывалъ совершить тайное похищеніе, а не грабежъ, чѣмъ и вызываетъ постановку дополнительнаго вопроса о кражѣ; разумѣется, тому же закону слѣдуетъ и ограниченіе, причемъ ни это послѣднее, ни обвиненіе по условному вопросу не мѣшаютъ затѣмъ присяжнымъ дать снисхожденіе.

Переходя къ разсмотрѣнію того, какъ присяжные понимаютъ состояніе невмѣняемости, надо прежде всего отмѣтить то, что въ ихъ воззрѣніяхъ на этотъ вопросъ замѣчается прогрессъ сравнительно со взглядами нашего Уложенія: не ограничиваясь признаніемъ патологическаго аффекта, присяжные признаютъ аффекты и на здоровой почвѣ, понимая подъ ними не только потерю сознанія или, вѣрнѣе, безпамятство въ техническомъ смыслѣ этого слова, но и разные виды ослабленія воли до импульсивныхъ дѣйствій включительно. Состояніе запальчивости и раздраженія, однако, не подводится ими подъ понятіе „аффекта", а только вызываетъ на болѣе мягкое отношеніе къ подсудимому; это доказывается тѣмъ, что случаи подобнаго рода при совершеніи, напр., преступленія по страсти только очень рѣдко окончиваются оправданіемъ; руководящимъ принципомъ какъ бы является соображеніе, что наказаніе можетъ до извѣстной степени уменьшить опасность для общества, создавая новый стимулъ для болѣе сдержаннаго поведенія.

Такъ какъ этотъ переходъ къ признанію психологическаго аффекта за слабымъ его развитіемъ въ наукѣ, а слѣдовательно и въ заключеніяхъ на судѣ, совершается только очень постепенно, то и не представляется возможнымъ формулировать какой-либо эмпирическій законъ въ этой области; можно развѣ намѣтить слѣдующее: присяжные, обсуждая вмѣняемость подсудимаго, не больного, въ большинствѣ случаевъ сводятъ свою задачу къ установленію содержанія умысла и поэтому, обсуждая виновность такого подсудимаго и, признавъ, что онъ, будучи здоровъ, дѣйствительно не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какъ именно совершаетъ преступленіе, признаютъ только внѣшнюю сторону дѣянія, дѣлая оговорку „безъ умысла". Этотъ же исходъ обыкновенно имѣютъ и дѣла объ убійствахъ родильницами незаконнорожденныхъ дѣтей; здѣсь однако уже играетъ роль сомнѣніе въ психи-

ческомъ здоровьи такихъ подсудимыхъ, почему въ такихъ дѣлахъ гораздо чаще встрѣчаются оправдательные приговоры.

Чтобы не повторяться, я уже не буду говорить здѣсь объ отношеніи присяжныхъ къ состояніямъ невмѣняемости по причинѣ психической болѣзни, а просто сошлюсь на подробное изслѣдованіе этого вопроса объ экспертизѣ въ гл. VI; напомню о тѣхъ формальныхъ затрудненіяхъ, которыя создаются въ подобныхъ случаяхъ для присяжныхъ постановкой вопросовъ по устарѣвшему Уложенію, а также то, что очень часто ввиду современнаго состоянія психіатріи и характера заключеній ея жрецовъ присяжнымъ приходится рѣшать психіатрическіе вопросы по здравому смыслу, что, разумѣется, можетъ подавать поводъ къ ошибкамъ.

Громадное и специфическое значеніе пьянства въ русской жизни заставляетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на томъ, какъ ставится и рѣшается вопросъ объ опьяненіи на судѣ присяжныхъ. Мы знаемъ, что законъ нашъ въ ст. 106-й Ул. совершенно игнорируетъ состояніе опьяненія въ смыслѣ обстоятельства смягчающаго отвѣтственность, а также въ смыслѣ состоянія невмѣняемости, между тѣмъ не рѣдкость слышать на судѣ изъ устъ врача-эксперта такія заявленія: „подсудимый былъ отравленъ алкоголемъ“, „опьяненіе есть болѣзненное состояніе“, „всякій пьяный eo ipso ненормаленъ“. Отъ времени до времени говорятъ сами за себя такіе факты, какъ очевидное непониманіе подсудимымъ въ моментъ совершенія преступленія того, что онъ дѣлалъ, происходившее не только отъ запоя, но даже отъ обыкновеннаго кутежа втеченіе цѣлой, напр., ночи; такіе случаи особенно обращаютъ на себя вниманіе, когда рѣчь идетъ о безукоризненномъ до того человѣкѣ.

Вотъ почему, согласно впрочемъ и съ кассаціонной практикой, расширившей примѣненіе 96 ст. Ул., присяжные всегда вглядываются въ степень опьяненія и въ характеръ

его и признаютъ невмѣняемымъ подсудимаго, совершившаго преступленіе безъ сознанія его значенія или вообще въ состояніи безпамятства отъ опьяненія; иногда встрѣчаются въ числѣ подсудимыхъ алкоголики, до такой степени уже истощенные, что хотя и съ полнымъ сознаніемъ, но въ качествѣ послушнаго, безвольнаго орудія совершаютъ преступленіе по внушенію другихъ; этотъ типъ также признается невмѣняемымъ, что, разумѣется, достаточно объясняется не только ученіями о болѣзняхъ воли, но и чисто психологическими соображеніями о значеніи внутренней стороны преступленія.

Итакъ, можно поставить въ качествѣ эмпирическаго закона, что обыкновенное опьяненіе само по себѣ внѣ указанныхъ выше оттѣнковъ не является причиной невмѣненія вины; мало того, обыкновенное пьяное состояніе является весьма часто обстоятельствомъ, усиливающимъ вину, но объ этомъ рѣчь впереди.

Разобранные выше специфическіе случаи опьяненія встрѣчаются сравнительно рѣдко, между тѣмъ довольно часты случаи, въ которыхъ опьяненіе вообще принимается въ разсчетъ присяжными; большинство послѣднихъ характеризуется тѣмъ вліяніемъ, которое изучаемое нами состояніе оказываетъ въ области умысла: умыселъ пьянаго преступника всегда подъ сомнѣніемъ; пьяный и озлобленный или просто ослабленный принятой отравой или, напротивъ, возбужденный ею въ первомъ періодѣ,—одинаково лишены способности свободно мыслить и независимо желать; вотъ почему возникаетъ рядъ сомнѣній въ характерѣ дѣйствительныхъ намѣреній подсудимаго, и такія сомнѣнія естественно толкуются въ пользу подсудимаго; особенно наглядно видно это на разобранныхъ уже мною выше многочисленныхъ случаяхъ грабежей, превращающихся въ кражи ввиду сомнѣнія въ умыслѣ открыто похитить или въ томъ, что насиліе при грабежѣ было средствомъ похищенія, а не пьянымъ эксцессомъ только;

сюда же примыкаетъ рядъ кражъ, гдѣ подъ сомнѣніемъ корыстная цѣль или смѣшались подъ вліяніемъ вина представленія о моемъ и твоемъ.

Что касается ограниченій, какъ въ области умысла, такъ и по отношенію къ квалифицирующимъ обстоятельствамъ, то, разумѣется, эти ограниченія весьма часты и нерѣдко имѣютъ даже характеръ смягченія участи; въ этомъ отношеніи присяжные дѣйствительно проявляютъ особый взглядъ „на пьяное дѣло“, которое они отличаютъ отъ трезвыхъ поступковъ; сюда, кромѣ пьяныхъ грабежей, отходитъ цѣлый рядъ преступленій противъ личной неприкосновенности. Большое значеніе для возникновенія и развитія такихъ взглядовъ имѣютъ соображенія не столько обычнаго права, сколько обычной распущенности во взаимныхъ отношеніяхъ выпившихъ людей, какъ культурныхъ, такъ и не культурныхъ, какъ въ ссорахъ, такъ и въ миролюбивыхъ встрѣчахъ. Но, оставаясь вѣрными основному закону, присяжные не смягчаютъ вины пьяному рецидивисту и преступнику по ремеслу, не признавая даже въ подобныхъ случаяхъ крайности; наоборотъ, случайному преступнику, тѣмъ болѣе привилегированному, представшему на ихъ судъ за пьяный случай послѣ значительнаго промежутка честной жизни, они какъ бы засчитываютъ, оправдывая его, долгую добропорядочную жизнь, послѣ несчастнаго пьянаго случая. Указанное смягченіе, въ формѣ ограниченій, а тѣмъ болѣе помилованія, не встрѣчается въ дѣлахъ, гдѣ прошла смерть, какъ слѣдствіе, безразлично—уличной ли драки или серіознаго нападенія съ оружіемъ.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, преступникъ по ремеслу или рецидивистъ, не сознающійся въ своемъ пьяномъ преступленіи, а тѣмъ болѣе прикрывавшійся опьяненіемъ, ради болѣе удачнаго исхода задуманнаго дѣла, не могутъ разсчитывать на снисхожденіе; это послѣднее почти

всегда сопровождаетъ тѣ виды преступленія, которые я разсматривалъ выше, говоря о пьяныхъ случаяхъ, допускающихъ смягченіе и даже помилованіе, т. е. пьяныя кражи и quasi грабежи, побои, посягательства на честь, причемъ интересна характерная черта, заключающаяся въ томъ, что присяжные, имѣя дѣло съ двумя подсудимыми, предпочтительно оказываютъ снисхожденіе, тому изъ совершившихъ преступленіе въ пьяной компаніи, кто ближе къ потерпѣвшему по знакомству или родству; несомнѣнно въ этомъ сказывается согласованіе вердикта съ точкой зрѣнія самого потерпѣвшаго, съ тѣми грубыми нравами, которые въ пьяной средѣ, какъ бы уничтожаютъ временно право на личную неприкосновенность и честь преимущественно, однако, въ пользу болѣе близкихъ людей.

Въ ученіи о субъектѣ преступленія умѣстно разсмотрѣть вопросъ о томъ, какое значеніе имѣютъ на судѣ присяжныхъ тѣ черты личности подсудимаго, которыя открываются въ связи съ тѣмъ, сознается ли онъ на судѣ вполнѣ или частью, или запирается; такъ какъ въ этой главѣ рѣчь идетъ не о доказательствахъ, а о рѣшеніи, то, естественно, вопросъ о сознаніи можетъ быть разсматриваемъ только по стольку, по скольку признаніе или отсутствіе его обусловливаетъ разные оттѣнки вердикта, при достаточно установленной виновности; ожидать категорической формулировки эмпирическаго закона въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія, такъ какъ и помилованіе, и зачетъ, и снисхожденіе, связь которыхъ съ характеромъ показанія подсудимыхъ я намѣренъ прослѣдить, несомнѣнно связаны еще кромѣ того и съ другими факторами. Попытаемся, однако, это сдѣлать. Путемъ обычнаго пріема группировки карточекъ, я получаю слѣдующіе выводы: запирающійся въ своей винѣ или невполнѣ сознающійся рецидивистъ лишается снисхожденія, если грозящее ему наказаніе не чрезмѣрно тяжко; такъ же

вліяетъ запирательство подсудимаго, производящаго на судѣ дурное впечатлѣніе своимъ поведеніемъ или личностью; не менѣе вредно вліяетъ на судьбу подсудимаго отказъ на судѣ отъ сознанія, принесеннаго ранѣе кому-либо изъ свидѣтелей, показанію которыхъ по отношенію къ этому признанію присяжные повѣрили; однако, несовершеннолѣтніе не подходятъ подъ это правило, такъ что несознаніе такихъ лицъ не лишаетъ ихъ снисхожденія.

Относительно рецидивистовъ имѣющіяся въ моемъ распоряженіи данныя, позволяютъ заключить, что рецидивистъ и при сознаніи только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ разсчитывать на снисхожденіе, а именно, если преступленіе имъ совершено по крайности или представляется не имѣвшимъ особыхъ вредныхъ послѣдствій или, наконецъ, при условіи, что въ числѣ присяжныхъ сказалось вліяніе бывшихъ въ составѣ юристовъ.

За этими оговорками можно, пожалуй, признать за правило, что признаніе подсудимаго на судѣ, въ особенности, если оно было еще раньше сдѣлано при слѣдствіи, влечетъ за собой дачу снисхожденія. Это правило не колеблется при самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ обстоятельствъ дѣла, дѣйствію его не мѣшаютъ ни тяжесть совершеннаго преступленія, ни ложь на предварительномъ слѣдствіи, а тѣмъ болѣе способствуютъ такія обстоятельства, какъ состояніе крайности или то, что подсудимое лицо судится въ первый разъ или же принадлежитъ къ женскому полу.

Въ исключительныхъ случаяхъ бываетъ и помилованіе, какъ, напр., при обвиненіи въ безвредныхъ сравнительно дѣяніяхъ женщины, судимой отдѣльно отъ соучастника— главнаго виновнаго по дѣлу, если принесенное сознаніе очевидно чистосердечно, а въ дѣлѣ отсутствуютъ другія доказательства, или же въ виду совершенія преступленія по крайности и притомъ преступленія неоконченнаго, т. е.

покушенія, слѣдовательно, не повлекшаго за собой вреда.

Что касается зачета предварительнаго заключенія, то въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ зачетъ дѣлается при сознаніи подсудимаго.

Неполное сознаніе, которое по характеру уликъ, болѣе или менѣе слабыхъ, не производитъ впечатлѣнія запирательства, а напротивъ вселяетъ сомнѣнія въ виновности, напр. сознаніе подсудимаго въ меньшемъ преступленіи, имѣетъ для присяжныхъ, если можно такъ выразиться, значительную притягательную силу; если припомнить, что скептическое отношеніе къ доказательствамъ легко возникаетъ, когда подсудимый внушаетъ сожалѣніе или производитъ впечатлѣніе неиспорченнаго человѣка, то станетъ ясно, почему присяжные, сравнительно легко оправдывая по первому вопросу, на обязательный въ такомъ случаѣ альтернативный вопросъ отвѣчаютъ утвердительно. Сознаніе въ меньшемъ преступленіи можетъ быть, разумѣется, понимаемо въ томъ смыслѣ, что подсудимый не признаетъ квалифицирующихъ обстоятельствъ. Такъ какъ такое неполное сознаніе подсудимаго представляетъ собою одно изъ существенныхъ фактическихъ данныхъ дѣла, то переходъ присяжныхъ въ подобныхъ случаяхъ къ уменьшенію преступленія согласно показанію подсудимаго не представляетъ уклоненія отъ встрѣчавшагося уже нами эмпирическаго закона, по которому судъ присяжныхъ остается на фактической почвѣ, даже дѣлая эти переходы, иногда представляющіе собой случаи смягченія отвѣтственности.

При участіи юристовъ въ составѣ присяжныхъ можно даже наблюдать, какъ сознаніе въ меньшемъ преступленіи получаетъ какъ бы значеніе формальнаго доказательства, такъ что въ оправданіи по первому вопросу чувствуется нѣчто подобное прежнему оставленію въ подозрѣніи.

II.

Подъ объектомъ преступленія понимаютъ обыкновенно ту юридическую норму, которая нарушена преступникомъ; такая терминологія, разумѣется, идетъ въ разрѣзъ со взглядомъ, который я старался обосновать во второй главѣ, доказывая, что юридическія нормы имѣютъ характеръ законовъ природы и ненарушимы. Чтобы, однако, не вдаваться въ теоретическія соображенія, я считаю вполнѣ возможнымъ принять за исходную точку для изслѣдованія отношенія присяжныхъ къ объекту преступленія слѣдующее положеніе проф. Таганцева, по которому „преступленіе можетъ нарушить нормы (объектъ преступленія) не въ ихъ понятіи, а въ ихъ реальномъ существованіи, т. е. въ формѣ дѣйствительныхъ благъ, покоящихся на этихъ нормахъ“ [1]).

Итакъ, судъ долженъ охранять юридическій порядокъ, преслѣдуя посягательства на охраняемыя закономъ реально существующія блага. Оцѣнивая виновность лица, судья неминуемо рѣшаетъ и то, повреждено ли какое-либо благо и подлежитъ ли оно законной охранѣ.

Говоря юридически, это означаетъ, что всякій судъ, а, слѣдовательно, и судъ присяжныхъ, долженъ обсуждать и установлять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ составъ преступленія. Вотъ почему, какъ я уже имѣлъ случай не разъ указывать, присяжные, совершенно неизбѣжно и не нарушая предѣловъ своей компетенціи, рѣшаютъ не только вопросъ факта, но и права; пусть, напримѣръ, въ вопросахъ суда разобьется на нѣсколько отдѣльныхъ кражъ одно продолжаемое преступленіе ввидѣ повторныхъ, совершенныхъ въ разные моменты тѣмъ же домашнимъ воромъ похищеній одно-

---

[1]) Курсъ Рус. Уг. Пр. 1874. ст. 175, вып. I.

роднаго имущества,—присяжные несомнѣнно будутъ вправѣ, какъ они это и дѣлаютъ (примѣры у меня передъ глазами), признать виновность только въ одномъ изъ случаевъ, не желая признавать совокупность преступленій тамъ, гдѣ они совершенно справедливо видятъ одно дѣло.

Не одно оправданіе въ болѣе или менѣе тонкихъ случаяхъ обмана зиждится на томъ, что, по мнѣнію присяжныхъ, подсудимый совершилъ рядъ недобросовѣстныхъ поступковъ, но не уголовнаго, а гражданскаго характера; несмотря на всѣ усилія предсѣдательствующаго-сенатофила, присяжные въ преступленіяхъ по должности совершенно самостоятельно взвѣшиваютъ, дѣйствительно ли подсудимый нарушилъ свою обязанность; рѣшаемый ими же въ дѣлахъ о скопчествѣ вопросъ о принадлежности къ сектѣ есть вопросъ права также, какъ вопросъ о самообoронѣ, которую они признаютъ возможною въ дракѣ.

Точно также, взвѣшивая внутреннюю сторону преступленія, рѣшая, имѣется ли ввиду растрата или небрежность, имѣлъ ли въ виду подсудимый открыто или тайно похитить, отвѣтственъ ли онъ за растлѣніе малолѣтней, если считалъ ее за 14-лѣтнюю, присяжные вѣдаютъ вопросы права, относительно которыхъ судъ присяжныхъ дѣйствуетъ самостоятельно, воплощая въ вердиктѣ свое пониманіе о необходимости охранять то или другое благо, а слѣдовательно и свое толкованіе и примѣненіе закона.

Разумѣется, при этой работѣ присяжные не могутъ исходить и не исходятъ изъ юридическихъ соображеній, а, принимая во вниманіе законъ, всегда стараются опредѣлить, составляетъ ли дѣяніе подсудимаго зло, подлежащее карѣ, какъ вредное и безнравственное, или—только воспрещенное закономъ явленіе; въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ вопросъ представляется слишкомъ сложнымъ или спорнымъ, то присяжные или оправдываютъ подсудимаго по сомнѣнію въ ви-

новности или ограничиваются точнымъ установленіемъ въ своихъ отвѣтахъ фактическихъ данныхъ, предоставляя разрѣшеніе вопросовъ права суду.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, однако, они сами рѣшаютъ этотъ вопросъ и въ такихъ случаяхъ однимъ изъ главныхъ критеріевъ является фактъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія даннаго дѣянія нравамъ среды, въ которой жилъ и дѣйствовалъ подсудимый; отсюда, напр., отказъ въ охранѣ отъ эксцессовъ, возникшихъ на почвѣ безнравственныхъ отношеній между двумя лицами, или сравнительно мягкое отношеніе къ посягательствамъ на цѣломудріе женщинъ и дѣвушекъ въ большихъ городахъ въ такихъ условіяхъ жизни, которыя даютъ нравственное право предполагать слишкомъ низкій нравственный уровень самихъ потерпѣвшихъ; если нравы купцовъ, напр., и плохи, а наклонность къ лжесвидѣтельству развита въ данномъ обществѣ, то подлоги и мошенничества первыхъ тѣмъ не менѣе опасны, также какъ вредоносны ложные свидѣтели на судѣ, и поэтому судъ присяжныхъ, признавая такихъ подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія, все-таки караетъ ихъ, исходя изъ того, что вредные въ общественномъ отношеніи нравы требуютъ болѣе или менѣе энергичнаго обузданія.

Бѣглый обзоръ ряда типичныхъ рѣшеній по отдѣльнымъ родамъ преступленій можетъ яснѣе показать особенности, вносимыя въ правосознаніе присяжныхъ соображеніями о средѣ и о зависимости наказуемости отъ господствующихъ въ данномъ обществѣ нравовъ.

Мы видѣли строгое отношеніе къ святотатцамъ, къ посягательствамъ на восходящихъ родственниковъ и супруговъ, къ посягательствамъ на жизнь вообще, въ особенности имѣющимъ форму мучительную и обнаруживающимъ испорченность и злобность подсудимаго; при условіи нападенія на жизнь, оказавшееся въ результатѣ, за исключеніемъ цѣли

лишить жизни—причиненіе легкихъ ранъ, по которому возможно примиреніе,—не допускаетъ, однако, зачета; важность артелей въ русской экономической жизни заставляетъ присяжныхъ строго относиться къ лихоимцу-артельщику, достаточно уличенному по суду даже въ тѣхъ случаяхъ, когда поводомъ къ преступленію явилось крайне безпорядочное веденіе дѣла въ этой артели.

Развратничаніе, будучи не страстью, а порокомъ, въ глазахъ присяжныхъ, особенно если жертвой является ребенокъ, устраняетъ необходимость въ доказательствахъ субъективной виновности, т. е. точнаго знанія о возрастѣ жертвы; какъ это упоминалось выше, въ такихъ случаяхъ для отвѣтственности достаточно метрической справки о лѣтахъ потерпѣвшей, независимо отъ мнѣній подсудимаго о лѣтахъ ребенка; съ другой стороны, открытое похищеніе у дѣтей обыкновенно признается кражей, если такія потерпѣвшія оказываются слабо развитыми, каковы бы они ни были соображенія лица нападающаго; но ограбленіе хотя бы пьяной женщины обыкновенно если наказывается, то безъ снисхожденія. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ вопросомъ объ опьяненіи, но уже по отношенію къ состоянію потерпѣвшаго лица; хотя нѣтъ основанія думать, чтобы русскіе присяжные особенно строго относились къ такому потерпѣвшему съ нравственной точки зрѣнія, но существуетъ достаточно другихъ причинъ, удовлетворительно объясняющихъ слабую сравнительно репрессію по такимъ дѣламъ; помимо естественной шаткости доказательствъ здѣсь какъ бы дѣйствуетъ сознаніе безплодности усилій посредствомъ судебныхъ каръ охранить пьющихъ людей отъ преступныхъ посягательствъ, такъ, напримѣръ, пьяная женщина, оскорбленная или даже ограбленная везущимъ ее извощикомъ, развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ получить защиту; чѣмъ опаснѣе обстановка, въ силу которой законъ возвышаетъ отвѣтственность, какъ

напримѣръ при кражѣ въ пути, тѣмъ яснѣе сознаютъ присяжные недостижимость задачи охранить собственность или даже личность человѣка, способнаго заснуть въ полѣ въ пьяномъ видѣ или оказаться въ нетрезвомъ состояніи въ дорогѣ. Какъ я уже упоминалъ не разъ, въ подобныхъ случаяхъ присяжные переходятъ къ низшему виду преступленія и даже отказываютъ въ признаніи кражи, если были установлены тѣ или другіе переговоры между потерпѣвшимъ и похитителемъ, хотя бы примитивной хитрости, но съ характеромъ выманиванія похищеннаго.

Считаясь однако съ нравами вообще, стремясь къ матеріальной справедливости, присяжные легко оправдываютъ обвиняемаго въ уничтоженіи документовъ, выданныхъ въ пьяномъ видѣ лицомъ, попавшимъ чрезъ это въ безвыходное имущественное положеніе; также строго, какъ мы знаемъ, отвѣчаетъ предъ судомъ присяжныхъ полицейскій, позволившій себѣ должностныя злоупотребленія; отношеніе присяжныхъ къ казенному хозяйству, однако, довольно безразличное. Вообще можно сказать, что громадное значеніе на судѣ присяжныхъ имѣетъ соображеніе о томъ, причиненъ ли преступленіемъ дѣйствительно вредъ вещественный или нравственный; когда этотъ послѣдній имѣетъ характеръ общественнаго вреда, это оттѣняется весьма сильно судомъ присяжныхъ; такъ напримѣръ, карая за нанесеніе группой воровъ ранъ сыщику, присяжные вовсе не входятъ въ разсмотрѣніе личности потерпѣвшаго, крайне непривлекательной, если только усматриваютъ въ поступкѣ нападавшихъ эпизодъ, такъ сказать, войны преступной организаціи противъ оффиціальныхъ преслѣдованій; я уже упоминалъ объ общественномъ, въ глазахъ присяжныхъ, значеніи безпорядковъ въ администраціи крупнаго торговаго предпріятія или даже большого частнаго дома съ сотнями жильцовъ; также смотритъ этотъ судъ и

на домашнія кражи и злоупотребленія обычаями въ фабричномъ и даже сельскомъ хозяйствѣ.

Отсутствіе матеріальнаго ущерба имѣетъ, однако, большое значеніе, такъ что малоцѣнность похищеннаго, при наличности, правда, такихъ условій какъ молодость и сознаніе, вызываетъ на дачу снисхожденія рецидивисту за исключеніемъ особенно серіозныхъ преступленій, вродѣ, напримѣръ, святотатства; съ другой стороны наличность весьма значительнаго вреда, на сотни, напримѣръ, рублей лишаетъ снисхожденія даже несовершеннолѣтняго, притомъ признаннаго дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія. Серіозность вреда, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ явился послѣдствіемъ преступленія, имѣющаго характеръ укрывательства другого, ранѣе совершеннаго, можетъ привести, вопреки общему правилу, къ обвиненію въ этомъ укрывательскомъ, если можно такъ выразиться, преступленіи.

Существуетъ рядъ случаевъ, гдѣ ничтожность вреда, ввиду сопутствующихъ оправдательныхъ мотивовъ: крайности, вторичнаго разсмотрѣнія, предварительнаго заключенія, случайности преступленія и т. п. можетъ повлечь за собой даже оправдательный приговоръ, какому бы то ни было подсудимому, впрочемъ сознающемуся, въ томъ числѣ и рецидивисту и несовершеннолѣтнему; чаще всего проявляется такое дѣйствіе ничтожнаго вреда въ связи съ давностью преступленія.

Въ нашемъ Уложеніи нерѣдко встрѣчается выраженіе: „не случайно, а сознавая послѣдствія своего дѣянія“; крайняя неудачность этого выраженія съ точки зрѣнія теоріи сопровождается и чрезвычайными затрудненіями на практикѣ. Для наличности внутренней стороны преступленія недостаточно одного сознанія, а необходима и преступная воля: „умышленная виновность можетъ быть формулирована, какъ

сознательное и волимое совершеніе правонарушенія“ [1]), говоритъ проф. Таганцевъ. Вотъ почему ставить обвинительный приговоръ на основаніи вердикта, признавшаго, что увѣчье, напримѣръ, причинено не случайно, а съ знаніемъ послѣдствій (1480 ст. Ул.), т. е. признавать дѣяніе умышленно совершеннымъ, строго говоря, неправильно, такъ какъ такія фактическія данныя не заключаютъ въ себѣ необходимаго не только для спеціальнаго умысла, но даже и для преступнаго безразличія матеріала; такой вердиктъ есть даже возможность истолковать какъ случай совпаденія умысла и неосторожности (culpa dolo determinata). Назначеніе на основаніи такого вердикта наказанія за умышленное дѣяніе возможно только на почвѣ признанія вообще умышленности человѣческихъ дѣйствій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они совершаются сознательно, но такое предположеніе виновности „нынѣ отброшено, какъ несогласное съ принципами уголовнаго процесса“ [2]). Судъ присяжныхъ, стоя на высотѣ этихъ теоретическихъ положеній, всегда требуетъ доказательствъ не только сознательности, но и волимости или хотя бы только преступнаго безразличія къ имѣющимъ наступить послѣдствіямъ; здѣсь то и встрѣчаются практическія затрудненія отъ разбираемаго мною неудачнаго выраженія нашего закона, а именно неправильнаго перенесенія центра тяжести на познавательный моментъ: съ одной стороны, сознаніе послѣдствій дѣянія, послѣдствій иногда весьма сложныхъ, причемъ цѣпь ихъ можетъ быть даже незакончена, весьма трудно установить на судѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, а это ведетъ къ безнаказанности многихъ преступленій; съ другой стороны, останавливаясь въ силу буквальнаго содержанія вопроса на обдумываніи умысла, присяжные легко могутъ со-

---

1) Курсъ русск. Угол. пр. Вып. II стр. 12.
2) L. c. 107.

вершенно обойти моментъ рѣшимости и, слѣдовательно, осудить въ качествѣ умышленной вины вину только неосторожную. Все это и случается на практикѣ, благодаря нашему старому Уложенію, большинство статей котораго, въ особенности въ отдѣлѣ о нарушеніи тѣлесной неприкосновенности, представляетъ какъ бы рядъ подводныхъ камней, близъ которыхъ приходится проводить вердиктъ съ чрезвычайными предосторожностями.

Естественно, что какъ обвинитель, такъ и присяжные невольно тяготѣютъ въ сторону спеціальнаго умысла въ смыслѣ болѣе твердой, хотя и устарѣвшей почвы; поэтому преступное безразличіе хотя и проходитъ на судѣ присяжныхъ,— напомню, напримѣръ, дѣло Зингера, — но требуетъ всегда особыхъ заботъ и вниманія.

Сознаніе опасности заключать къ умыслу отъ дѣянія (dolus ex re) и ведетъ къ тому, что присяжные особенно тяготѣютъ къ ограничительнымъ вопросамъ въ области умысла въ случаѣ неполнаго сознанія подсудимаго. Тѣмъ не менѣе, требуя доказательствъ спеціальнаго умысла на нанесеніе увѣчья или раны, похищеніе документа или готовность воспользоваться оружіемъ при вооруженной кражѣ, присяжные допускаютъ, однако, презумпцію умышленности при обсужденіи вины человѣка, стрѣляющаго въ другого или причиняющаго обезображеніе женскаго лица или же наносящаго увѣчье путемъ откусыванія, напримѣръ, уха или носа; но нравственная, такъ сказать, вина лица, прикрывающаго растрату, не признается участіемъ въ ней, какъ и ремесленная привычка, приводящая, напр., тряпичника къ тому, что неприбранная вещь представляется его сознанію въ качествѣ res nullius, не позволяетъ обвинять его въ желаніи похитить чужое безъ спеціальныхъ доказательствъ этого намѣренія.

Забота присяжныхъ объ установленіи точнаго характера умысла выражается очень наглядно въ слѣдующихъ примѣ-

рахъ: отвергнувъ „намѣреніе“ при обвиненіи по первому вопросу въ похищеніи документа для того, чтобъ оттѣнить, что при этомъ похищеніи подсудимый еще не имѣлъ ввиду совершить подлогъ, учиненный имъ годъ спустя, они однако зачеркнули эту оговорку, когда имъ было разъяснено, что такое ограниченіе создаетъ безнаказанность; примиреніе на судѣ, ставшее возможнымъ, благодаря отрицанію умысла, напр., въ покушеніи на убійство, имѣвшемъ послѣдствіемъ легкія раны, вызываетъ досаду въ присяжныхъ, которые, вовсе не желая безнаказанности, имѣли только ввиду своимъ ограниченіемъ точнѣе выразить направленіе преступной воли.

При наличности неясно сознаннаго умысла присяжные, не стѣсняясь сознаніемъ подсудимаго въ желаніи убить, ввидѣ смягченія отвергаютъ иногда смерть, какъ конечную цѣль, т. е. сравнительно неохотно признаютъ преступное безразличіе однимъ изъ видовъ умысла, но и въ такихъ случаяхъ они остаются вѣрны основному стремленію дать фактически точный отвѣтъ; однажды въ совѣщательной комнатѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій эпизодъ: былъ предположенъ отрицательный отвѣтъ на первый вопросъ о предумышленномъ убійствѣ послѣ долгихъ убѣжденій меньшинства большинствомъ; затѣмъ большинство, какъ это обыкновенно наблюдается, обвиняя по второму вопросу, объ убійствѣ въ запальчивости, предположивъ дачу еще снисхожденія, стало домогаться единогласія; но въ этомъ пунктѣ единогласія достигнуть не удалось и меньшинство, стоявшее за утвердительное рѣшеніе перваго вопроса, стало опять требовать утвердительнаго рѣшенія перваго вопроса (о предумышленности), „если ужъ давать снисхожденіе“.

Въ отношеніи присяжныхъ къ ученію о неосторожности не замѣчается никакихъ особенностей, за исключеніемъ развѣ того, что обвинительные вердикты такого рода получаются

обыкновенно при допускающей это редакціи вопроса, посредствомъ отрицанія умысла въ признанномъ преступленіи; относительно формальныхъ нарушеній, въ которыхъ умыселъ роли не играетъ, дѣйствуетъ общій законъ, что эти нарушенія караются только при наличности реальнаго вреда или дѣйствительной опасности ихъ для общества, ввиду особой испорченности или вообще преступной жизни субъекта.

Значеніе мотива на судѣ присяжныхъ далеко не имѣетъ того рѣшающаго значенія, которое ему обыкновенно приписывается, и сводится къ тому, что обусловливаетъ дачу снисхожденія или отказъ въ немъ; но такъ какъ характеръ мотива придаетъ всему дѣянію подсудимаго особый оттѣнокъ, вызывающій или негодованіе или напротивъ состраданіе къ подсудимому, то въ зависимости отъ мотива измѣняется до извѣстной степени отношеніе присяжныхъ къ дѣлу въ томъ смыслѣ, что они охотнѣе идутъ въ одномъ случаѣ на встрѣчу соображеніямъ обвиняющимъ, а въ другомъ—соображеніямъ, оправдывающимъ подсудимаго.

Смягчающая сила иныхъ мотивовъ такова, что приводитъ къ дачѣ снисхожденія и при несознаніи подсудимаго, а тѣмъ болѣе, когда наказаніе, угрожающее послѣднему, чрезмѣрно.

Покушеніе представляется со стороны фактической въ столь разнообразныхъ формахъ и настолько усложняетъ вопросы, что является почти невозможнымъ сдѣлать какія-либо общія заключенія по отношенію къ этой стадіи виновности; такъ напримѣръ въ кражахъ, задержаніе подсудимаго, преступника по ремеслу, съ орудіемъ для взлома на мѣстѣ преступленія до того, какъ онъ приступилъ къ послѣднему, приравнивается присяжными къ покушенію, что съ житейской точки зрѣнія вполнѣ понятно, но однако ни теоріей, ни закономъ за покушеніе не признается; за то съ другой стороны для наличности покушенія на поджогъ, по мнѣнію присяжныхъ, необходимо начавшееся дѣйствіе огня, тогда какъ по 3 п. 1610

ст. одинъ изъ видовъ приготовленія къ поджогу приравнивается къ покушенію; словомъ загроможденіе вопросовъ о покушеніи деталями такъ неудобно и опасно для правосудія, что иногда сами присяжные, возбудившіе новый вопросъ о покушеніи ввиду затруднительности даже для суда его формулировать, просятъ невозможной, къ сожалѣнію, постановки его „безъ фактическихъ данныхъ,—просто о покушеніи".

Что касается до оправданій въ случаяхъ покушенія, то, примѣняясь, такъ сказать, къ мысли закона о ненаказуемости добровольно оставленнаго покушенія, присяжные иногда, не стѣсняясь фактическими данными вопроса, т. е. не пользуясь своимъ правомъ ограничительныхъ отвѣтовъ, оправдываютъ обвиняемаго въ покушеніи иногда даже и остановленнымъ независѣвшими отъ подсудимаго обстоятельствами; они въ этихъ случаяхъ, очевидно, переносятъ центръ тяжести съ особенностей дѣянія на раскаяніе, сказавшееся въ подсудимомъ, хотя бы и по задержаніи; нельзя отвергать, что помимо элемента безвредности покушенія, остановленнаго по собственной волѣ, также и раскаяніе въ силу 113 ст. Ул. обусловливаетъ ненаказуемость этого вида покушенія.

Бываютъ такъ называемыя нелѣпыя покушенія на убійство, запальчивыя, почти импульсивныя, удачность которыхъ болѣе, чѣмъ проблематична; въ такихъ случаяхъ присяжные оправдываютъ, главнымъ образомъ, по соображеніямъ о чрезмѣрности наказанія; но вообще говоря, болѣе мягкое отношеніе къ покушенію выражается у присяжныхъ въ томъ, что они даютъ подсудимому снисхожденіе безразлично къ тому, сознался онъ или нѣтъ, и притомъ не отличая случайнаго преступника отъ привычнаго. Особенности обстановки преступленія, преступные средства и способы были уже разсмотрѣны мною при отдѣльныхъ преступленіяхъ.

Здѣсь я могу только отмѣтить, что особо преступные способы, будучи чрезвычайно разнообразны, не позволяютъ сдѣ-

лать какихъ-либо обобщеній, кромѣ развѣ весьма отдаленныхъ; такъ, напримѣръ, въ общемъ наблюдается, что признаніе квалифицирующаго обстоятельства не имѣетъ свойства вызывать въ присяжныхъ негодующаго, такъ сказать, отношенія къ подсудимому; хотя особо некрасивая обстановка преступленія, наличность оружія съ доказанной рѣшимостью имъ воспользоваться, насиліе при грабежѣ и т. п. обыкновенно лишаютъ подсудимаго снисхожденія, но отнюдь не вліяютъ сами по себѣ на осторожность, напримѣръ, присяжныхъ въ разсмотрѣніи и установленіи фактической стороны дѣла. При несомнѣнномъ насиліи, непосредственно слѣдовавшемъ за грабежемъ, они не только даютъ ограничительный отвѣтъ, признавая, что насиліе не было средствомъ похищенія, но даже начинаютъ въ сущности скептически относиться и къ самому грабежу, такъ какъ фактъ насилія заставляетъ ихъ задумываться, не было ли въ данномъ случаѣ драки, прикрывавшей не грабежъ, слѣдовательно, а кражу.

Я уже достаточно подробно разсматривалъ выше отношеніе присяжныхъ къ случайному преступнику или, къ такъ называемому, хищнику. Послѣдній типъ, какъ извѣстно, наиболѣе часто вызываетъ суровые приговоры. Вполнѣ естественно, что присяжные крайне строго относятся къ преступнику по ремеслу; во всякаго рода преступленіяхъ, не взирая на полъ и характеръ сознанія, подсудимый, признаваемый привычнымъ, посвятившимъ себя преступному ремеслу, лишается снисхожденія. Есть, впрочемъ, исключительныя условія, такъ сказать смягчающія присяжныхъ; такъ напримѣръ, совершеніе преступленія хотя бы по ремеслу, но ради поддержанія семьи, допускаетъ снисхожденіе, хотя въ подобныхъ случаяхъ все-таки на вопросъ о крайности получается отрицательный отвѣтъ, такъ что преступное ремесло и крайность являются какъ бы несовмѣстными. Это строгое

отношеніе такъ рѣзко выражено, что даже зачетъ замѣняется дачею снисхожденія, если судится рецидивистъ, идущій по болѣе или менѣе опредѣленному спеціальному пути. Даже при совокупности, оправдывая почему-либо въ одномъ преступленіи и обвиняя въ другомъ, присяжные переносятъ изъ обстоятельствъ перваго дѣла данныя ремесленнаго отношенія къ дѣлу подсудимаго и обвиняютъ его, какъ преступника по ремеслу, безъ снисхожденія.

Въ общемъ взглядъ присяжныхъ на роль суда по отношенію къ преступникамъ-спеціалистамъ таковъ: дѣятельность суда противъ такихъ лицъ представляется имъ общественной самообороной и притомъ почти рефлективной; такъ какъ преступники по ремеслу обыкновенно (напримѣръ поджигатели собственнаго застрахованнаго имущества) обнаруживаютъ безсердечіе по отношенію къ несчастіямъ ближняго и ихъ убыткамъ отъ преступленія, то и присяжные рѣшаются на крайне суровый отпоръ, какъ бы говоря себѣ, что въ качествѣ защитника общества судъ по отношенію къ такимъ лицамъ долженъ быть оздоровляющей общество машиной.

Мнѣ уже приходилось останавливаться на томъ, какое значеніе придаютъ присяжные съ точки зрѣнія общественной безопасности—шайкѣ. Серіозное значеніе всякой организаціи въ дѣлѣ преступленія (съ преступными цѣлями) вызываетъ, какъ мы знаемъ, строгую репрессію и отказъ въ дачѣ снисхожденія.

Но есть возможность глубже вглядѣться въ различные оттѣнки, какъ по отношенію къ пониманію соучастія, такъ и относительно отвѣтственности каждаго изъ дѣятелей „общаго дѣла“ или прикосновенныхъ къ нему. Основнымъ правиломъ остается строгое различеніе на фактической почвѣ ролей подсудимыхъ, но въ смыслѣ отвѣтственности, т. е. наказуемости, наличные соучастники обыкновенно находятся въ одинаковыхъ условіяхъ независимо отъ того, кто въ большей

степени, а кто въ меньшей—проявилъ на дѣлѣ преступную волю: важно сознательное участіе въ общемъ дѣлѣ; когда основной элементъ соучастія, субъективный — единая преступная воля, налицо, то присяжные при сужденіи о большихъ группахъ лицъ уступаютъ необходимости наказывать тѣхъ, которыхъ удалось захватить и уличить, не смущаясь отсутствіемъ другихъ, равно виновныхъ.

Встрѣчаясь съ принципомъ „относительной справедливости", необходимо отмѣтить, что соображенія объ „относительной справедливости" не возникаютъ по поводу того, что одинъ изъ подсудимыхъ подъ стражей, а другой на свободѣ, хотя въ этомъ отношеніи можно указать на то, что присяжные чрезвычайно наклонны сдѣлать зачетъ предварительнаго заключенія подсудимому, соучастникъ котораго не только былъ на свободѣ, но и избѣгнулъ почему-либо наказанія.

Непривлеченіе, ввиду недостатка уликъ, соучастника, болѣе или менѣе демонстрированнаго передъ присяжными, не мѣшаетъ строгому приговору по отношенію къ преданному суду виновнику, въ особенности въ концѣ сессіи, причемъ, однако, замѣчается наклонность обвинять наличнаго подсудимаго въ меньшемъ преступленіи; непривлеченіе соучастницы-дѣвочки при обвиненіи взрослаго никакого вліянія на приговоръ относительно послѣдняго не оказываетъ; тѣмъ болѣе совершенно свободно слагается вердиктъ независимо отъ привлеченія или непривлеченія соучастника, когда наличный подсудимый, что называется, мастакъ самъ по себѣ.

Здѣсь мы можемъ указать оттѣнокъ, который очень замѣтенъ въ вердиктахъ въ разсматриваемомъ нами отношеніи: присяжные зорко различаютъ главнаго виновника, зачинщика, вообще — душу дѣла, отъ второстепенныхъ, участниковъ, а тѣмъ болѣе вовлеченныхъ. Строгость по отношенію къ первымъ сказывается въ томъ, что непривлеченіе одного изъ нихъ или прекращеніе преслѣдованія Па-

латою, семейными, давностью и т. п. влечетъ за собой оправданіе второстепенныхъ, хотя бы и уличенныхъ по дѣлу участниковъ; въ этомъ случаѣ не дѣлается разницы и въ возрастѣ, такъ какъ главнымъ виновнымъ иногда оказывается младшій изъ соучастниковъ. Если, однако, всѣ подсудимые на лицо, то отвѣтственность главнаго виновнаго не смягчается даже продолжительнымъ предварительнымъ заключеніемъ; мало того: пусть главный виновный обвиняется, благодаря опредѣленію Палаты или ошибкѣ прокурорскаго надзора, только въ укрывательствѣ, присяжные, найдя по совѣсти, что онъ главный виновный, зачинщикъ, обвинятъ его безъ снисхожденія, не смущаясь тѣмъ, что фактическія данныя вопроса не соотвѣтствуютъ роли подсудимаго въ дѣйствительности.

Что касается прикосновенныхъ къ преступленію лицъ, то непривлеченіе или прощеніе ихъ тѣмъ болѣе не вліяетъ на отвѣтственность главныхъ виновныхъ; но взятые отдѣльно эти лица, въ особенности укрыватели, несутъ тяжелую отвѣтственность по соображеніямъ, такъ сказать, внутренней политики. Присяжные признаютъ, что укрывательство создаетъ воровъ и потому независимо отъ ремесленнаго характера дѣянія, т. е. даже при отсутствіи этого характера, караютъ ихъ безъ снисхожденія въ большинствѣ случаевъ; при этомъ ограниченія, напр., суммы укрытаго не дѣлаются въ формѣ снисхожденія, а только на фактической почвѣ; это обстоятельство важно отмѣтить по его значенію для гражданскаго иска (652 ст. X т. I ч. Св. З.).

Что касается состава укрывательства, то присяжные отличаютъ послѣднее отъ покупки подозрительныхъ предметовъ или вообще отъ пользованія плодами преступленія требованіемъ положительнаго знанія о совершеніи даннаго преступленія; такое же требованіе предъявляется ими и по отношенію къ другимъ видамъ укрывательства, такъ, напр.,

слѣдовъ или самого преступника. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что укрывательство своего собственнаго преступленія другимъ преступленіемъ не признается присяжными за отдѣльно наказуемое дѣяніе, хотя влечетъ съ своей стороны строгій приговоръ безъ снисхожденія.

Спутанность понятій о попустительствѣ и недонесеніи о готовящемся преступленіи вліяетъ могущественно и на вердикты присяжныхъ, порождая путаницу въ вопросахъ; это тѣмъ болѣе неудобно, что Сенатъ запрещаетъ смѣшивать въ одномъ вопросѣ признаки попустительства и недонесенія (рѣш. № 62 за 1875 г. под. Асанъ-Оглу). Результатомъ этихъ неудобствъ является почти полное отсутствіе подобныхъ обвиненій на судѣ присяжныхъ и единственнымъ исходомъ представлялось бы введеніе въ вопросъ присяжнымъ фактическихъ данныхъ дѣла въ полномъ объемѣ, что предоставляло бы имъ достаточно широкія рамки для опредѣленія виновности такъ, какъ они ее понимаютъ; суду же, не связавшему себя напередъ, какъ это дѣлается теперь, постановкой вопроса, приспособленнаго къ тому или другому, большею частью чисто формальному составу преступленія, открывался бы просторъ для рѣшенія вопроса о наказуемости или ненаказуемости даннаго дѣянія и для широкаго пользованія аналогіей наказуемости.

При господствующемъ въ настоящее время формализмѣ въ постановкѣ вопросовъ, указанныя выше неудобства и вообще, а по вопросамъ о соучастіи въ особенности, влекутъ за собою рядъ недоумѣній, невыгодныхъ для правосудія, крайне казуистическую и, слѣдовательно, мертвящую кассаціонную практику и почти совершенно упраздняютъ право присяжныхъ участвовать въ постановкѣ вопросовъ.

Я приводилъ въ своемъ мѣстѣ процессъ Өедотова, кассированный Сенатомъ вслѣдствіе того, что судъ отказалъ присяжнымъ въ постановкѣ вопроса объ укрывательствѣ,

формулированнаго самими присяжными; этотъ отказъ былъ основанъ на томъ, что могъ быть поставленъ вопросъ только о недонесенiи, такъ какъ подсудимый обвинялся по 180 ст. Уст. о нак., (убытки свыше 500 р.), и приходилось бы вопреки закону поднимать обвиненiе. Такимъ образомъ судъ настаивалъ на томъ, чтобы присяжные формулировали вопросъ о недонесенiи, не примѣшивая фактическихъ данныхъ, указывавшихъ однако, неотразимо, на укрывательство; ввиду отказа въ постановкѣ вопроса въ ихъ редакцiи присяжные были вынуждены оправдать подсудимаго. Разсматривая приложенную къ дѣлу редакцiю вопроса, предложеннаго присяжными, Сенатъ нашелъ необходимымъ вновь пересмотрѣть дѣло и допустить постановку вопроса въ этой редакцiи, находя, что факты вопроса не выходятъ изъ предѣловъ недонесенiя; такъ какъ наличность признаковъ укрывательства стояла внѣ сомнѣнiя, то Сенатъ въ данномъ случаѣ сдѣлалъ въ интересахъ правосудiя отступленiе отъ закона и отъ своей же практики,— отступленiе, на которое въ свое время не рѣшался судъ; но ужъ было поздно и присяжные новаго состава на поставленный имъ вопросъ о виновности Ѳедотова въ редакцiи прежняго состава отвѣтили отрицательно.

Вотъ къ какимъ результамъ приводитъ формалистика, къ сожалѣнiю пока обязательная для судовъ во имя отжившаго принципа устраненiя присяжныхъ отъ рѣшенiя вопросовъ права.

III.

Если отбросить формальное отношенiе къ дѣлу, какъ совершенно чуждое присяжнымъ въ сферѣ доказательствъ и въ сферѣ рѣшенiй, то прежде всего приходится остановиться при разсмотрѣнiи тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается вердиктъ присяжныхъ, на фактической подкладкѣ этого вер-

дикта. Здѣсь намъ встрѣчается то слово, которое наиболѣе часто оглашаетъ залу засѣданія, значеніе его дѣйствительно огромно: *сомнѣніе,* толкуемое всегда въ пользу подсудимаго, не знаетъ разницы ни по свойству дѣянія, ни по характеру личности и играетъ свою роль въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, также какъ и въ ничтожныхъ, его отрицательный характеръ не мѣшаетъ ему въ иныхъ случаяхъ пріобрѣтать положительное значеніе, вызывая не только оправданіе и ограниченіе отвѣта, но даже смягченіе. Сомнѣніе не слѣдуетъ смѣшивать съ мнительностью, хотя нерѣдко послѣдняя является результатомъ перваго; прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что на судѣ присяжныхъ могущественно дѣйствуетъ изъ всѣхъ презумпцій — одна, презумпція невиновности подсудимаго: пусть это будетъ сомнѣніе въ достаточномъ развитіи подсудимаго, прикидывающагося глупымъ, пусть подсудимый отказывается предъявить документъ, имѣющій значеніе по дѣлу—сомнѣніе не обращается на него, а къ обвинителю предъявляется требованіе доказать развитость подсудимаго или то, что доказывающій вину документъ, дѣйствительно, существуетъ.

Непосредственное чувство говоритъ присяжнымъ, что лучше ошибиться въ сторону оправданія, чѣмъ въ сторону обвиненія,—вотъ почему, а вовсе не въ силу формализма по отношенію къ доказательствамъ, присяжные такъ часто въ случаяхъ неполнаго сознанія, согласно этому послѣднему, ограничиваютъ свой обвинительный отвѣтъ или даже переходятъ къ меньшему преступленію. Общій типъ приговоровъ присяжныхъ—это все-таки вердиктъ, крайне добросовѣстно установляющій фактическую сторону дѣла; нерѣдки, какъ мы знаемъ, крайне мягкіе приговоры, отказывающіе однако въ признаніи крайности, и обвинительные, хотя снисходительные, приговоры для несомнѣнно бѣдствовавшаго под-

судимаго, который, благодаря этому одному обстоятельству, еще не можетъ разсчитывать на безнаказанность.

Однако, когда предъявляемое къ подсудимому обвиненіе крайне сурово, причемъ опасность преступленія не такъ наглядна, какъ убійство, напримѣръ въ случаяхъ поддѣлки монеты или корыстныхъ угрозъ на письмѣ, то присяжные, дѣйствительно, очень склонны къ сомнѣніямъ преимущественно по отношенію къ составу преступленія, до такой степени склонны, что впадаютъ подчасъ въ мнительность; причемъ они начинаютъ снисходительно относиться къ показаніямъ подсудимаго, а по отношенію къ рецидивистамъ мнительность эта распространяется и на улики виновности вообще.

Итакъ мы подходимъ къ тому моменту, когда фактическая подкладка дѣла подвергается опасности исказиться, вслѣдствіе назрѣвающей у присяжныхъ потребности смягчить послѣдствія вердикта; вглядимся, насколько этотъ вторгающійся смягчающій элементъ можетъ повредить правосудности приговоровъ.

Я уже не разъ имѣлъ случай и на цифрахъ, и при анализѣ отдѣльныхъ преступленій указать, что смягченіе вердикта происходитъ все таки на фактической почвѣ и съ большимъ вниманіемъ къ тому, чтобы смягченіе не было чрезмѣрно; къ этой осторожности побуждаетъ присяжныхъ, какъ принципъ относительной справедливости, т. е. оглядка на прежнихъ и грядущихъ подсудимыхъ, такъ и совершенно законное опасеніе, чтобы подсудимый не заключилъ изъ приговора съ чрезмѣрными ограниченіями, что ему удалось „обморочить“ судей. Выражается эта осторожность наглядно въ томъ, что рядомъ съ ограниченіемъ далеко не всегда дается снисхожденіе; въ послѣднемъ присяжные обыкновенно отказываютъ и при переходѣ съ перваго вопроса на второй; сюда относится ограниченіе стоимости похищеннаго,

опредѣляемой на основаніи рыночной цѣны или суммы вырученной закладомъ, а также ограниченіе вины въ подлогѣ— виновностью въ поддѣлкѣ пакета безъ поддѣлки подписи, или признаніе, напримѣръ, только взлома по одной изъ нѣсколькихъ кражъ, или крайности только по первой кражѣ и т. п.; словомъ, даже соображеніе о чрезмѣрной строгости наказанія обыкновенно не увлекаетъ присяжныхъ въ сторону свойственнаго имъ пути, опредѣляемаго фактической добросовѣстностью.

Нельзя не сказать однако, что въ исключительныхъ случаяхъ, въ особенности при обвиненіяхъ въ покушеніяхъ, слѣдовательно, при отсутствіи вреда, причемъ подсудимый оказывается выдержавшимъ уже срокъ предварительнаго заключенія, присяжные рѣшаются поступиться ради смягченія отвѣтственности и фактами дѣла; но и въ этомъ случаѣ они обыкновенно задумываются надъ тѣмъ, чтобы не дойти до безнаказанности; если нельзя смягчить немного, то они предпочитаютъ смягчить чрезмѣрно, остановиться на ничтожномъ сравнительно преступленіи, но не произнести оправдательнаго приговора. Такіе наиболѣе мягкіе приговоры обыкновенно встрѣчаются въ дѣлахъ, гдѣ приходится принимать въ соображеніе грубость нравовъ среды, воспитавшей подсудимаго.

Есть разрядъ приговоровъ, относящихся почти исключительно къ должностнымъ преступленіямъ, такъ называемымъ „противъ системы", гдѣ уклоненіе отъ фактической точности, допускается изрѣдка даже намѣренно, такъ какъ самый вердиктъ получаетъ характеръ протеста противъ того или другого непорядка; таковы, напримѣръ, встрѣчающіяся, довольно впрочемъ рѣдко, оправданія въ самовольномъ возвращеніи изъ мѣстъ административной высылки ввиду того, что сознавшійся подсудимый убѣдилъ присяжныхъ въ совершенной невозможности содержать себя работой тамъ, куда

его выслали; такой характеръ имѣютъ иногда и обвинительные приговоры, напримѣръ въ томъ случаѣ, если обвиняемое въ должностномъ преступленіи лицо, будучи съ формальной стороны неуязвимо, тѣмъ не менѣе не исполнило своихъ человѣческихъ и гражданскихъ обязанностей, прикрываясь отжившими порядками даннаго учрежденія.

Существенными элементами вердикта, не только по вліянію ихъ на наказаніе, но и по впечатлѣнію, производимому на присяжныхъ, являются, такъ-называемыя, уменьшающія и увеличивающія вину обстоятельства; здѣсь намъ придется коснуться только наиболѣе общихъ, и притомъ недостаточно изслѣдованныхъ выше, обстоятельствъ; напримѣръ о состояніи крайней необходимости, вызывающей помилованіе, а также о крайности и неимѣніи средствъ было уже достаточно говорено, но давность преступленія была затронута только мимоходомъ. Значеніе давности на судѣ присяжныхъ затемняется нѣсколько тѣмъ, что время стираетъ до извѣстной степени слѣды преступленія и неясныя очертанія доказательствъ, порождая сами по себѣ фактическія сомнѣнія, приводятъ за собой оправданіе; однако при доказанности вины наблюдается эмпирическій законъ слѣдующаго содержанія: преступникъ, ловко скрывавшій свое дѣяніе или самъ ловко уклонявшійся отъ преслѣдованія, теряетъ право на то естественное смягчающее дѣйствіе, которое время оказываетъ на вину, а это дѣйствіе на судѣ присяжныхъ очень значительно; оно доходитъ до того, что вопреки 162 ст. Ул. не только смягчается, но и совершенно погашается отвѣтственность за давно возникшее „безпрерывно продолжающееся“ преступленіе; такъ напримѣръ, присвоеніе чужихъ знаковъ отличія или наименованіе чужимъ именемъ; съ другой стороны, есть разряды дѣлъ, въ которыхъ по сложности ихъ или по служебному положенію обвиняемыхъ неизбѣжно протекаетъ значительный періодъ времени, прежде чѣмъ со-

вершенное преступленіе, предстанетъ на судъ присяжныхъ; въ подобныхъ случаяхъ давность, составляющая, такъ сказать, неизбѣжный элементъ разбираемаго дѣла, никакого значенія въ пользу подсудимаго не имѣетъ.

Совокупность, не вліяющая, какъ мы знаемъ, на присяжныхъ въ отношеніи къ доказательствамъ, такъ какъ послѣднія не переносятся съ одного обвиненія на другое, значительно вліяетъ на рѣшеніе, такъ что, напримѣръ, такая совокупность, какъ проживаніе по паспорту, который былъ украденъ тѣмъ же подсудимымъ, уже вызываетъ строгій вердиктъ; точно также рядъ, хотя бы и мелкихъ растратъ, характеризуя растратчика, какъ хищника, заставляетъ относиться къ нему болѣе строго.

Здѣсь мы близко подходимъ къ обстоятельству, имѣющему могущественное значеніе, то въ пользу, то во вредъ подсудимаго, а именно—къ репутаціи; понимаемая въ англійскомъ смыслѣ слова репутація есть ничто иное, какъ та же совокупность привычныхъ подсудимому въ прежней допреступной жизни хорошихъ или дурныхъ поступковъ.

Вообще говоря, хорошая репутація даже и для плохого въ сущности человѣка служитъ на пользу, заставляя отнестись къ нему мягче: но обыкновенно присяжные меньше обращаютъ вниманія на нравственную личность подсудимаго вообще; ихъ гораздо больше интересуетъ—представляется ли подсудимый ввиду прежней своей жизни привычнымъ преступникомъ или преступленіе было вызвано исключительнымъ для него, единственнымъ въ его жизни стеченіемъ обстоятельствъ. Если таково его положеніе въ глазахъ присяжныхъ, то не только по отношенію къ нему соблюдается крайняя осторожность при изслѣдованіи, но онъ можетъ разсчитывать на наиболѣе мягкій приговоръ, на ограниченіе и снисхожденіе одновременно, даже независимо отъ сознанія или несознанія его.

Совершенно обратное положенie занимаетъ ловкiй и злой хищникъ, привычность котораго къ преступленiю въ глазахъ присяжныхъ совпадаетъ съ неисправимостью, а послѣдняя въ особенности въ соединенiи съ запирательствомъ заставляетъ присяжныхъ думать о томъ, какъ бы не дать поблажки такому типу; надо сказать, что не всегда присяжные застрахованы отъ того, чтобы въ свойственномъ имъ, какъ непрофессiональнымъ судьямъ, оптимизмѣ, не ошибиться и не принять личины наивности и маски кающагося за дѣйствительность, но и тутъ они далеки отъ того, чтобы положиться на чисто формальные признаки; доказательствомъ этому служитъ то, что они нерѣдко признаютъ неисправимыми преступниками и сравнительно безпощадно относятся къ лицамъ судимымъ въ первый разъ; нельзя не отмѣтить, однако, что общее правило о смягченiи вердикта ввиду чрезмѣрности наказанiя оказываетъ свое дѣйствiе и по отношенiю къ неисправимому рецидивисту, упорно запиравшемуся въ своей винѣ, хотя обыкновенно такое смягченiе не идетъ далѣе признанiя подсудимаго, заслуживающимъ снисхожденiя.

Какъ ни строго относятся присяжные къ рецидивистамъ, но если вникнуть въ вердикты, выносимые послѣднимъ, то надо будетъ признаться, что и представителямъ этого типа, для котораго судъ и по мысли присяжныхъ часто можетъ быть только машиною, эти судьи совѣсти всегда выносятъ приговоры обдуманные во всѣхъ частностяхъ; это въ особенности наглядно сказывается при внимательномъ разсмотрѣнiи того, какъ распредѣляется между рецидивистами снисхожденiе.

На первомъ планѣ въ ряду рецидивистовъ, не пользующихся *снисхожденiемъ,* стоятъ рецидивисты привычные, названiе, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ рецидивистомъ вообще, въ которой бы онъ кражѣ по счету не обвинялся;

эпитетъ „привычный“ опять обозначаетъ здѣсь человѣка неисправимаго, дѣйствующаго по ремеслу, иногда съ дѣтства уже влачащаго преступную жизнь и потому особенно опаснаго; такая закоснѣлость въ преступленіяхъ можетъ сказаться какъ въ характерѣ совершенныхъ преступленій, такъ и въ томъ, что къ подсудимому предъявляется нѣсколько обвиненій одновременно; обыкновенными признаками этой разновидности является рѣзко выраженная злобность, наклонность къ инсинуаціямъ на судѣ и кляузничеству. Для неисправимыхъ рецидивистовъ, дѣйствіе общаго правила— непризнаніе ихъ заслуживающими снисхожденія, независимо отъ сознанія или несознанія, не мѣшаетъ, однако примѣненію различныхъ формъ смягченія на почвѣ фактическихъ ограниченій.

Обращаясь къ обыкновеннымъ рецидивистамъ, мы видимъ, что присяжные за рѣдкими исключеніями систематически отказываютъ имъ въ снисхожденіи почти независимо отъ сознанія или несознанія ихъ, такъ что эмпирическій законъ можно формулировать такъ: число сознающихся рецидивистовъ приблизительно равно несознающимся; снисхожденіе по исключеніи дается рецидивисту при сознаніи въ одномъ случаѣ изъ трехъ, а при несознаніи — въ одномъ случаѣ изъ восьми. Что касается въ частности мотивовъ, вызывающихъ снисхожденіе для рецидивистовъ, то они сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующимъ: иногда рецидивистъ представляется наименѣе опаснымъ типомъ, такъ какъ похищаетъ, напр., исключительно вещи ничтожной цѣнности, или, наоборотъ, поддался необычному по силѣ соблазну; точно также онъ можетъ вызывать особое состраданіе ввиду того хроническаго подозрѣнія, съ которымъ къ нему относятся окружающіе, вслѣдствіе этого часто въ формулярѣ такого подсудимаго значится рядъ прекращенныхъ преслѣдованій, за которыя однако онъ подвергался предваритель-

ному заключенію, или даже административнымъ стѣсненіямъ. Затѣмъ снисхожденіе дается рецидивистамъ иногда во избѣжаніе грозящаго строгаго наказанія и въ особенности выдержавшимъ значительный срокъ предварительнаго заключенія; послѣднимъ снисхожденіе дается какъ бы ввидѣ зачета. Итакъ самые строгіе приговоры все-таки сохраняютъ черты осторожности даже въ такихъ дѣлахъ, гдѣ борьба съ преступленіемъ по сознанію самихъ присяжныхъ имѣетъ характеръ самообороны общества. Этотъ же характеръ рѣзко сказывается и въ наиболѣе опасныхъ преступленіяхъ, вызывающихъ особенно рѣшительные, несмотря на тяжесть наказанія, приговоры.

Изучая вообще случаи, въ которыхъ присяжные признаютъ подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, прежде всего замѣчаемъ, что наиболѣе часто такое снисхожденіе даруется сознающимся подсудимымъ. Разумѣется, я въ данномъ случаѣ уже говорю о нерецидивистахъ; дѣйствительно эти послѣдніе пользуются болѣе благопріятнымъ положеніемъ на судѣ; для нихъ признаніе однихъ фактовъ безъ внутренней стороны дѣянія, неполное сознаніе вообще, уже считается за сознаніе въ смыслѣ обстоятельства, вызывающаго снисхожденіе, и даже прямое несознаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно объясняется страхомъ грозящаго наказанія, тоже не мѣшаетъ дарованію снисхожденія; такое же значеніе имѣетъ и первая судимость, предварительное заключеніе и наконецъ такія условія жизни, которыя позволяютъ примѣнить къ подсудимому съ дѣйствительнымъ правомъ тотъ эпитетъ „несчастнаго“, которымъ обыкновенно такъ злоупотребляютъ; при такихъ условіяхъ уничтожается разница между сознаніемъ и несознаніемъ; когда же этихъ условій нѣтъ на лицо и напр., сознаніе у слѣдователя взято назадъ, и на судѣ подсудимый упорно повторяетъ—„знать не знаю,

вѣдать не вѣдаю“ или крайне недобросовѣстно защищается, то, разумѣется, отказъ въ снисхожденіи неизбѣженъ.

Итакъ, можно заключить, что независимо отъ сознанія или несознанія, присяжные отказываютъ съ снисхожденіи или даруютъ его въ зависимости отъ свойства дѣянія и отъ характера личности подсудимаго: нѣтъ снисхожденія за совершеніе особо тяжелыхъ, дерзкихъ, особо опасныхъ, звѣрскихъ преступленій. Когда въ личности подсудимаго сказывается привычный хищникъ (горбатаго могила исправитъ) или хотя въ первый разъ попавшійся, но очень дурной, дерзкій, развратный, хитрый и вѣроломный, что называется, отпѣтый человѣкъ, тогда даже тяжесть грозящаго наказанія не служитъ достаточнымъ побужденіемъ для дачи снисхожденія; оно дается, однако, по исключеніямъ и дурному человѣку, на пути котораго неожиданно всталъ слишкомъ большой соблазнъ, или, какъ я уже говорилъ выше, несчастному по условіямъ матеріальнымъ, семейнымъ или личнымъ, или просто запутавшемуся человѣку, въ которомъ рѣзко сказывается, что его преступленіе ничто иное какъ печальная случайность.

Не отказывая несовершеннолѣтнимъ въ снисхожденіи вообще, присяжные даже при сознаніи не даютъ его подсудимому подходящему подъ опредѣленіе: „изъ молодыхъ, да ранній“; при этомъ наблюдается, что изъ двухъ обвиняемыхъ несовершеннолѣтнихъ обыкновенно снисхожденіе дается только младшему.

Разсматривая элементы вердикта, я имѣлъ случай подробно остановиться на разсмотрѣніи эмпирическихъ законовъ большей или меньшей широты; въ настоящее время пора перейти къ изложенію того эмпирическаго закона, который будучи, можно сказать, единогласно признанъ и въ теоріи, и въ практикѣ представляется въ тоже время, всеобъемлющимъ. Этотъ законъ гласитъ, что въ основаніи каждаго

вердикта лежитъ убѣжденіе въ необходимости наказать подсудимаго или убѣжденіе въ справедливости признанія его невиновнымъ и, слѣдовательно, установленіе ненаказуемости его въ данномъ случаѣ.

Этотъ руководящій, неуклонно дѣйствующій на судѣ присяжныхъ, принципъ прежде всего проявляется въ отношеніи присяжныхъ къ тѣмъ изъ подсудимыхъ, которыхъ присяжные, признавая ихъ виновными, не находятъ однако справедливымъ наказать и потому, за отсутствіемъ подходящей формулы отвѣта, просто оправдываютъ; во второмъ ряду стоятъ лица можетъ быть и виновные съ точки зрѣнія закона, но не подлежащіе согласно даннымъ правосознанія присяжныхъ обвиненію по суду, даже независимо отъ характера и возможныхъ размѣровъ отвѣтственности. Говоря о первыхъ, о виновныхъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ явленіемъ, которое уже неоднократно разсматривалось выше подъ общимъ именемъ зачета.

Зачетъ предварительнаго заключенія, зачетъ уже понесеннаго въ той или другой формѣ наказанія, напр., административнаго взысканія или длиннаго ряда матеріальныхъ или нравственныхъ лишеній на пространствѣ значительнаго времени, какъ слѣдствіе преступленія — все это обстоятельства, дающія поводъ къ такому судейскому умозаключенію, большой посылкой котораго является нѣсколько вульгарное изрѣченіе: съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ; въ переводѣ на классическій юридическій языкъ оно звучитъ гораздо красивѣе: ne bis in idem, говорили древніе римляне и свидѣтельствуютъ предъ нами такимъ образомъ, что справедливость зачета признавалась съ древнѣйшихъ временъ.

Предъ лицомъ этого правила личность преступника не играетъ роли: зачетъ дѣйствуетъ одинаково, не различая рецидивиста отъ случайнаго преступника, не сознавшагося

отъ сознавшагося, хотя послѣдній имѣетъ больше шансовъ на примѣненіе къ нему зачета; бываютъ случаи, о которыхъ стоитъ упомянуть особо: условія, обыкновенно вызывающія зачетъ, иногда пріобрѣтаютъ особенную силу въ связи съ нѣкоторою неясностью дѣла, такъ сказать, сомнительностью виновности въ оттѣнкахъ ея; въ подобныхъ случаяхъ эти условія могущественно вліяютъ въ пользу подсудимаго, усиливая скептическое отношеніе присяжныхъ къ доводамъ обвиненія о необходимости наказать подсудимаго.

Соображенія о наказуемости даннаго дѣянія касаются не только степени отвѣтственности, какъ напр., при зачетѣ, но имѣютъ большею частью въ виду необходимость отвѣтственности или отсутствіе надобности въ ней; такимъ образомъ основное стремленіе суда присяжныхъ сводится къ преслѣдованію зла, причиняющаго вредъ обществу, а не именно нарушенія закона; при этомъ и наказаніе согласно этому утилитарному принципу не должно вредить общественному интересу, портя жизнь единицъ безъ крайней въ томъ необходимости.

Незнаніе присяжными закона можетъ, разумѣется, въ иныхъ случаяхъ привести къ результатамъ, неожиданнымъ для нихъ самихъ, и въ такихъ случаяхъ они не скрываютъ своей досады по поводу неудачнаго вердикта; таковы, например, случаи ненаказуемости за примиреніемъ обвиненнаго въ нанесеніи легкихъ ранъ, если тяжесть ихъ была отвергнута ради смягченія наказанія. Въ доказательство этой заботы о наказуемости я могу сослаться на такое заявленіе присяжныхъ: однажды при обвиненіи по 362 ст., когда еще эти дѣла вѣдались присяжными, они заявили мнѣ, что „боялись выкинуть корысть, чтобы не вышло оправданія“.

Вопросъ о наказуемости, однако, рѣшается на фактической почвѣ, а не по характеру дѣянія или личности, т. е. не встрѣчается огульныхъ обвиненій заодно въ обоихъ

преступленіяхъ, хотя бы одно изъ нихъ было недостаточно доказано.

Тоже наблюдается и по отношенію къ ограниченіямъ, въ основаніи которыхъ обыкновенно лежитъ фактическая подкладка и въ преслѣдованіи преступленій противъ системы, которыя наказуемы только въ случаяхъ дѣйствительно проявленной злой воли.

Примиреніе съ потерпѣвшимъ или прощеніе имъ подсудимаго, не прекращающее дѣла по закону, не вліяетъ въ этомъ смыслѣ и на вердиктъ, если дѣло имѣетъ сколько-нибудь общественное значеніе, если оно причинило большой вредъ, или если примиряющійся потерпѣвшій видимо не понимаетъ, что теряетъ право, напримѣръ, на возмѣщеніе убытковъ. Говоря о прощеніи частными лицами, естественно сопоставить его съ тѣмъ, что принято называть помилованіемъ въ дѣятельности суда присяжныхъ, здѣсь прежде всего полезно вспомнить, что разсмотрѣніе обвинительныхъ приговоровъ по альтернативнымъ вторымъ вопросамъ привело насъ къ выводу, что у присяжныхъ не наблюдается столь естественное у милующаго настроеніе, въ силу котораго, прощая бóльшее дѣяніе, прощаютъ кстати и меньшее; значительное большинство случаевъ, имѣющихъ видъ помилованія, относятся къ оправданію лицъ, воля которыхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ несвободна, но мы уже знаемъ, что здѣсь нѣтъ прощенія. Такой оправдательный приговоръ представляется закономѣрнымъ, такъ какъ у подсудимаго отсутствуетъ свобода самоопредѣленія, т. е. нѣтъ нравственной вины; сюда же отойдутъ тѣ случаи, когда рядомъ съ „душой преступленія“ въ лицѣ одного подсудимаго судится другой, взрослый или ребенокъ, но запутанный и вовлеченный въ преступное дѣяніе этимъ первымъ. Рядомъ съ этимъ особенно рельефно выдѣляется значеніе раскаянія на судѣ, такъ какъ нераскаяніе не пользуется благами прощенія; наблю-

даются вердикты, гдѣ по аналогіи со 2 ч. 573 ст. признается не подлежащимъ наказанію тотъ, кто, вовремя обнаруживъ преступное дѣйствіе соучастниковъ, остановилъ зло въ самомъ началѣ, проявивъ этимъ въ извѣстной мѣрѣ раскаяніе.

Если перебрать всѣ отдѣльныя преступленія съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, что наказуемо на судѣ присяжныхъ, что нѣтъ, то надо будетъ придти къ выводу, что всѣ преступленія безъ исключенія, при извѣстныхъ условіяхъ наказываются, что, слѣдовательно, нѣтъ такихъ подсудимыхъ, которые могли бы разсчитывать на безнаказанность только потому, что они совершили привиллегированное, такъ сказать, преступленіе, не преслѣдуемое судомъ присяжныхъ; точно также и извѣстныя отношенія потерпѣвшихъ къ обвиняемому въ силу родственныхъ, брачныхъ и другихъ связей не могутъ быть отнесены къ числу причинъ, которыя бы всегда гарантировали опредѣленный исходъ въ смыслѣ наказуемости или ненаказуемости.

Итакъ судъ присяжныхъ всегда рѣшаетъ данный конкретный случай согласно его особенностямъ, а не по шаблону; по отношенію къ личности подсудимаго законъ наказуемости таковъ: отвѣтственны въ особенности личности испорченныя, неисправимыя и потому опасныя, вредныя въ обществѣ—люди, проявившіе по отношенію къ потерпѣвшему особую жестокость или даже только безсердечіе; въ подобныхъ случаяхъ наказаніе по суду присяжныхъ пріобрѣтаетъ характеръ возмездія: преступнику отмѣряется тою же мѣрою, которою мѣрилъ и онъ.

Общественное значеніе наказанія сказывается въ томъ, что дѣянія, совершаемыя, такъ сказать, въ домашней обстановкѣ, наказуемы, если они переходятъ извѣстные предѣлы, за которыми уже нарушаются публичные интересы; даже ничтожное, напримѣръ, служебное злоупотребленіе, если оно стало при-

вычнымъ для даннаго должностного лица, уже карается въ видахъ общественнаго интереса и только въ исключительныхъ случаяхъ, если законопротивная дѣятельность должностного лица является прямымъ результатомъ безпорядковъ даннаго учрежденія, то подсудимый, нарушившій свой ид альный служебный долгъ, не наказывается ввиду безцѣльности воздѣйствовать такимъ способомъ на человѣка тамъ, гдѣ имѣло бы смыслъ только измѣненіе всего устройства. Въ особенности умѣстна такая ненаказуемость, когда злоупотребленія по службѣ совершались на пользу отдѣльныхъ частныхъ лицъ безъ особыхъ дурныхъ видовъ; вотъ почему при отсутствіи вреда отъ дѣйствій должностного лица, присяжные при снисходительномъ отзывѣ начальства или при отказѣ прокурора отъ обвиненія, легко оправдываютъ подсудимаго.

Вообще вердиктъ присяжныхъ въ значительной степени имѣетъ ввиду защитить интересы потерпѣвшаго съ той ихъ стороны, гдѣ они близко подходятъ къ интересамъ общественнымъ, но въ общемъ стремленіе защитить болѣе слабаго составляетъ характерную черту суда присяжныхъ.

Распредѣляя преступныя дѣянія по типамъ, къ которымъ они могутъ быть сведены сообразно основнымъ чертамъ, обусловливающимъ обыкновенно оправданіе, надо особо отмѣтить формальныя нарушенія; здѣсь мы на первомъ планѣ встрѣчаемъ нарушенія, совершаемыя женщиной, за которой какъ бы установилось право не знать законовъ; также неотвѣтственъ тотъ, кто причинилъ какой-либо вредъ порядку по недоразумѣнію или по крайности; даже плохіе люди не отвѣчаютъ за формальное нарушеніе закона, если оно послѣдовало не изъ корыстныхъ видовъ. Также отрицательно относятся присяжные къ случаямъ, такъ называемой, идеальной совокупности, гдѣ они не признаютъ возможнымъ наказывать за два дѣянія, изъ которыхъ одно составляетъ приго-

товленіе къ другому или укрывательство его. Въ сферѣ соучастія обыкновенно ненаказуемымъ является несовершеннолѣтній обвиняемый, завлеченный старшими, въ особенности имѣющими надъ нимъ власть, напримѣръ родителями.

Затѣмъ важны особенности личности подсудимаго: личность подсудимаго, если она представляется присяжнымъ недостаточно развитой или подверженной крайнимъ увлеченіямъ, вызываетъ къ себѣ такое сочувствіе, которое сравнительно легко ведетъ къ оправданію, на томъ основаніи, что подобный подсудимый самъ нуждается въ охранѣ.

Наконецъ однимъ изъ главныхъ основаній оправдательныхъ приговоровъ, кромѣ невыгодныхъ условій постановки дѣла на судѣ, является несоотвѣтствіе уголовныхъ законовъ дѣйствительной жизни, т. е. правосознанію присяжныхъ.

Я уже достаточно подробно останавливался на относящихся сюда примѣрахъ и на соображеніяхъ, установливающихъ правомѣрность такой дѣятельности русскихъ присяжныхъ засѣдателей; поэтому, заканчивая свое изложеніе эмпирическихъ законовъ, управляющихъ самими присяжными, я позволю себѣ установить слѣдующіе окончательные выводы. На судѣ присяжныхъ признается преступленіемъ дѣяніе, которое, будучи изъ числа запрещенныхъ закономъ, въ тоже время въ данномъ частномъ случаѣ нанесло нравственный или матеріальный вредъ общественнымъ или частнымъ интересамъ; наказаніе же представляется однимъ изъ способовъ защиты этихъ интересовъ не только чрезъ возстановленіе попранныхъ правъ, но и путемъ воздѣйствія на самого преступника въ смыслѣ личнаго исправленія его или чрезъ лишеніе его внѣшними средствами возможности вредить кому бы то ни было. Итакъ на судѣ присяжныхъ на законной почвѣ и въ закономъ установленныхъ условіяхъ происходитъ плодотворная встрѣча писаннаго уголовнаго закона съ жизненными воззрѣніями членовъ общества, призванныхъ

выражать ихъ, и продуктомъ закономѣрной борьбы между ними является конкретная справедливость т. е. живое право; это, соотвѣтствующее не только идеѣ, но и чувству справедливости право опредѣляетъ, какъ именно и въ какой мѣрѣ попранный въ данномъ случаѣ интересъ можетъ быть въ данное время защищенъ судомъ, дѣйствующимъ внѣ всякихъ постороннихъ идеѣ суда вліяній.

Необходимость судейскаго безпристрастія такая же аксіома, какъ необходимость юридической и нравственной независимости для судьи, призваннаго поддерживать общественный порядокъ на уровнѣ современной судьѣ культуры.

Какъ-бы высоко ни стоялъ русскій коронный судья, эти два необходимыхъ условія всегда неизмѣримо полнѣе осуществляются въ присяжномъ засѣдателѣ: будучи призываемъ изъ всѣхъ сословій, притомъ временно и по жребію, стоя въ сторонѣ отъ условностей судейской жизни, свободный поэтому отъ сословныхъ, кастовыхъ и всякихъ вліяній вѣдомствъ и лицъ,—русскій присяжный засѣдатель не только юридически, но и фактически является въ исключительно-благопріятномъ для правосудія положеніи человѣка, могущаго и, какъ показываетъ предыдущее изложеніе, неуклонно стремящагося творить на пользу общую живое право вполнѣ независимо и безпристрастно и въ связи съ этимъ—справедливо и человѣчно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Цѣна съ атласомъ 4 руб.

